

СУДЬБА
И ИСТОРИЯ

ПРЕДАТЕЛЬСТВА

АНАТОМИЯ

АНДРЕЯ
ВЛАСОВА

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ

ГЕНЕРАЛ ИЗ ТРЯСИНЫ

Table of Contents

[Annotation](#)

[Николай Коняев Генерал из трясины. Судьба и история Андрея Власова.](#)

[Анатомия предательства](#)

[Предисловие](#)

[Генерал из трясины. Судьба Андрея Андреевича Власова](#)

[Часть первая. Власов до Власова](#)

[Глава первая](#)

[Глава вторая](#)

[Глава третья](#)

[Глава четвертая](#)

[Глава пятая](#)

[Глава шестая](#)

[Глава седьмая](#)

[Часть вторая. Трагедии окруженной армии](#)

[Глава первая](#)

[Глава вторая](#)

[Глава третья](#)

[Глава четвертая](#)

[Глава пятая](#)

[Глава шестая](#)

[Глава седьмая](#)

[Часть третья. В трясине](#)

[Глава первая](#)

[Глава вторая](#)

[Глава третья](#)

[Глава четвертая](#)

[Глава пятая](#)

[Глава шестая](#)

[Глава седьмая](#)

[Часть четвертая Власов делает выбор](#)

[Глава первая](#)

[Глава вторая](#)

[Глава третья](#)

[Глава четвертая](#)

[Глава пятая](#)

[Глава шестая](#)

[Глава седьмая](#)

[Часть пятая. Создание Русской освободительной армии](#)

[Глава первая](#)

[Глава вторая](#)

[Глава третья](#)

[Глава четвертая](#)

[Глава пятая](#)

[Глава шестая](#)

[Глава седьмая](#)

[Часть шестая. Куда шли власовцы?](#)

[Глава первая](#)

[Глава вторая](#)

[Глава третья](#)

[Глава четвертая](#)

[Глава пятая](#)

[Глава шестая](#)

[Глава седьмая](#)

[Часть седьмая Секретный арестант № 31](#)

[Глава первая](#)

[Глава вторая](#)

[Глава третья](#)

[Глава четвертая](#)

[Глава пятая](#)

[Глава шестая](#)

[Глава седьмая](#)

[Приложение. Андрей Андреевич Власов](#)

[Автобиография на комбрига Андрея Андреевича Власова](#)

[Записка, составленная в винницком лагере](#)

[Обращение русского комитета к бойцам и командирам красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского союза \(смоленская декларация\)](#)

[Почему я стал на путь борьбы с большевизмом](#)

[Манифест комитета освобождения народов России](#)

[Письма А.А. Власова своим женам](#)

[Документы](#)

[Справка о положении 2-й Ударной армии Волховского фронта за период январь — июль 1942 года](#)

[Записка начальнику особого отдела НКВД Волховского фронта](#)

[Записка майора Мельникова заместителю Наркома внутренних дел Абакумову](#)

[Протокол допроса обвиняемого Конькова Николая Васильевича](#)

[Допрос Генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова у немцев 14 июля 1942 года](#)

[Стенограмма совещания в горной резиденции Гитлера 3 июня 1943 года](#)

[Переговоры А. А. Власова с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции](#)

[Послание митрополита Анастасия генералу Эйзенхауэру, главе союзных сил в Западной Европе](#)

[Меморандум](#)

[Из протокола судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по обвинению:](#)

[Сподвижники А.А. Власова](#)

[Азберг Владимир Гаврилович](#)

[Антонов \(Берзин\) Ростислав Львович](#)

[Благовещенский Иван Алексеевич](#)

[Богданов Михаил Васильевич](#)

[Боярский Владимир Ильич](#)

[Буняченко Сергей Кузьмич](#)

[Жиленков Георгий Николаевич](#)

[Закутный Дмитрий Ефимович](#)

[Зверев Григорий Александрович](#)

[Зыков Мелетий Александрович](#)

[Корбуков Владимир Денисович](#)

[Кромиади \(Санин\) Константин Григорьевич](#)

[Малышкин Василий Федорович](#)

[Мальцев Виктор Иванович](#)

[Меандров Михаил Алексеевич](#)

[Трухин Федор Иванович](#)

[Шатов Николай Степанович](#)

[Хронология жизни А.А. Власова](#)

[Литература](#)

[Фото](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)

[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[86](#)
[87](#)
[88](#)
[89](#)
[90](#)
[91](#)
[92](#)
[93](#)
[94](#)
[95](#)
[96](#)
[97](#)

Annotation

Николай Коняев представляет свой взгляд на историю судьбы генерал-лейтенанта Красной армии Андрея Власова, прошедшего путь от любимца Сталина, сделавшего головокружительную военную карьеру, до изменника Родины.

Вас ждет рассказ о Великой Отечественной войне и об одном из самых ее трагичных эпизодов — гибели под Ленинградом 2-й Ударной армии. А также о драматичной истории Русской освободительной армии, сформированной из красноармейцев и офицеров, оказавшихся в немецком плену. Это и рассказ о людях, окружавших генерала.

В увлекательной форме, на основе документальных материалов, личных писем Власова и записей из дневников участников событий, автор последовательно создает картину минувших дней.

Николай Коняев

Генерал из трясины. Судьба и история Андрея Власова. Анатомия предательства

Предисловие

Долгое время практически все материалы, связанные с генералом Власовым, были засекречены, а на их месте воздвигался пропагандистский миф о генерале, задумавшем едва ли не с колыбели изменить Родине и ставшем в результате ее злейшим врагом.

За рубежом в это время активно выстраивался другой миф о генерале, который якобы нашел третий (против Сталина и Гитлера) путь. Миф этот в силу своей запрещенности обладал в СССР некоторой привлекательностью, хотя и тогда, даже при беглом знакомстве с ним, зиял пустотами и натяжками.

Поэтому-то в 1993 году, когда режиссер Алексей Александрович Салтыков предложил мне написать сценарий фильма про генерала Власова, я не сразу решился взяться за эту работу.

Но Алексей Александрович уже давно готовился к своему фильму. Он передал мне толстенную папку с воспоминаниями бойцов и командиров Второй Ударной армии, с многочисленными архивными документами: донесениями, справками, протоколами допросов, касающимися судьбы генерала Власова. Материал этот был настолько интересным и неожиданным, что отказываться не было больше никакой возможности.

Сценарий мы писали совместно, и, когда работа была завершена, я вернулся в Санкт-Петербург, а через неделю, 10 апреля 1993-го да раздался телефонный звонок.

Звонил Виктор Степанович — директор нашей картины.

— Салтыков умер...

Увы... Алексею Александровичу не удалось снять задуманный им фильм.

Ну, а документы, многие из которых тогда еще не были опубликованы, остались у меня, как и записи разговоров с людьми, знавшими Власова, как и мысли о непростой и такой горестной судьбе русского человека, ставшего изменником Родины.

В результате я написал документальную повесть «Власов до Власова», рассказывающую о судьбе генерала до его пленения. Повесть публиковалась много раз в журналах и сборниках, а потом издательство предложило мне выпустить ее отдельной книгой, дополнив при этом главами о деятельности генерала в немецком плену.

Когда в 2001 году моя книга «Два лица генерала Власова» вышла в свет, я, разумеется, осознавал, что ни темой исторического повествования, ни выбором персонажа истории удивить кого-то на нашем столь насыщенном книжном рынке невозможно, но действительность превзошла все пессимистические ожидания. Почти одновременно с моей вышло еще три книги о генерале Власове.

В одной из них Власов традиционно представлял человеком, с курсантских лет озлобившимся на советскую власть, задумавшим предать и предавшим Родину.

В другой книге генерал был изображен почти идейным борцом со сталинизмом, перешедшим на сторону Гитлера, чтобы освободить Родину от гнета Сталина.

Ну, а автор третьей книги, бывший редактор военно-исторического журнала Виктор Филатов попытался доказать, что Власов был тайным советским агентом, которого сам Сталин и заслал к немцам...

В принципе, тогда можно было стать свидетелем такой сцены.

Человек приходил в магазин и спрашивал книгу о генерале Власове. Продавец уточнял, а про какого Власова хочется приобрести книгу? Про того, который предатель Родины, или про того, который борец со Сталиным? Или, может быть, нужна книга про Власова — тайного агента Сталина?..

Я свою книгу писал строго по документам и документальным свидетельствам, не отбрасывая ничего из того, что по каким-то причинам не нравилось мне, и Власов в моей книге был совершенно непохожим на Власова из книг, появившихся на рынке.

— Про какого же Власова тогда ваша книга? — спросили у меня однажды на встрече с читателями, когда я рассказал историю про бойкого продавца.

— Про того Власова, каким он был на самом деле, — ответил я, и остаюсь при этом мнении и сейчас, когда про мою книгу написано столько хвалебных и разгромных статей и отзывов, что если собрать их вместе, то получится издание, значительно превышающее объемом мой труд.

Потом были переиздания: «Власов. Два лица генерала» и «Власов. Анатомия измены». И каждое из них выходило с соответствующими — я благодарен критикам, указавшим мне на неточности и ошибки предшествовавших изданий! — правками и дополнениями за счет новых материалов, позволявших углубить повествование.

Таково и новое издание.

Благодаря деятельности добросовестных историков за последние годы удалось найти и опубликовать многие новые документы, связанные как с личностью самого генерала Власова, так и с движением, которое принято называть власовским. Для доработки своей книги я использовал как эти материалы, так и те, которые удалось найти самому.

И еще при создании этого варианта книги мне хотелось ответить на вопрос, почему так остро воспринимаются и сейчас, семь десятилетий спустя, те события.

Минувшим летом мне довелось побывать в Донском монастыре в Москве.

Приложился к иконе, помолился у мощей святителя Тихона, потом вышел из храма и долго бродил под дождем по кладбищу, читая дорогие русскому сердцу имена на надгробьях. А.П. Сумароков, М.М. Херасков, В.Ф. Одоевский, В.И. Майков, И.С. Шмелев, И.А. Ильин...

И так хорошо было на этом кладбище, что и дождь не мешал.

А когда уже уходил, вдруг потянуло к двум свежим крестам.

Вот это да!

Это же протопресвитер Александр Киселев, священник РОА, с которым мне довелось беседовать в холодной, какой-то мрачной — рядом с нами за соседним столиком сидела шумная компания молодых чеченцев, из-под курток которых узнаваемо оттопыривалось оружие — жутковатой Москве 1993 года.

Отец Александр не дожил до прошедшего в сентябре 2009 года Архиерейского Синода РПЦЗ, на заседании которого было сказано, что «генерал А.А. Власов был и остается своего рода символом

сопротивления безбожному большевизму во имя возрождения Исторической России».

Не увидел отец Александр и того, какую бурю возмущения в самой России вызвало это заявление. Особенно возмутили общественность слова открытого письма Синода РПЦЗ протоиерею Георгию Митрофанову, дескать, «имя православного христианина Андрея Власова вызывает ненависть при неведении исторической реальности в силу тоталитарно-богоборческой пропаганды».

Казалось бы, почти все в этом письме совпадало со словами, сказанными протопресвитером Александром Киселевым, но нет, разница была. Для Александра Киселева генерал Андрей Андреевич Власов стал светом, вспыхнувшим в черноте изгнания, он идеализировал его и самозабвенно, как только может ошибаться молодой человек, ошибался в оценке, но все это было искренним заблуждением настоящего русского патриота.

Нынешние либеральные «исследователи», пытаясь заслонить мифической борьбой Власова со Сталиным измену генерала Родине, пытаются оправдать идею предательства России вообще, и конечно, одной только защитой генерала Власова они не ограничиваются. Тот же протоиерей Георгий Митрофанов прямо назвал «государственным победобесием» все мероприятия, связанные с Днем Победы.

И тут уж не скажешь, что это делается только по наущению заокеанских спецслужб, на деньги, получаемые из зарубежных фондов. Заказ на подобную работу исходит теперь порою и от нынешних хозяев жизни, которые справедливо полагают, что страну, где оправдывается измена Родине, легче разворовывать.

Обратившись к документам, нетрудно увидеть, что и сама идеология власовского движения, которую сейчас пытаются реабилитировать, создавалась не генералом Власовым, а в ведомствах «Вермахт пропаганды» и «Абвера», и она не имела никакого отношения к русскому патриотизму, который исповедовали такие люди, как протоиерей Александр Киселев.

Русский «патриотизм», определяемый идеологией, созданной тогда умелыми врагами России, стал бы для нашей страны страшной любого здешнего тоталитаризма...

Это особенно важно понимать сейчас, об этом — моя книга.

Николай Коняев

Генерал из трясины. Судьба Андрея Андреевича Власова

Августовским утром 1946 года загремели засовы на дверях камер Бутырской тюрьмы. С лязгом поднимались и опускались решетки, блокирующие переходы. Арестованных выводили на тюремный двор.

Последним шел высокий, чуть сутулящийся арестант в круглых очках. Солнечный свет ослепил, и он замедлил шаги, но конвоир подтолкнул его вперед к кирпичной стене, возле которой была сооружена виселица.

Здесь, на невысокой, сколоченной из свежих досок скамеечке, с завязанными за спиной руками, стояли одиннадцать человек. На шею им уже накинули петли.

Высокого, чуть сутуловатого арестанта провели вдоль этого строя.

Мимо бывшего генерал-майора Василия Федоровича Малышкина...

Мимо бывшего бригадного комиссара Георгия Николаевича Жиленкова.

Мимо бывшего генерал-майора Федора Ивановича Трухина.

Мимо бывшего генерал-майора береговой службы Ивана Алексеевича Благовещенского.

Мимо бывшего генерал-майора Дмитрия Ефимовича Закутного.

Мимо бывшего полковника Виктора Ивановича Мальцева.

Мимо бывшего полковника Сергея Кузьмича Буняченко.

Мимо бывшего полковника Григория Александровича Зверева.

Мимо бывшего полковника Михаила Александровича Меандрова.

Мимо бывшего подполковника Владимира Денисовича Корбукова.

Мимо бывшего подполковника Николая Степановича Шатова.

Их было одиннадцать — бывших соратников по Русской освободительной армии и Комитету освобождения народов России. Двенадцатая петля висела пустая.

Под этой петлей и поднялся на низенькую скамеечку бывший генерал-лейтенант, бывший заместитель командующего Волховским фронтом Андрей Андреевич Власов.

Было ему в этот день сорок пять лет.

Часть первая. Власов до Власова

Управление особых отделов НКВД отношением за № 4/7796 от 07.11.1941 г. сообщило, что компрометирующих материалов на т. Власова не имеется.

Зав. Сектором Управления кадров

ЦК ВКП(б) Фролов. 24.02.42 г.

Сохранились две автобиографии Андрея Андреевича Власова.

Одна — казенная, написанная еще до войны для служебных надобностей. Она так и озаглавлена: «Автобиография на комбрига Власова Андрея Андреевича».

Другая — «художественная». Это — открытое письмо, составленное в немецком плену, озаглавленное длинновато, но зато очень определено: «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». При всей пропагандистской направленности «открытого письма» его можно считать «мемуарами» генерала Власова, ибо здесь он пытается решить ту же, что и любой мемуарист, задачу — осмыслить свой жизненный путь.

Поскольку материалов о довоенной, а особенно о дореволюционной жизни Власова почти не сохранилось, его автобиографии приобретают для историка первостепенное значение. И хотя тут и там Власов не вполне искренен, сопоставление текстов позволяет многое понять в характере создателя Русской освободительной армии.

Глава первая

«Меня ничем не обидела советская власть... — писал он в „Открытом письме“, опубликованном русскоязычной немецкой газетой „Заря“ 3 марта 1943 года. — Я — сын крестьянина, родился в Нижегородской губернии, учился на гроши, добился высшего образования. Я принял народную революцию, вступил в ряды Красной армии для борьбы за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее Русского народа. С тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью Красной армии.»

Но это «мемуары».

В автобиографии, созданной Власовым еще в бытность его командиром 99-й стрелковой дивизии, вопрос о происхождении, образовании и причине вступления в Красную армию излагался несколько иначе.

Впрочем, иначе и не могло быть.

Все сведения, изложенные в «Автобиографии» на комбрига Власова Андрея Андреевича», тщательно проверялись.

«Родился 1 сентября 1901 года в селе Ломакине, Гагинского района, Горьковской области, в семье крестьянина-кустаря. Жена, Анна Михайловна Власова (девичья фамилия Воронина), уроженка той же местности.

Главное занятие родителей моих и жены до Октябрьской революции и после — земледелие. Хозяйство имели середняцкое».

Превращение отца генерала Андрея Владимировича Власова из простых крестьян в крестьянина-кустаря вроде бы незаметное, но тем ни менее весьма существенное.

Андрей Владимирович Власов помимо крестьянской работы занимался портняжным ремеслом — «обшивал все село» ^[1] — и этот доход позволял ему надежнее стоять на земле. Особых избытков не было, но, судя по дому, в котором родился и вырос будущий генерал, хозяйство было достаточно крепким. Не случайно Андрей Владимирович Власов был старостой местной церкви.

Позволительно тут сделать небольшое отступление.

Так уж получилось, что работая над книгой «Два лица генерала Власова», я использовал практически все известные и достоверные документальные свидетельства о жизни и деятельности едва ли не самого знаменитого изменника Родине. Поэтому, приехав в Ломакино, которое, если судить по народным — «ломакинцы, царя не попотчевав, спать уложили» — преданиям, начинало свою историю со времен похода Иоанна IV Васильевича Грозного на Казань, я и не рассчитывал узнать что-то новое о генерале Власове.

И тем не менее поездка на родину генерала оказалась не напрасной.

Здесь, на берегах реки Пьяны, яснее открылось, как формировался характер Власова, как складывалась его кручено-перекрученная судьба.

Перед Ломакино мы заехали в имение масона Василия Александровича Пашкова, из которого началась знаменитая пашковщина. В 1884 году Пашкова выслали за границу, но и оттуда он продолжал поддерживать деньгами единомышленников, поставивших своей целью борьбу с Россией и православием.

Потом побывали в имении барона Антона Генриха Жомини, который во время Отечественной войны служил генералом и в русской, и во французской армии у Наполеона. В имении его, где сам барон, собственно говоря, и не жил, в 1943 году собирались поселить пленного фельдмаршала Паулюса...

И все время, пока колесили мы по Гагинскому району, извиваясь, крутилась возле нас река Пьяна, связывая имение масона Пашкова, усадьбу Жомини и село Ломакино, где вырос генерал Власов.

Учитывая, что и имение Пашкова, и усадьба Жомини, и село Ломакино расположены на расстоянии мальчишечьего набега, можно говорить о соседстве их.

И соседство это, конечно, поразительное и неслучайное.

А в самом Ломакино мы постояли возле тонущего в зарослях кустов и густой травы дома, где родился и вырос генерал Власов.

Наш экскурсовод рассказал, что этим домом заинтересовался Пешеланский гипсовый завод, который входит в Московский промышленный холдинг. Поначалу планировалось открыть здесь, наподобие Болдино, музей генерала, но фронтовики Нижегородской области попросили тогдашнего президента Медведева разобраться с провокационной затеей, и с музеем решили погодить.

Почему-то после этого рассказа заходить в дом расхотелось, и мы прошли к обелиску, стоящему невдалеке от власовского дома.

Как и везде в России, бесконечны на ломакинском обелиске столбцы фамилий павших за Родину жителей села.

Только Коновых, четырнадцать человек, не вернулось с войны в Ломакино, а еще — тринадцать Барановых, а еще — двенадцать Власовых.

Фамилии самого генерала Андрея Андреевича Власова на обелиске, конечно, не было.

Но вернемся к автобиографии А.А. Власова, составленной им, когда он еще был советским комбригом.

«Я окончил сельскую школу. После чего на средства родителей и брата был отдан учиться в духовное училище, как самое дешевое в то время по плате обучения.

С пятнадцати лет, занимаясь подготовкой малолетних детей (репетитор), я сам зарабатывал себе средства на право обучения. По окончании духовного училища в гор. Нижнем Новгороде два года учился в духовной семинарии на правах инословного (т. е. не духовного звания). В 1917 году после Октябрьской революции поступил в XI Нижегородскую единую трудовую школу 2-й ступени, которую и окончил в 1919 году. Поступил в 1919 году в Нижегородский государственный университет по агрономическому факультету, где и учился до призыва в РККА».

В Красную армию Власова призвали 5 мая 1920 года, и «за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее Русского народа», как он писал в немецкой газете «Заря», сражаться ему пришлось недолго.

В октябре 1920 года, после завершения Нижегородских пехотных курсов командного состава РККА, молодого краскома отправили на врангелевский фронт, но добрался он туда, когда боевые операции были завершены и начались карательные — расстрелы десятков тысяч сдавшихся белогвардейских офицеров.

Разумеется, особой разницы в изложении событий нет, и все же, как мы видим, акценты в «Открытом письме» чуть-чуть смещены.

В 1943 году Власову почему-то было важно, чтобы его осеняла славаучастника Гражданской войны.

А реальный послужной список — участие в разгроме крестьянских отрядов Маслака и Каменюка — для борьбы за «землю для крестьян, за светлое будущее Русского народа» явно не подходил.

Как, впрочем, не подходила для имиджа народного героя и вся по следующая служебная карьера Андрея Андреевича...

Еще более существенны разночтения в пункте образования.

В университете Власов провел менее года, и его слова: «Я. учился на гроши, добился высшего образования» — не соответствуют истине.

По его письмам ^[2] видно, что и элементарной грамотности не хватало ему, не говоря уже о других познаниях.

В самой последней «автобиографии», созданной уже в ходе судебного заседания 30 июня 1946 года, Власов дал по поводу своего образования более объективные сведения: «Окончил два класса семинарии и курсы „Выстрел“...».

Высшего образования у Власова не было. Это важно. Но еще более существенны попытки обойти этот вопрос. И тут мы должны вспомнить, что «Открытое письмо» Власов писал, ощущая (или пытаясь ощутить) себя национальным героем, вождем и будущим спасителем России. Расстановка акцентов, смещение правды и выдумки в нем — принципиальны. Они показывают, каким Власов хотел быть, как хотел выглядеть в глазах сподвижников. Этим и вызвано самозванное повышение образовательного ценза. К высшему образованию в нашей стране тогда относились с уважением.

Но все же были тут, как нам кажется, и иные, подсознательные мотивы.

Власов все-таки получил в юности зачатки серьезных знаний, позволявшие ему, по крайней мере, ощущать недостаточность своего образования для той работы, которой приходилось заниматься. Явление это не столь и заурядное в Красной армии. У большинства советских военачальников, вспомните Буденного или Ворошилова, даже и сожаления такого не возникало.

Тем не менее для понимания судьбы и характера Власова важнее другое: ощущая явную недостаточность образования, Власов не считал возможным прервать свою карьеру для учебы.

Между тем поначалу карьера генерала складывалась довольно скучно и заурядно.

До июля 1922 года Власов занимал должность командира взвода, а затем — роты в четырнадцатом Смоленском полку второй Донской стрелковой дивизии, расквартированной в бывшей Донской области и Воронежской губернии.

В 1923 году, на пятую годовщину Красной армии, как сказано в биографическом очерке, изданном Школой пропагандистов РОА в Дабендорфе ^[3], комроты Власов был награжден именными серебряными часами.

Менялись номера дивизии и полка. Из второй дивизия сделалась девятой, а полк был переименован вначале в пятый Смоленский, а затем — в двадцать шестой Ленинградский. Но в карьере Власова, в его жизни существенных изменений не происходило.

Начальник полковой школы 26-го стрелкового полка, слушатель Высших стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава Красной армии «Выстрел», командир стрелкового батальона, временно исполняющий должность начальника штаба полка — обычная захолустная армейская судьба.

Вспоминая в 1943 году свою первую армейскую десятилетку, Власов напишет:

«Будучи командиром Красной армии, я жил среди бойцов и командиров — русских рабочих, крестьян, интеллигенции, одетых в серые шинели. Я знал их мысли, их думы, их заботы и тяготы. Я не прерывал связи с семьей, с моей деревней и знал, чем и как живет крестьянин.

И вот я увидел, что ничего из того, за что боролся русский народ в годы Гражданской войны, он в результате победы большевиков не получил.

Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхозы, как миллионы русских людей исчезали, арестованные, без суда и следствия. Я видел, что расшатывалось все русское, что на руководящие посты в стране, как и на командные посты в Красной армии, выдвигались подхалимы, люди которым не были дороги интересы Русского народа».

Нет никаких оснований, чтобы сомневаться в искренности этого признания.

Все двадцатые годы Андрей Андреевич служил в центральных районах России. Вторая Донская дивизия принимала участие и в рассказаживании, и в укрощении крестьянских волнений, и не видеть, не понимать, что происходит, Власов просто не мог. Человеком он был неглупым, да и находился не в таких чинах, чтобы не сталкиваться с царившим вокруг произволом.

Так что он действительно многое видел, многое понимал...

Другое дело, что, и понимая все, не помышлял тогда о карьере народного заступника, освободителя России. И в мыслях не прикидывал на себя эти красивые, но невероятно тяжелые одежды!

Более того, с годами армейской службы то раздвоение сознания, когда приходится служить тому, что ненавистно тебе, становилось для Власова привычным, и он словно бы и забыл, что можно жить как-то иначе.

Священник РОА, протоиерей Александр Киселев приводит в своей книге довольно интересный эпизод:

«Как-то, будучи наедине с женой, Власов критиковал новый правительственный декрет, которому была посвящена свежая газета. Вошел близкий сотоварищ-офицер. Власов с полуслова перешел на восторженно-восхваляющий тон по поводу того декрета, который он только что критиковал. По уходе офицера жена Власова с горячностью сказала:

— Андрей, разве так можно жить?!» ^[4]

Вопрос очень наивный.

Анне Михайловне Власовой можно только посочувствовать. Хотя и сделалась она женой красного командира, но совесть и простота то и дело прорывались в ее поступках, и жить с Андреем Андреевичем

ей было нелегко. Нелегко было и самому Власову. Он не чувствовал себя счастливым в семейной жизни. Жена, как ему казалось, не понимала его. Не понимала, что он уже и не может жить иначе.

Объяснить это тоже было трудно, да и рискованно было затевать такой разговор. И Андрей Андреевич молчал. «Понимания» он искал теперь на стороне и, как можно судить по некоторым свидетельствам, находил его.

Забегая вперед, скажем, что только война помогла решить Власову семейную проблему.

Отправив 22 июня 1941 года в Горьковскую область к родителям жену ^[5], Власов сразу же завел себе военно-полевую подругу — Агнессу Подмазенко, с которой у него был весьма бурный роман.

Но это произойдет через десять лет, а пока расставаться с Анной Михайловной будущий генерал не спешил. Тем более что в 1930 году он решил вступить в партию.

С точки зрения карьериста решение, безусловно, правильное. Сложнее было совладать с собственными чувствами, со своей совестью, но тут — Власов уже завершал тогда армейскую «школу» — тоже все было в порядке. Излишней откровенностью Андрей Андреевич никогда не страдал, да и полковая выучка тоже не прошла напрасно. Судя по рассказу протоиерея Александра Киселева, уже тогда Власов виртуозно умел скрывать и свои мысли, и свои чувства.

Глава вторая

Как и следовало ожидать, после вступления Власова в партию в его карьере наступил перелом. В ноябре 1930 года его переводят из Ленинградского стрелкового полка в Ленинградский военный округ.

Если мы вспомним, что под Ленинградом, при неудачной попытке деблокады города, и закатилась звезда советского генерал-лейтенанта Власова, здесь обнаружится явная, фатальная связь.

Постигнуть ее, разумеется, невозможно, но ощущение такое, будто кто-то, большой и нездешний, хохочет над человеком, вздумавшим перехитрить самого себя.

Впрочем, до развязки в этой недоброй шутке еще далеко, а пока в Ленинграде Власов начинает проходить «курсы» своего университета...

За семь ленинградских лет он успел послужить:

1. Преподавателем тактики в объединенной школе им. Ленина.
2. Помощником начальника учебного отдела.
3. Помощником начальника Первого сектора Второго отдела Штаба Ленинградского военного округа.
4. Помощником начальника отдела боевой подготовки Штаба ЛенВО.

5. Начальником учебного отдела курсов военных переводчиков разведывательного отдела ЛенВО.

Справедливости ради заметим, что в 1933 году, когда Власова перевели в Штаб Ленинградского военного округа, он попытался продолжить традиционное образование — поступил на вечернее отделение академии РККА. Однако уже после первого курса (карьера не оставляла времени для учебы) покинул академию.

Но если традиционные военные науки Власову так и не удалось постигнуть, то технологию работы советских штабов, военную бюрократию он освоил в совершенстве.

Без преувеличения можно сказать, что именно в Ленинграде выработалась во Власове та феноменальная убежденность советских военачальников в самих себе, которая позволяла им без колебания браться за любое дело.

Показав, что он одинаково успешно командует батальоном, преподает тактику, направляет обучение военных переводчиков, не владея ни одним языком, Власов доказал свое право быть советским полководцем.<

Семь лет — немалый срок.

Но именно столько потребовалось Власову, чтобы перебраться с должности начальника штаба полка на должность командира полка.

В июле 1936 года это знаменательное в жизни Андрея Андреевича Власова событие наконец-то свершилось. Будучи помощником начальника боевой подготовки Штаба ЛенВО, он участвовал в инспекционной поездке по округу комкора В.М. Примакова.

Как пишет в биографическом очерке поручик В. Осокин, Виталия Марковича Примакова возмутил низкий уровень подготовки 11-го стрелкового полка. Тут же командир был смещен, а на его место назначен Власов.

Если это верно и исполняющим обязанности командира полка Власов стал благодаря протекции человека, который скоро признается, что участвовал в антисоветском, троцкистском, военнофашистском заговоре, то момент этот в карьере Андрея Андреевича легко мог стать роковым. Власов тогда вполне мог отправиться вслед за своим благодетелем в подвалы Лубянки или Большого дома.

Спасло Власова то, что его перевели в Киевский военный округ командиром 215-го стрелкового полка.

С чем был связан перевод, сказать трудно.

Возможно, это была обычная в военных кругах «ротация» комсостава, но, возможно, сыграл свою роль и скандал, разразившийся в семье новоиспеченного командира полка. Пылкий роман Андрея Андреевича Власова с некоей Юлией Осадчей ^[6] завершился тем, что Юлия родила от него дочь и подала на алименты.

Однако уже наступал 1937 год, когда, по выражению Анны Андреевны Ахматовой, «ненужным довеском болтался возле тюрем

своих Ленинград», и семейный скандал не повредил карьере краскома-алиментщика.

Более того, в каком-то смысле скандал этот помог Власову отвести подозрения. В самом деле. В то время, когда комсостав Красной армии в массовом порядке подался в немецкую, японскую и английскую разведки, нашелся офицер, который не соблазнился модным поветрием, а по-прежнему занимается простым и бесхитростным делом военных всех времен — воспроизводит себе подобных. И хотя в спокойные времена политорганы и не поощряли семейных измен, но сейчас на фоне бесконечных шпионских скандалов и разоблачений они могли отнестись к промаху бравого офицера даже с некоторым сочувствием ^[7]. Андрея Андреевича Власова, как мы и говорили, просто перевели в другой военный округ.

Тем более, что закончился семилетний курс «военно-бюрократического института», и в должности командира полка Власов не засиделся.

Буквально через несколько недель его назначили начальником 2-го отдела Штаба Киевского Особого военного округа, а затем и командиром дивизии.

Чистка, бушевавшая в то время в армии, не только не задела Власова, но даже способствовала его успешному продвижению к высоким должностям.

Напомним, что 2 марта 1937 года в Берлине, в Германском военном министерстве, ночью произошел пожар, во время которого из министерства чехословацкими спецслужбами были похищены документы о сотрудничестве М.Н. Тухачевского с немецкой разведкой.

Президент Чехословакии Эдуард Бенеш приказал препроводить эти документы в Москву. За М.Н. Тухачевским была начата слежка ^[8].

Вот неумолимо жестокие, словно покрывшиеся запекшейся кровью события весны 1937 года:

3 марта. Завершил работу Пленум ЦК ВКП(б), одоббивший курс на ужесточение борьбы с троцкистскими шпионами и террористами.

5 апреля. Народным комиссаром НКВД назначили Николая Ивановича Ежова.

16 мая. Арестовали начальника Военной академии им. М.В. Фрунзе Августа Ивановича Корка.

22 мая. Арестовали председателя Осоавиахима, комкора Роберта Петровича Эйдемана.

27 мая. Арестовали командующего Приволжским военным округом, маршала Михаила Николаевича Тухачевского.

28 мая. Арестовали приехавшего в Москву командующего войсками Киевского военного округа Иону Эммануиловича Якира.

29 мая. На вокзале арестовали приехавшего в Москву командующего войсками Белорусского военного округа Иеронима Петровича Уборевича.

31 мая. Застрелился, запутавшись, как писали в газетах, в связях с контрреволюционными элементами, Ян Борисович Гамарник, бывший начальник Политуправления РККА.

11 июня. В специальном судебном присутствии Верховного суда Союза ССР состоялось слушание дела по обвинению в шпионаже и государственной измене командующего Приволжским военным округом, маршала Михаила Николаевича Тухачевского; командующего войсками Белорусского военного округа, командарма 1-го ранга Иеронима Петровича Уборевича; командующего войсками Киевского военного округа, командарма 1-го ранга Ионы Эммануиловича Якира; начальник Военной академии, командарма 2-го ранга Августа Ивановича Корка; комкора Виталия Марковича Примакова; комкора Витовта Казимировича Путны; комкора Роберта Петровича Эйдемана. Все подсудимые были признаны виновными, осуждены и расстреляны в ту же ночь.

12 июня. По всей стране — стихийные митинги, демонстрации с требованиями смертной казни для «грязной банды шпионов».

Потом в «Открытом письме» А.А. Власов напишет:

«С 1938 по 1939 год я находился в Китае в качестве военного советника Чан Кайши. Когда я вернулся в СССР, оказалось, что за это время высший командный состав Красной армии был без всякого повода уничтожен по приказу Сталина. Террор распространился не только на армию, но и на весь народ. Не было семьи, которая так или иначе избежала этой участи. Армия была ослаблена, запуганный народ с ужасом смотрел в будущее, ожидая подготовляемой Сталиным войны... Работой и постоянной заботой о порученной мне воинской части я старался заглушить чувство возмущения поступками Сталина и его клики».

Пафос этих обличений несколько расходится с приводимыми в том же «Открытом письме» сетованиями, дескать, «на командные посты в Красной армии выдвигались подхалимы». Ведь, если следовать логике, Власов должен был одобрять Сталина, поскольку тот уничтожал «подхалимов, людей, которым не были дороги интересы Русского народа»...

Такая вот тут неувязочка получается.

Не все благополучно в «Открытом письме» Власова и с датами.

Чистка в армии началась задолго до его командировки в Китай. И если сам он под чистки не попал, то уклониться от участия в них никак не мог.

И не уклонялся.

«В общественной работе всегда принимал активное участие, — писал Власов в своей довоенной автобиографии, — был избран членом военного трибунала округа.»

Как сообщает биограф Власова А. Колесник, в 1937–1938 годы Власов «был членом военного трибунала в Ленинградском и Киевском

военных округах. Знакомясь с его деятельностью в этой роли, не удалось обнаружить ни одного оправдательного приговора, вынесенного по его инициативе».

Некоторые называют этот феномен человеческой психики «двойным дном». Однако для человека, который в порядке общественной работы подписывает расстрельные приговоры военного трибунала и при этом старается заглушить в себе «чувство возмущения поступками Сталина и его клики», термин этот не вполне подходит.

Тут не о двойном дне надо говорить, а о некоем удивительном сплаве искренности и лицемерия, где один компонент не может быть отделен от другого логическим путем. Да и иные методики анализа тоже не приводят к истине — слишком уж сложен сплав.

Конечно, будучи еще командиром роты и батальона, Власов видел, кто и как поднимается на более высокие посты. Сочувствовать этим военачальникам он не мог: во-первых, в силу не слишком высоких моральных качеств выдвиженцев Льва Давидовича Троцкого и их явной русофобии; во-вторых, потому, что они преграждали путь вверх таким командирам, как он. Поэтому-то он и не проявлял никогда инициативы, чтобы вынести оправдательный приговор.

Но при этом Власов и сам уже отчасти принадлежал к советской армейской элите, по которой наносился удар, сам мог оказаться на скамье подсудимых. Это, конечно же, не могло не наполнять его «чувством возмущения».

Но, с другой стороны, Власов — человек, закончивший семь курсов «военно-бюрократического университета» в Штабе ЛенВО, не мог не понимать, что так открывается путь и для его карьеры, и для карьеры тех, кому «дороги интересы Русского народа». Действительно, если в 1935 году появилось 105 новых генералов и маршалов, то в 1937 году таких назначений было сделано 585, а в 1939 году — 1674.

Ошеломляющая, невиданная динамика свершения карьер.

И это не могло не радовать А.А. Власова.

Тем более что, как писал А.А. Власов в довоенной автобиографии, он «никаких колебаний не имел. Всегда стоял твердо на генеральной линии партии».

Вот уж воистину диковинный характер, где благородство легко перетекает в подлость, где предельная осторожность сливается с самопожертвованием, а искренность оборачивается лицемерием.

Виктор Филатов в своей работе, посвященной Андрею Власову (нам еще предстоит рассмотреть ее!), дает несколько иную оценку деятельности Власова на поприще члена военного трибунала.

«Из партийной характеристики, — пишет он, — видно, что член партии с 1930 года майор А.А. Власов в должности командира полка славно повоевал на этом фронте в составе Ленинградского военного округа — оплота Льва Давидовича со времен еще семнадцатого года, когда там верховодил он, будущий «романтик революции» и

«создатель Красной армии» Бронштейн-Троцкий, перекрасивший в красный цвет «легион бундовцев — средоточие животного «национализма и сепаратизма в российском рабочем движении». Но не это главное, главное в том, что «легион» был всегда антирусским, зоологически ненавидел все русское и русских. Вел с Россией войну тайную и явную, пакостил ей на Украине и в Белоруссии, в Прибалтике, но в основном — в самой России.

После революции БУНД под тайным водительством Бронштейна-Троцкого троянским конем лихо въехал в состав РКП(б) — Российскую Коммунистическую партию (большевиков), — таким манером «буржуазно-националистический» легион стал русским. Через короткое время бундовцы перестали писать в партийных анкетах, что до ВКП(б) они состояли в БУНДе. БУНД окончательно превратился в партию всех народов СССР. С тех пор и до последнего дня существования КПСС в партии было две партии: первая называлась «АП» — актив партии, то есть бундовцы всех «колен»; вторая «ПП» — пассив партии, то есть все эти русские, украинцы, белорусы и пр., призванные повторять лозунги «АП», идти за «АП»...

В 1938 году была война русских во главе со Сталиным против бронштейнов-гамарников, бронштейнов-тухачевских, бронштейнов-бухариных, бронштейнов-фельдманов, бронштейнов-эйдманов и пр. И Сталин победил — это была первая русская революция (Здесь и далее курсив мой. — Н. К.). Бундовцы-большевики, большевики-бундовцы к победе над русскими в семнадцатом году шли через кровь 1905 года. Русские шли к победе 1938 года через низложение Бронштейна-Троцкого и высылку его из страны в 1927 году. Именно на фронтах с «бронштейнами» Андрей Власов вырос за два года от майора до генерал-майора.

В 1938 году он под водительством Сталина одержал первую русскую национальную победу. В этой войне Андрей Власов вначале командовал полком, а потом механизированным корпусом в Перемышле, кстати, город этот — один из главных центров еврейской оседлости на западе России. В Перемышле Власов, будучи командиром 4-го мехкорпуса, постоянно встречался с Хрущевым, который наезжал туда как 1-й секретарь ЦК партии Украины» ^[9].

Объяснение любопытное, хотя и натянутое.

И.В. Сталин устроил небольшой погром в ЦК ВКП(б) и уничтожал ленинскую гвардию, руководствуясь не русским патриотизмом, а лишь стремлением сохранить собственную власть. Так что хотя бы уже поэтому говорить о русской национальной победе здесь не приходится. Русских Иосиф Виссарионович Сталин уничтожал точно так же, как и соплеменников Льва Давидовича Троцкого.

В отличие от его биографов сам Власов в сплыве своего характера даже и не пытался разобраться.

В «Мемуарах» он просто уезжает из этого сложного периода жизни в Китай.

В Китае Андрей Андреевич Власов действительно был, но позднее, когда в горниле чисток окончательно выковался его генеральский характер.

В Китае Власов, как и многие другие военачальники того времени, проходил последнюю проверку на право занимать высшие должности, сдавал, если продолжать нашу метафору, государственный экзамен за весь предшествовавший семилетний курс обучения.

Глава третья

В Китае Власов служил под фамилией Волков.

Вначале он читал лекции по основам оперативного искусства для китайского комсостава, потом был назначен начальником штаба советского военного советника генерала Черепанова, после состоял военным советником при генерале Янь Сишане, губернаторе провинций Шанси и Суй-Ю-Ань, уговаривая того присоединиться к Чан Кайши.

В Китае тогда ходила поговорка: «Никто в Поднебесной не умеет считать деньги так, как Янь Сишань».

И, действительно, признавая на словах главенство Чан Кайши, Янь Сишань фактических приказов главнокомандующего не выполнял, а, укрываясь в горах, сберегал силы.

В связи с этим задача Власова приобретала отчасти дипломатический оттенок. Ему нужно было склонить хитроумного губернатора к поддержке наступления Чан Кайши. Видимо, Власову удалась эта миссия, поскольку осенью 1938 года, когда Черепанова отозвали в Москву, Власова назначили исполняющим обязанности военного советника при Чан Кайши.

Сведения о службе Власова в Китае крайне обрывочны и противоречивы.

Такие биографы, как В. Филатов, утверждают, что Власов действительно проявил здесь незаурядный полководческий талант, и приписывают его заслугам победу, одержанную китайцами в 1938 году под Тайэрчжуанем.

«Тогда же, в 1938 году, произошло два сражения — за Сюйчжоу и за Ухань. В 1939 году была одержана первая победа под Чаншой, больше месяца китайцы вели успешные бои за перевал КуньЛунь. За неполные два года китайцы при Власове-руководителе ^[10] группы военных советников провели столько сражений и одержали столько побед, сколько они потом не имели за четыре года, по крайней мере, до конца 1943 года».

Сообщается, что в Китае якобы тогда был даже выпущен плакат, на котором изобразили Янь Сишаня и Власова, ведущих войска на сражение с японцами.

Другие биографы намекают на не меньший, чем на полях сражений, успех Андрея Андреевича в постели супруги Чан Кайши...

Заметим здесь попутно, что, если верить этим биографам генерала, в Китае впервые ясно обозначилось, благотворное влияние боевых действий на половые способности Андрея Андреевича. Постель супруги Чан Кайши, происходившей из знаменитого китайского рода Сунь Ят-Сена, оказалась слишком тесной для его талантов, и Власов покупает себе сроком на три месяца (командировочные поджимали?) шестнадцатилетнюю китаянку.

Ну, а такие биографы генерала, как В. Штрик-Штрикфельдт, полагают, что «будучи военным советником при штабе Чан Кайши, молодой полковник познакомился с древней китайской культурой, занялся изучением китайской философии и накопил богатый политический опыт, внимательно наблюдая развитие китайско-японского конфликта».

Получается, что Власов преуспел и в полководческих делах, и в амурных, и в изучении китайской философии. И это, наверное, и нужно считать главным свидетельством того, что он выдержал столь трудный экзамен.

Когда Власов был отозван на родину, Чан Кайши якобы наградил его золотым орденом Дракона (по другим сведениям — орденом Луны, по сведениям В. Филатова — орденом «Юн-Хю»), а супруга будущего генералиссимуса подарила «своему дорогому товарищу Волкову» золотые часы.

По свидетельству тех же биографов, во время промежуточной посадки в Алма-Ате сотрудники НКВД произвели обыск и конфисковали все доказательства жизни Андрея Андреевича за пределами СССР.

Багаж, отправленный по железной дороге, тоже не прибыл к месту назначения.

Остался Андрей Андреевич и без ордена, и без золотых часов.

Впрочем, едва ли он сожалел об этом, ибо — мы уже говорили! — трудный экзамен был выдержан им.

«Тов. Власов хорошо грамотный командир. Как общее образование, так и военная подготовка хорошая. За время командировки выполнял ряд ответственных заданий. Проявил себя знающим дело и пользовался хорошим авторитетом. На нервной почве подчас проскальзывала грубость. Находясь в совершенно трудных условиях, показал себя, как достойный большевик нашей Родины. Обладает достаточной силой воли и твердости. Настойчив, общителен, в общественной жизни активен. Предан делу партии Ленина — Сталина. Имеет хорошую марксистско-ленинскую подготовку. Может хранить военную тайну.

Практически здоров и вынослив в походной жизни.

29.12.39. Комбриг Ильин».

Такое ощущение, что характеристика эта в постели супруги Чан Кайши и написана.

Но это не так уж и важно.

Важно, что именно с этой характеристики и начинается новый виток в блистательной карьере советского военачальника Андрея Андреевича Власова.

Вот ее даты:

Конец 1939 года. Должность командира 99-й стрелковой дивизии 6-й армии, дислоцированной в городе Перемышль.

Май 1940 года. А.А. Власов избран членом Перемышльского горкома ВКП(б).

4 июня 1940 года. СНК СССР присвоил А.А. Власову звание генерал-майора.

25-27 сентября 1940 года. На инспекторском смотровом учении, проведенном народным комиссаром обороны — Маршалом Советского Союза товарищем С.К. Тимошенко, дивизия, которой командовал А.А. Власов, получила «хорошую оценку» и была награждена переходящим знаменем Красной армии.

3 октября 1940 года. В газете «Красное знамя» опубликована статья А.А. Власова «Новые методы учебы», где автор цитирует Александра Суворова и напирает на полезность политзанятий.

9 ноября 1940 года. В газете «Красная звезда» опубликована статья П. Огина и Б. Кроля «Командир передовой дивизии» об А.А. Власове.

17 января 1941 года. А.А. Власов назначен командиром 4-го механизированного корпуса КОВО.

6 февраля 1941 года. А.А. Власов награжден орденом Ленина.

23 февраля 1941 года. Газета «Красная звезда» перепечатала статью А.А. Власова «Новые методы учебы».

Это хронология.

А вот характеристики на А.А. Власова:

«Находясь в особо трудных условиях, показал себя как достойный большевик нашей Родины».

«Практически здоров и вынослив в походной жизни. Имеет стремление от службы уйти в строй».

«Энергичен в решениях, инициативен».

«Генерал-майор Власов непосредственно руководит подготовкой штабов дивизии и полков. Он уделяет много внимания состоянию учета и хранению секретных и мобилизационных документов и хорошо знает технику штабной службы».

«Его авторитет среди командиров и бойцов дивизии высок».

«Генерал-майор Власов... лучше и быстрее других воспринял личные указания Народного Комиссара о перестройке боевой подготовки».

Под характеристиками, выдержки из которых мы процитировали, стоят разные подписи. Есть здесь и подпись командующего войсками КОВО генерала армии Жукова.

Для нас, живущих после войны, имя Жукова значит многое. И я напоминаю о подписи под хвалебной характеристикой на генерала Власова не для того, чтобы оскорбить память великого полководца. Нет. Подпись Жукова свидетельствует лишь о том, что тогда А.А. Власов был точно таким же, как все, генералом Красной армии.

Впрочем, об этом мы еще будем говорить, когда придет время рассказать о сражении под Москвой.

Пока же, справедливости ради, отметим, что восхождение Андрея Андреевича Власова отнюдь не было безоблачным. Нашлись и у него недоброжелатели.

В январе 1940 года в парторганизацию и в органы поступило заявление, дескать, Власов не тот за кого себя выдает. Скрыл, дескать, мерзавец свое семинарское прошлое.

К счастью для Власова, парторганизация повела себя вполне пристойно.

10 января 1940 года она отправила в органы ответ: «Парторганизации было известно о том, что т. Власов окончил духовную семинарию до его вступления в Партию».

Это парторганизации действительно было известно.

Этого Андрей Андреевич Власов никогда и не скрывал.

И все-таки, даже и забывая о дальнейшей судьбе Андрея Андреевича Власова, перечитывая эти служебные характеристики, трудно сказать, чего в нем было больше — настоящей инициативы и энергичности, или того подобия инициативы и энергичности, которые хотелось видеть начальству.

Впрочем, о ком из тогдашних генералов можно было сказать это с полной уверенностью?

И вот что поразительно.

Сохранилось достаточно большое количество документов, связанных с жизнью Андрея Андреевича Власова.

Целый ворох фотографий.

Но все они («Пленный генерал Власов доставлен в штаб 18-й немецкой армии», «Генерал Власов в немецком лагере военнопленных», «Генерал Власов в Берлине», «Генерал Власов на рождественской елке для детей», «Генерал Власов принимает рапорт генерала Трухина», «Генерал Власов выступает в „Европейском доме“ в Берлине» и так далее), если не считать снимка, сделанного во время встречи

Нового 1942 года и запечатлевшего Власова в компании Агнессы Подмазенко и двух генералов — заместителя командующего 20-й армией А.И. Лизюкова и члена Военного совета армии П.Н. Куликова, —

из второй жизни генерала, а из первой, когда Власов еще не стал тем Власовым, которого мы знаем, почти ничего не осталось.

Сохранилось ничтожно мало снимков, на которых мы могли бы увидеть генерала Власова в кругу своих друзей, в минуты отдыха.

Тоже самое и с воспоминаниями.

Сколько людей общалось с ним, но все — женщины не исключение! — запомнили его именно как генерала.

Характерны в этом смысле воспоминания А.И. Полякова, директора Гагинского краеведческого музея, в ведении которого находится и село Ломакино — родина генерала ^[11].

«До войны гагинцы очень гордились Власовым. Еще бы — генерал Красной армии, орденосец! В 1940 году он приезжал к нам, в его честь организовали митинг, где он выступил с большой патриотической речью. Кто мог тогда подумать?!»

Племянница Власова, В.В. Карбаева, в 1940 году была ребенком.

Она вспоминает, что «своих детей у Власова не было, вот он и баловал нас», но все равно ни детский возраст, ни «баловство», которым одарял ее дядя, не растопили субординации в отношениях.

«Хотя и в высших чинах был, а не чурался общаться с односельчанами... По вечерам выступал в клубе, рассказывал о том, что творится в мире. Не боялся и крестьянской работы. Он все умел: и косить, и пахать. К нему во время отпуска любой односельчанин мог подойти за помощью в хозяйстве, он никому не отказывал. А как он умел петь?! Всегда возил с собой гармонь. Мы все очень любили Андрея Андреевича.»

Не дядя Андрей, а Андрей Андреевич. Лучше бы, конечно, товарищ генерал, но и так тоже вполне официально в устах ребенка.

Но, с другой стороны, как еще можно относиться к человеку, который общается с товарищами детства, с родственниками, вечерами выступая в клубе, рассказывая на лекциях о том, что творится в мире.

Нет, Власов не был мизантропом.

Друзья и приятели, безусловно, были у него. Известно, например, что добрые отношения сложились у Власова с его тестем — Михаилом Николаевичем Ворониным.

«Мне, как и ему, так хотелось видеть друг друга, — напишет сам Власов в октябре 1941 года, узнав о смерти Михаила Николаевича. — Ведь мы оба так любили и понимали друг друга».

Но — увы! — воспоминания этих людей не сохранились.

Похоже, что после 1942 года друзья и знакомые Власова торопливо сжигали его фотографии, уничтожали свидетельства близости с генералом-изменником. Похоже, что сослуживцы Власова старательно забывали генерала и — это факт! — сумели позабыть его.

И это, конечно, тоже суд, тоже приговор.

Так получается, что Власов сразу возникает на немецких фотоснимках, в кадрах фашистской кинохроники, в воспоминаниях офицеров немецкой разведки и «Вермахт пропаганды».

Высокий, чуть сутуловатый генерал в очках, делающих его похожим не то на сельского учителя, не то на бухгалтера; в нелепой — странная смесь вермахтовского мундира и советского кителя с широкими обшлагами — форме цвета хаки.

Но и здесь тоже только вывеска, только название фирмы — «Генерал Власов», а самого Власова нет.

И бесполезно вчитываться в воспоминания сотоварищей Власова по службе у немцев, мы не узнаем из них, любил ли, к примеру, Власов охоту. Или рыбалку? Или предпочитал собирать грибы? Какие книги читал Власов и любил ли вообще читать?

Бесполезно вглядываться в фотографии. Почти и нет снимков, где генерал Власов смеется или хотя бы улыбается.

Везде тяжелое, окаменевшее, словно маска, лицо.

И везде: и на фотографиях, и в воспоминаниях — «Власов — предатель», «Власов — патриот», «Власов — изменник», «Власов — создатель Русской Освободительной Армии» — только название, только фирма, словно и не был Власов никогда живым человеком...

Глава четвертая

Великая Отечественная война переменяла все, но и она не сумела нарушить блистательный ход карьеры генерала Власова.

22 июня 1941 года в 3 часа 00 минут генерал-майор Власов получил приказ о приведении войск в полную боевую готовность.

24 июня его 4-му механизированному корпусу ^[12] был отдан приказ: разгромить прорвавшуюся в районе Немировки немецкую группировку.

Приказ этот запоздал.

24 июня главная угроза исходила уже не из района Немировки.

Танковые колонны немцев нанесли удар в направлении Луцк-Дубно, угрожая расчлнить войска фронта. По приказу генерал-полковника М.П. Кирпоноса 4-й и 15-й корпуса три дня вели ожесточенные бои, пытаясь прорвать оборону противника. Это им не удалось, и 1 июля начался отвод войск.

3 июля корпус генерал-майора Власова был переброшен в район Бердичева, чтобы не допустить прорыва немцев к Житомиру. Здесь сосредотачивалась довольно значительная группировка советских войск (4-й, 15-й, 16-й, 36-й, 37-й механизированные корпуса, 5-й кавалерийский корпус, 49-я стрелковая дивизия), но контрудар так и не состоялся.

Скоро корпус Власова был отведен в район Киева.

17 июля Андрея Андреевича Власова вызвал в Киев Семен Иванович Буденный.

Вспоминая все эти события через два года, Власов в своем «Открытом письме» «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» даст своим действиям достаточно высокую оценку:

«Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты. Нерешительное, развращенное комиссарским контролем и растерянностью управление фронтом привело Красную армию к ряду тяжелых поражений.

Я отводил войска к Киеву. Там я принял командование 37-й армией и трудный пост начальника гарнизона города Киева.».

«Когда мы с Кирпоносом подбирали кандидатуру на должность командующего 37-й армией, которую мы формировали для обороны Киева, — пишет в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев, — управление кадров Киевского военного округа рекомендовало нам назначить Власова».

Никите Сергеевичу почему-то запомнилось, что Власов вышел к Киеву «безлошадным». «Пришел, — пишет он, — небезызвестный Власов с кнутом, без войск».

Тут Хрущев явно путает своего читателя, и путает отнюдь не случайно.

Обстановка в Киеве была суровой, необходимо было мгновенно принимать ответственные решения, и при этом любой промах мог стать для Хрущева роковым.

Как истинный партиец, Хрущев не собирался брать на себя ответственность за назначение Власова. Он позвонил товарищу Маленкову, ведавшему кадровыми вопросами в Центральном Комитете.

— Какую рекомендацию ты мог бы дать на генерала Власова?

— Тыне можешь себе представить, что творится вокруг, — ответил товарищ Маленков, не хуже Хрущева чувствовавший партийную ответственность. — Вся наша работа остановилась. У меня здесь нет ни одного человека, чтобы тебе помочь. Поступай так, как считаешь нужным, и бери на себя всю ответственность.

«Мне не оставалось ничего иного, как положиться на рекомендации, полученные от других военных, — сокрушенно признавался Никита Сергеевич. — Опираясь на них, мы с Кирпоносом решили этот вопрос положительно, назначив Власова командующим.

Власов взялся за дело решительно и энергично.

Он сколотил свою армию из отступающих и вырвавшихся из немецкого окружения частей и на деле доказал, что мы сделали правильный выбор. Он всегда спокойно держался под огнем, обеспечивал твердое и разумное руководство обороной Киева. Он выполнил свой долг и не позволил немцам взять Киев фронтальной атакой с ходу. И когда Киев в конце концов пал, то это произошло в

результате обхода и сосредоточения немецких войск значительно восточнее города. А не потому, что Власов не обеспечил жесткой обороны».

Разумеется, Хрущев был вынужден защищать Власова, но, похоже, что Власов и в самом деле не совершил никаких ошибок при обороне Киева.

Как известно, 10 августа 1941 года 37-я армия предприняла контрудар на рубеже Шуляны — Мышеловка — Корчеватое и успешно держала оборону до 15 сентября, пока танковые клинья немцев не соединились в районе Лохвицы и четыре армии (5-я, 21-я, 26-я, 37-я) не оказались в котле.

17 сентября 1941 года Военный совет 37-й армии телеграфировал:

«37-я армия в оперативном окружении. На западном берегу оборона Киевского укрепленного района 16 сентября сего года в результате наступления противника южнее Фастова прорвана, резерв исчерпан, бой продолжается. На восточном берегу, на фронте Русаково, Сваровье, Нижняя Дубыня части, оказывая сопротивление, отходят на Бровары. На юге ударом в направлении Кобрино, Борисполь, Правец противник прорвал оборону разных мелких отрядов и народного ополчения.

Угроза переправ Киеву с востока. Части в течение двадцатидневных боев малочисленны, сильно утомлены, нуждаются в отдыхе и большом свежем подкреплении. Связи с соседями нет. Фронт с перерывами. Восточный берег без сильных резервов не удержать. Прошу указаний».

Телеграмма была адресована главнокомандующему Юго-Западного направления, но отправлена кружным — прямой связи со штабом фронта не было! — путем через Москву.

Только 18 сентября М.П. Кирпонос получил телеграмму и отдал приказ о выходе армий из окружения.

21-я армия должна была нанести удар в направлении Ромны. 2-й Кавалерийский корпус наносил удар навстречу ей с востока. 5-я Армия должна была идти следом за 21-й, нанося удар на Лохвицу. 26-й Армии предстояло прорываться в направлении Лубны.

Власову приказали выходить из окружения следом за 5-й армией в направлении Яготин — Пирятин.

В 37-й армии — штаб фронта тоже держал связь с армией через Москву! — этого приказа так и не получили, и только в ночь на 19 сентября главные силы начали сниматься с позиций.

Впрочем, если бы и получили приказ в 37-й армии вовремя, едва ли отступление оказалось бы успешней. Рассчитанный с точностью часового механизма план отхода войск не учитывал только одного обстоятельства — немцев. Они — такая неожиданность! — не собирались выпускать из кольца окруженные армии.

Пробиваться пришлось с кровопролитными боями.

20 сентября в бою погибли командующий фронтом М.П. Кирпонос, член Военного совета М.А. Бурмистренко, начальник штаба фронта В.И. Тупиков.

В письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» А.А. Власов скажет:

«В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины. Однако неизлечимые болезни Красной армии сделали свое дело. Фронт был прорван на участке соседних армий. Киев был окружен. По приказу верховного командования я был должен оставить укрепленный район».

Это было первое окружение для Власова.

Из этого окружения он сумел выйти.

Глава пятая

В биографии Власова без рассказа о женщинах не обойтись.

И не только ради пикантности повествования...

В отношениях с женщинами характер генерала раскрывается, пожалуй, даже глубже, нежели в боевых операциях. Отношения эти во многом определяли и его судьбу.

До войны, если не считать романа с супругой будущего генералиссимуса Чан Кайши и несовершеннолетней китайкой, Власов старался быть примерным семьянином. Сердечные увлечения были, но достаточно кратковременные и потаенные.

Все изменилось в июне сорок первого.

Власов отправил к родителям в Горьковскую область супругу и, подобно многим генералам-фронтовикам, ощутил чувство неведомой доселе свободы.

Тогда даже шутка такая появилась.

Дескать, залог мужской бодрости на войне в том, что жены не могут попрекать своих мужей за измены.

Для солдат и офицеров с передка проку от такой свободы немного, но офицеры тыла, генералы, если хотели, могли насладиться свободой.

Так было и с сорокалетним генералом Власовым.

Летом сорок первого года начинается его военно-полевой роман с двадцатичетырехлетней Агнессой Подмазенко.

В восемнадцать Агнесса первый раз вышла замуж, но, родив в 1936 году сына Юрика, с мужем разошлась. Она отдала ребенка родителям и поступила в Харьковский мединститут, который и закончила в июне 1941 года.

После выпуска ее сразу отправили на фронт.

Судя по фотографиям и по сохранившимся письмам, Агнесса Подмазенко была веселой, энергичной и «дюже гарной» дивчиной.

Встретившись с «одиноким» генералом, она, как сама утверждала потом на допросах, «вышла за него замуж».

Формулировка принадлежит не следователю, подбиравшему статью для пассива генерала-изменника, а самой Агнессе Подмазенко.

Конечно, она любила Власова.

Но одно дело любовное увлечение, роман, а другое — семейные отношения. Тут уже совсем другая статья, тут уже не худо кроме любви и о себе подумать, о своем втором сыне.

Поразительно, но и в сорок третьем году Агнесса совершенно искренне считала Власова своим законным мужем и безропотно отсидела положенные жене изменника Родины пять лет лагерей.

Почему образованная, развитая и уже третья жизнью Агнесса Подмазенко перепутала военнополовой роман с официальным замужеством, понять невозможно.

Ну, а с другой стороны, совершенно определенно известно, что летом сорок первого года генералу Власову никак не с руки было заниматься бракоразводным процессом со своей супругой Анной Михайловной, тем более что он, как видно из документов, никогда и не помышлял о разводе с нею ^[13].

И тем ни менее Агнесса попалась, подобно самой обыкновенной деревенской дурочке.

Видимо, Власов действительно предложил Агнессе выйти за него замуж, а когда та согласилась, сказал, что берет на себя все формальности, и через несколько дней объявил, что отношения их теперь узаконены.

Будучи генералом, А.А. Власов как-то гипнотически действовал на женщин, к тому же шла война, и Агнессе в голову не пришло попросить у него какой-либо документ, подтверждающий их брак.

Тем более, что фронтовую жизнь Агнессы «муж» устроил основательно и прочно. Подмазенко была зачислена на должность старшего врача медпункта штаба 37-й армии.

Семейная жизнь «новобрачных» оказалась счастливой. Скоро Агнесса забеременела. Ребенка своего, которого благополучно родила, она назвала потом, кстати сказать, Андрюшей. Правда, показать его отцу не сумела. Тогда уже завершилась трагедия 2-й Ударной армии.

Но это впереди.

Пока же, в сентябре 1941 года, Власов вывозил молодую жену из киевского котла.

Относился он к ней заботливо и без нужды старался не волновать. Поэтому, пока ехали на штабных машинах, идущих позади частей прорыва, Агнесса и не подозревала, что они в окружении.

«Фактически об окружении немцами 37-й армии я узнала 26 сентября. Ввиду сильного обстрела дороги, по которой следовала наша колонна, ехать на машинах стало невозможно, и по приказанию Власова все машины были уничтожены в лесу между селами Березанью

и Семеновкой. Тут же все разбились на небольшие группы, и каждая самостоятельно стала выходить из окружения».

Эти показания ^[14] арестованная Агнесса Павловна Подмазенко дала 28 июня 1943 года на допросе, закончившемся ровно в полночь.

Судя по ее рассказу, в группе, с которой они выходили вместе с Власовым, было тридцать человек. Однако уже через три дня пришлось разделиться, и дальше шли втроем — Власов, Подмазенко и политрук Евгений Свердличенко.

«Следуя по лесу к селу Соснова, мы догнали одного местного жителя, возвращавшегося из деревни Помокли. Мы попросили помочь достать для нас гражданскую одежду...

Оставив Власова и Свердличенко в лесу, я с этим гражданином зашла в село.

В Соснове мой провожатый сказал, что здесь проживает местный старый партийный работник Любченко, который сумеет обеспечить нас гражданской одеждой. Я попросила пригласить Любченко, чтобы лично с ним переговорить.

Когда пришел Любченко, я попросила его оказать помощь в приобретении гражданской одежды для двух командиров Красной армии в обмен на принесенное мною кожаное пальто и гимнастерку, а также указать безопасный маршрут следования в распоряжение частей Красной армии.

Переодевшись, Власов и Свердличенко зашли в Соснову, где встретились с Любченко. Они представились как командиры Красной армии, при этом политрук показал Любченко свой партийный билет.

Любченко связал Власова с партизанским отрядом, находившимся близ Сосновы в лесу, где Власов узнал, что менее опасным был путь на город Прилуки через село Черняховку, обходя населенные пункты, так как в них находились немцы. Из этого села мы ушли на следующий день, не будучи никем задержаны. Мы с Власовым ночевали здесь у одной старухи, а Свердличенко у гражданина, с которым я пришла в Соснову.

Перед уходом мы с Власовым отдали Любченко на хранение свои пистолеты и документы, за исключением удостоверений личности. Кроме этого, Власов оставил при себе партийный билет» ^[15].

Как рассказывала на допросе Агнесса Павловна, вместе с Власовым и Свердличенко они благополучно добрались до Прилук, но, выяснив, что немцы уже в городе, обошли Прилуки стороной. Через Сребное, Хмелев, Смелое, Белополье вышли первого ноября к Курску, который уже готовился к эвакуации.

Отсюда их отправили в Воронеж.

В июне 1943 года следователя интересовало, не помышлял ли Власов об измене уже тогда, осенью сорок первого.

— Нет! — ответила Подмазенко. — Напротив. Власов давал высокую оценку действиям частей Красной армии в районе Киева и заявлял, что,

если бы немецкие войска не окружили Киев, они не смогли бы его взять. Успехи немцев он рассматривал как временные и противопоставлял им исторические факты, когда при первоначальных неудачах в войне русские выходили победителями.

Никаких отрицательных настроений он не высказывал и только желал быстрее соединиться с частями Красной армии.

Разумеется, Агнесса Подмазенко, хотя и спала в одной постели с генералом, в вопросах военной тактики и стратегии разбиралась чисто по-женски. И тем не менее, похоже, что именно так, как рассказывала Подмазенко, и мыслил командующий 37-й армии. Действительно, если бы немецкие войска не окружили Киев, они не смогли бы его взять.

Мысль необыкновенно глубокая.

Буквально ощущаешь, как ошеломила она в холодном осеннем лесу генерала Власова, рассчитывавшего, что немцы будут брать город в лоб, укладывая дивизию за дивизией перед позициями 37-й армии.

Обнимая беременную военно-полевую жену, Власов поведал ей о своем стратегическом озарении. Аля, Алик, как звал Власов Агнессу Павловну, замерла в его объятиях, впитывая в себя эту генеральскую мудрость.

Я иронизирую тут не только над Власовым.

Точно так же думали тогда и вели себя многие советские генералы.

Осенью сорок первого года они, такие умудренные и ловкие, в совершенстве изучившие штабные интриги, знавшие, что и где можно говорить, как и что нужно докладывать, не понимали и не могли понять, почему не останавливаются немецкие армии. Мысль, что имеющегося у них опыта, знаний и таланта недостаточно для этого, просто не приходила им в головы.

Впрочем, слово «опыт» здесь не вполне уместно.

Летом сорок первого года вермахтовские стратеги противоборствовали, кажется, и не генералам, а колхозным бригадирам, одетым в генеральскую форму.

Начальник Генерального штаба С.М. Штеменко пишет в своих мемуарах, что об обстановке на фронте, о положении наших и немецких войск в Генштабе зачастую узнавали не из докладов и сообщений, поступавших из армейских частей, а названивая по обычному телефону председателям сельсоветов.

Мысль, что с такой информацией невозможно воевать на этой войне, не посетила Штеменко и после победы.

«Мы и в дальнейшем, — пишет он в своих мемуарах, — когда было туго, практиковали такой способ уточнения обстановки. В необходимых случаях запрашивали райкомы, райисполкомы, сельсоветы и почти всегда получали от них нужную информацию».

Как созвучен штеменковский уровень военного мышления недоумению Власова — Подмазенко: зачем немцы окружили Киев, если, не окружив его, они не смогли бы взять город!

И обращение к истории тоже понятно.

Тут уже подсознание включилось.

Обидно, конечное дело, что своего ума, своих талантов не хватает, но ведь не где-нибудь, в России генеральствуем, а Россия — такая страна, поднатужится, родимая, прольет побольше кровушки, но выстоит, победит немцев со всеми ихними стратегиями, не подведет своих генералов.

И еще на одно выражение Агнессы Подмазенко я бы обратил внимание:

«Власов никаких отрицательных настроений не высказывал и только желал быстрее соединиться с частями Красной армии».

Глагол «соединиться» тоже, как мне кажется, не Подмазенко придуман.

Власов шел по лесу с политруком и любовницей, но продолжал ощущать себя — достойное восхищения самоуважение! — некоей войсковой единицей, которая должна не просто выйти в распоряжение советских частей, а именно соединиться с армией. Хотя и не осталось ничего от 37-й армии, но идею армии Власов нес в себе и сам ощущал себя как бы армией.

И тут опять-таки не столь важно, как ощущал себя сам Власов. Важнее то, что именно так думали, так ощущали Власова люди, от которых зависела его дальнейшая судьба.

В том числе и Иосиф Виссарионович Сталин.

Сам Власов в разговоре с В. Штрик-Штрикфельдтом утверждал, что 10 ноября состоялась его первая встреча с И.В. Сталиным.

На прием его вызвали с Василевским и Шапошниковым.

«В кабинете стоял Сталин с короткой трубкой во рту, которую он поддерживал правой рукой, — рассказывал Власов в Берлине. — Он не поменял позы, когда мы отрапортовали о своем прибытии».

— Пожалуйста, садитесь! — коротко сказал Сталин.

Генералы поблагодарили, но остались стоять.

— Садитесь! — повторил Сталин, но генералы остались на месте.

Тогда Сталин подошел к столу и сел.

Повернувшись к Власову, он указал рукою на стул, стоящий слева от него.

Только теперь все уселись.

— Что вы думаете о положении дел под Москвой, товарищ Власов? — спросил Сталин.

— Мобилизация необученных рабочих без поддержки регулярных военных резервов бессмысленна, товарищ Сталин, — ответил Власов.

— С резервами и дурак, товарищ Власов, сумеет удержать Москву, — сказал Иосиф Виссарионович ^[16].

Вскоре был отдан приказ о назначении Власова командующим 20-й армии.

Для Власова наступил его звездный час...

О деятельности Андрея Андреевича Власова в должности командующего войсками 20-й армии мы еще будем говорить, а пока вернемся к Агнессе Павловне Подмазенко.

В 20-й армии Подмазенко пробыла до 27 января 1942 года, пока ее не демобилизовали по беременности. Рожать она уехала к матери в Энгельс, надеясь сразу после родов вернуться на фронт к Власову.

Во всяком случае, об этом она писала Власову в феврале 1942 года.

«Андрюшенька! Родной, поздравляю тебя с годовщиной Красной Армии и желаю тебе крупных побед над фашистами. Хотелось бы в этот большой день быть рядом с тобой, чтобы еще больше чувствовать радость, пусть этот день будет днем смерти для всех фашистских захватчиков. От тебя получила только одно письмо, тебе послала много писем, пиши, милый, чаще, хотя бы несколько слов, чтобы знала, что ты здоров.

Получила от Жени две открытки и одно письмо, в котором она поздравляет тебя с победой, наградой и повышением, желает всех благ в жизни. Кроме того — привожу дословно ее слова! — скажи Андрею Андреевичу, что он должен более внимательно относиться ко мне, пусть не забывает, что женился на тебе, не спросив моего согласия, так я могу обидеться и отнять тебя у него, скажу, что самой мне нужна, а то он ни разу мне не написал, понимаю, что „Русь от недруга спасает“, но все-таки.

Дальше она пишет о себе: „беды изумительно влияют на фигуру, стала очень «изящной»“. Я с сожалением ей ответила, что не могу этим же похвастаться. Если будет у тебя хотя бы минута свободная, черкни ей несколько слов, она послала тебе несколько открыток. Но помни, что хотя твои письма к ней и не смогут пройти моей цензуры, не вздумай написать, что ожидаешь не только встречи!

Милый, я живу сейчас только письмами. У нас тут есть одно кино, репертуар которого очень разнообразен, а именно вот уже целый сезон идет „Свинарка и пастух“. Я предпочитаю лучше перечитывать 1000 раз твое единственное письмо.

У нас есть наушники, которые иногда только трещат, но мне даже в треске слышится: „говорит западный фронт. Уничтожено бесчисленное количество фашистов, точное число подсчитывают уже несколько дней“ и т. д.

Андрюшенька! О себе пиши все, меня ведь интересует каждая мелочь, вплоть до того, меняешь ли ты каждый день платки или предпочитаешь ходить с грязными??? Как Кузин заботится о тебе? Передай, что за неисполнение моих инструкций он понесет большое наказание. Андрюшенька! Сейчас живу только тем, что в мае буду с тобой вместе на фронте. И не думай иначе. Еще раз, или как один наш профессор говорит „исче“, пишу, что если Кузина не будет к 2-3 мая, сама добьюсь посылки на фронт. Маму оставляю с ребенком и возьму какую-нибудь женщину, чтобы мама могла справиться. Остался март и

апрель, февраль я уже не считаю. Ты даже не можешь представить себе, как я скучаю и как хочу тебя видеть...

Любящая тебя твоя Аля».

Вот такое письмо.

Молодая женщина готова растерзать любого, кто усомнится: генеральша ли она, но вместе с тем и сама порою не верит, что она и на самом деле генеральша. От этого и сбои в повествовании, и клятвы в любви, перемежаемые как бы шутливыми угрозами. Агнесса Павловна действительно и Власова любила, и ощущать себя генеральшей ей тоже нравилось.

Из ответных писем Власова видно, что его забавляла, а порою и восхищала та буря чувств, которая наполняла «гарную дивчину» из Харькова, готовящуюся стать матерью его ребенка. Письма Агнессы Подмазенко подбадривали его, скрашивали армейские будни, и он не жалел времени на переписку с нею.

«Дорогая Аля! Ты. унесла с собой от нас все наше веселье. Вдруг после такого шума сделалось так тихо. Какая-то пустота. Мы почти ежеминутно вспоминаем тебя, и все тебя жалеют. Врача у нас до сих пор нет. Все говорят, особенно Сандалов, который, кстати говоря, серьезно заболел — у него болят почки, что с твоим отъездом кто нас будет лечить. И представь, как только ты уехала, выходя из той хаты, в которой мы с тобой жили, поскользнулся и поранил легко себе руку, а лечить некому. Сумка есть санитарная, а тебя нет. Лучше бы было наоборот. Птица и та без тебя улетела. Дорогая Аля! Прошу тебя, не волнуйся и будь здорова — это тебе крайне необходимо. Не забывай, что это надо прежде всего для нашей дорогой крошки. Я здесь буду бить фашистскую сволочь и гнать ее на запад. Мое отношение к тебе знаешь. Я свою жизнь посвятил тебе, моей спасительнице от смерти, а ты делай, как тебе лучше. Тов. Кузин рассказывал мне все подробно, как ты уезжала. Мне было приятно, и я несколько раз заставлял его повторять одно и то же милое — хорошее о тебе. Теперь жду письма от тебя. Не ожидая письма с места, пишу тебе уже письмо. Передай самый большой и искренний привет от меня маме и папе, Юрику. Юрику скажи, что я ему привезу самую настоящую фашистскую шашку. Привез бы и пушку, которые отбиваем у фашистов, но они очень тяжелы — не донесешь.

Дорогая Аля, написал бы еще, да вся ручка кончилась. Вот Кузин опять исправил. Продолжим дальше в другом письме, а пока целую крепко и много раз любящий тебя — твой Андрюша.

P.S. Смотри, не изучай немецкий язык, как раньше, с капитаном, а то приеду, будет тебе нагоняй на орехи. Ну, всего.

Целую

твой Андрюша».

Агнесса Подмазенко, получавшая письма от Власова, не могла знать, что генерал отправлял примерно такие же письма и своей законной супруге.

«Дорогая Аня!.. Я тебя прошу, будь мне верна. Я тебе до сих пор верен. В разлуке с тобой люблю тебя крепче прежнего. Все плохое позабыл. Вернее, плохое с моей стороны. Ты для меня всегда была святая, и сейчас надеюсь и уверен, что в эти дни, когда мы переживаем опасность ежеминутно, ты всегда и всюду будешь только моя и больше ничья. Больше мне ничего не нужно. Итак, ответы жду немедленно. До скорого свидания. Целую тебя крепко и много, много раз свою милую дорогую Аню. Твой всегда и всюду любящий тебя Андрюша».

Невероятно, но это письмо написано в тот же день, что и письмо к Агнессе Подмазенко.

Как это говорил Власов?

Дескать, «написал бы еще, да вся ручка кончилась. Вот Кузин опять исправил. Продолжим дальше в другом письме».

Вот Власов в другом письме и написал.

И не только 28 февраля 1942 года.

По датам сохранившихся в архиве писем можно установить, что 2 марта 1942 года Власов отправил письмо законной супруге, а 3 марта — Подмазенко. 4 и 5 марта написаны еще два письма Агнессе Павловне, но 6 марта — Анне Михайловне Власовой. 17 марта — Подмазенко. 18 марта — одновременно и Подмазенко, и Власовой. 2 апреля — Подмазенко, а 20 апреля — Власовой. Зато 26 марта — сразу три письма — два Подмазенко и одно Власовой. А вот 17 мая, наоборот, два письма — Власовой и только одно Подмазенко.

Жену Власов в своих письмах называл «Аликом», Подмазенко — «Аликом», себя — «Андрюшей».

Андрюшей и ощущал себя сорокалетний генерал-лейтенант, по крайней мере, в те минуты, когда писал письма.

К сожалению, ответных писем Анны Михайловны не сохранилось совсем, и мы так и не знаем, сумел ли Власов воинскими подвигами и письмами, наполненными словами любви, растопить обиду, нанесенную супруге своим романом 1937 года.

Судя по письмам самого Власова, если ему и удалось растопить ледок в отношениях с женой, то не до конца.

Но это, конечно же, не вина Власова. Он делал все, чтобы восстановить прежние отношения. Он посылал письма своей супруге в конвертах, на которых был изображен идущий в атаку танк.

Сам Власов напористостью и незамысловатостью на этот танк и походил. Действовал он умело, уверенно, требовательно. Не стеснялся, когда нужно было солгать. Не скромничал, когда можно было вы звать сочувствие к себе, как к герою — защитнику Родины.

Вот его письмо Анне Михайловне Власовой...

«Прежде всего спешу сообщить тебе, что наши дела на фронте идут успешно: бьем фашистов без отдыха. В газетах ты, наверное, уже прочитала — поздравь меня с присвоением очередного звания. Правительство и партия нас награждает за наши даже незначительные дела и ценит нас — это очень дорого.

Дорогая Аня! Ты, наверное, думаешь, что мне пишут из Ленинграда. Искренно уверяю тебя, как мы расстались с тобой, никто мне ничего не писал, да и я никому не писал, поэтому судьбу их не знаю.

Я тебя прошу, будь мне верна. Я тебе до сих пор верен (Курсив мой. — Н. К.). В разлуке с тобой люблю тебя крепче прежнего. Все плохое позабыл. Вернее, плохое с моей стороны.

Если еще сердишься на меня за что, прости. Я считаю, что своей честной работой, борьбой я это уже заслужил — раньше не просил.

Напиши мне скорее искренно — по-прежнему ли любишь меня крепко и глубоко. Я только этого одного и хочу от тебя теперь услышать.

Итак, ответы жду немедленно.

До скорого свидания. Целую тебя крепко и много, много раз, свою милую дорогую Аню. Твой всегда и всюду любящий тебя Андрюша».

В письмах к А.М. Власовой и А.П. Подмазенко Андрей Андреевич как бы в шутку изображает из себя этакого комсоставовского Отелло. Но, похоже, что ему и не нужно было очень сильно напрягаться для этого, поскольку он и на самом деле был ужасным ревнивцем.

Похоже, что в 1937 году «ндравная» Анна Михайловна Власова объявила мужу, что ему еще придется пожалеть о своей измене. Тогда Власов не решился перечить разгневанной супруге, но теперь, когда «своей честной работой, борьбой» заслужил прощение, он доходчиво разъясняет супруге, что имеет право надеяться на ее верность.

Интересно, что особенно сильный приступ ревности к законной супруге Ане Власовой овладел генералом, когда он, с нетерпением ожидая разрешения от беременности Али Подмазенко, ласкал в постели Машу Воронову.

«Ты для меня всегда была святая, — написал он законной супруге 2 февраля 1942 года. — И сейчас надеюсь и уверен, что в эти дни, когда мы переживаем опасность ежеминутно, ты всегда и всюду будешь только моя, и больше ничья».

С юношеской пылкостью сорокалетний генерал-лейтенант требует от жены «немедленного» ответа: «Напиши мне скорее искренно — по-прежнему ли любишь меня крепко и глубоко. Я только этого одного и хочу от тебя теперь услышать. Больше мне ничего не нужно. Итак, ответы жду немедленно».

По-видимому, письма жены не убедили Власова в крепости и глубине ее любви, и подозрения вспыхнули в нем с новой силой. Повод для подозрений комсоставовскому Отелло дал обратный адрес супруги.

С завидной настойчивостью, из письма в письмо, допытывается Власов, почему жена не дает ему адреса, по которому проживает на станции «Сорочинская», а принуждает писать «До востребования»...

«14.02.42. Почему ты не хочешь, чтобы я писал к тебе на квартиру? А? Пиши скорее ответ».

«02.03.42. Дорогой и милый Аник! Ты очень мало пишешь о себе. Как ты живешь? В твоих письмах все время я читаю о других, а о тебе очень мало. Мне разве не интересно знать, как ты живешь. В одном письме я уже тебя спрашивал, почему ты мне не разрешаешь писать тебе письма прямо на квартиру, а до востребования на почту. Может быть, тебе так удобнее? Напиши мне подробно, как ты живешь и проводишь время».

«06.03.42. Я много пережил, и дороже тебя у меня и не было, а сейчас и нет на свете. Ты у меня одна. Я тебе уже писал, почему ты мне не разрешаешь писать на твою квартиру — я не знаю, — ты до сих пор мне не ответила. Пойми, что ты у меня осталась одна. Больше у меня нет никого».

Видимо, Анну Михайловну возмутили подозрения мужа, и она, похоже, написала ему об этом, но Власова это не успокоило:

«18.03.42. Милый Аник! Ты все же мне не ответила, почему лучше писать тебе до востребования, а не на квартиру? Ну, ничего. Я это просто так. Еще раз крепко обнимаю и прижимаю к своей груди и крепко и много раз целую свою дорогую и милую Аню. Смотри, не волнуйся и не забывай меня. Ладно».

Обманываться тут примирительным тоном Власова не следует. «Ладно» у Андрея Андреевича Власова далеко не всегда «ладно», «просто так» — очень даже не «просто».

Власов не отказывается от своих подозрений, а только делает вид, что отказывается. И молчать он готов, но только потому, что у него уже созрел другой план, он решил переместить супругу со станции «Сорочинской» в родное село на Волге, где она будет находиться под надежным надзором односельчан.

Последние письма Андрея Андреевича к жене почти целиком о переезде.

Есть много косвенных свидетельств, что Власову, хотя это и происходило в трагические дни гибели 2-й Ударной армии, все-таки удалось осуществить свой план перемещения жены в село Ломакино на Волгу. Похоже, что он посылал своего адъютанта Ивана Петровича Кузина на станцию «Сорочинскую», и тот перевез супругу генерала в родное село.

Во всяком случае, 18 июня 1943 года на допросе в НКВД майор Кузин уверенно назвал новый адрес законной жены генерала Власова.

— Настоящая жена Власова, — сказал он, — Власова Анна Михайловна, проживает — Горьковская область, Гагинский район, село Ломакино.

Очень любопытное совпадение.

Анну Михайловну Власову муж определил жить в селе Ломакино Горьковской области. А в самом городе Горьком, как это показал на допросе Кузин, жил в эвакуации последний муж его последней военно-полевой жены — Марии Игнатьевны Вороновой.

Когда Кузин перевез в Ломакино супругу генерала, он — поручение Марии Игнатьевны? — навестил и ее гражданского мужа, Митрофана Логвинова. Во всяком случае, на допросе в НКВД И.П. Кузин уверенно назвал его адрес — город Горький, автозавод, поселок Енилица, ул. 1 Мая.

Если мы вспомним, что и Агнесса Павловна Подмазенко разместилась в Саратове, слова Власова жене: «Главное — это то, что ты будешь жить недалеко все же от меня», — обретают особый смысл.

Ведь что значит — недалеко от меня?

От волховских болот, где погибала тогда 2-я Ударная армия, возглавляемая отважным и ревнивым генералом Власовым?

Конечно же, нет.

«От меня» тут — это «от меня будущего».

Власов устраивал свою будущую, состоявшую из многочисленных жен семью по-крестьянски расчетливо и удобно для проживания.

Заметим, что упрек майора И.П. Кузина, говорившего, дескать, Власов «был очень щедрый на государственные средства для расходования на свои личные нужды и экономный на свои личные», кажется нам не вполне оправданным.

У Андрея Андреевича Власова было так много жен, что никаких личных средств на них не могло хватить. Тем более что Власов никогда не уклонялся от хозяйственных забот своих супругов, независимо от того, законные это или незаконные — и супруги, и заботы! — были.

Разумеется, тут приходилось проявлять и экономность, и определенную изворотливость.

«14 февраля 1942 г. Дорогая и милая Аля (Подмазенко. — Н. К.), я видел у Чижма ^[17] два твоих чемодана. Приму меры к отправке их тебе с первой возможностью»...

«2 марта 1942 г. Дорогой и милый Аник (Власова. — Н. К.)! Я прошу тебя, напиши, что тебе нужно к весне, и я тебе все вышлю с попутчиком. Я, наверное, на днях получу для тебя туфли, и еще кое-что я тебе заказал, что поближе от меня».

«6 марта 1942 года. Дорогая и милая Аня (Власова. — Н. К.)! Ты пишешь, что в посылке не хватило 2 кг весу и что там не оказалось мыла. Это мы виноваты, поэтому всю ругань твою мы принимаем на себя. Получилось так, что у нас весов не было, и мы вес написали на глазок, вот и ошиблись на 2 кг, а мыло мы запаковали во вторую посылку. Боялись, что мыло испортит то, что мы тебе запаковали. Теперь об аттестате. Я аттестат скоро тебе вышлю новый, по которому ты будешь получать деньги, начиная с мая месяца. Милый Аник, ты у

меня очень скромна. Я тебя серьезно прошу, напиши мне, хватает тебе денег или нет. Мне, кажется, ты очень много рассылаешь денег родным, в частности и дедушке. Ну, посуди сама — куда ему деньги?».

И не только деньги и продукты делил между своими женами Андрей Андреевич, но и все свои успехи и радости.

«Дорогая и милая Аличка (Подмазенко. — Н. К.)! Я на днях был у Маруси Чижма. Меня вызывал к себе самый большой и главный хозяин. Представь себе, он беседовал со мной целых полтора часа.

Сама представляешь, какое мне выпало счастье.

Ты не поверишь, такой большой человек и интересуется нашими маленькими семейными делами. Спросил меня: где моя жена и вообще о здоровье. Это только может сделать ОН, который ведет нас всех от победы к победе. С ним мы разобьем фашистскую гадину».

«Я на днях был у Тани ^[18] проездом. Меня вызывали туда по делу. Ты не поверишь, дорогая Аня (Власова. — Н. К.)! Какая радость у меня в жизни. Я беседовал там с самым большим нашим Хозяином. Такая честь выпала мне еще первый раз в моей жизни.

Ты представить себе не можешь, как я волновался и как я вышел от него воодушевленным. Ты, видимо, даже не поверишь, что у такого великого человека хватает времени даже для наших личных дел. Так верь, он меня спросил, где у меня жена и как живет. Он думал, что ты в Москве. Я сказал, что далеко, поэтому в Москве и часу останавливаться не буду, а поеду обратно на фронт. Дело не ждет».

«Алик (Подмазенко. — Н. К.)! Ты все же не поверишь, какое большое у меня счастье. Меня еще раз принимал самый большой человек в мире. Беседа велась в присутствии его ближайших учеников ^[19]. Поверь, что большой человек хвалил меня при всех.»

«Дорогой и милый Аник (Власова. — Н. К.)! Ты не поверишь, как я счастлив. Самый большой человек в мире еще раз говорил со мной в присутствии его ближайших учеников. Какая радость. И представь, из его уст услышал похвалу о самом себе».

И разве его вина, что там, где обласканный И.В. Сталиным Андрей Андреевич Власов устроил своих законных и незаконных жен, и арестовали их?..

Оттуда и началось странствие по лагерям Анны Михайловны Власовой...

Агнесса Павловна Подмазенко хотя и попыталась затаиться, когда дошли до нее слухи об измене Андрюши ^[20], но взяли и ее.

А вот Мария Игнатьевна Воронова к мужу в город Горький не поехала, но ее тоже арестовали в белорусском городе Барановичи.

Но это тоже еще далеко впереди.

Удивительно, но столь напряженная борьба за любовь и верность своей законной супруги несколько не отвлекала Андрея Андреевича от заботы об Агнесе Павловне Подмазенко, готовившейся в Саратове стать матерью его первенца.

«Дорогой Алик! — исповедовался генерал возлюбленной 21 февраля 1942 года, сразу после ее демобилизации из армии. — Много бы я тебе написал, но помнишь, я тебе однажды говорил, что вот ты сейчас со мной и мы говорим так обыденно, а настанет время, и поговорил бы с тобой, а тебя и не будет. И вот сейчас это время у меня настало.

Много хочется сказать, а вернее, почувствовать тебя вблизи себя, а тебя нет. Но я прошу тебя — не скучай, не волнуйся и, главное, береги свое здоровье. Ведь ты сама знаешь, что за последнее время ты стала немного нервная.

А мы здесь будем бить фашистскую сволочь и мечтать о нашем хорошем будущем. Мне кажется, оно уже и не так далеко.

Разобьем фашистов — заживем еще лучше, чем в деревушке».

Утешая свою беременную военно-полевую жену, Андрей Андреевич Власов не жалеет сильных слов и не избегает некоторых преувеличений.

«Я тебя жду всегда и, если я для тебя воздух, то ты для меня кислород», — уверяет он возлюбленную 3 марта.

И все бы хорошо, но вот, утешая беременную женщину, проговорился генерал, что «Маруся-повар оказалась на высоте своего дела», и кончилась его спокойная жизнь!

Агнесса Подмазенко, разумеется, не могла постигнуть своим женским умом всю глубину матримониального маневра генерала Власова ^[21], но тактический промах генерала она уловила мгновенно и сразу различила опасность.

И напрасно теперь Власов пытался усыпить ее бдительность сообщениями о наградах, которые он выхлопотал: «Дорогая Аля! Теперь разреши поздравить тебя с высокой правительственной наградой — медалью за отвагу. Ты теперь обогнала тов. Кузина: он имеет медаль за боевые заслуги, а ты уже сразу получила вторую: „За отвагу“. Кроме того, скоро ожидает тебе и очередное звание. Еще раз поздравляю — ты ее заслужила.».

Напрасно выставлял генерал дымовые завесы вокруг своей новой военно-полевой жены: «Мы живем в маленькой деревушке старым колхозом: я, Маруся, Кузин, Хохлов, Воробьев. Маруся нас не обижает и кормит хорошо. Вот и сейчас стоит тут рядом и просит, чтобы я тебе от нее написал привет, что я и исполняю. Твои приказания все исполняются в точности. За этим следит Кузин. Но дорогой Алик! Все это не то. Я уже неоднократно тебе писал, что ты увезла с собой от нас много веселья».

Ни правительственные награды, выхлопатанные Власовым, ни преувеличенное дружелюбие Марии Вороновой не обманули Агнессу Павловну. Она чувствовала опасность, исходящую от Маруси, и понимала, что Маруся пытается занять или уже заняла место «походно-полевой жены» при ее генерале.

Боевая операция, которую Агнесса Павловна развернула против своей соперницы и изменщика генерала, по изощренности достойна войти в анналы женской мести.

Агнесса Павловна, сообщив обожаемому генералу о рождении у него ребенка (она родила сына), так и не сообщила ему о его поле.

Напрасно Власов штурмовал ее письмами, то грубовато, с наскока: «Привет маме, папе, Юрику и маленькому Андрюше — так что ли?» (26.04.42), то умоляюще, почти капитулируя: «Я волнуюсь. Что у тебя? Сын? Дочь! Не мучь, скорее пиши» (10.05.42), то уже безнадежно-отчаянно, прощаясь навсегда: «Привет и поцелуй маме, папе и Юрику, а также маленькому, не знаю, как его зовут, но знаю, что он очень хороший и любим мной и тобой» (17.05.42).

Напрасно...

Агнесса Подмазенко была неумолима, и, похоже, генерал так и остался в неведении, отцом кого он является.

Но — увы! — и этот первоклассно задуманный и неумолимо осуществленный маневр не принес Подмазенко столь чаемой победы.

Власов не расставался со своими женщинами.

Не расстался они с Марусей Вороновой.

Была новая спутница Власова на восемь лет старше Агнессы, специальность тоже имела другую — повар. Но это не помешало Марии Вороновой, подобно Агнессе, в самом начале своей армейской службы захватить постель генерала Власова и укрепиться в ней.

С Марией Игнатьевной Вороновой отбыл Власов на Волховский фронт.

С Марией Вороновой отправился в уже окруженную немцами 2-ю Ударную армию.

С Марией Вороновой пытался выйти из окружения, как некогда выходил из окруженного Киева с Агнессой Подмазенко.

Впрочем, рассказ об этом впереди, а пока, завершая рассказ о женщинах советского генерала Власова, скажем, что жизнь Андрея Андреевича на войне была по-мужски яркой и насыщенной.

Хотя, конечно, были в этой жизни не только женщины.

Глава шестая

«Начальнику Главного управления кадров Красной армии.

Генерал-майор Власов сможет быть направлен не ранее 25-26 ноября в связи продолжающимся воспалительным процессом среднего уха. Начальник штаба ЮЗФ Бодин. Зам. нач. военсанупра ЮЗФ Бялик — Васюкевич».

Эта телеграмма была отправлена, когда уже вовсю шло формирование 20-й армии, командующим которой 20 ноября был назначен генерал-майор Власов.

Прогноз докторов оказался неверным.

Власов продолжал болеть и 4 декабря 1941 года, когда закончилось сосредоточение войск, и 6 декабря, когда 20-я армия получила приказ наступать на Солнечногорск.

Не было Власова в армии и 10 декабря, когда войска вышли на рубеж Векшино-Никольское.

И хотя центральные газеты 13 декабря сообщили, что «войска генерала Власова, преследуя 2-ю танковую и 106-ю пехотную дивизии противника, заняли город Солнечногорск», но Солнечногорск 12 декабря 1941 года 20-я армия тоже брала без Власова.

Через полтора года, составляя «Открытое письмо», Андрей Андреевич Власов позабудет о своей болезни.

«После выхода на окружения, — напишет он, — я был назначен заместителем командующего ЮгоЗападным направлением, а затем командующим 20-й армией. Формировать 20-ю армию приходилось в труднейших условиях, когда решалась судьба Москвы.

Я делал все от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я армия остановила наступление на Москву и затем сама перешла в наступление (Курсив мой. — Н. К.). Она прорвала фронт Германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Каховскую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему Московскому участку фронта, подошла к Гжатску».

По забывчивости Власов несколько преувеличил роль 20-й армии.

Кроме того, судя по воспоминаниям начальника штаба 20-й армии генерал-майора Л.М. Сандалова,

Андрей Андреевич вообще прибыл в армию, только когда та уже вышла на подступы к Волоколамску.

«В полдень 19 декабря в г. Чисмены начал разворачиваться армейский командный пункт. Когда я и член Военного совета Куликов уточняли на узле связи последнее положение войск, туда вошел адъютант командующего и доложил нам о его приезде. В окно было видно, как из остановившейся у дома машины вышел высокого роста генерал в темных очках. На нем была меховая бекеша с поднятым воротником, обут он был в бурки. Это был генерал Власов. Он зашел на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча.

Показывая положение войск на карте, я доложил, что командование фронта очень недовольно медленным наступлением фронта и в помощь нам бросило на Волоколамск группу Катукова из 16-й армии. Куликов дополнил мой доклад сообщением, что генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах.

Молча насупившись, слушал все это Власов. Несколько раз переспрашивал нас, ссылаясь, что из-за болезни ушей он плохо слышит. Потом с угрюмым видом буркнул нам, что чувствует себя лучше и через день-два возьмет управление армией в свои руки полностью. После этого разговора он тут же на ожидавшей его машине отправился в штаб армии, который переместился в Нудоль-Шарино» ^[22].

20 декабря Волоколамск был освобожден.

В последующие дни немцы предприняли ряд мощных контратак, но все они были отражены.

Наступление на западном стратегическом направлении, завершившееся в начале января 1942 года, было первым серьезным успехом Красной армии в ходе войны. Советские войска вышли на рубеж Селижарово — Ржев — Боровск — Мосальск — Белев — Мценск — Новосиль, отбросив немцев на двести километров от Москвы.

И.В. Сталин, которому до этого приходилось ломать голову, как наказывать генералов, теперь осыпал их наградами, званиями и почестями.

Вместе с другими чествовали и Андрея Андреевича Власова.

«УПРАВЛЕНИЕ ВОЕНТОРЕА ЗАПАДНОЕО ФРОНТА

29 декабря 1942 г.

С НОВЫМ ГОДОМ.

Командующему армией генерал-майору тов. ВЛАСОВУ

//- АССОРТИМЕНТ НОВОГОДНЕЙ ПОСЫЛКИ-ПОДАРКА ОТ ВОЕННОГО СОВЕТА ЗАПАДНОГО ФРОНТА — //

Икра 0,5 кг.

Балык 1,0 кг.

Шоколадный набор 5 кор.

Шоколад 5 плиток.

Какао 2 бан.

Вино 1 бут.

Яблоки 2,0 кг.

Коньяк 6 флак.

Лимоны в сахаре 1 банка.

Папиросы 10 кор.

Мыло туалетное 2 куска.

Паста зубная 2 тюбика.

Одеколон 1 флакон.

Белье простое 2 пары.

Белье шелковое 1 пара.

Свитер 1 шт.

Носки шерстяные 2 пары.

Данная посылка приготовлена по приказанию Военного совета Западного фронта.

НАЧАЛЬНИК ВОЕНТОРГА ЗАПАДНОГО ФРОНТА Интендант 1-го ранга Хотинский».

Икрой, балыком и коньяком награды, разумеется, не ограничились.

Перед Новым годом, 31 декабря 1941 года, газета «Известия» опубликовала на первой полосе статью «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы». Внизу были помещены фотографии девяти отличившихся генералов. Фотография в нижнем ряду запечатлела генерала Власова.

6 января 1942 года Андрею Андреевичу Власову присвоили звание генерал-лейтенанта, 1 февраля наградили орденом Красного Знамени, а 11 февраля он был удостоен персональной аудиенции И.В. Сталина, которая продолжалась с 22 часов 15 минут до 23 часов 25 минут (1 час 10 минут!).

Икра, ордена, балыки, звания и слава доставались Власову, если судить по воспоминаниям Леонида Михайловича Сандалова, за сражения, которые выигрывала армия, пока генерал лечил свое ухо...

И соблазнительно, забегаая вперед, провести аналогию с трагедией 2-й Ударной армии, виновником гибели которой тоже был не Власов. А после порассуждать, насколько условна вообще персонификация побед и поражений на войне. Увы. Очень часто успешным становится не тот генерал, который выигрывает сражения, а тот, который умеет приписать себе победу.

Аналогии и рассуждения эти напрашиваются, ибо они отражают реальность военно-бюрократической машины, где и генералы, командующие армиями, порою так же невольны в своих решениях, как и рядовые бойцы.

И все же, понимая это, необходимо удержаться на зыбкой границе обобщения и не впасть в еще большую неправду о войне, чем та, которую долгое время навязывали нам.

Все-таки были и у нас генералы, которые сами, вопреки объективным условиям, вопреки инерции бюрократической машины, определяли исход той или иной операции.

Их было немного, их смело можно назвать исключениями из общего правила, но это именно они сформировали то стратегическое мышление, которое по-настоящему заработало только в сорок четвертом году и которое привело нас к Победе.

Разумеется, московское контрнаступление не давало никакого повода для разговоров о стратегии. Роль генералов, командовавших армиями в этом сражении, когда, навалившись всей тяжестью, километр за километром выдавливали немцев, оттесняя от Москвы, была столь обезличена, что не имело особого значения, кто, Сандалов или Власов, командует армией.

Медленно ползла вперед армия, когда приказы подписывал Сандалов, медленно продвигалась она, когда принял командование Власов. Столь же медленно наступали и другие армии. Скорость иногда увеличивалась, но только за счет вливаемых в армии резервов.

Перед началом Волоколамской операции ^[23] 20-ю армию усилили двумя стрелковыми бригадами, пятью артиллерийскими полками, двумя дивизиями «катюш», 2-м гвардейским кавалерийским корпусом с танковой бригадой и пятью лыжными батальонами.

7 января Власов утвердил план операции. Армия должна была наступать на Шаховскую в двадцатикилометровой полосе. Начало планировалось на 9 января.

Из-за сильного снегопада авиация не поддержала войска, но 10 января в 9.30 после артподготовки дивизии пошли в атаку и продвинулись вперед на два километра.

11 января — еще на три.

12 января Власов приказал ввести в прорыв кавалерийский корпус, но Жуков отменил его приказ до прорыва обороны на всю тактическую глубину. Только к вечеру армии удалось пробиться на глубину в семь километров.

Но и дальше наступление развивалось столь же мучительно трудно. В день преодолевали не более пяти километров, а 25 января вышли к Гжатским оборонительным позициям и здесь, у «линии фюрера», остановились.

Прорывать ее наличными силами было уже невозможно.

Это понимал Власов, это понимали и в Ставке.

По своим масштабам московское контрнаступление имело скорее политическое, нежели военное значение. Но опять-таки по политическим соображениям приказано было считать его выдающейся победой.

Таки считали...

Вот боевая характеристика на генерал-лейтенанта Власова, выданная 28 января 1942 года:

«Генерал-лейтенант Власов командует войсками 20-й армии с 20 ноября 1941 года.

Руководил операциями 20-й армии: контрударом на город Солнечногорск, наступлением войск армии на Волоколамском направлении и прорывом оборонительного рубежа на реке Лама.

Все задачи, поставленные войскам армии, тов. Власовым выполняются добросовестно.

Лично генерал-лейтенант Власов в оперативном отношении подготовлен хорошо, организационные навыки имеет. С управлением войсками армии — справляется вполне.

Должности командующего войсками армии вполне соответствует».

Под этой характеристикой — подпись командующего войсками Западного фронта генерала армии Жукова.

Георгий Константинович Жуков — человек не сентиментальный. Если требовалось, он не жалел ни солдат, ни генералов.

Как свидетельствует бывший адъютант А.А. Власова майор И.П. Кузин, в отношениях Г.К. Жукова с Власовым порою возникали трения.

«Я слышал разговор Власова по прямому проводу с командующим фронтом т. Жуковым, — сообщил он в органы. — По разговору я понял, что тов. Жуков ругал Власова. Власов разговаривал вызывающе и бросил реплику: „Может, армию прикажете сдать?“, — а потом добавляет, что он лично назначен тов. Сталиным, и, когда кончился разговор, он свою злобу вылил в форме мата по адресу тов. Жукова.

Кроме того, когда поступали распоряжения из фронта и их докладывали Власову, то он смотрел поверхностно и вставлял слова, что, сидя от фронта за 100 км, можно рассуждать, а здесь надо делать.

В феврале 1942 г. тов. Жуков прибыл в 20-ю армию и после своей работы решил остаться ночевать, а потом изменил свое решение и ночью выехал. После отъезда тов. Жукова Власов в виде шутки высказывал, что он начальству рассказал, что Штаб армии подвергается артиллерийскому обстрелу каждый день, и начальство не замедлило с выездом.

Несколько раз я слышал, что Власов рассказывал т. Сандалову и другим о тов. Жукове, что тов. Жуков просто выскочка, что он способностей имеет меньше, чем занимает положение, и что Власов знает тов. Жукова по работе в дивизии.

Когда Власова наградили, тов. Жуков прислал поздравительную телеграмму, Власов прочел и высказал, что тов. Жуков не ходатайствовал о награждении, это помимо его сделано, что тов. Жуков помнит Власову за инспекцию дивизии».

Необходимо, конечно, отсеять излишнюю пристрастность и стремление майора Кузина во что бы то ни стало реабилитироваться в глазах Особого отдела.

И все равно многое в информации И.П. Кузина соответствует действительности.

И стычки у Власова с Жуковым были. И мат по поводу и без повода, и зависть, и генеральское хамство.

Тем не менее Власову Жуков дал положительную характеристику.

Значит, считал, что Власов справляется с обязанностями командарма. И еще — это, наверное, тоже понимал Жуков, — лучших генералов не было тогда в армии, и не из чего было выбирать.

Здесь мы опять возвращаемся к вопросу, не чернят ли светлую память великого русского полководца подобные факты биографию? Надо ли вспоминать это?

Мы убеждены, что говорить необходимо.

Если же скрывать подобные факты, если обходить их молчанием, открывается простор для спекуляций, действительно, на наш взгляд, оскорбляющих память и Е.К. Жукова, и всех фронтовиков.

«Власов с Жуковым знаком по меньшей мере с 1929 года по совместной учебе на курсах „Выстрел“:

Власов окончил их в 1929 году, а Жуков в 1930 году — как говорится, однокашники. В 1939 году Власов находился в качестве

руководителя группы военных советников в Китае, главного военного советника Чан Кайши, в момент, когда Китай вел смертельную борьбу с японскими захватчиками. В 1939 году Г.К. Жуков назначается командующим 1-й армейской группой советских войск в Монголии, проводит там блестящую операцию по окружению крупной группировки японских войск и уничтожает ее в районе реки Халхин-Гол, то есть Жуков в открытом бою, с применением танков и самолетов, артиллерии и всех видов стрелкового оружия бьет врага на севере, Власов с линии невидимого фронта, невидимым для противника оружием, бьет того же врага с юга.

Разве не точно так же распределил Сталин роли Жукова и Власова в другой войне — Великой Отечественной? Разве не держал Жуков точно такой же фронт против немцев, какой он держал против японцев в 1939 году, а в это самое время разве не держал Власов против немцев точно такой же фронт, какой он держал против японцев в 1939 году? Полный разгром японцев Жуковым и Власовым в 1939 году заложил победу над немцами под Москвой в 1942 году. Жуков и Власов отбили охоту у японцев ходить на север (вот это да! — Н. К.) за „зипунами“. Промышлять они решили на юге. Сибирские и уральские дивизии были мгновенно переброшены под Москву и за минуту до ее падения спасли столицу.

В 1939 году Сталин поделил победу над японцами на двоих: Жуков становится Героем Советского Союза, Власов получает высший орден СССР — орден Ленина. Героем Советского Союза Власов не был объявлен только потому, что у этой „игры“ совсем иные правила. С повышением уходят и тот, и другой. После разгрома японцев в 1940 году Жуков оказывается командующим Киевского Особого военного округа, а с января 1941 года он — начальник Генерального штаба, заместитель наркома обороны СССР. Спрашивается, мог ли Жуков в самый напряженный момент битвы под Москвой „потерять“ командующего армией, которая находится на решающем участке битвы? Мог ли он „потерять“ по своей вине однокашника, своего любимого комдива, любимого командира мехкорпуса, полковника, которого он сделал генерал-майором, а все это вместе и называется одним словом — друг, а еще сильнее — боевой товарищ? Мог. Запрос в Главное управление кадров Жуков делает потому, что встревожен, куда делся Власов, озабочен тем, что 20-я армия начинает „дело“ без командующего. Жуков, видимо, просто отказывается понимать, что происходит вокруг Власова, что может быть вообще более важного и ответственного, чем происходящее в эти часы на полях Подмоскovie, где решается судьба Москвы, а многим казалось, и судьба всей страны? Оказывается, было нечто, что было важнее и значимее, чем все это. Отшлифовывались последние „абзацы“ „легенды“, с которой Власов должен был уходить к немцам».

К разбору процитированного сочинения господина Филатова мы еще вернемся, а пока отметим, что насильственное, искусственное сближение человека, изменившего Родине, и человека, которого, как ни крути, мы с полным правом называем среди спасителей ее, оскорбительно.

Оскорбительная попытка поделить заслуги Жукова. И с кем? С Власовым...

Конечно же, буйная фантазия генерала Филатова — продукт наших дней, точно так же как и сам генерал Филатов — продукт нашего времени. Он придумывает, но ведь и он сам со своими генеральскими звездами рожден не на полях сражений, а тоже придуман в чиновничьих коридорах.

Ну, а талант таких стратегов и организаторов, как Жуков, в том и заключается, что они всегда размещают свои проекты в пределах возможного, в той реальности, с которой приходится иметь дело.

Георгий Константинович Жуков жил в реальном, очень сложном времени, и умненького знания о том, кто и где окажется месяцы спустя, у него не было и не могло быть. А главное — это умненькое знание и не нужно было Жукову для того, чтобы исполнить дело спасения нашей Родины, которое он обязан был исполнить.

Так что отнесемся к аттестации Жуковым Власова с пониманием, как с пониманием должны мы отнестись и к тому, что происходило с Власовым в декабре 1941 — начале 1942 годов.

Цену победам своей армии Власов, очевидно, знал сам. Но ведь понимал и то, что это все-таки были победы. Впервые наши войска брали города, а не сдавали немцам. Психологически это очень важно. Как и другие советские генералы ^[24], Власов наконец-то обретал уверенность в своих силах.

Л.М. Сандалов, нарисовавший сцену появления А.А. Власова в 20-й армии, писал воспоминания ^[25], уже зная, что Власов изменник, и это настраивало его на определенный лад. Отчуждение и плохо скрытая неприязнь, как нам кажется, не из декабря сорок первого года, а из более позднего времени.

Но сохранились и рассказы о Власове той поры. Они существенно отличаются от описания Леонида Михайловича Сандалова.

Глава седьмая

Перед штурмом Волоколамска у Власова побывал американский журналист Ларри Лесюер. Лесюера поразила популярность Власова среди бойцов, его оптимизм.

Французская журналистка Эв Кюри встречалась с Власовым уже после взятия Волоколамска. Молодой генерал произвел на нее

впечатление крупного стратега. Власов беседовал с Эв Кюри о Наполеоне и Петре I, о Г.В. Гудериане и Шарле де Голле. Эв Кюри написала о Власове, что это один из самых перспективных советских генералов, чья слава быстро растет.

А вот записки о Власове редактора «Красной звезды» Д.И. Ортенберга.

«27.02.42 г. На командном пункте 20-й армии у Лудной горы под Волоколамском. Посидели с Власовым часа два. На истрепанной карте, с красными и синими кружками, овалами и стрелами, он показал путь, который прошла армия от той самой знаменитой Красной Поляны, откуда немец уже собирался обстреливать Москву из тяжелых орудий. Видели мы Власова в общении с бойцами на „передке“ и в тылу с прибывшим пополнением. Говорил он много, грубовато, острил, сыпал прибаутками. Литсотрудник „Красной звезды“ Александр Кривицкий записал: «При всем том часто поглядывал на нас, проверял, какое впечатление производит: артист!». Власов то и дело упоминал имя Суворова, к месту инек месту. От этого тоже веяло театром, позерством. Кстати, это заметили не только мы» (курсив мой. — Н. К.).

«Не только мы» — это, вероятно, еще и Илья Григорьевич Эренбург.

Верный своей концепции, что вся мировая история совершается возле него и он должен присутствовать при поворотных моментах в судьбах известных людей, Эренбург смещает в своих воспоминаниях встречу с Власовым на тот мартовский день, когда генералу позвонил Сталин, вызывая его в Ставку за назначением на Волховский фронт.

Однако если не обращать внимания на эту особенность творческой манеры Эренбурга, надо признать, что портрет Власова, созданный Ильей Григорьевичем, — едва ли не самый удачный и точный во всей литературе о Власове.

«Пятого марта 1942 года я поехал на фронт по Волоколамскому шоссе. Впервые я увидел развалины Истры, Новоиерусалимского монастыря... Я поехал через Волоколамск. Возле Лудиной горы в избе помещался КП генерала А.А. Власова.

Он меня изумил прежде всего ростом — метр девяносто, потом манерой разговаривать с бойцами — говорил он образно, порой нарочито грубо и вместе с тем сердечно. У меня было двойное чувство: я любовался, и меня в то же время корбило — было что-то актерское в оборотах речи, интонациях, жестах. Вечером, когда Власов начал длинную беседу со мной, я понял истоки его поведения: часа два он говорил о Суворове, и в моей записной книжке среди другого я отметил: „Говорит о Суворове, как о человеке, с которым прожил годы...“»

О чем Власов мог говорить с Эренбургом?

Конечно, ему хотелось заинтересовать влиятельного журналиста, но вместе с тем ему нужно было показать себя генералом, и он слегка поддразнивал уважаемого Илью Григорьевича.

Как и всякий русский человек, воспитанный в православии, Власов не был антисемитом. Даже оказавшись в Германии, он не отказывался работать в «Вермахт пропаганде» с учеником Николая Ивановича Бухарина евреем Мелетием Зыковым.

И вместе с тем настороженность и насмешливость по отношению к евреям присутствовали в Андрее Андреевиче Власове всегда.

В походе на донос рапорте бывший адъютант Власова майор И.П. Кузин «осветил» и эту черту характера своего начальника:

«За время моего наблюдения за Власовым в 20-й армии я убедился, что он терпеть не мог евреев. Он употреблял выражение „евреи атакуют военторг“ ит. д., и он форменным образом разогнал работников военторга по национальности евреев. Власов говорил, что воевать будет кто-либо, а евреи будут писать статьи в газеты и за это получать ордена».

Так что, принимая во внимание и эту черту характера Власова, можно понять, с каким удовольствием поддразнивал Андрей Андреевич Илью Григорьевича.

Тем более что сделать это было нетрудно.

Говорил Власов про Суворова, чье имя вместе с именами других русских полководцев еще только начинало снова вводиться в обиход. Возвращение дорогих русскому сердцу имен, конечно же, не могло не беспокоить наших интернационалистов. Но поскольку исходило оно непосредственно от Сталина, то и возмущаться было страшновато. Вот и вынужден был Илья Григорьевич, как неделю назад Ортенберг, поерзывая, внимать бесконечным байкам о Суворове, которыми пересыпал свой разговор Власов.

Суворов, как известно, чрезвычайно гордился тем, что он русский, и всегда щеголял русскостью.

Однажды он остановил щеголеватого офицера и поинтересовался: давно ли тот изволил получать письма из Парижа?

— Помилуйте, ваше сиятельство! — ответил незадачливый франт. — У меня никого нет в Париже.

— А я-то думал, что вы родом оттуда, — сказал Суворов.

Не менее едко высмеивал Александр Васильевич и сановную глупость, и пустословие.

Вступая в Варшаву, он отдал такой приказ: «У генерала Н. взять позлащенную карету, в которой въедет Суворов в город. Хозяину кареты сидеть насупротив, смотреть вправо и молчать, ибо Суворов будет в размышлении».

Наверняка ввернул Власов в разговор и язвительное замечание Суворова, дескать, жалок тот полководец, который по газетам ведет войну. Есть и другие вещи, что ему надобно знать.

Разумеется, в нашей попытке реконструировать разговор Власова с Эренбургом много гипотетичного, но все же исходные моменты этого разговора вычисляются достаточно точно.

Первые реальные победы, первая всенародная слава или, вернее, предощущение этой славы ^[26], впервые дарованная возможность не стесняться, что ты русский, а гордиться этим, с гордостью называть имена русских героев — все это пьянило Власова. И это упоительное, захлестывающее генерала чувство и заставляло Эренбурга любоваться Власовым, но вместе с тем и корбило его.

Тем более что и актерство, подмеченное Эренбургом, тоже, наверняка, прорывалось в жестах и словах Власова. Ведь он столько лет — всю сознательную жизнь! — старался не выдать «иррационального» пристрастия к русскому типу лица, к русской истории, что сейчас походил на человека только что после долгих лет болезни вставшего с постели. Человек этот идет, но ноги еще не слушаются его, человек, прежде чем ступить, думает, как нужно поставить ногу, и от этого все движения чуть карикатурны.

Национальные чувства Власова, пафос его и восторг были глубоко чужды интернационалисту Эренбургу, но само ощущение пробивающихся в человеке потаенных доселе сил — захватывало.

«На следующий день солдаты говорили со мной о генерале, хвалили его: „простой“, „храбрый“, „ранили старшину, он его закутал в свою бурку“, „ругаться мастер“...

Он был под Киевом, попал в окружение; на беду, простудился, не мог идти, солдаты его вынесли на руках. Он говорил, что после этого на него косились. „Но тут позвонил товарищ Сталин, спросил, как мое здоровье, и сразу все переменялось“. Несколько раз в разговоре он возвращался к Сталину. „Товарищ Сталин мне доверил армию. Мы ведь пришли сюда от Красной Поляны — начали чуть ли не с последних домов Москвы, шестьдесят километров отмахали без остановки. Товарищ Сталин меня вызвал, благодарил...“ Многие он критиковал. Говоря о военных операциях, добавлял: „Я солдатам говорю: не хочу вас жалеть, хочу вас сберечь. Это они понимают“.

Мы поехали назад. Машина забуксовала. Стоял сильный мороз. На КП девушка, которую звали Марусей, развела уют: стол был покрыт скатеркой, горела лампа с зеленым абажуром и водка была в графинчике. Мне приготовили постель. До трех часов утра мы говорили, вернее, говорил Власов — рассказывал, рассуждал. Кое-что из его рассказов я записал».

Любопытно, как комментируют этот разговор Власова с Эренбургом современные историки.

«Помнится, где-то в 1946 году замечательный русский писатель Алексей Югов написал об Эренбурге, что тот весь переводной, что он не пишет на русском языке, а переводит с иностранного, что у Эренбурга не русский язык, а кальки с русского языка. — издалека начинает свою мысль генерал Филатов. — За такие слова русского Югова просто затравили потом единоверцы Ильи. А ведь совершенно прав был Югов в отношении русского языка Эренбурга. Он двое суток

слушал Власова, но так ничего и не понял из того, что ему говорил генерал на чистейшем очень образном русском языке.

Власов говорил о Сталине, подразумевая русскую объединительную идею, о личности, вокруг которой в конце 1941 года уже начали сплываться русские. Для Эренбурга слова Власова о Сталине — ерничанье, лицемерие. Власов говорил Эренбургу о верности, подразумевая верность не лозунгам эренбургов и мехлисов, кагановичей и левитанов, а Донским и Невским, Суворовым и Брусиловым. И после того как Эренбург обнаружил «обман» Власова, он стал для него и ему подобных злейшим врагом по сей день. Даже со слов бестолкового в русских делах Эренбурга видно, что Власов и в Берлине оставался тем же, кем он был под Перемышлем, под Киевом, под Москвой и в Мясном Бору на Волховском фронте — Русским человеком; что, как и в Битве под Москвой, в Берлине он выполнял один и тот же приказ одного и того же человека — Сталина».

Юный Андрей Власов воевал на врангелевском фронте. К слову уж, в это самое время в тех же краях эренбурги и маршаки в армии ставленника Антанты Деникина, сменившего «француза» Врангеля, были главными редакторами газет. Любимый лозунг, который они выносили в «шапки» на первые полосы своих газет, был: «Лучший красный — мертвый красный!». Каблуками своих сапог, копытами своих коней красные втапывали в грязь эти грязные газетенки с их погромной «шапкой». Вот кто вдохновлял на резню и погромы, называемые гражданской войной. А «красные», которые хороши только повешенные, были воронежские и тамбовские мужики. Под словом «красный» эренбурги тогда держали русского мужика, под словом «белый» — русского офицера. Сегодня на слове «большевик» они держат снова русского мужика. Мы на этом слове, сохраняя правду истории, держим только бронштейн-троцких. Штрик-Штрикфельдт пишет: «По мнению этого отдела (Министерства пропаганды), большевизм и еврейство идентичны». Нам давно пора научиться читать их потаенный язык. Нам надо выработать свой условный, кодовый — „задушевный“ русский разговор, понятный только нам» ^[27].

О чем это?

Да. Можно согласиться, что Эренбург не до конца понял Власова. Не сумел, а может быть, и не захотел. Отчасти это верно, как, впрочем, верно и то, что люди вообще редко понимают друг друга.

С трудом можно допустить, что, посмеиваясь над распухшим от славы журналистом, Андрей Андреевич Власов действительно говорил о верности, подразумевая верность не лозунгам эренбургов и мехлисов, кагановичей и левитанов, а Донским и Невским, Суворовым и Брусиловым.

Достаточно остроумны рассуждения о «красных» и «белых».

Можно даже согласиться со словами о нужде нашей в своем «задушевном» русском разговоре.

Но почему «даже со слов бестолкового в русских делах Эренбурга видно, что Власов и в Берлине оставался тем же, кем он был под Перемышлем, под Киевом, под Москвой и в Мясном Бору на Волховском фронте — Русским человеком; что, как и в Битве под Москвой, в Берлине он выполнял один и тот же приказ одного и того же человека — Сталина»?..

Откуда это видно?

Из каких слов Оренбурга?

Главное же, нелепейшее предположение, будто в Берлине Власов выполнял приказы Сталина, подается тут как бесспорный, не нуждающийся ни в каких дополнительных доказательствах факт.

И тут, хотя генерал Филатов и не любит Оренбурга, трудно не заметить его духовного родства с Ильей Григорьевичем.

Оренбург был убежден, что вся советская история России совершается для него и при его непосредственном участии.

Филатов убежден, что вся тайная история сопротивления мировому масонству совершается вокруг него и при его непосредственном участии.

При этом и тот, и другой, подобно картежным шулерам, сбрасывают под стол неудобные факты.

Филатов — с простоватой генеральской неуклюжестью, а Эренбург — с еврейским апломбом и невозмутимостью.

Ну, да Бог с ними, эренбургами и Филатовыми...

Мы уже подошли к поворотному в судьбе Андрея Андреевича Власова моменту — назначению его на Волховский фронт.

«Среди ночи Власов разнервничался: немцы осветили небо ракетами, перебрасывая пополнение.

Рано утром Власова вызвали по ВЧ.

Назад вернулся взволнованный.

— Товарищ Сталин оказал мне большое доверие. — сказал он и добавил, что получил назначение на Волховский фронт.

Мгновенно вынесли его вещи. Изба опустела. Сборами командовала Маруся в ватнике. Власов взял меня в свою машину — поехал на передний край проститься с бойцами».

Официально Андрей Андреевич Власов назначался заместителем командующего фронтом, но, похоже, у Сталина были насчет него более серьезные намерения.

В уже цитировавшихся нами воспоминаниях Никита Хрущев пишет: «Когда Власов оказался изменником, Сталин вызвал меня и зловещим тоном напомнил мне о том, что именно я выдвинул Власова на пост командующего 37-й армии. В ответ я просто напомнил ему, кто именно поручил Власову руководство контрнаступлением под Москвой и даже предполагал назначить Власова командующим Сталинградским фронтом. Сталин оставил эту тему и больше никогда не возвращался к ней».

Никита Сергеевич — большой выдумщик.

Разумеется, никогда бы не посмел он напоминать Сталину о его промахе. Не те отношения были.

И тем не менее разговор этот несомненно состоялся. Только не в реальности, а в воображении самого Хрущева.

Узнав о предательстве Власова, Хрущев вспомнил о своем промахе в Киеве в августе сорок первого года и, ожидая вызова к Сталину, десятки, а может, и сотни раз перебирал аргументы в собственную защиту.

Иосиф Виссарионович по каким-то своим соображениям так и не стал укорять Никиту Сергеевича киевским проколом, но Хрущев каждый раз ждал разговора, трусил, и, наконец, ему стало казаться, что разговор состоялся на самом деле.

Поэтому свидетельство Хрущева, что Сталин обдумывал, не назначить ли ему Власова на Сталинградский фронт, не кажется нереалистичным. И тут нас не должно смущать то обстоятельство, что как таковой Сталинградский фронт был образован только 12 июля 1942 года. Подготовительная работа велась, когда Власов не сдался еще в плен, и фамилию Власова Сталин вполне мог назвать в списке возможных кандидатур на должность командующего.

Забегая вперед, напомним, что формально с конца апреля 1942 года Власов не имел никакой должности, поскольку Волховский фронт благодаря интригам М.С. Хозина был тогда расформирован.

Но если при обсуждении кандидатур на должность командующего Сталинградским фронтом летом сорок второго года фамилия Власова только называлась в списке других, то назначение Власова командующим Волховским фронтом было вопросом недель или дней.

8 марта 1942 года Власов приглашен в Кремль к И.В. Сталину.

О чем шла речь на этом совещании неизвестно, но кое-что можно сообразить по составу участников.

Первым у Сталина, в 21.45, появился К.Е. Ворошилов. Член ГКО и Ставки ВГК, бывший главнокомандующий войсками Северо-Западного направления, бывший командующий Ленинградским фронтом, Ворошилов хотя и оказался оттесненным от практических дел, но пока как бы продолжал курировать ленинградскую проблематику.

Двадцать минут Сталин и Ворошилов говорили наедине, а потом в кабинет были приглашены высшие руководители партии и правительства — Г.М. Маленков, В.М. Молотов и Л.П. Берия.

Едва они расселись, как вошли Б.М. Шапошников, А.М. Василевский, П.Ф. Жигарев, А.А. Новиков, А.Е. Голованов и А.А. Власов.

Совещание, начавшееся в 22.10, длилось до полуночи.

В 24.00 И.В. Сталин отпустил Б.М. Шапошникова, А.М. Василевского, П.Ф. Жигарева, А.А. Новикова, А.Е. Голованова и А.А. Власова и провел пятнадцатиминутное совещание-политбюро с К.Е. Ворошиловым, Г.М. Маленковым, В.М. Молотовым и Л.П. Берией ^[28].

Состав участников совещания любопытен.

Легко можно выделить три тройки.

Правительственно-партийная — Маленков, Молотов и Берия.

Штабная — начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников, его заместитель А.М. Василевский, плюс сам К.Е. Ворошилов.

И, наконец, — авиационная тройка.

Командующий ВВС П.Ф. Жигарев, командующий авиацией дальнего действия А.Е. Голованов, командующий ВВС Ленинградского фронта А.А. Новиков.

Совершенно очевидно, что на этом совещании вырабатывалось некое стратегическое решение, и без особого риска ошибиться, можно предположить, что речь шла об операции по деблокаде Ленинграда.

Существенная роль в операции — обратите внимание на обилие авиационных генералов! — отводилась военно-воздушным силам, ну, а главное командование наземными войсками И.В. Сталин, по-видимому, собирался отдать А.А. Власову, который один и представлял на этом совещании наземные силы...

Во всяком случае, сам Власов после разговора со Сталиным именно так и считал.

«Дорогая и милая Аля. Что можно сказать о себе?.. Бьем фашистов крепко и готовим им крепкие весенние подарки еще сильнее. Ты прекрасно знаешь, что куда твоего Андрюшу ни pošлет правительство и партия — он всегда любую задачу выполнит с честью».

«Дорогая Аня, милая, любимая, родная!.. Недаром я получил звание генерал-лейтенанта и орден Красного Знамени, и я два раза лично беседовал с нашим великим Вождем. Это, конечно, так не дается. Тебе уже, наверное, известно, что я командовал армией, которая обороняла Киев. Тебе также известно, что я также командовал армией, которая разбила фашистов под Москвой и освободила Солнечногорск, Волоколамск и др. города и села, а теперь также команду еще большими войсками и честно выполняю задания правительства и партии и нашего любимого вождя тов. Сталина».

Об этом же свидетельствуют показания Марии Игнатьевны Вороновой, той самой «Маруси в ватнике», о которой упоминает И.Г. Оренбург.

На допросе в НКВД 21 сентября 1945 года Мария Игнатьевна рассказала, что знает Власова с 1942 года по 20-й армии, а затем и по 2-й Ударной.

— В сорок втором году, — говорила она, — в феврале поступила, как вольнонаемная, на службу в 20-ю армию. Служила в системе военторга шеф-поваром. В полевых условиях после Наро-Петровска была переведена работать в столовую Военного совета 20-й армии. В начале марта 1942 года Власов был вызван в Москву, куда взял, кроме своего непосредственно подчиненного состава и меня, как повара.

Из Москвы, ввиду назначения Власова главнокомандующим на Волховский фронт, он выехал туда, с ним уехала ия...

Безусловно, Воронова — специфический свидетель.

Едва ли она разбиралась во всех тонкостях званий и должностей. Тем ни менее ее показания интересны.

Это свидетельство того, как понимали новое назначение генерала в свите Власова. Судя по показаниям Вороновой, здесь считалось, что Андрей Андреевич едет на Волховский фронт первым лицом.

И, видимо, так оно и было, и вопрос о переводе Власова в командующие фронтом должен был решиться сразу по приезду его на Волховский фронт. Подтверждает это и то, что сопровождали Власова люди, облеченные чрезвычайными полномочиями, достаточными для передачи фронта новому командующему.

Чтобы понять, что же случилось на Волховском фронте, и почему Власов не был назначен командующим, нам придется вернуться назад, в декабрь 1941 года, и вспомнить, как разворачивались события здесь, в болотах Ленинградской и Новгородской областей.

Часть вторая. Трагедии окруженной армии

Что такое жизнь? Жизнь. Отдельная личность должна умереть. Что остается от отдельного человека?

Это народ.

А. Гитлер

Основные военные кампании планируют на лето или на зиму.

Война не прерывается, конечно, и весной, и осенью, но русское бездорожье сковывает маневр, и как-то само собой получается, что в межсезонье самая смелая генеральская стратегия упирается в солдатский окоп, в сырую траншею.

В распутицу нечего делать генералу на войне, и в эту пору — самое время подвести итоги, прикинуть: вверх или вниз покатится карьера. В эту пору и раскладывается в штабах генеральский пасьянс.

В марте 1942 года генеральский пасьянс для командующего Волховским фронтом Кирилла Афанасьевича Мерецкова раскладывался очень плохо.

Глава первая

Кирилл Афанасьевич Мерецков уже командовал военными округами, был он и начальником Генштаба ^[29], и заместителем наркома обороны, но на второй день войны его арестовали, и весь июль и август 1941 года Мерецков провел в Лефортовской тюрьме, где следователь Лев Аронович Шварцман дубинкой выбивал из него признание, что он вместе с врагами народа Корком и Уборевичем планировал заговор против товарища Сталина ^[30].

Когда Шварцман устал упражняться с дубинкой, он начинал читать избитому генералу показания его друзей.

Сорок генералов и офицеров — командармы И.Ф. Федько, Н.Д. Каширин и И.А. Халепский, армейские комиссары АС. Булин и М.М. Ланда, комкоры В.Н. Левичев, С.А. Меженинов и С.П. Урицкий, комдивы П.П. Ткалун, С.И. Венцов-Кранц и Е.С. Казанский, комбриги М.Л. Ткачев и К.И. Янсон — дали показания на Мерецкова ^[31].

Скоро Кирилл Афанасьевич признал себя виновным и начал сотрудничать со следствием. 15 июля 1941 на очной ставке с генерал-полковником Александром Дмитриевичем Локтионовым, Мерецков уличал избиваемого при нем Александра Дмитриевича в участии в военно-фашистском заговоре и убеждал подписать признательные показания ^[32].

Спасла Кирилла Афанасьевича Мерецкова, как утверждает легенда, шутка Никиты Сергеевича Хрущева...

— Вот ведь какой хитрый ярославец! — сказал он, когда Сталин показал ему письмо Мерецкова с просьбой отправить его на фронт. — Все воюют, а он в тюрьме отсиживается!

Иосифу Виссарионовичу шутка понравилась, и 9 сентября Л.З. Мехлис и Н.А. Булганин отвезли «хитрого» генерал-арестанта на Северо-Западный фронт.

Ольга Берггольц записала рассказ чекиста Добровольского, служившего тогда комиссаром 7-й армии, командовать которой сразу после своего освобождения был назначен Кирилл Афанасьевич.

«Ходит, не сгибаясь, под пулями и минометным огнем, а сам туша — во!

— Товарищ командующий, вы бы побереглись.

— Отстань. Страшно — не ходи. А мне — не страшно. Мне жить противно, понял? Неинтересно мне жить. И если я захочу что с собой сделать — не уследишь. А к немцам я не побегу, мне у них искать нечего. Я уже у себя нашел.

Я ему говорю:

— Товарищ командующий, забудьте вы о том, что я за вами слежу и будто бы вам не доверяю. Я ведь все сам, как вы, испытал.

— А тебе на голову ссали?

— Нет. Этого не было.

— А у меня было».

Не так уж и важно, мочился Лев Аронович Шварцман во время допросов на голову Кириллу Афанасьевичу или это Ольга Берггольц для пущей крутизны придумала. На наш взгляд, если подобное и имело место, то узнать это Добровольский мог только от своих коллег чекистов, от того же Шварцмана, например. Едва ли генерал стал бы ему рассказывать такое про себя.

Но для нашего повествования важнее другое.

Важно, что пытки и унижения надломили генерала и оправиться от пережитого ему удалось далеко не сразу, хотя в ноябре 1941 года Кирилл Афанасьевич уже командовал 4-й армией, которая взяла Тихвин, а после освобождения города — Волховским, только что сформированным фронтом.

Но в марте сорок второго победы для Кирилла Афанасьевича остались позади.

Директиву Ставки «разбить противника, обороняющегося по западному берегу реки Волхов, и. главными силами армий выйти на фронт Любань — ст. Чолово», чтобы затем решить задачу по деблокаде Ленинграда, Мерецкову выполнить не удалось. Обессиленные, измотанные в бессмысленных боях армии Волховского фронта не сумели даже выйти на рубеж, с которого планировалось начать основную операцию.

Как справедливо отмечает непосредственный участник боев Иммануил Левин, Любаньскую операцию можно разбить на два этапа.

«Первый, как предписывалось директивой Ставки, поражал масштабностью и красотой. 59-я, 2-я Ударная, 4-я и 5-я армии прорывают на своих участках вражеские позиции и, поддерживая друг друга, рвутся строго на Запад с выходом на Волосово и Лугу».

Этот этап операции Мерецков провалил.

Среди причин провала нельзя не упомянуть и о том, что, предпочитая милую сердцу еще по временам финской кампании лобовую атаку, Мерецков равномерно рассредоточил танки и орудия по всему фронту.

В результате он не сумел — Тихвинская группировка немцев была зажата с трех сторон нашими армиями — использовать стратегически выгодное положение и растратил живую силу армий на выдавливание немцев за Волхов. Только в конце декабря наши войска преодолели этот рубеж.

Однако главная причина провала операции все-таки не в этом стратегическом просчете, а в страхах Кирилла Афанасьевича снова попасть в руки еще одного Шварцмана, в паническом нежелании Мерецкова брать на себя ответственность.

«Уважаемый Кирилл Афанасьевич! — писал перед Новым годом К.А. Мерецкову И.В. Сталин. — Дело, которое поручено Вам, является

историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменивалось на мелкие стычки, а вылилось в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю Вам успеха. И. Сталин. 29.12.41 г.»

Это письмо Сталина не только не приободрило Кирилла Афанасьевича, а повергло его в ужас. Мерецков отчетливо понимал, что предложенный Ставкой план уже невозможно осуществить наличными силами фронта.

Полководец, подобный Г.К. Жукову, возможно, и не побоялся бы объяснить это Сталину, но в Кирилле Афанасьевиче слишком свежа была память о допросах в НКВД.

Он струсил, и тогда и была совершена первая роковая ошибка.

Кирилл Афанасьевич ввел в наступление свежую 2-ю Ударную армию, не дожидаясь прорыва немецкой обороны. Как и положено в такой спешке, войска пошли в наступление без необходимого обеспечения продуктами и боеприпасами.

Положение усложнялось тем, что в наступление войска 2-й Ударной армии повел бывший начальник Главного управления пограничных войск НКВД СССР, генерал Г.Г. Соколов.

Невероятно, но, приняв 2-ю Ударную армию, Григорий Григорьевич Соколов отдал такой вот, словно бы из злой сатиры списанный, «суворовский» приказ:

«1. Хождение, как ползание мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг — аршин, им и ходить. Ускоренный — полтора, так и нажимать.

2. С едой не ладен порядок. Среди боя обедают и марш прерывают на завтрак. На войне порядок такой: завтрак — затемно, перед рассветом, а обед — затемно, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь с чаем пожевать — хорошо, а нет — и на том спасибо, благо день не особенно длинен.

3. Запомнить всем — и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем колоннами больше роты ходить нельзя, а вообще на войне для похода — ночь, вот тогда и маршируй.

4. Холода не бояться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцом и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом». (Приказ № 14 от 19 ноября 1941 года)».

В результате под командованием этого генерала, словно бы сошедшего со страниц книг М.Е. Салтыкова-Щедрина, даже и переход до линии фронта дался 2-й Ударной армии нечеловеческими усилиями.

«Шли только ночью, днем укрывались в лесу. Путь был нелегким. Чтобы пробить дорогу в глубоком снегу, приходилось колонны строить по пятнадцать человек в ряду.

Первые ряды шли, утапывая снег, местами доходивший до пояса. Через десять минут направляющий ряд отходил в сторону и пристраивался в хвосте колонны. Трудность движения усугублялась еще и тем, что на пути встречались не замерзшие болотистые места и речушки с наледью на поверхности. Обувь промокала и промерзала. Подсушить ее было нельзя, так как костры на стоянках разводить не разрешалось. Выбивались из сил обозные кони. Кончилось горючее, и машины остановились. Запасы боеприпасов, снаряжения, продовольствия пришлось нести на себе» ^[33].

Вот этим солдатам, смертельно уставшим уже по пути к фронту, и предстояло, согласно директиве Ставки, «прорвать... укрепленные позиции, разгромить... живую силу, преследовать неотступно остатки разбитых частей, окружить и пленить их».

Сохранилась запись телефонного разговора К.А. Мерецкова со Ставкой.

«10 января 1942 года. У аппарата Сталин, Василевский.

По всем данным, у вас не готово наступление к 11-му числу. Если это верно, надо отложить на день или два, чтобы наступать и прорвать оборону противника. У русских говорится: поспешишь — людей насмешишь. У вас так и вышло, поспешили с наступлением, не подготовив его, и насмешили людей. Если помните, я вам предлагал отложить наступление, если ударная армия Соколова не готова, а теперь пожинаете плоды своей поспешности»...

Следуя примеру нынешних антисталинистов, тут самое время порассуждать о коварстве Сталина, который, отправив две недели назад личное письмо Мерецкову, спровоцировал командующего Волховским фронтом на неподготовленное наступление, а теперь отстраняется от ответственности, перекладывая ее целиком на плечи командующего.

Но можно взглянуть на вопрос и с другой стороны.

В письме И.В. Сталина даже и намек нет на необходимость ускорить начало операции. Напротив, Сталин подчеркивал, что наступление не должно размениваться на мелкие стычки. Вот и сейчас он сдерживает Кирилла Афанасьевича, дает дни, чтобы все-таки подготовиться к прорыву.

Другое дело, что Мерецков от страха уже не способен был адекватно воспринимать слова Сталина.

Кирилл Афанасьевич не понимал даже, что Сталин ждет от него не рапорта о начале наступления, а конкретного результата — прорыва блокады Ленинграда.

Реакция Мерецкова на разговор со Сталиным была мгновенной.

В этот же день он сместил командующего 2-й Ударной армией генерал-лейтенанта Г.Г. Соколова. Но сместил не за пригодные только для фельетона приказы по армии, не за неумелое управление войсками, а за промедление с наступлением.

«В ночь на десятое января, — вспоминал о своем назначении генерал Н.К. Клыков, — меня вызвали в Папоротино, где размещался штаб 2-й Ударной армии. Здесь уже находились Мерецков, Запорожец и представитель Ставки Мехлис.

Выслушав мой рапорт о прибытии, Мерецков объявил:

— Вот ваш новый командующий. Генерал Соколов от должности отстранен. Генерал Клыков, принимайте армию и продолжайте операцию.

Приказ был совершенно неожиданным для меня. Как продолжать? С чем? Я спросил у присутствующего здесь же начальника артиллерии:

— Снаряды есть?

— Нет. Израсходованы, — последовал ответ».

Далее Н.К. Клыков рассказывает, как он торговался с Мерецковым из-за каждого снаряда, пока тот не пообещал армии три боекомплекта.

Для справки отметим, что по штатному расписанию для прорыва обороны противника требовалось пять боекомплектов, и еще по два боекомплекта полагалось на каждый последующий день наступления. Мерецков отправлял армию в наступление практически безоружной. Снарядов не хватало даже на прорыв.

Еще печальнее обстояли дела с обеспечением медицинской помощью.

«Войска уже в бою, — вспоминал потом А.А. Вишневский, — а две армии не имеют ни одного полевого госпиталя».

Вот так и начиналось это роковое для 2-й Ударной армии наступление.

Очень скоро, уже 17 января, 54-я армия, израсходовав весь боезапас, остановилась, и все усилия по прорыву сосредоточились на направлении Спасская Полнь — Любань. Справа наступала 59-я армия, слева — 52-я.

2-я Ударная армия шла в центре.

«В девять часов вечера выехал во 2-ю Ударную армию. Днем туда ездить не разрешают. Самолеты и минометы противника не пропускают ни одной машины. Холодно, густой туман. Дорога узкая, слышна артиллерийская канонада. Переезжаю Волхов. Проезжаю район „горла“ — узкое место прорыва».

Эта запись (сделана 12 февраля 1942 года) — тоже из дневника фронтового хирурга А.А. Вишневого.

А вот воспоминания рядового участника прорыва, лейтенанта стрелкового полка 382-й стрелковой дивизии.

Посмотрим на происходящее его глазами...

// * * * //

Рассказ Ивана Никонова

Наша дивизия передавалась сначала в 54-ю армию (командарм Федюнинский), потом с продвижением в 59-ю армию (командарм Галанин), далее во 2-ю Ударную армию (командарм Клыков, потом Власов).

Двигались в направлении на Грузино. Под Грузином наш полк встретил сильное сопротивление противника. Один батальон имел потери состава. Был получен приказ сняться и двигаться в направлении Дубцы.

Немцы закрепились на левом берегу реки Волхов. Полк продвинулся по правому берегу Волхова южнее Селищенских казарм. Остановился в вершинках оврага для наступления и прорыва обороны противника и форсирования Волхова. Мороз был выше 40 градусов.

Здесь подвезли в бочках водку, и бойцы пили ее из ковша. Я не рекомендовал своим бойцам пить, сказав, что в такой мороз сейчас выпьешь, будет тепло, а к утру похмелье пройдет и замерзнешь. Они послушали и не пили. Когда перед утром была команда двинуться в наступление, то некоторые бойцы других подразделений лежали замерзшими кочерыжками.

Подшли мы к Волхову по оврагу. Когда пошли в атаку, противник открыл огонь, но держался недолго и бросился наутек, так как у него больших укреплений не было, а только в берегу реки снежные ячейки. Мороз был сильный, и немцы не выдержали.

Когда продвигались к Спасской Полисти, при занятии одной деревеньки были взяты пленные.

Это было в начале 1942 года.

Наш полк начал наступление на укрепления немцев в Спасской Полисти. Шли врассыпную по открытой местности, связисты наступали вместе с пехотой. Противник открыл по нам автоматный, пулеметный, минометный, артиллерийский огонь, и самолеты летели по фронту, стреляли из пулемета и бомбили. Все летело вверх, заволакивало снежной пылью и землей. Ничего было не видать. Падали убитые, раненые и живые.

Первый раз некоторые вместо того, чтобы упасть в воронку, стали бегать от снарядов, несмотря на команду: «ложись». Так погиб, казалось, неглупый, мой командир отделения и некоторые бойцы других подразделений.

Ползли вперед и стреляли.

От огня противника бойцы залегли в воронках или подгребали перед собой кучку снега и спасались за ней. После такого огня ничего не разберешь, кто тут живой и кто мертвый, не знаешь и не поймешь сразу, кто, где и что с ним. Обыкновенно на вторые или третьи сутки приходилось ночью ползать и проверять, сколько осталось живых. Подползешь, пошевелишь, который не убит, а замер — мертв, так как были сильные морозы. За дни наступления пищи никакой не получали. Кухня подходила за километры. Как только противник заметит ее —

разобьет артогнем. После больших потерь и прекращения наступления оставшийся состав отводили на исходные позиции или дальше к кухне и там кормили, так как термосов еще не было. Подальше от переднего края разводили костры, грелись, засыпали и зажигали одежду и валенки, потом шли на передний край, снимали с убитых и одевали.

Были трудности в продуктах питания, боеприпасах, особенно в фураже, и лошади стали падать.

Состав полка пополнялся маршевыми ротами и батальонами. Патронов давали по одной-две обоймы, приходилось брать у раненых и погибших.

С первых же дней боев я понял, что надо ближе прижаться к немцам, так как дальше их артминометный огонь уничтожал все. Как-то раз я не угадал в воронку, нагреб из снега бруствер и лежу. Немец заметил и все время стрелял в меня.

Некоторые пули пробьют снег, ударятся в шапку и падают. Пришлось еще подгрести снега. Так держал он меня, и только ночью сумел я перебраться в другое место. Таки лежишь, боеприпасы вышли, и назад не уйдешь.

После наступательных операций нас осталось мало. Мы отошли на исходные позиции. А утром немцы пошли в наступление. Стоящий часовым у палатки боец Симоненко крикнул: «Немцы!»

Мы выскочили из-под плащ-палатки, а немцы уже в тридцати метрах от нас. Начали их расстреливать. Первые ряды были отбиты. Подбежал комроты и приказал мне взять бойцов и бежать на первый фланг — там большой натиск немцев, надо отбивать.

Взял пять человек и побежал туда через огонь немцев. Одного бойца убило, а Сидоренко ранило в живот. Комроты с бойцом потащили его в санчасть.

Подбежали мы вправо к немцам только с Мякишевым. Немцы уже окружили нас с фланга. Я стал отстреливаться, в это время подбежал с ручным пулеметом младший лейтенант Григорьев и стал из пулемета вместе со мной из одной воронки расстреливать немцев. Немцы отвернули от нас и ушли в глубь нашей обороны.

Пришел связной и сказал, что младшего лейтенанта Григорьева с пулеметом вызывает комполка, и он ушел. Мне отзывать не было, няне мог покинуть позицию.

А Мякишев встал за одну-единственную здесь ель и стоит, не стреляет. Вижу, патронов будет мало, а из него ничего не выходит, и отправил Мякишева за патронами. Взял у него патроны. Он ушел и больше не вернулся.

От ели до воронки была около трех метров, а впереди маленькие, с метр высоты кустики. Лежу в воронке. Вокруг стало тише. Смотрю, правее по маленькому редкому лесочку идут друг за другом колонной немцы, человек двенадцать. Подпустил метров на пятьдесят и стал стрелять. Немцы падали, я их расстреливал. Некоторые залегали и

стреляли в моем направлении, на елку, считая, что я нахожусь за елкой, а она находилась правее меня метра на три, и поэтому немцы не попадали. Воронку из-за кустиков не было видно. Лежачих я тоже поражал... Всего из них свалил я 23 фашистов. Далее подход немцев прекратился, стало тихо.

Наступила ночь. Осмотрелся, наших никого кругом нет. Понял, что нужно искать своих. Пошел к своей палатке, а на этом месте лежат убитые — погибшие мои бойцы: Селезнев, Симоненко, Швырев, Авдюков и другие. Сел среди них. Попервости стало неприятно сидеть одному среди погибших.

Было очень жаль их, хорошие были товарищи.

Утром рядом с Селезневым лежал, когда отстреливались. И в голове, и в сознании не укладывалось, что вот только сегодня с ними разговаривал, а теперь они лежат неподвижными.

Сам не знал, где я и где свои. Пошел искать.

Зашел в ячейку комполка, там тоже никого. Вышел на дорожку, ведущую в тыл, прошел кустарник, вышел на полянку. С левой стороны из леса из автомата меня обстреляли. Видимо, немцы, так как тогда еще только у них были автоматы. Подстрелили мне немного шинель на животе. Заиграла наша «катюша», по шуму понял — сюда, и упал вдоль дороги. Снаряды рвались кругом меня огненными столбами. Некоторые разорвались в трех метрах от меня, но я лежал в дороге, как в мелкой траншее, и они не поразили. Когда второй раз «катюша» выпустила снаряды, они рвались впереди меня, в нашем тылу.

Прошел луговые места, подошел к большому лесу. Слышу:

— Стой! Кто идет?

Говорю:

— Свои.

Захожу к ним в кусты. Там комполка и еще человек десять. Комполка спросил:

— Где был?

Рассказывал, где был и что там немцев нет. Не поверили. Командир послал помощника начальника штаба проверить. Пошли, проверили — никого нет. Тогда пошли звать всех.

Немцы наступали двумя направлениями на нас. Атаковали передний край, командный пункт полка и продвинулись на полтора-два километра. Ночевать в лесу не стали и на обратном пути в свои укрепления утащили всех раненых и почти всех убитых с нашей обороны.

Утром отправили Казакова к моей позиции проверить, сколько там убитых немцев. Издалека Казаков насчитал восемь человек, а ближе, к переднему краю, видимо, не пошел.

Посчитали, что я нахвастался, и даже не поблагодарили за то, что я не оставил позиции.

Куда-то девались при атаке немцев комроты Останин, политрук Зырянов, лейтенант Король и начсвязи, а также и другие бойцы.

Командиром роты стал коммунист Маликов.

Были разные пополнения, в том числе казахи, узбеки и другие национальности Средней Азии, не привыкшие к морозу. Пожилые, видимо, верующие... Если одного убьют, они соберутся вокруг него, а следующей миной или снарядом убивают их. Одного раненого ведут в санчасть несколько человек. Передний край пустеет. Были и моложе пополнения, и лучше обученные.

Особенно запомнились три молодежных батальона, среднего возраста — лет двадцати, в белых халатах. Как пришли, сразу пошли в наступление, и через полтора часа из них почти никого не осталось.

Пополнения приходили, и мы все вели наступления, а немец нас как траву косил.

Перед позициями немцев все было избито снарядами, устлано трупами и даже кучи трупов были, так как раненые тянулись, наваливались на трупы и тоже умирали или замерзали. У нас ячеек или траншей никаких не было. Ложились в воронки и за трупы, они служили защитой от огня противника.

Опять было организовано наступление несколькими стрелковыми полками. Наш полк наступал с левой стороны шоссе, идущей от Селищенских казарм. Ценой огромных потерь полка была занята водокачка, отбит один дом на улице.

Бойцы находились в яме подполья дома. Комполка Красуляк, комиссар Ковзун, я и телефонист Пospelовский — в траншее возле дома. Справа от нас в стороне Чудова из укрепленных домов вели по нам сильный пулеметный огонь.

Комполка позвонил командующему артиллерией Давберу и сказал ему:

— Видишь, от тебя, правее водокачки дома?

Он сказал:

— Вижу хорошо.

Которые через поля, конечно, были хорошо видны.

— Дай по ним огонька.

И он дал выстрелы, но не по домам, а по нашей позиции. Один осколок чуть не поразил нас троих, стоявших рядом в траншее. Нельзя было высунуться, так как из всех укрепленных домов открывали шквальный огонь. Подавить его было нечем, кроме винтовки. Когда стемнело, комполка сказал:

— Никонов, отвечай за оборону, я отдохну немного.

Я хотел перезарядить карабин, а затвор отказал. Подошел к куче винтовок, оставшихся от раненых. Подобрал одну винтовку и хотел спуститься в дом. В это время немцы стреляли трассирующими зажигательными пулями по дому, и он загорелся. Бойцы человек семь выскочили из дома и — бежать.

Сказал об этом комполка. Он поднялся и крикнул: «Стой!», а они бегут. Стал стрелять по ним, двое повалились. Я сказал ему:

— Хоть всех убей, теперь бесполезно.

Он бросил стрелять. Дом разгорался вовсю.

— Прикройте нас с комиссаром, — сказал комполка. — Мы отойдем.

Пока они отходили, а мы прикрывали, отстреливались, дом так разгорелся, что и в траншее стало жарко. Все осветилось кругом. Нам отход был уже невозможен — рядом укрепленные точки, при таком свете они нас сразу срежут. Я сказал Пospelовскому:

— Давай пойдем перебежками возле самых домов-точек. Амбразуру проскочишь и ложись в ямку. Он не успеет выстрелить в тебя.

Так и стали перебегать возле самых амбразур. Только перебежишь, он открывает огонь, но уже бесполезно. Подумал: «Эх, гранаты бы, как бы хорошо забрасывать ими».

Так мы прошли всю траншею (станцию). В конце мы с трудом вырвались наконец, повернули влево к своим позициям. Услышали:

— Стой! Кто идет?

— Свои! Где командир у вас?

— Вон там дальше, в землянке.

Пошли в землянку. Наш комполка уже там. Представитель Штаба армии стал нас выгонять.

Комполка сказал:

— Это мои, пусть сидят.

В землянке сидели шесть командиров полков, майоров, как я понял. Как я узнал из их переговоров, фамилии четверых были Красуляк, Никитин, Зверев, Дормидонтов, фамилии еще двоих я забыл, а представителя Штаба армии звали, помнится, Кравченко. Один из командиров полка задремал, и Кравченко закричал на него:

— Чего спишь?! Застрелю!

Тот сказал:

— Товарищ начальник! Четвертые сутки лежим на снегу и морозе. Не спал. Попал в тепло, дремлет.

Представитель Штаба армии стал у него выяснять, сколько у кого бойцов. У одного было пять бойцов, у другого шесть, а у нашего командира больше всех — семеро. Всего осталось 35 человек на переднем крае.

Кравченко приказал — наступать.

Командовать этой группой назначил Красуляка. К рассвету нас осталось, как говорят, ты да я, да мы с тобой.

После этого получили пополнение и опять наступали с правой стороны шоссе, заняли водокачку, но силы наши к концу дня иссякли. Командиры полков Красуляк и Дормидонтов пошли на исходные позиции. Перешли речку около моста, стали подниматься на берег, и здесь немцы из пулемета убили Дормидонтова, а Красуляка легко ранили в руку.

Когда пехотинцы идут в наступление, на них обрушивается весь огонь противника: автоматный, пулеметный, минометный, артиллерийский и авиация летит по фронту, бьет из пулемета и бомбит. Поэтому после такого огня мало остается пехотинцев в живых. А наши минометчики и артиллеристы ведут огонь с тыла, с закрытых позиций. И обыкновенно, если пехота продвинется вперед на километры и там закрепится, тогда только артиллеристы подвинут свои позиции к фронту.

Как-то с одним бойцом находился на наблюдательном пункте в ямке у телефона, а левее, сзади нас, метрах в пятидесяти или более, около леска стоял наш подбитый танк.

Смотрим, к танку пробрались несколько человек, нас заинтересовало кто, и мы перебежками по воронкам перебрались к ним.

По виду это было большое командование. По чертам лица один сильно походил на товарища Ворошилова. Только не такой, как на портретах, а староват.

Немец засек нас и стал стрелять по танку. Командир, похожий на Ворошилова, сказал:

— Противник заметил нас. Не высовывайтесь и долго не смотрите из-за танка.

Только проговорил, а мой боец (фамилию не помню) непонятно зачем наклонился, высунув голову из-за танка, как будто что-то хотел взять с земли, и пуля в висок прошла насквозь.

Он сказал:

— Вот видите.

Посмотрел и увидел, что укрепления у немцев не поражаемые, а местность для наступления открытая и вся устлана трупами и даже кучами трупов.

После этого наступать мы здесь не стали.

Трупы с переднего края никто не убирал и не рассматривал, кто здесь убит, так как если этим заниматься перед взором противника, то еще очень много потеряешь людей, поэтому они здесь истлевали без вести пропавшие.

Был рейд полка левее Спасской Полисти.

Утром на рассвете в составе двух батальонов пошли в наступление. Шли враспынную. Противник вел оружейный огонь, в основном с правой стороны. Потерь было много.

Овладели и пересекли шоссейную и железную дороги. Зашли в лес. Здесь уже было тихо. Была дана команда сделать привал.

Только сели, прозвучал выстрел. Стали спрашивать, кто стрелял. Выяснить не могли, а после этого посыпались на нас снаряды. Появились убитые и раненые.

Раненых пошли доставлять в санчасть, а там уже немцы нас отрезали. Пришлось вырыть яму и сложить туда раненых, чтобы было теплее. Дана была команда для сбора и движения.

Когда собрались, опять был выстрел, но теперь заметили, что выстрел был произведен трассирующей пулей с большой ели, стоявшей среди нас. Просматривая ель, увидели на ней человека. Стали его расстреливать. Комполка стрелял в него из пистолета. Но он не упал, так как был привязан.

Сразу двинулись вперед. Поняли, что сейчас опять посыплется снаряды. Таки получилось.

Повернули правее к станции и наткнулись на оборону противника. Завязался бой, в котором мы потеряли много личного состава и израсходовали патроны, которых было всего по две обоймы на бойца. Попытки выбить противника из оборонительных точек были безуспешными, и пришлось отойти.

Противник стал нас преследовать, и мы из-за почти полного отсутствия боеприпасов должны были отходить, бродить по лесу... Вышли на полянку, помощник начальника штаба по разведке впереди, за ним — командир полка и я, за нами весь состав.

Только стали проходить полянку, наткнулись на засаду противника, раздался автоматно-пулеметный огонь. Все повалились в снег. Смотрю, высоко на елке сидит фриц и стреляет. Я прицелился, выстрелил, он перегнулся на бок, а второй раз у меня заело затвор. Рядом боец Коледа. Говорю:

— Стреляй в него еще раз.

Он стрелял, тот только пошатнулся. Понял, что он привязан. Все стали стрелять по другим кукушкам и точкам.

Затихло. Двинулись вперед. Но противник открыл артминометный за градительный огонь, так что все летело вверх. Продвигаться было нельзя, и пришлось повернуть в другую сторону. Противник преследовал нас.

Так мы ходили, петляли по лесу. На третьи сутки многие бойцы опять спали на ходу. Пришлось назначать более сильных, которые заснувших, сбившихся с дороги затаскивали назад, на дорожку. Запаса продуктов никакого не было. Боеприпасы вышли. Люди бессилели и мерзли.

Через четверо суток остановились, зажгли костры, на которых бойцы начали гореть. Протянув руки к огню, человек уже не чувствовал, что они горят. Загоралась одежда, и человек сгорал.

На одном из горевших осталось только полваленка, и он уже без сознания брал в руки снег и бросал в огонь. Приказали тушить огни и оттаскивать от них бойцов. Через пятеро суток совсем обессилели, стали падать и мерзнуть.

Ночью остановились, и я тоже обессилел и упал. К счастью, из пяти человек, отправленных мною через линию фронта (трое разведчиков и

двое моих), двое вернулись. Из них один мой боец — пожилой светло-русый Зырянов. Он дал мне сухарь — грамма четыре. Я съел и встал.

В это время немцы нас блокировали с двух сторон и открыли огонь. Завязался бой. Собрали у всех последние патроны для группы прикрытия и стали отходить из-под обстрела. Немцы — за нами в преследование. Мы отошли километра два, повернули обратно, обошли отряд немцев и вновь вернулись на это место.

Объявили, что идем на пролом к своим. Была холодная ночь. Перешли железную дорогу недалеко от станции. Видим, у немцев горит громадный костер, как будто дом горит. Немцев много, стоят вокруг него, греются. Мы прошли около них метрах в семидесяти без единого выстрела. От огня они, видимо, не видели нас.

Пришли на свои исходные позиции к Спасской Полисти. Сходили за кашей, которой в кухне наварено было много, а нас вернулось мало. Каши ели, кому сколько влезет, хоть два котелка, а Гончарук, большой и тихоповоротный, съел полное ведро каши. Все удивились. А у него все прошло благополучно.

В полку опять оставалось мало, несколько десятков человек. Нас направили на формирование. Комполка поручил мне сопровождать пятерых, слабых и обмороженных. Мы отстали и двигались самостоятельно.

Шли по фронтовым, кое-где разграбленным дорогам. Уже ночь. Видим, в стороне от дороги огонь и шалаш. Зашли. Там живут дорожники — пожилые солдаты, очищающие от снега дороги. Они накормили нас консервным супом. Для нас, не евших супа с лета, он показался деликатесом. Впервые за зиму ночевали не на снежной постели, а в шалаше на ветках, в тишине, как говорят, как в раю.

Утром двинулись в поход без всяких продуктов и к вечеру обессилели. Стали просить проходящие машины подвести, но не одна не берет. Тогда Гончарук говорит, я идти не могу, все равно умирать или замерзать, ложусь на дорогу, пускай машина давит. Лег поперек дороги, машина идет, гудит, гудит, а он не встает, лежит. Шофер подъехал вплотную к нему и остановился. Вышел из машины и стал ругаться. Объяснили ему все, и он смирился, посадил нас и довез до станции «Гряды».

Здесь зашли в разбитый двухэтажный дом. Он был заполнен бойцами, оставшимися от разных частей. Они накормили нас болтушкой. Ночевали. Утром бойцы говорят:

— Здесь муки полно лежит, мы ходим, берем и кормимся.

Мои бойцы сходили, принесли муки и мы наелись.

Когда пришли к своим, сразу поступило пополнение — три маршевых батальона, и мы двинулись фронтовыми дорогами назад к Спасской Полисти. Не доходя до нее километра четыре, мы, связисты, вместе с минометчиками получили одну лошадь под имущество. Велел грузить в нее катушки с кабелем и рацию.

Начштаба капитан Стрелин вызвал меня и сказал:

— Никонов, на тебя жалуются, что загрузил всю подводу, другим некуда положить. Иди разберись и доложи.

Посмотрел, а там вся подвода загружена кусками мяса, нарубленными бойцами, от павших с голоду и погибших здесь лошадей. Доложил капитану, он выругался и больше ничего не сказал. Понимал, что опять идем на голодовку.

Страшно читать эти свидетельства Ивана Дмитриевича Никонова — простого участника наступления.

В отличие от генеральских реляций все тут оплачивается собственной кровью, и катастрофа обретает истинные очертания, когда в высоких штабах еще и не задумываются о беде.

Поразительно, но командир взвода с передка, уткнувшийся в снег и не поднимающий головы из-за непрекращающегося огня противника, представляет себе картину событий и предвидит последствия их гораздо полнее и вернее, нежели фронтовые стратеги.

Много времени спустя тогдашний командующий войсками Ленинградского фронта генерал М.С. Хозин напишет, что «в результате январских боев войска 54-й армии продвинулись незначительно. Столь же незначительными были и успехи войск Волховского фронта. За 15 дней его 59-я и 2-я Ударная армии смогли продвинуться на 5–7 километров. Фронт израсходовал вторые эшелоны армий, и развивать дальше наступление было нечем. Войска понесли большие потери, многие бригады надо было выводить в резерв и пополнять. Танковые батальоны остались без танков (на Волхове приходилось 2–3 танка на километр фронта), артиллерия израсходовала все боеприпасы. Таким образом, результаты пятнадцатидневного наступления были незначительными. Только в конце января — начале февраля войскам 2-й Ударной армии и 59-й армии удалось прорвать вражеский фронт и в течение февраля вклиниться на 75 километров».

И вроде бы все верно тут, но разве присутствует и в этом генеральском изложении событий хотя бы тень той трагедии, которую пережил и описал связист Иван Никонов?

Положение складывалось безотрадное...

Спустя неделю кровопролитных боев удалось пробить брешь в немецкой обороне. Произошло это у Мясного — запомним это название! — Бора. В прорыв сразу ввели тринадцатый кавалерийский корпус генерала Гусева, а следом за кавалеристами втянулись и остатки 2-й Ударной армии. Коммуникации ее в горловине прорыва прикрыли 52-я и 59-я армии.

«Перебрались на западный берег Волхова, — записал фронтовой хирург А.А. Вишневский в своем дневнике 25 января 1942 года. — Справа и слева от нас немцы. Наши войска вытянулись в виде серпа с острием, направленным к станции „Любань“. Холод дикий. На дороге

стоит человек на коленях. Он тихо склоняется и падает, видимо, замерзает».

Уже тогда было ясно, что наступление провалилось. Измотанные в тяжелых боях дивизии не способны были даже расширить горловину прорыва — о каком же прорыве блокады Ленинграда могла идти речь?

Но это если руководствоваться здравым смыслом.

У Мерецкова были свои резоны. Мерецкову надо было докладывать в Ставку, и он требовал, чтобы армия продолжала наступать.

В те дни, когда под Москвой генерал Власов беседовал с корреспондентами о стратегии современной войны, 2-я Ударная армия, уклоняясь от Любани, где оборона немцев была сильнее, все глубже втягивалась в пустыню замерзших болот, в мешок, из которого ей уже не суждено было выбраться.

Тогда А.А. Власов ничего еще не знал об этой армии, как ничего не знал и о генеральском пасьянсе, раскладываемом в здешних штабах...

Между тем бодрые доклады М.С. Хозина и К.А. Мерецкова не ввели И.В. Сталина в заблуждение. Уже в феврале он начал понимать, что первоначальный план деблокады Ленинграда провалился и в него необходимо вносить коррективы.

Согласно Приказу Ставки от 28 февраля 1942 года, необходимо было закрепить те скромные успехи, что удалось достигнуть в результате наступления, и, взяв силами 2-й Ударной армии Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта станцию «Любань», окружить Любань-Чудовскую группировку немцев.

Стратегически решение было безукоризненным. Войска армий стояли в 10–12 километрах от Любани, и не вина Ставки, что и эта скромная задача оказалась неосуществленной. В Ставке не могли знать, что это только по докладам М.С. Хозина и К.А. Мерецкова 2-я Ударная и 54-я армии продолжали оставаться боеспособными.

//_***_//

Рассказ Ивана Никонова. Продолжение.

Полк направился не на позиции Спасской Полисти, а левее к Мясному Бору, за шоссейную и железную дороги. Как я узнал после, оставалась задача окружения Чудовской группировки немецких войск силами 2-й Ударной армии и соединения с войсками 54-й армии.

Первый батальон подавил сопротивление немцев на Керести. Далее полк двинулся к Финеву лугу. Паек давали сухой: в пачках кашу или гороховый суп. Противник оказывал сопротивление особенно у населенных пунктов, но больших оборонительных сооружений у него здесь не было, и он после боя отходил, а мы продвигались успешно.

Повернули правее лесами к железной дороге и встретили большое сопротивление.

Вели бои.

Я продвигался со связью с передовыми рядами пехоты, так как в батальонах связи уже не было. Продвинулись ближе к железной дороге, здесь у немцев была организована и устроена хорошая оборона.

В основном из-за недостатка боевых средств и невыгодных позиций опять имели значительные потери состава. Против нас была слышна стрельба 54-й армии, продвигавшейся к нам на соединение.

Утром послал Гончарука в тыл полка к повозке, чтобы взял один аппарат для замены поврежденного пулей. Ждем, ждем, его все нет. Во второй половине дня звонят по телефону. Отвечаю: «Слушаю». Из заградотряда спрашивают:

— У вас боец Гончарук есть?

— Есть.

— Где он сейчас?

— Послал к повозке за аппаратом, до сих пор нет.

— Почему он ходит в немецкой шинели?

— Свою сжег, снял с убитого немца и носит, пока свою не достанет.

Через некоторое время идет Гончарук, ругается.

— Вот, — говорит, — тыловые крысы задержали меня, посадили под охрану и держат. Не верят, что я свой, русский. Немцев не видят, так своих ловят.

Обмундирование у состава было такое: ватный костюм, шинель, валенки и шапка-ушанка с ватным верхом. Ватная одежда горела быстро, как открытый порох. Потушить ее было трудно. Когда при переходах удавалось погреться у костра, бойцы дремали и сжигали одежду или валенки. Для замены снимали с убитых, еще не окоченевших. Были случаи, когда еще только ранен, живой, а с него уже валенки снимают. Он говорит:

— Я живой, а ты уже валенки стаскиваешь.

Когда талых трупов не было, некоторые отрубали или отламывали ногу и у костра стаскивали освобожденные валенки.

Так было всю зиму.

Потом с этого участка нас сняли и направили на продвижение вперед. В лесной местности большого сопротивления не было. Отдельные части для прикрытия отстреливались.

Когда мы опять подошли к железной дороге, комроты Маликов немного отклонился от пути пехоты, попал на засаду или кукушку и был убит. Из офицеров в роте остался я один.

К ночи подошли к железной дороге, оставалось метров сто. Любань находилась от нас по карте километрах в шестнадцати. Ночь была очень морозной. Командир полка с комиссаром выкопали маленькую ячейку и поместились в ней. У нас нечем было копать землю, мы замерзли. Чувствую, до утра мы замерзнем совсем.

— Давайте копать штыками себе ячейку, — говорю, — потом закроем палаткой и будет теплее.

Отошел несколько метров от КП и стал копать. Хорошо взялся за это и пожилой боец Пономарев.

После начали помогать и другие. А боец Воронов молодой, здоровый, только что окончивший московский институт, сидит мерзнет, из носа бежит.

— Помогай, — говорю, — будешь работать, немного отогреешься, потом под палаткой будет теплее.

Но он не стал работать и замерз.

Немец занимал укрепленную позицию по насыпи железной дороги. Он имел все виды оружия, и боеприпасов было у него достаточно. А мы утром пошли в наступление с неполным составом полка, с пулевым оружием и недостатком боеприпасов. Поэтому успеха не добились и понесли большие потери.

Командование отошло назад от переднего края обороны на полтора километра и организовало там командный пункт. Нас оставили на переднем крае, как пехоту, которой осталось совсем мало. Яму свою мы еще раскопали и сделали землянку. Землю набросили в сторону противника. Сверху заложили палками толщиной 5–7 сантиметров и засыпали тонко землей, оставив одно отверстие, чтобы залезать туда. Землянка не возвышалась, а была ниже насыпи земли.

Пехоты здесь не было, и мы держали оборону, как пехота. Имели ручной пулемет. Вправо были наши дежурные точки, а далее — пехотные точки по фронту. В землянку вмещалась смена в три ряда, человек девять. Внизу даже вспотеешь, а один сидит в отверстии, дежурит под палаткой с пулеметом...

В отличие от М.С. Хозина и К.А. Мерецкова немцы знали, что в действительности происходит во 2-й Ударной армии.

«Части противника, вырвавшиеся вперед в районе Любани, отрезаны нашими войсками». - записал 1 марта 1942 года начальник Германского Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер.

А 2 марта состоялось совещание у фюрера, на котором присутствовали командующий группой армий «Север», командующие армиями и командиры корпусов. Решено было с 7 до 13 марта перейти в наступление на Волхове.

«Фюрер требует, — записал Ф. Гальдер, — за несколько дней до начала наступления провести авиационную подготовку (бомбардировку складов в лесах бомбами сверхтяжелого калибра). Завершив прорыв на Волхове, не следует тратить силы на то, чтобы уничтожить противника. Если мы сбросим его в болото, это обречет его на смерть».

Обратим внимание на нестыковку дат.

По Ф. Гальдеру, получается, что 2-я Ударная армия была отрезана уже 1 марта, в то время как наши источники утверждают, что окружение ее произошло только в середине марта.

Но противоречие это чисто терминологическое.

Согласно воспоминаниям комиссара 280-го автобата Л.К. Гуймана, начальник тыла Волховского фронта генерал Анисимов, инструктируя офицеров, говорил, что если из двухсот машин во 2-ю Ударную армию прибудет восемьдесят — отлично. Шестьдесят — хорошо. Пятьдесят — удовлетворительно.

То есть удовлетворительными считались 75-процентные потери. Но это ведь уже не снабжение Ударной армии. Это — прорыв в Ударную армию, которая действительно была отрезана немцами от своих тылов.

Понимая, что трусливая ложь М.С. Хозина и К.А. Мерецкова ведет к катастрофе, И.В. Сталин и принял в начале марта 1942 года решение о за мене командующих фронтами. В Ленинград, чтобы заменить М.С. Хозина, отправился Л.А. Говоров, на Волховский фронт — А.А. Власов.

Напомним, что под Москвой 20-я армия Власова и 5-я армия Говорова наступали рядом. Рядом, по замыслу товарища Сталина, предстояло Говорову и Власову сражаться и под Ленинградом.

Глава вторая

Как мы уже говорили, А.А. Власов прилетел в Малую Вишеру в компании К.Е. Ворошилова, Г.М. Маленкова и А.А. Новикова — лиц, облеченных чрезвычайными полномочиями.

Впечатление А.А. Власов произвел сильное.

«Громадный, похожий на вздыбленного медведя, в окулярах на широком носу, со скуластым лицом „пещерюги“ (так прозвали его солистки нашего ансамбля)», — таким запомнил Власова майор Константин Антонович Токарев, назначенный биографом генерала.

И казалось, уже ничто не могло изменить судьбы опального командующего, но для Кирилла Афанасьевича Мерецкова все вышло по пословице — не было бы счастья, да несчастье помогло...

В середине марта началось резкое потепление. Те снежные дороги и грунтовые пути, проложенные через болота, что еще не были перерезаны немцами, вышли из строя. На огневые позиции бойцы таскали снаряды на себе. И случилось то, что и должно было случиться — 19 марта коридор у Мясного Бора оказался закрытым. Немцы завязали мешок, в который загнал Кирилл Афанасьевич Мерецков 2-ю Ударную армию.

Это окружение стало первой ласточкой в серии поражений сорок второго года и настолько поразило Сталина, что, позабыв о решении

поменять командующего, он приказал Мерецкову выехать в войска и лично организовать прорыв.

Кирилл Афанасьевич этот приказ выполнил. Десять дней самоотверженно бросал он на штурм немецких укреплений все имевшиеся в его распоряжении части, вплоть до личного состава курсов младших лейтенантов, пока 29 марта не доложил в Ставку, что «части противника, оседлавшие дорогу, отброшены в северном и южном направлениях».

Доклад этот содержал лукавства больше, чем истины.

Конечно, если смотреть по карте, то так и получалось — вот она, освобожденная от немцев перемычка. Ударная армия деблокирована. Но в реальной местности освобожденный от немцев коридор пришелся на те участки болот, пройти по которым было уже почти невозможно.

«Коридор как бы пульсировал, — вспоминал генерал-майор И.Т. Коровников, — то сужаясь, то расширяясь. Но в поперечнике он был уже не 11-14 километров, а всего два с половиной — два, сокращаясь порою до нескольких сот метров. Прицельный огонь все чаще сменялся выстрелами в упор. Нередко завязывались рукопашные схватки».

«Дороги окончательно раскисли, а та, которая ведет во 2-ю Ударную армию, уже несколько раз перехватывалась противником. Ее сейчас, по существу, нет — сплошное месиво. По ней могут пробраться только небольшие группы бойцов и подводы, и то лишь ночью».

Но так говорили непосредственные участники событий, а у Мерецкова и в его докладах в Ставку, и в его мемуарах «во 2-ю Ударную армию опять пошли транспорты с продовольствием, фуражом, боеприпасами».

Явно подводила память Кирилла Афанасьевича, и в воспоминаниях о взаимоотношениях с Андреем Андреевичем Власовым.

«По-видимому, Власов знал о своем предстоящем назначении. Этот авантюрист, начисто лишенный совести и чести, и не думал об улучшении дел на фронте. С недоумением наблюдал я за своим заместителем, отмалчивающимся на совещаниях и не проявлявшим никакой инициативы. Мои распоряжения Власов выполнял очень вяло. Во мне росли раздражение и недовольство. В чем дело, мне тогда было неизвестно. Но создавалось впечатление, что Власова тяготит должность заместителя командующего фронтом, лишенная ясно очерченного круга обязанностей, что он хочет получить „более осязаемый“ пост. Когда командарм-2, генерал Клыков, тяжело заболел, Власов был назначен приказом Ставки командующим 2-й Ударной армией».

Может, насчет «раздражения и недовольства», которые росли в нем, Мерецков и прав, но с назначением Власова во 2-ю Ударную он явно что-то путает.

В начале апреля Кирилл Афанасьевич сам командировал туда А.А. Власова во главе специальной комиссии Волховского фронта.

«Трое суток члены комиссии беседовали с командирами всех рангов, с политработниками, с бойцами», а 8 апреля был зачитан акт комиссии, и к вечеру она выбыла из армии.

— Все, — мрачно сказал Клыков, распрощавшись с комиссией.

Весь следующий день, как вспоминают сослуживцы, он ничего не делал, только перебирал содержимое в ящиках своего рабочего стола. Предчувствие не обмануло командарма: несколько дней спустя он был смещен с поста командующего.

Эти свидетельства ^[34] как-то совершенно не сходятся с письмом Клыкову и Зуеву, отправленным Мерецковым 9 апреля 1942 года: «Оперативное положение наших армий создает группировке противника примерно в 75 тысяч смертельную угрозу — угрозу истребления его войск. Сражение за Любань — это сражение за Ленинград».

Однако, как нам кажется, противоречие это порождено не ошибками документалистов, а причудливостью штабной интриги, что реализовывал тогда сам Кирилл Афанасьевич.

Оставим на его совести оценку стратегической обстановки на фронте и попытаемся понять, зачем вообще отправлено это письмо...

Нетрудно заметить, что оно как бы скопировано с послания Сталина, полученного самим Мерецковым перед началом наступления. И, конечно, Кирилл Афанасьевич не мог не понимать, какое впечатление его письмо произведет на Н.К. Клыкова.

Быть может, 9 апреля Ударная армия еще способна была вырваться из окружения (5 апреля немцы снова закрыли брешь у Мясного Бора), но отправлять ее в наступление, чтобы окружить 75-тысячную группировку немцев, было безумием чистейшей воды.

Этого не мог не понимать и Мерецков, по-семейному (с законной супругой Евдокией Петровной, с сыном и родственниками) обосновавшийся в Малой Вишере.

Это понимал и сам Н.К. Клыков.

Реакция генерала известна.

Получив послание Мерецкова, он немедленно заболел, и его вывезли на самолете в тыл.

Но тут и возникает вопрос: а не этого ли и добивался Кирилл Афанасьевич? Не является ли его план «заболеть» Н.К. Клыкова составной частью интриги, направленной против Власова?

Мерецкову необходимо было удалить своего заместителя и возможного преемника на посту командующего фронтом. И, конечно, когда представился шанс запереть опасного конкурента в окруженной армии, вдалеке от средств связи со Ставкой, Мерецков не упустил его. Тем более что и причина удаления Власова была вполне уважительной — Ударная армия находилась в критическом положении, и присутствие там заместителя командующего можно было объяснить этой критической ситуацией.

Свой план изоляции Андрея Андреевича Кирилл Афанасьевич осуществил с присущим ему генштабовским блеском. Некоторые исследователи полагают, что Власов 8 апреля вернулся вместе с комиссией в Штаб фронта. Но это не так. Сохранилась лента аппарата Бодо, зафиксировавшая переговоры Мерецкова с членами Военного совета 2-й Ударной армии, которая свидетельствует о другом.

— Кого выдвигаете в качестве кандидата на должность командарма? — спросил Мерецков.

«Член Военного совета Зуев: На эту должность кандидатур у нас нет. Считаю необходимым доложить вам о целесообразности назначения командующим армией генерал-лейтенанта Власова.

Власов: Временное исполнение должности командующего армией необходимо возложить на начальника штаба армии полковника Виноградова.

Мерецков и Запорожец (Власову): Считаю предложение Зуева правильным. Как вы, товарищ Власов, относитесь к этому предложению?

Власов: Думаю, судя по обстановке, что, видимо, придется подольше остаться в этой армии. А в отношении назначения на постоянную должность, то, если на это будет ваше решение, я его, конечно, выполню.

Мерецков: Хорошо, после нашего разговора последует приказ».

И все-таки, спихивая своего конкурента в гибнущую, окруженную армию, Кирилл Афанасьевич шел на серьезное нарушение порядка. Обычно назначение нового командующего происходило в присутствии представителя Ставки. Процедура, может, и бюрократическая, но необходимая. Ставка должна была представлять, какую армию принимает новый командующий. Поэтому приказа о назначении Власова командующим 2-й Ударной армией так и не последовало. Власов остался заместителем командующего фронтом.

Что значило такое назначение для Андрея Андреевича Власова, тоже понятно. Он оказался в армии, не способной сражаться, а сам не мог ни вытребовать дополнительных резервов, как это обыкновенно делалось при назначении (вспомните рассказ о назначении во 2-ю Ударную Н.К. Клыкова), ни просто объяснить представителю Ставки, что он уже такой и принял армию.

Напомним, что, согласно докладам К.А. Мерецкова, 2-я Ударная армия сохраняла боеспособность, снабжение ее шло нормально, и она готова была продолжать наступление на Любань...

Бывший сослуживец Власова по 4-му механизированному корпусу (этим корпусом Власов командовал в начале войны), бригадный комиссар И.В. Зуев, столь неосмотрительно «порадевший» Власову при нынешнем назначении, наверное, не понимал всего трагизма положения и для окруженной армии, и для самого Власова, но Власов

не понимать этого не мог. Невозможно было отказаться от назначения, но и сделать что-либо для спасения армии Власов тоже не мог.

Однако и Власов не догадывался, насколько неблагоприятным окажется для него генеральский пасьянс, раскладываемый в штабах.

Глава третья

Увлечшись реализацией комбинации, связанной с устранением своего возможного преемника, К.А. Мерецков просмотрел опасность, подкрадшуюся совсем с другой стороны.

Пока Кирилл Афанасьевич выстилал телами недоучившихся лейтенантов топи болот, чтобы сделать вид, будто он пробился к окруженной армии, генерал М.С. Хозин провел в Москве свою блистательную штабную интригу. Доложив в Ставке, что Любаньская операция сорвалась из-за отсутствия единого командования войсками, он предложил объединить Ленинградский и Волховский фронты, возложив командование ими на него, Хозина.

21 апреля 1942 года вопрос этот был вынесен на совещание у И.В. Сталина. Совещание, на котором присутствовали В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия, Б.М. Шапошников, А.М. Василевский, П.И. Бодин, Г.К. Жуков, А.А. Новиков, Н.Г. Кузнецов, С.И. Буденный и сам М.С. Хозин, длилось семь часов.

Несомненно, М.С. Хозин и сам понимал, насколько трудно командовать девятью армиями, тремя отдельными корпусами и двумя группами войск, разделенными занятой противником территорией.

Но ведь не для этого задумывалось объединение.

Уже прибыл в Ленинград Л.А. Говоров, и М.С. Хозину, оказавшемуся почти в таком же, как и К.А. Мерецков, положении, нужно было позаботиться о создании для себя достойной генеральской должности.

Это и было осуществлено.

23 апреля 1942 года Волховский фронт преобразовали по решению Ставки в Волховскую особую группу Ленинградского фронта. Говоров остался в Ленинграде, а Хозин отправился командовать армиями Кирилла Афанасьевича Мерецкова. Мерецков узнал об этом, когда генерал М.С. Хозин с директивой Ставки в кармане и «в весьма веселом настроении» появился в Штабе фронта.

Штабную игру Кирилл Афанасьевич проиграл.

Контринтрига — Мерецков, пытаясь сохранить фронт, докладывал в Ставке о необходимости ввода в район прорыва 6-го гвардейского стрелкового корпуса — успеха не имела. Кириллу Афанасьевичу холодно объявили, что судьба 2-й Ударной армии не должна волновать его, поскольку он назначен заместителем командующего Юго-Западным фронтом. Новое назначение для Мерецкова было

понижением в должности, и он тяжело переживал, еще не зная, что как раз это понижение и спасет его будущую карьеру.

Ну, а для судьбы Андрея Андреевича Власова реорганизация фронтов обернулась катастрофой.

Ранняя весна 1942 года надежнее, чем немецкие дивизии, заперла 2-ю Ударную в болотах, и к концу апреля ее судьба определилась бесповоротно.

Обмороженные, изголодавшиеся, завшивевшие бойцы недели и месяцы — без смены! — проводили в болотных топях, и только смерть могла избавить их от мучений.

Отрапортовав в Ставку, что коммуникации армии восстановлены, К.А. Мерецков обманул Москву. Снабжение 2-й Ударной так и не наладилось, и уже с середины апреля хлеба там выдавалось менее половины нормы, других же продуктов вообще не было.

«Да, сухарь был в ту зиму для нас святыней, — пишет участник боев Иммануил Левин. — Его не ели, к нему прикладывались. Дело доходило до того, что дневной хлебный рацион в виде сухарной крошки помещался в спичечном коробке».

Некомплект в дивизиях доходил до семидесяти процентов.

Артиллерия была лишена снарядов.

Самое нелепое, что Власов теперь и формально не имел права хлопотать о подкреплении и улучшении снабжения. Ставка так и не утвердила генерала в должности командующего 2-й Ударной армией, а должность заместителя командующего фронтом пропала вместе с самим фронтом. Из состояния «забытости» Власова могла вывести только победа, но никаких, даже и мнимых побед 2-я Ударная одержать была не способна.

«Сталинский полководец» (так должна была называться книга об Андрее Андреевиче, которую уже писал майор К. Токарев ^[35]) оказался как бы подвешенным в воздухе. Мы уже цитировали связиста Ивана Дмитриевича Никонова, вспоминавшего, как прорывала 2-я Ударная армия немецкую оборону...

Послушаем теперь его рассказ о том, что стало с армией в конце апреля.

//_***_//

Рассказ Ивана Никонова. Продолжение...

После захода войск 2-й Ударной армии за Мясной Бор противник с боями закрыл прорыв, и армия оказалась в окружении. Поэтому продукты получали редко и мало, через день-два по несколько граммов сухаря.

Ели все, что попадет, люди бессилели. Была одна лошадь, стояла в тылу, съела сбрую и сани. Остались от нее одни кости. Съели ее вместе с костями и кожей.

Нас уже не было и десяти человек в нашей группе, а тут дали пополнение семь человек и патронов штук по пять. Комполка приказал мне утром вести наступление.

Утром пошли в атаку. Скрытно подойти было нельзя, и противник открыл по нам такой пулеметный, автоматный и минометный огонь, что сразу прижал нас к земле. Убило Крупского, пожилого опытного солдата.

Недалеко от меня был молодой солдат из пополнения — Пушкин Александр Сергеевич. Сильно походил на поэта Пушкина.

— Поползу, — говорит он. — Посмотрю, нет ли у Крупского в мешке, чего проглотить.

— Лежи! — сказал ему.

Он не послушал, только поднял голову, и разрывная пуля ему в лоб ударила и вылетела в затылок.

В этом наступлении потеряли людей. Патроны выстреляли, а штыки редко у кого были, и больше наступлений не вели, только держали оборону. В обороне, как всегда, идет перестрелка, а как кто-нибудь скараулит и убьет, так сразу открывается сильный ответный огонь.

Против нас действовала голубая дивизия СС. Нашу землянку немцы прямой наводкой били из орудий и минометов. Все вокруг избили, все осины сломали снарядами, а в землянку никак не могли попасть, так как она была не видна за насыпью. Снаряды попадали перед насыпью или перелетали через насыпь дальше за землянку. Левее минометчиков, которые занимали оборону сзади нас, почти никакой нашей обороны не было, оборона еще строилась по старому уставу: узловая, а не фронтовая.

Немцы разведали это и пошли в наступление на них с фланга. Выбили минометчиков и заняли их позиции. Для нас создалось трудное положение.

Дорожка от КП к нам шла около минометчиков, а по переднему краю как раз через отверстие нашей землянки. На дежурство на точки уходили из отверстия нашей землянки. И вот в одну ночь произошел необычный случай. Смена спала, набившись в землянку, а дежурный, сидевший под плащ-палаткой у отверстия землянки, задремал, съежился, согнулся, и плащ-палатка легла на отверстие землянки и закуржовала.

Два немца со своих позиций шли прямо к занятым позициям минометчиков, по дорожке. Первый пошел, перешагнул, ничего, а второй ногой угодил в отверстие; провалился в землянку на дежурного, а если бы он бросил гранату или дал очередь из автомата, что бы от нас осталось?

Наказали, чтобы пулемет был выложен, и сидеть у него начеку. У землянок минометчиков, которые заняли немцы, увидели две катушки с кабелем, который нам нужен был для связи и для освещения в землянке, потому что кабель зажжешь, резиновая обмотка горит и освещает.

Землянки, занятые немцами у наших минометчиков, были такие: разгребен или подрывт верхний слой земли, сделано небольшое покрытие или ветки со снегом. Нора-отверстие, и все. Находиться там можно только лежа. Немцы замерзнут, залезут в норы и лежат. Шишкин говорит:

— Кто пойдет со мной утащить у немцев катушки?

Согласился Тарасов. Однако когда стали подходить, Тарасов встал за березу и не идет. Шишкин подошел, взял катушки и ушел. Немцы, видимо, подумали, что кто-то свой идет, но долго нет. А Шишкин и Тарасов уже ушли. Эти землянки были в десятке метров от нас, на виду. Они сковывали нас, так как получалось, что спереди и сзади немцы. После похода Шишкина за катушками у нас с ними была перестрелка, и они ушли.

Из пришедшего пополнения несколько человек через немного дней без пищи стали как умалишенные. Продуктов мы уже не получали. Переговорили со старичками, что надо убедить прибывших, чтобы ели, как мы, все органическое, что попадет.

Когда все об этом говорили, было убедительно. И вот Самарин походил, порылся и нашел у забитой лошади вырезанный задний проход (выходное отверстие) и съел его.

— Ну, Самарин, — сказали ему. — Теперь будешь жить и все есть.

Потом и все стали есть, что попадет. Но люди все равно бессилели.

Многие уже опухали, в том числе и я.

Но несмотря на то что немцы вывешивали буханки хлеба, писали и кричали: «Рус, переходи — хлеб есть!» — никто из моих бойцов на эту провокацию не поддался. Большое спасибо им за это. Все привыкли и освоились с обстановкой.

А боец Могилевцев рассказывал нам часами про два пути. Нам, мол, два пути: Наркомзем или Наркомздрав. Слушали все с интересом. Это улучшало настроение, и было веселее.

Но вот к нам пришли с разведкой начальник разведки дивизии и полка и помощник начальника Штаба. Они были одеты в полушубки. Ознакомились с обороной, обстановкой, и их заинтересовало, как это так все избито и даже эти осины сломлены и исщеплены до корня. Вышли и подошли к осинам. Сразу раздался снарядный орудийный залп. Двоих убило, а третий раненый убежал. Могилевцев посмотрел и сказал: «О! Полушубок надо!»

Выскочил и побежал к ним. Только вынул кинжал у одного и, видимо, понял, опасность, не стал снимать полушубок, а повернулся уходить, но не успел — упал снаряд, и он замертво упал.

После этого нам дважды передавали приказ отойти несколько назад от непосредственного противника. Жаль было землянки, она спасла нас от обстрелов всех видов оружия, но пришлось отойти. Наступать было некому и нечем, только держали оборону.

В марте был представитель Ставки Главного командования (фамилию забыл). Собрал на командном пункте несколько оставшихся в живых офицеров. Сообщил обстановку на фронте и в стране.

— Немец закрыл наш прорыв глубоко, и обратно прохода нет. Тяжелая обстановка на других фронтах, поэтому подкрепления не ожидается, необходимо стоять здесь насмерть. Умереть, но не сдаваться.

Был объявлен призыв: «Кто хочет умереть коммунистом».

В плен я живым не хотел сдаваться. Считал плен изменой. Поэтому всегда всю войну оставлял один патрон для себя. Сам вступил в комсомол в январе 1931 года. Отец солдатом за боевые подвиги в Германскую войну заслужил полного Георгиевского кавалера (4 креста — 1 золотой и 3 серебряных). После — Красная армия и гвардия. Красный командир. Было бы стыдно и непростительно порочить отца. Я подал заявление в партию и был принят.

Примерно в последних числах марта и в первых числах апреля был сделан прорыв в Мясном Боре дня на три или пять. К нам пришло небольшое пополнение в полк и в роту. В роту из офицеров пришли лейтенанты Тхостов и Голынский, а после политрук Коротеев. Мы приступили к выполнению своих обязанностей — обеспечению связью. Раньше она была только от КП до нашей землянки, а теперь от полученного кабеля провели еще вторую линию правее к пехотному подразделению, улучшилось с питанием. Стали давать, хотя не полную, пайку сухарей. Но это было недолго.

В это время пришел приказ главнокомандующего тов. Сталина о том, чтобы все части и соединения отчитались за вверенный и получаемый состав и технику. В штабе составили акт, дали мне и бойцу Пospelовскому подписать, а своих подписей начальник штаба Стерлин и командир полка Красуляк не поставили. Пospelовский подписал, а я от подписи отказался, так как акт был подписан неправильно. Все списывалось на бомбежку.

Вызывали меня два раза, но я стоял на своем.

Комполка говорит:

— Удивляюсь, как ты-то остался жив.

Я и сам этому удивлялся. Убивало товарищей рядом со мной, и сам попадал под снаряд под Спасской Полистью — контузило, но лежал в санчасти два дня и опять в строй.

У меня было только одно преимущество. Работал на севере в Березове, в 50-55 градусов мороза, ездил в дальние командировки на оленях, ночевал в тундре на снегу, акклиматизировался и мог лучше перенести мороз.

Еще вызывали меня на КП, начальник Штаба сильно ругался, потом наставил на меня пистолет и говорит:

— Застрелю!

— Стреляй! — говорю я.

— Капитан! — сказал комиссар Ковзун. — Никонов — командир еще молодой.

На следующий день меня с двумя автоматчиками направили в Штаб дивизии. Там меня вызвал начальник политотдела товарищ Емельянов и спросил, почему я не хочу подписывать акт.

Я ему сказал, что хочу умереть честно.

Ведь по выполнению приказа будет проверка, и посмотрят, кто такой, где все свалено на бомбежку и даже такие мелочи или вещи, которые и фронта не видели. На списанных погибших придут письма, что они живы, спросят: «Видел все это? Нет?». Меня отдадут под суд ревтрибунала и расстреляют. Зачем мне это, когда я могу отдать жизнь честно. Предложил акт исправить, как действительно было, то есть что часть техники передали другим частям, а что-то из-за потерь транспорта оставили в населенных пунктах и т. д.

Он выслушал внимательно и произвел на меня хорошее впечатление. В штабной землянке собралось все командование: комдив, комиссар дивизии, начальник Штаба, все начальники отделов. Мне, стоящему у землянки, было слышно, как некоторые считали меня неправым, а некоторые оправдывали меня. Совещание кончилось, и меня отправили обратно в часть. В части была создана комиссия, в которую входил я, начальник санчасти Сидоркин и другие. При проверке исключили из списков раненых, прошедших через санчасть. Составили акт в другом стиле. Была списана техника и людской состав полка в количестве двенадцати тысяч пятисот пропавших без вести, и только двести с небольшим бойцов прошло через санчасть.

Наступило тепло, а одежду носили зимнюю. С голоду появились вши.

И так быстро за несколько дней расплодились, что только одни вши и были в одежде. В шинелях они были под их цвет и не заметны, а у пришедшего зимой пополнения, в белых полушубках, вся шерсть была забита вшами. У Шишкина полушубок был из черных овец, так не было там даже черного пятнышка. Все серое — забито вшами и гнидами. Миллиарды. Спать с ними было невозможно. Велели Шишкину первому снять одежду с погибшего и переодеться. Свою — бросить подальше. После этого и другие так делали. Некоторые полгода не мылись, да и негде было.

На новом участке нам дали позиции, оставленные кавалерийским корпусом генерала Гусева. КП полка расположился у речки Хвороза. Связи было две линии, в основном оставленные гусевцами. Одна к деревне Верховье, другая вправо через болота к железной дороге.

Ударная армия занимала по фронту примерно 150 км. В окружении состав израсходовался. В нашем полку тоже было всего несколько десятков человек. Подкреплений больших не было. Если и поступало десятка по два человек, то в основном из расформированных тыловых частей.

Но надо было показывать, что мы еще сильны, и мы вели наступательные операции, хотя у нас не было артиллерии, а патроны — поштучно. Оставленное гусевцами орудие было без снарядов. Вновь прибывающие из тыловых подразделений поначалу имели только силу. Они таскали на себе снаряды и патроны со станций «Радофинниково» и «Дубовик».

От гусевцев осталось две лошади, которые уже не могли идти. Их съели. Потом собрали потроха, брошенные ноги, кожу, кости. Сухарей иногда давали граммы. Старшина И.Н. Григорьев всегда скрупулезно их делил. Один боец отвернется, чтобы не видеть нас, а другой, показывая на пайку, кричал: «кому?». Отвернувшийся называл фамилию.

Место было болотное, кушать нечего, зелени нет. У пехотинцев лопаток нет, а в болоте яму не выроешь, и так вода. Из мха, из прошлогодних листьев и сучьев нагребет вокруг себя бруствер и лежит. Немец твое место засекает, высунешься, сразу убьет. Что рука достанет, то и ешь.

Появились случаи самоуничтожения. Сначала одиночные, потом сразу трое, из них двое командиров.

Комиссар Ковзун собрал нас, кто мог прийти, и стал говорить:

— Это же недопустимо! Это — ЧП. Надо провести решительную работу по этому вопросу, против таких действий!

В разборе выяснилось, самоубийцы от голода так обессилели, что и не могли уже повернуться. Все молчали, только я спросил:

— Ну а что делать? Когда уже совсем обессилели? Не сдаваться же немцам.

Комиссар ничего на это не ответил.

Перехватывает дыхание, когда читаешь эти бесхитростные свидетельства человека, еще в этой жизни прошедшего сквозь пучину адских мучений и выжившего, не сломившегося.

Отрываясь от записей Ивана Дмитриевича Никонова, снова и снова пытаешься и не можешь понять наших генералов, во имя своей карьеры обрекавших десятки тысяч никоновых на лютую смерть.

Через год, составляя «Открытое письмо» «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом», А.А. Власов скажет:

«Пожалуй, нигде так не сказалось пренебрежение Сталина к жизни русских людей, как на практике 2й Ударной армии... О ее действительном положении никто не знал и им не интересовался. Один приказ командования противоречил другому. Армия была обречена на верную гибель.

Бойцы и командиры неделями получали 100 и даже 50 граммов сухарей в день. Они опухали от голода, и многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело армию непосредственное руководство Главного командования. Но все продолжали самоотверженно биться.

Русские люди умирали героями. Но за что? За что они жертвовали жизнью? За что они должны были умирать?»

Но это Андрей Андреевич Власов писал в немецком плену, а в болотах под Любанью, как мы видели по его письмам его женам, его волновали больше другие заботы.

«Апрель 1942 г. Милый Алик (Подмазенко. — Н. К.)! Ты очень скромна, а я недогадлив. Вот сегодня я получил жалованье. Прошу тебя, напиши, сколько тебе нужно денег — вышлю немедленно. А если я тебе их не высылал до сего времени, то считал, что и у вас там купить особенно нечего. У меня ведь все же на них можно купить хорошие вещи».

«17 мая 1942 г. Дорогой Аник (Власова. — Н. К.)! Все, что тебе нужно будет из одежды и вообще, скажи Кузину, и, когда он возвратится, я снова его пришлю уже тогда прямо в Ломакино во второй раз. А сейчас он проводит тебя до самого Ломакина. Поедете через Москву — будете у Тани. Там есть часть моих вещей. Кое-что найдешь из них нужным, возьми с собой в Ломакино. Вещи тебе нужны для того, чтобы ты их меняла на продукты. Ничего не жалея, все у нас будет, когда кончится война».

Глава четвертая

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов ту особую бесчеловечность, что отличает генералов всех армий мира.

Ведь на штабных картах передвигаются не живые люди, а полки и дивизии. И флажки, обозначающие их, не багровеют от крови, если даже и гибнут в этих дивизиях люди.

Очень близко, почти у самой цели стояли на карте флажки наших дивизий. Всего пятнадцать километров с севера, всего пятнадцать с юга отделяли их от Любани. И так легко было передвинуть флажки на карте, а после этого почти незаметного движения — ордена, звания, слава.

Как же отдать в таких условиях приказ об отходе?

Невозможно.

В бесчеловечности советские генералы не уступали зарубежным, но было в них нечто, присущее только им.

Когда думаешь, сколько ума, сил, энергии было потрачено М.С. Хозиным в штабных интригах, становится страшно. Еще страшнее

становится, когда понимаешь, что, проявляя чудеса изворотливости, генерал спешил, по сути дела, к своей собственной гибели.

Ведь буквально через месяц, когда случится неизбежное, и немцы приступят к ликвидации 2-й Ударной армии, генерал-лейтенант М.С. Хозин — «за невыполнение приказа, за бумажно-бюрократические методы управления войсками, за отрыв от войск» — все равно будет смещен.

Так что же, какая злая сила гнала генерала к краю пропасти?

На примере карьеры Андрея Андреевича Власова мы пытались показать, как взращивались, как выковывались характеры советских генералов. Наши «сталинские полководцы» обучались лишь одному движению — вперед.

Это касалось и военной доктрины, не помешавшей, впрочем, сдать противнику половину территории страны, но прежде всего — личной карьеры.

Продвинуться в карьере после понижения удавалось немногим.

Исходя из этого, и нужно оценивать поступки и решения К.А. Мерецкова и М.С. Хозина.

Другое дело сам А.А. Власов.

Пока он — жертва штабных интриг. И дело тут не в каких-то высоких моральных качествах Власова, а просто в реальном раскладе сил.

Товарищ Сталин послал его освобождать Ленинград, а Мерецков, вместо того чтобы помогать ему, запер его в окруженной армии. Если бы Власов оставался в штабе Волховского фронта, возможно, он тоже сумел бы сплести интригу, достойную его высокого звания, но — увы! — Кирилл Афанасьевич Мерецков лишил Андрея Андреевича возможности проявить талант в этой области.

Сейчас в руках у Власова была только армия. Армия была обречена на гибель, и вместе с нею обречен был и сам Власов.

Андрей Андреевич понимал это, но свыкнуться с такой мыслью было трудно.

«Я сейчас выполняю ответственную задачу, — пишет он 26 апреля Агнессе Подмазенко. — Письмо от тебя ко мне и наоборот идет гораздо дольше, чем раньше, когда я был на старом месте. Что можно сказать о себе?.. Бьем фашистов крепко и готовим им крепкие весенние подарки еще сильнее. Работаю, примерно, на той же должности, когда был с тобой вместе, только объемом она гораздо больше, почетнее, ответственнее. Но ты прекрасно знаешь, что куда твоего Андрюшу ни пошлет правительство и партия — он всегда любую задачу выполнит с честью. Сейчас много работал, когда выпадает немного свободного времени, думаю только о вас мои дорогие (ты — и ребенок) — больше у меня нет никого близких моей душе в сердце».

«Дорогой и милый Аник! — пишет он в тот же день Анне Михайловне Власовой. — Выслали тебе аттестат из Штаба на получение

денег с мая 1942 г. Получила ли ты его, как получишь, немедленно пиши ответ. На новом месте работа по объему стала больше, ответственнее и почетнее, но ты знаешь, моя любимая и дорогая Аня, что куда твоего Андрюшу ни пошлет правительство и партия — он свою задачу выполнит с честью. Все идет хорошо. Одно только беспокоит — это нет долго писем от тебя, хотя и знаю, что письма до меня идут гораздо дольше, чем раньше. Но все же хотелось бы иметь скорее. Ты не поверишь, как приятно и хорошо читать твои письма».

Власову всегда везло. Ему везло во время больших чи сток. Везло в Китае. Сказочно везло в начале войны.

Но и феноменальная везучесть — увы! — уже не могла спасти его во 2-й Ударной армии, потому что армия была обречена.

Если раньше Власов и был улыбчив, это осталось позади.

В мае 1942 года лицо его становится чуть рассеянным, как у бухгалтера, который знает, что совершена растрата.

«Находясь при 2-й Ударной армии, — рассказывал на допросе майор И. Кузин, — Власов давал понять, что он имеет большой вес, ибо неоднократно говорил, что он имеет особое поручение Москвы и что он имеет прямую связь с Москвой.

Во 2-й Ударной армии Власов хорошо дружил с членом Военного совета Зуевым и начальником штаба Виноградовым. С Зуевым они вместе работали до войны в 4-м корпусе. В беседе с Зуевым и Виноградовым Власов неоднократно говорил, что великие стратеги — это он по адресу товарища

Мерецкова — завели армию на гибель.

Власов по адресу Мерецкова говорил так: звание большое, а способностей... — и дальше недоговаривал, но давал понимать.

Судя по разговору Власова, он не хотел никого понимать и хотел быть хозяином.

Власов во 2-й Ударной армии не любил начальника Особого отдела Шашкова. Это Власов не раз высказывал Зуеву, а один раз даже скомандовал Шашкову выйти из землянки».

Майор Кузин, конечно, не литератор, да и показания в НКВД — весьма специфический жанр, но все же состояние А.А. Власова в окруженной армии передано здесь достаточно точно.

«Биограф» Власова майор К.А. Токарев говорит, что «Власов, не стеснясь, намекал нам, что в случае успешного наступления на Любань, Мерецков, как бывший начальник Генштаба, вновь будет отозван в Ставку, а он останется вместо него».

Об этом же — свидетельство И. Левина:

«В двадцатых числах апреля 1942 года командир нашего кавалерийского корпуса генерал-майора Н.И. Гусев, вернувшись с первого совещания у нового командующего 2-й Ударной армией А.А. Власова, говорил нам, что у командарма есть твердое обещание

Верховного усилить армию свежими частями с танками, самоходками, а также авиацией и дивизионными „катюшами“».

Рассказывая о прямой связи с Москвой, которую он якобы имеет, Власов, конечно, блефовал.

И блеф этот нужен был ему не столько для того, чтобы усилить свой авторитет — в Штабе армии, как мы видим, Андрей Андреевич чувствовал себя полным хозяином, поскольку мог открыто высказываться по поводу полководческих талантов Мерецкова, поскольку мог выгнать из землянки начальника Особого отдела армии, а для того, чтобы убедить самого себя.

Идея связи с Москвой становится в апрельские дни у Власова просто навязчивой.

Может быть, Власову казалось, что его доклад в Ставке сможет изменить ситуацию, если не на Волховском фронте, то хотя бы в его собственной судьбе.

Быть может, он полагал, что в Москве, узнав о подлинном положении дел, предпримут соответствующие меры.

Быть может, рассчитывал просто напомнить о себе.

Видимо, с осуществлением навязчивой идеи установить через каких-то влиятельных покровителей прямую связь со Ставкой и связана отчасти командировка адъютанта Власова — майора Кузина в Москву.

Потом на допросе в НКВД майор Кузин скажет, что был командирован на станцию «Сорочинская» Чкаловской области, чтобы перевезти в село Ломакино Горьковской области супругу генерала — Анну Михайловну Власову.

Кузин ее и на самом деле перевез, но, похоже, что одним только этим цель его командировки не ограничивалась.

Из показания Агнессы Павловны Подмазенко мы узнаем, что 27 мая она получила письмо от Власова, сообщившего ей, что он командировал своего адъютанта, чтобы тот привез ее на фронт.

«Я по-прежнему тебя, даже крепче, чем раньше, люблю и жду тебя с нетерпением и жду, что ты мне подаришь, — писал в этом письме Власов. — Родной Алюсик! Как я жду твоего письма. Алик!

Конкретно, чтобы лучше тебе ко мне приехать, это будет лучше в первых числах июня. Я и сам уже заждался, но так будет лучше. Потерпим, потом вознаградим себя сторицею. Надеюсь, что ты меня поняла и любишь по-прежнему. Не так ли? Может быть, уже ошибаюсь? Пиши. Жду ответа, и Кузин будет у тебя».

Даже понимая, что быт генералов на войне существенно отличался от окопного, даже допуская, что Власов был безумно влюблен в Агнессу Подмазенко, намерение ввезти любимую «жену» в окруженную, гибнущую армию, мягко говоря, вызывает недоумение.

Для того чтобы пойти на этот шаг, Власов должен был быть уверен, что в первых числах июня его судьба — командира гибнущей армии, изменится.

Все это наводит на мысль, что Власов хотел, минуя свое непосредственное начальство, передать в Ставку предложения, связанные с выводом из окружения 2-й Ударной армии. При этом — в успехе миссии Кузина Власов не сомневался.

Возможно, на том памятном для Власова совещании в Кремле 8 марта, Сталин говорил о каких-то резервах, о каких-то, как под Москвой, свежих армиях, которые будут использованы для освобождения Ленин града, и сейчас Власов и предлагал план их использования ^[36].

Снаряжая в командировку майора Кузина, Власов не знал еще, что катастрофа, постигшая советские армии в ходе харьковского сражения, делает бессмысленными любые предложения, связанные с выделением подкреплений. Вырвавшиеся на оперативный простор немецкие армии, оккупируя Донбасс, обширные области Дона, устремились к Сталинграду, и Ставка все наличные силы бросила в приволжские степи, чтобы остановить смертельно опасное наступление противника.

К.А. Мерецков назвал потом своего заместителя «авантюристом, лишенным совести и чести».

Взгляд этот — взгляд из того времени, когда Власов был объявлен предателем. Этот взгляд — взгляд человека, желавшего позабыть, что в гибели 2-й Ударной армии есть и его вина.

И все же в чем-то Кирилл Афанасьевич прав. Авантюрная жилка, конечно же, была во Власове, и она удивительным образом уживалась с его поразительной, порою переходящей в преступную бездеятельность, осторожностью.

Характер Андрея Андреевича Власова — это характер советского военачальника. Все в нем измято, придавлено. И это измятое, придавленное существует рядом с почти полной бесконтрольностью, неподотчетностью генерала, который мог, не считая, расходовать жизни солдат.

Впрочем, повторим, в этом Власов не был исключением. Попав в фактически окруженную армию, он повел себя точно так же, как повело бы себя в подобной ситуации большинство советских генералов того времени. И в этом его судьба, во всяком случае, до 22 июня 1942 года — дня неудавшегося прорыва из окружения, аккумулирует самую суть судьбы советского генерала.

Прекрасной была цель... Освободить Ленинград, спасти от голодной смерти многие сотни тысяч людей.

Полководец, совершивший это в январе сорок второго, сделался бы народным героем. Но в январе сорок второго для этого полководцу и нужно было быть народным героем.

Увы.

Ни Кирилл Афанасьевич Мерецков, ни Михаил Семенович Хозин, ни сам Андрей Андреевич Власов явно не подходили на эту роль. Они не способны были возвыситься над заботами о собственной карьере, и в

результате с ними случилось то, что всегда происходит с людьми, поставленными на гребне событий и не способными переломить течение их.

К.А. Мерецкова от этой печальной участи, как мы уже говорили, спасла интрига Михаила Семеновича Хозина. Сам М.С. Хозин оказался навсегда сброшенным с командных высот.

Еще печальнее оказалась судьба Андрея Андреевича Власова.

Впрочем, в последних числах апреля, когда еще можно было предпринять энергичные меры для спасения хотя бы части армии, до того дня, когда, заложив руки за спину, опустив голову, Власов будет стоять, словно нашкодивший школьник, перед крыльцом Штаба 18-й немецкой армии, оставалось еще больше двух месяцев...

Глава пятая

В нелегких заботах прошел для генералов апрель.

Устроив наконец-то карьерные дела, М.С. Хозин решил заняться и вверенными ему армиями.

Тридцатого апреля он отдал приказ, согласно которому 59-я армия должна была выбить немцев из района Спасской Полисти. После этого следовало «подготовить к выводу в резерв фронта 4-ю гвардейскую и 372-ю стрелковые дивизии, атакже 7-ю отдельную бригаду».

Все — что и куда выводить — было предусмотрено в директиве, но случилась небольшая накладка — в тот день, когда был издан этот приказ, немцы приступили к ликвидации окруженной 2-й Ударной армии.

«Тридцатого апреля вражеская артподготовка длилась больше часа. Стало темно, как ночью. Лес горел. Вскоре появилась вражеская авиация. Переправы через Волхов разбиты. Враг рвется по всему фронту. На одну из рот тридцать восьмого полка гитлеровцы обрушили огонь такой силы, что в роте осталось лишь несколько человек. Но они продолжали защищать „Долину смерти“ — так окрестили заболоченную местность между реками Полистью и Глушицей».

В первых числах мая немцам удалось прорвать оборону вдоль дороги из Ольховки на Спасскую Полнеть. С севера они вклинились почти до Мясного Бора. Уже полностью лишенные снабжения бойцы 2-й Ударной армии продолжали сражаться.

«Солдаты, черные от копоти, с воспаленными глазами от многодневной бессонницы, лежали на зыбкой земле, а подчас прямо в воде и вели огонь по противнику. Они не получали ни хлеба, ни пищи, даже не было хорошей воды для питья. Ели солдаты крапиву, осиновою и липовую кору»...

«Оценка местности к этому времени была весьма тяжелой. Все зимние дороги были залиты водой, для гужевого и автотранспорта не проходимы. Коммуникации в данный период распутицы и артиллерийского огня противника были совершенно закрыты. Проход был временами доступен только отдельным людям».

Эта цитата взята нами из докладной записки Военному совету Волховского фронта, поданной 26 июня 1942 года генерал-майором Афанасьевым. Понятно, что докладная записка — не тот жанр, где оттачивается стилистика, но выражение «в период распутицы и артиллерийского огня» достойно, чтобы остаться в памяти.

Это не оговорка.

Интенсивный и губительный огонь немецкой артиллерии с тридцатого апреля стал для 2-й Ударной армии столь же привычной деталью пейзажа, как и набухшие водой болота.

«Наша авиация работает здорово. — записал в дневнике немецкий офицер Рудольф Видерман. — Над болотом, в котором сидят русские иваны, постоянно висит большое облако дыма. Наши самолеты не дают им передышки».

20 и 21 мая Хозина и Запорожца (член Военного совета Волховского фронта) вызвали к И.В. Сталину. На совещаниях 20 и 21 мая было решено начать отвод 2-й Ударной армии. И Хозин, и Запорожец скрыли, что к тому времени 2-я Ударная практически была уже уничтожена.

Но и эту директиву Ставки во 2-й Ударной получили с большим опозданием.

«Хозин медлил с выполнением приказа Ставки, — докладывал 1 июля 1942 года помощник начальника управления Особого отдела НКВД Москаленко, — ссылаясь на невозможность выводить технику по бездорожью и необходимость строить новые дороги».

В это невозможно поверить, но в начале июня начали строить дороги, чтобы протащить через топи застрявшие в болотах орудия и танки.

Ну, а о живых людях, конечно, забыли.

«30 мая я был ранен в ногу и попал в полевой медсанбат, который располагался здесь же в лесу. — вспоминает участник тех боев Н.Б. Вайнштейн. — Рассчитан медсанбат был на 200–300 раненых, а на третий день июня там их было несколько тысяч. Со мной рядом на нарах лежали раненые с гниющими ранами: в них заводились белые черви. Некоторые из-за ранения позвоночника не могли двигаться: делали под себя. Стоны, вонь. Пришлось выбираться наружу, хоть и холодно, но чисто. Мы подружился с лейтенантом — у него были ранения лица и рук, — я все делал руками, а он ходил, искал заячий щавель, крапиву и дохлых коней. Это были кони, павшие зимой, вмерзшие в землю и оттаявшие сейчас в болотах. Сохранившиеся куски гнилого мяса заталкивались в коробку из-под немецкого противогаза

(она из металла), и она бросалась в огонь. Через два-три часа, зажав нос, мы ели похлебку и жевали то, что получилось.

Кто увлекался похлебками — начал распухать. Очень много таких умирающих появилось.

Лежит человек огромный, голова, как шар, глаз почти не видно, они скрыты. Дышит, но уже ничего не чувствует. Нас можно было брать почти без сопротивления, но добраться до нас было невозможно — от разрывов лес и болото были перемешаны, чуть шагнешь в сторону и провалишься по грудь.»

Между тем 2-я Ударная армия предпринимала в эти дни отчаянные попытки вырваться из мешка.

«4 июня 1942 года. 00 часов 45 минут.

Ударим с рубежа Полнетъ в 20 часов 4 июня. Действий войск 59-й армии с востока не слышим, нет дальнего действия арт. огня. Власов».

Прорыв этот не удался. Более того...

Сняв почти безоружные порядки 2-й Ударной армии, немцы заняли Финев Луг и вышли в тылы.

6 июня М.С. Хозин вынужден был доложить в Ставку, что 2-я Ударная армия окружена. Ставка немедленно сместила его с должности.

Как вспоминает К.А. Мерецков, 8 июня 1942 года раздался неожиданный звонок.

Звонил Г.К. Жуков:

— Срочно приезжайте как есть.

Мерецков сел в машину, и весь «в окопной грязи», даже не успев переодеться, был доставлен в приемную ВГК. Александр Николаевич Поскребышев тоже не позволил Кириллу Афанасьевичу привести себя в порядок, сразу ввел в кабинет, где в полном, как вспоминает сам Мерецков, составе шло заседание Политбюро.

На самом же деле, судя по «Журналу посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете», если не считать А.М. Василевского, который и привел К.А. Мерецкова, находились только Г.М. Маленков и Л.П. Берия.

— Мы допустили большую ошибку, товарищ Мерецков, объединив Волховский и Ленинградский фронты, — сказал Сталин. — Генерал Хозин, хотя и сидел на Волховском направлении, дело вел плохо. Он не выполнил директивы Ставки об отводе 2-й Ударной армии. Вы, товарищ Мерецков, хорошо знаете Волховский фронт. Поэтому мы поручаем вам с товарищем Василевским выехать туда и во что бы то ни стало вызволить 2-ю Ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжелого оружия и техники. Вам же надлежит немедленно по прибытии на место вступить в командование фронтом.

В 3.15. 8 июня 1942 года К.А. Мерецков и А.М. Василевский вышли из кабинета Сталина.

Так была поставлена точка в том генеральском пасьянсе, о некоторых головоломных комбинациях которого мы рассказывали.

В тот же день, к вечеру, К.А. Мерецков прилетел в Малую Вишеру.

«Обстановка выглядела довольно мрачной. Резервы отсутствовали. Нам удалось высвободить три стрелковые бригады и ряд других частей, в том числе один танковый батальон. На эти скромные силы, сведенные в две группы, возлагалась задача пробить коридор шириной полтора-два километра, прикрыть его с флангов и обеспечить выход войск 2-й Ударной армии».

Мы уже рассказывали, как Мерецков пробивал этот коридор в марте.

Судя по его воспоминаниям, генералу и сейчас удалось прорвать кольцо немецкого окружения.

Странно только, что немцы так и не заметили этого.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер, скрупулезно отмечавший изменение обстановки на фронтах, записывает в эти дни: «обстановка без изменений», «существенных изменений не произошло», «серьезные атаки с востока отбиты», «наступление у Волхова отражено», «атаки на Волхове опять отбиты», «на Волхове ожесточенные атаки при поддержке танков отбиты с большим трудом», «на Волховском участке снова тяжелые бои. Вражеские танки проникли в коридор. Полагаю, что противник оттянет свои силы. В котле начинает ощущаться голод».

Эти записи Ф. Гальдера в точности совпадают с донесениями, поступавшими из окруженной армии.

«Военному совету Волховского фронта. Докладываю: войска армии в течение трех недель ведут напряженные ожесточенные бои с противником. Личный состав войск до предела измотан, увеличивается количество смертных случаев, и заболеваемость от истощения возрастает с каждым днем. Вследствие перекрестного обстрела армейского района войска несут большие потери от артиллерийского огня и авиации противника. Боевой состав соединений резко уменьшился. Пополнять его за счет тылов и спецчастей больше нельзя. Все, что было, взято. На шестнадцатое июня в батальонах, бригадах и стрелковых полках осталось в среднем по несколько десятков человек. Все попытки восточной группы армии пробить проход в коридоре с запада успеха не имели. Власов. Зуев. Виноградов».

«20 июня. 03 часа 17 минут. Начальнику Штаба фронта. Части Второй ударной армии соединились в районе отметки 37,1 и севернее ее с прорвавшимися танками и небольшой группой пехоты 59-й армии. Пехота, действующая с востока, на реку Полнеть еще не вышла. Артиллерия с востока не работает. Танки не имеют снарядов».

«20 июня. 12 часов 57 минут. Начальнику ГШКА. Начальнику штаба фронта. Копия: Коровникову и Яковлеву. Прошу понять, что части восточной группы настолько обескровлены, что трудно выделить сопровождение для танков. Оборона противника на реке Полнеть не нарушена. Положение противника без изменений. Пехота 52-й и 59-й

армий на реку Полнетъ с востока не вышла. Наши части скованы огнем противника и продвижения не имеют. Прошу указаний атаку пехоты 52-й и 59-й армий с востока. Прорвавшиеся 11 танков не имеют снарядов».

«21 июня 1942 года. 8 часов 10 минут. Начальнику ГШКА. Военному совету фронта. Войска армии три недели получают по пятьдесят граммов сухарей. Последние дни продовольствия совершенно не было. Доедаем последних лошадей. Люди до крайности истощены. Наблюдается групповая смертность от голода. Боеприпасов нет. Власов. Зуев».

//_***_//

Рассказ Ивана Никонова. Продолжение...

Стали пустеть боевые точки и треугольники, так как личный состав убывал, а пополнения не было.

Организовали дежурство по переднему краю. Мы с лейтенантом Ф.Ф. Голынским ходили попеременно. Берешь двух бойцов, ручной пулемет, посидишь в одной точке, переходишь в другую, там немного постреляешь. В результате создаешь впечатление крепкой обороны, что много пулевых точек. А на самом деле она почти пуста.

За двое суток до этого к нам прибыл новый помощник начальника Штаба. Вечерело. Было тихо. Позвонил он на правую точку, где дежурил Гончарук. Ответ Гончарука по телефону ему, видимо, не понравился. Позвонил мне и приказал немедленно сменить Гончарука. Дескать, не умеет разговаривать. Я знал Гончарука с формирования, как отличного, хорошего бойца. Придирку и приказ помощника начальника Штаба считал необоснованными, а главное, не было запасных бойцов, чтобы сменить Гончарука.

Пошел переговорить с комполка. Он поддержал нового помощника начальника Штаба. Пришлось снять и отправить двух хороших бойцов Самаркина и Петрякова. Только они ушли, минут через двадцать началась стрельба. Завязался бой. Немцы получили большое подкрепление и пошли в наступление. Зашли в правый стык и ударили во фланг нашей обороны. Гончарук передал по телефону:

— Немцы! Отстреливаюсь!

В трубку была слышна вся стрельба.

Патроны, видимо, вышли, и он передал:

— Погибаю!

И все. Комполка вызвал меня и сказал:

— Собери своих бойцов и возьми из санчасти больных, направляйтесь к переднему краю на край болота. Туда ушла наша дивизионная разведка. Вместе с ней будете действовать.

Взял с собой вновь прибывшего лейтенанта Киселя, бойцов Шишкина, Тарасова, из санчасти четырех больных и раненых, но они

были даже без винтовок и патронов. А где там это возьмешь, когда передний край занят немцами?

Это не первый был случай, когда некоторые бойцы без винтовок и патронов шли в атаку, вместе со всеми останавливая натиск врагов, грудью защищая свою Родину.

Двинулись в назначенное место. Вышли на болото, идем по лежням. Увидели, что кто-то идет навстречу. Подходим, это — Петряков.

— Товарищ командир, — говорит, — не ходите туда, там очень много немцев и сильно вооружены. Я только случайно не попал в плен. Только вышли от вас, поднялась стрельба, но мы не придали этому значения. Прошли болото, смотрим, сучья собирают. Ночью не видно кто. Говорим, чего вы ночью сучья собираете? А они схватили нас и кричат: «Хорь! Хорь!» Я сразу скинул карабин с плеча. Немец схватился за карабин. Я бросился бежать. Они стреляли, но не попали. А Самарина схватило несколько человек, и ему вырваться не удалось. Вы не ходите туда.

— Иди, — сказал я ему, — и доложи командиру полка обо всем, а мы пойдем. Так приказано.

Вышли из болота в то место, где должна быть дивизионная разведка. Это всего сто метров от нашего переднего края и противника. Разведки там и духом не пахло. У меня была трубка ТАТ, я включился в линию и доложил о положении командиру полка. Потом рассредоточил своих бойцов. Тарасова посадил вправо у березы, остальных безоружных посадил у лежащей елки. Сам с Шишкиным остался у провода. Догадались и провод телефонный обрезали, чтобы немцы нас не подслушивали. Смотрим, провод пополз. Мы поняли, что немцы тянут его на себя, чтобы определить расстояние до нас. Тут Тарасов замахал мне.

— Вон, — говорит. — Немцы!

Отбиваться было нечем.

— Не кричи, — говорю, — пускай идут.

Только прошли, смотрим, немцы идут прямо на нас и, не доходя метров пятнадцать, поворачивают влево. Колонной, друг за другом, несут на себе пулемет, миномет, коробки с боеприпасами. Ждать больше было нечего. Я поднял автомат, провел слева направо по строю, выпустив весь диск. Потом скомандовал: «За мной!» Все бросились за мной в болото.

— Ложись, — говорю, — между больших кочек.

Только легли, как немцы открыли ответный пулеметный и автоматный огонь, мелкие березки и сосенки, с краю болота, все оказались срезаны. Огонь прекратили, но на нас не пошли, а двинулись дальше. Мы поднялись все, за исключением лейтенанта Киселя, которого не оказалось, и пошли по болоту за первой группой немцев, потом взяли вправо и вышли на лежневку. Включился в линию и

передал командиру полка, что патронов нет. Спросил, что делать дальше?

Он ни слова не сказал, повесил трубку.

Мы сидим на кочках кружком.

— Слышите? — говорит один. — Вода булькает.

— Наверное, немцы, — говорит другой боец.

Взглянули, верно, метрах в сорока немцы, идут прямо на нас, врассыпную. Одежда у них, как и у нас, вся в грязи. Стрелять было нечем, и я сказал: «За мной!». Встали и пошли в направлении за первой группой немцев. Немцы, видимо, приняли нас за своих из первой группы и не дали по нам ни одного выстрела. Когда догнали первую группу немцев, в кустарнике услышали разговор и свернули вправо, и вдруг голос:

— Стой! Кто идет?

— Свои!

Подошли, это, оказалось, состав батальона, семнадцать человек с лейтенантом, отступившие с линии обороны. Я спросил:

— Патроны есть?

— Есть!

Взяли у них патроны. Объяснил, что сюда идут немцы, а одна группа уже пошла мимо.

— Идемте, — говорю, — от нас несколько метров — кружевина чистого болота, топь, мы их тут встретим...

Вышли из болота и подходим к своим позициям. Увидели, лежит кучкой одежда Самарина, она для нас была известная, обгоревшая. А где же Самарин? Кругом осмотрели, его нет. Кто-то сказал:

— Может, переоделся и ушел с ними.

Не верили в это. Подошли к нашим позициям.

Здесь опознали только по туловищу и одежде Гончарука Василия Ивановича. Канского железнодорожника. Немцы ему выбили и выстреляли все лицо и мозги. Осталась только черепная коробка. Около него лежало семь убитых немцев. Сердце сжалось. Жаль было верного друга и героя. Постояли, посмотрели, помолчали и за дело. Велел лейтенанту занять оборону левее, я со своими — правее, а далее, вправо никого нет, стык. Немного еще продвинулись, и стал устраивать точки из разного хлама. Приходит боец и говорит:

— Товарищ командир, там ваш боец, пойдете.

— Мои все здесь, — отвечаю. — Вот, рядом все, делают точки.

— Нет ваш.

Пошли посмотрели, а это Самарин, лежит на спине, голый. Все тело и лицо выжжено шомполами.

Накаленный шомпол вжигался в тело во всю его толщину, и мясо обугливалось вокруг него, так всего сожгли. Он не помнит, как после ему стреляли в спину, и пуля вышла в живот. Так как все были истощены, в том числе и Самарин, то у него вокруг раны был кружок

крови, миллиметра два ширины и полсантиметра ширины жидкого, как чай, зеленого от травы кала.

Он был жив. Тихо шевеля губами, сообщил, что немцев много, есть русские.

По рассказам, он был председателем артели и золотоискателем. Сибиряк.

Все стоявшие около Анатолия Самарина поняли лицо фашизма, невыразимую бесчеловечность издевательств. Даже не один зверь в мире не допустит того, как фашизм. Это поразило нас.

Доложил обо всем командиру полка, и он приказал мне принести Самарина на КП в санчасть. Двое суток мы не спали, не ели и не пили, было не до этого. Все время в ходу, да еще несли Самарина пять километров. Положили его в санчасть. Бойцов, которые со мной тащили, отправил на свои места.

Подошел к ручью попить, смотрю, у воды лежит икра. Ну, думаю, кто-то щуку поймал, а икру выпотрошил (в ручье щук не было). Вот повезло мне, взял и съел ее. Подошел к своим, старшина Григорьев Иван Николаевич говорит:

— Товарищ командир, мы лягушку поймали, сварили, давайте есть.

— Так это вы выбросили из лягушки икру?

— Да.

— Зачем я ее съел?

Поставили котелок для еды. Там от лягушки плавала одна капля жира. Впятером съели одну лягушку.

Меня вызвали на КП.

Командир полка приказал:

— Собирай всех, которые близко, около тебя.

Около елки была выкопана яма. Приказали все туда сложить. Сложили штабные документы, бумаги, рацию, противотанковые ружья и другую технику и закопали.

Когда отходили, я спросил начальника санчасти Сидоркина о состоянии Самарина. Он сказал, что Самарин уже скончался.

Так как атаковали Штаб дивизии, нас повели обходными путями туда. По пути увидели в стороне пятерых немцев. Я позвал бойцов, чтобы уничтожить их. Представитель дивизии, старший лейтенант, приказал нам вернуться. Я спросил, почему бы нам не уничтожить немцев? Лейтенант ответил: «Завяжем бой, нам не выполнить задачу».

Мы пришли в Штаб дивизии часам к 9 утра. Немцы вели бой. Командованием был составлен план операции по уничтожению противника.

Мне, с группой из десяти бойцов, было приказано занять оборону перед лицом наступающего противника. Стоять насмерть, ни шагу назад. Огонь, до наступления немцев, не открывать.

По замыслу одна группа должна была зайти и действовать справа, во фланг противника, другая группа — слева, тоже во фланг немцев.

Мы осмотрели местность, и подошли к небольшому ручью, метрах в сорока от немцев. Видели, как они переползают. Патронов было мало, и бойцы начали говорить: «Вот где наша могила».

Первая группа зашла далеко и левым флангом проходила мимо немцев. Немцы открыли по ним огонь ружейный и минометный и, видимо, сообщили координаты своей артиллерии. Срезали всю нашу группу.

В это время стала действовать левая группа, уже в тылу немцев. В результате немцы потеснились на территорию первой группы, а наши заняли их позиции. Тогда немецкая артиллерия стала бить по немцам, а наша артиллерия — по нашим. Связи никакой не было. Послал бойца сообщить об этом, но бежать было далеко, и пока он бежал, здесь бой уже прекратился. Остатки немцев отошли. Стало тише. Посыльный явился и передал приказание явиться на КП.

Уже вечерело. Командир полка приказал мне идти с группой своих бойцов на наш передний край. Снимать всех бойцов и вести сюда.

Опять пошли обходными путями, моховыми болотами. Прибыли утром. Зашли в санчасть, осмотрели все и нашли Самарина, он был еще живой. Стали искать кругом, чем бы его покормить. Немного нашли и покормили. Он тихо сказал:

— Эх! Какое бы было удивление, если бы я остался жив.

— Пойдем на передний край, соберем всех, — сказал я. — А обратно зайдем за тобой и возьмем тебя.

Когда собрал с переднего края, там и двадцати человек не было. Зашли к Самарину. Зная, что сами еле ногами двигаем, а нести придется всем, я еще раз спросил:

— Как, ребята, понесем Самарина?

— Понесем! — ответили мне.

Фельдшер Григорий Николаевич Запольский отозвал меня от ребят и сказал:

— Самарина нести бесполезно, так как у него прострелены кишки и уже третьи сутки все воспалено, его ничем нельзя спасти.

Переговорил со всеми и о заключении фельдшера. Решили — понесем. Понимал, бросить его — это морально убить товарищество.

Самарин лежал в стороне и наших переговоров не слышал.

По дороге заметили, что ему стало хуже. Видимо, от проглоченной пищи, которая отрицательно подействовала на раны. У него остыли руки и ноги. Жизни уже не чувствовалось. Несли обходом, болотами, не менее 15 км. Подошли к Штабу дивизии, а там никого не видеть.

Самарина я велел положить в стоявшую небольшую избушку, пока осмотрим, нет ли кого. Встретили одного товарища, и он сказал:

— Немцы обошли нас спереди. Вас ждали, но обстановка усложнилась, и все ушли, нас оставили дожидаться, чтобы вы собрали всех оставшихся и шли догонять.

Я послал двух бойцов за Самариным. Они пришли и доложили, что Самарин уже мертв. Отправились опять в ночь обходными путями, болотами, так как немцы были впереди.

Воды нет, шли голодные... Вышли на гриву, смотрю, снарядная воронка, в ней немного кровавой земляной жижи. Зачерпнул ладонями, а там три больших червя. Вот счастье! Они прокатились в горле, даже не жевал. Наконец, встретили группу своих бойцов, оставленных для встречи нас. Они пояснили, что с немцами был бой и надо идти, догонять своих.

Вышли к своим у железной дороги за Радофинниково.

Командир полка с комиссаром организовали группу прикрытия под моим командованием, и мы здесь задерживали продвижение немцев. Немцы с флангов обходили нас, мы снимались и догоняли своих.

Прошли Финев Луг.

Мы с помощником начальника Штаба Диконовым делали рекогносцировку, а меня согнула страшная боль в животе.

— У тебя спазм желудка от голода, глотай что-нибудь, — говорит Диконов.

Стал есть болотный багульник, и боль прошла.

Потом командир полка послал меня с бойцом Сафоновым разведать позиции и оборону немцев.

— Может, — говорит, — там и кабель найдете, чтобы связь проложить.

Оборону я знал хорошо. Вечером подошли к стыку между пехотой и минометчиками противника. Тихо продвигались позади его боевых точек, которые были устроены у немцев так: немного выкопанной земли, сверху сделано крышей перекрытие и засыпано. Отверстие для огня и выход. Поразить точку можно только артиллерийским или минометным огнем.

Подошли к точке, от которой шла телефонная связь.

Осмотрели. Договорились, что Сафонов перенесет провод в сторону. Когда отойдет далеко, я отрежу провод и уйду с концом подальше в сторону и намотаю на катушку.

Так и сделали. Я уже намотал полкатушки, когда выбежал немец, пощупал, провода нет, побежал дальше по линии.

Когда я домотал кабель, подошел Сафонов. Предложил ему: «Давай пойдем правее, прямо к своим, а то там можем нарваться».

Мне было получено командовать на переднем крае.

— Никонов, — сказал командир полка. — Иди принимай, вон пополнение пришло.

Вышел, смотрю, там одни лейтенанты, старшие лейтенанты и капитаны. Я к комполка:

— Товарищ майор, я только лейтенант, а там даже капитаны есть. Куда я их?

— Принимай и веди на передний край! Только сперва перепиши всех.

Отошли.

Я начал записывать, кто прибыл. А на переднем крае немец заактивничал, открыл стрельбу. Комполка звонит артиллеристам и просит:

— Давбер! Дай огонька, немцы зашевелились, ау меня пополнение туда еще не пришло.

Вдруг выстрел, и наш снаряд около нас упал и взорвался.

Упал в воронку, со мной еще три человека. Остальные бегут, кто куда. Затем второй, третий снаряд. Кричу:

— Ложись в воронки!

А они не обстреляны и бегут от снаряда к снаряду. Комполка закричал, заругался в телефон:

— Давбер, ты наших разбомбил.

Тогда бомбежка кончилась. У меня осталось от прибывших только семь человек. Остальные убиты и ранены. Второй раз, при мне, комполка просил Давбера помочь артиллерией, и оба раза он бил по нам.

Ранило Шишкина Трофима Константиновича, земляка из Тобольска. Пуля зашла спереди, ниже горловой ямки и сзади, внизу легких, вышла. Посмотрел, у него крови нет.

— Как себя чувствуешь? — спрашиваю.

— Ничего! — говорит. — А что теперь делать?

— Иди в санчасть, — говорю, — может, чем-нибудь помогут, и еды там лучше какой-нибудь найдешь. Здесь мы все пообъели, ни одного листочка не найдешь.

Я сказал так, хотя был приказ с переднего края раненым не уходить.

— Пойдем, — сказал он. — Попьем воды, как чаю.

Отошли немного, попили воды и простились.

Пищи не получали, люди уже умирали с голода. У меня появились сильные боли в животе. После того как заметил, что не ходил по тяжелому более 15 суток, отпросился в санчасть.

— У нас ничего нет, даже клизмы... — сказал начальник санчасти Сидоркин.

Поставили укол морфия. Сходили за клизмой к соседям, и там нет. Поставили еще укол и сказали:

— Триста метров санбат от нас, сходи туда, может, там что есть.

Пришел в санбат, там одни трупы. Большие ямы выкопаны, метров десять в длину и широкие. Одни ямы были закопаны, а другие не закопаны с трупами, да еще кругом на земле лежат трупы. Мне показалось, есть несколько человек еще живые. Ходящих никого нет. Увидел, на пне сидит один, по виду медик. Больше никого нет.

— У меня такое дело, — спрашиваю его, — нет ли у вас чем-нибудь помочь?

Не шевелится, глаза смотрят в одно место и ни слова. Спросил несколько раз. Без толку. Понял его состояние и сказал:

— Слушай, может, я еще живой останусь.

Он выговорил одно слово: «В телеге».

Телега рядом, достал там полбутылки касторки, выпил и в санчасть. Пока шел эти метры, два раза падал без сознания. Очувствуюсь и опять вперед.

Это было 22 июня 1942 года.

В санчасти поставили третий укол морфия и сказали:

— Вон рядом, 15 метров, лежит подбитый наш самолет У-2, может, там что есть.

Подошел к самолету, метрах в трех от него лежит погибший летчик. Самолет разбит. Нашел шланг, около полутора метров длиной со сплюснутой воронкой, на другом конце металлический винтовой наконечник с краником. Сидоркин говорит:

— Этим нельзя помочь, все изорвешь, и умрешь.

— Все равно умирать. — ответил я.

Взял воды, отошел к самолету, привязал шланг к березке, залил водой, заправил, открыл краник и потерял сознание. Когда очнулся, посмотрел, лежит как спрессованная кость, сантиметров пятнадцать, и как вода, жидкая зелень. Встал, подошел к медикам. Спросили:

— Ну, как, все вышло?

Ослаб, направился к своим. Иду и вижу, у сломанного дерева лист травы, сантиметров 12 длины и 6 ширины. Удивился, как он остался, нигде никакого листочка не найдешь. Сорвал и съел. Пришел, силы иссякли, и я лег.

23 июня я уже не мог встать и лежал не двигаясь.

Самолеты летали группа за группой. Стреляли из пулеметов и спускали бомбовые снаряды, которые в большинстве в болоте не рвались, только ухали. Спасались в воронках, да и передний край мало подвергался атаке, так как расстояние между позициями было не более 50 метров.

Меня спросили:

— Скоро выходить будем, а ты как?

Я показал на автомат, что у меня пуля есть в нем для себя.

Бойцы уже падали и умирали.

Вижу, боец Александров встал, ловится руками за воздух, упал, опять встал, упал и готов. Вижу, как зрачков не стало, конец. Пришел Загайнов, адъютант комполка, увидел меня и говорит:

— Никонов, что с тобой?

— Все! — сказал я.

— Обожди, я часа через полтора приду.

Пришел раньше и принес кусков подсушенной кожи с шерстью и кость сантиметров пятнадцать длины. Шерсть я обжег и съел эту кожу с таким вкусом, что у меня в жизни больше ни на что такого аппетита не было. У кости все пористое съел, а верхний слой сжег и углем съел. Так все делали. У голодного человека зубы такие крепкие, как у волка.

С этого утра 24 июня и поднялся на ноги. Стали собираться к выходу. Комполка сказал:

— Никонов, остаешься для прикрытия, пока мы выходим. С тобой даем личный состав и тех, которые останутся на переднем крае (т. е. не могущие встать). Как будете отходить, имущество все сжечь.

Взял выделенных бойцов, и пошли на передние точки, а оттуда, которые смогли, встали и ушли на выход. Пришел, осмотрелся. Лежат мертвые, которые умирают, встать уже не могут. Винтовок кучи.

Появились в армии и случаи людоедства.

В докладной записке, подготовленной 6 августа 1942 года для Абакумова, указывалось, что начальник политотдела 46-й стрелковой дивизии Зубов задержал бойца, когда тот пытался вырезать «из трупа красноармейца кусок мяса для питания. Будучи задержан, боец по дороге умер от истощения».

Глава шестая

В эти дни Власов не только посылал в различные штабы радиogramмы о бедственном положении армии, но и пытался найти решение: самостоятельно со своей стороны разорвать кольцо окружения.

Болото... Чахоточная, сочащаяся водой земля.

Здесь словно бы остановилось время, истончилось, истекло, словно его и не было.

Даже лето, которое уже давно пришло, никак не ощущалось тут ни по пейзажу — нигде не увидишь зеленой травы! — ни по одежде.

Как и зимой, бойцы кутаются в полусожженные фуфайки. На головах — летнюю форму не выдали — чернеют зимние шапки.

Солдаты замерли, радуясь спасительному теплу.

Но это днем, на солнечном припеке, а по ночам холодно на болоте, зябко в сырых окопах.

Впрочем, до вечера нужно еще дожить.

Солдаты, которых вывели по приказу Власова в тыл для создания штурмового кулака, до сегодняшнего вечера доживут. Их срок умирать наступит только нынешней летней ночью.

И пока их заботы — заботы живых.

Где-то горят костерки, что-то варится в них.

Но это не армия.

Это жалкие остатки армии, растерявшей силу и жизни своих солдат в изнурительных зимних боях.

И потому хмурится Власов, потому и сутулится сильнее обычного — все тяжелее давит на него предчувствие катастрофы.

Он идет с тяжелым, неподвижным лицом, рядом с ним Зуев. Морщинки перерезали красивый лоб комиссара. Печально лицо.

Как вспоминал Н.В. Коньков, водитель генерала Власова, «ежедневно из Штаба армии в район Мясного Бора выезжали, а позже ходили пешком командующий армией генерал-лейтенант Власов или член Военного совета армии дивизионный комиссар Зуев. До 20 июня у командования была полная уверенность в том, что окружение будет прорвано.

20 июня я слышал от бойцов и командиров, что командующий запросил по радио Штаб фронта о том, что если вырваться из окружения не удастся, что предпринять с техникой и материальной частью? Каков был ответ на радиограмму, я не знаю, но на следующий день технику начали уничтожать...

Командование приказало сосредоточить все силы для удара в районе Мясного Бора. Генерал-лейтенант Власов отправил на передовую также две роты по охране Штаба армии. Я и еще человек восемь шоферов остались при Штабе в качестве охраны и в боях в этот день участия не принимали.

На следующий день командование издало приказ всеми имеющимися силами идти на штурм обороны немцев в районе Мясного Бора. Этот штурм намечался на вечер 22 июня, и в этом штурме принимали участие все: рядовой состав, шофера, командующий армией, начальник Особого отдела армии и работники Штаба армии.

Командующий армией и работники Штаба держались спокойно и стойко и в момент штурма шли вместе с бойцами. Штурм начался часов в девять-десять вечера, но успеха не имел, так как наши части были встречены сильным минометным огнем».

Николай Васильевич Коньков не знал, что шатающимся от голода бойцам 2-й Ударной армии все же удалось совершить невозможное — они прорвались сквозь немецкие укрепления.

Согласно донесению капитана госбезопасности Колесникова, направленному под грифом «Совершенно секретно» в Особый отдел Волховского фронта, в этот день из окружения вышли 6018 раненых и около 1000 здоровых.

Раненым повезло больше.

Их отправили в госпиталь (потому они и сосчитаны точно), из остальных (около 1000 здоровых) был сформирован отряд полковника Коркина, который снова загнали в «Долину смерти». Воистину злой рок висел над бойцами 2-й Ударной армии.

Целыми уйти из этого ада не позволялось никому.

Интересно, что в этот же день начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер записал в своем дневнике: «Потери сухопутных войск на Восточном фронте с 22 июня 1941 года по 10 июня 1942 года: ранено — 27 282 офицера, 915 575 унтер-офицеров и рядовых; убито — 9915 офицеров, 256 302 унтер-офицера и рядовых; пропало без вести — 887 офицеров, 58 473 унтер-офицера и рядовых. Общие потери сухопутных войск (без больных) составили 1 268 434 человека».

Такие записи немецкий генерал-полковник делал регулярно три раза в месяц до 24 сентября 1942 года, пока не был отрешен от занимаемого поста ^[37].

В нашем Генеральном штабе подобных подсчетов — увы! — никто не вел.

Глава седьмая

Но вернемся к Андрею Андреевичу Власову.

Колонну, в которой шли штабные работники армии, немцы встретили минометным огнем, и она вынуждена была отойти.

Отчаяние сквозит в радиোগрамме, посланной из Штаба 2-й Ударной сразу, как только стало ясно, что прорыв не удался.

«23 июня 1942 г. 01 час 02 минуты. Войска армии после прорыва силами 46-й стрелковой дивизии вышли на рубеж Безымянного ручья 900 метров восточнее отметки 37,1 и только в этом районе встретились с частями 59-й армии. Все донесения о подходе частей 59-й армии к реке Полнеть с востока предательское вранье».

Утром 23 июня окончательно сломленная во время ночного штурма 2-я Ударная армия еще держала оборону по линии Глухая Кересть — Новая Кересть — Ольховка, но вечером немцы прорвались в район посадочной площадки в Новой Керести, а к 16.00 просочились к КП армии. И хотя к восьми часам вечера немецких автоматчиков от КП удалось отбить, было понятно, что армия доживает последние часы.

«23 июня 1942 г. 22.15. Противник овладел Новой Керестью и восточнее. Проход восточнее реки Полнеть вновь закрыт противником... Активных действий с востока не слышно. Артиллерия огонь не ведет. Еще раз прошу принять решительные меры по расчистке прорыва и выходу 52-й и 59-й армий на реку Полнеть с востока. Наши части на западном берегу Полисти. Власов. Зуев. Виноградов».

«23 июня 1942 г. 23.35. Бой на КП Штаба армии отметка 43,3. Помощь необходима. Власов».

Что происходило в 52-й и 59-й армиях, понятно.

Мерецкову не удалось организовать штурмовую группировку такой силы, которая способна была проломить немецкую оборону. И как всегда в таких случаях, снова горькая правда о неудаче так обильно разводилась лукавством, что, в общем-то, может, и незначительные преувеличения успехов, складываясь воедино, превращались в настоящий, как и было приказано, прорыв.

К этому лукавству подталкивал генералов и сам характер болотистой местности, где сплошной линии обороны не могло быть ни у нас, ни у немцев. Но для задыхающейся в кольце, гибнущей 2-й Ударной армии успокоительные сообщения о прорыве окружения звучали насмешкой.

«24 июня 1942 г. 00.45. Прохода нет, раненых эвакуировать некуда — Вас вводят в заблуждение. Прошу Вашего вмешательства».

Утром 24 июня немецкие автоматчики прорвались к штабу армии, и все командование перешло на КП 57-й стрелковой бригады.

Отсюда и ушла в Штаб фронта последняя радиограмма.

«24 июня 1942 г. 19.45. Всеми наличными силами войск армии прорываемся с рубежа западного берега реки Полнеть на восток, вдоль дорог и севернее узкоколейки. Начало атаки в 22.30. 24 июня 42 г. Прошу содействовать с востока живой силой, танками и артиллерией 58-й и 39-й армий и прикрыть авиацией войска с 3.00. 25 июня 42 г. Власов. Зуев. Виноградов».

К 22.00. колонна, в которой выходил на этот раз и генерал Власов, переместилась в район КП 46-й стрелковой дивизии, откуда в 24.00. двинулись к пункту отхода. В голове колонны шло два взвода роты Особого отдела армии, вооруженные двенадцатью ручными пулеметами, и взвод сотрудников Особого отдела НКВД с автоматами. Дальше двигались начальник Особого отдела А.Г. Шашков, Военный совет армии, отделы Штаба армии. Замыкал шествие взвод роты Особого отдела.

Согласно сводке Генерального штаба, составленной на основе доклада К.А. Мерецкова, «25 июня к 3 часам 15 минутам согласованным ударом 2-й и 59-й армий оборона противника в коридоре была сломлена, ис 1 часа 00 минут начался выход частей 2-й армии».

Человеку, не искушенному в стилистике штабных документов, может показаться странным, что выход окруженной армии начался за два с лишним часа до того, как удалось сломить оборону противника. Однако никакого противоречия тут нет. Ведь эту безумную атаку шатающихся от голода бойцов и называл Кирилл Афанасьевич «выходом из окружения».

Столь же чудесно было переосмыслено и появление нескольких бойцов 2-й армии, прорвавшихся сквозь немецкие порядки. Его облекли в более приятную для генеральского уха формулировку почти победной режиссуры: «Оборона противника сломлена».

Но кое-кому из бойцов и офицеров действительно удалось прорваться на этот раз. Они и рассказали, как происходило дело.

«Все становилось безразличным, часто впадали в полудрему, забытие. Поэтому совершенно неясно, откуда взялись силы, когда мы начали выходить. Выходить — не то слово. Ползли, проваливаясь в болото, вылезли на сухую поляну, увидели своих танкистов — наши танки, развернув башни, били по фашистам. Но немцы простреливали эту поляну — на ней живого места не было. Одно место я даже (вспомните, что автор воспоминаний Н.Б. Вайнштейн в первых числах июня был ранен в ногу) перебежал. Что руководило направлением — куда бежать, — тоже неясно, инстинкт какой-то, даже осколочное ранение в плечо показалось пустяком в этом содоме».

«Немцам был приказ уничтожить нас, — завершая свою эпопею, вспоминал Иван Никонов. — Они загалдели, открыли огонь, поднялись в атаку, мы дали ответный огонь из всего оружия.

Когда они отошли, мы еще постреляли и оставили позиции. Подошли к КП, развели огонь, сожгли все, кроме своего оружия. Тут оказался помощник начальника штаба Казаков, которого у нас в полку давно не было видно.

— Кто проводник? — спрашиваю я.

— Не знаю, куда ушли, и куда вести, тоже не знаю, — ответил он. — Ты тут все знаешь, веди.

Я пошел вперед к бывшей узкоколейке. Все пошли за мной, но приотстали, растянулись. Отошли недалеко. Вдруг, спереди, огонь по нам. Все кинулись бежать.

Думал, ошибка какая-то. Посмотрел, действительно, метрах в двадцати от меня немцы в воронках лежат и стреляют.

— Товарищ командир, — говорит Поспеловский, — я слепну и идти не могу...

Взглянул ему в глаза, зрачков уже нет.

Стояли мы четверо в одном квадратном метре. Комполка, справа — я, слева — комиссар, против — инженер полка. Вдруг мина прямо в грудь инженеру полка, и его разнесло; комполка ранило в ноги. Комиссар и я остались невредимы.

Рванулись вперед со стрельбой. Немец открыл огонь по нам из всех видов оружия. Наши с противоположного фронта, видимо, поняли. Раз немец открыл огонь, значит, мы наступаем на выход. Стали бить из орудий по его переднему краю».

Еще менее удачной была судьба штабной колонны. Около двух часов ночи вся группа, согласно показаниям генерал-майора Афанасьева, попала под артминометный заградительный огонь.

«Группы в дыму теряются. Одна группа во главе с Зуевым и начальником Особого отдела с отрядом автоматчиков ушла от нас вправо.

Мы с группой Власова, Виноградова, Белищева, Афанасьева и др. ушли сквозь дым разрывов влево. Пройти вперед не смогли. И мы решили идти обратно на КП 46-й стрелковой дивизии, куда вернулся и штаб 46-й дивизии.

Ждали момента затишья, но, увы, с запада противник прорвал фронт и двигался к нам по просеке во взводных колоннах и кричал: „Рус, сдавайся!“. Мне было приказано организовать оборону КП, но противник продолжал нажимать, увеличил свои силы, увеличился огонь по КП.

Нужно отметить, что тов. Власов, несмотря на обстрел, продолжал стоять на месте, не применяясь к местности, чувствовалась какая-то растерянность или забывчивость. Заметно было потрясение чувств. Было немедленно принято решение, и Виноградов взялся за организацию отхода в тыл к противнику с выходом через фронт опять к своим».

Хирург А.А. Вишневский присутствовал в эти дни на переднем крае, где пыталась прорваться окруженная армия.

Вот записи из его фронтового дневника:

«25 июня. В шесть часов вечера поехали к Мясному Бору. По дороге расположены питательные и перевязочные пункты. Вдоль узкоколейки идут люди в зимнем обмундировании, худые, с землистым цветом лица. Встречаем двоих, совсем мальчиков.

— Откуда?

— Из 2-й Ударной.

Везут на лошадях раненых. Яркое солнце освещает их равнодушные, окаменевшие лица. Идет красноармеец, почти старик, тащит ротный миномет, ручной пулемет и карабин — вот настоящий герой! Смерть угрожает на каждом шагу, и в этих условиях он полз узким коридором, не бросая оружия!

Пошли на командный пункт 59-й армии к генералу Коровникову, встретили Мерецкова, он сидит на пне, вокруг него много народа. Мы поздоровались. Где-то совсем близко разорвалась бомба и задрожала земля, но все будто не замечают. Мерецков рассказывает об Испании, где он воевал.

У Коровникова отеки обеих ног. Все ждут генерала Власова — командующего 2-й Ударной армией. Ходят различные слухи: кто говорит, что он вышел, кто говорит, что нет. Начсанарма Боборыкина видели, как он полз, комиссара санотдела тащили на носилках; говорят, что он замечательный человек, болел нефрозонефритом, по видимому, погибнет или уже погиб.

Пошли назад, встретили девушку, всю в грязи.

— Откуда?

— Из 25-й стрелковой бригады.

Эта хирургическая сестра — Ира Петраченко из Смоленска — уже третий раз выходит из окружения. Мы довели ее до места сбора. Здесь всех моют, кормят, дают чистое белье.

Возвращаясь в Костылево, попали под сильный минометный огонь. Осколком перебило бензопровод в нашей машине...

В Селищенские казармы попало две бомбы, в перевязочной убито пятнадцать человек, двенадцать — тяжело ранено, контужен врач.

Ночью узнал, это у Себеки приступ острого аппендицита. С Машиловым — начальником ГОПЭП 59-й армии поехали к нему. Волхов переехали по понтонному мосту, который днем был разбит, а сейчас уже исправлен. В пять часов утра приехали в эвакуприемник 52-й армии.

Приступ у Себеки уже прошел, и он празднует день своего рождения. Среди участников — армейский хирург Гуревич. Мы тоже приняли участие в пиршестве. Было очень уютно, но у всех на сердце тяжелым камнем лежит мысль о судьбе 2-й армии.

26 июня. С Бурмановым поехал в Мясной Бор. Вчера немцы закрыли все проходы, и за ночь никто не вышел. Командующего и членов Военного совета 2-й Ударной армии до сих пор нет.

Ночью опять будет атака. Достал свой автомат и в 11 часов вечера поехал к горловине Мясного Бора, где опять назначен выход частей 2-й армии.

Ночь. В небо взлетают ракеты: белые, зеленые, красные — очень красиво. Дорога идет по берегу Волхова, и луна освещает гладь реки. Над ней темнеют контуры развалин. По нашему приказанию прибыло 50 машин, чтобы сразу же увозить ослабленных голодом людей в питательные пункты.

Подходим к землянке. В ней спит врач Веселев, с которым я встречался в Финляндии. Смелый и милый человек. Здесь он возглавляет организацию по приему раненых 2-й армии. Мы зашли к нему в землянку и решили остаток ночи провести здесь. Беспокоит нас тишина.

На столе появилась водка с витамином „С“. Ее почему-то нежно именуют ликером. Мы с Песисом на этот раз пить не стали, а просто легли спать. Некоторое время я прислушивался к разговорам, потом тихо запели „Ермака“ и я уснул.

27 июня. Проснулись от сильной канонады. Артиллерия, минометы и „катюши“ стреляли через нас. Выяснилось, что немцы закрыли все щели в кольце, и сегодня из окружения не вышел ни один человек.

28 июня. За ночь из 2-й Ударной армии вышло всего шесть человек; из них трое легкораненых. Едем на командный пункт к Коровникову. Добралась благополучно. У них шло заседание Военного совета, вскоре оно кончилось, вышел Мерецков и поздоровался с нами. По виду его можно было судить, что он сильно расстроен».

Увы.

Почти никому из руководства 2-й Ударной армии не удалось выйти из окружения.

Начальник Особого отдела армии А.Г. Шишков был ранен еще в ночь на 25 июня и застрелился.

Комиссар Зуев погибнет через несколько дней, напоровшись на немецкий патруль возле железной дороги.

Начальник штаба Виноградов, которому только-только присвоили звание генерал-майора, тоже погиб. Но сам Власов уцелел.

Одним из последних видел генерала Власова начальник политотдела 46-й стрелковой дивизии майор Александр Иванович Зубов (тот самый Зубов, который несколько дней назад задержал красноармейца-людоеда).

«В 9 часов вечера полковому комиссару Шабловскому оторвало руку. Я его затащил в четыре сосны, сделал перевязку, слышу, кричит лейтенант и просит оказать помощь командующему Власову, который, как заявил капитан, погибает. Мы с командиром 176-го полка Соболевым указали место, где ему найти укрытие. В это укрытие был доставлен и командующий Власов. В 12 часов дня 25 июня штаб 2-й Ударной армии и штаб 46-й дивизии находились в одном месте...»

Мы специально выделили здесь воинские звания. Понятно, что накладка — кричит еще лейтенант, а заявляет уже капитан! — возникла непредумышленно. Но вместе с тем в накладке этой очень точно передана неразбериха, царившая тогда в районе прорыва армии.

И в этой неразберихе известия о Власове, начиная с 25 июня, становятся все обрывочней, пока не прекращаются совсем.

Как явствует из рапорта, поданного на имя начальника Особого отдела НКВД Волховского фронта, заместитель начальника Особого отдела НКВД 2-й Ударной армии, капитан госбезопасности Соколов пытался 25 июня отыскать Власова, но это ему не удалось.

«Мы обнаружили шалаш, где Власов находился, но в этом шалаше была только одна сотрудница военторга по имени Зина, которая ответила, что Власов находился здесь, но ушел к командиру 382-й дивизии, а затем якобы имел намерение перейти на КП 46-й дивизии».

В 13.30, когда Соколов отыскал Зину, дорогу на КП дивизии уже перерезали немецкие автоматчики, и капитан прекратил поиски Власова.

Куда ушли генералы и офицеры, мы узнаем из показаний все того же начальника политотдела 46-й стрелковой дивизии майора Александра Ивановича Зубова.

«В 12 часов дня 25 июня, — рассказывал он, — штаб 2-й Ударной армии и штаб 46-й дивизии находились в лесу в одном месте. Командир дивизии Черный сообщил мне, что мы сейчас идем в тыл противника, но командующий Власов предупредил, чтобы не брать лишних людей и лучше стремиться остаться одним. Таким образом, нас осталось из штаба 2-й Ударной армии 28 человек и не менее было из штаба 46-й

дивизии. Не имея питания, мы пошли в Замошеское болото и шли двадцать пятого и двадцать шестого. Вечером мы обнаружили убитого лося, поужинали, а утром двадцать седьмого июня начальник штаба 2-й Ударной армии, посоветовавшись с Власовым, принял решение разбиться на две группы, так как таким большим количеством ходить невозможно. В два часа дня мы раскололись на две группы и разошлись в разные стороны».

Это же подтвердил и генерал-майор Афанасьев.

«Тов. Виноградов договорился с тов. Власовым, что надо разбиться на маленькие группки, которые должны сами себе избрать маршрут движения и планы своих действий. Составили списки и предложили нам двигаться. Перед уходом. стал спрашивать Власова и Виноградова, они мне сказали, что еще не приняли решения и что они пойдут после всех».

Старший политрук отдельной роты химической защиты 25-й стрелковой дивизии Виктор Иосифович Клоньев утверждал, что видел Власова «примерно 29 июня».

«Двигаясь на север со своей группой в районе леса, три километра юго-западнее Приютина (Протнина? — Н. К.), я встретил командующего 2-й Ударной армии генерал-лейтенанта Власова с группой командиров и бойцов в количестве 16 человек. Среди них был генерал-майор Алферьев, несколько полковников и две женщины. Он меня расспросил, проверил документы. Дал совет, как выйти из окружения. Здесь мы переночевали вместе, и наутро я в три часа ушел со своей группой на север, а спросить разрешения присоединиться, я постеснялся».

Это последние известия об Андрее Андреевиче Власове.

После этого след Власова теряется вплоть до 12 июля, когда Власов был взят в плен немцами в крестьянской избе в деревне Туховежи.

Часть третья. В трясине

Первое грехопадение — сдача в плен.

А.А. Власов

Когда читаешь свидетельства о поисках генерала Власова, порою возникает ощущение, что после неудачного прорыва он словно бы растворяется в болотистой местности, истаивает в душных испарениях торфяников, как пропала, истаяла здесь вся его 2-й Ударная армия...

Исчезновение это удивительно и потому, что для поиска генерала были задействованы немалые силы.

Из доклада Штаба Волховского фронта «О проведении операции по выводу 2-й Ударной армии из окружения» явствует, что в конце июня начались широкомасштабные и активные поиски Власова.

«Для розыска Военного совета 2-й Ударной армии разведывательным отделом фронта были высланы радиофицированные АТ группы 28.06.42 г. — две группы в район Глушица, обе были рассеяны огнем противника, и связь с ними была потеряна. В период с 2 по 13.07.42 г. с самолета были сброшены 6 групп по три-четыре человека в каждой. Из этих групп одна была рассеяна при сбросе и частью вернулась обратно, две группы, успешно выброшенные и наладившие связь, необходимых данных не дали, и три группы дают регулярные сообщения о движениях мелких групп командиров и бойцов 2-й Ударной армии в тылу противника. Все попытки розыска следов Военного совета до сих пор успеха не имеют».

То же самое касалось и разрозненных групп красноармейцев, блуждавших по лесу после ликвидации 2-й Ударной армии. Кое-кому из них посчастливилось выйти из окружения, но — увы! — на допросах никто из них ничего не мог поведать об участии Власова.

Если мы добавим, что весь район активно прочесывался немцами, то исчезновение Власова становится совсем удивительным.

Генерал бесследно исчезает до 12 июля, когда он был обнаружен в крестьянской избе деревни Туховежи офицером разведки немецкого 38-го корпуса капитаном фон Шверднером и переводчиком Клаусом Пельхау.

13 июля Власова отвезли к генералу Линдемону, командующему 18-й армией, в штаб-квартиру в Сиверской.

15 июля он был переправлен в Летцен.

Глава первая

Любопытно, что, когда Власова доставили в Летцен, на его след «напали» и партизаны из отряда Сазанова. 16 июля в Ленинградский штаб партизанского движения из партизанского отряда пришла радиграмма: «У нас находится генерал-майор связи 2-й Ударной армии Афанасьев. Власов, Виноградов живы. Сазанов».

Разумеется, партизаны могли и не знать, что Власов уже захвачен немцами, но неосведомленность Ленинградского штаба партизанского движения непонятна. Ведь сообщение о пленении А.А. Власова еще 14 июля было передано германским радиовещанием в сводке Верховного командования.

Однако то ли телеграмма ^[38] была составлена неловко, и в Штабе партизанского движения прочитали ее без точки (получилось, что у Сазанова в отряде и находятся генералы Афанасьев, Власов и

Виноградов), то ли просто очень хотелось, чтобы немецкое сообщение оказалось дезинформацией, но на следующий день Сазанову полетела радиogramма такого содержания:

«17 июля. Сазанову. Приказываю Власова, Виноградова, Афанасьева и других из командования 2-й армии держать при себе, сохранить и оградить от любых опасностей. Проявите заботу. Сейчас это главная задача, поставленная Москвой. Штаб ЛПД».

В тот же день сазановские партизаны забили отбой, уточняя, дескать, «Власов, Виноградов уходили район Острова. Принимаем меры розыска», но в Штабе уже не желали расставаться с миражом.

Последующий обмен радиogramмами напоминает разговор глухих.

«18 июля. Сазанову. Сообщите подробности о Власове, Виноградове. Используйте все силы и средства их розыску и вместе с ними вылетайте в Вишеру. Штаб ЛПД».

«18 июля. Афанасьев оставил Власова с группой командного состава и женщиной в районе Язвинки. Сазанов».

«18 июля. Сазанову. Великая честь найти и помочь Власову. Радируйте через каждые три часа. Штаб ЛПД».

Эти радиogramмы, безусловно, исторический памятник той растерянности и ошеломленности, которые царили в наших штабах летом 1942 года. Легко догадаться, что из штаба Партизанского движения доложили наверх, что Власов найден, и теперь Ставка не желала и слышать об ошибке, сверху требовали, чтобы все так и было, как положено.

«20 июля. Разыскать Власова, Виноградова требует Ставка. Мобилизуйте все силы розыска. Штаб ЛПД».

«21 июля. Сазанову. Передаю вам приказ Ставки Верховного командования доставить Власова, Афанасьева, Виноградова самолетом, который будет подан по вашему требованию. Жду немедленного ответа. Жданов».

Обратим внимание на совпадение дат...

21-м числом июля помечена поданная И.В. Сталину докладная записка Лаврентия Берии, в которой достаточно объективно и полно восстанавливались события, произошедшие после 25 июня с остатками штаба 2-й Ударной армии.

Завершалась записка словами:

«14 июля германское радиовещание в сводке Верховного командования передало, что во время очистки недавнего волховского котла обнаружен в своем убежище и взят в плен командующий 2-й Ударной армией генерал-лейтенант Власов».

Эта информация завершала аналитическую записку. Далее шла подпись Берии. Лаврентий Павлович никак не комментировал немецкое заявление, перекладывая решение судьбы генерала на плечи Сталина.

И.В. Сталину это решение, видимо, далось нелегко.

Можно предположить, что он сам связывался с Ленинградом, откуда поступило обнадеживающее известие о спасении А.А. Власова.

На эту мысль наводит нас то, что 21 июля радиogramма, отправленная Сазанову, ушла за подписью самого товарища Жданова. Тогда же — никаких сил не жалко, лишь бы не расставаться с призрачной надеждой! — руководителю спецотряда партизан при штабе Волховского фронта товарищу Косицыну ушло распоряжение: «Добейтесь у Мерецкова через начальника штаба Семенова выброс самолетами Сазанову 50 лучших партизан. Выполнить приказ Сталина об эвакуации Власова, Виноградова, Афанасьева в наш тыл. Начальник штаба ЛПД Никитин».

Партизан Сазанов и сам теперь был не рад, что ему удалось спасти генерала Афанасьева.

Не того генерала, оказывается, он спас.

А где взять того, которого надо, если тот уже давно у немцев.

«22 июля. Поиск Власова продолжаем. Шлите самолет с расчетом на Афанасьева и 2-х тяжелораненых».

«23 июля. Жданову. Афанасьев прибыл к нам 5 июля. Власовым разошлись Язвинки. После о нем ничего не известно. Мной посланы в розыск 22 человека, две группы в 19 человек, 5 человек райактива. Розыск продолжаю. Сазанов».

Только 24 июля Верховное командование смирилось с горькой мыслью, что сообщение немецкого радио — правда. Однако и теперь отбоя не последовало.

«24 июля. Личным распоряжением Начальника ЛПД Никитиным в город Валдай вызваны командиры партизанских бригад, действующих в партизанском крае, где они получают задание по организации боевых действий на ряде коммуникаций противника на случай возможного транспортирования пленных из числа лиц комсостава 2-й Ударной армии».

И — кто знает? — может, и отбили бы, только Андрей Андреевич Власов уже находился в это время далеко от ленинградских партизан — в Винницком лагере для военнопленных генералов и высших офицеров.

Хорошо хоть, что генерала Афанасьева забрали у Сазанова...

«24 июля. Афанасьев вылетел. Сообщать не могли по случаю обстрела. Сазанов».

Итак.

12 июля, как пишет в своей книге, руководствуясь немецкими источниками, Екатерина Андреева, «Власов был обнаружен в крестьянской избе деревни Туховежи офицером разведки немецкого 38-го корпуса капитаном фон Шверднером и переводчиком Клаусом Пельхау. До этого они нашли труп, принятый ими за тело Власова, и решили проверить, не скрывается ли в избе кто-либо».

Екатерина Андреева пишет, что, когда Власов услышал шаги немцев, он вышел и сказал:

— Не стреляйте, я — Власов ^[39]».

Похожую версию излагает политрук Хонименко, рассказавший, что, блуждая по лесам, он отправился искать питание в Сенную Кересть. Когда пришли туда, одна из старушек посоветовала им немедленно уйти из села. Она сказала, что в селе много немцев, которые вчера захватили командующего Власова.

«Эту старушку пригласили на опушку, где она рассказала, что пришла женщина, попросила покушать, когда ее накормили, она попросила покормить товарища. Хозяйка дома согласилась. Кот да покушал Власов, в это время дом уже был окружен немцами. Подойдя к двери и открыв ее, Власову было предложено поднять руки вверх. Власов заявил: «Не стреляйте, я командующий 2-й Ударной армией — Власов». Их забрали и повели вместе с женщиной».

Но не все сходится в этих рассказах.

События словно бы затягивает в трясины, они наползают друг на друга, не сообразуясь со здравым смыслом.

Капитан фон Шверднер и переводчик Клаус Пельхау вначале находят труп, принятый ими за генерала Власова, а потом производят обыск избы, где скрывается Власов, и находят живого Власова.

Женщина (Воронова?) просит покормить ее, потом Власова. Получается, что Власов, пока обедала Воронова, сидел где-то на улице. Вообразить, что это происходит в населенной деревне, — трудно.

Кроме того (и это главное!), судя по фотографии, сделанной на станции «Сиверская», где Власов, как нашкодивший школьник, стоит перед крылечком штаб-квартиры генерала Линдемана, он не особенно осунулся за две, проведенные в болотных топях недели.

Так что мысль о скитаниях Власова по лесам и болотам тоже надобно откинуть, особенно если вспомнить, что странствия Власова происходили на территории, где два месяца умирала от голода огромная армия.

Похоже, что Виноградову и Власову был известен какой-то запасной, не использованный КП 2-й Ударной армии, где имелся запас продуктов.

Этот КП и стал «своим убежищем» для генерала Власова ^[40].

Ничего удивительного в существовании такого убежища нет. Более трех месяцев армия находилась в окружении, и запасные КП, сооружаемые в условиях повышенной секретности, наверняка должны были существовать.

И почему же Власов и Виноградов (после гибели особиста Шашкова они единственные наверняка знали, где находится запасной КП) не могли использовать его?

Именно к такому убежищу и прорывалась группа А.А. Власова, поскольку вместо того, чтобы искать щелочку в немецком кольце — ав

условиях болотистой местности такие щелочки наверняка были! — предприняли марш-бросок в противоположную сторону.

Напомним еще раз, как настойчиво Власов и Виноградов стремились отделиться от своих товарищей по окружению.

«В 12 часов дня 25 июня, — рассказывал начальник политотдела 46-й стрелковой дивизии майор Александр Иванович Зубов, — штаб 2-й Ударной армии и штаб 46-й дивизии находились в лесу в одном месте. Командир дивизии Черный сообщил мне, что мы сейчас идем в тыл противника, но командующий Власов предупредил, чтобы не брать лишних людей и лучше стремиться остаться одним».

«Перед уходом, — свидетельствовал генерал-майор Афанасьев, — стал спрашивать Власова и Виноградова, они мне сказали, что еще не приняли решения и что они пойдут после всех».

Понятно, что не прикрывать отход сотоварищей остались генералы, а пытались убедиться, что — прошу простить некий цинизм — никто не сел им на хвост.

Косвенно наше предположение о существовании убежища с запасом продуктов подтверждается самим составом группы, с которой ушел Власов. Кроме «походно-полевой жены», Марии Игнатьевны Вороновой, в группе был только начальник штаба армии генерал-майор Виноградов. Солдаты Котов и Погибко, как следует из показаний, присоединились к группе позднее.

В таком составе хорошо ездить на пикник, но выходить из окружения трудновато. Едва ли генералы Власов и Виноградов были подходящими бойцами-следопытами. И возраст не подходящий, чтобы в разведки ходить, и автомат неведомо когда в последний раз в руках держали.

И уж совсем непонятно присутствие женщины.

Одной, в гражданской одежде, Марии Вороновой выйти из окружения было бы гораздо легче и безопаснее. Опять же и толку от нее в группе не было никакого. Только стесняла бы она решивших вырваться из окружения мужчин.

Но Власов и не собирался еще раз прорываться через фронт. Таков и был, очевидно, его план, чтобы, затаившись в своем убежище, попытаться, когда закончится прочесывание местности, связаться с партизанами и уже тогда перейти линию фронта.

Разумеется, — подчеркну еще раз! — все это только предположение. Но предположение, которое представляется нам вполне реальным еще и потому, что оно снимает многочисленные противоречия и нестыковки предлагаемых другими авторами версий двухнедельного отсутствия генерала Власова.

Ну, и самое главное.

На фотографии, сделанной в деревне Туховежи 12 июля 1942 года Андрей Андреевич Власов и Мария Игнатьевна Воронова совершенно

непохожи на людей проблуждавших две недели по лесу. И одежда в полном порядке, и на лицах никаких следов перенесенных лишений.

Глава вторая

Гораздо более интересным и загадочным для нас является исчезновение Власова на эти две недели не только из показаний очевидцев событий, но и из трясины собственных воспоминаний.

В «Открытом письме» А.А. Власов скажет:

«Я до последней минуты оставался с бойцами и командирами армии. Нас оставалась горстка, и мы до конца выполнили свой долг солдат. Я пробился сквозь окружение в лес и около месяца скрывался в лесу и болотах. Но теперь во всем объеме встал вопрос: следует ли дальше проливать кровь Русского народа? В интересах ли Русского народа продолжать войну? За что воюет Русский народ? Я ясно сознавал, что Русский народ втянут большевизмом в войну за чуждые ему интересы англоамериканских капиталистов...

Так не будет ли преступлением и дальше проливать кровь? Не является ли большевизм и, в частности, Сталин главными врагами русского народа?

Не есть ли первая и святая обязанность каждого честного русского человека стать на борьбу против Сталина и его клики?»

Даже если и допустить, что Власов не лукавит тут, все равно надо признать, что он старательно избегает любой конкретики относительно пути к немецкому плену. Долгие недели блужданий по занятой немцами территории он погружает в туманные размышления и прозрения о судьбе России, о смысле войны.

Мария Игнатьевна Воронова на допросе в НКВД на вопрос, где они укрывались две недели, отвечала уклончиво:

«Примерно в июле месяце 1942 года под Новгородом немцы обнаружили нас в лесу и навязали бой, после которого Власов, я, солдат Котов и шофер Погибко вырвались в болото, перешли его и вышли к деревням. Погибко с раненым бойцом Котовым пошли в одну деревню, мы с Власовым пошли в другую ^[41].

Когда мы зашли в деревню, название ее не знаю, зашли мы в один дом, где нас приняли за партизан. Местная „Самоохова“ ^[42] дом окружила, и нас арестовали. Здесь нас посадили в колхозный амбар, а на другой день приехали немцы, предъявили Власову портрет его, как генерала, вырезанный из газеты, и Власов был вынужден признаться, что он действительно генерал-лейтенант Власов. До этого он рекомендовался учителем-беженцем.

Немцы, убедившись, что они поймали генерал-лейтенанта Власова, посадили нас в машину и привезли на станцию „Сиверскую“ в немецкий

штаб. Здесь меня посадили в лагерь военнопленных, находящийся в местечке Малая Выра, а Власова через два дня увезли в Германию».

Тут надо уточнить, что не только три с лишним года разделяли рассказ Марии Вороновой на допросе в НКВД ^[43] с неделями, проведенными в волховских болотах. Ведь когда Воронова разыскала Власова в Берлине, тот уже нашел себе эсэсовскую вдову — Хейди Биленберг, и Вороновой пришлось довольствоваться должностью кухарки при генерале.

Обиду эту Мария Игнатьевна так и не простила Андрею Андреевичу и, рассказывая об июльских событиях 1942 года, то и дело сбивалась на рассказ о сопернице. «Проживая в Берлине, Власов женился на немке Биленберг — бывшей жене известного крупного немецкого миллионера, убитого на Северном Кавказе в эту войну. При наступлении Красной армии Власов с миллионершей Биленберг рассчитывал удрать в Америку, но был схвачен представителями Красной армии».

Забегая вперед, скажем, что сама Мария Воронова, как свидетельствует Сергей Фрелих, при наступлении Советской армии на Берлин вела себя совершенно иначе: «Когда Власовский штаб переехал в Карлсбад, Воронова осталась в Берлине, ограбила несколько вилл. Погрузила вещи на автомобиль марки „Хорх“ и поехала домой». Впрочем, иного от Марии Игнатьевны трудно было и ожидать. Человек она не военный. В армию ее загнала нужда, а служба здесь оказалась специфически неармейской.

Об этом, кстати, говорил и адъютант Власова, майор Кузин: «Мария Игнатьевна считалась поваром-инструктором при военторге, но фактически не работала. Почувствовав хорошее отношение Власова, она частенько устраивала истерику, а Власов ухаживал за ней, как за ребенком».

Поэтому-то к рассказу Вороновой о пленении Власова нельзя относиться безоговорочно. Что-то она успела позабыть, что-то казалось ей несущественным. Что-то она не хотела говорить...

Но это «что-то», быть может, и является самым важным.

Размышляя, где провел Власов две недели после неудавшегося прорыва, можно попытаться понять, что думал и что чувствовал он в эти переломные в его судьбе дни.

Пейзаж нам известен.

Лесные дебри, болота.

Чахоточная, сочащаяся водою земля второго дня Творения, когда Господь еще не собрал воду, «которая под небом, в одно место», когда еще не явилась суша, названная потом землей.

Выпавшие из общего счета событий недели тоже как-то связаны с этим пейзажем.

Часы, минуты, дни, словно бы разбухая от болотной сырости, перепутались между собой, пока время совсем не исчезло.

В том последнем прорыве у Мясного Бора Власов, как вспоминают очевидцы, потерял очки ^[44], и видимый мир расплывался перед его глазами. Расплывались и казавшиеся ранее непоколебимыми отношения.

Ранее отношения Власова с женщинами были предельно простыми и откровенными.

Анализируя его переписку, можно обвинить Власова в двуличии, неверности и мужском эгоизме, но вместе с тем нельзя не отметить и мужественности генерала. Андрей Андреевич, как сейчас принято говорить, никогда не «грузил» подруг своими проблемами, никогда не жаловался. И если он и упоминает в письмах о трудностях, которые приходится переносить на фронте, то только для того, чтобы избавиться от докучливых претензий на визит.

«Эта война особенно жестока, — пишет он жене, Анне Михайловне Власовой. — Сволочи фашисты ведь решили совсем варварски стереть с лица земли наш могучий народ. Конечно, это их бредни. Конечно, мы уничтожим эту гадину. Но пойми, что сейчас война идет жестоко. По крайней мере, твое сердце не выдержит. Потерпи, моя дорогая. Скоро война все же кончится, и тогда заживем еще лучше».

«Дорогой, родной, милый Алусик! — это уже из письма Агнессе Павловне Подмазенко. — Меня наш великий вождь послал на ответственное задание, и я его скоро, очень скоро выполню с честью. Тогда ты не будешь упрекать меня ни в чем, когда узнаешь, в какой обстановке мы находились. Скоро все же фашистам на этом участке конец. Теперь пойми, могу ли рисковать в этот ответственный период тобой и моим дорогим детищем. Нет и тысячу раз нет. Как ты ни ругайся, все же наконец ты меня поймешь».

Все тут прямо и — вспомните, что залог мужской бодрости на войне, в том, что жены не могут попрекать своих мужей за измены — по-генеральски откровенно.

И только в последних строках прощального письма к Агнессе Павловне Подмазенко нарушается эта твердость. Возникает некая суетливость. Власов начинает бормотать, дескать, «обстановка уже сейчас складывается так, что ты уже почти можешь приехать ко мне, а когда я получу от тебя письмо, будет уже очень хорошо». Впрочем, причина этой откровенной и на первый взгляд бессмысленной лжи понятна.

Эта ложь произрастает из трясины его отношений с Агнессой Подмазенко. Власову мучительно хочется узнать, кто — сын или дочь? — родился у него. Это, кажется, наиболее сильное его желание в майские дни 1942 года, и ради исполнения его он готов пойти на все, даже на то, чтобы нарушить правила невозвращения подруг на фронт.

Предельно простыми и ясными — баба при генерале — были поначалу и отношения между Власовым и Вороновой...

Но после окружения все переменилось.

«Хотя Власов по старой русской традиции обращался с ней, как с прислугой, она могла сильно влиять на него, — свидетельствовал Сергей Фрелих. — У нее был верный инстинкт на людей, и генерал совещался с ней при оценке людей и зачастую следовал ее советам».

Момент этот принципиально важный.

В Киевском котле, как мы знаем, Власов тоже имел спутницу. Но она (Агнесса Подмазенко) заслужила за это лишь шутливый титул спасительницы и медаль «За боевые заслуги», а в советницы так и не превратилась. В памяти генерала Л.М. Сандалова, который, по словам Власова, любил Агнессу «за культурный развитый оборот речи», остался лишь ее «всегда щебечущий язычок».

А ведь и характер у Агнессы Подмазенко был не менее сильный, чем у Вороновой, и ум тоже имелся. Но тут дело, конечно же, не в женщинах, а в положении самого Власова. Если бы в декабре 1941 года на месте Подмазенко оказалась Воронова, едва ли она тогда тоже смогла бы добиться большего.

Надлом произошел в потайном убежище, где вынужден был отсиживаться Власов или, если угодно, в блужданиях Власова и Вороновой по лесам и болотам Новгородчины. Это тогда простые и навсегда определенные отношения генерала с его бабой поплыли, уродливо искривились, и получалось, что уже не Воронова находится при Власове, а Власов при Вороновой — генерал при бабе.

Наверное, Воронова была неплохой женщиной, но для потайной жизни в секретном убежище, как и для скитаний по лесам и болотам, она явно не подходила. Как свидетельствовал Сергей Фрелих, Вороновой «было лет тридцать, и выглядела она симпатично, была кокетлива, готова к романтическим авантюрам и могла поглощать невероятные порции водки».

Напомним, что все происходило в лесных дебрях, на чахоточной, сочащейся водою земле второго дня Творения.

«Я там, в болотах, окончательно пришел к выводу, — писал Власов в „Открытом письме“, — что мой долг заключается в том, чтобы призвать Русский народ к борьбе за свержение власти большевиков, к борьбе за мир для Русского народа, за прекращение кровопролитной, не нужной Русскому народу войны за чужие интересы, к борьбе за создание новой России, в которой мог бы быть счастливым каждый Русский человек».

Екатерина Андреева пишет в своей книге, что Власов якобы вспоминал потом, будто «во время его скитаний по лесу он начал понимать, осознавать ошибки правительства. Он пересмотрел свою судьбу, но решил, что не будет кончать жизнь самоубийством».

Власов сравнивал себя с генералом Самсоновым, который в августе 1914 года, во время Первой мировой войны, также командовал 2-й армией. Убедившись, что он не оправдал доверия своей страны, Александр Васильевич Самсонов застрелялся.

По словам Власова, как утверждает Екатерина Андреева, у генерала Самсонова было нечто, за что он считал достойным умереть. он же, Власов, не собирался кончать с собою во имя Сталина.

Вполне возможно, что Власов именно так и объяснял сподвижникам свой отказ от самоубийства. Такая мотивировка была для них проще и понятнее, а главное, не требовала от Власова особенной откровенности.

На самом же деле проблема эта для Андрея Андреевича Власова, конечно, не сводилась к вопросу: достоин или не достоин Сталин, чтобы отдать за него жизнь.

Генерал Власов был достаточно смелым человеком.

Судя по воспоминаниям Ильи Эренбурга о поездке Андрея Андреевича на передок, чтобы проститься с солдатами, или по показаниям участников прорыва у Мясного Бора, запомнивших, как, «не применяясь к местности», Власов стоял во время боя, особого страха быть убитым в нем не было, вернее, страх этот успешно контролировался всем армейским воспитанием.

Но между бесстрашием быть убитым и решимостью на самоубийство — огромная разница. Тем более для Власова, который, возможно, принял бы, если бы не помешала революция, священнический сан. Ни армейская школа, ни штабные университеты не сделали его атеистом ^[45].

Отказ Власова от самоубийства не был трусостью, как полагают некоторые обвинители генерала. Подтверждением того, что это сознательный акт выбора, пусть и мучительного, но суженного тебе Пути, пройти который ты обязан до конца, служит поведение Власова в 1945 году. На этот раз никаких иллюзий по поводу собственной судьбы у него не могло быть. Власов знал и о неизбежных мучениях, и о столь же неизбежной предстоящей казни, но и, зная все наперед, самоубийством опять не воспользовался.

Такого выхода для него, как для православного человека, просто не существовало.

Повторяю, что нам ничего наверняка не известно об Андрее Андреевиче Власове с того момента, как, разбившись на мелкие группы, остатки 2-й Ударной армии начали самостоятельно выходить из окружения.

Повторим еще раз, что все сказанное здесь — предположение.

Мы лишь отсекаем то, чего не могло быть.

Занятие не слишком увлекательное, но в мифологизированной судьбе Власова — необходимое.

Глава третья

Сподвижники хотели видеть во Власове героя, титана, бросившего вызов большевистскому режиму.

Андрей Андреевич Власов не был ни героем, ни титаном.

Но не был он и предателем, сознательно заведшим армию в окружение, чтобы сдать ее врагу.

Это тоже миф.

Его навязывала советская пропаганда. Навязывала настолько усиленно, что он проник даже в формулировки судебного следствия, которое констатировало:

«Власов, в силу своих антисоветских настроений изменил Родине и перешел на сторону немецкофашистских войск, выдал немцам секретные данные о планах советского командования, а также клеветнически характеризовал Советское правительство и состояние тыла Советского Союза» ^[46].

Нет нужды доказывать, что после трех месяцев, проведенных в окруженной армии, Власов просто не мог владеть какой-то представляющей для немцев интерес стратегической информацией, а если и владел, то знания ее, судя по протоколу допроса, никак не обнаружил.

«В феврале, марте и апреле в большом объеме формировались полки, дивизии, бригады. Основные районы, где располагаются новые формирования, находятся на юге, на Волге. О новых формированиях, созданных внутри страны, он плохо ориентирован. Началом большого русского наступления было наступление под Харьковом. С этой целью многочисленные дивизии были весной передвинуты на юг. Северный фронт был запущен. Можно допустить поэтому, что и Волховскому фронту больше не подводилось новых резервов. Наступление Тимошенко не удалось. Власов, несмотря на это, верит, что, возможно, Жуков перейдет в большое наступление на Центральном участке фронта — от Москвы.

У него имеется еще достаточно резервов».

Подобную информацию немецкому командованию могло получить и из сводок Совинформбюро, которые открыто передавались по советскому радио, а провести подобный анализ могла любая домохозяйка. Особенно трогательными в дни, когда немцы уже завершили ликвидацию окруженных под Харьковом армий, выглядели откровения генерала о неудаче наступления Тимошенко.

И очень трудно согласиться с выводом Л.Е. Решина и В.С. Степанова (ВИЖ, 1993, № 5), будто именно предположения Власова о невозможности наступления Волховского фронта дали возможность немцам перебросить резервные дивизии под Сталинград. Немцы не были такими наивными, как Решин и Степанов, и понимали, что человек, проведенный в окруженной армии три месяца, может только предполагать, в каком состоянии находятся резервы фронта, и

принимать стратегические решения, основываясь на его показаниях, крайне неразумно.

Еще более предположительные сведения дал Власов, характеризуя положение дел в советском тылу. Сведения эти были порою настолько абсурдными и фантастическими, что дали возможность включить в 1946 году в обвинение формулировку, что Власов «клеветнически характеризовал... состояние тыла Советского Союза».

Эта формулировка обвинения начисто отрицала предыдущую.

Ведь клевета и является дезинформацией. Какие же тогда планы выдал Андрей Андреевич Власов, если он, дезинформируя, путал немцев?

Это не казуистика.

С помощью привычных уху советского человека, хотя и надуманных формулировок, обвинители пытались извлечь Власова из трясины безволия и обстоятельств, которая засасывала генерала Власова летом 1942 года, но и сами при этом проваливались в топь и их тоже начинала затягивать зыбкая генеральская трясина.

Между тем истинная вина генерала Власова — мы говорим сейчас о Власове лета 1942 года! — ни в каких доказательствах по советским законам не нуждалась.

Генерал Власов сдался в плен и уже тем самым совершил тягчайшее преступление.

Ведь еще 16 августа 1941 года в СССР был издан Приказ № 270, согласно которому офицеры, занимавшие командные должности и сдавшиеся в плен, рассматривались как изменники, а их семьи арестовывались и подвергались репрессиям.

Об этом приказе знал и Андрей Андреевич Власов.

Для западных исследователей, граждан так называемых цивилизованных стран, вопрос о причинах измены Власова решается просто и без затей.

— Если государство предоставляет гражданину защиту, — рассуждают они, — оно вправе требовать от него лояльности, а если гражданин лоялен государству, оно обязано предоставить ему защиту.

Отказавшись подписать Женевское соглашение, Советское правительство лишило своих граждан необходимой защиты, и, следовательно, граждане не обязаны были сохранять в плену верность ему.

Рассуждение само по себе вполне логичное, но к Власову абсолютно неприменимое, хотя бы уже потому, что большевистский режим снял с себя заботу не только о пленных, но и — это мы видели на примере 2-й Ударной армии — о солдатах, а также и всех остальных гражданах.

Фашистов многое роднило с интернационалистами-ленинцами.

Тоталитаризм. Культ вождя.

Об этом написано немало.

А вот о том, что сходным в ленинском большевизме и гитлеровском фашизме была откровенная русофобия, почти не пишут, хотя без этого невозможно разобраться в самой сущности, казалось бы, враждебных друг другу идеологий.

Русское национальное сознание определяло чрезвычайно высокий уровень патриотизма. Но в отличие, например, от той же Германии русский патриотизм зиждился не на том, что ты — русский, а на том, что ты — православный, что твоя страна — хранительница истинных устоев христианства. И в отличие от чисто национального патриотизма патриотизм этот действовал на другие нации, не поработая их, а приобщая к православию, вбирая в православие и русскость.

Именно православное сознание народа и обусловило ту трагедию, которая разыгралась в семнадцатом году. Идеи коммунизма были обманчиво близки идеям православной русскости.

Ленин, Троцкий и их сподвижники, безусловно, обманывали массы, увлекая их не совсем теми идеями, которые предполагали осуществить на практике, но, обманывая, а затем и осуществляя свои подлинные замыслы, они были вынуждены в известной степени корректировать их, приспособляя под русское православное сознание, и не тут ли и надо искать истоки их иррациональной ненависти к России вообще и каждому русскому, в частности. Со временем в истинных адептах большевизма, которые и, уничтожив церкви, не сумели разрушить русское православное сознание, эта «иррациональная» русофобия сделалась сущностью, превратив сами большевистские идеи лишь в ее антураж.

Этот экскурс в историю необходим для понимания русского человека сорок второго года...

Идеи большевизма были уже отторгнуты православно-русским самосознанием, и И.В. Сталин совершенно ясно понимал, что не поддерживаемый жестокой системой карательных мер большевистский интернационалистический режим теряет значение для населения оккупированных территорий.

«Вступив на территорию Советского Союза, мы встретили население, уставшее от большевизма и томительно ожидавшее новых лозунгов, обещавших лучшее будущее для него», — подчеркивал в своих докладах доктор Отто Бройтигам, начальник Политического департамента Министерства оккупированных восточных территорий.

Об этом же размышлял в своем дневнике Йозеф Геббельс, отмечая, что жители Украины приветствовали фюрера, как избавителя, но их отношение изменилось в результате жестокого отношения к ним. «Уменьшить угрозу партизан можно, завоевав доверие народа. Марионеточные правительства в оккупированных областях могли бы служить ширмой для немцев».

Сразу оговоримся, что немцы шли в Россию не для того, чтобы освобождать русский народ от интернационалистов-русофобов. И если

в ком-то поначалу и возникали иллюзии, то очень скоро непосредственная практика оккупации развеяла их.

Гитлеру требовались русские пространства без русских. Он считал, что славяне имеют право на существование только в качестве рабочего скота — на фермах, полях и в шахтах. Согласно его планам, все крупные русские города должны были быть разрушены, русская культура уничтожена, доступ к образованию для русских закрыт.

Возможно, на первых порах немецкие захватчики и пытались сдерживать свою людоедскую русофобию, но тут надо отдать должное предусмотрительности советских властей. Чтобы не допустить проектируемого Йозефом Геббельсом смягчения нацистской политики, советским руководством своевременно были приняты меры. Цель их — предельно обострить отношения населения с оккупантами. Многочисленные партизанские отряды совершали диверсии, задача которых на первых порах, кажется, только в том и заключалась, чтобы вызвать ответные репрессии и тем самым лишить русское население даже и гипотетической возможности искать и находить в немцах союзников, а не врагов.

Замысел этот, если не принимать во внимание его поразительную — о какой лояльности правительству может тут идти речь? — бесчеловечность, следует отнести к числу наиболее гениальных изобретений Иосифа Виссарионовича Сталина. Реализация этого плана вполне уравнивала упущенную стратегическую инициативу. Население оккупированных территорий вынуждено было защищать ненавистный русофобский коммунистический режим, поскольку оккупационный режим оказывался еще более жестоким, еще более русофобским.

Нельзя сказать, чтобы немцы не понимали, что Сталин переигрывает их.

Многие немецкие офицеры, особенно из штабов действующей армии — насколько позволяла им военная дисциплина! — протестовали против нацистской политики жестокости и бесчеловечного закабаления населения оккупированных территорий, основанной на представлениях о русских, как неких человекообразных — «унтерменшах», деградировавших под влиянием Востока.

Оппонируя фюреру, они ссылались, разумеется, не на абстрактные представления о христианской любви, а на конкретные, реформаторско-протестантские соображения о пользе дела.

Как говорит Екатерина Андреева, среди противников «ост-политики» мало кто заботился о судьбе России, предметом их озабоченности были интересы Германии.

«Наступление на Москву требовало стягивания всех наличных сил на участке группы армий „Центр“, требовало обеспеченного тыла, а значит по меньшей мере отказа от практиковавшихся до сих пор методов бесчеловечного обращения с гражданским населением, с

перебежчиками и военнопленными», — подчеркивал офицер Штаба фельдмаршала фон Бока Вильфрид Штрик-Штрикфельдт.

По поручению фельдмаршала Штрик-Штрикфельдт даже подготовил тогда по этому поводу записку для Гитлера, но передать не сумел.

«Я стоял, как окаменевший, когда Гитлер, с землисто-серым лицом, медленно проезжал мимо меня».

Конечно же, название своей книги — «Против Сталина и Гитлера» — Штрик-Штрикфельдт придумал уже после войны, но ощущение некоего единства главы рейха и кремлевского властителя, может быть, тогда и возникло в нем, когда, окаменевший, он смотрел на проезжавшего мимо фюрера...

«Партизанские бесчинства не были, конечно, просто проявлением беспорядка в тыловых областях, как сперва думали немцы, — с горечью замечает он. — Напротив, это было политическое движение сопротивления, которое невозможно было взять под контроль лишь силами полиции. Вначале стихийное, а в большей степени и антикоммунистически направленное партизанское движение Сталину удалось постепенно, путем десантных групп, подчинить своему влиянию и, позднее, полностью взять под контроль. Базой для этого было пробуждение патриотических чувств и провозглашение Великой Отечественной войны».

Еще глубже и отчаяннее эту мысль сформулировал Йозеф Геббельс.

25 апреля 1942 года он записал в дневнике, что правильнее было бы вести войну против большевиков, а не против русского народа.

Между прочим, именно с предполагаемым приездом на Восточный фронт Геббельса связывал фельдмаршал фон Бок свои надежды на корректировку немецкой восточной политики, но Геббельс так и не появился в Штабе группы армий «Центр».

Гитлер приказал тогда партайгеноссе не вмешиваться не в свои дела.

Мнение Геббельса так и не превратилось в четко выраженную политическую линию, поскольку противоречило самой сущности фашистской идеологии.

Те же, кто определял эту идеологию, кажется, работали в полном контакте со Сталиным, послушно исполняя его планы по разжиганию партизанской войны.

Показательным в этом смысле было совещание, состоявшееся 16 июля 1941 года в ставке Гитлера.

Как пишет Уильям Ширер в исследовании «Взлет и падение Третьего рейха», 16 июля 1941 года Гитлер вызвал в свою Ставку в Восточной Пруссии Геринга, Кейтеля, Розенберга, Бормана и Ламмерса, главу Рейхсканцелярии, чтобы напомнить им о своих планах относительно только что завоеванных земель.

Наконец-то его столь откровенно изложенные в «Майн кампф» цели — завоевать обширные жизненные пространства для немцев в России — были очень близки к осуществлению, и Гитлеру хотелось, чтобы его сподвижники четко представляли себе, как он собирается использовать это пространство, однако он предупредил, что его намерения не должны стать достоянием гласности.

«В этом нет необходимости, — говорил Гитлер. — Главное, что мы знаем, чего хотим. Никто не должен распознать, что с этого начинается окончательное решение проблемы. В то же время это не должно помешать нам применять все необходимые меры — расстрел, перемещение лиц ит. п., и мы их применим. Мы стоим сейчас перед необходимостью разрезать пирог в соответствии с нашими потребностями, чтобы иметь возможность, во-первых, доминировать на этом жизненном пространстве, во-вторых, управлять им и, в-третьих, эксплуатировать его».

Гитлер заявил, что для него несущественно, что русские отдали приказ о ведении партизанской войны в тылу немецких войск. Это, по его мнению, позволит ликвидировать любого, кто оказывает сопротивление.

Вообще, разъяснял Гитлер, Германия будет господствовать на русской территории вплоть до Урала.

И никому, кроме немцев, не будет позволено ходить на этих обширных пространствах с оружием.

Затем Гитлер изложил, что будет конкретно сделано с каждым куском „русского пирога“.

— Прибалтика должна быть включена в состав Германии. Крым будет полностью эвакуирован („никаких иностранцев“) и заселен только немцами, став территорией Рейха. Кольский полуостров, изобилующий залежами никеля, отойдет к Германии. Аннексия Финляндии, присоединяемой на основе федерации, должна быть подготовлена с осторожностью.

О характере последовавшей затем дискуссии дает представление выступление Геринга, заявившего, что гигантское пространство России должно быть умиротворено как можно скорее. Наилучший способ для этого — пристреливать всякого, кто отводит глаза.»

Надо сказать, что, несмотря ни на какие оппозиционные настроения, вожди Рейха не изменили своих взглядов до самого конца войны.

23 июля 1942 года секретарь партии Мартин Борман направил Розенбергу письмо, в котором были изложены взгляды Гитлера по «русскому вопросу».

«Славяне призваны работать на нас. Когда же мы перестанем в них нуждаться, они могут преспокойно умирать. Поэтому обязательные прививки и немецкая система здравоохранения для них излишни. Размножение славян нежелательно. Они могут пользоваться

противозачаточными средствами или делать аборты. Чем больше, тем лучше ^[47]. Образование опасно.

Вполне достаточно, если они смогут считать до 100. Каждый образованный человек — это будущий враг. Мы можем оставить им религию, как средство отвлечения. Что касается пищи, то они не должны получать ничего сверх того, что абсолютно необходимо для поддержания жизни. Мы господа. Мы превыше всего».

Упорство нацистских вождей было столь непоколебимым, что они продолжали изрекать человеконенавистнические, русофобские тексты и тогда, когда стало ясно, что Германия в войне с Россией терпит сокрушительное поражение. И, конечно же, эту болезнь нацизма можно было вылечить, только прибегнув к более радикальным средствам, нежели призывы к разуму.

Любопытно, что в тот раз, когда растерянный Штрик-Штрикфельдт разглядывал землистое лицо фюрера, проплывающее мимо в машине, пытались пробиться к Гитлеру и другие офицеры.

И намерения у них тоже были другие.

«Центром заговора в армии в то лето была ставка фельдмаршала фон Бока, группа армий которого наступала на Москву, — пишет Уильям Ширер. — Генерал-майор фон Тресков из окружения фон Бока, первоначальный энтузиазм которого в поддержку национал-социализма настолько развеялся, что он примкнул к заговорщикам, даже стал одним из вожakov. Ему помогали Фабиан фон Шлабрендорф, его адъютант, и еще два заговорщика, которых они пристроили к фон Боку в качестве адъютантов: граф Ганс фон Харденберг и граф Генрих фон Леендорф, оба потомки старых немецких фамилий. Они поставили перед собой задачу убедить фельдмаршала согласиться на арест Гитлера во время одного из его визитов в Ставку группы армий. Однако убедить Бока было трудно. Хотя он и проповедовал отвращение к нацизму, но высоко поднялся именно при нацизме и был слишком тщеславен и честолюбив, чтобы рисковать на этой стадии игры. Однажды, когда фон Тресков попытался было указать ему, что фюрер ведет страну к катастрофе, Бок закричал: «Я не позволю нападать на фюрера!».

Тресков и его молодой адъютант были обескуражены, но не испугались. Они решили действовать самостоятельно. Во время посещения фюрером 4 августа 1941 года Штаба группы армий в Борисове они планировали захватить его по пути с аэродрома в район расположения фон Бока. Но действовали они все еще как дилетанты и не учли мер безопасности, которые предпринимала охрана фюрера. Передвигался Гитлер в окружении своих телохранителей из СС, от автомобиля, присланного на аэродром Штабом, отказался, поскольку заранее прибыла целая кавалькада автомашин, и два офицера Штаба не смогли даже приблизиться к фюреру. Это фиаско — нечто подобное, вероятно, происходило и раньше — явилось для армейских

заговорщиков поучительным уроком. Во-первых, до браться до Гитлера оказалось далеко не легким делом: его всегда надежно охраняли. Во-вторых, его захват и арест вряд ли решили бы проблему, поскольку генералы, занимавшие ключевые посты, были слишком трусливы или слишком верны присяге, чтобы помочь оппозиции довести задачу до конца после устранения фюрера. И примерно в это время, то есть осенью 1941 года, некоторые молодые армейские офицеры, в основном гражданские лица, подобно Шлабрендорфу, совсем недавно надевшие военную форму, невольно пришли к заключению, что ее простейшим, даже, пожалуй, единственным решением является убийство Гитлера. Освободившись от личной клятвы на верность лидеру, робкие генералы пошли бы на сотрудничество с новым режимом и обеспечили ему поддержку армии».

Эти заговорщики, которые с завидной целеустремленностью и какой-то фатальной неудачливостью, одно за другим устраивали покушения на Гитлера (тот даже и не замечал этих инсинуаций до 20 июля 1944 года!), еще встретятся в нашем повествовании.

Судьба генерала Власова еще пересечется с ними, пока же Андрея Андреевича из лагеря Летцен в Восточной Пруссии перевели в Винницу в лагерь «Проминент», где содержались пленные генералы, полковники и офицеры Генерального штаба.

Этот лагерь был создан по инициативе начальника 2-го Сектора Организационного отдела ОКН майора Клауса фон Штауф-фенберга и находился в ведении ОКН ^[48].

Условия содержания в «Проминенте» отличались от других лагерей. Пленных кормили по военной норме, у каждого генерала была отдельная комната.

Глава четвертая

Работать с Власовым начали сразу после перевода в «Проминент».

Вербовку генерала проводил Вильфрид Штрик-Штрикфельдт, который занимает такое важное место в его судьбе, что заслуживает особого рассказа и в нашем повествовании.

Скажем сразу, что многое в отношениях Вильфрида Карловича Штрик-Штрикфельдта с Андреем Андреевичем Власовым было гораздо проще, чем хотелось бы тем биографам генерала, которые считают его великим русским патриотом, но все же не так примитивно, как хотелось бы исследователям, считающим Власова одиозным предателем.

Двойственность этих отношений во многом определялась двойственностью внутреннего самоощущения Штрик-Штрикфельдта.

Он был офицером Германского вермахта, но он никогда не забывал и о том, что он — пусть и бывший, но подданный Российской империи,

офицер... русской армии! Ведь родился и вырос Вильфрид Карлович в Риге, а воспитывался в Санкт-Петербурге.

Когда Штрик-Штрикфельдт держал в Берлине экзамен на звание переводчика, удивленный его знаниями председатель экзаменационной комиссии спросил, какую школу он закончил.

— Немецкую, Реформаторскую гимназию в Санкт-Петербурге.

— Господа, — сказал председатель комиссии. — Экзамен излишен. Этот кандидат владеет русским языком лучше, чем мы с вами.

Был Вильфрид Карлович всего на четыре года старше Власова, но эти четыре года и были теми годами, которые позволили ему самостоятельно определить свою судьбу.

В 1915 году, окончив Петербургскую реформаторскую гимназию, Штрик-Штрикфельдт добровольцем ушел в Русскую армию.

Сражаясь с немцами, Вильфрид Карлович стал офицером. После революции Штрик-Штрикфельдт, как многие другие офицеры, примкнул к Белому движению, участвовал в знаменитом походе Юденича на Петроград.

В 1922 году Вильфрид Карлович работал в Международном Комитете Красного Креста. Еще до того, как за дело взялись Фритьоф Хансен и Герберт Гувер, он организовывал кампанию помощи голодающим Поволжья.

Внимательно наблюдая за переменами, происходящими в стране, подданным которой он прежде был, Вильфрид Карлович делал порою весьма разумные выводы. Он считал, например, что изолированные от всего мира народы России подвержены как «утонченной психологической индоктринации», так и физическому запугиванию. В результате непреходящий страх и дезинформация развили в россиянах ощущение недоверия и безнадежности.

«Очевидно, что переворот мыслим лишь при толчке извне, который разрядит силу отчаяния и вызовет подлинную народную революцию, которая была задушена ленинским переворотом и дальнейшим режимом насилия, — писал он. — В июне 1941 года толчок извне произошел, и подлинная русская революция вспыхнула не в Москве и не в городах и селах, все еще находившихся под властью Сталина, а в занятых немецкими войсками областях с населением почти в 70 миллионов человек. Эти миллионы интересовались не мировоззрением немцев, а их политическими целями; всеми ими руководило одно стремление: с помощью хорошо вооруженных оккупантов сбросить гнет террора, насилия и нужды в России. Даже и начальные успехи германской армии были бы невозможны без объективного наличия революционной ситуации в Советском Союзе. Эту революцию распознали немногие».

В январе 1941 года В. Штрик-Штрикфельдт руководил инженерным бюро в Познани. Здесь и разыскал его накануне войны посланец

фельдмаршала фон Бока, подбиравшего сотрудников для своего Штаба.

Вильфрид Карлович, не раздумывая, согласился.

Так бывший русский офицер стал офицером Вермахта, оставаясь при этом «русским патриотом», как он считал сам.

Эти подробности биографии Вильфрида Карловича существенны для понимания того, как завербовал он Власова, что обещал ему и чего ждал от него.

Будучи опытным пропагандистом, Штрик-Штрикфельдт пришел к Власову не как офицер немецкой армии к русскому военнопленному, а как офицер русской Императорской армии к русскому генералу, чтобы помочь тому освободиться от привычных, но, по сути, глубоко чуждых и ненавистных большевистских догм.

А далее уже совсем нетрудно оказалось внушить генералу, погруженному в мрак отчаяния, но тем не менее сохранившему всю энергию честолюбия, мысль о том, что нынешнее состояние его — не завершение карьеры, а лишь начало.

Но карьеры совершенно иной, карьеры спасителя Отечества, России.

Подчеркнем, что в беседах с Власовым и другими советскими военнопленными Штрик-Штрикфельдт говорил не только то, что было, а то, что, по его мнению и рассуждению, должно было быть.

Эта подмена совершалась с подлинно российской мечтательностью и такой же подлинно немецкой основательностью и педантизмом («отсюда с неизбежностью следовало, что все дальнейшие военные успехи в большой степени будут зависеть от политической концепции германского руководства»), и ни о каком сознательном обмане тут и речи не может идти. Бывший выпускник Петербургской реформаторской гимназии совершенно искренне хотел помочь России освободиться от ненавистных большевиков, и — столь же искренне! — считал, что освобождение России и должно стать главной задачей немецкого командования.

Как мы уже говорили, Вильфрид Штрик-Штрикфельдт не был одинок в этих мыслях.

Под впечатлением первых военных сбоев и неудач в начале 1942 года сформировалось ядро антигитлеровской оппозиции... Параллельно в канцеляриях ОКН возник кружок офицеров, оппозиционно настроенных к официальной политике на Востоке и «готовых действовать на свой страх и риск на основе собранного ими опыта».

Нужно отметить, что в отличие от прусских аристократов, преимущественно составивших радикальный кружок заговорщиков, костяк «канцелярского» кружка составили прибалтийские немцы.

И это не случайно.

Мы еще будем говорить о противоестественности войн между Россией и Германией. Сейчас же скажем, что прибалтийские немцы

ощущали эту противоестественность на самих себе. С Германией они были связаны кровью. С Россией — многовековой службой в армии Российской империи, подданными которой являлись.

Один из активных участников «прибалтийского» кружка — курляндский барон, полковник Алексис фон Ренне возглавлял в ОКН группу III Отдела Генерального штаба, официально занимавшуюся якобы трофеями, но на самом деле — сбором и анализом разведывательной информации.

В его группе и служил Штрик-Штрикфельдт, ему и поручил фон Ренне поработать с Андреем Андреевичем Власовым.

Мы не можем утверждать, что фон Ренне уже тогда вынашивал мысль использовать Власова в качестве аргумента в споре с безумными идеями провозглашенной вождями Рейха ост-политики.

Тем не менее на уровне экспериментов идея эта прошла проверку. И проведен этот эксперимент был на Андрее Андреевиче Власове. Закончился он совсем не так, как желательно было политуправлению Красной армии, но и не так, как рассчитывали офицеры из Отдела пропаганды вермахта.

Забегая вперед, скажем, что работа, проведенная Вильфридом Карловичем, была высоко оценена командованием.

Уже в августе 1942 года его перевели в Берлин в ОКВ ^[49].

Генерал Рейнхард Гелен, руководитель ФНО ^[50], сообщил Штрик-Штрикфельдту, что ему понравилась «Записка» и он забирает генерала Власова, так как только ОКВ может санкционировать обращения к русским. Вместе с Власовым прикомандировывается в Отдел пропаганды при ОКВ и сам капитан.

Но это впереди, а пока расскажем, как все-таки проходила сама вербовка.

В первый раз Вильфрид Карлович, как он пишет в своей книге «Против Сталина и Гитлера», увидел генерала в колонне пленных.

«Власов был 1,96 метра ростом. Его поставили во главе колонны, и многие, должно быть, узнавали его. Это, вероятно, сделано было не случайно: мелкие душонки хотели его унижить».

В этом описании самое ценное то, что мы видим, как смотрел Вильфрид Карлович на своего будущего подопечного. Он словно бы преднамеренно накачивал себя сочувствием к нему.

«Власов произвел на меня положительное впечатление и своей скромностью и в тоже время сознанием собственного достоинства, своим умом, спокойствием и сдержанностью, а особенно той трудно определимой чертой характера, в которой чувствовалась скрытая сила его личности. Это впечатление еще усиливалось всей его внешностью: бросающимся в глаза ростом худого широкоплечего мужчины, внимательным взглядом через толстые стекла очков, звучным басом, которым он, не спеша, четко излагал свои мысли. Иногда в его словах проскальзывали нотки легкого юмора».

Нетрудно предположить, что и Власов оценил такт немцев, приславших к нему человека, который в прошлом был не только подданным Российской империи, но и офицером русской Императорской армии.

Обстоятельство, вроде бы и не имеющее никакого значения, но тем ни менее превращающее вербовку пленного генерала офицером-разведчиком как бы в переговоры офицера нынешней русской армии с офицером прежней русской армии.

Власов сделал ответный реверанс, поведав Штрик-Штрикфельдту, что один немец сыровар, их сосед, якобы дал его отцу взаймы довольно крупную сумму денег, чтобы он, Андрей Власов, мог учиться.

Похоже, что историю эту Власов тут же и придумал.

Протоиерею Александру Киселеву он рассказывал потом, что отец его якобы был сверхсрочным унтер-офицером в Гвардейском кавалерийском полку, а в гвардейских полках был тогда распространен обычай помогать получать образование детям унтер-офицеров. Вот по просьбе Власова-отца и выхлопотали Власову-сыну стипендию «Николая Чудотворца».

Но Штрик-Штрикфельдт ничего не знал о поразительной способности «генерала из трясины» приспособливать свою биографию к собеседнику, и «немца сыровара» принял за чистую монету, и умилился всем своим большим и добрым немецким сердцем.

«В этот мой первый визит у Власова, — пишет он, — мы говорили обо всем, только не о военных делах. Наш разговор о большой нужде, в которой живут простые русские люди поту ипо эту сторону фронта, казалось, сразу сблизил нас».

Столь же душевными были и последующие беседы Андрея Андреевича Власова с Вильфридом Карловичем.

Власов расспрашивал о германских целях войны.

На откровенность бывшего советского генерала бывший офицер русской Императорской армии также отвечал откровенностью, хотя, конечно, как оговаривается он, присяга ставила ему определенные границы.

После этих реверансов Штрик-Штрикфельдт перешел к делу...

«Вскоре я поставил Власову решающий вопрос, не является ли борьба против Сталина делом не одних только немцев, но также, и в гораздо большей степени, делом русских и других народов Советского Союза?»

Власов задумался.

«В такие минуты генерал выглядел, как старый мудрый китаец. Умные и неподвижные черты лица его не выдавали его чувств».

Вздохнув, Власов начал рассказывать о своих трясиновых мыслях.

Он говорил, что в Советском Союзе не только народные массы, но и многие военные, даже некоторые ответственные работники настроены

против Сталина. Однако террор в России подавляет любую попытку организованного сопротивления.

Вильфрид Карлович кивал, слушая Власова. Он не замечал, как затягивают его мысли генерала.

И тут Власов неожиданно сказал, что уже говорил с офицерами в лагере...

— И что же?

— Большинство из них борьбу со Сталиным считают своим патриотическим долгом. Другое дело, на чьей стороне.

— Как это, на чьей?! — удивился Штрик-Штрикфельдт. — Разве существует выбор? Кто еще борется сейчас со Сталиным?

— Выбора нет. — вздохнув, согласился Власов. Заложив руки за спину, он остановился у окна. — Англичане уже подвели нас однажды. Американцы заключили договор со Сталиным, но ведь и немцы, кажется, не нуждаются в нас. Как вы представляете себе участие русских в борьбе против Сталина?

Штрик-Штрикфельдт сказал, что он по-прежнему верит в освободительную войну, в освобождение России от большевизма.

— И это несмотря на то, что вожди национал-социалистов одержимы высокомерием, а потому слепы и не склонны разработать разумную политическую концепцию. Но я не один, Андрей Андреевич. Позиция германского офицерского корпуса не такая, как у национал-социалистов.

Власов согласился с этим, сказав, что он и сам это заметил, беседуя с генералом Линдеманом и офицерами его штаба.

— Но что же все-таки мы можем сделать? — спросил он. — И что думает об этом ваш фюрер?

— Фюрер, к сожалению, все еще окружен пораженными слепотой людьми. Но фельдмаршалы и крупные офицеры здесь, в Генеральном штабе, делают, что могут, в сторону изменения политических целей войны и пересмотра наших отношений к русскому народу. Готовы ли вы сотрудничать с теми, кто хочет бороться против Сталина? Сотни тысяч русских уже помогают немцам в этой войне, многие даже с оружием в руках. Но у них нет своего лица.

— Против Сталина — да! Но за что и за кого? И как? Дадут ли нам офицеры, о которых вы говорите, возможность выставить против Сталина не армию наемников, а русскую армию? Армию, которая будет получить приказы от национального русского правительства. Только высшая идея может оправдать выступление с оружием в руках против правительства своей страны. Только тогда будет оправдано и согласие на вашу помощь в борьбе против большевистской диктатуры. Тем более что люди в Кремле ведут псевдонациональную политику и патриотизм их поддельный.

Разговор был интересным, но опытному вербовщику Штрик-Штрикфельдту надобно было переходить от слов к делу. Как бы между

прочим он попросил генерала изложить свои мысли в письменной форме. Он объяснил, что момент чрезвычайно благоприятный — начальник Генерального штаба Гальдер ждет от Гелена доклада, и под этим соусом сейчас можно передать записку пленного генерала сразу в руки начальника Генерального штаба.

Штрик-Штрикфельдт не сказал своему другу Власову, что Гелен — человек, который курирует разведку Восточного фронта, но Вильфрид Карлович ведь и сам признавался, что откровенность его всегда была ограничена рамками присяги.

Тем более что в главном он не кривил душою.

Он, как мы уже говорили, подобно многим прибалтийским немцам или даже самому Йозефу Геббельсу искренне считал, что Германия должна воевать не с Россией, а с большевизмом.

Екатерина Андреева остроумно заметила, что, «живя в СССР, Власов привык к ситуации, когда система террора пронизывает всю жизнь, а критиковать официальную политическую линию без санкции свыше весьма рискованно. Поэтому, когда немецкие офицеры проявляли открытую враждебность нацистской политике, Власов делал заключение, что это отражает какие-то директивы, а значит, в политике могут наступить изменения».

Андрей Андреевич, в совершенстве постигший принципы советской военной бюрократии, и предположить не мог, что в германской армии офицер невысокого ранга может высказывать противоречащие официальной доктрине идеи, ему казалось, что собеседник высказывает то, что уже твердо решено в немецких верхах, хотя пока и не объявлено открыто.

Поэтому-то вопреки очевидности и поверил он — так хотелось поверить в это! — что политика немцев по отношению к России и в самом деле изменится.

Вероятно, и это тоже «помогло» Власову обмануться...

Он составил записку.

И хотя Андрей Андреевич и вписал туда фразу о готовности поставить себя в распоряжение своего народа в борьбе за свободу, главные мысли этого «трясинного» меморандума были направлены на то, чтобы сделать измену Родине для военнопленных как бы и не изменой вообще.

«Власов считал, — пишет Екатерина Андреева, — что формирование русской армии канализирует недовольство среди военнопленных, а официальное признание ее пресечет бытующее среди военнопленных чувство, что их коллаборационизм является изменой Отечеству».

Трясинное «ноу-хау» Власова, как сказали бы сейчас, заключалось в том, что он готов был совершить измену, но не просто из страха за свою шкуру, а как бы во имя Родины.

И все это понятно и объяснимо.

Человек по своей природе устроен так, что может поверить в любое несбыточное мечтание, если реальность не оставляет ему места в жизни.

Забегая вперед, скажем, что «ноу-хау» Власова оказалось весьма перспективным направлением, и Власов до конца не отступал от него. К концу войны возникла даже идеология, разработанная конкретно под А.А. Власова, которая звучала достаточно непривычно, но которой трудно отказать в определенной логике.

Зачем русским солдатам нужно умирать за сталинско-большевистский режим? Чтобы угнетение России и русских продолжалось так же, как все эти годы, миновавшие после Октябрьского переворота? Не лучше ли, воспользовавшись войной, как воспользовались ею в свое время Ленин и Троцкий, освободить народ и страну от ненавистного режима?..

«Ленинский путь» соблазнял многих.

Большевики-евреи помогли немцам победить Россию в Первой мировой войне и за это получили власть в стране. Так отчего же нельзя и русским повторить этот путь и, отвергнув ненавистный, навязанный большевиками-евреями, режим, за счет территориальных уступок спасти Россию?

Слабость плана была очевидной.

Кайзеровской Германии большевики были нужны, кайзеровская Германия подкармливала всех этих Лениных, Троцких, Красиных.

Власовы же и РОА, во всяком случае, в таком виде, в каком хотели видеть их Власов и его последователи, Гитлеру казались даже более опасными, нежели большевистский режим. «Национал-социализм — не предмет экспорта», — говорил Гитлер, и этот свой принцип он не собирался нарушать.

Но были и более существенные недостатки в этом плане.

Ведь ленинский путь — путь Зла, путь Дьявола. Этот путь, действительно, вел к разрушению православной России. Прийти по этому пути к спасению страны, к восстановлению православной Руси просто невозможно.

Это — откровенный самообман.

Сохранилась фотография — Власов в лагере военнопленных в Виннице.

В гимнастерке без знаков отличия, с ежиком едва отросших волос, с оттопыренными ушами.

Он стоит, заложив руки за спину.

Вид у него очень мирный. Почти не отличим Андрей Андреевич от какого-нибудь сельского учителя.

Но это — на первый взгляд.

Стоит присмотреться, и замечаешь горькие складки в уголках плотно сжатых губ.

Да что складки? Все мышцы лица словно бы окаменели, взбугренные в судорогах страшной мыслительной работы.

Это страшная фотография.

Она даже страшнее той, что сделана во дворе тюрьмы 2 августа 1946 года.

Из-за круглых ободков очков смотрят на нас глаза человека, еще не решившего ничего, еще не понявшего, что ему делать и как жить дальше...

Смотрят прямо на нас, уже знающих: на что этот человек решится, и что он будет делать дальше.

Глава пятая

А вот другая фотография.

Она тоже сделана в Виннице. Но она запечатлела допрос уже все решившего для себя Власова.

Допрос проходил на улице.

Немецкие офицеры непринужденно разместились в садовых креслах, чуть в стороне — сержант за пишущей машинкой. Власов сидит чуть на отшибе. Он уже как бы и вместе с немцами — так же, как они, сидит, положив ногу на ногу. И вместе с тем он один. И кресло для него поставлено чуть в стороне. И поза генерала напряжена.

Среди немецких офицеров можно узнать и коменданта винницкого лагеря капитана Петерсона — пожилого немца из США, и Густава Хильгера, советника Министерства иностранных дел.

Изучая Власова, Густав Хильгер делает пометки в блокноте.

Записи эти сохранились.

«Власов родился 01.09.1901 года в Горьковской губернии.

Отец — крестьянин, имел 35–40 моргов земли; старая крестьянская семья.

Образование среднее.

В 1919 году учился один год в Нижегородском университете.

В 1920 году вступил в Красную армию.

В первое время Власова в Коммунистическую партию не принимали как бывшего ученика монастырской школы.

В 1930 году вступил в Коммунистическую партию с целью продвинуться вперед в Красной армии.

В 1938 году, короткое время, — начальник штаба Киевского военного округа.

Непосредственно за этим — участник советской военной миссии в Китае. Во время этой командировки был произведен в полковники.

По окончании командировки в Китай в 1939 году — командир 99-й дивизии в Перемышле. 13 месяцев — командир дивизии.

В 1941 году — командующий мотомехкорпусом во Львове. В боях между Львовом и Киевом его мотомехкорпус был уничтожен. Затем стал комендантом Киевского укрепрайона. Одновременно ему было поручено вновь сформировать 37-ю армию.

Из борьбы за Киев он вышел с маленькой группой.

Вслед за тем был временно в распоряжении генерала Тимошенко, формируя вновь войска снабжения Юго-Западного фронта.

Спустя месяц переведен в Москву для принятия командования вновь сформированной 20-й армией. Затем — участие в обороне Москвы.

До 07.02.1942 года — командующий 20-й армией.

10 марта переведен в штаб Волховского фронта. Здесь вначале — тактический советник (консультант) 2-й Ударной армии. После смещения командующего 2-й Ударной армией генерала Клыкова он принял 15.04 командование армией».

По-видимому, сведения эти, а особенно то, с какой ловкостью приспособливал их Власов для немецкого употребления, вполне удовлетворили Густава Хильгера, и он решил, что Власов подходит для его целей.

Снова Густав Хильгер встретился с Власовым 10 августа 1942 года.

В прошлом Хильгер был советником Германского посольства в Москве, и встреча с ним как бы поднимала статус генерала до официального представителя страны, которая жаждет вступить в союз с Германией.

Об этом, собственно говоря, и шел разговор.

Хильгер предложил Власову поработать в марионеточном правительстве России, которое комплектовало сейчас Министерство иностранных дел Германии.

Напомним, что подходило к концу жаркое лето 1942 года.

Трагедия 2-й Ударной армии была в том году первой ласточкой в череде катастроф, обрушившихся на Советский Союз.

28 июня началась крупномасштабная наступательная операция «Блау» — немцы нанесли удар по войскам Брянского фронта и оккупировали обширные области Дона и Донбасс.

24 июля немецкие войска вошли в Ростов-на-Дону. Дорога на Сталинград и Кавказ была открыта.

3 августа немцы заняли Ставрополь.

10 августа — Майкоп.

Меньше двух недель оставалось до начала уличных боев в Сталинграде.

В Виннице все предвкушали близкую победу, и, когда Густав Хильгер спросил у Власова, согласен ли он участвовать в создаваемом немцами русском правительстве и какие у него в связи с этим есть предложения, касающиеся передачи Германии территорий Украины и Прибалтики, он ожидал совершенно определенного ответа. Тем более

— коготок увяз всей птичке пропасть! — Хильгер был осведомлен, что Власов уже вступил на путь сотрудничества с немцами. Но Андрей Андреевич вместо этого пустился в рассуждения о необходимости создания Русской армии, которая одна только и может одолеть большевизм.

Рассуждение это, когда немецкие дивизии неслись на крыльях победы к Волге и Кавказу, рассердило Хильгера. Поморщившись, он пояснил, что русское правительство нужно не для создания русской армии, а для передачи Германии территории Украины и Прибалтики.

Андрей Андреевич, уходя от прямого ответа, сказал, что изложил свои мысли в меморандуме, подготовленном для Гелена по указанию Штрик-Штрикфельдта.

«Офицерский корпус Советской армии, особенно попавшие в плен офицеры, которые могут свободно обмениваться мыслями, стоят перед вопросом: каким путем может быть свергнуто правительство Сталина и создана новая Россия? Всех объединяет желание свергнуть правительство Сталина и изменить государственную форму. Стоит вопрос: к кому именно примкнуть — к Германии, Англии или Соединенным Штатам? Главная задача — свержение правительства — говорит за то, что следует примкнуть к Германии, которая объявила борьбу против существующего правительства и режима целью войны. Однако вопрос будущности России неясен. Это может привести к союзу с Соединенными Штатами и Англией, в случае если Германия не внесет ясность в этот вопрос.

Сталин, используя особенности России (бесконечные просторы, огромные потенциальные возможности) и патриотизм народа, поддерживаемый террором, никогда не отступит и не пойдет на компромисс. Он станет вести войну, пока не будут исчерпаны все силы и возможности...

Если принять во внимание население оккупированных областей и огромное количество военнопленных и учесть их враждебное отношение к правительству Сталина, то можно допустить, что эти людские массы составят ядро внутренних сил, которые под руководством Германского правительства ускорят давно назревающее возникновение нового политического порядка в России, что должно произойти параллельно осуществляемому немцами созданию новой Европы.

Эти силы в настоящее время не используются.

Исходя из вышеизложенного, мы передаем на ваше рассмотрение следующее предложение:

— создать центр формирования русской армии и приступить к ее созданию;

— независимо от своих военных качеств эта русская армия придаст оппозиционному движению характер законности и одним ударом устранил ряд сомнений и колебаний, существующих в оккупированных

и неоккупированных областях и тормозящих дело создания нового порядка;

— это мероприятие легализует выступление против России и устранил мысль о предательстве, тяготящую всех военнопленных, а также людей, находящихся в неоккупированных областях».

В записке, как мы видим, были сформулированы здравые и чрезвычайно полезные для Германии соображения, и если бы Хильгер не был знаком с сущностью нацистской политики на восточных территориях, возможно, его бы заинтересовали мысли Власова.

Но Густав Хильгер о подлинных задачах войны с Россией знал, и меморандум не понравился ему.

Тем более что Хильгер считал войну с Россией уже выигранной.

Победа, по мнению Хильгера, была одержана, и вдаваться в раздумья над предложениями генералов-«унтерменшей» он не посчитал нужным. Да и не входило в его компетенцию заниматься анализом предложений этих «человекообразных», у которых не хватает ума даже понять, что требуется от них...

«Я ясно сказал советским офицерам, что не разделяю их убеждений. Россия в течение ста лет являлась постоянной угрозой Германии, вне зависимости от того, было ли это при царском или при большевистском режимах. Германия вовсе не заинтересована в возрождении русского государства на великорусской базе ^[51]».

Густав Хильгер уехал из Винницы в чрезвычайном раздражении, так и не добившись от Власова его прямого согласия войти в марионеточное правительство.

Но вывернуться Власову все же не удалось. Штрик-Штрикфельдт использовал тревогу Власова, чтобы окончательно дожать его.

— Генерал! — сказал он. — Чтобы нейтрализовать докладную записку, которую подал господин советник, необходимо ваше обращение! Ваше обращение нужно нам, чтобы доказать политикам, что офицеры и солдаты Красной армии готовы слушать вас и следовать за вами, как за русским и патриотом. Когда они это поймут, мы приблизимся к нашей цели. А до тех пор, дорогой Андрей Андреевич, нам не остается ничего иного, как идти тернистым путем борьбы против Сталина и против.

— Против этих слепых идиотов вокруг Гитлера! — перебил его Власов.

— Совершенно верно! — Штрик-Штрикфельдт облегченно вздохнул. Наконец-то было сказано то, что ему нужно было сказать, и что он не решался сказать.

Власов внимательно посмотрел на него и усмехнулся.

— Все-таки это удивительно, — сказал он. — Здесь все совершенно иначе, чем в Москве! Вы берете на себя ответственность и действуете по вашей совести. Такое у нас немыслимо. Малейший намек диктатора — и все падают ниц!

Штрик-Штрикфельдт так и не понял, то ли Власов восхищается им, то ли издевается.

— Так вы поможете нам? — отчаявшись разгадать эту загадку славянской души, спросил он. — Ине только в этот первый раз, с листовкой, ной в том, что последует за ней?

И для Власова, и для Штрик-Штрикфельдта это было заключением союза.

Как мы уже говорили, наряду с другими офицерами вермахта, Штрик-Штрикфельдт и в самом деле тогда еще верил, что Гитлер прислушается к голосу разума и германский генералитет сумеет добиться правильного политического решения.

Он сказал об этом Власову, но просил (во всяком случае, в своей книге — о, эта прибалтийская порядочность!) никогда не упрекать его, если его ожидания не оправдаются.

Пока же, сказал он, нужна политика «малых шагов».

Власов, хотя он и сомневался, можно ли политикой «малых шагов» дойти до намеченной цели, согласился с ним.

— Ведь путь туда — не близок, — говорил Андрей Андреевич. — А в борьбе против тирании судья один

— успех. Он выносит свой приговор, присуждая победителю звание героя, а побежденному — клеймо изменника.

— Не знаю, доживем ли мы до политического успеха, — возвращая генерала на грешную землю, ответил Штрик-Штрикфельдт. — Но разве только политика определяет наши действия? Если наши планы будут поддержаны хотя бы наполовину, все равно сразу улучшится жизнь русских военнопленных, многие из которых еще и сегодня умирают голодной смертью.

— Вы правы. Ради одной этой задачи оправдана наша политика, — согласился Власов.

Забегая вперед, скажем, что, как полагают некоторые исследователи, эту задачу Власову отчасти удалось решить.

«Давая свое согласие на участие в „Русском Комитете“, — пишет Б.И. Николаевский в работе „Пораженческое движение и ген. Власов“, — группа Власова в качестве обязательного предварительного условия поставила немедленное же облегчение участи пленных. Смертность в лагерях резко понизилась, и, начиная с 1943 года лица, попавшие в плен, имели шансы остаться в живых. Раньше у них таких шансов не было» ^[52].

10 сентября 1942 года Власов подписал свою первую листовку, составленную с помощью сотрудников Отдела пропаганды.

«Где же выход из тупика, в который сталинская клика завела нашу страну? — задавал он риторический вопрос и сам же и отвечал на него: — Есть только один выход... Другого история не дает. Кто любит свою родину, кто хочет счастья для своего народа — тот должен всеми силами и всеми средствами включиться в дело свержения ненавистного

сталинского режима, тот должен способствовать созданию нового антисталинского правительства, тот должен бороться за окончание преступной войны, ведущейся в интересах Англии и Америки, за честный мир с Германией».

Так Власов окончательно согласился сотрудничать с немцами.

Он принял это решение, пишет Екатерина Андреева, не отдавая себе отчета «во всей специфической сложности нацистской машины, в ее нелогичности, имманентной ее природе».

Но, может быть, тут Екатерина Андреева и не права.

Глава шестая

17 сентября 1942 года Андрея Андреевича Власова привезли в Берлин.

«Штаб» русских сотрудников Отдела пропаганды Верховного командования располагался в Берлине на Викториаштрассе, в здании номер 10.

Чтобы попасть туда, нужно было миновать пост охраны.

Обстановка «русского штаба» (решетки на окнах, деревянные топчаны, на топчанах — мешки с соломой) мало отличалась от тюрьмы.

Одеты были русские борцы с большевизмом в заношенное обмундирование с буквами «SU» на спине ^[53].

В город им выходить запрещалось, а если выводили, то только строем в сопровождении конвоя.

Еду — весьма скудную — приносили из столовой на Потсдамерплац.

Между тем сотрудники отдела честно отрабатывали свой хлеб, помогая немцам в анализе газетной информации. Анализировали они ее, используя свой опыт советской жизни, свои знания того, как дозируется и как маскируется информация в Советском Союзе. Работали здесь опытные советские политработники.

Были среди них и секретари райкомов партии, и крупные партийные журналисты.

Двоим из них вскоре предстояло стать ближайшими помощниками Власова и идеологами власовского движения, и поэтому надобно сейчас подробнее познакомиться с ними.

Мелетий Александрович Зыков о своем прошлом рассказывал много и всегда по-разному.

Поначалу Зыков представлялся как Мелетий Евлампиевич и лишь позднее поменял отчество на Александрович. Тогда же он поменял и отца, который был вначале торговцем из Одессы, а теперь стал малоизвестным литературным критиком меньшевистских взглядов из Екатеринослава.

Еще Зыков рассказывал, что на Гражданской войне был комиссаром.

— Сколько же лет тебе тогда было? — спрашивали у него. — Десять?

— Почему десять? — отвечал Зыков. — Мне уже сорок сейчас. А комиссаром я стал, когда семнадцать было. Потом я литературным критиком работал — преподавал в Москве в Институте имени Герцена и публиковал статьи о русской литературе.

Еще Зыков рассказывал, что, став зятем наркома просвещения товарища Бубнова, он сблизился с Николаем Ивановичем Бухариным и теперь является марксистом до мозга костей. А Сталина он ненавидит за тот еврейский погром, который Сталин учинил в ЦК ВКП(б), НКВД и правительстве.

Когда Бухарина исключили из партии и расстреляли, Мелетия Александровича тоже отправили в концлагерь в Магадан. Спасла война. Зыков попросился на фронт, где вскоре стал политкомиссаром батальона.

В плен к немцам Зыков сдался под Батайском Ростовской области в 1942 году. Зыков хвастал, что уже успел написать в плену меморандум о политическом аспекте военных действий и его, как некогда Николай Иванович Бухарин, заметил сам доктор Геббельс.

Кроме того, он, Зыков, произвел большое впечатление на офицера разведки фон Фрайтаг-Лорингхофена, и тот пристроил его в «Вермахт пропаганда».

Эти подробности разговоров Зыкова известны из воспоминаний участников власовского движения. Относиться к ним с абсолютным доверием нельзя, потому что неизвестно, что придумывал про себя сам Зыков, а что напутали мемуаристы. Но личность Мелетия Евлампиевича Зыкова и впрямь была загадочной.

Б.И. Николаевский считал, например, что его настоящая фамилия — Мосивич, другие исследователи убеждены, что под именем Зыкова скрывался довольно известный литературный критик Вольпе ^[54]. Но практически все: и сподвижники Власова, и позднейшие биографы — были убеждены, что Зыков — еврей. Выдавали его и еврейские черты лица, и упорное нежелание пользоваться в Дабендорфе общей баней.

Совсем по-другому держал себя бригадный комиссар Жиленков.

Георгий Николаевич родился в 1910 году в Воронеже, рано потерял родителей, рос беспризорником. Вырос до второго секретаря Ростокинского райкома партии Москвы. В этом районе расположен целый ряд крупных промышленных предприятий и учебных заведений, и население его доходило до 400 000 человек.

Был Жиленков, как он говорил сам, почти членом ЦК — являлся членом Московского городского комитета ВКП(б), обладал солидным административным и партийным опытом.

Когда началась война, Жиленков стал политкомиссаром и членом Военного совета 32-й армии.

В плен попал осенью 1941 года под Вязьмой.

Но и в плену Жиленков не порвал с прежними привычками. Он продолжал ощущать себя советским барином и беспризорником одновременно. В дальнейшем он выслужил у немцев роскошную квартиру в Берлине и переехал туда.

В мае 1942 года Жиленков написал план создания на территории, оккупированной немцами, русского правительства. В плане предусматривалась организация борьбы против Советской власти.

Был переведен на службу в Отдел военной пропаганды Вооруженных сил Германской армии, где редактировал брошюры и листовки, которые распространялись на фронте и в тылу действующих советских войск.

Жиленков постоянно жаловался, что его жизнь как партийного секретаря была невыносимой: в Москве он чувствовал себя в постоянном напряжении, поскольку приходилось непрерывно восторгаться сталинским режимом. Когда его взяли в плен, он прозрел, увидев, насколько партия непопулярна в народе.

Тем не менее на Викториаштрассе Жиленков, как истинный партиец, вел нескончаемые партийные дискуссии с товарищем Зыковым.

Власов, которому в советской армии и шага не удавалось ступить без еврея и политкомиссара, искренне обрадовался ^[55], встретив на Викториаштрассе Жиленкова и Зыкова.

Подолгу они беседовали втроем — высокий русский генерал, еврей-комиссар и «почти член ЦК», бывший секретарь Московского райкома партии.

Взгляды Георгия Николаевича Жиленкова известны. Он радовался своей «новообретенной интеллектуальной свободе», но считал, что нельзя полностью отвергать марксистское мировоззрение. Не надо перечеркивать огульно всю систему.

Верный бухаринец, зять наркома Бубнова (или супруг Лидии Корнеевны Чуковской?) полностью соглашался в этом с Георгием Николаевичем.

Более того, Зыков подчеркивал, что никакой возврат к прошлому невозможен, а Февраль и Октябрь 1917 года следует рассматривать как составные части народной революции, которой еще предстоит выполнить все обещания, данные народу.

Какому именно народу, он не уточнял.

— Но вот в чем вопрос, Мелетий Александрович! — говорил Власов. — Как это сделать? Как нам достичь поставленной цели?

— Я, как и Николай Иванович Бухарин, отдаю предпочтение краткосрочным тактическим ходам, — отвечал Зыков. — Долгосрочные идеологические цели — фикция. Они нужны только для масс!

— Да-да, — соглашался с ним Жиленков. — Товарищ Зыков прав. Мы должны идти по пути компромиссов. Без этого невозможно превращение Русского освободительного движения в жизнеспособное предприятие. К этой великой цели надо идти постепенно, шаг за шагом!

— Я надеюсь, Андрей Андреевич, — говорил Зыков, — что, как только существование координирующего центра антисталинской оппозиции получит широкую огласку, все начинание приобретет собственный автономный импульс, и немцы будут вынуждены дать ему зеленую улицу, поскольку уже не смогут пресечь эту деятельность!

В таких беседах, должно быть, и коротали время сотрудники «русского штаба».

Часто в доме на Викториаштрассе появлялся Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт.

Поздоровавшись со своим «домашним святым» — так теперь Власов именовал Штрик-Штрикфельдта! — Андрей Андреевич интересовался результатами разговора с советником Министерства иностранных дел Густавом Хильгером, продолжение переговоров с которым обещали ему, если он подпишет листовку.

— Пока никаких результатов нет, — признавался Штрик-Штрикфельдт.

— Значит, немцы не хотят, — говорил Власов, и Вильфрид Карлович привычно отмечал, что генерал опять как бы отделяет его от немцев, но не протестовал.

Вильфрида Карловича угнетала схожая с тюремной камерой обстановка. Было и немножко стыдно. Ведь он, действительно, обещал Власову в Виннице совсем другое.

Штрик-Штрикфельдт отметил, что за минувшую неделю генерал похудел еще сильнее.

— Ну, это еще неплохо, — словно читая его мысли, сказал Власов. — Все же, если бы все русские военнопленные были помещены в условия этой Викториаштрассе, мы оказали бы нашему народу немалую услугу.

«Он сказал это искренне, но в его словах был оттенок горечи, намек на разговор в Виннице о том, что его сотрудничество — цена помощи военнопленным».

— Я много думал о нашем соглашении и возможных путях, — продолжал Власов. — Чтобы им ни обещали, они только тогда начнут сотрудничать и очнутся от летаргии, когда им будет показана дорога в новое, лучшее будущее. Ваш германский рейх их не интересуется, они хотят своего государства, им нужно, чтобы были решены вопросы их собственного национального существования.

— Как ты думаешь, — спросил Власов у Зыкова, когда Штрик-Штрикфельдт ушел. — Получится то, что Вильфрид Карлович обещает?

— Даю тридцать процентов, что немецкие власти нас обманут, тридцать — что нас ликвидируют советы, тридцать — что предадут

союзники, и только десять шансов отпускаю на успех! — не задумываясь, ответил Мелетий Александрович.

Он ошибался.

Шансов на успех у власовского движения не было никаких, поскольку никто и не собирался давать ему эти шансы.

Ни союзники, ни советские власти, ни сами немцы...

Между тем, по мнению Вильфрида Карловича Штрик-Штрикфельдта, акции генерала Власова поднимались.

Подполковник Алексис Ренне прозондировал в Штабе группы армий «Центр» — нельзя ли вновь оживить придуманный для пропагандистской цели Русский освободительный комитет в Смоленске, теперь уже с генералом Власовым во главе.

Комитет этот должен был по-прежнему оставаться в сфере пропаганды, но пропагандистскую роль его предполагалось расширить.

— Я опасюсь, что Власов прекратит сотрудничать с нами, если мы не сможем добиться никаких успехов в реализации его плана создания Русской освободительной армии.

— Будем думать, — ответил Рейнхард Гелен. — Посмотрим, что можно предпринять. Меня сейчас заботит другое. Имейте в виду, что СС уже начинает комплектовать эстонские и латышские части. Гиммлер вполне может перехватить у нас и идею создания Русской армии.

Скоро Штрик-Штрикфельдт получил заверения, что Организационный отдел ОКН тотчас же предоставит в его распоряжение бюджет для русского пропагандистского подразделения, как только получит одобрение ОКВ/В. Пр ^[56].

Штрик-Штрикфельдту удалось собрать всех своих подопечных во главе с Власовым в лагере недалеко от деревни Дабендорф, в южном пригороде Берлина.

Этот, расположенный на опушке леса лагерь был переименован в Отдел пропаганды особого назначения и приравнен к батальону.

«Когда я представил моему начальнику в Отделе В.Пр./IV полковнику Мартину, бывшему в то время «полковым командиром» моего батальона, запрос на разрешение штатов в 1200 человек (сам он предполагал первоначально штаб на 40–50 человек), он сказал со своим обычным юмором:

— Если бы вы мне дали запрос на 120 человек, я бы послал вас ко всем чертям. А так как вы тут требуете 1200 человек, то это значит, что, либо у вас в кармане гарантия на бюджет сверху, либо, — он постучал пальцем по лбу, — нов таком случае я бессилен помочь вам.

С этим он и подписал».

Бюджет, который выхлопотал Вильфрид Карлович, включал содержание восьми генералов, 60 старших офицеров, а также нескольких сотен младших офицеров.

«Учебному лагерю Дабендорф, этому немецко-русскому детищу, — патетически пишет Штрик-Штрикфельдт, — предстояло войти в историю борьбы против обеих диктатур».

Если учесть, что после отставки фон Бока Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельдт совсем зачах без настоящей работы (всю зиму он занимался литературой, соорудив пьесу «Бог, молот и серп», а также брошюру «Русский человек»), можно представить, как радовали его открывающиеся возможности.

Русская мечтательность теперь порою брала в нем верх над немецкой дисциплинированностью и педантичностью. Тем более, что беседы с Андреем Андреевичем Власовым о борьбе с большевиками, о перспективах жизни в освобожденной России захватили и самого агитатора. Он уже видел себя — а почему нет? Разве мало прибалтийских немцев были министрами в Петербурге? — рядом с будущим правителем России!

Глава седьмая

Гитлер, Сталин, Власов...

В этом треугольнике, существовавшем не в реальности, а в мечтаниях, как русских предателей, так и немецких романтиков, напряжения и отношения растекались сложнее, нежели принято думать.

До плена Власов был со Сталиным против Гитлера.

Теперь — с Гитлером против Сталина.

К концу войны ему, как и его сподвижникам, будет казаться, что он выступал как против того, так и против другого.

Было ли добровольным это противостояние со стороны Власова и его сподвижников — большой вопрос, но то, что и Сталин, и Гитлер противостояли им — очевидно. Фашистская бюрократическая машина не слишком высоко оценила измену Власова. Измена мало что переменяла в его положении, и он по-прежнему оставался в стойле, предназначенном для «унтерменшей». Можно было убежать от Сталина, но от клейма «недочеловека» убежать в нацистской Германии не удавалось никому. К русским пленным и Сталин, и Гитлер относились одинаково безжалостно и беспощадно.

Ив от парадокс.

Власов был с Гитлером против Сталина, но победы, одержанные Сталиным, помогали Власову добиваться своих целей, они определяли и подготавливали «победы» Власова.

Шел к концу сорок второй год.

В Дабендорфе внимательно следили за ходом Сталинградского сражения.

Склонившись над картой, Власов ясно видел, как опасно оголился по рубежу Верхнего Дона от Сталинграда до Воронежа северный фланг 6-й армии Паулюса.

Незадолго до войны Власов внимательно изучал книгу о разгроме Сталиным Деникина между излучиной Дона и Царицыном. Сталин тогда мастерски использовал слабые места в обороне Антона Ивановича.

Сейчас — Власов вытащил платок и вытер со лба пот — немцы повторяли ошибку Деникина.

— Где Сталину взять силы? — беспечно ответил Зыков, когда Власов показал ему по карте, что может произойти.

— А где он взял силы тогда, в Царицыне? — спросил Власов.

— Чепуха! — сказал Зыков. — Советский Союз разгромлен. Падение Сталинграда — вопрос дней!

Так же, как Мелетий Зыков, думал и Гитлер.

Как пишет Уильям Ширер, Гитлер и наиболее видные генералы из ОКВ отдыхали в окружении Альпийских гор возле Берхтесгадена, когда до них дошли первые известия о контрнаступлении русских на Дону, которое началось ранним выюжным утром 19 ноября. Спокойствие и тишину внезапно нарушил телефонный звонок генерала Цейтцлера, нового начальника Генерального штаба сухопутных войск. Он сообщил, что в первые же часы наступления превосходящие бронетанковые силы русских прорвали фронт на участке румынской 3-й армии между Серафимовичами и Клетской, к северо-западу от Сталинграда. К югу от осажденного города другая мощная группировка советских войск завязала решительный бой против немецкой 4-й танковой армии и румынской 4-й армии, угрожая прорвать фронт.

Достаточно было взглянуть на карту, и становилось ясно, что противник наступал крупными силами с севера и юга с очевидной целью отрезать Сталинград и вынудить немецкую 6-ю армию поспешно отступить на запад, дабы не оказаться в окружении.

Позднее Цейтцлер утверждал, что только он понял, какая назревает катастрофа, и стал уговаривать Гитлера, разрешить 6-й армии уйти из Сталинграда к излучине Дона, где можно было занять прочную оборону. Но даже предложение вызвало у Гитлера приступ раздражения.

— Я не оставлю Волгу! Я не отойду от Волги! — кричал фюрер.

Это решение, принятое в приступе ярости, и привело к катастрофе. Гитлер и сопровождавшие его офицеры Штаба вернулись в Ставку 22 ноября.

Шел уже четвертый день наступления, и известия поступали катастрофические. Два мощных клина советских войск, наступавших с севера и юга, встретились у Калача, расположенного у излучины Дона, в 40 милях западнее Сталинграда.

Вечером по радио поступило донесение от генерала Паулюса, командующего 6-й армией, который подтвердил, что его войска

находятся в окружении. В ответ Гитлер приказал Паулюсу перенести свой Штаб в город и организовать круговую оборону. Он обещал снабжать 6-ю армию по воздуху, пока ее не деблокируют.

25 ноября Гитлер отозвал с Ленинградского фронта фельдмаршала фон Манштейна, одного из наиболее одаренных командующих, и поставил его во главе вновь сформированной группы армий «Дон». Наступая с юго-запада, Манштейн должен был деблокировать 6-ю армию у Сталинграда.

12 декабря Манштейн начал наступление, названное операцией «Зимняя гроза». Вначале оно протекало довольно успешно.

4-я танковая армия под командованием генерала Гота, продвигаясь на северо-восток по обе стороны железной дороги от Котельникова, преодолела почти 75 миль.

К 19 декабря главные части наступавших войск находились примерно в 40 милях от города.

21 декабря они приблизились к Сталинграду, так что осажденные войска 6-й армии по ночам могли видеть через заснеженные степи сигнальные вспышки приближавшихся спасителей.

Однако уже 23 декабря Манштейн позвонил Готу и приказал прекратить наступление на Сталинград и направить одну из трех танковых дивизий на северный фланг Донского фронта, а оставшимся войскам обороняться там, где они находятся.

Попытка деблокировать окруженную в Сталинграде 6-ю армию потерпела неудачу.

Утром 17 декабря Красная армия прорвала фронт на участке итальянской 8-й армии выше по течению Дона, у Богучара, и к вечеру углубилась в прорыв на 27 миль.

За три дня прорыв по фронту расширился до 90 миль, итальянцы в панике бежали, а румынская 3-я армия, которая была основательно потрепана еще 19 ноября, в первый день советского наступления, просто разваливалась. Манштейну пришлось забрать часть танковых сил у Гота, чтобы хоть как-то заткнуть образовавшуюся брешь.

Началась цепная реакция.

Отступили не только армии на Дону, но и войска Гота, подошедшие к Сталинграду. Это, в свою очередь, поставило в трудное положение немецкую армию на Кавказе, над которой нависла угроза оказаться отрезанной, если русские выйдут к Ростову у Азовского моря. Через день или два после Рождества Цейтцлер доложил Гитлеру: «Если вы не отдадите приказ на отход с Кавказа теперь, то очень скоро мы будем иметь второй Сталинград».

С большой неохотой 29 декабря Гитлер отдал необходимые распоряжения. Группа армий «А» под командованием Клейста, состоявшая из 1-й танковой и 17-й армий, так и не сумела овладеть богатыми нефтеносными полями в районе Грозного.

В Дабендорфе за поражение немцев особенно сильно переживал Мелетий Зыков.

— Как русские, — сильно картавя, доказывал он, — мы должны были бы радоваться этой русской победе. Но как русские борцы за свободу мы не можем радоваться. Ведь каждая победа Красной армии означает усиление сталинского террора и дальнейшее закабаление народов России на неопределенное время. Поэтому я и утверждаю, что удар, нанесенный 6-й германской армии, нанесен и нам, русским патриотам!

Военная форма висела на Зыкове, как мешок из-под картофеля, слюна летела из его рта, и Власов отодвинулся.

— Россия — наша страна, — ответил он. — Я имею в виду свободную Россию, Россию, о которой мечтает наш народ!

— Послушайте, Андрей Андреевич! — воскликнул Зыков. — Разве народ знает, о чем он мечтает. Это знаете вы и я.

Через несколько дней он принес текст, которому суждено было стать основой знаменитого «Смоленского воззвания»...

«Друзья и братья!

Сталинизм — враг русского народа. Неисчислимы бедствия принес он нашей Родине и, наконец, вовлек Русский народ в кровавую войну за чужие интересы. Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов. Миллионы русских людей искалечены и навсегда потеряли трудоспособность. Женщины, старики и дети гибнут от холода, голода и непосильного труда. Сотни русских городов и тысячи сел разрушены, взорваны и сожжены по приказу Сталина.

История нашей Родины не знает таких поражений, какие были уделом Красной армии в этой войне. Несмотря на самоотверженность бойцов и командиров, несмотря на храбрость и жертвенность Русского народа, проигрывалось сражение за сражением. Виной этому — гнилость всей большевистской системы, бездарность Сталина и его Главного штаба.

Сейчас, когда большевизм оказался неспособным организовать оборону страны, Сталин и его клика продолжают с помощью террора и лживой пропаганды гнать людей на гибель, желая ценою крови Русского народа удержаться у власти хотя бы некоторое время.

Союзники Сталина — английские и американские капиталисты — предали русский народ. Стремясь использовать большевизм для овладения природными богатствами нашей Родины, эти плутократы не только спасают свою шкуру ценою жизней миллионов русских людей, но и заключили со Сталиным тайные кабальные договоры.

В то же время Германия ведет войну не против Русского народа и его Родины, а лишь против большевизма. Германия не посягает на

жизненное пространство Русского народа и его национальнополитическую свободу (курсив мой. — Н. К.).

Национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера ставит своей задачей организацию Новой Европы без большевиков и капиталистов, в которой каждому народу будет обеспечено почетное место».

Власов только покачал головой, прочитав это.

Мелетий Александрович не стал ломать голову, подыскивая объяснения дружбе с немцами. Он просто списал их из речи товарища В.М. Молотова, произнесенной 31 октября 1939 года с трибуны Верховного Совета СССР.

«Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за уничтожение гитлеризма», — говорил тогда В.М. Молотов и добавлял, что «Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция... стоят за продолжение войны и против заключения мира. Наши отношения с Германским государством построены на базе дружественных отношений, на готовности поддерживать стремление Германии к миру».

— Это не вы, Мелетий Александрович, товарищу Молотову речь писали? — ехидно спросил Власов, откладывая листки с текстом воззвания.

— Я в 1939 году, Андрей Андреевич, в лагере в Магадане сидел! — ответил Зыков. — Я вам, между прочим, уже говорил об этом.

— Да-да, — сказал Власов. — Я помню. Я думаю, что по всему тексту надо заменить «сталинизм» на «большевизм».

— Ни в коем случае! — закричал Зыков. — Вы не понимаете, что вы совершаете роковую ошибку!

Однако Штрик-Штрикфельдт, выступивший третейским судьей, поддержал Власова. Большевиков

Вильфрид Карлович ненавидел еще сильнее, чем Сталина.

Заменили.

Дальше коротко изложили лозунги, взятые на вооружение «Вермахт пропагандой», о том, что Германия ведет войну не против русского народа и его Родины, а лишь против большевизма, что Германия не посягает на жизненное пространство русского народа и его национально-политическую свободу.

Было подчеркнуто, что место Русского народа в семье европейских народов, его место в Новой Европе будет зависеть от степени его участия в борьбе против большевизма, ибо уничтожение кровавой власти Сталина и его преступной клики — в первую очередь дело самого русского народа.

«Для объединения Русского народа и руководства его борьбой против ненавистного режима, для сотрудничества с Германией в

борьбе с большевизмом за построение Новой Европы мы, сыны нашего народа и патриоты своего Отечества, создали Русский комитет».

И далее — перечислялись эти цели, которые ставит перед собой Русский комитет:

Свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма.

Заключение почетного мира с Германией.

Создание, в содружестве с Германией и другими народами Европы, новой России без большевиков и капиталистов.

Сложнее стало, когда дело дошло до принципов строительства новой России.

Такие пункты, как «Ликвидация принудительного труда и обеспечение рабочему действительного права на труд, создающий его материальное благосостояние»; «Ликвидация колхозов и планомерная передача земли в частную собственность крестьянам»; «Обеспечение социальной справедливости и защита трудящихся от всякой эксплуатации»; «Введение для трудящихся действительного права на образование, на отдых, на обеспеченную старость», звучали пародийно в условиях немецкой оккупации, и Власов предлагал исключить их, но Зыков и Штрик-Штрикфельдт не согласились с ним.

Решено было оставить эти пункты на усмотрение начальства.

«Свято веря, что на основе этих принципов может и должно быть построено счастливое будущее Русского народа, Русский комитет призывает всех русских людей, находящихся в освобожденных областях и в областях, занятых еще большевистской властью, рабочих, крестьян, интеллигенцию, бойцов, командиров, политработников объединяться для борьбы за Родину, против ее злейшего врага — большевизма.

Русский комитет объявляет врагами народа Сталина и его клику.

Русский комитет объявляет врагами народа всех, кто идет добровольно на службу в карательные органы большевизма — Особые отделы, НКВД, загранотряды.

Русский комитет объявляет врагами народа тех, кто уничтожает ценности, принадлежащие Русскому народу.

Долг каждого честного сына своего народа — уничтожать этих врагов народа, толкающих нашу Родину на новые несчастья. Русский комитет призывает всех русских людей выполнить этот свой долг!..

Русские люди! Друзья и братья!

Довольно проливать народную кровь! Довольно вдов и си рот! Довольно голода, подневольного труда и мучений в большевистских застенках! Вставайте на борьбу за свободу! На бой за святое дело нашей Родины! На смертный бой за счастье Русского народа! Да здравствует почетный мир с Германией, кладущий начало вечному содружеству Немецкого и Русского народов! Да здравствует Русский народ, равноправный член семьи народов Новой Европы!» ^[57]

Подписана эта декларация была 27 декабря 1942 года, а опубликовали ее только 13 января 1943 года.

Почему произошла задержка с публикацией, описал в своей книге В. Штрик-Штрикфельдт.

«Воззвание Комитета должно было быть отпечатано и сброшено на Сталинградском фронте в количестве миллиона экземпляров; в таком количестве листовки еще не выпускались. В воззвании должны были быть ясно намечены политические цели. Военным руководителям Красной армии, бывшим тогда в очень трудном положении, эта листовка должна была показать путь в новое будущее, а красноармейцам указать на бессмысленность их сопротивления. Тогда германская армия еще вела победное наступление. Момент для политической акции казался подходящим.

Но, как мы видели, проходили месяцы, а в политическом направлении не было достигнуто никаких сдвигов. Я не знаю, мог ли кто-либо спустя два месяца, в ноябре 1942 года, всерьез верить в признание «Русского освободительного комитета» нацистским правительством.

Однако Гроте ^[58] не сдавался. Он разработал схему, по которой можно было бы действовать в случае признания Русского комитета, в случае же задержки его — пропагандным успехом поставить германское руководство перед свершившимся фактом.

В свое время он получил разрешение на издание листовки с 13 пунктами, включавшими политическую программу, но не накладывающую никаких обязательств на германское правительство. Поэтому на публикацию этих 13 пунктов Гроте не требовалось сейчас разрешения. Если эта программа будет подписана Смоленской группой и Власовым, в успехе листовки можно не сомневаться».

Компромиссное решение предложил Мелетий Александрович Зыков, ставший редактором газеты «Доброволец».

— Если немцы слишком узколобы для большой политики, Андрей Андреевич, придется использовать до предела политику «малых шагов», — сказал он. — Мы должны поставить германское правительство перед свершившимся фактом, то есть начать уже говорить от имени Русского освободительного движения. Как говорил Николай Иванович Бухарин, дайте только чертенку выскочить из бутылки, а он уж сработает.

В конце концов Власов согласился.

— Вы все, как тот человек в суровую зиму, который отказывается купить мех, потому что боится вшей в нем. Вы дрожите и мерзнете. Я готов купить мех, носить его, а потом сбросить.

Однако и этот «малый шаг» встретил ожесточенное сопротивление.

Генерал Ведель отказался проводить акцию без согласия Розенберга, а сам министр согласие давать не спешил.

Листовка застряла в сейфе Восточного министерства.

Между тем Розенберг понимал, что необходимо изменить немецкую политику на востоке.

18 декабря, когда клещи советских армий сомкнулись вокруг войск Паулюса, состоялась конференция, на которой присутствовали Розенберг и генерал-квартирмейстер Вагнер.

«Розенберг, — пишет Штрик-Штрикфельдт, — давно уже понял, что необходимо что-то предпринять. Правда, он все еще был против „великорусской“ установки на „единую и неделимую“ Россию, но уже склонялся допустить создание разных „национальных комитетов“, включая русский „Национальный комитет“. Он не должен был бы стоять над другими, как орган „всей России“, но мог быть все же равноправным подобным же комитетам других народов Советского Союза».

Отметим тут, что эволюция взглядов фашиста Розенберга ^[59] совпадает с тем, как менялись взгляды на русскую проблему и у большевиков, и у нынешних демократов.

Розенбергу нелегко дался отход от откровенной русофобии. Поначалу он готов был признать право на государственность даже за украинцами, но только не за русскими...

Как пишет В. Штрик-Штрикфельдт, помог счастливый случай — знакомство с доктором Р., который, как военный врач частей СС, имел доступ к Гиммлеру, а также к Розенбергу и был одним из резких и непримиримых критиков нацистского режима, особенно в вопросах правительственной политики в оккупированных восточных областях.

В начале января 1943 года доктор Р. пригласил Власова к себе в гости и долго беседовал с ним о восточной политике Германии. Взгляды гостя и хозяина совпали.

— У Гитлера, — заявил Р., — нет никакого представления о России, и его следовало бы сперва обучить России. Но я попробую помочь вам. Я попытаюсь разрубить этот гордиев узел. Все успехи Третьего рейха основаны на внезапности нападения. Завтра, в день рождения Розенберга, и я намерен внезапно напасть на него с воззванием Смоленского комитета.

И действительно.

Утром 12 января Р. ездил поздравлять с днем рождения министра Розенберга.

В разговоре с глазу на глаз он упомянул, что Гиммлер интересуется Русским освободительным комитетом в Смоленске, и намекнул, что рейхсфюрер СС готов проявить инициативу основания Русского комитета.

— Он даже просил меня добыть копию подготовленного генералом Власовым воззвания. Кстати, я не мог бы получить этот текст?

Розенберг знал о связях доктора Р. с Гиммлером и принял его слова за чистую монету.

Более того. Он сообразил, что, если Гиммлер возьмется за организацию распространения власовского воззвания, это может усилить влияние рейхсфюрера на политику в занятых восточных областях.

А этого Розенберг допустить не хотел.

— Конечно, можете, — сказал он. — Я как раз подписываю указание напечатать воззвание. Мы можем передать рейхсфюреру необходимые ему экземпляры.

Через несколько часов ротационные машины отпечатали три миллиона листовок «Смоленского воззвания».

Так же быстро и четко они были разосланы и распространены.

И, как и было предусмотрено, самолеты «сбились с курса» и, вопреки строжайшему предписанию Розенберга, сбросили листовки не только по ту, но и по эту сторону фронта. В Смоленске текст воззвания был перепечатан одной из местных типографий и тоже распространен. С молниеносной быстротой расходилось известие «о новом политическом курсе».

«Сухопутные и военно-воздушные силы в течение месяцев нетерпеливо ждали, что высшее политическое руководство примет решение в этом смысле, — отмечает В. Штрик-Штрикфельдт. — Теперь они хотели использовать все возможности, без оглядки на близорукие ограничения из Берлина. Фронтовые части сами, без нашего участия, заботились о как можно более широком распространении воззвания. То же делали и тыловые дивизии, надеявшиеся ослабить этим деятельность партизан. Но самым важным было то, что миллионы русских людей обрели новую надежду».

Может быть, в «пробивании» Смоленского воззвания и была заслуга доктора Р., но, несомненно, что главное влияние на Розенберга и прочих высокопоставленных вождей Рейха оказала Сталинградская битва. Ведь судьба Смоленского воззвания решилась за несколько недель до капитуляции окруженной армии Паулюса.

Часть четвертая Власов делает выбор

Русский народ всегда к немцам с уважением относился. У нас даже поговорка есть, что немец обезьяну выдумал...

А.А. Власов

Сохранилась фотография.

Темноволосый худощавый человек в роговых очках обходит строй дабендорфских курсантов.

Рука вскинута вверх в фашистском приветствии, но не расправлена, а согнута в локте. В результате — что-то среднее между фашистским «Зиг хайль» и русским отданием чести.

Словно к одному еще не привык, от другого успел отвыкнуть.

Вид если и не штатский, то какой-то демобилизованный. Это подчеркнуто формой.

Власов на фотографиях — в простом, военного покроя с широкими обшлагами мундире цвета хаки. Никаких знаков отличия и наград. Даже пуговицы — невоенного образца.

Только на брюках — генеральские лампасы.

Вот этот больше похожий на учителя или бухгалтера человек и объявил Сталина врагом народа, а русских людей призвал вставать на борьбу с большевизмом, повернуть оружие против своих угнетателей.

Глава первая

В. Штрик-Штрикфельдт говорит, что «воззвание Русского комитета в Смоленске имело необычайный успех, в особенности на среднем и северном участках фронта. Дивизии групп армий „Центр“ и „Север“ доносили о росте числа перебежчиков».

Насколько верно это свидетельство и чего здесь больше: истины или желания поверить, что это истина, — судить трудно. Тем не менее после необходимой обработки, которая проводилась сотрудниками «Вермахт пропаганды», перебежчики оформлялись в соответствующем духе, и среди немецкого генералитета действующей армии укреплялось мнение о не обыкновенном влиянии генерала Власова на советских солдат. Обман этот совершался руководством «Вермахт пропаганды», разумеется, во имя Германии, но насколько это соответствовало интересам Германии — вопрос.

Если и росло влияние Власова, то пока только среди самих немцев.

В феврале 1943 года Штаб группы армий «Центр» пригласил Власова на фронт.

Поездку эту санкционировал сам фельдмаршал фон Клюге.

В конце апреля состоится еще одно турне генерала Власова, теперь уже по приглашению фельдмаршала фон Кюхлера в армейскую группу «Север».

Первое свое турне по маршруту Белосток — Минск — Смоленск Андрей Андреевич Власов совершил в сопровождении начальника немецкой разведки Центрального фронта, подполковника Владимира Шубута и бывшего начальника лагеря для военнопленных в Виннице, «американского» немца, капитана Петерсона.

«Выразительное лицо Власова было отмечено довольно грубыми, но волевыми характерными чертами. Говорил он глубоким басом и носил внушительные очки в роговой оправе. Власов был безупречным артистом и обладал невероятным шармом, который, однако, не был природным, а скорее приобретенным. Как и у многих русских, в нем действовал ярко выраженный инстинкт, который выручал его в неожиданных жизненных ситуациях. По существу, он был большим педантом. Любовь к порядку, связанная с энергией, объясняла — почему немцы ему импонировали. Поэтому Власов был в состоянии разрешить ряд проблем с немецкой педантичностью. При этом он не стеснялся в выборе средств и бывал по-русски деспотичен».

Сергей Фрелих, который частенько заменял Власову переводчика, отмечал также, что генерал умел сразу почувствовать сущность обсуждаемого вопроса и в результате собеседники быстро воодушевлялись и усваивали его идеи.

Таким: высоким, басистым, обладающим «невероятным шармом» и столь же невероятной способностью воодушевлять и убеждать слушателей, и предстал Власов перед жителями оккупированного Смоленска.

25 февраля 1943 года в Смоленске Власова встречал генерал фон Шенкендорф.

Вечером Власов выступал в театре.

Прерываемый аплодисментами, он объявил, что свергнуть Сталина должны сами русские и национал-социализм навязан России не будет, поскольку «чужой кафтан не по русскому плечу».

В. Штрик-Штрикфельд пишет, что выступление было триумфальным.

Думается, что насчет триумфа сказано сгоряча.

Да, Власов умел произносить речи. Он говорил с большой твердостью, и речь его всегда была адресована к рядовому слушателю. Это импонировало слушателям.

Но в Смоленске Власов был связан предостережениями немцев и развернуться, как оратор, не мог.

Это чувствуется по его ответам, сохранившимся на страницах русскоязычных газет.

— Господин генерал! — спрашивали у него. — Почему после воззвания Смоленского комитета у нас ничего не слышно об этом комитете и о вас лично?

— Россия велика, — отвечал Власов. — Словечко «смоленский» ^[60] на листовке не нужно принимать буквально.

— Почему не распускают колхозы, господин генерал?

— Быстро ничего не делается. Сперва надо выиграть войну, а потом уж — земля крестьянам!..

Как свидетельствует Свен Стеенберг, особенно трудно пришлось А.А. Власову, когда после выступления к нему подошел заместитель

германского начальника Смоленского района Никитин и начал спрашивать: правда ли, что немцы собираются сделать из России колонию, а из русского народа рабочий скот? Правы ли те, кто говорит, что лучше жить в плохом большевистском СССР, чем под немецким кнутом? Почему до сих пор никто не сказал, что будет с нашей родиной после войны? Почему немцы не разрешают русского самоуправления в занятых областях?

Но Власов прошел семилетний курс обучения в военно-бюрократическом университете Ленинградского военного округа и искусством демагогии владел в совершенстве.

Он ответил Никитину, что «уже одно его выступление в этом (смоленском. — Н. К.) театре доказывает, что немцы начинают понимать настроения и проблемы русских. Недоверие (немцев) привело ко многим и тяжелым ошибкам. Теперь эти ошибки признаются немцами... Свергнуть большевизм, к сожалению, можно только с помощью немцев. Принять эту помощь — не измена.

Чтобы добиться от немцев того, что должно было быть сделано уже давно, ему нужны доверие и помощь народа».

Ответы, может быть, и ловкие, но стоит только приглядеться, и видно, что ничего, кроме попытки уйти от «неудобных» вопросов, тут нет.

Как, впрочем, и в его декларациях и воззваниях.

Юрий Финкельштейн справедливо отмечает, что «Власов уходил от ответа на главный вопрос: за что воюем? Им был использован спасительный термин — непредреши́тельство, освобождающий от ответственности за будущее».

Это подтверждается свидетельством Константина Кромиади, который сам слышал, как Власов говорил: «Окончательное решение при любых условиях должно принадлежать народу. В нашем положении на чужбине законченные социально-экономические рецепты значительно осложняют и без того сложную нашу задачу».

Соглашаясь с подобными свидетельствами, необходимо отметить, что и сам переход к рассуждению о сроках выработки социально-экономических рецептов будущего устройства России тоже определяется непредреши́тельством, уходом от главного вопроса — можно ли спасти Россию, помогая ее врагу.

В различных воспоминаниях можно найти десятки объяснений Власова, почему его предательство не является предательством Родины.

— В России — наши братья, — рассказывал А.А. Власов Игорю Новосильцеву. — Но братья бывают разные: Каины и Авели. И если Каина мы ненавидим, то Авеля мы любим. И вот... приходит некто и начинает бить Каина. Что делаете вы? Вы этому некто поможете. И когда падут оковы с Авеля и этот некто тоже захочет бить Авеля, вы с

Авелем объединитесь, освободитесь от этого некто. Некто, вы сами понимаете, кто был.

Нелепо полагать, будто Власов не понимал, что немцы не собираются различать в русском народе Авелей и Каинов, поскольку все русские являются для них «унтерменшами»...

Андрей Андреевич Власов понимал это.

И, перечитывая его выступления, записи разговоров с соратниками, видишь, что он убеждал не столько слушателей, сколько самого себя, и, убеждая себя, он порою забывал об осторожности.

Глава вторая

— Теперь вы верите, что избрали правильный путь? — спросил у Власова Штрик-Штрикфельдт, когда тот вернулся в Берлин.

— Да, — ответил Власов и добавил, — если только не слишком поздно.

В характерной для него манере никогда и ничего не договаривать до конца, Андрей Андреевич Власов и тут не уточняет, что поздно и почему поздно, а Штрик-Штрикфельдт с характерной только уже для него, прибалтийской незамысловатостью объясняет, что Власов имеет в виду то, как разворачивались события на театре боевых действий весной сорок третьего года.

Между тем, очевидно, что Власов нагрузил свое «поздно» более значительным смыслом. Во время смоленского турне он остро почувствовал, что Сталину уже почти удалось преодолеть пропасть, разделявшую русский патриотизм и интернационалистическую идеологию компартии.

А немцы по-прежнему не понимали этого и не могли понять, потому что для исправления положения требовалось не только отступить от основополагающих принципов идеологии фашизма, но и пожертвовать самым пафосом этой идеологии.

Да, идеологи Третьего рейха были достаточно гибки, чтобы допустить союз с румынами, с болгарами, даже с татарами или кавказскими народами, ибо значение этих союзов ни в коей мере не подрывало германской уверенности в способности самостоятельно справиться с любым противником Рейха. Прибегать же в борьбе с Россией к помощи самой России было опасно.

И не только ненадежности русских частей опасались немцы.

Объявление союза с русскими подрывало нордически суровую и ясную идеологию уничтожения России.

В «Mein Kampf» Гитлер четко сформулировал основные обоснования своей «ост-политики»:

1. Немецкая нация нуждается в жизненном пространстве.

2. Русский большевизм является воплощением притязаний мирового еврейства на мировое господство.

3. Славяне — низшая раса.

Из этого неопровержимо вытекало, что славян и Россию можно и нужно использовать в целях осуществления немецких интересов, не считаясь ни с какими интересами самих русских. Следовательно, для решения этой задачи русские могли использоваться лишь в качестве прислуги и предателей, но никак не союзников.

Пропагандисты и разведчики могли обещать русским агентам в частном порядке все, что угодно. Руководители Рейха не могли давать русским авансов, поскольку это противоречило бы самой идеологии.

О том, как трудно давалось гитлеровцам отступление от своих принципов на практике, свидетельствует статистика.

Как известно, в июле сорок первого года в состав «восточных» (или иначе — «туземных») войск входили только эстонские, латышские и литовские охранные батальоны. Формирование украинских, казачьих, кавказских и туркестанских батальонов началось в конце 1941 года.

В 1942–1943 годах были сформированы 90 полевых батальонов из уроженцев Кавказа, Средней Азии и Поволжья, казачья карательная дивизия СС, украинская дивизия СС «Галичина», мусульманская дивизия СС «Ханшар».

Формирование русских частей (сформировано, как известно, было всего две русских дивизии) началось в конце 1944 года, и во многом определено оно было деятельностью Андрея Андреевича Власова.

Но повторим, что поначалу деятельность эта воспринималась германскими сановниками крайне негативно.

— Генерал Власов войдет в кабинет фюрера только через мой труп!
— сказал Борман.

Сразу же после возвращения Власова из Смоленска «дабендорфские стратеги» пытались выработать устраивающую немцев и их потенциальных русских союзников концепцию национального устройства будущей России. Она была сформулирована в так называемом «Заявлении по национальному вопросу».

— Никакого национального дробления во время войны! — как бы полемизируя с Розенбергом, видевшим «Московию» в окружении буферных — Большой Финляндии, Балтики, Украины, Кавказа — государств, — говорит Власов в этом документе. — Все силы — на борьбу со Сталиным!

Выдвигая свои требования, Власов обещает в дальнейшем устроить (недаром в советниках у него ходил любимый ученик Николая Ивановича Бухарина!) национальные отношения в будущей России по образцу советской Конституции.

Насколько Розенбергу оказались близкими взгляды Николая Ивановича Бухарина, судить трудно. Власовское «Заявление» не получило хода и затерялось в архивах Восточного министерства.

Ну, а со Смоленским комитетом, придуманным прибалтийскими немцами в Дабендорфе, произошло то, что и должно было произойти в стране, сохраняющей верность принципам национал-социализма. Комитет этот был запрещен.

Сотрудникам «Вермахт пропаганды» было объявлено, что использование идеи Смоленского комитета даже и в пропагандистских кампаниях противоречит пожеланиям фюрера.

Прибалтийско-русские немцы, как могли, утешали генерала.

— Запрещен только комитет, но не Власов! — доказывал полковник Мартин. — И вы не имеете права прерывать свою работу. В конце концов, несмотря на все поражения, немцы еще занимают русскую территорию с 60-70 миллионами русских людей. Это — наши люди. Нужно вырвать их у немцев! А военнопленные и оловцы? Только мы можем помочь им. Мы, Андрей Андреевич, — единственная русская ячейка. Только одни мы можем сейчас поднять голос и здесь, и в нашей стране!

— Андрей Андреевич! — поддержал своего шефа Штрик-Штрикфельдт. — Если бы я был не немцем, а англичанином, вы и ваш штаб, вероятно, жили бы сейчас в самом лучшем отеле и все ваши желания выполнялись бы. Без сомнения, британцы выложили бы вам на стол не только виски и сигареты, но и чек для вашего комитета — с многозначной цифрой фунтов стерлингов. Будьте рады, что немцы столь порядочны или столь глупы, что до сих пор всего этого не сделали. Вас никто не может упрекнуть, что вы продались немцам. Ни клочка той одежды, что на вас, вам не выдали немцы — и даже новые очки все еще не готовы.

Нетрудно догадаться, что чувствовал Власов, слушая это.

Романтически настроенный Вильфрид Карлович с глуповатой напыщенностью пытался разъяснить, что Власова никто не упрекнет в продажности, поскольку порядочные (или глупые?) немцы даже и не собираются покупать его.

Но поскольку Власов все-таки продался, то — этого Штрик-Штрикфельдт не желал говорить, но так выходило! — получалось, что он в придачу к своей продажности еще и абсолютный дурак, коли не выговорил себе за предательство даже виски с сигаретами.

— Вы правы... — с трудом сдерживая раздражение, сказал Власов. — Но это не политика великой державы. Если германское правительство думает такими методами покорить Россию и даже весь мир — это просто смешно.

О том, что и его поступки тоже не очень-то схожи с поступками великого человека, Андрей Андреевич не говорил. Он вообще старался не думать об этом.

В его положении и просто человеком оставаться было не просто.

Посоветовавшись, решили, что Власов пока будет выступать не от какого-то комитета, а от своего собственного имени. Он сам, его,

Власова, личность должны стать воплощением идеалов и надежд поднимающихся на борьбу со Сталиным россиян.

Немедленно вызвали наркомзятя.

Мелетий Александрович Зыков и помог Власову соорудить знаменитое письмо «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом»

[61].

«Призывая всех русских людей подниматься на борьбу против Сталина и его клики, за построение Новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия, — писал он. — Меня ничем не обидела советская власть.

И вот теперь я выступаю на борьбу против большевизма и зову за собой весь народ, сыном которого я являюсь (Здесь и далее курсив мой. — Н. К.).

Почему?.. Я увидел, что ничего из того, за что боролся русский народ в годы Гражданской войны, он в результате победы большевиков не получил.

Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхозы, как миллионы русских людей исчезали, арестованные, без суда и следствия. Я видел, что растаптывалось все русское.

Террор распространился не только на армию, но и на весь народ. Не было семьи, которая так или иначе избежала этой участи. Армия была ослаблена, запуганный народ с ужасом смотрел на будущее, ожидая подготовляемой Сталиным войны.

Предвидя огромные жертвы, которые в этой войне неизбежно придется нести русскому народу, я стремился сделать все от меня зависящее для усиления Красной армии... Работой и постоянной заботой о порученной мне воинской части я старался заглушить чувство возмущения поступками Сталина и его клики.

И вот разразилась война. Она застала меня на посту командира 4-го мех. корпуса.

Как солдат и как сын своей Родины, я считал себя обязанным честно выполнить свой долг.

Я видел, что война проигрывается по двум причинам: из-за нежелания русского народа защищать большевистскую власть и созданную систему насилия и из-за безответственного руководства армией, вмешательства в ее действия больших и малых комиссаров.

Во время решающих боев за Москву я видел, что тыл помогал фронту, но, как и боец на фронте, каждый рабочий, каждый житель в тылу делал это лишь потому, что считал, что он защищает Родину. Ради Родины он терпел неисчислимые страдания, жертвовал всем. И не раз я отгонял от себя постоянно встававший вопрос: Да, полно, Родину ли я защищаю, за Родину ли я посылаю на смерть людей? Не за большевизм ли, маскирующийся святым именем Родины, проливает кровь Русский народ?

Я был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й Ударной армией. Пожалуй, нигде так не сказалось пренебрежение Сталина к жизни русских людей, как на практике 2-й Ударной армии.

Бойцы и командиры неделями получали 100 и даже 50 граммов сухарей в день. Они опухали от голода, и многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело армию непосредственное руководство Главного командования. Но все продолжали самоотверженно биться.

Русские люди умирали героями. Но за что? За что они жертвовали жизнью? За что они должны были умирать?

Я до последней минуты оставался с бойцами и командирами армии. Нас оставалась горстка, и мы до конца выполнили свой долг солдат. Я пробился сквозь окружение в лес и около месяца скрывался в лесу и болотах. Но теперь во всем объеме встал вопрос: следует ли дальше проливать кровь Русского народа? В интересах ли Русского народа продолжать войну? За что воюет Русский народ?

Так не будет ли преступлением и дальше проливать кровь? Не является ли большевизм и, в частности, Сталин главными врагами русского народа?

Не есть ли первая и святая обязанность каждого честного русского человека стать на борьбу против Сталина и его клики?..

История не поворачивает вспять. Не к возврату к прошлому зову я народ. Нет! Я зову его к светлому будущему, к борьбе за завершение Национальной Революции, к борьбе за создание Новой России — Родины нашего великого народа. Я зову его на путь братства и единения с народами Европы и в первую очередь на путь сотрудничества и вечной дружбы с Великим Германским народом...

В последние месяцы Сталин, видя, что Русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, внешне изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался заключить союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде Церкви, он пытается восстановить традиции старой армии. Чтобы заставить Русский народ проливать кровь за чужие интересы, Сталин вспоминает великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за Отечество, за Россию.

Этот жалкий и гнусный обман нужен ему лишь для того, чтобы удержаться у власти. Только слепцы могут поверить, будто Сталин отказался от принципов большевизма.

Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступил и не отступит от своей программы. Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с еще большей силой закабалить Русский народ и заставить его и дальше служить чуждым ему интересам.

Ни Сталин, ни большевики не борются за Россию.

Только в рядах антибольшевистского движения создается действительно наша Родина. Дело русских, их долг — борьба против Сталина, за мир, за Новую Россию. Россия — наша! Прошое русского народа — наше! Будущее русского народа — наше!»

3 марта 1943 года письмо опубликовали газеты «Доброволец» и «Заря».

Некоторые исследователи считают, что эта публикация, разъясняющая взгляды Власова, — свидетельство того, что его хозяева из ведомства генерала Гелена действительно пытались изменить курс немецкой восточной политики.

«Письмо — наиболее продуманный из всех документов по организации Русского освободительного движения, — пишет Екатерина Андреева в книге «Генерал Власов и Русское освободительное движение». — Чувствуется, что составители письма знали, что им необходимо искусно маневрировать, учитывая нажим и требования со стороны Третьего рейха. Они проявляют лучшее понимание психологии и положения тех, кто станет читать письмо, а так же наиболее выгодно излагают власовское начинание. Власов предостерегает: поворот во внутренней политике Сталина по отношению к церкви и армии — не более чем маневр, необходимый, чтобы выиграть войну. Сам большевизм не претерпел никаких заметных изменений. Ни Сталин, ни большевизм не озабочены подлинными интересами России, тогда как освободительное движение борется именно за интересы всего русского народа».

«Письмо призывает к патриотическим чувствам великороссов; так же как и Смоленская декларация. Составители тщательно различают между государственным режимом и народом: письмо говорит о сотрудничестве именно с немецким народом, но никогда — о сотрудничестве с Третьим рейхом».

«Первая забота авторов этого обращения — найти «модус вивенди» с нацистскими властями; это позволило бы им и проводить точку зрения Русского освободительного движения, и сохранять независимость по отношению к нацизму одновременно. Долгосрочная цель — создание жизнестойкой альтернативы сталинизму.»

«Оглядываясь на революцию, Русское освободительное движение начинает, пока на ощупь, намечать свои собственные позиции в рамках общерусского спора о возможностях, стоящих перед страной» ^[62].

И вроде бы это подтверждается реальным ходом дел.

Вскоре после публикации «Открытого письма» состоялась «Первая антибольшевистская конференция военнопленных командиров и бойцов Красной армии, вставших в ряды Русского освободительного движения» — своеобразный «учредительный съезд» власовского движения.

Генерал Малышкин ^[63] произнес на конференции речь, в которой разъяснил позиции Русского освободительного движения. Конференция приняла резолюцию о поддержке Власова и тех политических идей, которые он изложил в «Открытом письме»... Резолюция подчеркивала, что соотечественники должны объединиться против общего врага — сталинизма.

Среди сотрудников «русского штаба» особенно ликовал «наркомзять» Зыков.

— Теперь джинн выпущен из бутылки, и пусть они попробуют загнать его обратно внутрь, — все повторял и повторял Мелетий Александрович.

Но и проведение антибольшевистской конференции, и ликование «наркомзятя», и мудрования позднейших исследователей не способны наполнить реальным содержанием пропагандистские трюки.

Как говорил Штрик-Штрикфельдт, «мы делаем пропаганду на ту сторону так, как будто политика уже есть. По ту сторону мы сообщаем, что создан Русский комитет, или, еще лучше, Русское правительство, и от его имени призываем к борьбе против Сталина. Предположим, что это дает какой-то эффект. На основании этих результатов мы требуем уступок здесь».

Но это В.К. Штрик-Штрикфельд, а сам Власов не испытывал никакого удовлетворения от этой работы. Ведь он пытался найти путь, который из изменников Родины вывел бы его на путь борцов с врагами России — большевиками-интернационалистами, а его увлекали на путь, где он не только оставался предателем, но еще и становился мошенником.

Глава третья

Власов сделал вид, что не понимает подлинного смысла преобразования Смоленского комитета в отдельно взятого генерала Власова. В ходе следующего турне, совершенного по указанию фельдмаршала фон Кюхлера, он обнаружил полную невосприимчивость к доводам «ангелов» из ведомства Гелена вообще и своего «домашнего ангела», в частности.

29 апреля 1943 года в сопровождении адъютанта Ростислава Антонова и ротмистра Эдуарда фон Деллингсхаузена в вагоне третьего класса Власов прибыл в Ригу. Путь Андрея Андреевича лежал в армейскую группу «Север» к старому знакомцу — генералу Линдеману.

Поездка эта, по словам протоиерея Александра Киселева, сопровождалась такими массовыми выражениями народной любви и доверия к Власову, а он так поднимал в народе уверенность в

собственных русских силах, что это произвело переполох в немецких кругах.

Власов всячески демонстрировал независимость от немцев.

Так, например, выступая в Риге, он отклонил предложение перевода его речи на немецкий язык, заявив, что говорит для русской аудитории. Сказано это было в присутствии Штаба немецкого командования, сидевшего в партере театра чуть не в полном составе.

Мы приводим эти подробности по изложению протоиерея Александра Киселева, потому что они являются пересказом слухов, циркулировавших в окружении генерала Власова и создававших генералу ореол мученика и героя.

Но, вообще-то, в Риге Власов выступил в редакции русской газеты «За Родину», посетил староверческую молельню, нанес визит митрополиту Сергию и затем отправился в Псков. Где тут поместился «сидевший в партере штаб немецкого командования», непонятно.

Но в театре Андрей Андреевич выступал.

Только не в Риге, а в Пскове, куда он прибыл 1 мая.

Здесь, как показывал Власов на следствии, он осмотрел батальон добровольческих войск и был на приеме у командующего германскими войсками, действовавшими под Ленинградом. Генерал-фельдмаршал Буш просил его рассказать на собрании германских офицеров о целях и задачах «Русского комитета».

«Выступая на собрании, — показал А.А. Власов на допросе, — я заявил, что «Русский комитет» ведет активную борьбу против советской власти, и что немцы без помощи русских уничтожить большевизм не смогут. Мое выступление явно не понравилось генерал-фельдмаршалу Бушу».

Уже после этого выступления, «поднимая в народе уверенность в собственных русских силах», и двинулся Власов по маршруту: Луга — Волосово — Сиверская — Толмачево — Красногвардейск — Дедовичи.

Тем не менее «переполох в немецких кругах» гастроль генерала Власова действительно вызвала; хотя основанием для него послужили не столько успехи генерала на пропагандистском поприще, сколько невероятная самоуверенность. На свою беду, по дороге в Гатчину Власов успел «разработать план захвата силами добровольцев Ораниенбаумского плацдарма».

Воодушевленный этими стратегическими находками, Андрей Андреевич несколько утратил чувство реальности. В речи на обеде, данном в его честь, он вначале поблагодарил немцев за прием, а потом (выпив, Власов, похоже, не только Ораниенбаум занял силами добровольцев, но и Ленинград) выразил надежду, что скоро будет приветствовать немцев, как своих гостей в городе на Неве.

Тут Власов немного переборщил.

На обеде присутствовали немецкие офицеры и генералы, которые уже полтора года топтались под Ленинградом и не могли взять город.

Могло ли им понравиться пьяное застольное бахвальство пленного русского генерала?

Но Власов не замечал хмурости на лицах своих хозяев.

— Кончится война, — увлеченно басил он, — мы освободимся от большевизма, и тогда в нашем Ленинграде, которому мы вернем его настоящее имя, мы будем принимать немцев, как дорогих гостей!

Считается, что именно выступление в Гатчине и переполнило чашу терпения нацистов. Фельдмаршал Кейтель отдал тогда приказ о запрещении политической деятельности генерала Власова.

«Ввиду неправомочных, наглых высказываний военнопленного русского генерала Власова во время его поездки в группу армий „Север“, осуществленную без того, чтобы фюреру и мне было известно об этом, приказываю немедленно перевести русского генерала Власова под особым конвоем обратно в лагерь военнопленных, где и содержать безвыходно.

Фюрер не желает слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве что в связи с операциями чисто пропагандистского характера, при проведении которых может потребоваться имя Власова, но не его личность. В случае нового личного появления Власова предпринять шаги по передаче его тайной полиции и обезвредить».

Глава четвертая

Соппротивление высокопоставленных нацистских вождей планам, обозначенным именем Власова, во многом обусловило появление мифа о третьем — «против Сталина и Гитлера» — пути, которым якобы шел генерал Власов.

Долгое время этот миф существовал в ностальгических воспоминаниях непосредственных сподвижников генерала.

«С появлением Власова в нашем заключении для нас, общающихся с ним, стало как-то сразу все на свои места. И не только у нас, в нашей маленькой лаборатории, ной — мы это чувствовали — во всем большом антикоммунистическом русском мире. Было ясно, что если будет когда-то так называемая русская акция, в форме ли создания национального русского правительства или какого-то другого начинания, во главе его стоять будет только он...»

«Чувство необходимости совместного труда ради спасения России было сильнее личных амбиций. У ген. Власова было много поступков, которыми восхищались абсолютно все и за которые были ему бесконечно благодарны.

Они диктовались свойственной ген. Власову исключительной независимостью, совершенно невероятной для условий войны и

оккупации... Они говорят не только о мужественной независимости пленного генерала. Они говорят и о большем. О том, что у Власова и Гитлера были разные цели. Они не могли бы идти вместе, даже если бы один из них этого захотел. Однако у них был общий враг.

Все это, взятое вместе, делало для ген. Власова вопрос о переходе на сторону врага вопросом нелепым, просто несуществующим. С ним происходило другое: попав в немецкий плен, ген. Власов вскоре убедился, что он попал к своим, волею судеб находящимся в стане врага. Был только один вопрос: как нам, русским, действовать, находясь между коммунистическим молотом и национал-социалистической наковальней».

«Власов и миллион его последователей никогда не принимали нацистскую доктрину и никогда не обещали служить интересам Гитлера после войны».

И господина А. Казанцева, автора книги «Третья сила», и прибалтийских немцев С. Фрелиха, и В. Штрик-Штрикфельдта, и протоиерея Александра Киселева, создававших этот миф о Власове, по-человечески понять можно.

В послевоенном мире с его антифашистской риторикой трудно было жить, сознавая, что ты являешься непосредственным пособником нацистов. Под таким психологическим давлением человек способен вспомнить о себе даже то, чего не было, лишь бы выскользнуть из касты отверженных и проклятых.

Другое дело — мифотворцы наших дней.

Созданному агитпропом мифу о Власове, едва ли не с колыбели задумавшем изменить России, созданному сподвижниками генерала мифу о Власове, нашедшем третий (против Сталина и Гитлера) путь, новые мифотворцы решили противопоставить миф о Власове — агенте Сталина.

Весьма наглядно проявилось это мифотворчество в работе Виктора Филатова, бывшего главного редактора «Военно-исторического журнала».

«О том, что генерал Власов предатель № 1, написано много и подробно, — повествует он. — О том, как генерал Власов стал предателем, написано столь же много. У нас в стране генерал Власов, бесспорно, предатель № 1, на Западе генерал Власов, бесспорно, борец № 1 со Сталиным. И те, и другие свою точку зрения обосновывают почти на одних и тех же событиях и документах. Вообще странный какой-то этот Власов, если повнимательнее и поспокойнее приглядеться к нему (Курсив мой. — Н. К.). Вот он — борец № 1 со Сталиным. «Власов тщеславен, самолюбив и высокомерен, — пишет один из авторов. — Всем своим поведением у немцев и внешним видом стремился показать себя незаурядным государственным деятелем и военачальником, прямо скажем, копировал позу Керенского. В то время как мы, власовцы, включая и его приближенных, носили военную форму РОА, очень

схожую с формой военнослужащих германской армии, Власов носил свою собственную форму, отличную как от немецкой, так и от РОА, — френч военного образца с большими накладными карманами и шинелью без погон, но брюки с лампасами. Излюбленная поза при разговорах с людьми — большой палец правой руки засунут под борт френча или шинели на груди, а ладонь поверх борта. Ну прямо что ни деталь, то какой-то таинственный смысл и символ. А между тем, кто помнит, кто видел в кинохронике Сталина, тот без труда увидит, что именно Сталин носил „френч военного образца с большими накладными карманами“, что именно Сталин носил „шинель без погон“, что именно Сталин носил „брюки с лампасами“ при шинели без погон, что именно у Сталина „большой палец правой руки засунут под борт френча или шинели“» ^[64].

И далее Филатов, припоминая свое посещение военного корабля, где весь экипаж: и матросы, и офицеры, — носили франтоватые «усики-шнурочки на губе», как и командир корабля, озаренно постигает, что Сталин для Власова был таким же командиром, и это ему и подражал генерал.

Естественно спросить тут: ну и что?

Наблюдение само по себе натянутое.

Сподвижник Власова, которого цитирует Филатов, видел самого Керенского, и ему Власов казался похожим на Керенского. Филатов решил его сделать похожим на Сталина. Понятно, что сделать это, учитывая гигантский рост генерала и очки, которых он не снимал никогда, очень трудно, но Бог с ним.

Допустим, что Власову хотелось походить на Сталина.

Что из этого?

Генерал Филатов выводит из этого наблюдения, все.

«Почему генерал и — предатель? — риторически повторяет он. — Почему русский националист генерал Власов — и против русских? Почему за каких-нибудь 5–6 месяцев до ухода Власова к немцам Жуков пишет на него собственноручно блестящую характеристику. Или почему в обвинительном заключении нет ни слова о том, что Власов и его приближенные сами убивали или истязали кого-либо или совершали иные подобные действия? Почему тех, с кем генерал Власов предавал Родину, он называет не иначе, как „охвостьем“ и „подонками“? Этих „почему“, в общем-то, сегодня возникает множество. Отчего все-таки не посмотреть, хоть одним глазком, на генерала Власова не как на предателя № 1, а как, допустим, на русского генерала Власова, выполнявшего, к примеру, в Германском великом рейхе специальное задание?» (Курсив мой. — Н. К.).

Ответить на вопросы, поставленные Виктором Филатовым, нетрудно.

Потому и подписал Жуков хорошую характеристику на Власова, что за пять-шесть месяцев до ухода Власова к немцам, конечно же, не знал

и не мог знать, что он уйдет к немцам. Для Жукова — мы уже говорили! — Власов был обычным, вполне исправным советским генералом, вполне успешно участвовавшим в московском наступлении.

Потому и отзывается Власов неуважительно о своих сподвижниках, что такими и считал их. И не очень-то он оригинален в этом. Многие уголовники на скамье подсудимых поливают почем зря подельников, и эта ругань состава преступления никак не меняет.

И потому и нет в обвинительном заключении слов об участии Власова и его приближенных в убийствах и истязаниях, что никого не убивал Власов и не истязал. Генералы вообще редко кого-то убивают собственными руками, и в истязаниях участвуют только самые психически ненормальные из них. Генералы лишь подписывают приказы о расстрелах. А на московском процессе этот вопрос поднимался.

И это есть в материалах дела:

«Председательствующий. Подсудимый Мальцев, когда встал вопрос о переезде на юг Германии, предложили ли вы кому-то из своих подчиненных доложить о восемнадцати арестованных Власову и какие вы дали установки?»

Подсудимый Мальцев. Да, я предложил Тухольникову доложить о 18 арестованных Власову и просить его указания, как поступить с ними. Причем на шесть человек из числа арестованных дела были закончены, и я рекомендовал настаивать на их расстреле. Власов расстрел шести человек утвердил.

Подсудимый Власов. Да, так было, но это было единственный раз, когда я утверждал смертные приговоры, и то потому, что доложил мне об этом Мальцев».

Сложнее с последним вопросом...

«Отчего все-таки не посмотреть, хоть одним глазком, на генерала Власова. как на русского генерала, выполнявшего, к примеру, в Германском великом рейхе специальное задание?»

Ну, оттого, наверное, что на спецзадания агентов не засылают, сдавая для засылки армии. Понятно, что засылка агента — дело не простое и не дешевое, но целую ударную армию какому же агенту удастся отработать?

Ну, а главное, какой же агент Сталина осмелился бы написать о нем в «Открытом письме» то (посмотрите выделенные нами выражения!), что написал Власов?

Видимо, чувствуя, так сказать, недостаточность доказательной базы, Виктор Филатов пытается опереться на работу Главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции А.Ф. Катусева и капитана 1-го ранга В.Г. Оппокова.

«Они, — пишет Филатов, — констатируют: «взаимоотношения марионеточной „освободительной“ армии со своими „хозяевами“ были довольно сложными и запутанными. Командование вермахта в целях

пропаганды, стремясь придать РОА „патриотический, добровольческий“ характер, на всех перекрестках объявляло о самостоятельности „команды Власова“, дескать, лучшие представители русского народа да и сам народ восстал против Советов. Но, заставляло представителей вермахта держать командование и личный состав РОА под неусыпным строжайшим наблюдением, на любом участке иметь своих инструкторов и наблюдателей, а для пущей надежности сделать и „освободителей агентами и осведомителями гестапо. Отнюдь не случайно в материалах, хранящихся в уголовном деле Власова и его сообщников, множество разноречивых показаний».

Начнем с того, что авторы дотошно и добросовестно проштудировали все 29 томов уголовного дела «власовского ядра» — двенадцати бывших советских генералов и старших офицеров. Один из авторов — Главный военный прокурор. Для него, кажется, нет и не может быть закрытых документов по этому «уголовному делу», он «хозяин» этих документов, все они в его ведомстве; он — генерал-лейтенант юстиции — специалист высшей квалификации... И вдруг — оброненная как бы мимоходом фраза: «Взаимоотношения марионеточной „освободительной“ армии со своими „хозяевами“ были довольно сложными и запутанными», а чуть ниже опять неутешительная констатация: «в уголовном деле Власова и его сообщников множество разноречивых показаний». Для кого «разноречивые»? Для кого запутанные? «Разноречивыми» и «запутанными» они остались и в конце 29-го тома этого «уголовного дела»? «Разноречивыми» и «запутанными» они остались и для Главного военного прокурора после исследования им 29 томов «дела» 44 года спустя? Так распутали или не распутали в закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР в июле 1946 года под председательством генерал-полковника В.В. Ульриха «взаимоотношения» Власова и «власовского ядра» с немцами — это ведь «ядро» всего «дела»? Вроде, получается, как не распутали. Тогда почему вынесли всем смертный приговор?

В исследовании авторы приводят один из примеров этого «сложного и запутанного». Так, бывший начальник разведшколы Комитета освобождения народов России Беккер показывал: «немцы представляли „отделу безопасности“ КОНР возможность самостоятельно проводить свою работу в частях РОА и готовить агентуру для заброски в тыл Советского Союза. Материальные расходы, связанные с подготовкой и переброской агентуры в Советский Союз, СА брало на себя. Власов не только был осведомлен о деятельности разведшколы, но непосредственно ею руководил и направлял ее работу.». Авторы замечают по этому поводу, что сам же Власов по-иному оценивал предоставленные ему «ответственность и самостоятельность». Вот что он сообщил на одном из допросов: «Должен признать, что после создания мною в ноябре 1944 года, по

указанию Гимmlера, Комитета освобождения народов России, СА предложило мне организовать подготовку и засылку диверсантов в тыл советских войск. В декабре 1944 года вместе с постоянным представителем Гимmlера при мне, обер-фюрером СС Крэггером, ко мне явился штурмбаннфюрер СС Радецкий, который заявил, что ему руководством СД поручено договориться со мной о совместном налаживании диверсионной деятельности на советской территории. Я заявил Радецкому, что надо готовить тысячи таких агентов, которые могли бы после переброски в СССР стать руководителями повстанческих отрядов, наносящих удары Красной армии с тыла».

Иными словами, Власов берет на себя еще большую вину, он не делит ее с Радецким, который договаривался с ним «о совместном налаживании диверсионной деятельности на советской территории. Почему действительно так странно ведет себя на допросе Власов? Он же не враг себе. И потом, что за причина была «отшивать» Радецкого от совместной работы по подготовке диверсантов для заброски «на советскую территорию»? Зачем Власову понадобилось пугать Радецкого несусветными масштабами подготовки диверсантов: «что надо готовить тысячи таких агентов, которые могли бы после переброски в СССР стать руководителями повстанческих отрядов, наносящих удары Красной армии с тыла»? О каких тысячах агентов такого класса и уровня, чтобы каждый из них стал руководителем «повстанческих отрядов», вообще идет речь? Зачем Власов блефует? Он же знает, что сделать это невозможно. Физически невозможно. Чтобы Радецкий перепугался огромности работы и сам отказался от совместной деятельности? Зачем? Может, потому, что как раз очень хорошо знал Власов: немцы стараются «держатъ командование и личный состав РОА под неусыпным строжайшим наблюдением, на любом участке иметь своих инструкторов и наблюдателей»? Допустим, Радецкий — тот самый их «наблюдатель», и что из этого следует? Власов-то еще больше для немцев свой, чем какой-то Радецкий. Почему он хочет избавиться от Радецкого? К сожалению, ни следователь, ни те, кто вел судебное заседание, этого вопроса Власову так и не задали. Почему? К сожалению, и наши исследователи не задали себе этого вопроса, а только констатировали «довольно сложные и запутанные» взаимоотношения марионеточной «освободительной» армии со своими «хозяевами». Однако сегодня этого уже недостаточно... ^[65]

Что верно, то верно.

Недостаточно только констатировать существование трений во взаимоотношениях Власова с нацистами, надо проанализировать и причины, обусловившие эти трения. Однако для того, чтобы проанализировать все сложности взаимоотношений Власова с немцами, совсем не обязательно возводить его в чин генерала ГРУ.

И насчет разноречивости показаний удивляться не надо.

Лидеры РОА и КОНРа по многим позициям расходились во взглядах, когда только создавались КОНР и РОА, и оценки ими минувших событий просто не могли не различаться.

Кроме того, все они пришли в КОНР с легендами, сочиненными про себя ими самими или сотрудниками «Вермахт пропаганды», и это не могло не запутывать показания.

— Почему, — риторически спрашивает Филатов, — следствие не прояснило все до конца, не распутало противоречий?

Ну, если бы следствие действительно поставило своей задачей распутать все противоречия, оно, наверное, продолжалось бы до нынешних пор.

— Почему всем вынесли смертный приговор? — не унимается генерал.

Вот это уж воистину всем вопросам вопрос. Задать его может только человек, совершенно лишенный чувства времени.

Вот если бы в 1946 году оправдали какого-либо немецкого пособника, это было бы дивно. Тогда действительно стоило бы подумать, кто же он — этот человек.

Опровергать доводы Виктора Филатова так легко, что в результате, сами эти опровержения теряют всякую значимость.

Это как с тополиным пухом. Ничего не стоит смахнуть его со скамейки, но, покружившись, пух осядет вновь.

У Филатова в книге и не аргументы, а так — темперамент, динамика, накат.

Слова сцепляются в его рассуждениях друг с другом, как тополиные пушинки, затягивая сознание читателя.

Филатов, как правило, и не аргументирует, и не доказывает ничего. Факты мелькают в его руках, не сцепленные никакой логической связью, подобно картам в руках шулера.

Нужные комбинации возникают, потому что банкомет успевает подсунуть нужную карту. Мы уже иллюстрировали это примером «анализа» Виктором Филатовым разговора генерала Власова с Эренбургом.

Можно привести и другие примеры.

Отметим при этом, что, как и положено при такой игре, генерал Филатов сохраняет невозмутимый вид человека, посвященного во все тайны спецслужб, неведомые обыкновенным смертным.

«В штабе Ленинградского военного округа Власов в должности „пом. начальника 1-го сектора 2-го отдела“. Вдруг с пом. начальника отдела боевой подготовки его перебрасывают „начальником учебного отдела курсов военных переводчиков разведывательного отдела ЛенВО“. А это что такое? При чем тут отдел боевой подготовки округа и курсы военных переводчиков? Читать это надо так: полтора года Власов был слушателем этих самых курсов разведывательного отдела ЛенВО, на которых он полтора года изучал в том числе и какой-то из

иностранных языков. Может быть, немецкий? Но самое элементарное состоит в том, что преподавать, а тем более быть „начальником учебного отдела курсов военных переводчиков разведывательного отдела“ такого, по тем временам стратегически важного военного округа, как ЛенВО, мог только в высшей степени классный разведчик»

[66].

Как мы видим, Виктор Филатов ненавязчиво намекает здесь, что он-то уж знает, как и что надо читать.

Полтора года Власов был, по его мнению, не начальником курсов военных переводчиков, а

слушателем этих курсов. Язык изучал. Может быть, немецкий? Но почему после этого Власов никак не обнаружил знания немецкого языка, Филатов не объясняет, как не объясняет и того, почему надобно читать анкету Власова именно так, а не иначе.

Но согласимся... Прочитаем, как предлагает нам господин Филатов...

«Самое элементарное», — говорит Филатов и объясняет, что только высококлассный разведчик мог быть начальником учебного отдела курсов военных переводчиков.

Опять-таки, допустим, что это так, хотя это совсем не элементарно и не очевидно. Но ведь Филатов только что объяснял нам, как «надо читать», и по его прочтению выходило, что Власов был только слушателем на курсах. И вдруг, без всякого перехода, Власов становится начальником и, следовательно (по Филатову: элементарно), высококлассным разведчиком.

А чего стоят рассуждения Филатова о псевдониме, под которым работал Власов в Китае?

«В Москве же, до выезда в Китай, Власову была определена кличка — „Волков“. Интересно, какую кличку носил Власов, когда он уже работал в Берлине? Я думаю, ту же — „Волков“. Почему? В разведке ничего не берется с потолка. „Волков“ — Волк. Кличка разведчика — это спрессованная в одно слово, выраженная одним словом суть его, главное в нем, отличное от других. Кличка разведчика равна смыслу слова „человек“, „зверь“, „пресмыкающееся“. Кличку в разведке может тебе дать твое руководство, и это будет его, спрессованное в одно слово видение тебя — ты одним словом. Но кличку себе может предложить и сам разведчик, и это будет видение себя, спрессованное в одно — ты одним словом. Как в деревне, там кличка — твой рентгеновский снимок на всеобщем обозрении. Кличка в разведке — это всегда глубоко закодированная информация о конкретном человеке. Так какая биография или, может, автобиография Власова закодирована кличкой „Волков“? Где ключ к шифру? Может, в слове „Волк“?» <.. >

Итак, товарищ Волковласов?

«... Туловище у всех представителей семейства удлиненное, покоящееся на стройных, высоких или сравнительно коротких ногах (Андрей Власов был прекрасно сложен, с длинными ногами, росту 1,96 см. — В. Ф.). Представители семейства распространены по всем материкам и населяют все ландшафты, от арктических тундр и тайги до степей, пустынь и гор. Особенно многочисленны в открытых местностях. Ведут одиночно-семейный или групповой образ жизни. Деятельны круглый год. В большинстве случаев они моногамны. (О жене Андрея Анне будет у нас разговор. Андрей, как истинный „Волк“, был „моногамен“. — В. Ф.) Внешний облик волка свидетельствует о его мощи и отличной приспособленности к неустойчивому бегу, преследованию и нападению на своих жертв. Волк отличается большой экологической пластичностью. Он живет в самых разнообразных ландшафтах. Для волков типичен семейный образ жизни» ^[67].

И так далее, и тому подобное, на многих страницах.

Это уже — клиника.

С подобной «аргументацией» надо разбираться, пользуясь пособием по психиатрии.

И все-таки трудно удержаться и не привести главного «аргумента» Филатова, его, так сказать, «коронного» доказательства.

«Юлиан Семенов был писатель, он писал не портретный очерк, а роман, и был прав совершенно. Но главный аргумент его этот: „Наша разведка знала все, что делается в Берлине? Знала. Ведь мы же узнали о сепаратных переговорах американца Даллеса с генералом СС Вольфом? Узнали. Даже обнародовали сразу же в прессе и на радио. Значит, был у нас там такой источник информации? Был. А какой он был конкретно — я тебе нарисовал в образе моего Штирлица. Есть вопросы?“ У меня вопросов к Юлиану Семенову не было, потому что он как писатель и тут был прав. Сегодня я, может быть, предложил бы ему в прототипы „нашего человека“ в высших эшелонах власти в Берлине Андрея Андреевича Власова, кстати, „фанатично преданного идее сепаратного соглашения немцев с американцами“. Он прямо купался в этой идее. Только по чьему заданию? Зачем? Чтобы держать под своим контролем действия немцев в направлении сговора американцев с немцами у нас за спиной?

Позарез требовался нам «свой человек» в Берлине — в вермахте и в СС, в гестапо и в канцелярии Гитлера. Выбор пал на Власова. Почему? Во-первых, изъят в автобиографии — окончил духовное училище, учился в духовной семинарии, а это значит, притесняем большевиками, изгой, то есть заклятый враг большевиков. Во-вторых, более 10 лет сидел в одном и том же полку — значит, затираем большевиками. В-третьих, служил в штабах, да еще в отделах боевой подготовки в двух самых важных для немцев наших военных округах. Заполучить такого офицера — мечта каждой разведки» ^[68].

Не будем даже спрашивать, как это Власов держал под своим контролем действия немцев, когда это он был «фанатично преданным идее сепаратного соглашения немцев с американцами»?

Тут интереснее другое.

Мы здесь сталкиваемся с совершенно невыносимой для здорового человека логикой.

Если нам был нужен «свой человек», значит, это Власов и был.

Доказательства излишни. Главное, что Власов, по соображениям Филатова, подходит на эту роль.

Разумеется, можно было бы и не анализировать столь подробно эти идеи, если бы они не были знаменем нашего времени, если бы за ними не стояла вполне конкретная угроза духовному здоровью нации.

Только в обществе, где разрушаются нравственные устои, где история становится способом сведения счетов и достижения политических целей, мог случиться рецидив патриотической шизофрении, преобразивший Иосифа Сталина в великого русского патриота.

Да. Уничтожив Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Каменева, Сталин, может быть, спас Россию. Но нужно ясно понимать, что он делал это, спасая не Россию, а собственную власть.

И хотя вроде бы тут и нет разницы — ведь объективно уничтожение ленинской гвардии пошло на пользу России, — на самом деле разница огромная. Сталин ради упрочения своей власти так же легко, как товарищей по партии, готов был принести в жертву и интересы России.

И приносил.

Например, во время коллективизации. Или когда чертил на карте границы республик, приписывая к Казахстану и Украине населенные русскими людьми области.

Понятно, что охаивание Сталина демократической прессой стало местью России за отвергнутых революционных реформаторов, понятно, что, защищая И.В. Сталина, патриотические публицисты думают, что защищают Россию.

Увы. Защитить Россию, защищая одного из главных ее разрушителей, невозможно. Более того, сама эта защита — продолжение разрушения России.

Зло не может превратиться в добро, даже если оно мешает другому злу. Враг не становится другом, если он даже и враждует с другим нашим врагом.

Ошибка эта для русских патриотов типичная.

Ее совершали в брежневские годы, пытаясь русофобские взгляды Ленина использовать для борьбы с врагами России. Эту ошибку совершали и раньше, когда пытались представить Петра I — этого ненавистника православия и всего русского, русским патриотом.

Подобные манипуляции с Петром I и Лениным при существовавших цензурных ограничениях и определенной профессиональной ловкости

сходили с рук, но сейчас — слава Богу! — видимость результата выдать за результат сложнее.

И если мы хотим возродить Россию, мы должны очистить нашу историю от вредной и губительной для общественного самосознания мифологии, не важно, кем — демократами, коммунистами или нашими монархами — создана она.

Андрей Андреевич Власов не был ни злодеем, ни героем.

Он был человеком, попавшим в очень непростую ситуацию. Он сделал неверный выбор.

Но он был живым русским человеком и, ошибившись, продолжал искать выход.

Он не находил его — найти было невозможно! — но он мучился, метался. Он тосковал по выходу и порою, сам того не сознавая, открывал истины, которые неплохо было бы прозреть и нам.

Глава пятая

По книге Штрик-Штрикфельдта можно проследить, что сотрудники Гелена предпринимали искуснейшие дипломатические ходы, чтобы продвинуть вперед дело создания Русской освободительной армии.

Вот характерный пример.

Однажды, так как начальства не было на месте, на телефон капитана Штрик-Штрикфельдта на Викториаштрассе был переведен звонок от адъютанта фельдмаршала Кейтеля.

— Господин фельдмаршал хочет немедленно знать, что, собственно говоря, представляет собою эта «Русская освободительная армия»?

Штрик-Штрикфельдт лихорадочно перебрал варианты ответа.

Неверный шаг мог стать роковым, но выхода не было, пришлось рискнуть. Впрочем, как скромно сообщает Вильфрид Карлович в своей книге, он уже научился у Гроте кое-чему из области так называемой ведомственной дипломатии.

— В настоящее время Русская освободительная армия, — доложил он, — есть собирательное обозначение для всех сражающихся в рядах германской армии частей русских добровольцев ^[69], которые, аналогично частям других национальностей, различимы уже по соответственным значкам на их форме.

— Ясно, — подумав, сказал адъютант. — Благодарю вас. Пожалуйста, срочно передайте это объяснение по телеграфу в Главную ставку.

Это уже могло иметь неприятные последствия не только для Власова, но и для начальства Штрик-Штрикфельдта, и он отправился искать Веделя.

— Теперь, кажется, дело действительно сдвинется, — выслушав Штрик-Штрикфельдта, сказал тот. — Разговор, однако, должны подтвердить вы лично, так как вы его вели. Я согласен с вашим объяснением, рекомендую только вашему тексту предпослать фразу: «По еще не утвержденным предложениям начальника ОКВ/ В. Пр.» Если Кейтель проглотит это, это будет означать, что понятие «Освободительная армия» санкционируется ОКВ и для русских частей. Тогда вы сможете в ваших газетах и в Дабендорфе говорить и писать о ней уже без риска. Отправьте телеграмму, а там посмотрим, что дальше будет. Я от своего слова не откажусь.

Однако все эти блистательные ходы «ведомственной дипломатии» результата не имели.

Попытка Андрея Андреевича Власова подредактировать национал-социалистическую идею и раньше не встречала сочувствия у вождей Рейха, теперь же Гитлер был взбешен политическими выводами, которые его генералы делали из выступлений Власова.

Над головою генерала сгущались тучи, а 8 июня 1943 года разразилась и гроза.

В этот день в Бергхофе — горной резиденции Адольфа Гитлера в Верхних Альпах, состоялось совещание.

На нем присутствовали: генерал-фельдмаршал Кейтель, личный адъютант фюрера генерал-лейтенант Шмундт, новый начальник Генерального штаба генерал Курт Цейтлер и полковник Шерф.

Говорили о восточной политике, о Власове, о Русской армии.

Ясно и четко было объявлено, что никакой Русской освободительной армии создаваться не будет и все выступления пленного генерала — лишь пропагандистский ход, рассчитанный к тому же не на жителей оккупированных территорий, а на действующую Красную армию.

Впрочем, трудно было ожидать иного решения Гитлера.

Сохранилась стенограмма ^[70] этого совещания...

Оно началось в 21 час 45 минут и закончилось глубокой ночью.

— Вопрос об отношении к пленным, добровольцам из пленных и батальонам из местных жителей на Востоке представляется мне в данный момент в следующем виде. — открывая совещание, начал свой доклад генерал Кейтель. — Вся пропаганда Власова, которую он развернул, так сказать, самодельным порядком, послужила основой для нынешней капитальной пропаганды, проводимой под условным наименованием «серебряный лампас» и рассчитанной на привлечение перебежчиков. С этой целью были выпущены листовки, содержание которых мы тогда согласовали с рейхсминистром Розенбергом. Он их одобрил и санкционировал. И тогда, с начала мая, можно сказать, развернулась широкая тотальная кампания. Мы в них с целью пропаганды обещаем, что, если они перейдут к нам, они встретят у нас особое обращение.

— Я видел эту листовку... — проговорил Гитлер.

— Тогда нами и было отдано распоряжение, чтобы перебежчики направлялись в специальные лагеря.

— Это все правильно. Дальше!

— И чтобы в дальнейшем они могли вызваться добровольно на роли — прежде всего, обыкновенных рабочих, во-вторых, добровольных помощников на оборонных работах и, в-третьих, при соответствующих обстоятельствах для зачисления в туземные соединения.

— Этого мы в листовках не имеем в виду! — перебил его Гитлер.

— Мы не имеем этого ввиду и в приказе № 13, — заметил начальник Генерального штаба Цейтлер.

— Это сказано позднее, — проговорил Кейтель. — Об этом сделал распоряжение командующий Восточными вооруженными силами, на этот счет я осведомлялся. Если добровольные помощники в течение определенного испытательного периода зарекомендуют себя, они могут просить о зачислении в туземные соединения. Эта пропаганда опирается на листовки, которые подписываются национальными или «национально-русским комитетом». В этих листовках мы им говорим: с вами будут хорошо обращаться, вы получите хорошее питание, вы получите работу, у нас вы можете вступить в Русскую национальную освободительную армию.

— Вы так и пишете: в Русскую национальную освободительную армию?! — переспросил Гитлер. — Но об этом следовало раньше доложить мне.

— Этот пункт играл важную роль.

— А я считаю, что необходимо избегать такого положения, когда у нас могли бы создаться ложные представления. Необходимо различать право пропаганды, которую я направляю на ту сторону, и то, что в конечном счете мы делаем на самом деле, — заметил Гитлер, но замечанием этим не ограничился. — Не следует допускать даже малейшей мысли насчет того, что мы хотели бы найти, скажем, компромиссное решение. В этом смысле мы имели трагический урок уже в Первую мировую войну в отношении Польши.

Фюрер напомнил историю польских легионеров, задуманных во время Первой мировой войны для борьбы с русскими войсками, но в результате повернувших в самый неподходящий момент оружие против немцев. Увлечшись, Гитлер обрушился на эмигрантов, которые не только без числа сидят в хозяйстве Розенберга, но, к сожалению, имеются и при армиях. Это — бывшие балтийские дворяне и другие балтийские немцы. Не забыл Гитлер упомянуть и украинских эмигрантов, которые обжились в Германии и, к сожалению, даже приобрели гражданство, и которые, естественно, смотрят на немецкую освободительную кампанию с большой радостью.

— Но они видят не наши национальные цели, в перспективе они видят свои собственные цели, — сказал Гитлер. — Каждый народ думает о себе и ни о чем другом.

— В дополнение к этому осмелюсь доложить, — сказал Кейтель, когда фюрер закончил свою речь, — что, когда Польша действовала против нас, немецкие офицеры, как, например, один командир Кавалерийского полка, состоявший в немецкой армии и четыре года участвовавший в боевых действиях, перешли на сторону Польши, чтобы принять на себя командование соответствующими подразделениями. Польское столбовое дворянство!

— Да! — кивнул Гитлер. — На сегодня перед нами встает именно такая опасность. Приказ № 13 вообще не подлежит обсуждению. Равным образом и другие вещи можно делать с таким расчетом, чтобы практически из них не вытекало никаких даже самых незначительных последствий и чтобы, прежде всего, не допустить распространения такого образа мыслей, какой я, к сожалению, уже обнаруживал у некоторых субъектов. Я могу лишь сказать: мы никогда не создадим русской армии — это фантазия первого разряда. Прежде чем мы это сделаем, будет гораздо проще, если я из этих русских сделаю рабочих для Германии, ибо это в гораздо большей степени является решающим фактором.

Мне не нужно русской армии!

Если я взамен этого получу русских рабочих, это меня вполне устраивает. Я могу тогда высвободить немцев, я могу соответствующим образом переквалифицировать русских. Наибольшим достижением для нашего производства будет являться рабочий, который будет занят на работе в Германии и которого мы должны, естественно, снабжать совершенно иначе, чем немцев.

Одного нам нужно решительно избегать — чтобы у нас неожиданно не возникла мысль: может быть, наступит день, когда дела у нас пойдут плохо, — и нам нужно только создать украинское государство, тогда все будет в порядке, тогда мы получим один миллион солдат.

Мы ничего не получим, ни одного человека! Это такая же фантазия, как и тогда. Мы совершили бы величайшую глупость. Мы прежде всего упустили бы из виду цель настоящей войны... Никаких отдаленных целей я намечать не могу в смысле создания независимых или автономных государств. Ибо начинается дело, и всегда оно кончается независимым государством. Это совершенно ясно, таков бывает заключительный аккорд песни.

Здесь нужно ставить вопрос со всей остротой, чтобы у нас не возникало никаких ложных представлений!

— Мы имеем всего 78 туземных батальонов., - доложил начальник Генерального штаба, — 1 полк и 122 роты. Это все. Из этих 78 батальонов 47 находятся в распоряжении фельдмаршала, на Украине и в распоряжении командующего запасной армией. Так что, собственно, — впереди остается немного, и все они очень распылены, поскольку они находятся впереди. Далее имеется особая категория численностью в 60 000 человек. Это — некоторая разновидность охраны. Они сведены

в совершенно мелкие группы. О добровольных помощниках — их приблизительно до 220 000 человек. Они распределены в войсках примерно по 4-5 человек на одного артиллериста. Их нельзя убирать.

— В этих добровольных помощниках я не усматриваю никакой проблемы, — сказал Кейтель. — Что касается туземных соединений, то там дело опаснее, так как они сведены в достаточно крупные единицы.

— Имеется только одно-единственное подразделение полкового типа, — возразил Цейдлер. — Все остальные сведены в батальоны. Это также не представляет опасности.

— С моей точки зрения, — прервал этот спор Гитлер, — решающий момент заключается не в самом факте существования этих соединений, а в том, что мы ни в коей мере не должны дать себя обмануть насчет того, чего вообще мы можем от них ждать и какое действие это произведет на другую сторону.

— Я позволю себе заявить, — проговорил Кейтель, — что мы будем рассматривать национальный комитет Власова как чисто пропагандистское средство.

— Но необходимо провести резкую черту, — сказал Цейдлер. — Там, где дело касается противника, там можно все делать, а что происходит внутри, там дело обстоит иначе. Здесь должна быть ясная граница.

— Я этот вопрос еще раз поставил перед Розенбергом совершенно четко, — сказал Кейтель. — Я задал ему вопрос: каковы их собственные намерения в отношении национального комитета? Что касается нас, то мы предполагаем использовать их в целях пропаганды для возможно более широкого привлечения перебежчиков.

Его ответ: сведение этих добровольных помощников (так он их называет) и русских, украинских, кавказских, татарских боевых соединений в Единую русско-украинскую освободительную армию, а также, добавлю я, использование этого предприятия с пропагандистскими целями.

Здесь мы имеем дело не только с использованием в целях пропаганды, но и особого рода сосредоточением. А это есть именно то, чего фюрер не желает.

Оказалось, что того, чего не желает фюрер, не желает никто.

— Сосредоточение я считаю совершенно неправильной мерой, и уж ни в коем случае в форме дивизий, — поспешил заявить начальник Генерального штаба. — Батальоны еще допустимы, их легко держать в руках. Но соединения выше этого не должны допускаться, за исключением казачьей дивизии. Эта последняя будет вести себя вполне порядочно.

— Я сказал бы, что, если бы мы успешно удержались на Кавказе, мы могли бы наверняка получить соединения не у грузин, а у мелких тюркских народов, — с сожалением проговорил Гитлер.

— Такие соединения есть! — торопливо отозвался Кейтель. — Они будут составлять исключение из вышеуказанного правила, так как они

являются сильнейшими врагами большевизма. Они стоят вне дискуссии. Это — турецкие легионы. Это чисто туземные соединения. Я еще раз могу указать на то, что мы говорили в прошлом году, в начале сентября, они особо отличились в борьбе с бандами... Эти роты, поскольку они состоят из безусловно надежных элементов на добровольческой основе, могут быть оставлены и дальше, а также могут создаваться заново.

Разговор о Власове начал личный адъютант Гитлера Шмундт.

Он сказал, что его беспокоят поездки Власова на фронт. Власов разъезжает всюду в качестве проповедника и проповедует национальное освобождение как в населенных пунктах, так и перед добровольными помощниками и войсками.

— Это я уже запретил, — сказал Кейтель.

— Генерал-полковник Линдеман говорит не совсем так, как думает господин фельдмаршал! — возразил Шмундт. — Он говорит, что, несомненно, этим больше всего затруднил борьбу с партизанами.

Линдеман говорит, что теперь наступил момент, когда одно из двух: или надо сделать уступку этому Власову, даже если мы не намерены остановить его, и сказать: «Вы за это получите то-то и то-то», или все это дело надо отклонить начисто. Иначе это ударит нам в спину, люди станут выражать недовольство и вместо того, чтобы обслуживать железнодорожную сеть, в один прекрасный день начнут саботировать ее.

«Фюрер. Вообще этот генерал Власов в наших тыловых районах мне совершенно не нужен.

Шмундт. Но он там работает.

Фюрер. Это необходимо прекратить. Он мне нужен только на передовой.

Шмундт. Командующие армиями хотели бы получить такое решение.

Кейтель. Это дело решенное.

Фюрер. Цейтлер, для нас вопрос ясен, для тыла этот Власов нам не нужен. Он может действовать только в сторону противника.

Цейтлер. Только в сторону противника своим именем и своими снимками».

Таки была решена судьба власовского движения. Одни считают, что на год, но на самом деле — навсегда.

В стенограмме воспроизведены лишь прозвучавшие на совещании речи, но то, что думали, что чувствовали, произнося и слушая их, участники совещания, не вошло в протокол.

И очень трудно отделаться от ощущения, что, рассуждая о Власове и изрекая приговор ему, Гитлер думал не только о Власове, а о чем-то гораздо более важном для него.

Напомним, что шел июнь 1943 года.

Меньше месяца оставалось до Курской битвы.

Четыре месяца миновало с того дня, когда в Сталинграде сдался фельдмаршал Паулюс.

Четыре месяца назад на совещании в ОКВ Гитлер сказал все, что он думал и про Паулюса, и про его капитуляцию. Вот его слова.

«Они сдались там по всем правилам. Можно было бы поступить иначе: сплотиться, образовать круговую оборону, оставив последний патрон для себя. Если отказывают нервы, не остается ничего другого, как застрелиться. можно было бы сказать: человек вынужден застрелиться, подобно тому как (раньше полководцы) бросались на меч, если они видели, что сражение проиграно».

«Представьте себе: он прибудет в Москву, и вообразите себе эту „крысоловку“! Там он подпишет все. Он будет делать признания и составит воззвания. Вот увидите: теперь они пойдут по пути бесхарактерности до предела, докатятся до глубочайшего падения. Он в ближайшее время выступит по радио, вот увидите. Зейдлиц и Шмидт будут говорить по радио. Они запрут их в крысином подвале на Лубянке, и через два дня они будут настолько измучены, что немедленно заговорят. Как они могли поступить так трусливо? Я не понимаю этого».

«Что такое „жизнь“? Жизнь. Отдельная личность должна умереть. Что остается от отдельного человека? Это народ. Но как может человек испытывать страх перед той секундой, когда он может освободиться от земных тягот, если долг не удержит его в юдоли печали?..

Мне это потому так досадно, что из-за одного-единственного слабовольного, бесхарактерного человека перечеркнуто мужество столь многих солдат, и теперь этот человек сделает это.

В эту войну никто больше не получит звание фельдмаршала. Все это будет сделано только после окончания войны. Не выдав вечера, и хвалиться нечего».

В этой гитлеровской риторике, в потоке раздражительности и брюзжания есть достаточно справедливые оценки и рассуждения, но, главное, тут прорывается, как озарение, мысль, действительно достойная того, чтобы быть сохраненной для поколений.

— Что такое жизнь? — риторически спрашивает Гитлер. — Жизнь... Отдельная личность должна умереть. Что остается от отдельного человека? Это народ.

И через какое-то время:

— Мне это потому так досадно, что из-за одного-единственного слабовольного, бесхарактерного человека перечеркнуто мужество столь многих солдат, и теперь этот человек сделает это.

Слова эти сказаны по поводу своего фельдмаршала.

Власов — генерал вражеской армии.

То, что Власов теперь сделает это, для Гитлера выгодно, это надо использовать, но презрение, неприятие Власова как предателя Гитлер не может преодолеть в себе, хотя для него вроде бы и выгоднее

принять план Гелена. Но Гитлер очень часто поступал и будет поступать не так, как выгодно, а как, он чувствует, надо поступить.

Мистически Власов для него — это Паулюс. На Власове вымещает Гитлер то, что он хотел сделать с Паулюсом, сдавшемся в плен.

Завершая заседание, фюрер сказал, что следует разослать стенограмму заседания всем командующим.

— Это было бы очень хорошо, — восхитился мудростью фюрера Кейтель. И пояснил, повторяя на свой лад только что прозвучавшие слова Гитлера: — Ибо получается маленький самообман. Люди надеются получить разгрузку, а не знают, какое беспокойство они сами себе создают, какую вонь они заводят у себя в тулупе.

Глава шестая

«Власов и его соратники, — пишет Штрик-Штрикфельдт, — всегда надеялись, что здравый смысл должен когда-то победить. Было роковым для германского народа, что в то время не оказалось рядом с Гитлером никого, кто мог бы ему противостоять».

Поначалу вермахтпропагандовскому начальству Власова казалось, что совещание в Верхних Альпах не отразится на их работе.

Более того, Штрик-Штрикфельдт считал, что после совещания, положение даже улучшилось. Ведь самостоятельная активность Власову и так была запрещена после поездки в Гатчину, а теперь сам фюрер пусть и формально, но согласился с употреблением его имени для пропаганды на ту сторону.

Об этом он и сказал генералу Гелену.

Гелен внимательно посмотрел на него и спросил, как будет реагировать на это сам Власов?

— Я должен переговорить с ним открыто, — сказал Штрик-Штрикфельдт. — Это принципиальное и, может быть, окончательное решение, которое выбивает почву из-под соглашения, заключенного между мною и Власовым.

— Фюреру Власов не нужен, — задумчиво сказал Гелен. — Но нам всем он очень и очень нужен. Скажите ему это.

Объяснение Штрик-Штрикфельдта с Власовым произошло в присутствии Малышкина и Деллингсхаузена.

Штрик-Штрикфельдт сказал Власову, что все усилия офицеров изменить политический курс в пользу Русской освободительной армии окончились провалом.

Теперь Власов знал правду. Для него эта новость оказалась неожиданной и тяжелой.

Штрик-Штрикфельдт попытался ободрить его, передав ему слова Гелена. Больше ему нечего было сказать.

— Я всегда уважал германского офицера за его рыцарство и товарищество, за его знание дела и за его мужество, — сказал Власов. — Но эти люди отступили перед лицом грубой силы; они пошли на моральное поражение, чтобы избежать физического уничтожения. Я тоже так делал! Здесь то же, что и в нашей стране, — моральные ценности попираются силой. Я вижу, как подходит час разгрома Германии. Тогда поднимутся «унтерменши» и будут мстить. От этого я хотел вас предохранить... Я знаю, что будут разные оценки нашей борьбы. Мы решились на большую игру. Кто однажды уловил зов свободы, никогда уже не сможет забыть его и должен ему следовать, что бы ни ожидало его. Но если ваш «фюрер» думает, что я соглашусь быть игрушкой в его захватнических планах, то он ошибается. Я пойду в лагерь военнопленных, в их нужду, к своим людям, которым я так и не смог помочь.

Генерал Гелен не допустил, чтобы Власова возвратили в лагерь. Срочно был подыскан особнячок на Кибиц Вег.

Здесь и поместили взятого немцами под домашний арест генерала Власова.

Узкий палисадник отделял виллу от улицы. Сзади имелся участок в тысячу квадратных метров.

На первом этаже находились две комнаты. Одну, с окнами в сад, превратили в кабинет генерала, а вторую — в гостиную и столовую. На втором этаже — три спальни. Для Власова, для его заместителя — генерала Малышкина, для адъютантов Власова и Малышкина. Еще были повара, денщики.

Охраной и всем порядком на вилле, где Власов находился как бы под арестом, ведал теперь Сергей Фрелих.

Поскольку он и обеспечивал «домашний арест» генерала, надо и его представить читателям, тем более что в дальнейшем мы будем еще неоднократно ссылаться на воспоминания, оставленные им.

Отец Сергея Борисовича (Бернгардовича) Фрелиха был балтийским немцем из Пернова в Эстонии.

Мать происходила из силезского рода фон Зибертов.

До 1920 года семья Фрелихов жила в Москве.

В декабре 1920-го переехали в Ригу. Здесь Сергей закончил гимназию. Потом учился во Фридриховском политехникуме.

В 1927 году получил диплом инженера.

«Фрелих, — пишет Штрик-Штрикфельдт, — был немцем, русским и латышом, то есть он был настоящим европейцем».

Столь лестную оценку Вильфрид Карлович дал Фрелиху в своей книге. В жизни же он отнесся к приятелю, с которым играл в юности в хоккей, более настороженно.

«Штрик-Штрикфельдт, — пишет сам Сергей Фрелих, — подозревал, что я подослан какой-то партийной организацией, чтобы установить слежку за ним. Я почувствовал это при первом свидании и начал

разговор с полной откровенностью. Я — владелец хорошо работающей фирмы в Риге; у меня нет оснований беспокоиться о зарботке, я имею достаточно денег. Я мог бы обеспечить свое будущее в балтийских странах, ведь фирма моего отца приносит очень хороший доход. Но к чему все эти соображения на будущее, если мы проиграем войну? И единственный шанс выиграть ее я усматриваю во власовском начинании».

Сергей Фрелих вспоминает, что разговор со Штрик-Штрикфельдтом происходил в меблированных комнатах недалеко от Курфюрстендамм.

Штрик-Штрикфельдт открыл бутылку коньяка, а Фрелих разоткровенничался, рассказывая, как он жил в Риге, когда в город вошли советские войска.

Его дочери было восемь лет. Она пошла в школу, и там ей сказали, что она должна любить Сталина больше, чем своих родителей.

— Это правда, папа? — спросила она.

— Правда! — сказал Фрелих.

— Но я же соврзу, если скажу так. — заплакала дочка.

Этот эпизод, как рассказывал Фрелих, и побудил его пойти в Латышскую армию, а затем — в вермахт.

Штрик-Штрикфельдт, который и сам пошел добровольцем в немецкую армию за две недели до нападения Германии на СССР, кивал Фрелиху. Он очень хорошо понимал голубоглазого сотоварища по хоккейным матчам.

Как видно по книге Сергея Фрелиха, он был, если и не умнее Вильфрида Карловича, то ироничнее.

Ирония и позволяла ему более беспристрастно смотреть на Андрея Андреевича Власова.

Сергей Фрелих вспоминает, как проходило время опального генерала.

Утром гулял по саду.

Потом слушал доклады и сидел над военными картами.

«Атмосфера в доме была своего рода смесью конспирации, домашнего уюта и ожидания, — пишет Сергей Фрелих. — Власов все время ожидал, что что-то должно произойти. Но ничего не происходило».

Это свидетельство чрезвычайно ценно, потому что именно в это время агитация Власова начала тревожить Москву. С сорок третьего года — до сих пор о судьбе Андрея Андреевича молчали — начинается мощная антивласовская пропаганда.

В общем-то, это понятно.

Под угрозой оказалась не только возможность, пусть и ценою бесчисленных жизней русских, украинцев, белорусов, поддерживать в населении ужас перед немцами.

Смешно, но это как раз и не беспокоило Москву, поскольку уже ясно стало, что ее верным и надежным помощником в этом вопросе является сам гитлеровский Берлин с его незыблемой ост-политикой.

Нет, не этого опасалась Москва. Внезапно там осознали, что действие воззваний Власова не ограничивается их влиянием на исход боевых операций.

Оно было шире. Оно подрывало сами основы большевистской русофобии, которую, несмотря ни на какие погромы в ЦК ВКП(б) и чистки в правительстве, продолжало исповедовать советское руководство. Поэтому срочно нужно было скомпрометировать Власова, и скомпрометировать именно в глазах русских людей.

Понимал ли это Власов? Безусловно, понимал.

— Заметьте себе, господа, — рассуждал он за партией в преферанс. — У нас отъявленным врагом режима и изменником родины принципиально считается каждый думающий иначе. Или просто ищут козлов отпущения. Поэтому советские люди выучились внешне соглашаться с требованиями режима. Что они думают и чувствуют — они тщательно скрывают. Это привело к известной шизофрении — что и есть одно из величайших преступлений большевистских вождей. Говорят, что национал-социализм и большевизм — два сапога пара... Это, конечно, неверно. Вы можете критиковать, иметь свое мнение и даже настаивать на нем. У большевиков такое не позволено. Но какая, скажите мне, разница?

«Обычный порядок дня усложнялся обильными возлияниями в любое время, — пишет Сергей Фрелих, вспоминая те дни, — но особенно по вечерам, при игре в преферанс, одну из самых популярных карточных игр в России, похожую на бридж».

Когда Штрик-Штрикфельдт отказывался пить, Власов пил с Фрелихом.

Когда Фрелих пытался отказаться от выпивки, Власов каждый раз говорил:

— Как это ты больше не хочешь? Ты обязан пить за наше дело.

Если и Фрелих был занят, «за наше дело» пили студенты-рижане, составлявшие внутреннюю охрану виллы.

Однажды денщик уронил поднос с пустыми водочными стаканами.

— Прошу извинить, — сказал Власов своему немецкому гостю. — Ведь это «унтерменш».

Время от времени Власов закатывал верным ему прибалтийским немцам истерики.

— Я больше не хочу ничего! — кричал он. — Меня обманывают. Все бессмысленно. Верните меня в лагерь военнопленных!

— Там водки не дают, герр генерал, — напоминал Штрик-Штрикфельдт, и Власов стихал.

— Я понимаю, — говорил он. — Но поймите и вы меня. Я уничтожил все мосты к моей родине. Я пожертвовал своей семьей, которая

сегодня, в лучшем случае, живет в ссылке, но, скорее всего, уже сейчас ликвидирована. Я необратимо стою вместе с немцами в борьбе против Сталина. Для меня лично это положение может закончиться или победой, или поражением, которое будет означать для меня смерть. Даже самому глупому немцу должно быть ясно, что мне нет отступления.

Он махнул рукой.

— Унтерменш! — закричал он денщику. — Неси скорей суп! Были, как свидетельствует Сергей Фрелих, отвечавший за охрану Власова, и покушения на генерала, но какие-то, мягко говоря, странные.

Однажды на виллу позвонил уголовник Пастернак, осужденный на смертную казнь в СССР.

Дверь ему открыл сам Власов.

— Что вам угодно? — спросил он.

— Я хотел бы познакомиться с генералом Власовым.

— Прошу, — сказал Власов и впустил Пастернака в дом.

В кабинете он достал коробку, в которой лежали разрезанные на мелкие кусочки сигары и махорка, и смастерил себе самокрутку. Такую же он предложил скрутить и гостю. Пока курили, появился денщик с бутылкой водки и закуской, состоявшей из кусочков соленых огурцов, томатов и двух кусочков хлеба.

Скромность жизни генерала так потрясла Пастернака, что он, как пишет Сергей Фрелих, отказался от плана убить Власова.

Кроме Пастернака была еще Оленька.

Она позвонила на виллу летним днем 1943 года и сказала, что она — «остар-байтен» и пришла к генералу Власову.

Была Оленька светлой блондинкой с ангельским личиком, с большими голубыми глазами, длинными ресницами и затуманенным взором.

— Какое у вас дело к генералу Власову? — спросил Фрелих.

— Никакого, — пролепетала юная красавица. — Я просто хотела увидеть этого великого человека.

Фрелих нахмурился, но тут раздался бас генерала:

— Впустить!

Таки прижился на вилле «маленький ангел». Получилось очень удачное дополнение к «домашнему святому», Вильфриду Карловичу Штрик-Штрикфельдту, — полный, так сказать комплект.

Очень скоро «маленький ангел» объявила себя невестой адъютанта Власова капитана Ростислава Антонова.

«Насколько это соответствовало истине, — пишет Сергей Фрелих, — осталось тайной. Во всяком случае, настоящего венчания не было, но у нее были интимные отношения с Антоновым».

И тут же добавляет:

«Весьма возможно, что она побывала и в других постелях, так как, несмотря на внешность невинного ангела, она проявляла большую

любовную активность. Сразу же она стала завоевывать домашние права, уходила и приходила по своему усмотрению, как будто она была одним из домочадцев. Она то разыгрывала роль жены, иногда невесты, но чаще всего была просто подругой генерала. Эти роли менялись весьма часто».

И хотя Сергей Фрелих, как он пишет, и был единственным человеком на вилле, который не попал под власть Оленькиных чар, но и он не сразу разглядел в Оленьке агента НКВД.

Помог случай.

«Как-то раз настроение в штабе было подавленное. Надежды на признание власовского движения были слабы. Разрешение на формирование армии, казалось, откладывается на неопределенное время».

Как это часто бывало в вилле на Кибиц Вег, в этот день была попойка, в которой Фрелих не мог не участвовать, началась с раннего утра и продолжалась до позднего вечера. Фрелих устал и сказал Ростиславу Антонову, что останется ночевать на вилле, в комнате дежурного по канцелярии.

Там стояли рядом две кровати. Фрелих разделся, лег на одну из них и готов уже был заснуть, как вдруг дверь открылась, зажегся свет, и вошел Антонов со своей невестой.

— Уже очень поздно, — сказал Антонов. — Оленька не может ехать домой и останется здесь. Ведь вот еще одна кровать тут свободна, она может лечь на нее.

Сказав это, Антонов исчез, а Оленька разделась, подошла к свободной кровати и легла под одеяло.

«Несмотря на то, что мой разум был под влиянием алкоголя, я сразу понял, какое создалось щекотливое положение, — пишет добропорядочный семьянин Сергей Фрелих. — Я предполагал, что этот „ангел“ должен был меня обворожить. Советчики считали меня оком немецкого руководства в окружении Власова, и им было известно, что на меня возложена ответственность за все происходящее на Кибиц Вег».

Сообразив это, он встал, оделся и сказал Оленьке:

— Здесь в двери есть ключ. Когда я выйду, будьте добры, запирайте дверь.

Потом пошел наверх в кабинет генерала и одетым лег на диван.

«Рано утром меня там обнаружил Антонов, который не смог скрыть своего удивления. А Оленька после этого меня безгранично возненавидела».

Разумеется, мы рассказываем эти истории не столько для того, чтобы продемонстрировать «коварство» агентов НКВД, изобличенных Сергеем Фрелихом, сколько для того, чтобы воссоздать атмосферу, в которой коротал лето 1943 года генерал Власов, которого пытаются

сейчас зачислить то в герои антитоталитарного фронта, то в агенты Сталина.

А Оленька?..

Оленька раскрылась во всем своем энкавэдэшном-девичьем коварстве уже после войны, когда Берлин был занят войсками союзников.

Она обвинила тогда Фрелиха сразу в трех грехах. В том, что он — человек гестапо. В том, что он украл у генерала Власова золотые часы. И в том, что он — просто прохвост.

Таки подтвердились самые худшие подозрения Сергея Фрелиха, что соблазнявшая его Оленька никакой не ангел, а обыкновенный агент НКВД.

Тут надо сказать, что окружавшие Власова прибалтийские немцы никому не верили. Ни Оленькам, осаждавшим виллу на Кибиц Вег, ни гестаповцам, ни самому Власову.

«Находясь в командировке при штабе Власова, — пишет Сергей Фрелих, — я развил особую тактику, стараясь, как правило, внешне казаться мало самостоятельным в своих действиях. Такая игра в маскировку мне удавалась особенно хорошо. У моих русских сотрудников я уже пользовался любовью, так как говорил с ними на их языке.

Я старался каждого из них убедить в том, что являюсь только маленькой шестеренкой в большом механизме и что все ежедневно возникающие проблемы я предпочитаю направлять куда-то на решение. На самом же деле такие решения я почти всегда принимал самостоятельно и только в редких случаях передавал их дальше, однако, с уже принятым мною решением...

Помимо этого, я старался ввести гестапо в заблуждение везде, где это было возможно. В своих торговых разговорах, касающихся моей фирмы, я по возможности называл как можно больше имен. Таким образом, я считал, что у этих чрезмерно бдительных органов слежки возникнет подозрение, что названные мною лица или симпатизируют Власову, или организуют заговор против гитлеровского режима».

Неизвестно, чем бы закончилась для Андрея Андреевича и его опекунов «анафема», объявленная вождями Третьего рейха, но положение Власова неожиданно укрепили блистательные победы Красной армии, одержанные ею летом 1943 года.

И тут снова трудно удержаться, чтобы не отметить странную «совпадаемость», сопровождавшую Власова всю его жизнь. В нем как бы сходятся абсолютно противоположные тенденции и действия и, разрывая его, не разрывают, а наполняют новым смыслом и новой жизненной силой.

Вот и сейчас Сталин, начиная мощную пропагандистскую акцию против Власова, не уничтожает его, а за счет колоссальных побед, одержанных летом 1943 года, как бы укрупняет Власова для немцев,

наполняет реальной значимостью его уже навсегда определенную Гитлером для пропагандистского употребления фигуру.

Глава седьмая

Но и сам Власов не терял времени даром.

Лишенный Гитлером возможности организовать армию и победить Сталина, Андрей Андреевич вспомнил, что когда-то учился на агрономическом факультете, и с упоением занялся сельским хозяйством.

Не на практике, разумеется, а теоретически.

В июле, когда Власову были организованы каникулы, немецкие друзья устроили поездку в Вену и Баварию, где он встречался с гауляйтером и рейхсштатгалтером Вены Балдуром фон Ширахом.

Но еще до этого Андрей Андреевич четыре дня гостил в поместье «Хедвиг Хоф» писателя Эдвина Эриха Двингера в Аллгей. Здесь прошел импровизированный семинар-симпозиум, посвященный сельскому хозяйству в освобожденной от коммунистов России.

Кроме хозяина поместья, который и устраивал вояж Власова, и самого генерала Власова, в семинаре приняли участие капитан Штрик-Штрикфельдт и государственный советник по делам хозяйства Зиболд.

Как утверждает Сергей Фрелих, Власов сделал убедительный доклад. Он сказал, что считает аграрную реформу самой важной проблемой России.

Вечером беседы о сельском хозяйстве сменялись разговорами о будущем Русского освободительного движения.

Хозяин поместья прочитал гостям вслух сценарий фильма, написанного им в соавторстве с австрийской писательницей Гертрудой Фуссенеггер. Будущий фильм должен был рассказать о примирении немцев и русских, и их будущем сотрудничестве.

Власову сценарий необыкновенно понравился.

Андрей Андреевич сказал, что, кроме аграрной реформы, не знает ничего более нужного России и Германии, чем этот фильм. Двингер расцвел от похвалы и на следующий день отправился в Вену готовить встречу Власова с рейхсштатгалтером Вены.

Посещение Власовым Вены походило на приезд представителя государства. Почетная рота дивизии «Великая Германия» выстроилась перед домом рейхсштатгалтера. После этого был торжественный обед.

Власова и Штрик-Штрикфельдта поселили в лучшем венском отеле «Империяль».

Здесь же располагалась и чета Двингеров.

О том, как трогательно Двингеры заботились о своем госте, дает представление сцена, разыгравшаяся возле газетного киоска в фойе.

Госпожа Двингер увидела в витрине обложку эсесовского журнала «Унтерменш» и, тотчас же купив весь запас номеров, попросила швейцара уничтожить их.

По свойственной ему способности подыгрывать любому полезному ему человеку Власов, присутствовавший при казни эсэсовских журналов, изобразил необыкновенную взволнованность унтерменша-идиота.

— Унтерменшей нет, — растроганно сказал он.

Послушали «Волшебную флейту» Моцарта в опере...

Побывали на скачках.

Посетили испанскую школу верховой езды в Лайнце.

Осмотрев собор святого Стефана, Власов сказал:

— Для переживания религиозных чувств нельзя себе представить лучшего чертога, чем этот собор. Я чувствую себя как бедный, раскаявшийся разбойник.

На следующий день посетили крестьянский кооператив и потом долго говорили, сравнивая его с советскими колхозами.

Состоялась и встреча с гауляйтером Бальдуром фон Ширахом.

На встрече Власов прочитал доклад о будущей России, который почему-то начался с его биографии.

Власов ненавязчиво подчеркнул свои военные заслуги и в Китае у Чан Кайши, и в этой войне. Более подробно он остановился на сражении под Киевом и битве за Москву. Рассказывая о трагедии 2-й Ударной армии, Власов отметил, что при советских методах ведения войны человеческая жизнь не играет никакой роли.

— Я больше никакой не коммунист, — сказал он. — Я социалист. Я хочу помочь своему народу создать лучшее будущее, освобождая его от большевистского ига. Однако это нам не удастся без посторонней помощи, как доказывают все восстания, которые были потоплены в морях крови.

Как утверждает Сергей Фрелих, представления Власова непосредственно о будущем России сводились к следующим мыслям:

1. Прекращение всех боевых действий после свержения сталинского режима.

2. Перевод военной промышленности на производство ширпотреба, и в первую очередь сельскохозяйственных машин.

3. Свобода для всех.

4. Ликвидация ГПУ.

5. Свобода религий. Открытие церквей.

6. Амнистия для членов партии, которые не совершили преступлений против народа.

7. Освобождение всех политических заключенных и ссыльных.

8. Роспуск колхозов и совхозов.

9. Свобода торговли и ремесел.

10. Присоединение к свободной Европе.

И сам Власов, и его программа заинтересовали рейхсштатгальтера Вены. Он послал доклад Власова Гиммлеру и Герингу.

Напрасно фон Ширах сделал это — в результате он только навлек на себя гнев... Но еще более катастрофические последствия венская гастроль Андрея Андреевича Власова имела для Двингера — главного организатора ее.

Когда Двингер приехал в Берлин, чтобы доложить о венских совещаниях, начальник Главного штаба СС Бергер сказал:

— Вы сегодня же покинете Берлин, поедете в свое поместье, и будете там пребывать до конца войны, если новый приказ не предпишет вам что-либо другое. Вам запрещается публиковать хотя бы строчку по во сточным проблемам и особенно оглашать их по радио. Ваша переписка и особенно посещения будут контролироваться. Неофициально вы арестованы. Мы рассматриваем вас как ограниченного в своих действиях.

Как мы видим, гонения на друзей Андрея Андреевича Власова не прекратились, но так блестящи были победы, одержанные этим летом Красной армией, что самого Власова гнев вождей Рейха никак не затронул.

«По возвращению из поездок по Баварии, — простодушно пишет Штрик-Штрикфельдт, — обнаружилось, что положение Власова вопреки всем неудачам и враждебности „сверху“ стало более прочным, чем нам казалось возможным».

Скачкообразно увеличилось число людей, искавших с ним встреч.

Летом сорок третьего года, среди прочего, состоялось и знакомство Власова с Хейди Биленберг — вдовой эсэсовского офицера.

Хейди была хороша собой и приглянулась Власову.

Высокий, с выправкой, темноволосый Андрей Андреевич в брюках с генеральскими лампасами тоже приглянулся эсэсовской вдове.

Начался роман.

Протекал он, учитывая, что Власов почти не говорил по-немецки, а Хейди знала всего несколько слов по-русски, не просто, но у Власова уже был опыт романа с женой генералиссимуса Чан Кайши, которая тоже не владела русским языком.

И сейчас Власов тоже оказался на высоте.

Власов не был бы Власовым, если бы ограничился одной только чистой любовью. Очень трудно сказать, чего было в этом романе с его стороны больше — любви или расчета. Как нам кажется, расчет превалировал. Во всяком случае, так было поначалу.

Через постель Хейди Биленберг, близко знакомой с Гиммлером, гораздо легче было выйти на прямой контакт с вождями Рейха, нежели через кропотливые хлопоты прибалтийских немцев или тонкие интриги разведслужб.

Часть пятая. Создание Русской освободительной армии

*Вода себе везде дорогу найдет.
Любимая поговорка А.А. Власова*

Снова и снова вглядываешься в фотографии Власова, пытаешься понять, что думал и чувствовал он, совершая свой страшный путь.

На фотографиях лицо у Андрея Андреевича невыразительное.

Лоб с залысинами. Прямой нос. Круглые очки. Большие уши. Губы хорошо прорисованы, но нижняя губа явно толстовата.

Это лицо учителя или агронома.

Власов не очень-то похож на генерала, даже на фотографиях с вождями Рейха и своими сослуживцами.

Вот Власов жмет руку Геббельсу.

Взгляд настороженный, прощупывающий...

Вот Власов пожимает руку генералу Трухину.

Он чуть наклонился вперед корпусом, как будто нос перевешивает его, и вид рядом с бравым, подтянутым Трухиным совсем не военный, но вместе с тем начальственный. И в наклоне корпуса, и в манере рукопожатия есть что-то неуловимо напоминающее Гитлера.

А вот Власов идет вдоль строя, небрежно подняв руку — не поймешь, то ли это плохой «Хайль!», то ли небрежное «Здравия желаю!».

На фотографиях Власов разный.

Но нигде при всем желании не заметишь в выражении его лица ни властности, ни кровожадности, ни подлости — столь характерной для наших и не наших генералов.

Нет в этом лице и горения.

Обычное лицо.

Если так можно выразиться, очень вежливое лицо.

Две фотографии выделяются из этого ряда.

Об одной из них, запечатлевшей Власова в лагере военнопленных, мы уже говорили.

Лицо у Власова на этой фотографии исхудавшее, морщинки над переносицей, горькие складки в уголках рта. Глаза опущены. Это лицо человека, решившегося на что-то, но еще не понимающего, на что он решился.

И вторая фотография.

Та, что сделана в 1946 году во дворе тюрьмы.

Власов висит с краю. Голова наклонена набок. В одежде полный порядок, и если бы не веревка, то Власов был бы похож на человека, задумавшегося о том, что он сделал.

Между этими двумя фотографиями — четыре года.

Вся вторая жизнь генерала Власова.

Однажды мне довелось беседовать с духовником Русской освободительной армии, протоиереем Александром Киселевым.

Отец Александр рассказывал, что Власов любил повторять поговорку: «Вода себе везде дорогу найдет».

Я попросил привести пример, когда, в каком контексте употреблял эту поговорку Власов, в каких ситуациях. Протоиерей Киселев задумался, но припомнить конкретную ситуацию не смог. Сказал, что Власов вообще запомнился ему этой поговоркой.

И, кто знает, может быть, в этой детали старенький протоиерей глубже проник в характер Власова, нежели во всей своей, чрезвычайно интересной книге воспоминаний? Такое ощущение, что эта поговорка и раскрывает власовский характер.

Словно вода, перетекал он через, казалось бы, непреодолимые преграды, принимая, как и положено воде, очертания преград, которые он преодолевал.

Глава первая

Как утверждает Свен Стеенберг, в июне 1943 года в германской армии имелось больше 600 000 добровольных помощников из России и 200 000 солдат в добровольческих частях.

Если сравнивать эти цифры с цифрами, озвученными 8 июня 1943 года на совещании в ставке Гитлера в Бергхофе, в это число включены, не только русские, но и национальные части, сформированные из представителей других народов СССР.

Тем ни менее в целом Свен Стеенберг прав, утверждая, что это «был значительный резерв, из которого в любой момент, как только последовало бы разрешение, могла бы образоваться освободительная армия».

Вернее, может быть, могла бы...

Ведь, хотя Власов и его соратники и действовали так, будто Русское освободительное движение уже признано вождями и идеологами Третьего рейха, но все это было абсолютным самообманом. Ни о каком формировании РОА немцы и слышать не хотели. Хотя русские батальоны и именовались Русской освободительной армией, а солдаты и офицеры — «власовцами», подчинялись они только немецкому командованию. Ни Власов, ни его ближайшие помощники никаких

прямых контактов с русскими добровольцами, воюющими в немецкой армии, не имели.

Руководители Третьего рейха не позволяли поднять статус этих предателей-добровольцев до звания русских патриотов, сражающихся за освобождение своей Родины. В результате в связи с успехами Красной армии в конце лета и осенью 1943 года участились факты перехода на советскую сторону «добровольных помощников», а иногда и целых «добровольческих» батальонов.

Гитлер, когда ему доложили об этом, пришел в ярость и приказал разоружить восточные батальоны и отправить личный состав на угольные шахты.

Приказ был выполнен лишь наполовину. Восточные части, действительно, вывели из России, но их не уничтожили на шахтах, как приказывал Гитлер, а перебросили на Западный фронт.

Вермахтовские пропагандисты из Дабендорфа постарались смикшировать ситуацию. «... Сейчас наступил такой период войны, когда часть освобожденной русской земли вновь оказалась под властью большевиков, — вещал А.А. Власов со страниц газет. — Приказом главного командования германской армии часть отрядов РОА перебрасывается с востока для борьбы с врагами на западе. Но мы вернемся с оружием в руках на родину, как освободители.

Надеюсь, что наши люди сохранят идею русского освобождения, где бы они ни находились».

«Мы прошли суровую школу борьбы на родной земле с бандитами, сталинской партизанщиной, — отвечали ему в „Открытом письме“, опубликованном в газете „Доброволец“, солдаты и офицеры РОА. — Сейчас наша задача — еще лучше обучиться и теснее сомкнуть свои ряды».

Забегая вперед, скажем, что, американцы и англичане понесли серьезные потери, когда после высадки в Нормандии столкнулись с восточными батальонами.

Это дает основание таким исследователям, как Филатов, говорить, что якобы по приказу Сталина и дрались так яростно русские части на Западном фронте; что для этого и был заслан к немцам Власов. Никаких документальных свидетельств Филатов, разумеется, не приводит, поскольку таких свидетельств и невозможно привести.

Все намного проще.

Тяжелые потери союзников во многом обусловила пропагандистская ошибка, совершенная ими. Перед своим наступлением союзники завалили все окопы прокламациями, в которых уговаривали русских добровольцев сдаться, обещая немедленно отправить их на Родину, в Советский Союз.

В Советском Союзе добровольцев ждали трибунал, лагеря и верная смерть.

В результате такой пропаганды сопротивление русских батальонов резко возросло и, хотя ошибка вскоре была исправлена и листовки сулили теперь полное соблюдение Женевской конвенции, это было воспринято как пропагандистская — а так и было на самом деле! — уловка.

Но об этом разговор впереди, а пока подчеркнем, что к русским добровольцам, сражавшимся на Западном фронте, Власов был причастен только как пропагандист.

Разумеется, у пропагандистов бывают просчеты и неудачи. Были ошибки и у «Вермахт пропаганды». Даже странно было бы обойтись без неудач при невероятно возросшем могуществе Красной армии, одерживавшей одну победу за другой, и, конечно же, при все той же русофобской, человеконенавистнической ост-политике Гитлера...

Однако — вожди Рейха оказались тут не слишком оригинальны! — когда решено было найти козла отпущения, в качестве одного из них избрали детище «Вермахт пропаганды» — власовское движение.

При этом было подтверждено, что ост-политика, несмотря ни на что, останется неизменной.

«Меня ни в малейшей степени не интересует, что произойдет с русскими или чехами, — заявил Генрих Гиммлер 4 октября 1943 года в секретном обращении к офицерам СС в Познани. — Все, что другие нации смогут предложить нам в качестве чистой крови, наподобие нашей, мы примем. При необходимости сделаем это путем похищения их детей и воспитания в нашей среде. Процвetaют ли нации или погибают голодной смертью, подобно скоту, интересует меня лишь постольку, поскольку мы используем их в качестве рабов для нашей культуры. В противном случае они не представляют для меня интереса. Погибнут от истощения 10 тысяч русских женщин при рытье противотанковых рвов или нет, интересует меня лишь в том смысле, откроют они эти рвы для Германии или нет».

А 14 октября 1943 года в Бад-Шахене, выступая перед офицерами воинских частей СС, Гиммлер упомянул и Андрея Андреевича Власова, обозвав генерала свиньей, а его слова: «Россия может быть побеждена только русскими» — оценил, как неслыханную наглость. «Наше положение становилось день ото дня труднее. Поздней осенью 1943 года оно стало почти невыносимым, — писал В. Штрик-Штрикфельдт, вспоминая осень 1943 года. — Дабендорф ^[71] находился под постоянным обстрелом со стороны явных и скрытых противников, бюрократических и военно-бюрократических, мешавших работе больше, чем авиация союзников. Хотя и падали иногда зажигательные бомбы на бараки лагерного городка, хотя, бывало, срывало взрывами крыши, — все эти внешние повреждения можно было быстро исправить.

Роты маршировали к противоосколочным рвам в ближайшем лесу, а после отбоя возвращались в свои помещения. Несколько нарушали

расписание дневные налеты авиации, и приходилось продлевать курс обучения.

Наши немецкие враги были, однако, гораздо опаснее.

Я уже упоминал ревнивое отношение Восточного министерства в вопросе национальных меньшинств и обвинение власовцев в великорусском шовинизме ^[72] (Курсив мой. — Н. К.). Но все новые и новые нападки СД мешали деятельности руководства и угрожали его личной безопасности. Какие-то неопределимые учреждения СС, СД и различных партийных органов, используя все имевшиеся в их распоряжении средства, старались очернить и оклеветать русских и немецких членов руководства. Непосредственное вмешательство государственных и полицейских органов было пока невозможно, так как дело шло об армейском учреждении, военно-правовой статус которого был бесспорен».

И, конечно же, одними словами дело не ограничивалось. За словами последовали санкции.

Армейские генералы, поддерживавшие идею власовского движения, получали выговоры. Двингер, как мы рассказывали, попал благодаря своим хлопотам за Власова под домашний арест. Дабендорф объявили коммунистическим гнездом, где высиживаются антигерманские и антинационал-социалистические настроения.

Тем ни менее лагерь в Дабендорфе продолжал работать...

Любопытно, что именно к осени 1943 года относится попытка СД под видом сотрудников НКВД физически ликвидировать генерала А.А. Власова.

В августе 1945 года на допросе в 4-м управлении НКГБ бывший советский военнопленный И.В. Евстифеев показал, что осенью 1943 года он получил от «партизан» задание передать комбригу Михаилу Васильевичу Богданову ^[73], которого «партизаны» внедрили в ближайшее окружение А.А. Власова, приказ на ликвидацию генерала. Впоследствии, когда Евстифеева арестовала служба безопасности, он узнал, что «представители партизан» являются агентами СД, и Богданов об этом знал.

Сам Михаил Васильевич Богданов факта своей вербовки не отрицал, но говорил, что она исходила от настоящих чекистов ^[74]. Человек, назвавшийся майором госбезопасности Иваном Григорьевичем Пастуховым, предложил ему внедриться в РОА и попытаться физически уничтожить или дискредитировать Власова, а затем принять на себя руководство РОА.

30 августа 1943 года Богданов, будучи в командировке в Берлине, встретился с Власовым, они были знакомы по предвоенной службе в Киевском особом военном округе.

Власов обрадовался старому знакомому.

По словам Богданова, беседа шла о войне, которая «кончится, как считал Власов, в 1946 году, а так как обе стороны несут большие

потери, это приведет к возникновению гражданской войны как в Германии, так и в СССР».

— Вот тогда, — говорил Власов, — я и проявлю себя в полной мере, возглавив ту сторону, которая будет бороться против существующего строя. Тогда нужен будет человек, который, «встав на бочку», произнесет несколько слов и поведет за собой толпу.

Я, Власов, и есть такой человек. Чтобы обладать авторитетом, надо обладать реальной вооруженной силой. Такая сила — РОА.

Богданов пожаловался Власову, что боится, как бы из-за многочисленных побегов его воспитанников (он служил тогда заместителем начальника «Управления „Волга“» ТОДТ. Организация Тодта (Organisation Todt /OT/) — полувоенная правительственная организация, созданная в Германии в 1933 году, занимавшаяся разработкой и строительством автомобильной и железнодорожной сети в целях улучшения возможностей переброски войск в случае войны. Также осуществляла проектирование и возведение оборонительных сооружений, подземных командных пунктов, ставок и др. Свое название получила по имени возглавившего ее Фрица Тодта от А. Гитлера 18 июля 1938 года. — Н. К.) его не вернули в лагерь военнопленных, и обратился к Власову с просьбой о зачислении в РОА.

Власов не настолько сильно обрадовался сослуживцу, чтобы протектировать ему, и посоветовал обратиться к капитану Деллинсхаузену, заместителю командира «восточного батальона пропаганды особого назначения», в состав которого входили и «Русский комитет», и канцелярия Власова, и школа пропагандистов.

Из протоколов допросов так и не ясно, почему ни Евстифееву, ни Богданову не удалось осуществить ликвидацию Власова. Однако, учитывая, что ни Евстифеев, ни Богданов не были расстреляны в СД, нужно предполагать, что и «партизаны», и майор госбезопасности Иван Григорьевич Пастухов были самым теснейшим образом связаны с этой организацией, хотя ни Евстифеев, ни Богданов, возможно, и не знали об этом.

Косвенно это подтверждается и стремительностью карьеры Богданова в РОА.

20 ноября 1943 года его зачислили в «офицерский резерв» школы пропагандистов с окладом по 16-й категории — 10 марок в декаду, как у рядового солдата, а уже 1 декабря 1943 года присвоили звание генерал-майора РОА с правом ношения немецких знаков различия.

Злой рок витал осенью 1943 года над Власовым.

Лидеры движения, названного его именем, были совершенно искренне убеждены, что Борман и другие высшие чины Третьего рейха являются агентами Сталина.

Сподвижники Власова, воспитанные советской идеологией, изменив советской системе, остались в плену наработанных интернационализмом схем и не понимали, что пафос национального

превосходства придает воюющей армии гораздо больше сил, нежели способны дать союзники, на вербованные из изменников.

Они не понимали этого, и руководители Третьего рейха представлялись им твердолобыми глупцами, хотя глупцами были они сами. Как еще можно иначе назвать людей, не умеющих понять, что противник твоего врага совсем не обязательно должен быть твоим другом?

Если непредвзято проанализировать отношение Гитлера к Власову, то обнаружится, что на все сто процентов оно было подчинено интересам Германии, как их понимал Гитлер.

Власова переведут из области «пропагандного употребления» в ранг союзника только тогда, когда победы советских войск станут очевидными, когда их мощь станет вызывать уважение у немецких солдат.

Только тогда объявление Власова, бывшего генерала армии победителей, союзником немцев станет оправданным. Этот союз теперь, по мнению Гитлера и его ближайших сподвижников, будет не унижать немецкого солдата, а как бы возвышать его.

Как мы уже говорили, если бы не было побед Красной армии, не было бы и того Власова, которого мы знаем.

Власов изменил Советскому Союзу, но именно победы советской армии придавали сейчас все большую значимость его фигуре.

Из генерала побежденной армии он превращался в генерала армии-победительницы.

Это не игра слов.

Это неумолимая, жестокая логика столкновения действительно, одинаково чуждых Власову идеологий.

Он — не герой, но он — и не жертва. Он — продукт. Он — результат деятельности сил, к которой сам не имел прямого отношения...

Но если мы взглянем в судьбу Власова, то легко обнаружим, что и ранее основные события его жизни совершались как бы без его личного участия.

Власов стал героем битвы за Москву, долечивая простуженное ухо.

Власов стал виновником гибели 2-й Ударной армии, хотя эта армия была обречена на гибель еще до того, как он узнал о ее существовании.

Вот и теперь.

Власов становится вождем и героем Русского освободительного движения, хотя сам в это время в основном предается разврату и пьянству на Кибиц Вег.

Неведомая сила возносила Власова в заоблачную высь. Но возносила только для того, чтобы обрушить вниз.

Еще раз повторим, что трудно обнаружить во взлетах Власова его заслугу.

Но вину в его падениях обнаружить, конечно же, легче.

Вина всегда очевиднее, чем заслуги.

Новый взлет генерала Власова не мог быть просчитан в отделах «Вермахт пропаганды».

Метаморфоза предназначенного для «пропагандного употребления» генерала в вождя Русского освободительного движения определялась на уровне мистических прозрений, столь характерных для руководителей Третьего рейха и всей густо замешанной на оккультизме идеологии германского фашизма.

Основывалась эта идеология, как мы знаем, на культе Силы, несущей в себе заряд не созидания, но разрушения, и мистические прозрения совершались тогда, когда наступало для этого определенное

темными Силами время.

И если мы приглядимся, то увидим, что в поступках Власова в эти годы тоже начинает превалировать мистическая предопределенность.

Кажется, полностью погруженный в пьянство и безволие, он совершает в эти дни наиболее продуманные ходы, которые и позволят ему достичь необходимого результата, переменить то, что ему было необходимо изменить.

Другое дело, что уже бессмысленно стало тогда что-либо менять.

Все это Власов если и не понимал, то чувствовал.

Свидетельство — разговор, состоявшийся у него в январе 1944 года с генерал-майором Гельмихом, только-только назначенным командовать восточными войсками, уже переброшенными на Западный фронт. Судьба уже во второй раз свела Гельмиха с Власовым.

Первый раз они встретились под Москвой, где Гельмих командовал 23-й немецкой дивизией.

— Яне понимаю, — убеждал Гельмиха Власов. — Не понимаю, почему немцы не дают возможности русским самим воевать против Сталина. Причина, я думаю, в том, что эгоизм убивает не только сердце, но и рассудок.

— А что надо делать?

— Надо по возможности быстрее сводить русские подразделения в национальные дивизии. Это то, что, может быть, еще может нанести Сталину смертельный удар.

— Это дело политики, — сказал Гельмих. — Тут я ничего не могу сделать. Моя задача учесть всех добровольцев и озаботиться, чтобы они получали жалованье и были приравнены в правах с немецкими военно служащими.

— И когда вы думаете закончить учет и снаряжение всех добровольцев? — спросил Власов. — У нас мало времени. Может быть, уже поздно. Но мы должны сделать, что возможно. Вы и я!

Гельмих пожал плечами...

Глава вторая

Гиммлер мог сколько угодно говорить о свинье — «унтерменше Власове», но теперь сама действительность заставляла его офицеров думать о формировании наряду с бельгийскими, голландскими и норвежскими дивизиями и «восточных» частей СС. В процессе организации находились галицийские формирования.

Таким образом, вопреки пожеланиям рейхсфюрера подготавливалось мнение о необходимости сотрудничества с Власовым.

Анализируя судьбу Власова и всего Русского освободительного движения, необходимо учитывать не только чрезвычайную забюрократизированность Третьего рейха, но и жутковатое соперничество спецслужб.

Власов был завербован ведомством «Вермахт пропаганды», и в этом качестве («призывами и фотографией») отработывал у немцев свой хлеб и свою водку.

Но ведомство Гелена напоминало айсберг, официальная работа занимала лишь малую часть сил сотрудников, и понятно, что «пропагандное употребление» было лишь официальной пропиской генерала в бюрократии нацистских спецслужб.

Какие именно планы связывал Гелен с генералом Власовым, судить трудно, но планы эти были.

Напомним, что наступил сорок четвертый год.

В январе была прорвана блокада Ленинграда.

В феврале — окружена и ликвидирована Корсунь-Шевченковская группировка немцев.

В апреле советские войска перешли государственную границу СССР.

Мы уже говорили о фотографии, где Власов и генерал Трухин в Дабендорфе обходят строй очередного выпуска курсантов.

Рука генерала вскинута вверх в фашистском приветствии, но не расправлена, а согнута в локте. В результате — что-то среднее между фашистским «Зиг хайль» и русским отданием чести.

И так все во Власове.

И не только в одежде, в манерах, ной в поведении.

Власов всегда — между.

Между Россией и Германией.

Между эмигрантами-белогвардейцами и эмигрантами из партийных функционеров-большевиков.

Между ведомством Гелена и СС...

В начале сорок четвертого года Власов беседовал с полковником Генерального штаба бароном фон Фрайтаг-Лорингхофеном.

— Гитлер боится завтрашней национальной России, а проигрывает войну против Советской России уже сегодня, — сказал Власов. — У меня же теперь лишь одна забота, чтобы Освободительное движение не пошло ко дну во время крушения Германии. Но это будет возможно, если найдутся германские офицеры, с которыми мы решимся на этот после дний, отчаянный шаг для спасения свободы всех европейских народов, включая народы Советского Союза.

И объяснил, что, несмотря на потери немцами всех занятых русских территорий, у него еще остается возможность для создания Русской освободительной армии ^[75].

Слова об «отчаянном шаге», на который может решиться Власов, понравились барону.

Как и Гелен, Фрайтаг-Лорингхофену принадлежал к той группе немецких радикально настроенных офицеров, которые в 1944 году уже готовы были пожертвовать и национал-социализмом, и самим Адольфом Гитлером для спасения Германии.

Некоторые историки Второй мировой войны считают, что в планах заговорщиков отводилось место и Русской освободительной армии.

«Штауффенберг, надо сказать, лелеял благородный, но несбыточный план, — пишет Борис Соколов, — после убийства Гитлера Германия с помощью РОА сбрасывает Сталина и заключает почетный мир с созданным Власовым новым русским правительством».

Вот и барон Фрайтаг-Лорингхофен, похоже, для того и посетил Власова, чтобы «путем намеков» подготовить генерала к той роли РОА, которую она должна будет по плану заговорщиков сыграть в будущем.

Барон покинул Власова в полной уверенности, что исполнил возложенную на него миссию, однако что-то его остановило и знакомить генерала со своими друзьями он не стал.

И это спасло Власова.

Так уж была устроена его судьба.

Дружелюбие было для него столь же опасно, как и неприязнь. Действительно, если бы барон Фрайтаг-Лорингхофен хотя бы познакомил Власова со своими единомышленниками, не миновать бы Андрею Андреевичу общей участи заговорщиков, и его повесили бы на два года раньше.

И, разумеется, покидая Власова, барон даже и не догадывался, что одновременно с ним о возможных «отчаянных шагах» Власов беседовал и с начальником пропаганды войск СС, издателем журнала «Черный корпус» Гюнтером д'Алькеном.

Сохранилось несколько фотографий Гюнтера д'Алькена.

На всех фотографиях на лицо начальника пропаганды войск СС, скрывая его глаза, всегда падает тень козырька фуражки.

В такой же неразличимой тени д'Алькен осуществлял план пропагандистской акции «Скорпион

Восток» («Восточный скорпион»). Идея операции сводилась к тому, чтобы, воспользовавшись наработками «Вермахт пропаганды», широко раструбить о существовании Русской освободительной армии, которая будет бороться не против России, а за Россию против Сталина.

Как утверждает протоиерей Александр Киселев, акция «Скорпион Восток» отчасти удалась. На фальшивку — призыв якобы исходил от генерала Власова — ежедневно стали перебегать из Красной армии тысячи бойцов только на одном Южном фронте, где эта акция проводилась. Перебежчики не хотели говорить с немцами, а искали Власова. «И это происходило в 1944 году, меньше чем за год до конца войны, когда Красная армия имела уже все основания считать себя победоносной».

Насчет тысяч тут явное преувеличение, но какие-то перебежчики появились, и за неимением других успехов этот успех мог воодушевить д'Алькена. Оставалось продумать кое-какие малосущественные детали.

Д'Алькен знал, что после выступления в Бад-Шахене Гиммлеру трудно будет изменить отношение к Власову, и он решил сразу произвести рокировку в Русском освободительном движении. Он предложил Жиленкову, которого привлек к сотрудничеству с самого начала акции «Скорпион Восток», принять от Власова руководство Движением. Спасая карьеру Власова, Георгий Николаевич Жиленков отказался от предложения д'Алькена.

Почему?

Ответ пытались найти и судьи на московском процессе в 1946 году.

«Подсудимый Власов. Подсудимый Жиленков не совсем точно рассказал суду о своей роли в его связях с СС. В частности, он показал суду, что лишь по моему указанию он связался с представителем СС. Это не совсем так. Жиленков первый имел связь с представителями СС, и именно благодаря его роли я был принят Гиммлером. До этого Гиммлер никогда меня не принимал.

Подсудимый Жиленков. Я не отрицаю показаний Власова, но хочу сказать, что только после моей поездки в район Львова и установления связи с представителем Гиммлера д'Алькеном при посредстве последнего нам удалось организовать встречу Власова с Гиммлером. Мне было известно, что Гиммлер называл Власова перебежавшей свиньей и дураком. На мою долю выпала роль доказать д'Алькену, что Власов не свинья и не дурак».

Судя по этой пикировке, мы не должны преувеличивать дружественности генеральских отношений. Всего за несколько шагов до петли Жиленков — все-таки он был истым партийцем! — так ловко «отшивает» своего павшего начальника, что трудно предположить, будто он отказывался от предложения д'Алькена из-за боязни обидеть Власова.

И, разумеется, еще нелепей предположение, будто причина — в уважении, которое Жиленков испытывал к генералу Власову как к

руководителю. Нет! Просто Жиленков хорошо понимал, насколько это хлопотно быть «героем», а честолюбие никогда не компенсировало Георгию Николаевичу практических благ, которые он мог получить от жизни.

Мы уже говорили, что бывший секретарь райкома партии, член Московского горкома ВКП(б) Георгий Николаевич Жиленков вырос беспризорником. Тем не менее (или благодаря этому?) любовь к красивой жизни пересиливала в нем тщеславие.

Ради комфорта Жиленков был готов пожертвовать многим.

И жертвовал ^[76].

Как пишет протоиерей Александр Киселев, Жиленкова менее чем кого-либо другого можно считать выразителем идей Освободительного движения.

«Вилла с блестящим адъютантом, красавицей секретаршей, породистыми псами и сам генерал как-то уже очень не гармонировали с общим настроением».

Не только протоиерей Александр Киселев, но и сотрудники, знавшие по ежедневной работе, считали Георгия Николаевича беспринципным человеком.

Мы видим, что этот упрек не совсем справедлив.

Ведь д'Алькен так и не сумел убедить Жиленкова стать героем, заняв вакансию вождя Русского освободительного движения. Тут Георгий Николаевич проявил завидную твердость. Он отказался, и этим спас генерала Власова от погружения в трясину безвестности.

Получив отказ Жиленкова, д'Алькен все силы бросил на то, чтобы переломить отношение к Власову у Гиммлера.

Помогала ему в этом предприятии любвеобильная эсэсовская вдова Хейди Билленберг, бывшая с Гиммлером в весьма дружественных отношениях.

Глава третья

Свидание с Гиммлером должно было состояться 21 июля 1944 года, но накануне произошло покушение на Гитлера.

20 июля 1944 года в ставке Гитлера «Вольфшанце» полковник Штауффенберг заложил бомбу. Она взорвалась, когда генерал Хойзингер делал доклад фюреру о прорыве советской армии на Центральном фронте.

— Если наша группа армий в районе Чудского озера не будет отведена, — сказал он, — катастрофа...

Фраза осталась незаконченной, раздался взрыв.

Жизнь Гитлеру, по сути, спас полковник Брандт, отодвинувший портфель с бомбой затумбу стола. Фюреру опалило волосы, у него

лопнули барабанные перепонки, но сам он остался жив. Около часа ночи немцы слышали в приемниках его хрипловатый, лающий голос.

Радиостанция «Германия» передавала обращение Гитлера к нации.

«Мои немецкие товарищи! Я выступаю перед вами сегодня, во-первых, чтобы вы могли услышать мой голос и убедиться, что я жив и здоров, и, во-вторых, чтобы вы могли узнать о преступлении, беспрецедентном в истории Германии.

Совсем незначительная группа честолюбивых, безответственных и в то же время жестоких и глупых офицеров состряпала заговор, чтобы уничтожить меня и вместе со мной штаб Верховного главнокомандования вермахта.

Бомба, подложенная полковником графом фон Штауффенбергом, взорвалась в двух метрах справа от меня. Взрывом были серьезно ранены мои верные и преданные сподвижники, один из которых погиб. Сам я остался совершенно невредим, если не считать нескольких незначительных царапин, ожогов и ссадин. Я рассматриваю это как подтверждение миссии, возложенной на меня провидением.

Круг этих узурпаторов очень узок и не имеет ничего общего с духом Германского вермахта, и прежде всего германского народа. Это банда преступных элементов, которые будут безжалостно уничтожены.

Поэтому сейчас я отдал распоряжение, чтобы ни одно военное учреждение не подчинялось приказам, исходящим от этой шайки узурпаторов. Я приказываю также считать долгом арест каждого, кто отдает или исполняет такие приказы, а если он оказывает сопротивление, расстреливать его на месте.

На этот раз мы сведем с ними счета так, как это свойственно нам, национал-социалистам».

Фраза: «Круг этих узурпаторов очень узок» — списана, кажется, из знаменитой работы В.И. Ленина про революционеров, которые были страшно далеки от народа.

Похоже, что Гитлер позаимствовал у Ленина не только ненависть к России и русскому народу, но нечто большее. Не случайно в тяжелую, трагическую минуту своей жизни вспоминает он ленинский текст.

Или, может быть, и не читал Гитлер статьи Ленина? Может быть, вот так — убого и единообразно — устроено мышление всех русофобов?..

Но это попутное замечание.

Гитлер сдержал слово, по Германии прокатилась волна арестов.

Как свидетельствует историк Уильям Ширер, приговоры приводились в исполнение по большей части путем медленного удушения жертв рояльными струнами, перекинутыми через крюки для подвески мясных туш. Крюки же брали напрокат в мясных лавках и на скотобойнях.

Самое страшное тут — «напрокат».

Казнь была не только мучительной, но и предельно унижительной, приравнивающей прусских офицеров-аристократов к скоту.

По указанию Гитлера не было никаких трибуналов.

Заговорщиков предавали Народному суду, председатель которого Рональд Фрейслер (в прошлом, кстати сказать, фанатичный большевик, зверствовавший в ВЧК), которого Гитлер называл «нашим немецким Вышинским», с изумительной скоростью чекиста-интернационалиста штамповал смертные приговоры.

Уже 7 августа 1944 года начался первый процесс.

Проведя заговорщиков через ад подвалов гестапо, их облачили в старые шинели и свитера. В зал суда ввели небритыми, без воротничков и галстуков, в брюках без ремней и подтяжек. У фельдмаршала Вицлебена отобрали даже искусственную челюсть.

Беззубый, жалкий старик стоял у скамьи подсудимых и то и дело хватался за брюки, не давая им упасть.

А Фрейслер кричал на него:

— Ты, грязный старик! Что ты постоянно теребишь свои брюки?!

Все это снималось на пленку, которую Гитлер в назидание сподвижникам демонстрировал в своей Ставке.

Засняли и казнь.

Осужденных загнали в помещение, где с потолка свисало восемь крюков. Одного за другим заговорщиков, раздетых по пояс, вздергивали вверх, накинув на шею рояльную струну.

Осужденные поначалу свободно свисали в петле, а затем, по мере того как петля затягивалась, начинали хватать ртом воздух. Брюки сползали и падали на пол, несчастные, перепачканные собственными экскрементами, еще долго бились в конвульсиях и наконец затихали.

Все лето, осень и зиму шли заседания Народного суда.

Все лето трудился и Гиммлер, которому поручено было провести расследование.

Очень вероятно, что, если бы Власов не искал так настойчиво вопреки советам «домашнего святого» Вильфрида Карловича Штрик-Штрикфельдта (а это были советы генерала Гелена) контактов с СС, он и не устоял бы со своим окружением.

Многие из тех, кто поддерживал Власова через ведомство Гелена, кто ратовал за изменение ост-политики, в том числе фон Штауффенберг и фон Шуленбург были казнены.

Но Власов оказался предусмотрительным.

Двадцатое июля он встретил во всеоружии бывшего члена Военного трибунала, не вынесшего (чтобы не ошибиться) ни одного оправдательного приговора во время «больших чисток».

Когда на Кибиц Вег прибежал крайне взволнованный капитан Штрик-Штрикфельдт, Андрей Андреевич Власов пил водку с генералами Малышкиным и Жиленковым.

— Еще один очень близкий друг мертв: Фрайтаг-Лорингхофен! — воскликнул Штрик-Штрикфельдт. — После ареста ему дали револьвер, чтобы он мог застрелиться и тем избежать суда и расстрела.

— Яне знаю его, — совершенно равнодушно откликнулся Власов. — А кто это?

— Ну, как же, дорогой Андрей Андреевич, это тот барон, тот блестящий полковник Генерального штаба, который так часто бывал у вас...

— Не помню, — сказал Власов. — Не желаете ли водки с нами покушать, Вильфрид Карлович?

Ничего не понимая, простодушный Штрик-Штрикфельдт вышел из комнаты. Через несколько минут в канцелярию поднялся Власов.

— Я вам уже однажды говорил, дорогой друг, что нельзя иметь таких мертвых друзей, — быстро прошептал он. — Вильфрид Карлович! Вы мой домашний святой, и я скажу вам, что потрясен, как и вы. Барон был для всех нас особенно близким и верным другом. Но я думаю о вас! Если вы и дальше будете так неосторожны, я останусь без своего святого!

Штрик-Штрикфельдт, все еще обижаясь, пробурчал, что говорил в присутствии ближайших помощников генерала.

— Два лишних свидетеля, — спокойно сказал Власов. — Яни минуты не сомневаюсь в их порядочности. Но зачем втягивать их? А если их когда-либо спросят: «Говорил ли капитан Штрик об этих заговорщиках как о своих друзьях?». Что тогда? Из легкомыслия вы подвергнетесь смертельной опасности и потянете за собой других. Я знаю методы ЧК и НКВД, ваше гестапо скоро будет таким же.

Вот эта-то осторожность Андрея Андреевича и, конечно же, теплое отношение к Власову, поселившееся в сердце эсэсовской вдовы Хейди Биленберг еще до покушения на Гитлера, и спасли власовцев. Как справедливо отмечают многие исследователи, если бы этого не было, то после 20 июля само движение оказалось бы вовлечено в волну общего уничтожения.

И Гелен, и окружавшие Власова прибалтийские немцы могли теперь только предостерегать Власова, но препятствовать СС в захвате движения они были не способны.

Как они опасались, так и случилось.

«Однако порядок, по которому СС и СД переняли власовское движение, отнюдь не рождал радости, — скорбно заметил по этому поводу Сергей Фрелих. — Они, так поздно пришедшие к нему, неожиданно все лучше знали и прижали к стене нас, поставивших с самого начала с большим гражданским мужеством на карту».

«Новых господ», с которыми Власову теперь пришлось иметь дело, возглавлял эсэсовский оберфюрер доктор Эрхард Крэгер. Он приступил к обязанностям еще 22 июля 1942 года. То ли он должен был присматривать за Андреем Андреевичем Власовым, то ли его

присутствие должно было компенсировать генералу задержку встречи с Гиммлером, занятым раскорчевкой зарослей антигитлеровского заговора.

Сергей Фрелих не говорит, но, по сути, во власовском движении произошел переворот. Прибалтийские немцы из «Вермахт пропаганды», выпестовавшие Власова, были оттеснены в сторону.

Делалось это последовательно, шаг за шагом.

Штрик-Штрикфельдту, например, предложили перейти в войска СС, обещая чин штурмбанфюрера (майора).

— Перевод в СС будет, конечно, проведен быстро, — сказал Гелен, когда Вильфрид Карлович сказал ему о предложении. — А если вы окажетесь в СС, возврата уже не будет. Безграничное доверие, которым вы пользуетесь у Власова и у других русских, ценится на вес золота. С самых дней в Виннице вы никогда не обманули этих людей. Это ваш капитал! Я знаю это. Если же вы теперь перейдете в СС, вам придется обманывать русских. И тогда вы проиграете ваш капитал. И мы вас тоже потеряем, хотя, быть может, в один прекрасный день вы нам снова понадобится.

— Вы все еще думаете так?

— Никогда нельзя знать наперед, — уклончиво ответил Гелен.

«Я не знаю, — пишет В. Штрик-Штрикфельдт, — какими соображениями он руководствовался. Со времени событий 20 июля он стал еще более сдержанным. В „клубе“ при ФНО никогда не говорили о трагических событиях 20 июля, но господствовало убеждение, что „шеф“, несмотря на весь его ум и осторожность, уцелел лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств».

Между прочим, у Сергея Фрелиха тоже возникли сомнения: переходить ли в СС? Он решил посоветоваться на этот счет с Власовым.

«— Брось, Серега, кобениться, — мудро сказал тогда Андрей Андреевич. — Вступай к нам в колхоз».

Глава четвертая

Тем не менее, и влившись в империю СС, власовское движение не избавилось от многочисленных опасностей, подстерегавших «освободителей России» на каждом шагу.

26 июля 1942 года исчез зять наркома Бубнова (или Корнея Ивановича Чуковского?), ученик Николая Ивановича Бухарина — Мелетий Александрович Зыков.

Зыков к тому времени женился на русской эмигрантке ^[77] из Югославии и жил в деревне под Берлином.

Телефон в деревне был только в трактире.

Зыков обедал дома, когда пришла хозяйка трактира и сказала, что «герра Зыкофа» приглашают к аппарату.

Сопровождаемый секретарем Ножиным, Мелетий Александрович вышел из дома, но до трактира не дошел.

За углом его ожидали мужчины в черных кожаных пальто. После возбужденного разговора все четверо сели в машину и уехали.

Д'Алькен, собиравшийся задействовать Мелетия Александровича в продолжении операции «Скорпион Восток», навел справки, но служба безопасности никаких следов ни Зыкова, ни Ножина не обнаружила.

Начали говорить, что СД, считавшая ошибочным использование еврея-марксиста в акции «Скорпион Восток», поспешила ликвидировать его. Так это или иначе неизвестно, но совершенно определенно, немцы обошлись с «наркомзят» суровее И.В. Сталина. В Советском Союзе Зыков имел всего четыре года ссылки.

Некоторые мемуаристы считают, что Власов терпеть не мог Зыкова, другие утверждают, что Мелетий Александрович был правой рукой Андрея Андреевича.

Как было на самом деле, сказать трудно.

Но точно известно, что из-за исчезновения Зыкова — как же Русское освободительное движение без еврея останется? — Власов переживал сильно. Даже запил по такому случаю.

Беспокоило Власова и то, что намечавшаяся встреча с Гиммлером была отложена на неопределенное время. Он понимал, как сильно загружен сейчас рейхсфюрер работой в подвалах гестапо, но все же...

Однако не одними только печалью и горестями жил Власов.

Были и у него в том тревожном берлинском лете сорок четвертого года и свои маленькие радости.

«О Власове узнали. Стали появляться женщины, делая ему разные предложения, — вспоминает Сергей Фрелих. — Он им редко отказывал».

Летом 1944 года Фрелих летал в Ригу, чтобы эвакуировать свою фирму.

Здесь его разыскала Мария Воронова, которая скрашивала Власову фронтовые будни и под Москвой, и в Волховских болотах.

«Госпожа Воронова неожиданно появилась в моем кабинете. По ее словам, она случайно узнала, что я нахожусь в Риге. И поскольку она также знает, что я имею отношение к Власову, то высказала пожелание поехать в Берлин».

Фрелих выхлопотал Вороновой нужные документы и, выдав ее за служащую своей фирмы, посадил на пароход «Монте Роза», вывозивший гражданских беженцев из Риги.

Воронова первый раз ехала в Германию, но никакого волнения не испытывала — все путешествие она провела в своей каюте, где читала криминальные романы.

В Берлине ее ожидала восторженная встреча.

«Объятия, поцелуи и водка лились вовсю.

В первый же вечер Воронова созналась генералу, что была послана партизанами с приказом отравить его. Это признание вызвало новую пьянку, которая продолжалась до раннего утра».

А.С. Казанцев, побывавший в эти дни у Власова, рассказывал, что генерал чрезвычайно обрадовался ему.

— А! — сказал он. — Это ты, Александр Степанович! Садись. Водку кушать будем. Маруся! Принеси стакан.

И когда Воронова вышла, Власов шепотом рассказал Казанцеву, что, когда немцы выпустили его ППЖ из лагеря, она попала к партизанам, и те поручили ей вернуться к нему и отравить.

— Но Маруся все мне рассказала, как только Серега привез ее к нам! Выпьем, Александр Степанович, за наших русских женщин! За любовь, которая яд, и за яд, который превращается в любовь!

И тем не менее хлопоты и заботы о Русской освободительной армии заставили Власова оторваться от фронтовой подруги.

В середине августа он отправился к эсэсовской вдове.

Хотя, может быть, его увезли к Хейди насильно.

Обратите внимание, как по-прибалтийски благопристойно сформулировал Сергей Фрелих эту пикантную ситуацию:

«Во имя безопасности Власова и с целью подсказать ему другие мысли, мы предложили ему посещение Руполдинга, а точнее, здравницы для солдат СС поблизости Таубензее».

Главное, что ни слова неправды тут нет — появление Марии Вороновой и впрямь, вероятно, могло угрожать — она просто споила бы его! — безопасности генерала, не говоря уже о деле освобождения народов России.

Приехали в Мюнхен, переночевали и на поезде поехали в Руполдинг, а там уже ждала машина, посланная Хейди Биленберг за ее любимым «генералом Власоффым».

Горный курорт с его ярко окрашенными домиками потряс Андрея Андреевича. По простоте души Власов предположил, что это дачи богачей и у него тоже когда-нибудь будет такой домик. Но ему объяснили, что в домиках — вот оно, истинное торжество национал-социализма! — живут теперь простые немецкие рабочие. Власов не поверил и потребовал, чтобы его завели в один из домиков.

«Любезная хозяйка, которой мы объяснили причину нашего визита, охотно показала нам все: весь дом, комнаты, кухню, кладовую, скотный двор со свиньей и курами. Власов открывал шкафы и ощупывал кровати».

— Вы, немцы, дважды победили меня, — сказал он, наконец. — Один раз на Волхове и второй раз здесь, в сердце Германии.

Сергей Фрелих вспоминает, что эсэсовская вдова Адельхейд (Хейди) Биленберг, руководившая курортом, была весьма интересной

особой. Ей было лет тридцать пять. Начитанная, общительная, она охотно играла на гитаре и пела.

«Мы сидели в ее комнате на мягких креслах у круглого стола и пили чай. Казалось, что Власов был под сильным впечатлением от этой не обычной уютной атмосферы и вообще от личности хозяйки. Они ходили вместе гулять и с удовольствием беседовали. За это время Власов настолько освоил немецкий язык, что мог заставить себя понимать его, а госпожа Биленберг знала несколько фраз по-русски».

Мы не случайно выделили слова о языке.

После блужданий по Волховским болотам, а затем и в плену во Власове необыкновенно развилась способность к мимикрии. Он как-то мгновенно улавливал теперь самые слабые токи симпатий и предпочтений и тут же менялся в соответствии с ними, принимая обличие нравящегося его собеседнику (или собеседнице) политического и общественного ландшафта.

Протоиерей Александр Киселев приводит любопытную сцену.

Власов спросил у белогвардейского генерала А.А. Лампе о его отношении к РОА.

— Видите ли, Андрей Андреевич, — сказал Лампе, не симпатизировавший планам немецкого национал-социализма относительно России. — Мы с генералом Красновым — монархисты!

Ответ, способный обескуражить кого угодно, но только не Власова.

— Поезжайте в наше село, господа генералы, — дружелюбно загудел он. — Там вы найдете еще одного монархиста — моего отца. Он — кирасир, и его идеал — император Александр Третий.

И дело тут не только в быстроте реакции, не только в сообразительности и даже не в беспринципности и цинизме — отца у Власова давно уже не было в живых, — а в способности, как мы говорили, мгновенно улавливать самые слабые токи симпатий и предпочтений собеседников и меняться в соответствии с ними. Меняться, не задумываясь, даже и не сознавая, что ты меняешься.

Вероятно, эта способность, помимо прочих достоинств, и способствовала Власову в преодолении языкового барьера с Хейди Биленберг.

— Вы, я смотрю, господин генерал, совсем уже освоили немецкий язык, — криво улыбаясь, сказал Власову его «домашний святой», Штрик-Штрикфельдт.

— Вильфрид Карлович, — ответил Власов, — для Руполдинга и моего немецкого хватает.

Какая-то горькая ирония ощущается в том, что, создавая свое детище — Комитет освобождения народов России и Русскую освободительную армию, Власов повторяет карьеру в Китае.

Попав в постель Хейди Биленберг, Власов устанавливает родственные отношения с высшим эсэсовским руководством (брат Хейди был ближайшим помощником Гиммлера).

Теперь и обретает наконец реальность его проект создания настоящей, а не пропагандной «Русской освободительной армии».

Глава пятая

16 сентября 1944 года произошло невероятное.

В этот день Власов встретился с «черным Генрихом».

Сохранилась фотография: генерал Власов и рейхсфюрер Гиммлер.

Оба в очках. В профиле Гиммлера что-то лисье. Профиль Власова тяжелее, проще.

Д'Алькен подробно описал это свидание.

Гиммлер приветствовал Власова, и в его взгляде можно было прочесть изумление — генерал произвел на него впечатление своим ростом, достоинством и глубоким голосом.

— Господин генерал, — сказал рейхсфюрер, предложив Власову сесть. — Я должен честно признаться, что я глубоко сожалею, что эта встреча произошла только теперь. Но я уверен, что еще не поздно. Те решения, к которым мы должны здесь прийти, требуют известного времени для созревания. Я не принадлежу к числу людей, быстро выносящих свои суждения, но, если я принимаю какое-нибудь решение, я остаюсь при нем.

И как бы в подтверждение своих слов Гиммлер бросил взгляд на д'Алькена.

— Я знаю, — продолжал он, — что обо мне говорят, но это меня не беспокоит. Болтают что угодно; однако даже эти сплетни повышают мое значение, вызывают большее уважение. Поэтому я не собираюсь опровергать эти разговоры... Было сделано много ошибок, и я знаю все ошибки, которые касаются вас. Поэтому сегодня я хочу говорить с вами с бесстрашной откровенностью.

Единомыслия относительно «унтерменшей» к осени 1944 года не осталось ни в армии, ни в национал-социалистической партии, ни в организации СС.

И «главный эсэсовец Рейха», который еще недавно был буквально пропитан идеями об избранничестве немецкой расы, тоже дал слабину. Может быть, его поколебали в убеждениях пытки офицеров и генералов в гестапо, при которых он присутствовал?

Ведь это он сам заговорил об ошибках!

Д'Алькен вспоминал, что был поражен, с какой легкостью и умением Гиммлер обошел и сгладил пропасть, лежавшую между ним и Власовым.

— Не моя вина, что назначенная нами первая встреча была отложена! — сказал Гиммлер. — Вам известны причины, а также и вся

ответственность, тяжелым бременем павшая на мои плечи. Я надеюсь, что вам все это знакомо и понятно!

Власов внимательно следил за Гиммлером, и одновременно как бы впитывал в себя перевод доктора Крэгера. Его лицо было похоже на маску, скрывавшую все его мысли, чувства, обвинения и сомнения.

Когда Гиммлер окончил свое обращение, Власов немного помолчал, а затем спокойно, разделяя слова, чтобы облегчить работу переводчика, начал:

— Господин министр! Благодарю вас за приглашение. Верьте, я счастлив, что наконец мне удалось встретиться с одним из настоящих вождей Германии и изложить ему свои мысли. Вы, господин министр, сегодня самый сильный человек в правительстве Третьего рейха, я же. генерал Власов, первый генерал, который в этой войне на боевых полях России разбил германскую армию под Москвой. Разве это не перст судьбы, которой привел к нашей встрече?

Напомним читателю, что причиной, вызвавшей гнев Гиммлера весной 1943 года, были хвастливые слова Власова насчет Русской освободительной армии, без которой немцы никогда не смогут победить Сталина. И сейчас, называя себя первым генералом, который сумел разбить германскую армию, Власов рисковал.

Д'Алькен никак не комментирует реакцию Гиммлера.

Он лишь отмечает, что Гиммлер сдержался, услышав рискованные слова Власова. Только бросил косой взгляд на д'Алькана и опять застыл.

Но мы прокомментировать этот эпизод обязаны.

Власов всегда умел подать себя. Искусством приписывать себе чужие заслуги Андрей Андреевич владел в совершенстве. Это известно, об этом мы уже не раз говорили, и разбираемый эпизод ничего нового не прибавляет для обрисовки характера Власова.

Новое тут, пожалуй, только необыкновенное мастерство, с которым умудряется Власов как бы отчасти переписать на себя и те победы советских войск, которые были одержаны, когда сам Власов уже перешел на обеспечение немцев.

Фраза Власова выстроена необыкновенно мастерски.

Можно понять из нее, что Власов первым из русских генералов разбил немцев, но можно понять ее и как намек, что он, Власов, первый из генералов, бьющих сейчас немцев на всех фронтах.

Разумеется, разговор, который ведется через переводчиков, не мог удержать всей многозначности вкладываемых в слова смыслов, но Власов и не собирался передоверять доктору Крэгеру его перевод.

За несколько дней до встречи с Гиммлером Власов поведал своему верному Сергею Фрелиху, как он собирается воевать со Сталиным, когда окажется во главе Русской освободительной армии.

— Меня там знают... — осушив очередной стакан, рассказывал он. — С большим числом командующих генералов я в дружбе. Я хорошо знаю,

как они относятся к советской власти. А генералы тоже знают, что я об этом осведомлен. Нам не надо будет друг другу ничего выдумывать. Мы сразу поймем друг друга, хотя бы даже и по телефону.

На самом ли деле он надеялся выиграть войну по телефону или это отчаяние было — Фрелих так и не понял, но о разговоре, как и положено, сообщил. Так что Гиммлер теперь, даже если Крэгер и запнулся в переводе, все понял.

Не так уж и важно, как прозвучало по-немецки: «первый генерал», или «первым из генералов». Гиммлер понял, что Власов говорит о своих способностях и возможностях выиграть войну и по телефону.

Ну, а Власову, когда Гиммлер, ограничившись лишь косым взглядом на главного эсэсовского пропагандиста, промолчал, стало ясно, что «черный Генрих», как ребенок, готов сейчас поверить в любое чудо. Поэтому, подняв голос, он сказал с некоторой торжественностью:

— Прежде чем изложить вам, господин министр, свою программу, я должен подчеркнуть следующее: я ненавижу ту систему, которая из меня сделала большого человека. Но это не мешает мне гордиться тем, что я — русский. Я — сын простого крестьянина. Поэтому я и умею любить свою родину, свою землю так же, как ее любит сын немецкого крестьянина. Я верю в то, что вы, господин министр, действительно готовы в кратчайшее время прийти к нам на помощь. Если удар будет нанесен в самое чувствительное место, система Сталина, уже обреченная на смерть, падет, как карточный домик. Но я должен подчеркнуть, что для обеспечения успеха вы должны вести с нами работу на принципе полного равенства. Именно поэтому я и хотел бы говорить с вами так же откровенно, как это сделали вы.

Гиммлер медленно опустил голову в знак согласия и, помолчав, сказал:

— Прошу вас.

Власов выпрямился на стуле и, подняв голову, продолжал все тем же тоном:

— К сожалению, господин министр, на нашем пути все еще находится много препятствий, которые мы должны расчистить. Меня глубоко поразила и оскорбила ваша брошюра «Унтерменш». Я буду счастлив, услышать лично от вас, что вы сейчас об этой брошюре думаете.

Д'Алькен замер, ожидая взрыва.

Ему показалось, что Власов специально нарываяется на скандал. Но Гиммлер в отличие от своего пропагандиста оказался и умнее, и тоньше. Он не разгневался и не смутился.

— Вы правы, — мягко сказал он, — нам нужно расчистить и этот вопрос. Он относится к прошлому, ко времени, когда было много непонимания и недоразумений, которые и привели к разным воззрениям и суждениям. Брошюра, о которой вы мне напомнили, относилась исключительно к «большевистскому человеку», продукту

системы, к тому, кто угрожает Германии тем же, что он сделал на вашей родине. В каждом народе есть «унтерменши». Разница лежит в том, что в России «унтерменши» держат власть в своих руках, в то время как в Германии я посадил их под замок и засовы. Вашей первой задачей является провести ту же акцию и у вас в Отечестве. Ну, а теперь мой черед задать прямой вопрос, господин генерал: действительно ли русский народ и сейчас поддержит вас в попытке свергнуть политическую систему и признает ли он вас как своего вождя?

Власов тоже не растерялся.

— Я могу честно в обоих случаях сказать «да», — сказал он. — При условии, что вами будут выполнены известные обязательства.

И, не останавливаясь, перешел в наступление.

— Вы вторглись в пределы моей родины под предлогом «самозащиты» от нашего «удара в спину».

Это не совсем отвечает истине. Правда, Сталин замышлял в 1941 году напасть на Германию, но он не чувствовал себя достаточно сильным и подготовленным к этому. Уже давно он разрабатывал план напасть в начале 1942 года на южную часть Европы. Главный удар был бы направлен на Румынию, Болгарию, Грецию и Дарданеллы. По теории Ленина, в борьбе против капиталистического мира страны капиталистов должны были падать одна за другой... Сталин раздумывал. Он боялся войны. Он надеялся распространить коммунизм в южной Европе без нападения на Германию, которая в то время была занята в войне с Англией. Поэтому он надеялся «без большой крови» захватить ключевые позиции, с которых произвести нажим на Германию и этим парализовать ее стремления к нападению. Поэтому мы и сконцентрировали столько ударных армий именно на юге России. Я должен признаться, что ваш неожиданный удар удался и застиг нас врасплох, в стадии приготовления и формирования. Этим и объясняются ваши первые молниеносные успехи. Я не могу удержаться, чтобы не похвалить ваши военные действия, ваших солдат, хотя уже в самом начале нам было ясно, что вы не выиграете войну по той стратегии и тактике, с которой вы ее вели. Я знаю, господин министр, что вам известно мое мнение и именно поэтому вы меня так упорно отстраняли.

Может быть, обо всем этом не стоит говорить, но я должен вам, господин министр, объяснить, почему я еще в 1941 году знал, что, если вести войну так, как вы ее ведете, вы никогда не победите. Если у вас была возможность этого достигнуть, так это было под Москвой и Ленинградом, куда вы должны были бросить всю немецкую военную силу. Это заставило бы нас бросить на произвол судьбы всю южную часть фронта.

Д'Алькен вспоминал, что вопреки его опасениям при этих словах лицо Гимmlера приобрело до некоторой степени спокойное выражение.

А Власов не унимался.

— Господин министр! — произнес он, наконец. — Я знаю, что еще сегодня я могу покончить войну против Сталина. Если бы я располагал ударной армией, состоящей из граждан моего Отечества, я дошел бы до Москвы и тогда закончил бы войну по телефону, поговорив с моими товарищами, которые сейчас борются на другой стороне. Вы думаете, что такой человек, как, например, маршал Рокоссовский, забыл про зубы, которые ему выбили в тюрьме на допросе? Это мои боевые товарищи, сыны моей родины, знают, что здесь происходило и происходит, и не верят в честность немецких обещаний, но, если появится настоящая Русская освободительная армия, носительница национальной, свободной идеи, — массы русского народа, за исключением негодяев, массы, которые в своем сердце антикоммунисты, поверят, что час освобождения настал и что на пути к свободе стоят только Сталин и его клика. Господин министр, вы должны мне верить в том, что я имею достаточно авторитета, чтобы командовать Освободительной армией и поднять на ноги народ России. Я — не какой-нибудь маленький человечек. Я не перебежал к вам из-за шкурного вопроса, как многие другие, которых никто на моей родине не знает, или как те, которые ищут пищи своему честолюбию. Я попал в плен, потому что не было другого выхода. Не физического выхода, а потому, что в дни моего раздумья в Волховском «мешке» я начал понимать многое, что делалось в России. Именно благодаря этому пониманию у меня созрело решение принять предложение немцев включиться в общую работу, несмотря на опасность стать «изменником родины». Я никогда не думал, господин министр, что мне придется так долго ждать встречи, которая произошла сегодня. Однако, несмотря на все оскорбления, на все разочарования, я и дальше придерживаюсь взгляда, что только в сотрудничестве с Германией мы найдем путь к освобождению России. Возможно, что сама судьба успехами Сталина ускорила это свидание. Господин министр, я — не нищий. Я не пришел к вам сюда с пустыми руками. Поверьте, что в спасении и освобождении моей родины лежит и спасение Германии!

Гиммлер спокойно дослушал яркую, темпераментную речь Власова.

Видно было, что речь эта произвела на него благоприятное впечатление. Рейхсфюрер хорошо понимал теперь Хейди Биленберг. Ему и самому импонировал Власов.

Но иначе и не могло быть...

Человек, предлагающий совершить чудо, чтобы спасти тебя, не может не импонировать.

— Господин генерал, — сказал Гиммлер, когда Власов замолчал. — Пожалуйста, откройте мне ваши взгляды на сегодняшнее военное положение.

— Я могу вам заранее предсказать дальнейшие операции Красной армии. Я следил за ней ежедневно за все время моего плена, я делал эти предсказания, но никто меня об этом не спрашивал. Каждая

насильственная система имеет свои слабости, также и коммунистическая. Она очень негибка и чувствительна ко всему неожиданному. — Тут Власов сделал паузу и оглянулся, как бы ища карту, но не нашел и, возвысил голос: — Вот такой неожиданностью для большевиков было бы создание национальной, освободительной армии! Дайте мне необходимую русскую силу! Я все время был против того, чтобы многочисленные батальоны, сформированные из моих соотечественников, перебрасывались во Францию, на западный фронт или в любые другие места. Теперь они попали под волну англо-американского наступления. Они должны бороться, а за что — они сами не знают. Они разрозненны, они разбиты. А ведь вы можете их срочно собрать, поставить под мою команду и положить этим начало большой освободительной армии!.. Еще не поздно, господин министр. Еще не поздно! Находящихся в Германии русских людей достаточно для армии в миллион и больше человек — не только в лагерях военнопленных, но, главным образом, там, где около шести миллионов моих земляков работают на оборону Германии. Из них вы всегда можете создать костяк настоящей армии, которая может кардинально изменить положение на Востоке. Если вы мне дадите свободу действий, мне легко созвать людей. Но помните, что только я, русский, могу призвать их под знамена. Ни один немец это сделать не может, так как именно вас всех обвиняют во всех перенесенных и переносимых страданиях и унижениях.

Власов опустил голову и, немного помолчав, почти выкрикнул:

— Огромный военный материал, которым вы располагали, теперь уже большею частью бессмысленно растрочен во Франции. Все же я прошу вас, господин министр, дайте мне оружие, оружие!

Он раскраснелся, его глаза сверкали из-за стекол очков.

Если и потребовалось бы сыграть роль вождя, русского фюрера, едва ли кто-то сделал бы это лучше.

Гиммлер выждал паузу, как и подобает настоящему фюреру, затем бесстрастно, почти равнодушно произнес:

— Господин генерал! Я разговаривал с фюрером. С этого момента вы можете считать себя главнокомандующим армией в чине генерал-полковника. Вы получите полномочие собрать офицеров по своему усмотрению, до чина полковника. Только, что касается ваших генералов, я должен попросить доставлять ваши предложения начальнику кадров немецкой армии. Все, что вы мне рассказали, в высшей степени интересно. Я придерживаюсь мнения, теперь, выслушав вас, что, конечно, существует возможность формирования армии. Как главнокомандующий резервами, я имею в своих руках средства для того, чтобы это сделать. Но, к сожалению, эти средства ограничены. Возможно, что вы найдете до статочно людей, но мы не должны забывать, что те, кто устремится в вашу армию, оставят за собой пустые места на наших заводах. Мы же не смеем разрешить себе

снизить продукцию нашей промышленности! Однако все же решающим вопросом является вооружение. Я могу пойти на формирование первых двух дивизий. Было бы крайне некорректно с моей стороны обещать вам сегодня больше и затем сокращать свои обязательства. Будете ли вы, господин генерал-полковник, удовлетворены моим предложением — приступить теперь к формированию только двух дивизий? Если да, то я немедленно отдам соответствующие приказания.

— Господин министр! Я принимаю во внимание существующие препятствия. Но я не теряю надежды,

что две дивизии — это только скромное начало, так как вы сами знаете, что одни вы не сможете пробить стену головой. Поэтому расширение формирования — в наших обоюдных интересах.

— Конечно, конечно! — весело воскликнул Гиммлер. — Наши арсеналы в данный момент из-за переноса нашей промышленности очень скудны. Но, верьте, это скоро изменится, главным образом, благодаря работе и испытаниям над новым оружием, о котором вы не могли не слышать и которое сыграет решающую роль в войне... Сами понимаете, что я не могу вдаваться в подробности...

— Несмотря на то, что русские части во Франции разрознены и разбиты, я считаю своим долгом еще раз подчеркнуть необходимость собрать их и реорганизовать.

— Конечно, конечно. Это, само собой разумеется.

— Эти ваши слова я принимаю с благодарностью к сведению, но одновременно принимаю их как обещание прекратить распыление национальных русских сил в Германии. Если мы хотим победить Сталина, то это будет невозможно, если и дальше «восточное министерство» будет делать, что ему заблагорассудится, разбивая наши силы на разные сепаратистские группы и комитеты. Эти группы управляются честолюбивыми людьми, которым все равно, что они ведут людей бороться за чужие интересы. Если нам удастся добиться освобождения России, то само собой разумеется, что там, именно в России, будет предоставлена возможность украинцам, кавказцам и другим решить, хотят ли они, чтобы их государства стали независимы, или они желают остаться членами великой России. Я почти уверен в исходе подобного выбора и в том, что те силы, которые при помощи «восточного министерства» и других немецких учреждений уже заранее пытаются оторвать национальности от великой России, ни в коем случае не найдут отклика среди самого народа этих частей моей родины. Наш народ понятия не имеет о созданных здесь своих «вождях». Национальные республики уже давно соединены в экономическом плане всерусской государственности. Это мое убеждение. Конечно, я могу ошибаться, но, во всяком случае, мы должны начинать с этой платформы: совместной, честной борьбы против Сталина, за свержение его режима. Мне известно, господин министр, что вашей главной идеей является новая Европа, и что ваши

эсэсовские части состоят из представителей разных европейских народов. Они сегодня борются плечом к плечу, дружно, без споров. Будущий же, новый порядок можно создать только тогда, когда победа будет достигнута. Если я при вашей помощи смогу свергнуть Сталина и его режим, то я знаю, что за эту услугу в будущем мне придется принести некоторые жертвы. Возможно, что когда-нибудь мы станем перед проблемой уничтожения старых границ и начертания новых. Возможно, что в будущей «общей Европе» Украина станет равноправным членом, но она при этом не сделается сепаратистской частью России. Но обо всем этом мы будем говорить только после совместно достигнутой победы, на принципах взаимопонимания и полного равноправия.

Д'Алькен вспоминал, что в этот момент разговор поднялся к критической черте. Власов попытался перебросить мост через непроходимую, как казалось на первый взгляд, пропасть — гиммлеровскую идею о германизации Востока.

— Господин министр, — сказал Власов. — Если вы искренне стремитесь к победе, то вы должны снять с меня запрет вести разговоры с представителями так называемых националов». Вы имеете власть это сделать. Вы можете все разрозненные силы объединить на базе предположительного федерализма, которая существовала бы на протяжении всего времени борьбы с коммунизмом. В общем, я не могу от вас скрыть, что я пережил столько разочарований, что я больше не хочу тратить силы на бесцельную, ненужную борьбу одних против других. Я стремлюсь к тому, чтобы прямые переговоры вести только с одним немецким авторитетом.

Гиммлер слушал, не перебивая.

— Здесь, рядом со мной, сидят два человека, с которыми вы познакомились, — ответил он, не задумываясь. — Группенфюрер Бергер будет заменять меня во всех вопросах, касающихся вас. С ним вы будете тесно сотрудничать. Кроме того, я назначу доктора Крэгера связным.

— Благодарю вас, господин министр. Я даже не рассчитывал на это. Но я еще не кончил. Я должен затронуть еще некоторые факты. Дело касается моих соотечественников, находящихся на работах в Германии. Вы опасаетесь, что включение их в ряды освободительной армии нанесет удар немецкой промышленности?

— Да! — сказал Гиммлер. — Поверьте, что я много думал, много наблюдал за этими людьми. Должен признаться, что мы поражены. Эти люди превзошли все наши ожидания. Случаев саботажа не так уже много, как мы предполагали.

— Господин министр, если мои соотечественники будут знать, что они работают не для чужой страны и чужих стремлений, никакого саботажа не будет. Если мы рассеем их сомнения насчет честности намерения Германии освободить их родину, они будут работать

больше, лучше, жертвенно. Кроме того, наша победа над Сталиным лежит не в одном формировании освободительной армии, а в создании единого политического центра, который будет иметь право обнародовать программу нового строя на родине.

— Об этом мне уже было сообщено, у меня есть общее представление о центре, так же как и об освободительной армии. Я предполагаю, что вы одновременно будете и главой этого центра.

— Если мы уделили сегодня столько времени всем вопросам, то я прошу разрешения дать мне возможность доложить вам об уже разработанных планах для армии и для правительства, которые мы сначала из осторожности назовем «комитетом», — сказал Власов и дал знак своему адъютанту принести карту.

— Спасибо! — проговорил Гиммлер. — Я отдам приказ просмотреть ваши предложения.

— Я не закончил вопрос о «комитете», — продолжал Власов. — В связи с ним я хочу просить, чтобы план был расширен и все мои соотечественники, находящиеся в Германии, все русские подданные были бы подчинены именно комитету. Это подчинение сопровождалось бы всеми дисциплинарными правами. В этом случае я приму на себя ответственность, чтобы включение моих соотечественников в освободительную армию не отозвалось на продукции. Я позабочусь о том, чтобы оставшиеся на местах рабочие силы усилили напор, так как, повторяю, они будут знать, для кого и для чего они работают.

— Согласен с вашим мнением. Мы обязаны заняться вопросом о ваших людях. Я уже подготовил свою позицию для того, чтобы она произвела полное облегчение условий жизни ваших земляков... Однако, боюсь, что полное подчинение вам гммм... не очень разумная вещь. Ведь вы должны будете их наказывать. Это может бросить известную тень, тем более что. Обо мне лично уже давно создано очень плохое мнение. Все же я думаю, — торопливо говорил Гиммлер, — я надеюсь, все это урегулировать позже. Когда сначала будет создана ваша армия, а затем комитет, как вы его назвали, я вас представлю фюреру в рамках вполне официального приема. Тогда, тогда возможно будет заключить союз.

Когда Гиммлер начинал заикаться, это означало, что прием закончен.

Д'Алькен это хорошо знал.

Знал это и Власов.

Он тоже поднялся.

Гиммлер пригласил его пообедать.

Во время еды беседа продолжалась, и хотя говорили уже на общие темы, без записи и стенограммы, но некоторые слова Власова запомнились д'Алькену.

Когда разговор коснулся расстрела Тухачевского, Власов, не сморгнув, ответил:

— Тухачевский сделал ту же ошибку, как и ваши противники, господин министр, 20 июля! Он не знал психологии масс.

Когда Власов — он пробыл у Гиммлера шесть часов! — попрощался и ушел, рейхсфюрер задержал д'Алькена.

— Вы правы, — сказал он. — Это — крупная, большая личность. Но вы не должны забывать, что он — славянин. Я вам приказываю все время находиться начеку и немедленно доносить мне обо всем, что будет выходить за пределы нами сегодня говоренного. Я должен все время быть настороже! Но то, что говорил Власов о будущем, меня глубоко поразило. С ним мы достигнем гораздо большего, чем всей пропагандой. Однако он — славянин и останется славянином.

На следующий день после этой встречи Жиленков вызвал нового редактора газеты «Заря» Ковальчука, старшего преподавателя Зайцева, сотрудника отдела печати Норейкиса и передал им указание Власова составить программу Русского освободительного движения.

Собрав все документы, пропагандисты принялись за работу.

«В составлении манифеста участвовали Жиленков и работники его отдела, — показывал А.А. Власов на московском процессе. — Редактировал манифест я сам при участии Жиленкова, Закутного, Малышкина. Написанный нами проект манифеста был передан на утверждение Гиммлеру. Последний внес в него свои поправки. После этого манифест был переведен на немецкий язык, и Гиммлер снова проверял его».

Так и был создан текст, который прозвучал 14 ноября 1944 года в Праге и вошел в историю под названием Пражского манифеста.

Глава шестая

Размышляя над судьбой генерала Власова, анализируя факты его биографии, его поступки, слова и мысли, легко опровергнуть любую выдвигаемую его врагами или почитателями версию.

Только безумие нашего времени могло породить мысль о Власове как о сотруднике Главного разведывательного управления.

Не был Власов и героем, готовым пожертвовать собою ради русского дела, во имя Родины.

Однако и предателем в том смысле, которым нагружали это слово советские пропагандисты, он тоже не был. Он не сдавал немцам 2-ю Ударную армию, он не стремился попасть в немецкий плен. Другое дело, что оказавшись в плену он не нашел в себе достаточного мужества, чтобы отказаться от сотрудничества с немцами, но и вступив на путь сотрудничества, он сотрудничал с немцами не совсем так, как бы хотелось им.

Да, зачастую Власов вел себя не самым подобающим образом.

Да, он говорил одним одно, другим другое.

Но как-то не получается говорить о Власове только как о развратнике, не удастся втиснуть его облик в рамки портрета интригана.

Власов оказывается сложнее тех схем, которые прикладываются к нему.

Он выламывается из этих схем, потому что с точки зрения личной пользы, комфорта, удобств и гарантий будущей безопасности необъяснимо упорство, с которым он занимается созданием Русской освободительной армии.

Заниматься этим Власову-предателю не было нужды.

И, конечно же, не нужно изощряться в изобретении фантастических объяснений этого упорства.

Все очень просто и понятно...

Русскую освободительную армию изобрели сотрудники «Вермахт пропаганды» для «пропагандного употребления» в 1942 году.

Если попытаться проанализировать эволюцию взглядов прибалтийских немцев, стоявших у истоков движения, на примере того же Вильфрида Карловича Штрик-Штрикфельдта, то обнаружится, что его представления о новой ост-политике ни в коей мере не подменяли национал-социалистической доктрины. Они лишь предполагали смягчение ее, да и то только на период войны, пока не сломлено до конца сопротивление Советского Союза.

С этим, рассчитанным на безопасное снабжение действующей армии обновлением ост-политики, с этой, предназначенной лишь для «пропагандного употребления» Русской освободительной армией и связал судьбу Власов-предатель.

Но шли дни, шли месяцы.

Согласно пропагандистскому сценарию, Власов изображал вождя Русского освободительного движения. Он принимал игрушечные парады. Он выступал в Смоленске, в Пскове, в Гатчине.

И постепенно генерал, которого засосали было волховские болота, вдруг ощутил некую твердь под ногами. Он продолжал барахтаться в трясине, он мог увлечь в топь других людей, но сам не тонул. Эту вязкую генеральскую силу во Власове с необыкновенной тонкостью оккультиста ощутил Гитлер, назвавший Власова «человеком из трясины».

И наступил момент, когда Власов перестал быть человеком из трясины, а сам превратился в трясины. Он продолжал изображать из себя песочек в детской песочнице, где забавляются сотрудники «Вермахт пропаганды», он начал затягивать этих сотрудников в себя.

Когда после покушения на Гитлера у «Вермахт пропаганды» отобрали руководство власовским движением и передали его в СС, капитаны фон Гроте и Штрик-Штрикфельдт всячески отговаривали Власова от контактов с Гиммлером.

Власов отвечал, что теперь он не один, за его спиной — Русское освободительное движение, и он не может обмануть соратников. О том, что он не может разочаровать обаятельную Хейди Биленберг, в постели которой потратил столько сил, убеждая СС в своей готовности к сотрудничеству, Власов своим «ангелам» не говорил.

Не говорил он и о том, что само Движение ожило, стало самостоятельным и не может зависеть теперь ни от чьих — в том числе и самого Власова — советов и пожеланий.

«Ангелы» из ведомства Гелена понимали это и сами.

Встреча Власова с Гиммлером, как утверждает Штрик-Штрикфельдт, переменяла все. На Штрик-Штрикфельдта обрушился шквал телефонных звонков и просьб о встречах от промышленников и из министерства Шпеера.

— Это очень важно и спешно, — говорили они. — Речь идет о том, чтобы получить информацию о власовском движении из первых рук. Власову, может быть, удастся помочь. И нам тоже!

Ну, а Гелен — ему чудом удалось уберечься от репрессий, последовавших после 20 июля! — ине скрывал своего разочарования.

Грустно было не только ему.

«Надежда на возможность преображения каждого человека привела меня к Власову, — пишет Штрик-Штрикфельдт в своей книге. — Ею мы питались все это тяжелое время. И вот эта надежда была мертва. Я сказал Власову, что у меня из-под ног выбита почва и что мои внутренние силы иссякли».

— Вы напрасно надеетесь, — сказал Власову Штрик-Штрикфельдт. — Ни Гиммлер, ни Гитлер не переменятся. Слишком поздно ожидать изменения хода войны.

— Если бы Германия продержалась еще 12-15 месяцев, у нас было бы время создать достаточно мощный военный кулак, — сказал Власов. — Этот кулак с поддержкой вермахта и малых европейских народов мог бы составить нечто, с чем Америка и Англия, так же, как и Москва, стали бы считаться. Но этого времени у нас не будет.

— Я вижу только один выход, Андрей Андреевич. Вы должны ехать в Прагу и обнародовать манифест. Тогда весь свободный мир услышит о вас. А когда пражские церемонии закончатся, вы должны уйти, заявив, что национал-социалистическое правительство не сдержало данных вам обещаний. Только так вы можете заложить фундамент для будущего развития. Я знаю, что это легко сказать и трудно сделать. Без сомнения, это приведет вас в лагерь или в тюрьму. Но Русское освободительное движение будет жить.

— Жалко, что уже нет Зыкова, который мог бы сказать свое слово, — ответил Власов и сделал паузу, чтобы «домашний святой» мог вспомнить о грустной судьбе «наркомзятя». — Может быть, еврей нашел бы выход. Он всегда чуял его. А я выходы искать не умею и не хочу, когда миллионы людей ^[78] надеются на Власова.

Я не могу бросить их, я должен идти по этому пути до горького конца.

— Он не уйдет от Гиммлера... — выслушав Штрик-Штрикфельдта, сказал пронизательный Гелен. — Значит, сейчас нужно хотя бы не допустить, чтобы СС забрал и вас. Прежде всего вы должны исчезнуть из поля зрения. Вы поедете в Померанию, где будете писать историю власовского движения. А там посмотрим. Я отдам необходимые распоряжения.

Штрик-Штрикфельдту дали адрес поместья в Померании.

«В одинокой усадьбе господина Кортюма меня приняли сердечно. Кортюм был в курсе дела. Мне предоставили уютную комнату, и я смог сразу приступить к работе».

— Вильфрид Карлович — моя совесть, — часто говорил Власов. — Когда он меня убеждает, нет возможности не согласиться с его доводами. В нашем кругу он выполняет роль домашнего святого. Он — наша святыня. Я твердо убежден, что он готов ко всему, чтобы продвигать вперед наше задание.

Однако прощание Власова с «домашним святым» прошло сухо.

«Поведение Власова, — свидетельствует Фрелих, — стало для меня еще одним доказательством влияния на него советской школы, а именно: не следует выражать симпатии другу, попавшему в немилость, это ему все равно не поможет».

Глава седьмая

И вот наступило 14 ноября 1944 года — день, которого так ждал Андрей Андреевич Власов.

В Праге, во дворце Храдчаны был создан Комитет освобождения народов России.

Открыл собрание профессор Сергей Михайлович Руднев ^[79]. Он плакал, произнося речь.

Стоя за столом, генерал Власов прочитал доклад.

Слева от Власова сидели генералы Трухин и Жиленков, справа — профессор Руднев, генерал Малышкин, профессор Богатырчук ^[80].

После заседания Карл Герман Франк — министр Богемии и Моравии — дал во дворце Черни торжественный банкет на шестьдесят человек.

Ужин был богатый, вино лилось рекой. Многие не устояли, но Власов держался. Весь ужин он почти не пил.

Игорь Новосильцев вспоминал потом, как Власов подозвал его к себе и спросил на ухо:

— Игорек, как я себя держу? Они, — генерал Власов подчеркнул это презрительно ироническое «они» и снова кивнул в сторону немецкого офицера, — меня часто спрашивают, какие гарантии я могу дать, что,

получив оружие, не поверну его против немцев? А я отвечаю: лучшая гарантия — ваше собственное честное поведение по отношению к нам, русским. Что значит честное, объяснять не стоит: сами должны знать. А иначе лучше мне оружия не давайте, обязательно поверну против вас, немедленно поверну при первой же подлости с вашей стороны!

Для рядовых членов КОНРа устроили вечер в пражском автомобильном клубе, который быстро превратился в безобразную пьянку. Зал наполнился криками подвыпивших людей. Они яростно жестикулировали, а потом валились на пол и засыпали.

«Но эта распушенность объяснялась отчаянием, — говорит Сергей Фрелих. — Мы все понимали, что это начинание пришло слишком поздно. То, что Гитлер раньше не мог решиться в пользу власовского движения, определило судьбу всех нас».

Некоторые исследователи и сейчас считают, что «Пражский манифест» — документ, предназначенный не столько для прямого действия, сколько для историков, и его сверхзадача заключается в том, чтобы объяснить потомкам, что предатели, собравшиеся в Праге, предавали страну не для того, чтобы принести ей зло, а для того, чтобы освободить ее.

Впрочем, пребывание членов Комитета в Праге было очень кратковременным. Сама поездка в Прагу была нужна только для того, чтобы этот акт состоялся не в Германии, а на славянской земле.

Это, как говорит протоиерей Александр Киселев, было категорическим условием генерала Власова.

И тут, забегаая вперед, вспомним о пражской эпопее Русской освободительной армии... Отход власовских дивизий к городу, где был озвучен «Пражский манифест», что это? Случайное совпадение или стратегический замысел?

Пражское торжество продолжили в Берлинском «Европа-хаус» (Доме Европы).

«18 ноября в одном из немногих уцелевших к тому времени залов Берлина, в „Европа-хаус“, состоялся торжественный вечер по случаю создания КОНР. Зал, вмещавший около 1500 человек, был заполнен почти исключительно русскими; немцев почти совсем не было, — вспоминал Л.В. Дудин (Н. Градобоев). — Первые ряды были заняты духовенством и военнопленными, привезенными прямо из лагерей. Все остальные, какое бы положение они ни занимали, размещались позади. Таково было личное желание Власова. Сцена, на которой сидели члены Комитета, была украшена национальными флагами всех народов России, а по обеим сторонам ее огромными полотнищами свешивались русский трехцветный и андреевский флаги.

На этом собрании Власов еще раз зачитал манифест и сказал большую политическую речь, в которой весьма резко и объективно были оценены цели и возможности Русского движения и возможные будущие отношения между Россией и Германией.

После Власова выступали с речами представители различных народов России, а также рабочих, интеллигенции, женщин, добровольцев и духовенства. Необычайные по силе и глубине чувства речи произнесли священник А. Киселев и поручик Димитриев».

Речь протоиерея Александра Киселева сохранилась.

Молодой священник обратился тогда ко всем православным людям, к представителям, как он сказал, «дорогого Отечества нашего»: «Существует не только классовая правда, и не она занимает высшее нравственное положение, как учили нас эти четверть века, но существует правда божественная, которая всегда, при всех условиях и для всех правда, — говорил он. — Нет одного нравственного требования для рабочего, а другого для интеллигента, но для всех — один нравственный закон и одни для всех нравственные требования и права. Социальные деления временны, но перед правдой Божией предстанем мы все равными получить то, что заслужили за земные свои дела.

Жить так, чтобы не страшно было умереть, чтобы не стыдно было дать ответ за прожитое ^[81] — вот то, к чему зовет нас Церковь Христова, Церковь Православная.

Церковь Христова указывает путь, раскрывает смысл, обновляет наши духовные силы. Нация творит, создавая быт и устои, входящие в плоть и кровь народа. И в безумстве своем жалки те правители, которые хотели изъять то, что в наших жилах и крови, — искание правды подлинной, правды, которая есть Христова правда.

Исключительно тяжел нынешний исторический момент — родина наша в нищете и развалинах, десятки миллионов сынов ее скитаются на чужбине, кругом кровь и неисчислимые мучения. У нас нет сейчас возможностей прекратить это бедствие, этот страшный бой. Но есть возможность пресечь то, что, как дрова костер, питает общее несчастье. И эта возможность сегодня декларирована пред нами.

Много хороших слов и добрых намерений высказано в декларации, но нашлись в ней и слова золотые, небесные слова. Вот они: „Никакой мести и преследований. Вот в этих словах, словах христианского милосердия заключено пресечение нынешнего нашего бедствия. Они — знамя нашей силы и мощи, ибо „все, что вечно, — человечно“.

Мы отвыкли слышать подобное, нас звали все к отмщению, разоблачению и искоренению, а вот эти слова открывают новые горизонты, в них залог прекращения ужасной бойни нынешнего дня! В них поворотный момент хода событий и образа мыслей многих людей.

Много доброго декларировано сегодня, но самое драгоценное — это призыв и обещание прекратить вражду, отпустить узников на свободу, дать свободный труд и не вменять во грех происхождение и прежний образ мыслей. Нашей движущей силой должна быть любовь к измученному и обманутому соотечественнику, любовь в противовес тем, кто идет во имя зла и ненависти. Помогите Бог, чтобы намерения эти

осуществились. Ведь только при их осуществлении возможно спасение Родины. Дело наше должно быть чистым, белоснежным, а не грязно-серым, и только тогда оно даст то, что ждем мы от него. Святое дело спасения родины может делаться лишь чистым сердцем и чистыми руками!

У кого из нас не болит сердце при мысли, что святое дело спасения родины связано с необходимостью братоубийственной войны — ужасного дела. Каков ответ, каков выход? Выход в том, что чем чище, чем белее будут дела наши, чем больше будет проведено в жизнь из того, что декларируется, тем меньше будет пролито братской крови. Чем больше милосердия и человеколюбия с нашей стороны, тем кратковременнее бой. Чем полнее осуществление обещанного у нас, тем меньше сил у врага, поработителя нашего народа.

„Война есть зло, но она бывает злом наименьшим и даже благим“. Именно таково положение в сегодняшний исторический день.

Вы, глубочтимый генерал Андрей Андреевич, вы, члены Комитета спасения народов России, и мы все, рядовые работники своего великого и многострадального народа, станем единодушно и смело на святое дело спасения Отчизны. Не гордо, потому что „Бог гордым противится, а смиренным дает благодать“, но мужественно и смело, потому что „не в силе Бог, а в правде“.

Помните, как говорил отец былинного богатыря Ильи Муромца в своем наставлении сыну — „на добрые дела благословение дам, а на плохие дела благословения нет“».

Речи священника Киселева и поручика Дмитриева важны тем, что они произнесены молодыми, искренне поверившими в новое начинание Андрея Андреевича Власова.

Как утверждает Л.В. Дудин (Н. Градобоев), поручик Дмитриев тоже говорил о самостоятельности целей и стремлений Русского национального движения, и каждая его фраза вызывала в зале шумные аплодисменты.

Когда же Дмитриев сказал: «Мы не наемники Германии и быть ими не собираемся», в зале вспыхнула такая овация, что он долго не мог продолжать свою речь.

Многие плакали.

«Это была минута высокого и редко встречаемого патриотического подъема, — говорит Л.В. Дудин (Н. Градобоев). — Русское движение сразу начинало перехлестывать через те рамки, в которые его хотели втиснуть немцы».

Через несколько дней в русском православном соборе в Берлине состоялось молебствие о даровании победы вооруженным силам КОНР. Служил глава Православной церкви за границей, митрополит Анастасий. На этом молебствии присутствовали почти все члены Комитета, и оно так же вылилось в патриотическую манифестацию.

Перед собором развевался русский трехцветный флаг.

«Русский флаг, — пишет Л.В. Дудин (Н. Градобоев), — был поднят на улицах Берлина, кажется, первый раз за последние тридцать лет. Через пять месяцев над зданием рейхстага русскими руками был снова поднят флаг. Но он не был русский. Это был советский красный флаг — символ мировой революции».

«Когда в зале прозвучали знакомые слова песни: „За землю, за волю“, — вспоминал В.В. Поздняков, — каждый почувствовал, что ныне эта песня стала боевым гимном Русского освободительного движения. Да, мы идем против тех, кто засел в Кремле и украл у нас счастье, землю, волю. Мы идем в бой за лучшую долю».

«На этом незабываемом собрании 18 ноября мне было поручено слово от лица Православной церкви, — вспоминал протоиерей Александр Киселев. — Это был день, когда мы впервые так уверенно ощутили себя силой, русской организованной силой, способной спасти Отечество. В зале были две тысячи русских и только несколько немецких наблюдателей на балконе зала. На расстоянии полугода от нас стояла смерть. Но опасность скорее ободряла нас, чем пугала. Наши сердца тогда бились так, как бились они, наверно, у суворовских солдат, переходивших снежные вершины Альп. Ни о каком ощущении „обреченности“ тогда не было и речи. Мы верили в победу. Это было не только нашим духовным ощущением, но и реальной возможностью, которая стояла близко, перед нами...

Отклик на власовский манифест был колоссальный.

Теперь мне самому даже как-то плохо верится, что это было именно так, хотя я и был свидетелем этого необыкновенного отклика. Со всех концов Германии самотеком устремились люди в КОНР, отдавая себя в полное и немедленное распоряжение генерала Власова. Соответствующих письменных заявлений почта приносила в среднем две с половиной тысячи ежедневно. Особо интенсивная запись в добровольцы РОА наблюдалась в дни опубликования манифеста».

Если Власов и верил в успех, то все равно — такого он не ожидал.

Это было, как праздник, как фейерверк.

Кружилась голова от всеобщего восторга, от самых неумеренных похвал.

Но были и другие суждения о генерале Власове.

— Ну, как? — спросил у профессора НА. Курганова генерал Д.Е. Закутный после встречи с Власовым.

— Неважно, Дмитрий Ефимович, неважно, — ответил И.А. Курганов. — Конечно, Власов теперь наше знамя. Без этого знамени нет армии и нет надежды. Но надо его окружить действительно серьезными, честными, государственно-мыслящими людьми. Спасение только в этом, только в окружении. Старайтесь повлиять на подбор такого окружения.

Так говорил историк.

Сразу после обнародования Пражского манифеста А.А. Власов принял на себя командование всеми Вооруженными силами КОНРа.

В течение недели поступило свыше 60 000 заявлений на вступление в РОА.

Одновременно было достигнуто соглашение с германским командованием о переводе в состав РОА военнопленных офицеров и бойцов, находившихся в частях германской армии.

Это позволяло планировать формирование 30 русских дивизий.

Наступающий 1945 год — последний год войны — Андрей Андреевич Власов встречал у Ф.И. Трухина.

— На границе Рейна стоит Красная армия. — поднимая бокал, сказал он. — Что ж? Даже наше физическое поражение не есть уничтожение духовное. Наша программа, которую мы огласили в манифесте 14 ноября 1944 года, соответствует, по моему убеждению, желаниям русского народа. Мы делаем историческое дело, мы семена будущего освобождения России. Если всем нам суждено погибнуть (и это как раз так и выглядит), то манифест нас переживет. Раз сказанное не может быть уничтожено!

Часть шестая. Куда шли власовцы?

Власовское освободительное движение как не было началом, так не является и концом известного периода Русской истории.

Протоиерей Александр Киселев

— Да что же вы, право, ничего не берете! — чуть растягивая слова, проговорил Власов. — Может, чайку выпьем? Подождите, у меня есть, чем вас угостить!

Он прошел к граммофону и поставил пластинку пасхальных песнопений.

— Андрей Андреевич! Я приехал, чтобы спросить у вас... Вы верующий человек?

— Да как же можно без веры, отец Александр?..

Этот разговор с генералом Власовым остался в памяти протоиерея Александра Киселева на всю жизнь, и он вспоминал его, когда жил в начале девяностых годов в Москве, в Донском монастыре.

— Я думаю, — сказал тогда протоиерей Александр, — пройдет еще немного времени, и в Москве будет поставлен памятник Андрею Андреевичу. Я так считаю.

И он посмотрел на нас остро, испытующе.

Мы не считали так и промолчали.
Старенький протоиерей обиженно сморгнул и опустил глаза.

Глава первая

«Трудно найти слова, чтобы рассказать о том подъеме, о том взрыве энтузиазма, которыми встретили русские люди создание Комитета и опубликование манифеста. Рабочие и военнопленные, солдаты вспомогательных частей и беженцы — все это бросилось на призыв к борьбе против большевизма, — пишет в „Материалах к истории Освободительного движения народов России“ М. Китаев. — Самоотечески по всем углам небольшой уже тогда Новой Европы создавались группы и общества содействия, собирались средства, пожертвования, крестьяне приносили свои незамысловатые драгоценности, серебряные нательные кресты и обручальные кольца, рабочие — свои скромные сбережения, собранные за годы тяжелого труда ^[82]. Во все инстанции Комитета приходило ежедневно до трех тысяч писем и телеграмм с изъявлением готовности принять посильное участие в борьбе. Комитет считал, что в той или иной степени за участие в Движении высказалось в первые же дни больше 10 миллионов человек.

Наплыв в начавшиеся формироваться первые воинские части Русской освободительной армии превзошел все ожидания. Резервуар сил был почти неисчерпаемым. Только за один день 20 ноября (манифест был передан по радио 19-го) из ближайших к Берлину лагерей было подано 62 тысячи индивидуальных и коллективных прошений о приеме в армию. Это составляло минимум пять дивизий состава мирного времени. К концу ноября число желающих поступить в части Освободительного движения поднялось до трехсот тысяч, а к концу декабря число добровольцев поднялось до миллиона».

Разумеется, надо помнить, что автор этих слов — человек восторженный, и к его подсчетам надобно относиться осторожно, не забывая, что эти миллионы добровольцев — только мечта об освобождении Родины.

Тут мне хотелось бы сделать одно принципиальное отступление.

Некоторые читатели возмущаются, считая мою книгу попыткой оправдать генерала Власова. При этом они не замечают, что смешивают мою оценку идей, взятых на вооружение «власовским движением», и мою оценку самого движения и самого генерала Власова.

Разобраться в этом принципиально важно.

Что касается Власова, то я стремился показать жизненный путь человека, который мог бы остаться вполне благополучным советским генералом, но который попал — не по своей вине и не по своей воле — в трудные обстоятельства, завершившиеся пленением. У него было только два выхода — совершение подвига и неизбежная казнь или предательство. Власов выбрал второй путь, и выбор его был обусловлен, разумеется, стремлением сохранить жизнь во что бы то ни стало, а не духовным перерождением, как утверждают некоторые исследователи, пытающиеся выдать генерала Власова за идейного борца с тиранией Сталина.

Описывая деятельность уже совершившего предательство Власова, я показываю ее именно, как деятельность предателя и тут, как мне представляется, никакой другой оценки не может быть...

Другое дело идеи, взятые на вооружение Андреем Андреевичем Власовым и его окружением.

Освобождение России от большевизма.

Возрождение русского народа и русской патриотической идеологии...

Идеи эти входили в острейший конфликт с идеологией национал-фашизма и заведомо не могли быть осуществлены с помощью гитлеровской Германии даже и в урезанном виде. Когда А.А. Власов поднял эти идеи, как знамя, он пошел на откровенный обман немцев, но именно эти идеи придали его движению силу.

То что идеи эти были использованы Андреем Андреевичем Власовым никак не грязнит патриотическую чистоту самих этих идей, нисколько не снижает их актуальности для современной России.

Определяя Андрея Андреевича Власова, как предателя, тем ни менее к высказываемым им идеям русского освободительного движения мы не можем отнестись однозначно отрицательно.

Выступая 18 ноября 1944 года в Европейском доме в Берлине, священник Александр Киселев говорил в уже процитированной нами речи: «Исключительно тяжел нынешний исторический момент — родина наша в нищете и развалинах, десятки миллионов сынов ее скитаются на чужбине, кругом кровь и неисчислимые мучения. У нас нет сейчас возможностей прекратить это бедствие, этот страшный бой. Но есть возможность пресечь то, что, как дрова костер, питает общее несчастье. Много хороших слов и добрых намерений высказано в декларации, но нашлись в ней и слова золотые, небесные слова. Вот они: „Никакой мести и преследований. Нашей движущей силой должна быть любовь к измученному и обманутому соотечественнику, любовь в противовес тем, кто идет во имя зла и ненависти. Помоги Бог, чтобы намерения эти осуществились. Ведь только при их осуществлении возможно спасение Родины. Дело наше должно быть чистым, белоснежным, а не грязно-серым, и только тогда оно даст то, что ждем мы от него. Чем чище, чем белее будут дела наши, чем больше будет

проведено в жизнь из того, что декларируется, тем меньше будет пролито братской крови. Чем больше милосердия и человеколюбия с нашей стороны, тем кратковременнее бой. Чем полнее осуществление обещанного у нас, тем меньше сил у врага, поработителя нашего народа“».

В словах А. Киселева, как и в подсчетах М. Китаева, благомыслия и мечтательности больше, чем трезвого анализа ситуации. Ведь «Христова правда», «золотые небесные слова», «белоснежное дело» — совершенно не годятся для характеристики членов власовского движения.

Это лишь образ освобождения Святой Руси из-под черной власти большевистского атеизма, образ, который молодой священник взрастил в своем сердце русского патриота.

И, конечно же, об этом нужно помнить, если пытаешься понять, куда и зачем шли власовцы в самом конце войны, когда при издыхании Третьего рейха получили они право работать для освобождения России.

Андрей Андреевич Власов возглавил движение, которое, если б на то была Господня воля, могло уравнивать его имя с именами великих русских патриотов. И не так уж и важно — хотел этого Власов или нет. Имя его уже не принадлежало только ему, оно становилось знаменем Русской освободительной борьбы для сотен тысяч русских людей не только в конце войны, но и потом, многие годы спустя.

И хотя Власов неоднократно называл цифры еще большие, нежели историки его движения, похоже, он и сам такого результата не ожидал. Ведь и тех добровольцев, которые явились на призыв генерала Власова, было гораздо больше, чем собирались и могли вооружить немцы. Их было гораздо больше, чем могло вместить движение, произросшее из отдела «Вермахт пропаганды».

Самому Власову следовало измениться, чтобы стать подлинным вождем этого нового движения.

Он и менялся.

Менялся прямо на глазах, хотя, казалось бы, поздно меняться, дай ник чему это.

Мы уже говорили, что Андрей Андреевич, начинавший свою учебу в семинарии, атеистом никогда не был.

«Власов имеет духовное образование, — показывал на допросе в НКВД в июне 1943 года его бывший адъютант, майор Кузин. — Ион часто, сидя один, напевал церковные богослужения».

— Верить или не верить — это дело совести каждого человека, и никто никого в этом не должен неволить, — скажет Андрей Андреевич Власов в 1944 году. — Тем более что насилие над человеческой волей в корне противоречит христианскому учению. Я вполне понимаю и отдаю должное той большой и благородной роли, которую сыграли религия и церковь в истории русского народа, но полагаю, что, занимаясь обслуживанием религиозных потребностей народа, его воспитанием в

культурнорелигиозном отношении и вопросами благотворительного характера, церковь не долж на снисходить до вмешательства в политические и государственные дела, дабы тем самым сохранить свой высокий авторитет в глазах нашего народа, который, переживая большевистские гонения, остался глубоко религиозным.

Слова эти произнесены, когда власовским движением заинтересовалась Русская православная церковь за рубежом.

Надо сказать, что история взаимоотношений Архиерейского Синода в сношениях с германскими ведомствами чрезвычайно напоминала историю становления власовского движения.

Направленная еще 26 июня 1941 года митрополитом Анастасием просьба о разрешении ему приехать в Берлин, чтобы обсудить вопрос об организации на «восточных территориях» церковной власти, была отклонена Рейхсминистерством церковных дел.

И потом, несмотря на возрождение церквей на занятых немцами территориях СССР, отношение к РПЦЗ у немцев оставалось недоверчивым, и сам митрополит Анастасий продолжал находиться под фактическим домашним арестом.

Только 14 сентября 1943 года, когда после избрания в Москве Сергия (Страгородского) Патриархом Московским митрополит Анастасий сделал заявление о непризнании выборов Патриарха, ходатайство Архиерейского Синода, в котором к тому времени оставалось всего два епископа (сам Анастасий и Серафим), о встрече епископов было удовлетворено.

В результате 21–26 октября 1943 года в Вене прошло Архиерейское совещание иерархов православной Русской церкви за границей. Оно приняло резолюцию о непризнании избрания «Патриарха Всероссийского в Москве» и призвало на борьбу с коммунизмом «всех верующих православной Русской церкви на Родине и в рассеянии сущих» и только тогда православной Русской церкви за границей была предоставлена некоторая свобода деятельности.

В конце 1944 года митрополит Анастасий, председатель Архиерейского Синода, приехал в Берлин и выразил желание увидеться с генералом Власовым. В тот же день в сопровождении митрополита Серафима он приехал на Кибиц Вег.

Возле виллы, в которой находился штаб генерала Власова, митрополита встретил почетный караул.

Отвечив на приветствие караула, митрополит направился к вилле. У входа в дом его встретил с рапортом дежурный по штабу. От входной двери до гостиной в две шеренги выстроились все офицеры штаба.

— Благослови, Владыка! — проговорил самый высокий генерал.

Так произошла эта встреча.

У многих на глазах были слезы.

«В тяжелые дни гонений и бесправия, когда каждый из нас пережил много обид как личного, так и общенационального характера,

эта встреча произвела на всех особенно радостное впечатление, — вспоминал К. Кромиади. — Не менее был растроган и сам митрополит».

Беседа генерала с иерархами длилась два часа.

Митрополит Анастасий сказал генералу, что Архиерейский Синод принял решение поддержать Русское освободительное движение.

Забегая вперед, скажем, что митрополит Анастасий, кажется, единственный из православных иерархов, возвысил голос, когда американцы, нарушая Женевскую конвенцию и все нормы международного права, начали выдавать советским властям власовцев.

Митрополит Анастасий даже составил тогда меморандум:

1. Мы просим, чтобы русские, которые не считают себя советскими гражданами и живут на территории Германии, оккупированной американскими войсками, были бы защищены от насильственной репатриации, невзирая на срок, когда они покинули Россию.

2. Мы просим признать их бесподданными — политическими эмигрантами, и отдать приказ местным властям выдать им документы, свидетельствующие об этом.

3. Мы просим разрешить русским эмигрантам сформировать национальные комитеты, наподобие тех, которые формируются югославянами, литовцами, поляками и др. Национальные комитеты смогли бы защищать их интересы и быть посредниками между ними и Военным правительством, предоставляя ему нужную информацию.

4. Мы просим предоставить русским эмигрантам работу, которая дала бы им возможность заработать себе на жизнь, а старым, больным и слабым предоставить убежище до того срока, когда русские смогут вернуться на свою родину.

Однако слова митрополита услышаны не были.

Генерал Дуайт Эйзенхауэр хорошо помнил о яростном сопротивлении, которое русские добровольцы оказали в сорок четвертом году, и воспользовался возможностью отомстить власовцам за свои потери.

Этому человеку и предстояло стать тридцать четвертым президентом США...

Впрочем, если бы поступил Эйзенхауэр с власовцами иначе, кто знает, стал ли бы он тогда президентом. Русских патриотов, включившихся в работу Комитета освобождения народов России, опасались не только Гитлер и Сталин, но и так называемая передовая общественность Западной Европы и Америки.

Полковник Клаус фон Штауффенберг предупреждал, что, если Гиммлер возьмется за Русское освободительное движение, он привлечет для СС и сотни тысяч русских.

«Одни поверят обещаниям, другие пойдут по бесхарактерности или из карьеризма, — говорил он. — Тогда горе нам и всему миру».

Но Власов не внял этим предупреждениям, он не хотел или не способен был задуматься, какое горе и какому миру способно принести

Русское освободительное движение, и, кажется, именно поэтому и был выдан на расправу.

Глава вторая

16 сентября 1944 года Гиммлер сказал Власову:

— Господин генерал! Я разговаривал с фюрером. С этого момента вы можете считать себя главнокомандующим армией!

Протоиерей Александр Киселев вспоминал заснеженный Мюнзинген в южной Германии, куда он ездил в конце января 1945 года служить благодарственный молебен по случаю официального назначения генерала Власова Главнокомандующим РОА.

Здесь шло формирование первой власовской дивизии. Колоссальный армейский манеж был переполнен офицерами и солдатами во главе с командиром дивизии, генералом С.К. Буняченко.

Отслужив молебен, молодой священник рассказал о подвиге святого князя Александра Невского, защищавшего родную землю, и сказал, что святость удел не только подвижников, но и князей-военачальников и рядовых воинов.

— Сколько из тех тысяч русских воинов, которых я видел тогда и думал, что им суждено стяжать себе святость на поле брани, — рассказывал он, — стяжали ее, наверно, на путях мученичества и подвижничества в лагерях и тюрьмах.

Еще, вспоминал протоиерей Александр Киселев, было острое ощущение, что ничего не изменилось.

По мере того как военные дела Германии ухудшались, сознание своих ошибок все больше распространялось не только в военной, но и в партийной среде. Однако оно шло крайне медленно, «как бы насилуя фактическим положением вещей горделивое сознание» высокопоставленных партийцев.

Время уходило быстрее, чем совершалось преобразование.

Свидетельство этому — встреча Власова и Жиленкова с министром пропаганды доктором И. Геббельсом 1 марта 1945 года.

Сохранилась фотография.

Генерал Власов, генерал Жиленков, офицер для связи с СС доктор Эрхард Крэгер и доктор Геббельс.

Лицо Власова, как всегда, хмурое, сосредоточенное.

При этой встрече Геббельс обещал оказать материальную помощь для усиления пропагандистской работы. Потом он решил подбодрить гостей и начал рассказывать, что скоро германское командование применит новый вид оружия, и тогда часы Красной армии будут сочтены.

Коснулись особенностей личности Иосифа Виссарионовича Сталина и секретов его военных побед. Андрей Андреевич Власов объяснял их прежде всего размахом и гибкостью большевистской пропаганды.

— Мне непонятно, почему Гитлер отклоняет главного и единственного союзника, который помог бы ему победить Сталина, русский народ, и ищет помощи у бессильных карликов! — сказал Власов. — Вы до сих пор думаете, что национальная Россия, защищая свои интересы, может стать угрозой для вас и для всей Европы. При этом вы не понимаете, что коммунистическая Россия выступает в защиту не русских, а интернациональных, охватывающих весь мир интересов коммунистической чумы. Вот где надо ощутить общую опасность! Могут немцы это понять?

Доктор Эрхард Крэгер покачал головой, услышав эти слова, но перевел их. Геббельс ответил, что с самого начала выступал за Русское освободительное движение и напомнил, что еще в 1942 году он высоко оценил талант Мелетия Зыкова, но сделано было далеко не все, что возможно.

— В нашей восточной политике мы могли бы достичь очень многого, если бы еще в 1941 и 1942 годах действовали в соответствии с принципами, за которые ратуете вы, господин генерал.

Была затронута и еврейская тема.

«Сталин правит в России, пользуясь диктаторскими полномочиями, — говорит Власов. Он пытается использовать в своих целях евреев, а евреи пытаются использовать его в своих, — записал потом в дневнике Геббельс. — Когда Власов заявляет, что Сталин — самый ненавистный человек в России, то это, конечно, говорится ради собственного оправдания».

В конце беседы Геббельс внимательно посмотрел на гостей и сказал, то ли спрашивая, то ли утверждая:

— Ваше движение ведь всегда можно и прикрыть, если члены КОНРа надумают повернуть против Германии.

— Разрешите задать вам вопрос, — спросил тогда Жиленков. — Кто открыл Америку?

— Колумб... — ответил Геббельс.

— Вот в этом и дело, господин министр, — проговорил Жиленков. — Колумб открыл Америку. И Америка существует. Попробуйте, господин министр, закрыть ее. Ничего не получится. Тоже и Русским освободительным движением. Можно было помешать открытию КОНРа, но закрыть? Не удастся.

И снова доктор Крэгер в ужасе закатил глаза, но Геббельс не рассердился.

— Да! — улыбнулся он. — Времена изменились.

На этом и закончился прием.

«Генерал Власов в высшей степени интеллигентный и энергичный русский военачальник; он произвел на меня очень глубокое

впечатление, — записал в дневнике Геббельс. — Замечательная голова. Беседа с генералом Власовым подействовала на меня очень ободряюще».

«Никаких других установок мы от Геббельса не получили и мало верили в его обещания», — сказал, вспоминая об этой встрече, Жиленков.

Русская освободительная армия долгое время предназначалась исключительно для «пропагандного употребления». Теперь и Комитет освобождения народов России, и Русская освободительная армия оказались вовлечены в бюрократическое употребление.

Реквизировали под учреждения власовской армии еще несколько домов на Кибитц Вег, и на этом дело затормозилось.

«Уже сейчас можно сказать, что Красной армии будут противостоять такие войска, которые ни в техническом отношении, ни в военной выучке не будут уступать, а морально они будут ее, несомненно, превосходить, потому что бойцы и офицеры Вооруженных сил освобождения народов России идут в бой во имя великой идеи освобождения России от большевизма, во имя счастья своих народов, — писал в газете КОНР „Воля народа“ от 18 ноября 1944 генерал Трухин. — Сейчас уже можно сообщить, что Вооруженные силы освобождения народов России будут вполне самостоятельны, подчинены Главнокомандующему генерал-лейтенанту А.А. Власову и будут иметь в своем составе все рода войск, необходимые для ведения современной войны, и вооружение по последнему слову техники».

Но это не соответствовало истине.

Назначение на офицерские должно сти осуществлялось генерал-инспектором «восточных» войск Кестрингом по согласованию с управлением кадров Вермахта. Вермахт предо ставлял и оружие. Политику формирования и использования Вооруженных сил КОНРа определял рейхсфюрер СС Гиммлер.

Это по его решению ядром 1-й дивизии РОА стала расформированная после подавления Варшавского восстания бригада Каминского, которая 5 августа 1944 года устроила настоящую резню в варшавском районе Охота. 15 тысяч мирных жителей, в числе которых были и немцы, пали от рук карателей. Каминский был тогда арестован, предан военному суду и расстрелян.

Сохранился рассказ очевидца, описавшего появление каминцев в Мюнзингене.

«Из вагонов высыпала дикая орда вооруженных и невооруженных, одетых в разномастную форму людей. Среди них были женщины, увешенные украшениями, а офицеры, которые были распущены также, как и большинство солдат, имели по три, четыре, пять пар часов на руках».

— Бандиты, грабители, воры... — сказал тогда Буняченко немецкому офицеру, сопровождавшему каминцев. — Вы дали мне то, чем сами уже не можете воспользоваться.

Тут самое время рассказать о генерале Сергее Кузьмиче Буняченко, благодаря энергии которого и была к середине февраля 1945 года укомплектована наконец 1-я дивизия РОА.

Сергей Кузьмич был погодком генерала Власова, но в чинах сильно отстал от него, хотя и стал командиром дивизии даже раньше Власова.

Был Буняченко горяч и решителен.

В сентябре 1942 года его уже приговорили к расстрелу, когда, командуя 389-й стрелковой дивизией, занимавшей оборону на Тереке, он, не сообразуясь с обстановкой, разрушил железнодорожное полотно на участке Моздок — Червленная и создал угрозу окружения 9-й армии и всей группировки.

Расстрел заменили десятью годами заключения и предоставили возможность отбывать наказание в действующей армии. Опасаясь быть арестованным вторично, 17 декабря 1942 года полковник Буняченко перешел на сторону немцев. Был он офицером связи при 7-й армии во Франции, там же занимался преподавательской работой и инспектировал части, находившиеся на охране «Атлантического вала».

Немцы не скупились на награды.

Буняченко был награжден двумя бронзовыми медалями, одной серебряной медалью и Железным крестом II степени. Власов ввел Буняченко в КОНР, выхлопотал звание генерал-майора и назначил командиром 1-й дивизии РОА.

Дивизию Сергей Кузьмич формировал, как и положено упертому хохлу. Босой — у него началось воспаление вен на ногах! — он сидел в вылинявшей майке за письменным столом в бараке, пил водку, закусывая салом, и монотонно, часами вколачивал в голову немецкого координатора, полковника Герре:

— Оружия нет! Дивизия не может воевать без винтовок. Чтобы воевать, солдату необходимы штаны! Штанов нет. Чтобы идти в атаку, боец должен быть обут. А где обувь? Где каски? Где орудия?

Напомним, что в конце 1944 года Гитлер готовил операцию «Кондор».

Чтобы остановить англо-американское наступление, комплектовалась мощная, включавшая 28 (из них девять танковых) дивизий, группировка. Все, что выпускала немецкая военная промышленность, шло на ее обеспечение.

Тем не менее Буняченко удалось невозможное.

Его дивизия, которую — где и как использовать? — пока было не решено, оказалась вооружена лучше, чем немецкие дивизии, уходившие в бой. Сам Сергей Кузьмич с гордостью говорил об этом на московском процессе:

«Первой дивизией, сформированной Власовым, командовал лично я. Дивизия была вооружена 12 танками Т-34, 100 орудиями, винтовками и автоматами. По существу, дивизия, которой я командовал, была вооружена лучше, чем немецкие дивизии».

Ну, а с формированием второй дивизии — еще одного Буняченко у Власова не нашлось — дело затянулось. Все инициативы ее командира Григория Александровича Зверева тонули в бюрократических препонах.

Правда, увеличилось жалованье. Генерал Малышкин утверждал на московском процессе, что до декабря 1944 года он получал 240 марок в месяц, а с декабря стал получать 900 марок и продпаяк.

Но это вполне объяснимо. КОНР считался ведомством СС, а в СС платили больше, чем в Вермахте.

«Немцы неспособны были одуматься, — пишет протоиерей Александр Киселев. — В смеси самых противоположных явлений, в большинстве своем, к сожалению, отрицательных, прошли эти драгоценнейшие последние месяцы. Сказав А, немцы никак не могли произнести Б. Казалось, что им легче умереть, чем сдвинуться с проторенной дорожки. Гибкости для внутренней перестройки, быстрой ориентировки в ситуации развивающихся событий у них не оказалось».

Еще более усилилась бюрократическая неразбериха, когда эсэсовцы под видом эвакуации КОНРа эвакуировали из Берлина в тихий курортный Карлсбад (Карловы Вары) некоторых своих сотрудников с семьями.

— Андрей Андреевич! — сказал Власову эсэсовец Эрхард Крэгер. — Вы должны немедленно покинуть Берлин. Вы можете взять с собою по вашему выбору около 30 человек.

КОНР оказался изолированным.

Части РОА, расположенные в районе Ульма, как и пропагандистские отделы в Берлине, стали почти недосягаемыми.

Два месяца, от ноября 1944 года до января 1945 года, когда немцы удерживали фронт еще на Висле, были истрачены впустую. А в январе Красная армия вышла на Одер, угрожая непосредственно Берлину.

«Обратное путешествие из Мюнзингена в Берлин затянулось, — вспоминая эти дни, рассказывал протоиерей Александр Киселев. — Железнодорожные пути неоднократно оказывались перебитыми бомбардировками, и поезд направлялся на другие пути, что занимало очень много времени.

За короткое время моего отсутствия Берлин очень изменился. Близость фронта особенно ощущалась, когда я приехал на вокзал, чтобы ехать за семьей, оставшейся под Берлином, в северо-восточном направлении. На мое счастье, нужная мне железнодорожная ветка была единственной еще не закрытой для пользования гражданского населения.

Да, это действительно было мое счастье. Вернись я в Берлин несколькими днями позднее — и я потерял бы мою семью.

Несмотря на пододвинувшийся фронт (ночами они слышали гул артиллерийской стрельбы), жена не двигалась с места и ждала меня. Сдвинуться — значило потерять друг друга. Со сколькими семьями произошли такие трагедии!

Спустя несколько дней, влезая через окно в штурмуемый толпами беженцев поезд, мы покинули Берлин и направились на юг, в тот же Мюнзинген, в котором я так недавно был.

С нами были двое из моих сотрудников: Тамара Х. и Кирилл К. с женой и грудным ребенком. На Берлинский железнодорожный вокзал нельзя было проехать (почти не работала подземка и не ходили трамваи), мы шли пешком. На детской коляске поместилось имущество всех нас».

Перебралась в Карлсбад и невеста Власова — эсэсовская вдова Хейди Биленберг.

Впрочем, об этом разговор еще впереди.

— Если тебе удастся вернуться домой, Надя, не забудь меня, — говорил Власов, прощаясь в Берлине с очередной своей возлюбленной, «ост-девушкой». — Расскажи своим друзьям, что намерения наши по отношению к нашему народу были честные.

— Расскажу... — отвечала молодая женщина. — Я знаю, что вы не хотели обмануть меня.

Глава третья

16 февраля 1945 года Власов и генерал Кестринг, ставший преемником главнокомандующего Остгруппен ^[83] генерала Гельмиха, принимали парад 1-й дивизии РОА генерала Буняченко.

В этот день десять тысяч добровольцев принесли присягу.

«Как верный сын моей родины, я добровольно вступаю в ряды войск Комитета освобождения народов России.

В присутствии моих земляков я торжественно клянусь честно сражаться до последней капли крови под командой генерала Власова на благо моего народа против большевизма.

Эта борьба ведется всеми свободолюбивыми народами под высшей командой Адольфа Гитлера.

Я клянусь, что останусь верным этому союзу».

Насколько трудно было исполнить клятву и остаться верным союзу с Адольфом Гитлером, свидетельствует П.Н. Палия.

Генерал добровольческих соединений Кестринг выступал перед офицерами дивизии с политическим докладом.

— Какими будут взаимоотношения между Германией и Россией после разгрома Совдепии? — задали вопрос из зала.

Кестринг подошел к большой карте, приложил указку к Уральскому хребту и сказал:

— Вот эта линия определяет интересы Германии, все, что к западу от нее, должно быть под контролем Германии, все, что к востоку, до самого Тихого океана, полностью ваше!

Свист, крики возмущения раздались в ответ. Опрокидывая стулья, офицеры начали выходить из аудитории. Кестринг красный, как рак, сел в машину и уехал, не простившись с Буняченко.

Об этом докладе наверняка помнили офицеры, когда дивизия генерала Буняченко была направлена на Одер. Вскоре дивизия вышла, как казалось ее солдатам и офицерам, из повиновения немцам (на самом деле, как мы увидим из рассказа В. Штрик-Штрикфельдта, она исполняла приказания других немцев) и походным порядком двинулась на юго-восток, где было намечено сконцентрировать все силы РОА.

Об атмосфере, царившей в дивизии накануне рейда, рассказал Г.Н. Чавчавадзе, который после разгрома Восточного фронта на Висле в феврале 1945 года прибыл в Мюнзинген, с остатками своего эскадрона.

«Пришел с немецкой военной частью — нашим русским эскадронам, вымуштрованным, дисциплинированным, с немецким понятием о службе. Когда выезжали из Ульма, за ночь до Мюнзингена, я поставил всех на ноги. Сапоги у всех начищены, оружие блестит, лошадей привели в парадный порядок, седла надраены. Солдаты у меня, бедные, как рабы работали. Прибыли в Мюнзинген в полной красе. Льет дождь. Шинели одеть не разрешил — скатки у всех на седлах. Все готово к тому, чтобы нам высадиться. И стоит единственный офицер под проливным дождем.

В шапке и без шинели — полковник Герре, — начальник Штаба организации 1-й дивизии, немец, старый сотрудник Fremdeheere Ost, которого я знал еще капитаном. Единственный встречающий».

— Где генерал Буняченко?

— Здесь...

Промокший Г.Н. Чавчавадзе вошел в комнату, где что-то жарилось. Около стола, расставив ноги, сидел увесистый генерал в сорочке. Женщина пришивала ему на френч генеральские погоны.

Это и был Сергей Кузьмич Буняченко.

— Что случилось? — спросил он.

— 567-й эскадрон прибыл в ваше распоряжение! — вытянувшись в струнку, отрапортовал Чавчавадзе.

— Как фамилия?

— Ротмистр Чавчавадзе!

— С огоньком, как посмотрю. Грузин?

— Грузин-то грузин, но эскадрон выстроен — стоит!

— Ну, ничего! — успокаивая готового взорваться ротмистра, сказал Сергей Кузьмич. — У нас все по-домашнему. Вот вы побудете здесь — увидите.

Вот так по-домашнему и повел себя Сергей Кузьмич Буняченко, когда через две недели после парада из Генерального штаба поступил приказ о переброске дивизии на север, в Померанию.

Сергей Кузьмич заявил тогда, что этот приказ нарушает обещание, что они будут действовать как единая воинская часть под командованием генерала Власова. Он немедленно снесся с генералом, который находился в 60 километрах к юго-западу в Хойберге. Там шло формирование 2-й дивизии.

Одновременно Буняченко вел переговоры с полковником Герре, убеждая его, что все приказы должны поступать через Власова.

Сам же он придумал план, по которому намеревался игнорировать немецкие приказы и двигаться со своей дивизией как можно скорее к горной местности у границы Швейцарии и попытаться войти в связь с союзниками.

Когда Андрей Андреевич Власов наконец прибыл, выяснилось, что он вообще ничего не знал о немецком приказе.

Тем не менее Власов не поддержал плана Буняченко. Подобное самоуправство трагически отразилось бы на еще недоукомплектованной дивизии РОА.

Объяснив это Буняченко, Власов отправился к немцам и через день вернулся с исправленным приказом, согласно которому дивизия должна направиться в район Котбуса, к югу от Берлина. Поскольку железная дорога подвергается бомбардировкам, дивизия отправится маршем до Нюрнберга и там погрузится в поезда.

Во время марша на Нюрнберг ^[84] к дивизии присоединились бежавшие русские военнопленные, беглые остарбайтеры и даже русские добровольцы из частей Вермахта, расположенных вблизи от пути, которым следовала дивизия. Из них сформировали резервный отряд в пять тысяч бойцов.

Майор Швеннингер, обеспечивавший связь дивизии с немецким командованием, пытался воспротивиться этому несанкционированному формированию, но только привел Буняченко в ярость.

Тяжело дыша, он рассказал Швеннингеру историю вывезенной с Украины девушки, которая работала честно и прилежно, но, так как не была знакома со всеми правилами, нарушила их.

За нарушительницей приехал на велосипеде немецкий полицейский. Чтобы по дороге в участок не потерять девушку-украинку, полицейский надел ей на шею петлю из веревки, а другой конец взял в руку, сел на велосипед и.

Грузное тело Буняченко напряглось. Его голос зазвучал угрожающе:

— Итак, мчался ваш немецкий полицейский на своем велосипеде, а за ним с веревкой на шее бежала наша дивчина, украинка. И это не сказка, и не выдумка. Этот случай произошел сегодня!

— Но это же невозможно! — растерявшись, проговорил Швеннингер.

— Я сам это видел! — заорал Буняченко. — Как же вы считаете, майор, если эта дивчина прибежит к нам? Прогнать? Н-нет, голубчик, я ее не прогоню!

Дрожащей рукой он налил стакан водки и выпил.

26 марта дивизия достигла места назначения и 27-го получила приказ войти составной частью в соединение генерала Буссе.

6 апреля 1945 года части дивизии прибыли на фронт в район станции «Либерозы». Перед Буняченко была поставлена задача ликвидировать советское передовое укрепление на Одере, чего не смогли осуществить немецкие войска.

Сергей Кузьмич вновь оспорил это распоряжение, повторив, что будет принимать приказы только от генерала Власова.

Власов прибыл 7 апреля, в Благовещение, в сопровождении немецких офицеров и подтвердил, что дивизия примет участие в предполагавшейся атаке. На этом настаивал Гиммлер в качестве предварительного условия для создания новых воинских частей.

Власов приказал своим командирам, чтобы они вели атаку, невзирая на отсутствие шансов на успех, а затем беседовал с Буняченко наедине.

Подробности этого разговора не известны.

Биографы генерала полагают, что Власов разрешил Буняченко, если штурм окажется неудачным, отступить с фронта и заявить немецкому командованию, что он ничего не будет предпринимать без приказа Власова.

Затем Андрей Андреевич уехал.

В отеле «Ричмонд» в Карлсбаде (Карловы Вары) его уже ждала Хейди Биленберг.

13 апреля состоялось официальное бракосочетание. Разрешение было испрошено лично у Гиммлера.

Присутствовали пастор Шаберт и эсэсовец Эрхард Крэгер...

Русских никого не было.

В эту же пятницу Крестопоклонной недели, когда фрау Биленберг стала госпожой Власовой и начала именоваться «правительницей России», дивизия Сергея Кузьмича Буняченко, выполняя приказ Власова, штурмовала советские укрепления на Одере.

Сергей Кузьмич выделил для участия в боевых действиях по одному батальону из 2-го и 3-го пехотных полков, противотанковый дивизион и артиллерийский полк, но тяжелый пулеметный огонь с флангов остановил их.

«Эти части вели бои с Красной армией на реке Одер, — рассказывал Буняченко во время следствия в советской тюрьме. — После поражения моих частей на реке Одер я больше дивизию в бой с частями Красной армии не вводил. При наступлении советских войск на Берлин я, поняв неизбежность поражения Германии, увел свои части на территорию

Чехословакии с тем, чтобы после перейти на сторону англо-американских войск».

Вопреки требованию немецкого командования Буняченко приказал отступать, заявив, что немецкие приказы противоречат приказам генерала Власова, а дивизия подчиняется Власову.

Генерал Буссе пообещал расстрелять и Буняченко, и Власова.

Расстрелять не расстреляли, но уже на следующий день дивизию сняли со снабжения.

Наступило 15 апреля 1945 года.

Власов так и не прибыл, и дивизия двинулась на юг. Когда она достигла Клеттвица, ее догнали немецкие офицеры. Буняченко снова повторил, что приказы он получает только от Власова.

Немцы объяснили ему, что Власов занят делами более важными, чем Русское освободительное движение, — два дня назад состоялась его бракосочетание с эсэсовской вдовой.

Сергей Кузьмич не поверил, и его дивизия продолжила свой марш на юг. Около Зенфтенберга к дивизии Буняченко присоединился отдельный добровольческий отряд под командованием полковника Сахарова.

Первая дивизия, насчитывавшая теперь более 20 000 человек, достигла Дрездена.

Здесь мятежного комдива вызвал сам фельдмаршал Шернер, командующий группой армий «Центр».

Буняченко от встречи уклонился, и переговоры велись через посредников.

Фельдмаршал проинформировал командование Вермахта о трудностях, возникших у немецких командиров с власовцами, и через Эльбу прорывались хитростью.

Сергей Кузьмич послал вперед санитарные машины и, когда узкий проход на мосту очистили от мин, двинул через мост дивизию.

И снова Буняченко под предлогом, будто он пострадал в автомобильной аварии, отклонил приглашение встретиться с Шернером.

Только 26 апреля, когда запасы продовольствия закончились, Сергей Кузьмич согласился участвовать в боевых действиях против советских войск в районе Брно. Но, получив необходимые припасы, Буняченко позабыл о своем согласии, и 27 апреля дивизия двинулась по направлению к Праге.

Немецкий офицер связи майор Швеннингер пришел в ужас ^[85] и заявил Буняченко, что, если дивизия не подчинится приказу, Шернер передаст власовцев танками.

Но и эта угроза не помогла.

Дивизия продолжала двигаться вперед, сохраняя боевое построение на случай атаки. Письмо генерала Ашенбреннера также не произвело впечатления на Буняченко.

Если фельдмаршал Шернер был недоволен Сергеем Кузьмичем Буняченко, то доктора Эрхарда Крэгера чрезвычайно раздражало поведение Власова. Крэгер не понимал, что стремление поскорее жениться на ком-либо в минуты наибольшей опасности — не прихоть Власова, а привычка, почти обычай, физиологическая потребность генерала. Так Андрей Андреевич поступал на протяжении всей войны, еще со времен киевского окружения.

Доктор Крэгер не знал этого и не сочувствовал матримониальным затеям генерала. Он считал, что женитьба сейчас не нужна ни Власову, ни Хейди Биленберг, ни СС.

«Свадебный план исходил только и единственно от г-жи Биленберг ^[86] и поддерживался ее матерью, которую всегда брали с собою в качестве дуэньи, — раздраженно повествовал он, вспоминая те роковые, судьбоносные дни. — Эта пара была совершенно различна. У г-жи Биленберг вообще не было никакого понимания ни значения, ни сущности генерала Власова. Такой брак не мог протекать в согласии с обычными немецкими представлениями о совместной жизни. Она добивалась этого брака еще в берлинские времена, используя вечный женский прием отказа. Власов заговорил об этом со мной еще в Берлине. Я был против, не потому что не сочувствовал г-же Биленберг, а потому что политические последствия для Власова были уж очень очевидны. Его большой и растущий авторитет среди солдат, офицеров и рабочих нужно было оборонять от любого опасного упрека».

Если мы вспомним, что, по утверждению отца Александра Киселева, в последние дни Андрей Андреевич Власов попал в зависимость от полковника Э. Крэгера, «без которого он не мог шагу ступить, который с подручными последнее время был при нем день и ночь», то получается, что генерал вынужден был потратить последние силы, чтобы преодолеть сопротивление Крэгера женитьбе.

Впрочем, протоиерей Александр и сам задавался вопросом, можно ли сопоставлять решительность генерала Буняченко с якобы нерешительностью генерала Власова, можно ли видеть в покорности генерала Власова полковнику СС Э. Крэгеру подавленность духа, а не расчет политика, путем сложных комбинаций, идущего к своей последней цели?

Так подробно мы останавливаемся на анализе заблуждений и ощущений протоиерея Александра Киселева, потому что это не его только одного заблуждения и ощущения. Точно так же, как Киселев, думали десятки тысяч русских людей, примкнувших к власовскому движению, к Комитету освобождения народов России.

Сохранилась фотография — Киселев произносит от имени православной церкви слова в Доме Европы. Рука поднята, в глазах восторженный, почти вдохновенный свет.

Этот свет проблескивал в его глазах, когда, будучи уже стариком, говорил он о Власове. Такие люди, как Киселев, верили во Власова и продолжали верить и после войны.

И точно так же, как отец Александр, они задавали себе вопросы, почему в последние месяцы все происходило так, как происходило.

Был это «паралич воли»? И можно ли было исключительно мужественными мерами добиться тех реальностей, на которых строился их первоначальный замысел?

Они искали ответа на этот вопрос и не могли найти...

Сам же Александр Киселев в это время служил в гарнизонной церкви в Мюнзингене, где формировалась сейчас 2-я дивизия РОА, а также находились офицерская школа и запасная бригада.

«Мы быстро вошли в общую дружную, хотя и полную тревог жизнь, — вспоминал он. — Эта жизнь была настолько захватывающе русской, настолько целеустремленной, что дети наши — дочь Милица и сын Алексей, — до того учившиеся в немецкой школе и совершенно свободно владевшие немецким языком, как-то противоестественно успели за несколько месяцев совершенно разучиться им пользоваться. Та обостренно русская жизнь, которой мы там жили, навсегда отразилась на детях, став основным стимулом их русского самосознания в будущем».

Выделенные нами слова содержат в себе больше смысла, чем все вопросы, которые задавал протоиерей Александр Киселев и на которые не мог найти ответа, потому что такого ответа не существует.

В этих словах разгадка духовного смысла и непреходящего значения власовского движения, какими бы бессмысленно и уродливо трагическими ни выглядели его последние месяцы.

И бунтарство Буняченко, и кажущееся безволие Власова, со всех сторон окруженного эсэсовскими соглядатаями, совсем не главное в нем, главное — это обостренно русская жизнь, которой все там жили, и которая навсегда отразилась на детях, став основным стимулом их русского самосознания в будущем.

Только эта обостренно русская жизнь и способна была преодолеть и безнадежность, которая так явно проявлялась к концу войны в настроении Андрея Андреевича Власова, и отчаяние, которое овладевает порою наиболее честными апологетами власовского движения и сейчас...

Глава четвертая

А Власов, конечно же, не растрачивал времени бессмысленно, как могло показаться со стороны.

Об этом свидетельствуют многие воспоминания.

По утверждению Б. Плющева, Власов якобы говорил Малышкину, что хотя многие и пророчат, что англо-американцы в последнюю минуту пойдут на заключение сепаратного мира с Германией в целях совместной победы над ослабевшим Сталиным, а другие же предсказывают столкновение между англо-американцами и Советским Союзом, когда они сойдутся вместе для дележа Европы, этого не будет.

— Я не верю ни в то, ни в другое, — говорил Власов. — Мы не можем больше рассчитывать также и на немцев. Нам надо самих себя спасать.

А вот воспоминания Штрик-Штрикфельдта, который последний раз видел Власова в Праге, когда обнародовался манифест.

Вскоре после это Вильфрид Карлович отбыл «писать историю власовского движения» в поместье «Бибертейг» в двадцати километрах к востоку от Франкфурта-на-Одере, в Померании, в уже знакомое нам имение Эриха Эдвина Двингера — Гедвигсхоф.

«18 апреля мы с женой сидели в горенке нашего крестьянского дома в Баварии. Вдруг вбежала наша дочь, крича:

— Там на холме много офицеров, с красными лампасами. Они спрашивают тебя!

Я вышел из дому и увидел Власова, Малышкина, Жиленкова и Боярского, в сопровождении других русских офицеров и генерала Ашенбреннера. К моему удивлению, с ними был и Крэгер. Мое местопребывание не было никому известно.

Русские, однако, нашли меня».

Власов рассказал Штрик-Штрикфельдту, что дал согласие на боевое использование в районе Одера 1й дивизии РОА, чтобы показать германскому руководству надежность добровольцев даже в тяжелых условиях развала фронта, если они стоят под русским командованием и борются за свободу своего народа. Но одновременно он отдал секретный приказ — беречь и спасти личный состав дивизии. 1-я дивизия и все наличные добровольческие части должны сконцентрироваться на линии Прага — Линц. Сюда же идет и 2-я дивизия РОА.

— К сожалению, Германия рухнула скорее, чем я ожидал, — сказал Власов.

Поскольку о концентрации добровольческих частей в Чехословакии и Австрии между Прагой и Линцем знал и генерал Ашенбреннер, было понятно, что это в СС решили создать сильное военное соединение из российских, чешских и югославских добровольцев. Этот корпус должен был составить, с одной стороны, ядро военно-политического сопротивления вторгающемуся в Европу сталинскому большевизму, а с другой — послужить укрытием для некоторых высокопоставленных эсэсовцев.

План был достаточно реалистичным.

Эсэсовцы могли быть уверены в верности своего интернационального корпуса хотя бы потому, что набранных ими

добровольцев ждала в родных странах гораздо более суровая кара, нежели немецких солдат.

Понятно, что рано или поздно союзники смогли бы добить и эти части, но понятно было и то, что в горной местности они могли продержаться достаточно долгое время.

Другое дело, зачем нужно было это Власову, как это соответствовало планам Русской освободительной армии, но и тут тоже просматривались некоторые перспективы.

Власов очень долгое время был генералом для пропагандного употребления. Пропагандный дух проник в него, замазывая в его характере топкую трясику волховских болот.

Как пропагандист, Власов крупнее и интереснее, нежели чем боевой генерал.

Путь к Праге, городу в котором прозвучал манифест Комитета освобождения народов России, это не столько войсковая операция, сколько пропагандная.

Другое дело, что любая пропаганда достигает своей цели только, когда она подкреплена реальной силой.

Об этом Власов, кажется, позабыл...

— Главное, — сказал Власов, — выиграть время.

«Вера в непрочность англо-американского союза с Кремлем озарила обманчивым светом нашу последнюю встречу с этими людьми, поставившими все на карту, — говорит Штрик-Штрикфельдт в своей книге. — Но все эти планы без поддержки германского командующего войсками в районе Праги — Линца были заведомо обречены на неудачу».

В ходе разговора выяснилось, что Ашенбреннер установил контакт с фельдмаршалом Шернером, однако на него рассчитывать нельзя.

Связи с фельдмаршалом Вейхсом установить не удалось.

С планами Власова познакомили и Эриха Эдвина Двингера. Хозяин усадьбы Гедвигсхоф действительно обладал незаурядным талантом сценариста. Он тут же предложил отойти в Баварские Альпы, занять удобные позиции и, забрав с собой крупных нацистских деятелей, объявить их заложниками и обменять на гарантию права убежища для добровольцев. Двингер даже назвал отдельные имена, которые могли заинтересовать англо-американцев. Назвал их также, как называет продюсер имена актеров, которые будут участвовать в постановке.

Однако на этот раз Андрею Андреевичу Власову не понравился новый сценарий Двингера.

Он отклонил его авантюрный план.

— Может быть, и эффектно, но эта идея мне все же не нравится, — сказал он. — До сих пор мы боролись чистыми руками и с чистым сердцем, как русские патриоты и борцы за свободу. Мы имели полное право на сопротивление; это право освящено тысячелетиями. Победителей не судят, а побежденным отрубают головы! У нас нет

никаких обязательств перед немцами, но мы не можем надругаться над доверием тех из них, кто помогал нам.

— Что же делать?

Помолчав, Власов рассказал о Ю.С. Жеребкове, которого еще в январе уполномочил войти в контакт с посольствами США и Великобритании в Берне через посредничество Международного Красного Креста.

— Этого мало. — сказал Ашенбреннер. — Контакт с союзным командованием должен быть установлен как можно скорее. Тем временем добровольческие части надо стягивать в район Прага — Линц. Я уже уполномочил Оберлендера пробиться к англичанам, чтобы спасти русские летные части генерала Мальцева. Ну, а капитану Штрик-Штрикфельдту надобно отправиться к американцам. Конечно, это должно быть не немецким, а русским шагом.

Ашенбреннер, как представитель Кестринга, был начальником Штрик-Штрикфельдта и имел право приказывать ему.

— Нет! — сказал Власов. — Если это русский шаг, не Штрик, а Малышкин, как парламентар русских, должен идти к союзникам. Вы готовы сопровождать Малышкина, Вильфрид Карлович? Это самая трудная служба, которую вы могли бы сослужить нам.

— Готов! — сказал Штрик-Штрикфельдт.

Тут же ему выдали «власовское удостоверение» на имя Веревкина, полковника Добровольческой армии Комитета освобождения народов России.

Эрхард Крэгер, присутствовавший при разговоре, молча выписал Малышкину и Штрик-

Штрикфельдту разрешение на право свободного передвижения во фронтовой полосе, не открывая цели их пребывания там. Эти удостоверения нужны были при встречах с «вервольфами» и другими формированиями СС, прочесывавшими фронтовую полосу в поисках дезертиров, с которыми они тут же и расправлялись.

За ужином Крэгер все время подливал Власову водку, и перед сном, когда Штрик-Штрикфельдт зашел к Власову проститься, Андрей Андреевич был уже совсем пьян.

— Простите, Вильфрид Карлович, — сказал он, — я много пью в последнее время. Я пил и раньше, но никогда не пьянствовал. А теперь я хочу забыться. Крэгер все время подливает мне и думает держать меня этим в руках. Но он ошибается. Я все вижу и все слышу. Я знаю свой долг и не спрячусь от ответственности. Прошу у Бога силы выдержать все до конца. Вы знаете, о чем я думал сегодня? Джордж Вашингтон и Вениамин Франклин в глазах Британского королевства были предателями. Но они вышли победителями в борьбе за свободу. И американцы, и весь мир чествуют их как героев. А я — проиграл, и меня будут звать предателем, пока в России свобода не восторжествует над советским патриотизмом. Я знаю, Вильфрид Карлович, вы пойдете с

Василием Федоровичем и поможете ему. Но я не верю, что американцы станут помогать нам. Мы придем с пустыми руками. Мы — не фактор силы. Но когда-нибудь американцы, англичане, французы, может быть, и немцы, будут горько жалеть, что из неверно понятых собственных интересов и равнодушия задушили надежды русских людей, их стремление к свободе и к общечеловеческим ценностям. А когда-нибудь вы скажете всем, что Андрей Андреевич Власов и его друзья любили свою родину и не были изменниками. Обещайте мне это.

Голос Власова становился все тише — он засыпал.

Больше Штрик-Штрикфельдт не видел человека, которого удалось завербовать ему, и который послал его в рискованное предприятие 18 апреля 1945 года. Но он не знал еще, что всю оставшуюся жизнь предстоит ему выполнять поручение генерала.

«Добрый час провел я затем наедине с Власовым... — вспоминал он много лет спустя. — Власов был внутренне сломен. Он владел собой в окружении своих офицеров, чтобы поддержать других. Но он знал, что все кончено».

Штрик-Штрикфельдт и генерал Малышкин дошли до американцев.

Переговоры они вели с генералом Пэтчем, командующим 7-й американской армией. По свидетельству Штрик-Штрикфельдта, Малышкин сам себя превзошел на этих переговорах.

— Сталин и русские — наши союзники! — сказал Пэтч.

— Мы — ваши союзники, господин генерал! — с жаром возразил Малышкин. — Мы ведь те же русские. Власов — один из тех русских генералов и героев Красной армии, что защищали Москву от немецкого наступления и нанесли немцам их первое тяжелое поражение. Мы все — русские и бывшие красноармейцы. Но мы встали на сторону свободы. А что значит свобода, вы, генерал, как американец, знаете много лучше, чем я.

Малышкин говорил убедительно и страстно.

«Далеко не все мог передать переводчик, но Пэтч многое понимал по выражению его лица и по жестикуляции. Он видел, насколько сильно Малышкин переживал за трагическую судьбу своего народа и своих солдат».

На следующий день, при вторичном свидании, Пэтч сообщил парламентарам, что русские дивизии должны сложить оружие и что с ними будут обращаться как с немецкими военнопленными.

После этого он неожиданно протянул Малышкину руку:

— Как генерал американской армии, я сожалею, генерал, что это все, что я могу сказать вам. От себя лично я добавлю, что делать это мне весьма не по душе. Я понимаю вашу точку зрения и хотел бы заверить вас в моем личном глубоком уважении. Но и вы должны меня понять: я — солдат.

Задавая вопрос: не были ли действия генерала Власова связаны с ожиданием результата от попыток установить контакт с Западом? —

протоиерей Александр Киселев вспоминал, как возвращался он ночью из Фюссена в свое село на велосипеде, и навстречу шел почти сплошной поток бегущей в горы немецкой армии — машин, повозок, верховых, пеших, иногда даже орудий.

«Почему не разоружали этих людей, почему не брали их склады, как это когда-то предполагалось? — недоумевал отец Александр. — Почему не осуществлялся план продвижения на соединение с казаками (150 тысяч человек), с Русским корпусом (20 тысяч человек) или с Драже Михайловичем, как, опять-таки, ранее предвиделось? Может быть, нужно было не чувствовать себя в плену у Крэгера, а его арестовать?»

Протоиерей Александр Киселев, как мы уже говорили, оценивал ситуацию последних месяцев войны не столько умом, сколько сердцем русского патриота, вынужденного бессильно наблюдать, как, сокрушая одного ненавистного врага (фашизм), Россия укрепляет другого своего ненавистного врага (большевизм).

И все просто в его рассуждениях...

Человек так устроен, что горячее сердце, живущее жаждою подвига и не желающее знать никаких обстоятельств, всегда понятнее и проще, нежели размышления человека, все (или почти все) знающего наперед.

О чем, продвигаясь по забитым колоннами солдат, беженцами, машинами, повозками, орудиями дорогам, думал генерал Власов в последние апрельские дни сорок пятого года?

Может, вставали перед его глазами осенние дороги сорок первого года, когда его 37-я армия отступала из Киева?

Или, может быть, генерал видел заснеженные дороги наступления под Москвой?..

Или раскисающие торфяной жижей дороги, проложенные в болотах на Волхове?..

Или о том он думал, что трудно было попасть в СС, но еще труднее уйти?..

И, конечно же, в дорожной усталости, в хмелю подливаемой доктором Крэгером водки, замыкая жизненный круг, путались дороги наступлений и отступлений.

Где он отступал, а где наступал? Где отступал от немцев, а где — от наших?

Кто — наши и кто — враги?

Иногда, очнувшись от опьянения, Власов вспоминал, что во всех его наступлениях и отступлениях рядом были женщины.

Агнесса Подмазенко... Мария Воронова. Бесчисленные Зины, Оли, Тани, официантки, медсестры, связистки.

Сейчас тоже рядом была баба. Хейди. Она сидела рядом и, улыбаясь, смотрела на пьяного двухметрового супруга.

Хорошая баба.

Только поговорить по душам не получается.

— Вот так-то, фрау Власова, — вздохнул генерал. — Все в тебе хорошо, и баба ты хорошая, а по-человечески поговорить не умеешь. Доктора, что ли, крикнуть?

И он звал доктора Крэгера, чтобы тот переводил.

Доктор Крэгер переводил охотно.

Поначалу странно выходило — Власов о душе толковал, о тоске сердечной, о том, что просыпаешься среди неразберихи отступления и невозможно понять, где ты — на Украине, на Волхове или в Моравии. Смутно, неясно все на душе.

— O! Ja! Ja! — переводил Крэгер. — Ja! Ordnung! Sich zurechtmachen, sich in Ordnung bringen!

Это Власов разбирал.

Понимал, что порядка нет и надо привести себя в порядок. Тем более что Крэгер не терял слов на ветер, а подливал Власову из фляжки шнапса. И тогда сразу становилось понятно, что и госпожа Власова тоже энергично говорит о порядке. Когда она станет правительницей России, там будет один большой-большой орднунг.

Так, кушая шнапс, и добрались до Праги.

Встреча с Шернером и Буняченко была краткой.

Власов держался несколько неестественно и осуждал неподчинение командиров немецким приказам.

Позже, ускользнув от немецкой свиты, Власов объяснил, что он поставлен в такое положение, когда должен делать вид, будто разделяет немецкую точку зрения. Если немцы поймут, что не могут больше полагаться на его влияние, они предпримут репрессии против русских частей в составе Вермахта ^[87].

В интимной беседе Власов выразил полное удовлетворение тем, что Буняченко действует самостоятельно, но сказал, что сам он не останется с ними, ибо озабочен другими русскими соединениями, которые организованы гораздо хуже, чем 1-я дивизия.

По поручению Андрея Андреевича, профессора Рашхофер и Ейбель составили конспект предполагаемого радиообращения генерала к открывавшемуся в Сан-Франциско первому собранию Объединенных наций.

Власов просмотрел обращение, призывающее к «всеобщей борьбе с большевизмом», и одобрил его.

Однако передать обращение не удалось. Наместник Гитлера Франк сказал, что подобные обращения должны быть согласованы с фюрером.

А с бункером Гитлера в Берлине ему не удавалось установить связь. И не только ему.

30 апреля в 15.30 завернутое в армейское темно-серое одеяло тело застрелившегося Гитлера перенесли из бункера в сад и положили в одну из воронок. Рядом положили тело его супруги — Евы Браун.

Облили тела бензином и подожгли.

Глава пятая

1-я дивизия РОА подошла к Праге, когда там 4 мая вспыхнуло восстание.

В отличие от интернационалистского руководства России, чешские руководители всегда ставили идею народосбережения впереди других идеологических предпочтений и гордынь.

В 1938 году чехи послушно подчинились приказу правительства не воевать и не воевали, пока советские войска не вошли в Берлин.

Только тогда, чтобы уберечь от возможного разрушения промышленные объекты и городскую инфраструктуру, и было поднято восстание.

4 мая в девять часов утра в окнах квартир и на некоторых общественных зданиях появились чехословацкие флаги. В середине дня под председательством А. Пражака собрался Чешский национальный совет (ЧНС), который принял на себя решение о руководстве восстанием и от имени Кошицкого правительства Национального фронта объявил о ликвидации Протекторатора и о взятии Советом всей полноты власти в свои руки. К вечеру повстанцам удалось занять пражское радио.

Немецким войскам в Праге был предъявлен ультиматум о безоговорочной капитуляции.

Момент для восстания выбрали весьма умело.

Полноценного немецкого гарнизона в городе не было, и уже к вечеру 4 мая на улицах Праги появляются чехословацкие офицеры в форме, которую они сняли в 1938 году.

На улицах возводятся баррикады.

Первые столкновения начались только 5 мая и не с немцами, а коммунистическим Чешским национальным советом, который объявил Центральный национальный комитет движения сопротивления некоммунистических сил органом, не представляющим интересы народа.

Выждав два дня — странная медлительность для боевого офицера! — командующий воинскими частями СС группенфюрер Фридрих-Карл фон Пуцкер отдал приказ дивизиям СС «Das Reich», «Wiking», «Wallenstein» войти в город и подавить восстание.

«Просьба города Праги ко всем союзным войскам. На Прагу наступают немцы со всех сторон. В действии германские танки, артиллерия и пехота. Прага нуждается в помощи. Пошлите самолеты, танки и оружие. Помогите, помогите, быстро помогите!»

«Прага зовет американскую армию, союзные армии возле Пльзня! Пошлите танки и самолеты! Помогите нам спасти Прагу!»

«Прага зовет, здесь чешская Прага, Красная армия пошлите нам помощь, нам скоро, скоро, скоро».

Такие призывы ^[88] вполне естественные в устах людей, без единого выстрела спрятавших семь лет назад в сундуки военную форму, передавала в эти дни в эфир пражская радиостанция.

Однако ни американцы, ни Красная армия на помощь не спешили, и тогда 6 мая пражское радио передало на русском языке еще одно воззвание: «Верим, офицеры и солдаты армии Власова в последнем этапе боя, как русские люди и советские граждане, помогут защитить Прагу».

«Молниеносным ударом Прага была занята, немцы взяты в плен, а заложники и сидящие в тюрьмах освобождены, — с пафосом сообщает В. Осокин. — Прага ликовала. Власов и РОА стали героями освободителями. Портреты генерала Власова были вывешены повсюду».

И Осокин, и другие власовские историки утверждают, что чешское население приветствовало дивизию С.К. Буняченко. Партизаны якобы даже предлагали Власову возглавить все национальные — в противоположность коммунистическим — партизанские отряды в Чехословакии.

На самом деле все было не совсем так.

Вернее — совсем не так.

Попробуем выстроить хронологию событий этой Страстной недели.

2 мая. 1-я дивизия РОА под командованием генерал-майора Сергея Кузьмича Буняченко остановилась в 50 километрах к юго-западу от Праги.

5 мая. Посланные Сергеем Кузьмичем к американцам для ведения переговоров полковник Азберг и Поздняков вернулись с документом, в котором говорилось, что командование американской армии готово принять власовцев с условием, что они добровольно сдадут оружие и будут на положении военнопленных, судьбу которых решит высшее командование.

Вечером части 1-й дивизии подошли к пригороду Праги и заняли аэродром.

6 мая. В этот день была православная Пасха, но праздновать ее власовцам не пришлось. После полудня прошло совещание в штабе повстанцев. Там присутствовал и полковник РОА Андрей Дмитриевич Архипов. Он встретился здесь с американским капитаном, который командовал бронированной колонной разведки, высланной, чтобы выяснить, что происходит в Праге.

Американский капитан, подивившись на немецкое обмундирование Архипова, спросил, могут ли повстанцы удержать город сами, пока он не будет передан союзнику США Советскому Союзу. Он объяснил, что Эйзенхауэр уже провел переговоры с советским генералом Антоновым и ими достигнуто соглашение о демаркационных линиях, но все еще

остаётся открытым вопрос о возможном занятии Праги американскими войсками, до тех пор, пока ее не передадут в советские руки.

Услышав такое, Андрей Дмитриевич Архипов сообразил, что надежда войти в связь с американскими войсками оказывается иллюзорной. Он сказал капитану, что, если с чисто военной точки зрения дивизия КОНРа может удержать город, с политической точки зрения это было бы нецелесообразным.

— Американцам следовало бы вступить в Прагу! — сказал Архипов.

Понял ли ситуацию американский капитан — неизвестно, но Архипов ничего не добился и после совещания объявил повстанцам, что дивизии придется оставить город, поскольку вскоре его займут советские войска. Вечером он доложил об этом Буняченко и Власову.

Для хитроумного Сергея Кузьмича это оказалось весьма неприятным сюрпризом.

Тем ни менее 7 мая, когда немцы начали подавление восстания, власовцы защитили город.

«Части генерала Власова, которые с нами борются против немцев, разоружили в районе западнее Праги больше десяти тысяч немецких солдат» — передавало в этот день Пражское радио.

Но это на улицах, где в этот день погибло около 300 солдат и офицеров РОА...

В Чешском национальном совете в это время тоже бушевали страсти.

Капитан РОА Ростислав Львович Антонов, командированный Буняченко на заседание ЧНС, попытался определить отношение РОА и ЧНС.

Против этого решительно выступил заместитель председателя Совета Иोजеф Смрковский.

— Почему? — задал вопрос Антонов.

— Вы же воюете с коммунистами! — ответил Смрковский. — А я тоже коммунист ^[89].

Смрковскому удалось добиться, чтобы с командованием власовской армии не заключалось никакого письменного соглашения.

Как только власовцы выбили из Праги эсэсовцев, им объяснили, что Прагу в соответствии с Ялтинским соглашением будут оккупировать не американцы, а советские войска и поэтому образовано чешское правительство, которое возглавил коммунист Иोजеф Смрковский.

От лица этого правительства, спасителям Праги было заявлено, что чешское правительство никогда не просило власовцев о помощи и не сочувствовало делу КОНРа.

Офицеры КОНРа, плохо разбирающиеся в чешских идеях народосбережения, возмутились:

— А как же повстанцы, из штаба Пражского восстания, которые приходили к нам?

— Это не повстанцы, а авантюристы. Ни чешский народ, ни правительство не уполномочивали их обращаться к вам. Наше правительство на две трети — коммунисты, и мы советуем дивизии КОНРа сдаться наступающей Советской армии.

В этот же день в 23 часа С.К. Буняченко отдал приказ 1-й дивизии оставить Прагу и двигаться на юг, чтобы войти в американскую оккупационную зону.

По дороге выяснилось, что потерялся Боярский, которого генерал Трухин отправил к Власову с сообщением о результатах переговоров с американцами — американцы требовали безоговорочной сдачи. Трухин отправился на поиски Боярского, но был захвачен чешскими партизанами.

Тут нужно сделать небольшое отступление.

Спасение Праги от разрушения, пожалуй, единственное деяние РОА, которое признается всеми исследователями и которое с полным правом может быть занесено в положительный актив власовского движения.

И даже некая символика тут просматривается.

В Праге образовали Комитет освобождения народов России, и РОА — армия этого комитета — и спасла Прагу.

И какова же была награда спасителям?

Серым холодным утром 6 мая 1993 года на Ольшанском кладбище в Праге, над пустым холмом, где лежали триста павших в бою солдат и офицеров армии Власова, был водружен темный деревянный крест с белеющими на нем буквами: РОА. Крест обвивал в изголовье терновый венец.

«Вопреки ожиданиям, спровоцированным мифом о всенародной любви и признательности чехов власовцам за освобождение Праги, — не скрывая злорадства, писала в те дни журналистка „Комсомольской правды“, — на кладбище собралась жалкая кучка людей, состоящая большей частью из пишущей и снимающей братии».

Поставили этот крест почти пятьдесят лет спустя.

А тогда, в майские дни Светлой седмицы 1945 года, в благодарность за помощь чехи расстреляли В.И. Боярского, М.М. Шаповалова повесили, а Ф.И. Трухина и И.А. Благовещенского передали Красной армии.

Если у А.А. Власова и были какие-то идеи насчет славянской поддержки дела освобождения народов России, все они разбились о твердокаменную чешскую идею собственного народосбережения.

Как только опасность миновала — пропало и дружелюбие чехов, поскольку теперь им стало политически невыгодно и опасно далее сотрудничать с власовцами.

Но продолжим хронологию гибели власовского движения.

8 мая. Правительство Третьего рейха капитулировало. Генерал М.А. Меандров, не дожидаясь разрешения, перешел в американскую зону и

сдал штаб РОА с остатками 2-й дивизии и офицерской школы. Позже меандровцы были репатриированы в Советский Союз.

9 мая. Вечером, все еще на чешской территории, 1-я дивизия встретила с танковым соединением 3-й американской армии.

10 мая. Переговоры с американским командованием.

11 мая. Дивизия С.К. Буняченко сдала оружие, и ее разместили в районе Шлиссельбурга. Сюда прибыл и Власов.

Опасаясь столкновения с советской 162-й дивизией, командир 2-го полка полковник Артемьев «случайно» встретился с советскими офицерами и сделал вид, что выслан на переговоры об условиях сдачи дивизии КОНРа.

Он договорился, что 12 мая в полдень дивизия КОНРа перейдет на советскую сторону.

12 мая. В 10 часов утра Сергей Кузьмич Буняченко с начальником штаба подполковником Николаем Петровичем Николаевым отправился в замок Шлиссельбург — в американский Генеральный штаб, где им сообщили, что, хотя американский командующий относится сочувственно к положению Власова и его солдат, он вынужден запретить им переход американской демаркационной линии. К этому было добавлено сообщение, что американцы должны покинуть Шлиссельбург и город будет передан их советскому союзнику.

Это известие было смертельным ударом для разоруженной дивизии.

С.К. Буняченко отдал приказ разойтись и пробиваться самостоятельно.

С. Стеенберг считает, что примерно половина дивизии (10 000 человек) либо сразу же попала в руки Красной армии, либо была поймана чешскими партизанами и передана Красной армии, а другая половина пробилась к американцам, но многие из них впоследствии были репатриированы.

Глава шестая

Мы говорили, что генерал Власов сочинил себе бесчисленное множество биографий. Почти каждому собеседнику он преподносил события своей жизни так, как хотелось тому.

Но все-таки не совсем верно предположить, что, примеряясь к слушателям, Власов преследовал только одну выгоду.

Еще более он примерялся к себе, к смыслу своей жизни...

Невозможно было никому рассказать о бессмысленной и страшной гибели 2-й Ударной армии, загнанной интригующими генералами в болотный мешок.

Невозможно было рассказать о том, что он ничего не мог сделать для спасения армии.

И эта невозможность и определяла сюжет беседы Андрея Андреевича с командующим немецкой армейской группой «Север» генералом Линдеманом.

— Да, — говорил он тогда. — Я остался! Дважды я получал приказ бросить людей и покинуть этот «мешок», но я остался. Однажды за мной прислали самолет, но я уже больше не колебался. Смел ли я бросить тех, кого я сам завел в такое положение? Смел ли я снять с себя всю ответственность за это?..

— Сделав это на глазах у своих солдат! — с сентиментальностью победителя проговорил Линдеман.

— Да, на глазах у моих солдат. Ведь все эти глаза смотрели на меня! — подпустил генеральской слезы Власов. — Я предпочитал, чтобы они смотрели мне в лицо, а не в уходящую спину. Если бы я их покинул, я бы чувствовал все эти взгляды на себе всю свою жизнь.

Иронизировать тут легко, но вспоминаешь рассказ связиста Никонова, который, шатаясь от голода, без патронов, ходил в атаки, который воровал у немцев телефонный кабель, и станет понятно, что с такими воспоминаниями жить нельзя.

И в каком-то смысле придуманный генералом Власовым самолет, который якобы послали за ним, правдивее беспросветной, бесчеловечной бессмысленности, что окружала Власова весной 1942 года.

И вот что удивительно.

Три года спустя Власов поступает так же, как, по его рассказу, поступил он летом 1942 года.

Чем ближе к концу стремилась жизненная дорога Власова, тем чаще, тем навязчивее становилось в нем стремление доказать, что он не предатель.

Он объяснял это немецкой журналистке, объяснял случайно попавшей в его постель «ост-девушке». Объяснял своим будущим биографам. Сергей Фрелих вспоминает, что незадолго до пленения Власов попросил его в замке Шлиссельбург: «Опиши, что мы не были изменниками».

Швейцария в политическом убежище Власову уже отказала.

По свидетельству Фрелиха, американское командование воспринимало власовцев как «комичную нацистскую воинскую часть, выставленную для последних боев».

Оставался вариант, предложенный начальником отдела безопасности КОНРа, майором Тензоровым — переодевшись, проникнуть на аэродром и лететь в Испанию.

«Вернувшись домой, — рассказывал адъютант Власова капитан Ростислав Антонов, — мы сразу переоделись в штатское... через час все было готово... Машина, одежда для Власова и все другое...»

Но Власову не понадобились ни машина, ни одежда.

— Что это за маскарад? — кивнув на сверток, спросил он.

Когда Антонов рассказал о плане Тензорова, Власов покачал головой.

— Надо ждать ответа относительно всех войск РОА! — сказал он.

Спасаться, оставив на произвол судьбы товарищей, Власов посчитал для себя неприемлемым. Он не бросил 2-ю Ударную на Волхове.

Не бросил Власов и РОА.

Личное мужество никогда не покидало этого человека, и тут трудно не согласиться с протоиереем Александром Киселевым, который говорил, что каждое человеческое слово в конечном итоге проверяется только делом, и такой проверкою слов генерала Власова и стали наступившие «страстные дни для него и для всего Движения».

О поимке Власова существует несколько версий, которые хотя и кажутся противоречащими друг другу, но только потому, что описывают различные этапы задержания генерала.

Определенно известно, что в Светлую субботу, 12 мая, после полудня колонна покинула замок Шлиссельбург в надежде перейти в американскую зону.

В этот день Власов и был захвачен советскими войсками. Захват генерала Власова произвел капитан Михаил Иванович Якушев.

Рассказ его, уже в наши дни записанный Павлом Аптекарем, опубликован.

«Утром 15 мая (ошибка! — Н. К.) 1945 года я — командир батальона автоматчиков 162-й танковой бригады, выехал на разведку в зону, контролировавшуюся на тот момент американскими войсками. Дело происходило в Чехословакии, недалеко от деревни Брежи. Американцы относились к нам тогда хорошо, нашу машину пропустили без особых расспросов. Проезжая мимо леса, я заметил группу людей в немецкой форме. Со мной заговорил офицер, оказавшийся командиром батальона 1-й дивизии власовцев капитаном Кучинским.

Я стал агитировать его не сдаваться американцам, а переходить на нашу сторону. После короткого совещания со своими офицерами Кучинский построил батальон и приказал двигаться на территорию, занятую Красной армией.

Тем временем мы с Кучинским заметили небольшую колонну легковых машин, двигавшихся на запад в сопровождении двух американских „Виллисов“. Я спросил: кто это? Кучинский ответил, что это Штаб дивизии. Обогнать колонну мы смогли лишь минут через сорок: у власовцев машины были помощнее наших. Развернулись поперек дороги и вынудили остановиться. Из одной машины вылез печально известный генерал Буняченко, командир 1-й дивизии власовцев. Увидев Кучинского, обложил его матом и сказал: „Подлец, уже переметнулся!..“

Кучинский подсказал мне, что вместе со штабом 1-й дивизии часто ездит сам генерал Власов. Я несколько раз прошелся вдоль колонны, агитируя водителей ехать сдаваться Красной армии. Один из них

посоветовал обратить внимание на громадную черную Ил-2. Подойдя к ней, я увидел в салоне, не считая водителя, одну женщину и двух мужчин. Про женщину я позднее узнал, что она была „фронтовой женой“ генерала Власова, один из мужчин оказался начальником контрразведки 1-й дивизии власовцев Михальчуком, другой — личным переводчиком Власова Ресслером.

Я открыл заднюю боковую дверь и вывел переводчика из машины, намереваясь осмотреть салон. В этот момент из-под груды одеял ^[90] высунулся человек в очках, без погон. На вопрос, кто он такой, ответил: „Генерал Власов“. От неожиданности я обратился к нему „товарищ генерал“, хотя какой он товарищ...

Власов тоже явно оторопел. Однако вскоре пришел в себя, вылез из автомобиля и, игнорируя меня, направился к американцам — просить их связаться по радиации со Штабом армии. Вскоре к нашей колонне подъехал еще один „Виллис“, где сидели американские офицеры. Я сказал им то же самое, что сказал бы и сейчас кому угодно: генерал Власов нарушил воинскую присягу, поэтому он должен предстать перед нашим судом.

На мое счастье, американцы оказались общевойсковыми офицерами, а не офицерами контрразведки — иначе история могла бы получить совсем иное развитие. Видя, что со стороны американцев сопротивления не будет, я сделал вид, что еду вместе с Власовым назад — в Штаб американской дивизии. Сев позади Власова в его „Шкоду“, я приказал водителю разворачиваться и гнать вперед.

Пока разворачивались остальные машины колонны, мы успели отъехать довольно далеко.

Власов пытался приказывать водителю, куда ехать, но водитель, смекнув, что к чему, уже его не слушал. Генерал почувствовал неладное и на берегу красивого озера, где машина немного сбавила скорость, попытался выскочить на ходу. Однако я успел схватить его за воротник и, приставив пистолет к виску, сказал: „Еще одно движение, и я вас застрелю“. После этого он вел себя спокойно».

Вот такой рассказ.

Все тут очень лихо, как в вестерне, и так же, как в вестерне, весьма неубедительно.

Во-первых, смущает неточность даты. Все документы — донесение генерал-майора Фоминых, протокол, составленный в «СМЕРШе», свидетельствуют, что Власов был взят в плен 12 мая.

Смущает так же и стремительность, с которой капитан Кучинский начинает помогать Якушеву. Не очень-то верится и в то, что генерал Буняченко, известный своим взрывным характером, беседует с Кучинским, помогающим Якушеву производить арест, словно на светском рауте.

Но допустим, что так все и было.

А вот допустить, что Кучинский якобы подсказывает Якушеву, что «вместе со штабом 1-й дивизии часто ездит сам генерал Власов», уже никак нельзя, потому что Власов никогда не ездил со Штабом 1-й дивизии, и, значит, Кучинский сказать такого не мог.

Прокол тут очевидный.

Точно так же Якушев явно недоговаривает, когда рассказывает об осмотре «громадной черной, Шкоды» Власова. В машине, как утверждает Якушев, находились водитель, переводчик лейтенант Ресслер, начальник контрразведки 1-й дивизии Михальчук, новая «фронтовая жена» генерала Власова и сам Власов, который зачем-то высунулся из-под груды одеял.

«Я открыл заднюю боковую дверь и вывел переводчика из машины, намереваясь осмотреть салон», — рассказывает Якушев.

Напомним, что, согласно его рассказу, колонна власовцев следовала в сопровождении двух американских «Виллисов» и была остановлена, когда Якушев развернул свою машину поперек дороги и вынудил колонну остановиться, а потом начал, не спросив у американцев, осматривать ее. Смелость, разумеется, города берет, но и тут что-то явно не сходится.

Не совсем внятен и рассказ о переговорах с американцами.

«Власов. пришел в себя, вылез из автомобиля и, игнорируя меня, направился к американцам — просить их связаться по радиации со Штабом армии. Вскоре к нашей колонне подъехал еще один „Виллис“, где сидели американские офицеры. Я сказал им то же самое, что сказал бы и сейчас кому угодно: генерал Власов нарушил воинскую присягу, поэтому он должен предстать перед нашим судом».

Как бы все точки расставлены.

Сопровождавшие власовцев американцы вызвали начальство, и этому начальству и объясняет Якушев, что изымает у них Власова, поскольку тот «должен предстать перед нашим судом» как изменник Родины. И вроде бы американцы согласны с этим — «на мое счастье, американцы оказались общевойсковыми офицерами, а не офицерами контрразведки — иначе история могла бы получить совсем иное развитие», но не тут-то было.

Оказывается, никакого согласия нет.

Иначе зачем же Якушев делает вид, что едет вместе с Власовым назад — в Штаб американской дивизии? «Сев позади Власова в его Шкоду я приказал водителю разворачиваться и гнать вперед. Пока разворачивались остальные машины колонны, мы успели отъехать довольно далеко».

Конечно, понятно, что тогда шло братание советских и американских солдат, и общий уровень советско-американского благодушия был достаточно высок. Однако ни один добродушный человек не позволит так нахально, без спросу, хозяйничать у себя, как это делал у американцев Якушев. Ну, а на удачу капитана нашлась бы

удаль и у американцев, едва ли стали бы они спокойно наблюдать, как похищают у них пленного генерала. Что-то ведь за его пленение полагалось и у американцев...

Опять-таки не все понятно и с водителем Власова.

Разумеется, можно (вернее — необходимо!) допустить, что водителя перевербовали. Но непонятно, когда успел это сделать Якушев, ведь у него просто не было времени для этого. Тем не менее водитель ведет себя слишком уж серьезно: «Власов пытался приказывать водителю, куда ехать, но водитель, смекнув, что к чему, уже не слушал его».

Чтобы снять противоречия в рассказе Якушева, уточним, что колонна власовцев «в сопровождении двух американских „Виллисов“ двигалась обезоруженной».

Это объясняет поведение Сергея Кузмича Буняченко. Кроме матюгов, у него и не было другого оружия. И не столько изменника Кучинского материл он, сколько ситуацию, всю подлость которой только сейчас и начал просекать. Буняченко и его офицеры сдали оружие, и их, обезоруженных, передают на расправу советским властям. Поэтому, пока Якушев возился с Власовым, Буняченко поспешил исчезнуть со своими спутниками из этой преданной американцами на заклятие колонны.

Второе уточнение касается американского благодушия. Американцы потому и не возмущались поведением Якушева, что так было договорено.

Вот как описывает сцену разговора Власова с американцами его переводчик, лейтенант Ресслер.

«Власов пошел в сторону американских танков. Я с ним. Подошли к американцам. Они ухмыляются, жуют резинку, на слова Власова не реагируют. наша машина с Антоновым и Лукьяненко развернулась и помчалась обратно в сторону замка. Машины стояли с распахнутыми дверцами, кругом ни души. Нас посадили в машину».

В рассказе Ресслера все нескладно, но очень правдоподобно по ощущениям человека, который неожиданно узнает, что он подло предан.

Завершая свой рассказ, Якушев коснулся наград, которых были удостоены участники операции по задержанию генерала Власова.

«Насколько мне известно, — сказал он, — Кучинского и двух помогавших нам шоферов-власовцев (Довгаса и Комзолова) позднее освободили и даже наградили орденами Отечественной войны. Мне вручили орден Суворова II степени. Тем же орденом наградили наших командиров бригады и корпуса. Кроме того, награды получили начальник контрразведки «СМЕРШ» и оперуполномоченный, которых при задержании Власова и близко не было».

Вот тут, как нам кажется, Михаил Иванович совсем уж не прав.

Похоже, что вся операция по задержанию Власова была очень точно спланирована советскими и американскими спецслужбами и именно по этому плану и осуществлена, хотя, конечно, сам Якушев мог и не быть посвященным во все детали операции.

Биографы Власова приводят разговор, который якобы состоялся у Власова после переговоров с американцами, когда Власову было объявлено, что его выдадут русским.

«В передней дома их уже ожидал американский капитан ^[91]. Капитан был очень молод, он пошел навстречу Власову и тоном, в котором звучали нотки детского превосходства и полного непонимания, сказал:

— Господин генерал, теперь для вас все кончено! К сожалению, вы напрасно меняли ваших хозяев: взобрались на ошибочную лошадь!

Власов посмотрел на капитана взглядом, в котором не было ни удивления, ни обиды, ни презрения. В нем светилась тихая доброта человека, понимающего непонимание другого.

— Капитан! — сказал Власов. Его голос, казалось, долетал издалека, усталый, доброжелательный и мягкий. — Всю мою жизнь я служил только одному господину.

На лице американца отразилось удивление.

— И кто это был? — спросил он с мальчишеским задором.

Еще глуше прозвучал голос Власова:

— Русский народ, мой мальчик».

Весь разговор нагружен таким большим смыслом, а последние слова Андрея Андреевича Власова так явно адресованы истории, что нам никак невозможно заподозрить в их авторстве самого Власова.

Увы...

Все было страшней, а главное, подлее.

Мы уже рассказали, как проходила передача Власова советскому командованию.

Не было никакого бегства от американцев.

Капитан Якушев дал знак своим подручным, и они живо спеленали Власова в ковер и бросили на дно машины.

Сверху на Власова сел сам Якушев.

Обычная для тех дней картина. Советский офицер едет с трофеями по побежденной стране.

Сопровождаемый понимающими улыбками жующих жвачку американцев, Якушев покати́л в расположение своего 25-го танкового корпуса.

«Двигаясь без карты, мы скоро заблудились. К счастью, наткнулись на американский пост. Долго не могли понять друг друга: так получилось, что рядом не было ни одного переводчика. В конце концов начальник поста нашел солдата, поляка по происхождению, от которого мы без труда узнали, где находятся части Красной армии.

В 8 часов вечера я сдал Власова командиру 25-го танкового корпуса генерал-майору Фоминых. Больше Власова я не видел».

С. Стеенберг пишет: «Неоднократно он (Власов. — Н. К.) доказывал личное мужество. В разведке, где всегда грозила опасность быть захваченным в плен японцами, он отдал приказ Суню, шедшему вслед за ним, застрелить его, если они попадут в засаду».

Антонову такого приказа Власов не отдавал.

Антонов вспоминал потом, что, перед тем как вступить в переговоры с американцами, Власов глухо сказал:

— Ну, друг, перед нами еще сто шагов до конца. Моя жизнь больше для меня ничего не значит, но, как ты думаешь, стоит ли она хоть немного, если я «им» предложу: моя жизнь в обмен за всех вас, которые в меня верили?

Генерал-майор Е. Фоминых командовал 25-м танковым корпусом. В мае 1945 года корпусу было приказано двигаться в направлении Праги. Уже в ходе марша передали приказ о выведении корпуса из оперативного подчинения армии для блокирования РОА.

Е. Фоминых и выпала сомнительная честь принять у американцев генерала Власова.

В 1962 году он рассказал об этом «пленении».

«... Власов был доставлен в наш, 25-й танковый, корпус.

Я и начальник политотдела П.М. Елисеев с любопытством разглядывали приближавшегося к нам в сопровождении комбата капитана Якушева высокого сутулого генерала в очках, без головного убора, в легком, стального цвета плаще. Так вот каков этот выродок!

— Как прикажете считать, — высокомерно, подергивая левой бровью, начал Власов. — Я у вас в плену или вы в плену у американцев? На каком основании вы меня задержали?

— Уточним вашу личность. Кто вы? Какие при вас документы? — осадил я его.

— Я — Власов.

Власов сорвал с себя плащ и бросил его на спинку стула. Странная форма цвета хаки. Без погон. На брюках малиновые шелковые лампасы.

Трясущимися руками, спеша и не попадая во внутренний карман кителя, он (Власов) достал удостоверение личности. Знакомые подписи удостоверяют, что перед нами бывший командующий 2-й Ударной армией Ленинградского фронта».

В 20 часов 45 минут генерал Власов подписал свой последний приказ: «Я нахожусь при командире 25-го танкового корпуса генерале Фоминых. Всем моим солдатам и офицерам, которые верят в меня, приказываю немедленно переходить на сторону Красной армии.

Военнослужащим 1-й русской дивизии генерал-майора Буняченко, находящимся в расположении танковой бригады полковника Мищенко, немедленно перейти в его распоряжение.

Всем гарантируется жизнь и возвращение на Родину без репрессий.

Генерал-лейтенант Власов.

12.5.45 г.».

Через час Власов был доставлен на аэродром и вместе с ковром капитана Якушева отправлен в Москву. Сам капитан Якушев, как мы уже говорили, получил правительственную награду.

О Власове ничего больше не было известно до 2 августа 1946 года, когда «Известия» сообщили, что Власов и одиннадцать других лиц, обвиненных в измене, предстали перед Военным трибуналом Верховного суда СССР.

Поразительно, но Власов действительно сохранил в немецком плену все свои документы.

Согласно протоколу обыска, проведенного в отделе контрразведки «СМЕРШ» 13-й армии 13 мая 1945 года, у задержанного Власова, бывшего командующего 2-й Ударной армией, генерал-лейтенанта Красной армии, кроме «Открытого письма» солдат и офицеров РОА к правительствам США и Великобритании о предоставлении им политического убежища были изъяты расчетная книжка начальствующего состава РККА, удостоверение личности генерала Красной армии № 431 от 13 февраля 1941 года и партийный билет члена ВКП(б) № 2123998 — на имя А.А. Власова.

Вместе с книжкой военнослужащего Русской освободительной армии и временным удостоверением о награждении добровольческой медалью вшиты они в следственное дело генерала.

Еще, как явствует из этого дела, при аресте у Власова было изъято более 30 тысяч германских имперских марок, датские кроны, а также золотой нательный крест и золотое обручальное кольцо.

Изъяли обручальное кольцо у Власова как раз, когда истек его медовый месяц с Хейди Биленберг.

Глава седьмая

Обещания, данного Власовым в последнем приказе, советские власти не выполнили.

Впрочем, судьба власовцев, сдавшихся американцам и англичанам, была ненамного лучше. Американцы учли печальный опыт первого месяца вторжения, когда они встретили ожесточенное сопротивление русских добровольцев, и в дальнейшем в миллионах листовок убеждали «восточных» солдат не верить немецкой пропаганде, что они будут выданы Советам.

Листовки приглашали бывших советских граждан сдаваться американцам в плен, торжественно обещая хорошее отношение к ним в соответствии с Гаагской и Женевской конвенциями.

Напомним, что Женевская конвенция не предусматривает возможности насильственной репатриации.

Дух ее был ясно выражен во втором параграфе: «Военнопленные... должны во всякое время иметь к себе отношение человеческое и должны быть защищены, особенно от актов насилия, от оскорблений и праздного любопытства. Меры репрессии против них запрещены».

Особый цинизм Отделения психологической войны, готовившего «войну листовок», проявился в том, что листовки-обещания продолжали разбрасывать над Германией, когда генерал Эйзенхауэр уже начал насильственную выдачу бывших советских граждан на расправу в СССР.

Печальна была судьба тех, кто доверился американскому обещанию. Не счесть трагедий, разыгрывавшихся тогда в лагерях военнопленных.

Одна из них произошла, когда военнопленных хотели погрузить на советский пароход. После кровавого сопротивления пришлось отказаться от этого плана, и пленных вначале перевезли в Форт Дик, Нью-Джерси. Здесь, одурманив газами, опять начали загонять на судно.

Но несчастные, придя в себя, разгромили машинное отделение и тем лишили пароход возможности двинуться. Их вернули обратно в Форт Дик.

Но, в конце концов, администрации лагеря удалось изобрести способ, как без особых неприятностей сдать русских людей кремлевским «хозяевам» — в кофе подмешали сильное снотворное и бесчувственно спящих людей погрузили в трюмы парохода, взявшего курс на Магадан.

Мы говорили о русофобии большевиков и русофобии фашистов.

Теперь наступило время поговорить о русофобии американцев. Понятно, что простые американские солдаты никакой ненависти к русским не испытывали, эта ненависть насаждалась сверху.

25 августа 1945 года митрополит Анастасий обратился с письмом к генералу Дуайту Эйзенхауэру.

Поводом послужило чудовищное насилие, учиненное над русскими людьми американскими солдатами 12 августа в Кемптене.

Там, в лагере, скопилось много русских эмигрантов, которые покинули Россию вскоре после революции, а также бывших советских граждан, которые решили остаться за границей.

Когда американские солдаты попытались разделить этих эмигрантов на две категории, чтобы выдать бывших советских граждан в советские руки, все эмигранты закрылись в церкви.

И вот американские десантники силой ворвались в храм.

Женщин и детей солдаты волокли за волосы и били.

Даже священников не оставили в покое.

Одного из них вытащили из церкви за бороду. У другого все лицо было обагрено кровью, его избил солдат, вырывая из рук священника крест.

Солдаты ворвались и в алтарь.

Иконостас, который отделяет алтарь от храма, был сломан, престол перевернут, иконы брошены на землю.

Несколько человек были ранены, двое пытались отравиться; одна женщина, пытаясь спасти своего ребенка, бросила его в окно, но мужчина, который на улице подхватил на руки этого ребенка, был ранен пулей в живот.

«Можно себе легко представить, какое огромное впечатление произвел этот случай на всех свидетелей. Особенно он потряс русских, которые никак не ожидали такого обращения со стороны американских солдат...», — писал митрополит Анастасий.

Он соглашался, что, конечно, трудно понять людей, которые предпочитают тяжелую жизнь на чужбине возвращению к себе домой. Но они не потому не хотят возвращаться, что не любят Родину.

«Русские, конечно, любят свою родину не менее, чем французы, бельгийцы или итальянцы любят свою. Русские тоскуют по родине. Если, несмотря на это, они все же предпочитают оставаться на чужбине, не имея жилища, часто будучи голодными и не имея юридической защиты, то это только по одной причине: они хотят сохранить самую большую драгоценность на этой земле — свободу: свободу совести, свободу слова, право на собственность и личную безопасность. Когда пробовали их депортировать силой, они взывали в отчаянии и молили о милосердии. Они даже иногда кончают самоубийством, предпочитая смерть на чужой земле, чем возвращение на родину, где их ожидают одни страдания».

Но и это наполненное слезами письмо не растрогало господина Эйзенхауэра.

В результате из США были выданы все 28 000 русских солдат, взятых в плен при высадке в Европе.

Разумеется, власовцы не были идеалистами.

Не веря ни Кремлю, ни Берлину, они не особенно верили Вашингтону и Лондону.

Расчет был на другое. Власовцы рассчитывали, что союзники поймут истинное положение вещей и власовское движение будет оправдано и поддержано ими. Сам Власов предполагал, что на это потребуется до полутора лет.

Он ошибся и тут.

Он всегда ошибался, не умея понять, как может жить в нормальных вроде бы человеческих особях такое человеконенавистничество, такая злобная русофобия, заставляющая их действовать даже вопреки собственным интересам.

Могилы, сохранившиеся на кладбище в штате Нью-Джерси, могилы покончивших с собой в Форт Дике русских военнопленных — памятник этому заблуждению генерала Власова.

Часть седьмая Секретный арестант № 31

Семена истины лежат в земле, они взойдут и дадут свой плод.

А.А. Власов

Еще когда Власов равнодушно слушал разговор американцев с советскими офицерами, обсуждавшими, куда ему идти и с кем, ему показалось вдруг, что это не о нем разговор, а о ком-то другом, захваченном в плен и передаваемом сейчас из одних рук в другие.

Как-то странно, он увидел себя со стороны — высокого, чуть сутулящегося человека, что, заложив руки за спину, равнодушно слушает, как повезут его в джипе, завернув в ковер.

Словно не его и собирались завертывать, как какую-нибудь вещь или как мертвое тело, в ковер, словно это не его и собирались везти в Москву на жестокую расправу.

Еще более странным было ощущение, что и в самом деле это не он стоит сейчас, заложив руки за спину, а только оболочка его. А то, что был он, неясное и непонятное ему самому, уже отделилось от не нужной никому оболочки и не может быть ни завернуто в ковер, ни посажено в тюремную камеру, ни расстреляно, ни повешено. То, что был он, существует сейчас независимо от людей, решавших его, Власова, судьбу, независимо от него самого.

Глава первая

Как и что думал Андрей Андреевич Власов, вступая в свою последнюю жизнь советского заключенного, мы можем только догадываться, анализируя материалы следствия и стенограмму судебного заседания.

Делать это непросто, поскольку материалы эти сохранили разговоры Власова не с живыми людьми, а с машиной советского правосудия, которая не вникала и не могла вникать в тонкости его переживаний.

15 мая 1945 года Власов находился уже в Москве на Лубянке. Сорок минут его допрашивал начальник Главного управления контрразведки «СМЕРШ» В.С. Абакумов, после чего Власову был присвоен номер 31, под которым он и был помещен в Бутырскую тюрьму как секретный арестант.

Итак. Последний поворот. Последняя жизнь генерала Власова. Теперь это — жизнь арестанта № 31.

Власов принял и эту жизнь также, как принимал любую жизнь, какой бы она ни была, какую бы роль ни приходилось исполнять ему.

И, как всегда, начиная новую жизнь, он расставался с прежней.

Командующий Русской освободительной армией. Глава Комитета освобождения народов России.

Все это отделилось от него, от той телесной оболочки, которая была доставлена из Чехословакии в Бутырку.

Кажется, что Власов сразу и позабыл свои прежние жизни. Даже про супругу, выданную ему СС, не вспомнил. Заполняя анкету арестованного, в графе о семейном положении записал: жена — Анна Михайловна Власова, девичья фамилия Воронина.

Уже на следующий день с Власовым начали работать.

16 мая арестант № 31 был поставлен на так называемый конвейер, когда меняются следователи и охранники, и только арестант остается на месте. Продержали Андрея Андреевича на этом конвейере десять дней, до 25 мая.

«Учитывая, что Власов, находясь у немцев, в своих выступлениях заявлял о наличии у него сообщников среди офицеров и генералов Красной армии, ему на допросе было предложено выдать этих людей, — докладывал Абакумов Сталину, Молотову и Берии об итогах первого десятидневного допроса. — Власов пока отвечает, что никаких преступных связей в Советском Союзе он не имеет, а говорил об этом с целью поднять свой авторитет перед немцами.

Допрос Власова продолжается в направлении вскрытия всей его вражеской деятельности против Советского Союза, выявления возможных имеющих преступных связей в Красной армии, а также принадлежности к другим разведкам» (Курсив мой. — Н. К.).

Вообще конвейера не выдерживал почти никто.

Через несколько дней подследственные начинали давать показания.

Власова продержали на конвейере 10 дней, и он не назвал ни одной фамилии. Ни Жукова, ни Рокоссовского, ни кого-то еще из тех, позвонив которым, он обещал Гиммлеру выиграть войну по телефону.

Помимо протоколов допросов и показаний на процессе о тюремном заключении Власова и его сподвижников, почти никаких известий не осталось.

Редкие свидетели вспоминают, что видели руководителей КОНРа и РОА в коридорах внутренней тюрьмы МГБ СССР. Но эти встречи были

такими мгновенными, что очевидцы и не настаивают на своих свидетельствах.

Зато сохранилось множество преданий и легенд.

Рассказывают, что власовским генералам обещали сохранить жизнь, если они отрекутся от своих убеждений. Некоторые колебались, но большинство руководителей движения, в том числе Власов, якобы решительно стояли на своем.

— Изменником не был и признаваться в измене не буду, — согласно этим легендам, говорил он. — Сталина ненавижу. Считаю его тираном и скажу об этом на суде.

Власова, как утверждает в своей книге Екатерина Андреева, предупредили, если он не признает своей вины, то будет замучен.

— Я знаю, — ответил Власов. — И мне страшно. Но еще страшнее оклеветать себя. А муки наши даром не пропадут. Придет время, и народ добрым словом нас помянет.

Разумеется, все это легенды или по большей части легенды.

Пытки, наверное, имели место.

Мы уже упоминали о конвейере, на котором держали Власова 10 дней.

Не выдержав пыток, перерезал себе горло Виктор Иванович Мальцев. 28 августа он был помещен в Бутырскую тюремную больницу.

И тем не менее много тут и преувеличений.

Приговор был вынесен 1 августа 1946 года, и все осужденные повешены.

И сразу же поползли слухи, что Власова и его сподвижников повесили на пианинной струнной проволоке.

Другие утверждали, что повесили их на крюках, поддетых под основание черепа.

Нашелся «очевидец», который говорил, что казнь была столь ужасна, что он не берется описывать подробности ^[92].

В опубликованных в 1946 году отчетах о процессе над власовцами всячески подчеркивались добровольное сотрудничество Власова с нацистскими властями, его тесные связи с главарями рейха, утверждалось, что Власов якобы не пользовался поддержкой советских военнопленных.

«Если все это так, — вполне резонно заметила по этому поводу Андреева, — то непонятно, почему советские власти медлили с приговором над Власовым и одиннадцатью его ближайшими соратниками. Нюрнбергские суды над военными преступниками (разбирательства гораздо более сложные и продолжительные) начались уже в ноябре 1945 года».

Сейчас, когда доступными стали и стенограмма самого процесса, и тома следственного дела, многие недоумения по поводу затянутости следствия рассеялись.

«По нашему указанию органы „СМЕРШ“ фронтов и армий проводят специальные мероприятия по розыску и аресту Малышкина, Жиленкова, Закутного и других активных власовцев, которые могут находиться на нашей территории, — докладывал В.С. Абакумов 26 мая И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берии. — В то же время нами через управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации приняты меры к выявлению среди захваченных союзниками советских военнопленных указанных выше лиц и вывозу их на нашу территорию. О ходе дальнейшего следствия по делу Власова, Трухина и других арестованных власовцев Вам будет доложено».

Попытка самоубийства, предпринятая В.И. Мальцевым, несколько нарушила слаженный ход следствия, были повышены меры предосторожности и одновременно скорректировано само направление следствия. Больше подобных инцидентов уже не случилось.

В результате в декабре 1945 года следствие было завершено, и 4 января 1946 года В.С. Абакумов направил Сталину сообщение, что в Главном управлении «СМЕРШ» содержатся под стражей руководители КОНРа — А.А. Власов, Ф.И. Трухин, Д.Е. Закутный, И.А. Благовещенский, В.И. Мальцев, С.К. Буняченко, Г.А. Зверев, В.Д. Корбуков, Н.С. Шатов, М.В. Богданов, которые могут быть выведены на процесс.

Абакумов полагал, что судебное разбирательство можно начать 25 января 1946 года. Всех обвиняемых предлагалось осудить к смертной казни через повешение и приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы в соответствии сп. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

Он докладывал также, что активные сообщники Власова — В.Ф. Малышкин и Г.Н. Жиленков — по-прежнему находятся в американской зоне оккупации Германии и что меры к их выдаче принимаются.

Предложение В.С. Абакумова принято не было.

И.В. Сталин потребовал, чтобы на процесс были выведены все руководители РОА и КОНРа, и назвал цифру — 12 человек.

Что связывал с этой цифрой воспитанник духовной семинарии Иосиф Джугашвили, догадаться нетрудно. Для любого христианина эта цифра связана, прежде всего, с числом учеников Христа, апостолов.

Почему Сталин решил уподобить руководителей Комитета освобождения народов России и Русской освободительной армии апостолам, мы не знаем, но цифра осталась неизменной, хотя и пришлось ввести в группу М.А. Меандрова и вывести из нее комбрига М.В. Богданова (того самого, который был завербован то ли СД, то ли НКВД для того, чтобы заменить Власова).

Но все это раскрылось постепенно.

Поначалу же товарищ В.С. Абакумов долго не мог проникнуться всей глубиной замысла И.В. Сталина, хотя сразу приступил к выполнению его указаний.

7 февраля 1946 года состоялся новый допрос Андрея Андреевича Власова.

Власов дал показания о «разведывательной и иной работе против Советской власти» и указал, что Жиленков был в курсе этой работы.

На основе этих сведений советское правительство снова потребовало у американцев выдачи Жиленкова. Тем более что первая победа тут уже была одержана — 26 марта 1946 года был передан в советскую зону оккупации и доставлен в Москву Василий Федорович Малышкин.

В тот же день, 26 марта, В.С. Абакумов, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР В.В. Ульрих и Главный военный прокурор А.П. Вавилов поспешили напомнить Сталину о необходимости провести подготовленный процесс.

«Совершенно секретно
СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР
товарищу СТАЛИНУ И.В.

Считаем целесообразным дело по обвинению предателей Власова, Малышкина, Трухина и других активных власовцев в количестве 11 человек (Курсив мой. — Н. К.) заслушать в закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством генерал-майора юстиции Каравайкова, без участия сторон.

Всех обвиняемых осудить в соответствии сп. 1-м Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года к смертной казни через повешение. По окончании судебного процесса опубликовать в газетах в разделе „Хроника“ сообщение о состоявшемся процессе, приговоре суда и приведении его в исполнение.

Судебный процесс, по нашему мнению, можно было бы начать 10 мая 1946 года.

Просим Вашего решения.
АБАКУМОВ, УЛЬРИХ, ВАВИЛОВ.
26 апреля 1946 года».

И.В. Сталина чрезвычайно огорчило, что помощники не «врубаются» в его замысел, и он потребовал объяснений, почему речь идет об одиннадцати подсудимых, где двенадцатый фигурант — Жиленков?

И опять товарищ Абакумов ничего не понял.

Мгновенно составил он ответ товарищу Сталину, объясняя, где находится Жиленков и как его планируется вырвать из рук американцев, но по-прежнему повторил, что «следствие по делу Власова и других его руководящих сподвижников в количестве 11 человек подготовлено для рассмотрения в суде».

«Совершенно секретно
СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР
товарищу СТАЛИНУ,
товарищу МОЛОТОВУ

27 марта 1946 года № 1050/А

Докладываю об аресте ближайшего сподвижника предателя Власова генерал-майора В.Ф. Малышкина, бывшего начальника штаба 19-й армии.

Арест Малышкина произведен при следующих обстоятельствах. В сентябре 1945 года через нашу агентуру стало известно, что Малышкин и активный власовец бригадный комиссар Жиленков — бывший член Военного совета 32-й армии — находятся в американской зоне оккупации Германии, но американцы их тщательно скрывают.

В связи с этим нами был поставлен вопрос перед уполномоченным Совета министров СССР по репатриации товарищем Голиковым о том, чтобы он потребовал от американцев выдачи Советскому Союзу Малышкина и Жиленкова. Однако американцы заявили, что указанных лиц у них нет.

В результате дальнейших требований уполномоченного по репатриации 26 марта с. г. Американское военное командование в городе Эйзенах передало В.Ф. Малышкина советским органам, и он доставлен в Главное управление.

Следовательно, вся руководящая верхушка созданного немцами антисоветского „Комитета освобождения народов России“ и т. н. „Русской освободительной армии“, за исключением Жиленкова, находится в наших руках.

Опрошенный Малышкин подтвердил, что Жиленков действительно находится у американцев в населенном пункте Обер-Руссель близ города Франкфурт-на-Майне, в связи с чем через аппарат товарища Голикова будет снова поставлен вопрос перед американцами о выдаче нам Жиленкова.

Следствие по делу Власова и других его руководящих сподвижников в количестве 11 человек подготовлено для рассмотрения в суде (Курсив мой. — Н. К.). В эту группу будет включен также ныне арестованный Малышкин.

В соответствии с Вашими указаниями материал по делу Власова и других в настоящее время просматривает товарищ Жданов, и в ближайшие дни Вам будут представлены для рассмотрения и утверждения наши предложения об организации суда над этой группой власовцев.

АБАКУМОВ».

Иосиф Виссарионович сделал замечание товарищу Абакумову и в качестве наказания велел ему согласовывать все свои предложения по делу Власова с секретарем ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым.

Только тогда и начал осознать В.С. Абакумов всю мистическую глубину замысла Иосифа Виссарионовича.

28 марта 1946 года он направил секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову проект нового сообщения Сталину об организации процесса.

«Проект

Совершенно секретно
товарищу СТАЛИНУ

В соответствии с Вашим указанием нами были рассмотрены все имеющиеся материалы в отношении предателя Власова и группы его ближайших единомышленников, арестованных Главным управлением „СМЕРШ“.

Считаем необходимым:

1. Судить Военной коллегией Верховного суда Союза ССР: генерал-лейтенанта А.А. Власова — председателя созданного немцами „Комитета освобождения народов России“ и командующего т. н. „Русской освободительной армией“, в прошлом заместителя командующего войсками Волховского фронта и командующего 2-й Ударной армией;

генерал-майора В.Ф. Малышкина — заместителя председателя „Комитета освобождения народов России“ и начальника организационного управления этого „комитета“, в прошлом начальника штаба 19-й армии Западного фронта;

генерал-майора Ф.И. Трухина — члена президиума „Комитета освобождения народов России“ и начальника штаба „Русской освободительной армии“, в прошлом начальника оперативного отдела штаба Прибалтийского военного округа;

генерал-майора Д.Е. Закутного — члена президиума „Комитета освобождения народов России“ и начальника гражданского управления этого „комитета“, в прошлом командира 21-го стрелкового корпуса Западного фронта;

генерал-майора береговой службы И.А. Благовещенского — одного из руководителей управления пропаганды „Комитета освобождения народов России“, в прошлом начальника Либавского военноморского училища береговой обороны;

полковника М.А. Меандрова — члена „Комитета освобождения народов России“, который после ареста Власова возглавил руководство этим „комитетом“, в прошлом заместителя начальника штаба бй армии Юго-Западного фронта (Южного. — Н. К.);

полковника В.И. Мальцева — члена „Комитета освобождения народов России“ и командующего авиацией „Русской освободительной армии“, в прошлом начальника санатория Гражданского воздушного флота в гор. Ялте;

полковника С.К. Буняченко — члена „Комитета освобождения народов России“ и командира 1-й дивизии «Русской освободительной армии», в прошлом командира 389-й стрелковой дивизии Закавказского фронта;

полковника Е.А. Зверева — члена „Комитета освобождения народов России“ и командира 2-й дивизии „Русской освободительной армии“, в прошлом командира 350-й стрелковой дивизии Воронежского фронта;

подполковника В.Д. Корбукова — члена „Комитета освобождения народов России“ и начальника связи „Русской освободительной армии“, в прошлом начальника связи 2-й Ударной армии Волховского фронта (должность начальника связи 2-й Ударной армии занимал генерал-майор А.В. Афанасьев. — Н. К);

подполковника Н.С. Шатова — инспектора управления пропаганды „Комитета освобождения народов России“, в прошлом начальника артиллерийского снабжения Северо-Кавказского военного округа.

2. Вместе с группой Власова заочно судить его ближайшего сподвижника, члена президиума „Комитета освобождения народов России“ бригадного комиссара Е.Н. Жиленкова, бывшего члена Военного совета 32-й армии, находящегося в американской зоне оккупации Германии в местечке Обер-Руссель близ города Франкфурта-на-Майне.

В свое время через аппарат тов. Роликова был поставлен вопрос перед американскими военными властями о передаче нам Жиленкова, однако американцы уклоняются от его выдачи.

Заочное осуждение Жиленкова даст возможность более настойчиво потребовать от американцев передачи его нам.

3. Состав Военной коллегии определить:

председательствующий — генерал-полковник юстиции Ульрих или же генерал-майор юстиции Иевлев (член Военной коллегии);

члены: генерал-майор юстиции Дмитриев, полковник юстиции Сюльдин и два временных члена Военной коллегии из числа высших командиров Вооруженных сил СССР.

Дело заслушать с участием государственного обвинителя — заместителя Генерального прокурора Союза ССР генерал-лейтенанта юстиции Вавилова и защиты по назначению Военной коллегии в открытом заседании, но с ограниченным кругом присутствующих лиц из числа командного состава Вооруженных сил СССР по специальному списку.

Судебный процесс провести в Октябрьском зале Дома союзов.

4. Всех обвиняемых в соответствии сп. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года осудить к смертной казни через повешение и приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы.

Жиленкова заочно осудить также к смертной казни через повешение.

5. Ход судебного разбирательства в печати не освещать, имея в виду, что все арестованные будут говорить о своей предательской деятельности, формировании власовских частей и подготовке шпионов и диверсантов из числа бойцов и командиров Красной армии.

По окончании процесса опубликовать в газетах сообщение от имени Военной коллегии о состоявшемся процессе, составе суда, приговоре и приведении его в исполнение.

6. Предъявить в суде через прокурора документы, изобличающие Власова, Малышкина, Трухина, Закутного и других обвиняемых, в том числе: телеграмму Гиммлера Власову о назначении последнего верховным главнокомандующим „Русской освободительной армией“, соглашение, подписанное Власовым и заместителем министра иностранных дел Германии бароном Стеенгрехтом о финансировании германским правительством враждебной деятельности власовцев против Советского Союза; приказ Геринга о формировании военно-воздушных сил РОА; „манифест“, призывающий к активной борьбе против Советской власти, подписанный Власовым, Трухиным, Закутным, Малышкиным и др., в количестве 43 человек; обращение Власова к военнослужащим Красной армии и интеллигенции Советского Союза с призывом к борьбе против Советского правительства; план формирования и подготовки „ударной бригады РОА“, составленный Жиленковым, в котором предусматривалась заброска террористов в Москву и другие города Советского Союза для совершения террористических актов против руководителей партии и Советского правительства, а также переписку Власова с Гиммлером, Гудерианом, Недичем, приказы Власова по „Русской освободительной армии“, протоколы проведенного немцами допроса Власова, в котором он клеветал на Советское правительство и Красную армию, и др.

Вызвать в суд 8 свидетелей, непосредственно служивших во власовских частях, для уличения в предательской деятельности Власова и других арестованных. Такие свидетели подготовлены.

Кроме того, в ходе судебного процесса продемонстрировать хроникальные кинофильмы немецкого производства, показывающие происходивший в Праге съезд власовцев, посвященный учреждению „Комитета освобождения народов России“, и заседание этого „комитета“ в Берлине, на котором Власов в присутствии представителей германского правительства Франка и Лоренца выступил с речью и объявил „манифест“.

7. Судебный процесс по делу Власова и его сообщников начать 12 апреля 1946 года.

АБАКУМОВ».

В.С. Абакумов торопился оправдаться и опять попал впросак.

Сталин приказывал повесить всех руководителей Комитета освобождения народов России, и число их должно было быть двенадцать. Двенадцать человек надо было повесить реально, а не заочно.

Поэтому товарищ Жданов поправил товарища Абакумова.

Окончательное решение о проведении процесса было принято, только когда 1 мая 1946 года доставили в Лефортово Георгия

Николаевича Жиленкова и тем самым доукомплектовали экипаж предназначенных для повешения руководителей КОНРа и РОА.

Глава вторая

Конечно, можно только предположить, что, уничтожая двенадцать руководителей Комитета освобождения народов России, И.В. Сталин планировал уничтожить саму идею такого освобождения.

В любом случае ясно, что идея Русского освободительного движения изучалась в ходе следствия во всех аспектах. Очевидно, не без указания И.В. Сталина были прекращены пытки, в ходе которых костоломы «СМЕРШа» на первых стадиях следствия пытались расширить круг фигурантов дела за счет военнослужащих, находящихся в рядах Красной армии.

Где-то с осени 1945 года следствие начинают интересовать не столько новые имена (все имена были известны следствию, поскольку архив власовской армии и школы в Дабендорфе был добросовестно сдан Меандровым), сколько сама идеология власовского движения.

Идеология эта, как мы уже говорили, была ошеломительной в своей простоте.

Оказывается, можно было создавать условия, когда переставало действовать разделение русских на «своих» и «чужих», на «белых» и «красных». Русские люди обретали возможность говорить друг с другом и договариваться, независимо от того, по какую сторону фронта они находились.

В качестве примера приведем рассказ одного из пропагандистов РОА.

//_***_//

— Язык общий всегда можно найти, и у нас редко бывало так, чтобы с той стороны не задал кто-нибудь вопроса и чтобы в конце концов не завязался оживленный разговор. Ну, конечно, если поблизости нет политических руководителей. Если они есть, начинается сразу же стрельба...

Недавно выхожу я на передовую. Нас разделяет только узенькая речка. Их передовые посты окопались на самом берегу. Я сижу в небольшом окопе — знаете, на тот случай, если после первых же слов резанут пулеметную очередь.

Так было и на этот раз. Не успел я опуститься в окоп — до него нужно ползти по открытому месту, — как с той стороны начали

стрелять. Постреляли и перестали, вероятно, им показалось, что немцы что-то предпринимают на берегу. Кончили стрелять, я и кричу:

— Поберегите патроны, ребята! А то расстреляете все в немцев, для Сталина ничего не останется!

С той стороны приглушенный бас:

— Не беспокойся, останется.

Ну, думаю, для начала неплохо. Завожу беседу. Немцы недалеко сзади, но я знаю, что по-русски из них не понимает никто ни слова. Текста я никогда не пишу, потому что и сам не знаю, о чем и как буду говорить, — раньше это требовалось обязательно.

— Война, — говорю, — ребята, скоро кончится, у немца дух на исходе.

Смеются с той стороны.

— Мы, — говорят, — ему скоро последний выпустим.

— Правильно, — говорю, — так и надо. Ну, а потом, — говорю, — братцы, что, по колхозам пойдете, трудодни отрабатывать?

Молчат.

— Со всем этим, — говорю, — друзья, кончать надо, и с колхозами, и со Сталиным. А кончать нам трудно. Не верим друг другу. Сговориться никак не можем. Вот мы стоим с вами, через речку беседуем, вы голову только высовываете, и мне страшно. А что мы, враги, что ли? Нет, не враги. Я так же, как и вы, на Сталина и на партию двадцать лет работал, да не хочу больше. И вы тоже не хотите. А боимся друг друга.

С той стороны голос доносится:

— А ты не бойся, говори смело. Брат в брата стрелять не будет.

Я опять им, что вот, мол, сейчас разговоров много о том, что перемены будут большие после войны,

послабление будет дано. А я, говорю, братцы, не верю в это. И все мы здесь не верим. Да и вы не верите. Сейчас, говорю, обещают, а потом, когда оружие сдадите, ничего не дадут. Надували уж не раз, пора привыкнуть.

Опять басит кто-то оттуда:

— Ну, мы так легко не отдадим. Мы тоже соображаем, научились...

Беседуем так довольно долго. Пить захотелось мне невмоготу, все-таки не говорить, а кричать приходится.

— Ну, что ж, братцы, — говорю, — до свиданья, пойду выпить чего-нибудь, горло пересохло, да вам отдохнуть пора.

С той стороны голос:

— Чего ж уходить-то, вот тебе речка рядом, напейся, да еще потолкуем.

Дилемма стоит передо мной трудная. Речка — вот она, действительно рядом, да чтоб дойти до нее, нужно совсем вылезти и стать во весь рост. А ночь лунная, на сто метров кругом видно, как днем. А до них рукой подать. Страшно стало. А черт их знает, двинет какой-нибудь из автомата — прощай, пропагандист Боженко, не будет

больше разговоров ночных вести!.. Опять же, может быть, за это время какое-нибудь начальство к ним подползло, тогда они не стрелять не могут. С другой стороны, я только что говорил о братстве нашем, об общей нашей судьбе, о необходимости доверия друг к другу. Не выйду — некрасиво получится. Подумают, что разговор только на словах был. Быстро надо это сообразить — задержка производит тоже нехорошее впечатление. Решился я.

Перекрестился и вылезаю: будь что будет. Пристально смотрю в ту сторону, их не видно, в окопе сидят. Тихонько спускаюсь к реке. Пить уже мне совсем расхотелось. Нагибаюсь, булькаю руками в воде и иду обратно. Тут самый страшный момент наступил. Повернулся к ним спиной и чувствую — большая она у меня такая, и если выстрелят, не могут не попасть. Не выстрелили. Добрался я до своего укрытия, залез обратно — как две горы с плеч свалились. „Спасибо, говорю, ребята“. — „На здоровье!“ — кричат оттуда. Потом смена им пришла. Они что-то пошушукались, слышу, другие голоса отвечают. Так я в ту ночь до утра домой и не уходил, все разговаривали.».

Тут не так уж и важно, была ли эта история на самом деле или она придумана.

Мысли, что «кончать нам трудно. Не верим друг другу. Сговориться никак не можем.»; прозрения, что «разговоров много о том, что перемены будут большие после войны, послабление будет дано. А я, говорю, братцы, не верю в это. И все мы здесь не верим. Да и вы не верите. Сейчас, говорю, обещают, а потом, когда оружие сдадите, ничего не дадут. Надували уж не раз, пора привыкнуть.» — не придуманы.

Они ошеломительны и несокрушимы именно в силу своей простоты.

Прежние чекисты троцкистско-ленинского закала не воспринимали такой правды, потому что у них была своя правда — местечковая правда интернационала.

Но после погромов и чисток, произведенных Иосифом Виссарионовичем, после реабилитации русского патриотизма недобитые последователи Троцкого, Ягоды и Ежова затаились, а на места, еще недавно занятые интернационалом русофобов, пришли люди, пытающиеся соединить между собою интернационализм и патриотизм, идеи Ленина и любовь к Родине.

Разумеется, им и в голову не приходило, что надо вырабатывать «свой условный, кодовый, „задушевный“ русский разговор, понятный только нам», о котором писал генерал Филатов, но они слышали этот разговор, допрашивая Власова и его сподвижников, знакомясь с программой и идеологией власовского движения.

Ни понять, ни принять эту идеологию им, воспитанным на ленинизме-сталинизме, не представлялось возможным, но использовать ее несокрушимую правду в качестве оружия для партийной борьбы хотелось.

И такое ощущение, что и не следствие шло тут, а изучалось новое и тайное оружие.

Само же следствие — никто и ничего не скрывал — было завершено, как мы видели по донесениям Абакумова, действительно в гораздо более сжатые сроки.

Уже на последней стадии следствия, когда был окончательно укомплектован экипаж борцов за освобождение народов России к процедуре повешения, решено было открыть судебный процесс в

Октябрьском зале Дома союзов не проводить.

23 июля 1946 года заседание Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение:

«1. Судить Военной коллегией Верховного суда СССР руководителей созданного немцами «Комитета освобождения народов России»: Власова, Малышкина, Трухина, Жиленкова и других активных власовцев в количестве 12 человек (Курсив мой. — Н. К.).

2. Дело власовцев заслушать в закрытом судебном заседании под председательством генерал-полковника юстиции Ульриха, без участия сторон (прокурора и адвоката).

3. Всех обвиняемых в соответствии сп. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года осудить к смертной казни через повешение и приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы.

4. Ход судебного разбирательства в печати не освещать.

По окончании процесса опубликовать в газетах в разделе „Хроника“ сообщение о состоявшемся процессе, приговоре суда и приведении его в исполнение.

Судебный процесс начать во вторник 30 июля с. г.».

Глава третья

Заметим попутно, если говорить о выработке «задушевного» русского разговора, то надо признать, что именно движение заложило его основы. И не Власовым, не его сподвижниками было сделано это, а теми русскими судьбами, которые достались им...

Антон Иванович Деникина трудно обвинить в сочувствии к власовцам.

В том потайном языке интернационалистов, который был навязан России, он — белый, а Власов — красный.

Они враги.

И вот Антон Иванович в 1946 году как бы прозревает. Он сбрасывает навешенные нашими интернационалистами шоры и начинает говорить на «задушежном» русском языке.

Доказательство этому — письма, написанные Деникиным в начале 1946 года.

«Ваше превосходительство, — пишет он генералу Эйзенхауэру. — Я знаю, что имеются „Ялтинские параграфы“, но ведь существует еще, хотя и попираемая ныне, традиция свободных демократических выборов — Право Убежища.

Существует еще и воинская этика, не допускающая насилия даже над побежденным врагом.

Существует, наконец, христианская мораль, обязывающая к справедливости и милосердию. Я обращаюсь к Вам, Ваше Превосходительство, как солдат к солдату и надеюсь, что голос мой будет услышан».

Скоро Антон Иванович получил ответ от американцев.

«Политика Соединенных Штатов в отношении СССР требует от военных властей Соединенных Штатов содействия репатриации советских граждан, которые пожелают быть репатрируемы. В отношении тех, кто не желает возвращаться в Советский Союз, политика нашего правительства состоит в том, чтобы не употреблять силы в принуждении к репатриации, за исключением тех случаев, когда данный индивидуум был одновременно фактическим гражданином в границах Советского Союза к 1 сентября 1939 г. и подходит под одну из следующих категорий:

1. Был взят в плен в германской форме.
2. Был чином советских Вооруженных сил к 22 июня 1941 г. и не был ими от службы освобожден.
3. Был, на основании серьезных доказательств, сотрудником врага, добровольно ему помогавшим и его поддерживавшим.

Политика нашего правительства установлена после долгого и тщательного взвешивания всех этих факторов, и Армия должна выполнять ее как можно лучше».

Такое ощущение, что это и не человек писал, а проскрипела в ответ мертвая машина.

А.И. Деникин обратился тогда к американскому сенатору Артуру Вандербергу.

«... Сотни тысяч человек „дисплейсд персонс“ сидят в лагерях оккупированной Германии и Италии.

Эти люди лишены самых элементарных человеческих прав на свободу и вольный труд, то есть на то, за что столетиями боролось человечество.

И среди этих обездоленных самые несчастные — русские, ибо грозит выдача советской власти, с необыкновенным, зловещим упорством добивающейся этой „репатриации“...

Пресса касалась этого вопроса не раз, в официальных докладах он освещен вполне. И Вы знаете, конечно, о тех кошмарных драмах, которые разыгрались в лагерях Дахау и Платтлингс, когда

американские солдаты силою волокли упиравшихся, обезумевших от ужаса, обливающихся кровью русских пленных, которые бросались под колеса грузовиков, перерезывали себе горло и вены, старались воткнуть себе в грудь штык американского солдата — только бы избежать „возврата на родину“... Эти страшные страницы стали уже достоянием истории, и, думаю, их никогда не забудут участники — ветераны США.

Я знаю, что оправданием у творивших это дело служат Ялтинские договоры. Но подобный торг человеческими душами не может быть оправдан никакими политическими договорами. Ибо есть нечто превыше политики — христианская мораль, достоинство и честь человека.

Массовые выдачи в последнее время прекратились, но в небольшом числе советской власти все еще удается добывать свои жертвы. Как она с ними поступает, также хорошо известно. Путем невероятных усилий отдельным репатриированным удалось вырваться обратно из лагерей СССР, и они поведали о всем пережитом на страницах печати. Эта была так страшна, что иностранцам все еще трудно в нее поверить. А тем временем русские люди, сидящие за проволокой лагерей, в приютах Красного Креста или на частных квартирах в зоне американской оккупации, живут в постоянном смертельном страхе, ожидая выдач их Советам.

Все эти люди — мужчины, женщины, дети, старики, — чувствующие себя как будто на краю пропасти, перенесли такие лишения, такие страдания, что, если бы описать все ими пережитое, получилась бы небывало жуткая книга человеческой скорби.

Господин Вандерберг, помогите своим влиянием и авторитетным словом этим замученным людям, никакого преступления не совершившим, желающим работать на любом поприще, только бы жить, мыслить и умереть свободными.

Один русский религиозный мыслитель сказал недавно, что „человеческая совесть больна“... От болезни можно ведь выздороветь, только смерть безнадежна.

Помогите же тем, кто верит в человеческую совесть».

Эти письма — диалог.

Диалог живого человека с государственной машиной.

Антону Ивановичу Деникину не удалось добиться спасения Власовцев, но это и не могло удасться.

Нелепо напоминать машине о больной человеческой совести.

У машины нет совести.

Не удавалось и Власову объяснить то, что требовали объяснить следователи.

И Деникин, и Власов говорят на одном языке.

Но говорят они с мертвыми системами, которые не способны разобрать их языка, даже когда пытаются понять.

Когда читаешь стенограмму процесса, слышно, как заглушает скрип заржавевшей машины голос живого человека.

«Ульрих. Сдаваясь немцам, были ли вы убеждены в правильности действий фашистов, и, переходя на их сторону, вы делали это добровольно, согласно вашим убеждениям или как?

Власов. Смалодушничал.

Ульрих. Имели ли вы попытку попасть на прием к Гитлеру?

Власов. Да, я пытался, чтобы Гитлер принял меня, но через Штрикфельдта я узнал, что Гитлер не желает видеть меня потому, что он ненавидит русских, и что он поручил принять меня Гиммлеру.

Ульрих. Бывали ли вы у Геббельса и какую получили конкретно от него помощь?

Власов. Да, у Геббельса я был, и он обещал оказать мне самую широкую помощь, а именно, передать в мое распоряжение типографию, обещал отпускать деньги и все необходимое для ведения пропагандистской работы.

Ульрих. Листовки за вашей подписью фактически были продиктованы и исходили от немцев, не так ли? Где же здесь представители русского народа, от имени которого издавались эти листовки?

Власов. До 1944 года немцы делали все только сами, а нас использовали лишь как выгодную для них вывеску. Даже в 1943 году немцы не разрешали нам писать русских слов в этих листовках. Наше участие, вернее, наша инициатива во всех этих делах, даже в 1945 году едва ли превышала 5 процентов.

Ульрих. Кто же дал право писать и говорить от имени русского народа?

На этот вопрос Власов ответа не дал».

Это замечательный, кажется, не равнодушным стенографом, а великим художником записанный диалог.

Власов говорит, что немцы не давали ему писать в листовках русские слова, а Ульрих спрашивает, кто же дал ему право говорить от имени русского народа.

И как замечательна ремарка: «На этот вопрос Власов ответа не дал»!

А что можно ответить на такой вопрос?..

Ведь это и не вопрос, а — совсем уже близко! — мертвый скрип машины.

И он не заглушает, а заталкивает назад в горло человека слова «задушевного» языка.

Как справедливо заметил А.И. Солженицын, власовцев убивали «при первом звуке русской речи».

Застревали слова, когда захлестывала горло наброшенная рукою палача удавка.

Сливались в хрип слова «задушевного» языка.

В русский — помогите этим замученным людям, никакого преступления не совершившим, желающим работать на любом поприще, только бы жить, мыслить и умереть свободными! — хрип о свободе.

Глава четвертая

Суд над власовцами проходил под председательством небезызвестного генерал-полковника юстиции, председателя Военной коллегии Верховного суда СССР В.В. Ульриха и длился всего двое суток.

Материалы его, не считая четырех газетных отчетов, были засекречены. Это, как мы уже и говорили, сразу породило массу слухов. Но странно было бы, если бы эти слухи не появились... Ведь тогда широко освещались и откровенно сфабрикованные процессы, а здесь факт измены Родине был налицо, сотрудничество с врагами очевидно, и вот — все засекречивается.

Значит, было нечто более важное, чем пропагандистский эффект, была правда, слышать которую русскому народу было нельзя.

Нет-нет!.. Никакого отношения к шизофреническим рассуждениям о страшных тайнах ГРУ эта правда не имела и не могла иметь.

Правду о том, что у русского народа нет других друзей, кроме армии и флота, иногда высказывали и наши правители.

А вот правду о том, что у русского народа все последние столетия не было врага более страшного, чем его собственные интернациональные правительства, секретили и императоры, и большевики.

Открывать эту тайну русскому народу было нельзя.

30 июля 1946 года началось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР.

«В 12 часов 05 минут председательствующий Ульрих открыл судебное заседание и объявил, что подлежит рассмотрению в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей, дело по обвинению: И.А. Благовещенского, С.К. Буняченко, А.А. Власова, Д.Е. Закутного, Г.А. Зверева, Г.Н. Жиленкова, В.Д. Корбукова, В.Ф. Малышкина, В.И. Мальцева, М.А. Меандрова,

Ф.И. Трухина и Н.С. Шатова, преданных суду Военной коллегии Верховного суда СССР за совершение преступлений, предусмотренных статьей 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и статьями 58-1 «б», 58-8, 58-9, 58-10, ч. 11 и 58-11 УК РСФСР».

Секретарь, подполковник юстиции М.С. Почиталин доложил, что все подсудимые под конвоем доставлены в суд и находятся в зале судебного заседания.

В.В. Ульрих — одно за другим — называл имена подсудимых.

Один за другим вставали подсудимые.

«Ульрих. Власов Андрей Андреевич... 1901 года рождения... русский... имел звание генерал-лейтенанта. Копию обвинительного заключения получили?

Власов. Копию обвинительного заключения я получил.

Ульрих. Малышкин Василий Федорович. 1896 года рождения. русский. имел звание генерал-майора. Копию обвинительного заключения получили?

Малышкин. Копию обвинительного заключения я получил.

Ульрих. Трухин Федор Иванович. 1896 года рождения. русский. имел звание генерал-майора. Копию обвинительного заключения получили?

Трухин. Копию обвинительного заключения я получил.

Ульрих. Благовещенский Иван Алексеевич. 1893 года рождения. русский. имел звание генерал-майора береговой службы. Копию обвинительного заключения получили?

Благовещенский. Копию обвинительного заключения я получил.

Ульрих. Закутный Дмитрий Ефимович. 1897 года рождения. русский. имел звание генерал-майора. Копию обвинительного заключения получили?

Закутный. Копию обвинительного заключения я получил.

Ульрих. Мальцев Виктор Иванович. 1895 года рождения. русский. имел воинское звание полковника запаса. Копию обвинительного заключения получили?

Мальцев. Копию обвинительного заключения я получил.

Ульрих. Буняченко Сергей Кузьмин. 1902 года рождения. украинец. полковник. Копию обвинительного заключения получили?

Буняченко. Копию обвинительного заключения я получил.

Ульрих. Зверев Григорий Александрович. 1900 года рождения. русский. полковник. Копию обвинительного заключения получили?

Зверев. Копию обвинительного заключения я получил.

Ульрих. Меандров Михаил Алексеевич. 1894 года рождения. русский. полковник. Копию обвинительного заключения получили?

Меандров. Копию обвинительного заключения я получил.

Ульрих. Корбуков Владимир Денисович. 1900 года рождения. русский. имел звание подполковника. Копию обвинительного заключения получили?

Корбуков. Копию обвинительного заключения я получил.

Ульрих. Шатов Николай Степанович. 1901 года рождения. русский. имел воинское звание подполковника. Копию обвинительного заключения получили?

Шатов. Копию обвинительного заключения я получил.»

После оглашения состава суда В.В. Ульрих спросил, имеют ли подсудимые какие-либо ходатайства и заявления до начала судебного следствия.

Поднялся Иван Алексеевич Благовещенский.

Подсудимый Благовещенский. Я прошу предоставить мне возможность написать письменное объяснение по делу, а в соответствии с этим возникнет и вопрос о вызове в суд по моему делу свидетелей.

Историк Виктор Филатов, пытавшийся представить Власова и его подельников работниками ГРУ, на этом, в общем-то, малозначащем эпизоде выстроил настоящую драму.

«Ульрих побледнел, и его маленькие глазки за толстыми стеклами очков стали квадратиками. Он знал, ему на самом верху было сказано, что этот процесс только формальность, никакой „борьбы сторон“ на нем не будет, и вдруг этот Благовещенский с „возможностью написать“ что-то, но самое ужасное — „вопрос о вызове в суд по моему делу свидетелей“. Ульрих вперивал взгляд в бумаги перед собой, потом поднимал глаза на Благовещенского и рассматривал его, будто не узнавал. В глазах Ульриха можно было прочесть и непонимание, и страх, и ненависть. Нахохлившийся, он был похож на загнанного в угол зверька (Курсив мой. — Н. К.). Ульрих стал совещаться с членами Военной коллегии, что сидели от него справа и слева. Ни Каравайков, ни Данилов никакого злого умысла в просьбе Благовещенского не увидели».

Мы тоже, подобно генерал-майору юстиции Ф.Ф. Каравайкову и полковнику юстиции Г.Н. Данилову, ничего особенного в ходатайстве Благовещенского не видим.

Ну, попросил подсудимый вызвать свидетелей.

Чего же тут такого?

Да и насчет В.В. Ульриха, сделавшегося похожим от этого ходатайства на загнанного в угол зверька, явный перебор. Ульрих провел расстрельных процессов, должно быть, больше, чем Виктор Филатов статей написал, и ежели бы от каждой просьбы подсудимого он превращался в загнанного зверька, то еще до процесса над власовцами в лес бы сбежал.

Впрочем, понятно, что про зверька — это литература, так сказать, художественный домисел. В стенограмме судебного заседания ничего этого нет.

Там все спокойно, деловито, сухо.

«Военная коллегия Верховного суда СССР, совещаюсь на месте, определила: ходатайство подсудимого Благовещенского разрешить в процессе судебного следствия».

По предложению председательствующего секретарь огласил обвинительное заключение по делу и определение подготовительного

заседания Военной коллегии Верховного суда СССР от 27 июля 1946 года.

Председательствующий. Подсудимый Власов, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Власов. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Малышкин, признаете ли вы себя виновным?

Малышкин. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Трухин, признаете ли вы себя виновным?

Трухин. Признаю.

Председательствующий. Подсудимый Жиленков, признаете ли вы себя виновным?

Жиленков. Признаю.

Председательствующий. Подсудимый Закутный, признаете ли вы себя виновным?

Закутный. Да.

Председательствующий. Подсудимый Благовещенский, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Благовещенский. Я признаю себя виновным частично. В обвинительном заключении указано, что после капитуляции гитлеровской Германии Благовещенский бежал в зону американских войск и предпринял попытки вступить в переговоры по предоставлению убежища членам КОНРа. Это не соответствует действительности. В зону американских войск я не переходил, а, наоборот, сам лично добровольно явился и сдался органам Советской власти.

В антисоветскую организацию, возглавляемую Власовым, я вступил, хотя и не имел на это прямых указаний от советских органов, с целью подрыва этой организации изнутри, с целью разлагательской работы. Свою деятельность на оккупированной немцами территории полностью признаю.

Комментируя это заявление Ивана Алексеевича Благовещенского, Виктор Филатов выделил слова о разлагательской работе.

«Разговор идет, — поясняет он, — как говорится, без свидетелей, за закрытыми дверями, что-то вроде прогона перед спектаклем на публике, — и вдруг такое заявление подсудимого. Во-первых, что имеет в виду Благовещенский, когда говорит „советские органы“? Абзацем выше он показывает: „я... сам лично добровольно сдался органам советской власти“, то есть военной контрразведке, военной разведке — кому-то из наших спецслужб. Во-вторых, откуда такой пассаж: „я вступил, хотя и не имел на это прямых указаний от советских органов“? На что намекает Благовещенский? Какой здесь подтекст и опасность для дальнейшего ведения процесса Ульрихом? Остальные, они что „имели на это прямые указания советских органов“? К примеру, сам

Власов? К тому же „в соответствии с этим возникает и вопрос о вызове в суд по моему (Благовещенского. — В. Ф.) делу свидетелей. А это что еще за свидетели? Кто они? Что должны засвидетельствовать? То, что Благовещенский без разрешения „советских органов“ вступил в организацию Власова или что Власов создал организацию с разрешения „советских органов“ и, следовательно, Благовещенский работал, как и все, на советскую власть и ни в чем не виновен? А может быть, все проще: Благовещенский чувствует — завтра в открытом заседании будет полный спектакль, потому как он знает или, по крайней мере, догадывается: Власов и, может быть, остальные, кроме него, Благовещенского, — „с разрешения советских органов“, а только он один без „разрешения советских органов“ — настоящий предатель, и завтрашний приговор будет приведен в исполнение только в отношении него, Благовещенского? Статьи УК РСФСР, по которым предъявлены обвинения 12 подсудимым во главе с Власовым, почти все на „через повешение“. Как далек от истины Благовещенский, заговоривший так некстати о „разрешении советских органов“ на предательство?».

Тут надобно дух перевести...

В разгоряченном сознании генерала-писателя любые слова и заявления разрастаются в такие дебри, что уже и не отыскать пути в них.

Между тем заявление Благовещенского можно объяснить и проще, и понятнее. Пытаясь доказать, что вступил во власовскую организацию якобы с целью разрушения этой организации, он пытается уйти от подвешенной над ним, как и над его поделельниками, статьи «через повешение».

Благовещенский намекает на то, что он не изменник, а герой, хотя и геройствовал «без разрешения» ГРУ и НКВД.

И свидетели у него есть. Где они сейчас? В Америке? В Австралии?

Прием, в принципе, банальный, но позволяющий затянуть следствие.

Рассчитывал ли Иван Алексеевич, что ему удастся осуществить этот прием на практике?

Едва ли...

Только ведь больше все равно не на что было рассчитывать.

В отличие от генерала Филатова генерал Ульрих это понимал и на уловку Благовещенского не поддался. Кивнув, он продолжил опрос обвиняемых.

Председательствующий. Подсудимый Мальцев, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Мальцев. Да.

Председательствующий. Подсудимый Буняченко, признаете ли вы себя виновным?

Буняченко. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Зверев, признаете ли вы себя виновным?

Зверев. Признаю, за исключением пункта, в котором говорится, что я являлся членом КОНРа. Заявляю, что я никогда членом КОНРа не был, в заседаниях КОНРа не участвовал и манифеста не подписывал.

Председательствующий. Подсудимый Меандров, признаете ли вы себя виновным?

Меандров. Признаю.

Председательствующий. Подсудимый Корбуков, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Корбуков. Признаю.

Председательствующий. Подсудимый Шатов, признаете ли вы себя виновным?

Шатов. Признаю, за исключением того момента, что якобы за активную работу я был произведен немцами в полковники. Заявляю, что никогда такого звания от немцев не имел и полковником не был.

В 13 часов 40 минут председательствующий объявил перерыв. Менее чем через полчаса судебное заседание возобновилось. Начались допросы Власова и его помощников.

Никто из них не отрицал своей вины, не оспаривал выдвинутых обвинений. Если и возникали некие накладки, то они были вызваны тем, что подсудимые не понимали или делали вид, что не понимают вопроса.

Ничего не меняли и пикировки, которые время от времени возникали между подсудимыми. Никто не перекладывал на плечи другого своих поступков. У каждого этих поступков вполне хватало для предъявленных обвинением статей.

И вот посреди этого ровного течения процесса в 21 час 45 минут В.В. Ульрих объявил, что сейчас будет просмотр в зале суда трофейных фильмов о заседании КОНРа 14 ноября 1944 года в Праге и выступлении Власова на собрании в «Доме Европы» в Берлине.

Глава пятая

Было бы понятно, если бы демонстрация фильма была вызвана необходимостью изобличения отрицающих свое участие в работе КОНРа подсудимых.

Но необходимости такой не было. Никто из подсудимых не отрицал того, что мог подтвердить фильм.

Тем ни менее фильмы показали.

Ульриху зачем-то потребовалось вдруг сравнить сидящих на скамье подсудимых власовцев с теми, какими они были в вершинную минуту своей жизни.

Или не Ульриху это потребовалось? Но тогда — кому?

История с показом фильма загадочная, почти мистическая.

Нечто от мистического действия есть и в тех вопросах, которые задавались после демонстрации фильма подсудимым.

Сами вопросы в стенограмме не зафиксированы, но ответы подсудимых остались.

Подсудимый Жиленков. Я жил у немцев неплохо, а поэтому и имел такой выхоленный вид немецкого генерала, который вы видели при просмотре документального фильма заседания Комитета.

Подсудимый Трухин. Когда я находился в президиуме, заснятом немцами для проведения агитационной работы в фильме, который вы только что просмотрели, я не думал о том, что мне сегодня придется сидеть на скамье подсудимых перед советским правосудием. Но я знал, что когда-либо мне все-таки придется отвечать за свои преступления перед Родиной.

Зачем надо принуждать подсудимого проводить сравнение себя нынешнего с тем, каким он был полтора года назад, тоже непонятно.

Тут что-то пропущено в стенограмме.

Кстати, заметим попутно, что стенограмма, фиксирующая часы и минуты перерыва на обед, конец первого дня заседания и начало второго не отмечает никак ^[93].

Ответить на эти вопросы затруднительно, но очевидно, в часы, когда демонстрировались достаточно длинные — мне довелось посмотреть их — фильмы, что-то происходило. Очевидно, кто-то появлялся в зале, где шел закрытый процесс...

Кто-то из высших руководителей государства?

Это многое бы объяснило, но не все.

Непонятно, отчего так резко на этом месте в стенограмме меняется речь Власова.

Власов. Когда я скатился окончательно в болото контрреволюции, я уже вынужден был продолжать свою антисоветскую деятельность. Я должен был выступать в Праге. Выступал и произносил исключительно гнусные и клеветнические слова по отношению к СССР. Все это я сейчас просмотрел и прослушал из кинофильма и первый несу полную ответственность за это.

Это уже не тот человек, что, отвечая на вопрос Ульриха, несколько часов назад сказал: «Даже в 1943 году немцы не разрешали нам писать русских слов в этих листовках». Этот человек и словто русских не знает, а скрипит и скрежещет, как плохо смазанная машина.

И вот только тогда и задает В.В. Ульрих свой главный вопрос А.А. Власову.

Ульрих. Подсудимый Власов, а теперь в общих чертах расскажите суду, в чем вы конкретно признаете себя виновным?

Власов. Я признаю себя виновным в том, что, находясь в трудных условиях, смалодушничал, сдался в плен немцам, клеветал на

советское командование, подписал листовку, содержащую призыв к свержению Советов, за мир с немцами, договорился с немцами о создании комитета. Моим именем делалось все, и лишь с 1944 года я, до известной степени, чувствовал себя в той роли, которая мне приписана, и с этого времени и успел сформировать все охвостье, всех подонков, свел их в комитет, редактировал гнуснейший документ, формировал армию для борьбы с Советским государством, я сражался с Красной армией. Безусловно, я вел самую активную борьбу с Советской властью и несу за это полную ответственность. Мне было в последнее время ясно, что Германия погибла, но я не решался идти к Советам. Правда, я не имел связи с Англией и Америкой, но я надеялся на поддержку с их стороны в части создания мне условий для продолжения антисоветской деятельности.

Не бесцельно я оставлял Благовещенского и других, на которых я мог положиться в части продолжения борьбы с Советской властью. Именно мне принадлежит основная роль формирования охвостья в борьбе с Советской властью разными способами. Вообще все проводилось от моего имени, и я за это отвечаю. Если бы немцы сразу же, как я перешел к ним, разрешили мне действовать против Советов, то, безусловно, я был бы активным борцом.

Отметим еще один поворотный момент.

По стенограмме получается, что именно с этого момента Власов начинает именовать своих сподвижников «подонками», «охвостьем».

Вспомним, как разговаривали между собою подсудимые до демонстрации фильма.

Председательствующий. Подсудимый Власов, участвовали ли в выпуске школы разведчиков? Почему отрицали это?

Власов. Я не отрицаю, меня просто не поняли. На выпуске школы разведчиков я участвовал, держал антисоветскую речь, но спецзаданий перед разведчиками не ставил.

Председательствующий. Подсудимый Мальцев, напомним Власову ваши показания на очной ставке.

Мальцев. Это было в середине мая. Ко мне заехали Власов и Жиленков и пригласили меня поехать в школу на выпуск разведчиков. Показания мои на этот счет являются правильными, и я их подтверждаю и заявляю, что Власов выступал перед выпускниками и в своей речи преподавал конкретное задание.

Власов. Показания Мальцева я подтверждаю.

А вот пикировка Андрея Андреевича Власова с Георгием Николаевичем Жиленковым, о которой мы уже упоминали.

Власов. Подсудимый Жиленков не совсем точно рассказал суду о своей роли в его связях с СС. В частности, он показал суду, что лишь по моему указанию он связался с представителем СС. Это не совсем так. Жиленков первый имел связь с представителями СС, и именно

благодаря его роли я был принят Гиммлером. До этого Гиммлер никогда меня не принимал.

Жиленков. Я не отрицаю показаний Власова, но хочу сказать, что только после моей поездки в район Львова и установления связи с представителем Гиммлера д'Алькеном при посредстве последнего нам удалось организовать встречу Власова с Гиммлером. Мне было известно, что Гиммлер называл Власова перебежавшей свиньей и дураком. На мою долю выпала роль доказать д'Алькену, что Власов не свинья и не дурак. Так, при моем участии была организована встреча Власова с Гиммлером.

А вот диалог Власова с Дмитрием Ефимовичем Закутным.

Власов. Я хотел бы внести некоторые поправки в показания Закутного. Он показал, что по указаниям Минаева вступил в Комитет с целью контролирования его работы. Между тем он ничего не сказал о том, что именно он завербовал в Комитет до 60 процентов членов этого Комитета, и, в частности, из состава интеллигенции, которой я лично не располагал.

Закутный. Я не отрицаю показаний Власова.

Да, мы видим по этим цитатам из стенограммы процесса, что велико было напряжение, в котором находились подсудимые. Но вместе с тем они ведут себя вполне корректно. Не срываются на оскорбления друг друга.

И вдруг сразу: подонки, охвостье.

Чем был вызван этот слом, произошедший в тот промежуток времени, которое обозначено в стенограмме как демонстрация фильмов, объяснить невозможно.

Хотя мистическое объяснение, конечно, найти нетрудно.

Весь процесс строился как воспоминание Власова себя прежнего. Ему как бы показывали его, а он смотрел на себя и узнавал или не узнавал.

Да. Это он. И это тоже он. Да, проявил малодушие. Да, запутался.

По дорогам войны, по тюремным коридорам блуждала душа генерала Власова и пыталась найти дорогу.

Самому Власову эта дорога уже была найдена и определена.

Дорога к виселице, которую — в судебном зале слышно было, как стучат топоры! — уже налаживали для него в тюремном дворе.

Глава шестая

Процесс шел к концу. После перерыва, который задержался на двадцать минут, в 18 часов 20 минут В.В. Ульрих зачитал определение суда об отклонении ходатайств Благовещенского, заявленных в начале судебного заседания.

— Судебное следствие по делу окончено, — объявил он. — Каждому из подсудимых предоставляется последнее слово.

Первым встал Власов.

— Содеянные мной преступления велики, и ожидаю за них суровую кару, — сказал он. — Первое грехопадение — сдача в плен. Но я не только полностью раскаялся, правда, поздно, но на суде и следствии старался как можно яснее выявить всю шайку. Ожидаю жесточайшую кару.

— Хочу продолжить, на чем остановился в показаниях, — заявил Малышкин. — Я оказался в числе злейших врагов Советской власти. Во мне не оказалось должной твердости, настоящего нутра, преданности тому делу, которому я раньше служил. Сейчас не могу объяснить, что сыграло решающую роль в преступлении, которому нет имени. Я пошел против общественного и государственного советского строя. Я дал все показания, я ничего не скрыл, я все изложил. Умирать, конечно, неохота.

Но после всего, что мной сделано, как смотреть в глаза людям? Жду сурового приговора.

Столь же немногословны и суровы к себе были Трухин, Благовещенский, Мальцев.

Трухин. Я изложил всю гадость, мерзость, гнусность моего падения, начиная с 1941 года. Нет имени преступления, которые я совершил. Я сознался во всем. Я сделал бесконечно много гадостей и поэтому жду и готов вынести любой приговор.

Благовещенский. Я признаю себя виновным в изменнической деятельности и готов принять любое наказание.

Мальцев. Все ясно, я не смею рассчитывать на помилование, скажу только, что до 1938 года все шло нормально, а потом началось падение. Мысль самая гнусная, обида на Советскую власть за недоверие, которое я стал ощущать после моего ареста. Я просился в армию, мне отказывали. Обидевшись на Советскую власть, я дошел до настоящего состояния. Умереть бы, но с толком — вот что мне хотелось бы на сегодняшний день.

Жиленков вспомнил о том, что он бывший парработник.

— Если суд найдет возможным, чтобы использовать мою жизнь, то я готов загладить мою вину чем угодно и в любых условиях, — заявил он.

Закутный сказал, что он «еще не безнадежно потерян для своей Родины».

— Прошу дать мне возможность умереть честным человеком, а не врагом своего государства.

— Я честно рассказал о всех своих преступлениях, за которые любое наказание советского правосудия приму как должное, — сказал Буняченко. — Но все же прошу сохранить мне жизнь, любой самый тяжелый труд для меня будет большим счастьем.

— Я опозорил честную советскую семью. Опозорил своих родителей, честных русских людей, своих предков. Что можно ожидать после этого? — заявил Зверев. — Я плавал в фашистском власовском омуте и этой грязью выпачкан, вымазан. Но, граждане судьи, еще в апреле я начал от этой грязи отдаляться. Сейчас, если можно выразиться, чувствую себя чистым человеком. Прошу дать мне возможность искупить вину честным трудом. Прошу прощения у советского народа за мои злодеяния. Дайте мне возможность умереть как солдату, а если нельзя сохранить мне жизнь, то прошу приговора о расстреле.

— Тяжко и страшно умирать изменником своей Родины, — сказал Меандров. — Еще раз прошу сохранить мне жизнь и дать возможность в любых условиях искупить свою вину перед Родиной.

— Граждане судьи, после всех гнусных преступлений не нахожу слов в свое оправдание, — заявил Корбуков. — Прошу учесть чистосердечность признаний и искреннее осуждение мною моих преступлений.

Последнему дали слово Шатову.

— Я простой деревенский парень и дошел до высокого поста. Я анализировал, что меня привело к подлейшим преступлениям. Трусость, идиотизм, подлость — вот истоки. Я осуждаю полностью все, что сделал. Прошу учесть, что я приехал в СССР по своему желанию, я решил сам принести свою голову, я знал, что, если враг не сдается, его уничтожают. Я рассчитывал на помилование, на честную смерть на своей Родине. Я чистосердечно рассказал все.

Когда он кончил говорить, шел восьмой час вечера.

В 19 часов 08 минут В.В. Ульрих объявил, что суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

Совещание это длилось семь часов и уже глубоко за полночь, в 2 часа 02 минуты, огласили приговор.

Совершенно секретно

//- ПРИГОВОР — //

ИМЕНЕМ

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

в составе:

Председательствующего — генерал-полковника юстиции УЛЬРИХА В.В.

Членов — генерал-майора юстиции КАРАВАЙКОВА Ф.Ф. и полковника юстиции ДАНИЛОВА Г.Н.

В закрытом судебном заседании, в гор. Москве, 30, 31 июля и 1 августа 1946 года, рассмотрела дело по обвинению:

1. б. заместителя командующего войсками Волховского фронта и командующего 2-й Ударной армией — генерал-лейтенанта ВЛАСОВА Андрея Андреевича, 1801 г. р., уроженца деревни Ломакино,

Гагинского района, Горьковской области, русского, бывшего члена ВКП(б);

2. б. начальника штаба 19-й армии — генерал-майора МАЛЫШКИНА Василия Федоровича, 1896 г. р., уроженца Марковского рудника Сталинской области, русского, бывшего члена ВКП(б);

3. б. члена Военного совета 32-й армии — бригадного комиссара ЖИЛЕНКОВА Георгия Николаевича, 1910 г. р., уроженца г. Воронежа, русского, бывшего члена ВКП(б);

4. б. начальника штаба Северо-Западного фронта — генерал-майора ТРУХИНА Федора Ивановича, уроженца г. Костромы, русского, беспартийного;

5. б. начальника Военно-морского училища ПВО в г. Либаве — генерал-майора береговой службы БЛАГОВЕЩЕНСКОГО Ивана Алексеевича, 1893 г. р., уроженца г. Юрьевец Ивановской области, русского, бывшего члена ВКП(б);

6. б. командира 21-го стрелкового корпуса ЗАКУТНОГО Дмитрия Ефимовича, 1897 г. р., уроженца г. Зимовники Ростовской области, русского, бывшего члена ВКП(б);

7. б. начальника санатория Аэрофлота в г. Ялте — полковника запаса МАЛЬЦЕВА Виктора Ивановича, 1895 г. р., уроженца г. Гусь-Хрустальный Ивановской области, русского;

8. б. командира 59-й стрелковой бригады — полковника БУНЯЧЕНКО Сергея Кузьмича, 1902 г. р., уроженца села Коровякова Глушковского района Курской области, украинца, бывшего члена ВКП(б);

9. б. командира 350-й стрелковой дивизии — полковника ЗВЕРЕВА Григория Александровича, 1900 г. р., уроженца г. Ворошиловска, русского, бывшего члена ВКП(б);

10. б. заместителя начальника штаба 6-й армии — полковника МЕАНДРОВА Михаила Алексеевича, уроженца г. Москвы, русского, беспартийного;

11. б. помощника начальника связи 2-й Ударной армии Волховского фронта — подполковника КОРБУКОВА Владимира Денисовича, 1900 г. р., уроженца г. Двинска, русского, бывшего члена ВКП(б);

12. б. начальника артиллерийского снабжения Северо-Кавказского военного округа — подполковника ШАТОВА Николая Степановича, 1901 г. р., уроженца деревни Шатово Котельнического района Кировской области, русского, бывшего члена ВКП(б);

— всех в преступлениях, предусмотренных статьей 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и ст. ст. 58-16, 58-8, 58-9, 58-10 ч. 11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено:

Подсудимые ВЛАСОВ, МАЛЫШКИН, ЖИЛЕНКОВ, ТРУХИН, ЗАКУТНЫЙ, МЕАНДРОВ, МАЛЬЦЕВ, БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ, БУНЯЧЕНКО, ЗВЕРЕВ, КОРБУКОВ и ШАТОВ, являясь военнослужащими Красной армии и будучи антисоветски настроенными, в напряженный для Советского

Союза период Великой Отечественной войны, нарушив воинскую присягу, изменили Социалистической Родине и, в разное время, добровольно перешли на сторону немецко-фашистских войск.

Находясь на стороне противника, все подсудимые, во главе с Власовым, по заданию руководителей немецко-фашистского правительства, на протяжении 1941-1943 годов проводили широкую изменническую деятельность, направленную на вооруженную борьбу против Советского Союза, а в 1944 году ВЛАСОВ, ЖИЛЕНКОВ, ТРУХИН, МАЛЫШКИН, ЗАКУТНЫЙ, МЕАНДРОВ, БУНЯЧЕНКО и др. вошли в созданный Гиммлером т. н. «Комитет освобождения народов России» и по заданию германской разведки создали из числа бывших белогвардейцев, уголовников, националистов и прочих антисоветских элементов вооруженные отряды, наименовав их «Русской освободительной армией» (РОА); организовали шпионаж и диверсии в тылу советских войск, убийства офицеров и солдат Красной армии, а также подготавливали террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского правительства. Подсудимый Власов и его сообщники, при помощи немцев, своей окончательной целью ставили свержение Советского правительства, ликвидацию социалистического строя и организацию на территории Советского Союза фашистского государства. Для проведения своей преступной деятельности ВЛАСОВ и все его соучастники необходимые им материальные средства и вооружение получали от немецкого командования, а всей их практической деятельностью руководил Гиммлер и его помощники.

Собранными по делу доказательствами и личными признаниями подсудимых как на предварительном, так и на судебном следствии конкретная предательская деятельность каждого из подсудимых установлена следующая:

1). ВЛАСОВ, будучи заместителем командующего войсками Волховского фронта и одновременно являясь командующим 2-й Ударной армией того же фронта, в июле 1942 года, находясь в районе города Любань, в силу своих антисоветских настроений изменил Родине и перешел на сторону немецко-фашистских войск, выдал немцам секретные данные о планах советского командования, а также клеветнически характеризовал Советское Правительство и состояние тыла Советского Союза. Вскоре после этого ВЛАСОВ дал согласие немецкому командованию возглавить формируемые немцами части т. н. «русской армии», изъявив при этом желание войти в состав будущего «русского правительства», и обсуждал с ответственными представителями германского Министерства иностранных дел вопросы расчленения Советского Союза. В декабре месяце 1942 года ВЛАСОВ совместно с другими изменниками Родины по заданию немецкого военного командования и германской разведки создал т. н. «русский комитет», ставивший своей целью свержение советского государственного строя и установление в СССР фашистского режима.

Возглавляя этот «комитет», ВЛАСОВ вербовал из числа вражеских элементов своих единомышленников, выпускал антисоветские листовки к военнослужащим Красной армии и населению СССР, разъезжал по лагерям, где содержались советские военнопленные, и по оккупированной территории Советского Союза, призывая советских граждан к вооруженной борьбе с Советским правительством и Красной армией. В конце 1944 года ВЛАСОВ по заданию германской разведки и лично Гиммлера объединил существовавшие на территории Германии белогвардейские организации и вместе с ближайшими сообщниками — изменниками ТРУХИНЫМ, МАЛЫШКИНЫМ, ЖИЛЕНКОВЫМ и ЗАКУТНЫМ, возглавил созданный немцами т. н. «Комитет освобождения народов России» (КОНР).

Ставя своей целью при помощи немцев захват власти в СССР, ВЛАСОВ под руководством фашистов сформировал из числа белогвардейцев, уголовников и изменников Родины, т. н. «Русскую освободительную армию», организовывал шпионаж и диверсии в тылу советских войск и подготавливал террористические акты против руководителей Советского правительства. ВЛАСОВ, возглавляя работу по вербовке в т. н. «РОА» советских военнопленных, расправлялся с лицами, подозреваемыми в антифашистской деятельности, и лично утверждал смертные приговоры.

Будучи назначен приказом Гитлера на должность главнокомандующего т. н. «РОА», направлял сформированные им воинские части на фронт для боевых действий против советских войск.

ВЛАСОВ в 1944 году, кроме Гиммлера, вступил в личную преступную связь с Герингом, Геббельсом и Риббентропом, вел с ними переговоры и совместно намечал мероприятия по усилению деятельности, направленной против СССР.

После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Власов вместе со своими сообщниками пытался бежать в район, занятый американскими войсками, для продолжения борьбы против Советского Союза, но был пленен частями Красной армии...

На основании вышеизложенного Военная коллегия Верховного суда Союза ССР постановляет: признать предъявленное ВЛАСОВУ, ЖИЛЕНКОВУ, МАЛЫШКИНУ, ТРУХИНУ, БЛАГОВЕЩЕНСКОМУ, ЗАКУТНОМУ, МЕАНДРОВУ, МАЛЬЦЕВУ, БУНЯЧЕНКО, ЗВЕРЕВУ, КОРБУКОВУ и ШАТОВУ обвинение в совершении ими преступлений ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года и ст. ст. 58-16, 58-8, 58-9, 58-10 ч. 11 и 58-11 УК РСФСР доказанным.

Руководствуясь ст. ст. 319-320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР ПРИГОВОРИЛА лишить воинских званий:

1. ВЛАСОВА — генерал-лейтенанта
2. МАЛЫШКИНА — генерал-майора
3. ЖИЛЕНКОВА — бригадного комиссара
4. ТРУХИНА — генерал-майора

5. БЛАГОВЕЩЕНСКОГО — генерал-майора береговой службы

6. ЗАКУТНОГО — полковника

7. МАЛЬЦЕВА — полковника

8. БУНЯЧЕНКО — полковника

9. ЗВЕРЕВА — полковника

10. МЕАНДРОВА — полковника

11. КОРБУКОВА — подполковника

12. ШАТОВА — подполковника

— и по совокупности совершенных преступлений, на основании ст.

1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года:

1. ВЛАСОВА Андрея Андреевича

2. МАЛЫШКИНА Василия Федоровича

3. ЖИЛЕНКОВА Георгия Николаевича

4. ТРУХИНА Федора Ивановича

5. БЛАГОВЕЩЕНСКОГО Ивана Алексеевича

6. ЗАКУТНОГО Дмитрия Ефимовича

7. МАЛЬЦЕВА Виктора Ивановича

8. БУНЯЧЕНКО Сергея Кузьмича

9. ЗВЕРЕВА Григория Александровича

10. МЕАНДРОВА Михаила Алексеевича

11. КОРБУКОВА Владимира Денисовича

12. ШАТОВА Николая Степановича

— ВСЕХ ПОДВЕРГНУТЬ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ.

Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, конфисковать.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Подлинный за надлежащими подписями.

ВЕРНО:

СЕКРЕТАРЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СССР

МАЙОР ЮСТИЦИИ (МАЗУР)

Отп. 6 экз.

В 2 часа 24 минуты судебное заседание было закрыто.

26 августа 1946 года в центральных газетах было опубликовано сообщение Военной коллегии Верховного суда СССР:

«На днях ВКВС СССР рассмотрела дело по обвинению А.А. Власова, В.Ф. Малышкина, Г.Н. Жиленкова, Ф.И. Трухина, Д.Е. Закутного, И.А. Благовещенского, М.А. Меандрова, В.И. Мальцева, С.К. Буняченко, Г.А. Зверева, В.Д. Корбукова и Н.С. Шатова в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 б, 58-8, 58-9, 58-10 ч. 11 и 58-11 УК РСФСР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В соответствии с пунктом 1 Указа ПВС СССР от 19 апреля 1943 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила обвиняемых к смертной казни через повешение.

Приговор приведен в исполнение».

Глава седьмая

«Как верный сын моей родины, я добровольно вступаю в ряды войск Комитета освобождения народов России. В присутствии моих земляков я торжественно клянусь честно сражаться до последней капли крови под командой генерала Власова на благо моего народа против большевизма!»

Эти слова, страшные своими последствиями для тех, кто произносил их, добровольцы РОА произносили меньше чем за месяц до капитуляции Германии.

Произносили, обрекая себя вместе со своим командующим на страшный крестный путь в советских тюрьмах и лагерях.

И их были не единицы, а десятки тысяч, даже и тогда, меньше чем за месяц до капитуляции Германии.

Ответственность за десятки тысяч солдат своей Русской освободительной армии — тоже на совести Андрея Андреевича Власова, и не о них ли и думал он, когда:

— Именем Союза Советских Социалистических республик Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством генерал-полковника юстиции Ульриха в закрытом судебном заседании в городе Москве, тридцатого, тридцать первого июля и первого августа 1946 года рассмотрела дело по обвинению...

Когда...

— Руководствуясь статьями 319, 320 УПК РСФСР Военная коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила!

Когда.

— Всех подвергнуть смертной казни через повешение! — звучали слова приговора.

Не этих ли солдат и видел Андрей Андреевич Власов, когда неловко накинутой петлей сбilo очки, и хлопотавший с петлей энкавэдэшник сорвал их с бывшего генерала?

Не за этих ли солдат и молился бывший семинарист Власов, когда выбили из-под ног скамейку и сразу, резко вверх, дернулись кирпичные стены и тут же словно бы упали вниз, когда не стало никаких стен вокруг, только небесная синь, только проплывающее внизу облачко.

И все-таки, когда думаешь о судьбе РОА и судьбе генерала Власова, что-то удерживает от того, чтобы объявить их дело, их загубленные ими самими жизни абсолютно бесполезными для России.

Мы знаем, что после войны И.В. Сталин попытался (это невозможно отрицать!) остановить геноцид русского народа, устроенный интернационалистами-ленинцами.

Эта передышка для страны оказалась недолгой. Уже при Хрущеве вновь начинает разрастаться правительственная русофобия.

Но ведь была эта передышка, и она многое определила для страны.

И возможно, что принимая свои, крайне непопулярные в политбюровско-цековских кругах решения, думал И.В. Сталин и о той, как по мановению волшебной палочки возникшей в самые последние дни войны многотысячной Русской освободительной армии...

Наверное, многие будут возмущены сделанным мною предположением.

Что ж.

Это еще один повод, чтобы задуматься, почему русские книги и русские судьбы не объединяют нас, русских, а служат лишь поводом для разъединения.

Странно это и очень грустно.

Февраль 1992 года — 4 июля 2012 года

Санкт-Петербург

Приложение. Андрей Андреевич Власов

Автобиография на комбрига Андрея Андреевича Власова

Родился 1 сентября 1901 года в селе Ломакино Гагинского района Горьковской области (с. Ломакино Покровской волости Сергачского уезда Нижегородской губернии) в семье крестьянина-кустаря. Жена — Анна Михайловна Власова (девичья фамилия Воронина), уроженка той же местности.

Главное занятие родителей моих и жены до Октябрьской революции и после — земледелие. Хозяйство имели средняцкое. Мой отец — портной, с 1930 года — в колхозе. В настоящее время мой отец имеет 82 года от роду — инвалид I-й группы, живет на родине в колхозе и состоит на моем иждивении. Мать умерла в 1933 году. Отец

жены также на родине, ее мать умерла в 1929 году. Кроме отца, у меня ближайших родственников никого в живых нет. Брат погиб в Гражданскую войну в борьбе против Колчака в Красной армии. Сестра умерла в 1935 году. Два брата жены работают в г. Горьком на Горьковском автозаводе им. Молотова. Одна сестра работает мастером на Кировском заводе в Ленинграде и одна сестра на родине замужем за сельским учителем.

Из родственников моих и жены никто за границей не проживал и в настоящее время не живет. Я окончил сельскую школу. После чего на средства родителей и брата был отдан в духовное училище, как самое дешевое в то время по плате обучения. С 15 лет, занимаясь подготовкой малолетних детей (репетитор), я сам зарабатывал себе средства на право обучения. По окончании духовного училища в г. Нижнем Новгороде два года учился в духовной семинарии, до 1917 года, на правах инословного (т. е. недуховного звания). В 1917 году, после Октябрьской революции, поступил в XI Нижегородскую единую трудовую школу 2-й ступени, которую и окончил в 1919 году. По окончании школы 2-й ступени поступил в 1919 году в Нижегородский государственный университет по агрономическому факультету, где и учился до призыва в РККА.

В РККА призван 5 мая 1920 года. Служил красноармейцем в 27-м Приволжском полку в г. Нижнем Новгороде. С 1 июня в этом же городе курсантом на 24 Нижегородских пехотных курсах командного состава РККА.

По окончании курсов в октябре месяце 1920 года был отправлен на Врангелевский фронт. Участвовал в походах и боях на Врангелевском фронте и против банд Махно, Маслака, Каменюка, Попова и др., с октября 1920 года по июнь 1922 года — в бывшей Донской области и Воронежской губернии в должности командира взвода и роты 14-го Смоленского полка 2-й Донской стрелковой дивизии.

Во 2-й Донской стрелковой дивизии (впоследствии переименована в 9-ю Донскую стрелковую дивизию) в 14-м Смоленском стрелковом полку (впоследствии переименованном в 5-й, а затем в 26-й Ленинградский стрелковый полк) прослужил 10 лет (до ноября месяца 1930 г.) с лишком.

Занимал должности командира взвода, роты, начальника полковой школы, командира стрелкового батальона и начальника Штаба полка.

С ноября 1930 года переведен в Ленинград в Объединенную военную школу им. В.И. Ленина, где служил преподавателем тактики 1,5 года и помощником начальника учебного отдела 8 месяцев.

С февраля 1933 года переведен в Штаб Ленинградского военного округа, где занимал должности: пом. начальника 1-го сектора 2-го отдела — 2 года; пом. начальника отдела боевой подготовки — 1 год, после чего — 1,5 года был начальником учебного отдела курсов военных переводчиков разведывательного отдела ЛенВО.

С июля 1937 года командовал 215-м стрелковым полком, с ноября 1937 года командовал 133-м стрелковым полком до мая 1938 года, с мая 1938 года — начальник 2-го отдела Штаба Киевского Особого военного округа до сентября 1938 года.

С сентября 1938 года назначен командиром 72-й стрелковой дивизии Киевского Особого военного округа и был отправлен в правительственную командировку по заданию партии и правительства, которую закончил в декабре 1939 года.

С января 1940 года команду 99-й стрелковой дивизией КОВО.

В период 1928–1929 годов окончил тактическо-стрелковые курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» в Москве, в 1934–1935 годы окончил 1-й курс Военно-вечерней академии РККА в Ленинградском отделении.

В РККА награжден медалью «XX лет РККА» № 012543 и разными личными именными подарками. За правительственную командировку представлен к награждению орденом СССР.

В старой царской армии и белой армии не служил, в плену и на территории, занятой белыми, не проживал.

В ВКП(б) вступил в 1930 г., принят дивизионной парт. организацией 9-й Донской стрелковой дивизии. Партбилет № 0471565. Проводил агитмассовую работу, неоднократно избирался членом партийного бюро школы и полка. Был редактором школьной газеты. В общественной работе всегда принимал активное участие. Был избран членом Военного трибунала округа, членом Президиума районных организаций Осоавиахима и др.

Партвзысканий не имел. В других партиях и оппозициях никогда нигде не состоял и никакого участия не принимал. Никаких колебаний не имел. Всегда стоял твердо на генеральной линии партии и за нее всегда боролся.

Органами советской власти по суду никогда не привлекался. За границей не был.

Командир 99-й стрелковой дивизии комбриг ВЛАСОВ

16 апреля 1940 года

Записка, составленная в винницком лагере

Офицерский корпус Советской армии, особенно попавшие в плен офицеры, которые могут свободно обмениваться мыслями, стоят перед вопросом: каким путем может быть свергнуто правительство Сталина и создана новая Россия? Всех объединяет желание свергнуть правительство Сталина и изменить государственную форму. Стоит вопрос: к кому именно примкнуть — к Германии, Англии или Соединенным Штатам? Главная задача — свержение правительства —

говорит за то, что следует примкнуть к Германии, которая объявила борьбу против существующего правительства и режима целью войны. Однако вопрос будущности России неясен. Это может привести к союзу с Соединенными Штатами и Англией, в случае если Германия не внесет ясность в этот вопрос.

Сталин, используя особенности России (бесконечные просторы, огромные потенциальные возможности) и патриотизм народа, поддерживаемый террором, никогда не отступит и не пойдет на компромисс. Он станет вести войну, пока не будут исчерпаны все силы и возможности.

На возможность внутреннего переворота при теперешних обстоятельствах рассчитывать не приходится.

Если принять во внимание население оккупированных областей и огромное количество военнопленных и учесть их враждебное отношение к правительству Сталина, то можно допустить, что эти людские массы составят ядро внутренних сил, которые под руководством Германского правительства ускорят давно назревающее возникновение нового политического порядка в России, что должно произойти параллельно осуществляемому немцами созданию новой Европы.

Эти силы в настоящее время не используются.

Исходя из вышеизложенного, мы передаем на ваше рассмотрение следующее предложение:

— создать центр формирования русской армии и приступить к ее созданию;

— независимо от своих военных качеств эта русская армия придаст оппозиционному движению характер законности и одним ударом устраним ряд сомнений и колебаний, существующих в оккупированных и неоккупированных областях и тормозящих дело создания нового порядка;

— это мероприятие легализует выступление против России и устраним мысль о предательстве, тяготящую всех военнопленных, а также людей, находящихся в неоккупированных областях.

Мы считаем своим долгом перед нашим народом и перед фюрером, провозгласившим идею создания новой Европы, довести вышеизложенное до сведения Верховного командования и тем самым внести вклад в дело осуществления упомянутой идеи.

Бывший командующий 2-й армией генерал-лейтенант Власов.

Бывший командир 41-й стрелковой дивизии полковник Боярский.

Винница, 08.08.1942 г.

Обращение русского комитета к бойцам и командирам красной армии, ко всему русскому

народу и другим народам Советского союза (смоленская декларация)

Друзья и братья!

Большевизм — враг Русского народа. Неисчислимы бедствия принес он нашей Родине и, наконец, вовлек Русский народ в кровавую войну за чужие интересы. Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов. Миллионы русских людей искалечены и навсегда потеряли трудоспособность. Женщины, старики и дети гибнут от холода, голода и непосильного труда. Сотни русских городов и тысячи сел разрушены, взорваны и сожжены по приказу Сталина.

История нашей Родины не знает таких поражений, какие были уделом Красной армии в этой войне. Несмотря на самоотверженность бойцов и командиров, несмотря на храбрость и жертвенность Русского народа, проигрывалось сражение за сражением. Виной этому — гнилость всей большевистской системы, бездарность Сталина и его Славного штаба.

Сейчас, когда большевизм оказался неспособным организовать оборону страны, Сталин и его клика продолжают с помощью террора и лживой пропаганды гнать людей на гибель, желая ценою крови Русского народа удержаться у власти хотя бы некоторое время.

Союзники Сталина — английские и американские капиталисты — предали Русский народ. Стремясь использовать большевизм для овладения природными богатствами нашей Родины, эти плутократы не только спасают свою шкуру ценою жизни миллионов русских людей, но и заключили со Сталиным тайные кабальные договоры.

В то же время Германия ведет войну не против Русского народа и его Родины, а лишь против большевизма. Германия не посягает на жизненное пространство Русского народа и его национальнополитическую свободу (Курсив мой. — Н. К.).

Национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера ставит своей задачей организацию Новой Европы без большевиков и капиталистов, в которой каждому народу будет обеспечено почетное место.

Место Русского народа в семье европейских народов, его место в Новой Европе будет зависеть от степени его участия в борьбе против большевизма, ибо уничтожение кровавой власти Сталина и его преступной клики — в первую очередь дело самого Русского народа.

Для объединения Русского народа и руководства его борьбой против ненавистного режима, для сотрудничества с Германией в борьбе с большевизмом за построение Новой Европы, мы, сыны нашего народа и патриоты своего Отечества, создали Русский Комитет.

Русский Комитет ставит перед собой следующие цели:

- а. Свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма.
- б. Заключение почетного мира с Германией.
- в. Создание, в содружестве с Германией и другими народами Европы, Новой России без большевиков и капиталистов.

Русский Комитет кладет в основу строительства Новой России следующие главные принципы:

1. Ликвидация принудительного труда и обеспечение рабочему действительного права на труд, создающий его материальное благосостояние.

2. Ликвидация колхозов и планомерная передача земли в частную собственность крестьянам.

3. Восстановление торговли, ремесла, кустарного промысла и предоставление возможности частной инициативе участвовать в хозяйственной жизни страны.

4. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

5. Обеспечение социальной справедливости и защита трудящихся от всякой эксплуатации.

6. Введение для трудящихся действительного права на образование, на отдых, на обеспеченную старость.

7. Уничтожение режима террора и насилия, введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности и жилища.

8. Гарантия национальной свободы.

9. Освобождение политических узников большевизма и возвращение из тюрем и лагерей на родину всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма.

10. Восстановление разрушенных во время войны городов и сел за счет государства.

11. Восстановление принадлежащих государству разрушенных в ходе войны фабрик и заводов.

12. Отказ от платежей по кабальным договорам, заключенным Сталиным с англо-американскими капиталистами.

13. Обеспечение прожиточного минимума инвалидам войны и их семьям.

Свято веря, что на основе этих принципов может и должно быть построено счастливое будущее Русского народа, Русский Комитет призывает всех русских людей, находящихся в освобожденных областях и в областях, занятых еще большевистской властью, рабочих, крестьян, интеллигенцию, бойцов, командиров, политработников

объединяться для борьбы за Родину, против ее злейшего врага — большевизма.

Русский Комитет объявляет врагами народа Сталина и его клику.

Русский Комитет объявляет врагами народа всех, кто идет добровольно на службу в карательные органы большевизма — Особые отделы, НКВД, заградотряды.

Русский Комитет объявляет врагами народа тех, кто уничтожает ценности, принадлежащие Русскому народу.

Долг каждого честного сына своего народа — уничтожать этих врагов народа, толкающих нашу Родину на новые несчастья. Русский Комитет призывает всех русских людей выполнить этот свой долг.

Русский Комитет призывает бойцов и командиров Красной армии, всех русских людей переходить на сторону действующей в союзе с Германией Русской Освободительной армии. При этом всем перешедшим на сторону борцов против большевизма гарантируются неприкосновенность и жизнь, вне зависимости от их прежней деятельности и занимаемой должности.

Русский Комитет призывает русских людей вставать на борьбу против ненавистного большевизма, создавать партизанские освободительные отряды и повернуть оружие против угнетателей народа -

Сталина и его приспешников.

Русские люди! Друзья и братья!

Довольно проливать народную кровь! Довольно вдов и сирот! Довольно голода, подневольного труда и мучений в большевистских застенках! Вставайте на борьбу за свободу! На бой за святое дело нашей Родины! На смертный бой за счастье Русского народа! Да здравствует почетный мир с Германией, кладущий начало вечному содружеству Немецкого и Русского народов!

Да здравствует Русский народ, равноправный член семьи народов Новой Европы!

Председатель Русского Комитета генерал-лейтенант А.А. Власов
Секретарь Русского Комитета генерал-майор В.Ф. Малышкин 27 декабря 1942 г.

г. Смоленск.

Почему я стал на путь борьбы с большевизмом

Призывая всех русских людей подниматься на борьбу против Сталина и его клики, за построение Новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия.

Меня ничем не обидела советская власть.

Я — сын крестьянина, родился в Нижегородской губернии, учился на гроши, добился высшего образования. Я принял народную революцию, вступил в ряды Красной армии для борьбы за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее Русского народа. С тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью Красной армии. 24 года непрерывно я прослужил в ее рядах. Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя командующего фронтом. Я командовал ротой, батальоном, полком, дивизией, корпусом. Я был награжден орденами Ленина, Красного Знамени и медалью «XX лет РККА». С 1930 года я был членом ВКП(б).

И вот теперь я выступаю на борьбу против большевизма и зову за собой весь народ, сыном которого я являюсь.

Почему? Этот вопрос возникает у каждого, кто читает мое обращение, и на него я должен дать честный ответ. В годы Гражданской войны я сражался в рядах Красной армии потому, что я верил, что революция даст Русскому народу землю, свободу и счастье.

Будучи командиром Красной армии, я жил среди бойцов и командиров — русских рабочих, крестьян, интеллигенции, одетых в серые шинели. Я знал их мысли, их думы, их заботы и тяготы. Я не порывал связи с семьей, с моей деревней и знал, чем и как живет крестьянин.

И вот я увидел, что ничего из того, за что боролся Русский народ в годы Гражданской войны, он в результате победы большевиков не получил.

Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхозы, как миллионы русских людей исчезали, арестованные, без суда и следствия. Я видел, что растаптывалось все русское, что на руководящие посты в стране, как и на командные посты в Красной армии, выдвигались подхалимы, люди, которым не были дороги интересы Русского народа.

Система комиссаров разлагала Красную армию. Безответственность, слежка, шпионаж делали командира игрушкой в руках партийных чиновников в гражданском костюме или военной форме.

С 1938 по 1939 г. я находился в Китае в качестве военного советника Чан Кайши. Когда я вернулся в СССР, оказалось, что за это время высший командный состав Красной армии был без всякого повода уничтожен по приказу Сталина. Многие и многие тысячи лучших командиров, включая маршалов, были арестованы и расстреляны, либо заключены в концентрационные лагеря и навеки исчезли. Террор распространился не только на армию, но и на весь народ. Не было семьи, которая так или иначе избежала этой участи. Армия была ослаблена, запуганный народ с ужасом смотрел на будущее, ожидая подготовляемой Сталиным войны.

Предвидя огромные жертвы, которые в этой войне неизбежно придется нести русскому народу, я стремился сделать все от меня зависящее для усиления Красной армии. 99-я дивизия, которой я командовал, была признана лучшей в Красной армии. Работой и постоянной заботой о порученной мне воинской части я старался заглушить чувство возмущения поступками Сталина и его клики.

И вот разразилась война. Она застала меня на посту командира 4-го мех. корпуса.

Как солдат и как сын своей Родины, я считал себя обязанным честно выполнить свой долг.

Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты. Нерешительное, развращенное комиссарским контролем и растерянностью управление фронтом привело Красную армию к ряду тяжелых поражений.

Я отводил войска к Киеву. Там я принял командование 37-й армией и трудный пост начальника гарнизона города Киева.

Я видел, что война проигрывается по двум причинам: из-за нежелания русского народа защищать большевистскую власть и созданную систему насилия и из-за безответственного руководства армией, вмешательства в ее действия больших и малых комиссаров.

В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины. Однако неизлечимые болезни Красной армии сделали свое дело. Фронт был прорван на участке соседних армий. Киев был окружен. По приказу Верховного командования я был должен оставить укрепленный район.

После выхода из окружения я был назначен заместителем командующего Юго-Западным направлением, а затем командующим 20-й армией. Формировать 20-ю армию приходилось в труднейших условиях, когда решалась судьба Москвы. Я делал все от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я армия остановила наступление на Москву и затем сама перешла в наступление. Она прорвала фронт Германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Каховскую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему Московскому участку фронта, подошла к Гжатску.

Во время решающих боев за Москву я видел, что тыл помогал фронту, но, как и боец на фронте, каждый рабочий, каждый житель в тылу делал это лишь потому, что считал, что он защищает Родину. Ради Родины он терпел неисчислимые страдания, жертвовал всем. И не раз я отгонял от себя постоянно встававший вопрос: да полно, Родину ли я защищаю, за Родину ли я посылаю на смерть людей? Не за большевизм ли, маскирующийся святым именем Родины, проливает кровь Русский народ?..

Я был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й Ударной армией. Пожалуй, нигде так не сказалось

пренебрежение Сталина к жизни русских людей, как на практике 2-й Ударной армии. Управление этой армией было централизовано и сосредоточено в руках Главного штаба. О ее действительном положении никто не знал и им не интересовался. Один приказ командования противоречил другому. Армия была обречена на верную гибель.

Бойцы и командиры неделями получали 100 и даже 50 граммов сухарей в день. Они опухали от голода, и многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело армию непосредственное руководство Главного командования. Но все продолжали самоотверженно биться.

Русские люди умирали героями. Но за что? За что они жертвовали жизнью? За что они должны были умирать?

Я до последней минуты оставался с бойцами и командирами армии. Нас оставалась горстка, и мы до конца выполнили свой долг солдат. Я пробился сквозь окружение в лес и около месяца скрывался в лесу и болотах. Но теперь во всем объеме встал вопрос: следует ли дальше проливать кровь Русского народа? В интересах ли Русского народа продолжать войну? За что воюет Русский народ? Я ясно сознавал, что Русский народ втянут большевизмом в войну за чуждые ему интересы англоамериканских капиталистов.

Англия всегда была врагом Русского народа. Она всегда стремилась ослабить нашу Родину, нанести ей вред. Но Сталин в служении англоамериканским интересам видел возможность реализовать свои планы мирового господства, и ради осуществления этих планов он связал судьбу Русского народа с судьбой Англии, он вверг Русский народ в войну, навлек на его голову неисчислимые бедствия, и эти бедствия войны являются венцом всех тех несчастий, которые народы нашей страны терпели под властью большевиков 25 лет.

Так не будет ли преступлением и дальше проливать кровь? Не является ли большевизм, и, в частности, Сталин, главным врагом русского народа?

Не есть ли первая и святая обязанность каждого честного русского человека стать на борьбу против Сталина и его клики?

Я там, в болотах, окончательно пришел к выводу, что мой долг заключается в том, чтобы призвать Русский народ к борьбе за свержение власти большевиков, к борьбе за мир для Русского народа, за прекращение кровопролитной, не нужной Русскому народу войны за чужие интересы, к борьбе за создание новой России, в которой мог бы быть счастливым каждый Русский человек.

Я пришел к твердому убеждению, что задачи, стоящие перед Русским народом, могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с Германским народом. Интересы Русского народа всегда сочетались с интересами Германского народа, с интересами всех народов Европы.

Высшие достижения Русского народа неразрывно связаны с теми периодами его истории, когда он связывал свою судьбу с судьбой Европы, когда он строил свою культуру, свое хозяйство, свой быт в тесном единении с народами Европы. Большевизм отгородил Русский народ непроницаемой стеной от Европы. Он стремился изолировать нашу Родину от передовых европейских стран. Во имя утопических и чуждых Русскому народу идей он готовился к войне, противопоставляя себя народам Европы.

В союзе с Германским народом Русский народ должен уничтожить эту стену ненависти и недоверия. В союзе и сотрудничестве с Германией он должен построить новую счастливую Родину в рамках семьи равноправных и свободных народов Европы.

С этими мыслями, с этим решением в последнем бою вместе с горстью верных мне друзей я был взят в плен.

Свыше полугода я пробыл в плену. В условиях лагеря военнопленных, за его решеткой я не только не изменил своего решения, но укрепился в своих убеждениях.

На честных началах, на началах искреннего убеждения, с полным сознанием ответственности перед Родиной, народом и историей за совершаемые действия я призываю народ на борьбу, ставя перед собой задачу построения Новой России.

Как я себе представляю Новую Россию? Об этом я скажу в свое время.

История не поворачивает вспять. Не к возврату к прошлому зову я народ. Нет! Я зову его к светлому будущему, к борьбе за завершение Национальной Революции, к борьбе за создание Новой России — Родины нашего великого народа. Я зову его на путь братства и единения с народами Европы, и в первую очередь на путь сотрудничества и вечной дружбы с Великим Германским народом.

Мой призыв встретил глубокое сочувствие не только в широчайших слоях военнопленных, но и в широких массах Русского народа в областях, где еще господствует большевизм. Этот сочувственный отклик русских людей, выразивших готовность грудью встать под знамена Русской освободительной армии, дает мне право сказать, что я нахожусь на правильном пути, что дело, за которое я борюсь, — правое дело, дело Русского народа. В этой борьбе за наше будущее я открыто и честно становлюсь на путь союза с Германией. Этот союз, одинаково выгодный для обоих великих народов, приведет нас к победе над темными силами большевизма, избавит нас от кабалы англо-американского капитала.

В последние месяцы Сталин, видя, что Русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, внешне изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался заключить союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде церкви, он пытается

восстановить традиции старой армии. Чтобы заставить Русский народ проливать кровь за чужие интересы, Сталин вспоминает великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за Отечество, за Россию.

Этот жалкий и гнусный обман нужен ему лишь для того, чтобы удержаться у власти. Только слепцы могут поверить, будто Сталин отказался от принципов большевизма.

Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступил и не отступит от своей программы. Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с еще большей силой закабалить Русский народ и заставить его и дальше служить чуждым ему интересам.

Ни Сталин, ни большевики не борются за Россию.

Только в рядах антибольшевистского движения создается действительно наша Родина. Дело русских, их долг — борьба против Сталина, за мир, за Новую Россию. Россия — наша! Прошое Русского народа — наше! Будущее Русского народа — наше!

Многочисленный Русский народ всегда на протяжении своей истории находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Таки сейчас не погибнет Русский народ, так и сейчас он найдет в себе силы, чтобы в годину тяжелых бедствий объединиться и свергнуть ненавистное иго, объединиться и построить новое государство, в котором он найдет свое счастье.

Генерал-лейтенант А.А. ВЛАСОВ «Заря», 3 марта 1943 г.

Манифест комитета освобождения народов России

Соотечественники! Братья и сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая Мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее — еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Русскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на социальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народа свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилием, террором и подкупам сделать ее оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — ее бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет освобождения народов России.

Своей целью Комитет освобождения народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года.

б) Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией.

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, создающий их материальное благосостояние; установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7) Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8) Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11) Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати.

Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12) Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тех, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13) Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет освобождения народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное движение народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего, чем в революции 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил — Русской освободительной армии, Украинского вызвольного войска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет освобождения народов России главное условие победы над большевизмом видит в объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков. Поэтому Комитет освобождения народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет освобождения народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть наши усилия. Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе. Не выпускайте полученного оружия из рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет освобождения народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу! Прага.

14 ноября 1944 года.

Письма А.А. Власова своим женам

[94]

1. Власовой Анне Михайловне

(Почт. отд. Сорочинская, Чкаловской области, до востребования)

Добрый день, милая и дорогая Аня!

Прежде всего прости за то, что так долго ничего не писал. Вина не моя — был в длительной командировке. Вернулся 1 ноября и сразу же послал тебе письмо через Ивана Ивановича Волкотрубенко, которого я видел лично, также видел Панюхова. Получил твои письма. Но я у них был очень мало, немного болел, но быстро поправился и поехал в Москву. Здесь видел Яковлева. Ну, конечно, и Колю с Таней. У них все почти по-старому. Москва живет нормальной жизнью. Коля стал милиционером. Я теперь буду бить фашистов, вернее уже бьем их и гоним далеко от Москвы. Морозов фашисты очень боятся, а мы выкуриваем их из хат и бьем. Дорогая и милая Аня, очень прости еще раз за то, что так долго ничего не писал. Я знаю, что ты сильно

волновалась, но пойми, что я не виноват. Сейчас восстановили связь, и буду писать очень часто. О себе напишу, что я сейчас здоров. Ухо у меня поправилось. Стал немного слышать. Врачи обещают слух восстановить полностью (левое ухо). В остальном здоров. Зубы не болят. Пиши, как твое здоровье и как живешь. Получаешь ли деньги и сколько. Пиши, что тебе необходимо. Пришлю посылкой. У меня все есть, о мне не беспокойся. Одет я очень тепло. Шуба, кожанка, валенки — все есть, не беспокойся. Кормят очень хорошо. Вообще наша жизнь теперь стала веселее — главное, бьем фашистов и гоним их без оглядки. Прошли уже те времена, когда они считали себя непобедимыми. Сейчас так удирают, что не успеваем иногда их догнать.

Посмотрела бы ты, как они одеты в женские платья, панталоны, чулки, шубки и в другое разное барахло. Бьем мародеров.

Дорогая Аня! Пиши, что ты знаешь о Наде и ломакинских, о Михаиле Николаевиче, твоём папе, жив ли он и как его здоровье. Если нужно что ему, я могу ему выслать скорее, чем ты, потому что мне ближе. Я здесь через Николая Павловича узнавал: они ничего не знают. Если бы он был в Ломакине, я послал бы ему денег. Может быть, послать Вере, если они никуда не выехали. Ты свои деньги никому не посылай. Тебе, вероятно, их и самой не хватает. Одним словом, пиши все подробно. Думаю, что теперь связь у нас наладится лучше. Вещи свои думаю как-нибудь собрать из разных мест к Коле. О них не беспокойся. Все у нас есть и будет в свое время. Лишь была бы здорова и бодра. Прошу тебя, не волнуйся за меня. Я здоров и бодр. Да и сама не волнуйся — береги себя. Еще раз прошу, что нужно, пиши, постараюсь выслать всеми средствами. Пропиши подробно все, что тебе необходимо нужно. Ну а пока до следующего письма.

Целую крепко и много раз.

Твой всегда и всюду Андрюша.

Адрес: Действующая армия. Полевая почта 1517, штаб армии, Власову А.А.

P.S. Привет всем знакомым. Еще раз крепко целую. Не скучай.

11.12.41.

//_***_//

2. Власовой Анне Михайловне

Добрый день, дорогая Аня!

Прежде всего сообщаю тебе, что я здоров и бодр, чего и тебе от души желаю. Посылал тебе несколько писем, но ответа не получил, и вполне естественно, потому что ты не знала моего адреса.

Твои письма от Ивана Ивановича, Панюхова и Яковлева получил. Я их всех видел. На днях приехал в Москву. Видел Николая Павловича и

Таню. У них все по-старому. Коля стал милиционером. Известий из Ломакина нет. Я теперь буду их иногда видеть. А пока до свиданья. Крепко бьем фашистов, пощады не даем. Морозы их крепко допекают. Начинают бежать без оглядки. А пока целую крепко и много раз.

Твой Андрюша.

Привет знакомым, скорее ответ.

11.12.41.

// * * * //

3. Власовой Анне Михайловне

Добрый день, дорогая и милая Аня!

Получил от тебя письмо, которое ты писала 23 декабря прошлого года. Очень рад от души, что наконец у нас наладилась с тобой связь, а то я очень о тебе беспокоился. Получив письмо, я очень обрадовался, но когда прочитал в письме о смерти нашего дорогого папы Михаила Николаевича, то сердце невольно сжалось от горя. Мне, как и ему, так хотелось видеть друг друга. Ведь мы оба так любили и понимали друг друга. И вот безжалостная смерть вырвала у нас дорогого отца. Но что же делать, все это надо также переживать. Помнишь, как ты тяжело переживала смерть нашей дорогой мамы Екатерины Васильевны. Тяжесть горя и утраты только восполняется тем, что ты стала иметь со мной связь и что ты здорова. Это меня радует. Дорогая и милая Аня! Ты можешь вместе со мной порадоваться, и крепко. Дела у нас идут блестяще. Сволочей фашистов, нарушивших нашу мирную жизнь и разрушивших наш семейный очаг, мы сейчас бьем на каждом шагу. Ты об этом уже знала из газет и скоро узнаешь еще. Дорогая и милая Аня! Поздравь меня со вторым орденом Красное Знамя. Вообще дело идет очень хорошо. О мне не беспокойся, я полностью поправился. Здоров и бодр, как и телеграфировал тебе. Больше меня беспокоит твое здоровье. Береги себя. Коротко о наших вещах.

Часть вещей наших вывезена и находится в надежном месте. Об них не беспокойся. Я сейчас одет очень тепло и сшил себе полностью все что у меня было и во Львове. Вообще о мне не беспокойся. Нужно тебе сказать, что о нас заботится вся страна. Представь себе, я получаю со всех концов необъятного нашего дорогого Отечества посылки на свое имя. Люди, зная меня только по газетам, шлют нам продукты, теплые вещи и вообще крепко заботятся о нас. Вот, например, вчера мне из Пензы рабочие прислали лично: часы ручные и на них надпись мне, теплые вещи и даже яблоки и вино. При такой заботе трудно жить плохо. Поэтому ничего мне не шли, все у меня есть. Я скоро немного освобожусь и вышлю тебе посылку, в которой пришлю тебе все то, что ты просишь. Напиши, что тебе надо из вещей. Постараюсь прислать с попутным человеком. В следующем письме

напиши, как живут в Ломакине. Дорогая и милая Аня. Деньги у меня есть, да их мне, собственно, и не нужно. Поэтому, если тебе нужно, я тебе их вышлю. Тогда ты можешь послать их Наде. Она, верно, живет плоховато. Написал я ей письмо. Дорогая Аня, ты пишешь, что когда и скоро ли кончится война. Пойми, что мы войну закончим полной победой и полным разгромом врага, и в этом нет никакого сомнения, и это будет не так долго. Тогда заживем новой, лучшей жизнью. Это не слова — это реально — факт. А пока до скорого свиданья. Желаю всякого благополучия и доброго здоровья. Целую крепко-крепко и много, много раз.

Твой всегда и всюду любящий Андрюша.

15.01.42.

// * * * //

4. Агнессе Павловне Подмазенко

(гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27)

Милая и дорогая Аличка!

Получил твое письмо и прочитал все твои наставления Кузину. Искренне благодарю за твою заботу о мне. Докладываю тебе, что твои приказания в точности уже выполняем. Живем мы теперь колхозом, в который входят: я, Кузин, Бородаченко, Хохлов, Воробьев и Маруся. Шура в тот же день твоего отъезда переселилась к Куликову — ей там веселее. Дорогая Аля! Ты как все равно унесла с собой от нас все наше веселье. Вдруг после такого шума сделалось так тихо. Какая-то пустота. Мы почти ежеминутно вспоминаем тебя, и все тебя жалеют. Врача у нас до сих пор нет. Все говорят, особенно Сандалов, который, кстати говоря, серьезно заболел — у него болят почки, что с твоим отъездом кто нас будет лечить. И представь, как только ты уехала, выходя из той хаты, в которой мы с тобой жили, поскользнулся и поранил легко себе руку, а лечить некому. Сумка есть санитарная, а тебя нет. Лучше бы было наоборот. Птица и та без тебя улетела. Вот сама видишь, что ты наделала. Ну не беспокойся, рука уже поджила, так себе, царапина ерундовая. Отрадно только сообщить тебе, что фашистов бьем по-прежнему и гоним на Запад. Мы уже далеко от нашего старого места. Дорогая Аля! Прошу тебя, не волнуйся и будь здорова — это тебе крайне необходимо. Не забывай, что это надо прежде всего для нашей дорогой крошки. Я здесь буду бить фашистскую сволочь и гнать ее на запад. Ты там посильно нам помогай. Скорее лечи наших дорогих бойцов. Дорогая Аля! Чаше пиши мне письма. Они будут заполнять ту пустоту, которая образовалась с твоим отъездом, и воодушевлять нас на новую борьбу. Очень рад за тебя, что тебе так удачно удалось доехать до места первого. Теперь жду с нетерпением письма — как ты добралась до конечной остановки.

Пиши скорее и чаще. Ты видишь, какие я тебе пишу длинные письма. Много бы хотелось тебе сказать, да тебя уже нет. Но, безусловно, надеюсь на скорое свидание после победоносного окончания войны, а может быть, и раньше — приедешь к нам опять добивать гадов-фашистов. Одно тебе напишу, что и говорил при отъезде: смотри, как тебе лучше. Мое отношение к тебе знаешь. Я свою жизнь посвятил тебе, моей спасительнице от смерти, а ты делай, как тебе лучше. Тов. Кузин рассказывал мне все подробно, как ты уезжала. Мне было приятно, и я несколько раз заставлял его повторять одно и то же милое — хорошее о тебе. Теперь жду письма от тебя. Не ожидая письма с места, пишу тебе уже письмо. Передай самый большой и искренний привет от меня маме и папе, Юрику. Юрику скажи, что я ему привезу самую настоящую фашистскую шашку. Привез бы и пушку, которые отбиваем у фашистов, но они очень тяжелы — не донесешь. Привет сестре и всем родным и знакомым. Дорогая Аля, написал бы еще, да вся ручка кончилась. Вот Кузин опять исправил. Продолжим дальше в другом письме, а пока целую, крепко и много раз любящий тебя — твой Андрюша.

P.S. Смотри, не изучай немецкий язык, как раньше, с капитаном, а то приеду, будет тебе нагоняй на орехи. Ну, всего.

Целую, твой Андрюша.

02.02.42 — уже далеко от Москвы на Запад.

//_***_//

5. Анне Михайлович Власовой

Добрый день, дорогая и милая Аня!

Прежде всего спешу сообщить тебе, что наши дела на фронте идут успешно: бьем фашистов без отдыха. Во-вторых, очень благодарю тебя за твои письма. Последнее письмо получил от тебя то, которое ты писала 9 января, а на предыдущее письмо я уже послал тебе ответ. Думаю, что ты его уже получила. Дорогая и милая Аня, еще раз вместе с тобой горюю по случаю смерти дорогого нашего отца Михаила Николаевича — моего любимого и лучшего друга. Дорогая и милая Аня! Кроме как от тебя, больше ни от кого писем я не получаю, поэтому никому и не пишу; да, признаться, и некогда, поэтому если что знаешь о ломакинских, черкни. Я сам здоров и бодр. В газетах ты, наверное, уже прочитала — поздравь меня с присвоением очередного звания. Правительство и партия нас награждает за наши даже незначительные дела и ценит нас — это очень дорого. Итак, обо мне не волнуйся и не беспокойся. Я сыт, чист и здоров. О нас заботится вся страна. Одет очень тепло. Зубы не болят, и ухо совсем прошло — слышу нормально, о чем тебе с радостью и сообщаю. Дорогая и милая Аня, я прошу тебя, напиши подробнее, как живешь ты. За последнее время, не скрою от

тебя, я начал сильно по тебе скучать — ведь не виделись восьмой месяц, — но долг прежде всего. Не унывай. Скоро-скоро уничтожим всю фашистскую нечисть и тогда заживем еще лучше. Лучше гораздо, как после моей последней длительной командировки. Дорогая и милая Аня! Ты мне неоднократно писала о вещах. Еще раз тебе сообщаю, что некоторое количество наших вещей удалось спасти и они находятся в надежном месте. После войны все соберем. Меня больше интересует: как ты живешь. Прошу написать подробнее. Одновременно с этим письмом посылаю тебе маленькую посылку. Пиши, что тебе особенно необходимо нужно, — вышлю. В Москву мне выезжать некогда. Был у Коли всего один раз, и то несколько минут. Нет времени. Дорогая Аня, у нас с тобой теперь хорошо хотя, установилась письменная связь. Пиши почаще. Прошу тебя. Твои письма согревают и вдохновляют меня на новую борьбу с врагом.

Дорогая Аня! Ты, наверное, думаешь, что мне пишут из Ленинграда. Искренно уверяю тебя, как мы расстались с тобой, никто мне ничего не писал, да и я никому не писал, поэтому судьбу их не знаю. Я тебя прошу, будь мне верна. Я тебе до сих пор верен. В разлуке с тобой люблю тебя крепче прежнего. Все плохое позабыл. Вернее, плохое с моей стороны. Ты для меня всегда была святая, и сейчас надеюсь и уверен, что в эти дни, когда мы переживаем опасность ежеминутно, ты всегда и всюду будешь только моя и больше ничья. Так ли? Если еще сердишься на меня за что — прости. Я считаю, что своей честной работой, борьбой я это уже заслужил — раньше не просил. Напиши мне скорее искренно — по-прежнему ли любишь меня крепко и глубоко. Я только этого одного и хочу от тебя теперь услышать. Больше мне ничего не нужно. Итак, ответы жду немедленно. До скорого свидания. Целую тебя крепко и много, много раз свою милую дорогую Аню.

Твой всегда и всюду любящий тебя Андрюша.

02.02.42.

Уже далеко от Москвы — гоним фашистов еще дальше.

//_***_//

6. Анне Михайловне Власовой

Добрый день, милая и дорогая Аня!

Спешу сообщить тебе, что я здоров и бодр. Фашистов бьем по-прежнему и гоним на запад. Получил от тебя письмо, за которое от души благодарю. Ответ послал. До скорого свидания после победного окончания войны. Целую крепко и много раз.

Твой Андрюша.

P.S. Привет всем знакомым.

02.02.42 — уже далеко от Москвы.

//_***_//

7. Анне Михайловне Власовой

Дорогая Аня!

Только сейчас получил от тебя открытку, которую ты писала 15.01.42. Спасибо за поздравление. Я здоров и бодр. Фашистов бьем по-прежнему и гоним их на запад. Наде написал письмо, как получу ответ, вышлю денег. Не волнуйся. Сейчас письма пойдут чаще. Ухо совсем поправилось. Целую крепко и много раз. Жду ответа. Привет всем знакомым.

Твой Андрюша.

03.02.42.

Уже далеко от Москвы на Запад гоним фашистов.

//_***_//

8. Анне Михайловне Власовой

Дорогая и милая Аня!

Сегодня получил от тебя письмо, которое ты писала 28 января. Это первое письмо, которое так быстро дошло до меня. Видимо, все же наша почта свою работу заметно улучшила, и это сейчас отмечают все бойцы и командиры на фронте. Из твоего письма узнал о смерти дяди Васи. Жаль, что так мало пожил. Ведь не старый человек-то. Ты пишешь относительно мужа Веры, что он там натворил — так ян не понял. Очень обрадовался о том, что ты все же имеешь письма от родных и знакомых — смеялся над Нилычем. Я уже тебе писал, что я писем, кроме как от тебя, больше ни от кого не получаю, поэтому все новости идут только через тебя. Вследствие этого очень рад, что стали хорошо ходить письма. Дорогая Аня! Я собрал маленькую тебе посылку, в которой вложил немного мыла, сладкого и конвертов с бумагой и марками. Как получишь, пиши скорее ответ. Да совсем позабыл: ты в письме пишешь о Еремине, Бабаеве и чете Найден. Их всех давным-давно со мной нет. Последний раз я их видел 20 сентября — где они находятся, мне неизвестно. Вообще я ведь перешел в другое место, поэтому кто раньше со мной служил, сейчас при мне никого нет. Вещи переправляли совсем другие люди — ты их не знаешь.

Дорогой и милый Аник! К весне все то, что тебе нужно, я достану — лишь бы хорошо работала почта. Если бы ты была немного поближе, тогда, конечно, было бы лучше. Но все же все тебе необходимое достану и вышлю.

Дорогой Аник! Я тебе в том письме писал, что я здесь без тебя крепко скучаю, поэтому бьем фашистов без жалости, чтобы скорее закончить войну победоносно и снова увидеть тебя — мою дорогую и

единственную — любящую меня Аню. Восьмой месяц я уже не вижу тебя. Прошу тебя, если у тебя сохранилась какая твоя карточка, пришли мне ее. А может быть, снимешься снова и вышлешь мне. Очень мне хотелось бы иметь хоть твою фотографию. Я очень беспокоюсь за твое здоровье. О мне не волнуйся. Я серьезно тебе пишу, что совсем поправился, даже стал опять полнеть. Жизнь у нас все больше на морозе — здоровая. Одеты все тепло. Вот немцам — тем от морозов здорово достается.

Дорогой Аник, я все думаю, что у тебя мало денег, ты всем раздаешь, и у тебя самой ничего нет. Ты вечно только болеешь душой за всех нас, а сама себя не бережешь. Если уже ты так делаешь, то хоть поберегла себя для меня — очень прошу. Я тебе вышлю на днях новый аттестат на 2500 рублей. Пиши, как его получишь, а то мне денег и этих хватает с излишком. У нас, кроме еды, их тратить некуда. Привет всем знакомым. Очень рад, что они хорошо к тебе относятся. Наде писал письмо и открытку, а ответа еще не получил. Получу — напишу. А пока до следующего письма. Целую крепко и много раз свою дорогую Аню.

Твой Андрюша.

6 февраля 1942 — далеко от Москвы на Запад.

//_***_//

9. Агнессе Павловне Подмазенко

Добрый день, дорогая и милая Аля!

Все твои письма я получил. Сегодня, кроме того, был у меня твой сопровождающий и долго говорил о тебе. Как мне приятно, даже не поверишь, все слышать о тебе. Пойми, моя дорогая, что все письма так меня согревают и вдохновляют на дальнейшую борьбу с фашистскими гадами. Спасибо также маме за ее записку. Дорогая Аля! Как ты, так и я ежедневно, вернее, ежечасно не только думаю о тебе, но и все время не могу никак еще представить, что тебя нет с нами. Я уже писал — куда девалась наша веселость — все как будто все ты увезла с тобой, а у нас сделалось так скучно; но только одно — надо бить фашистскую гадину — это вдохновляет всех нас. Пиши чаще — это одно наше утешение. Дорогая Аля! Теперь разреши поздравить тебя с высокой правительственной наградой — медалью «За отвагу». Ты теперь обогнала тов. Кузина: он имеет медаль «За боевые заслуги», а ты уже сразу получила вторую:

«За отвагу». Искренне рад, да не только я. Меня поздравляли все наши сотрудники. Кроме тебя из наших еще несколько также наградили разными медалями. Кроме того, скоро ожидает тебе и очередное звание. Как получу, немедленно сообщу. Дорогая Аля! Только не дождалась ты — я бы тебе торжественно эту награду вручил.

Сейчас принимаем меры, как переслать тебе медаль. Еще раз поздравляю — ты ее заслужила.

Дорогая и милая Аличка! Я на днях был у Маруси Чижмы. Меня вызывал к себе самый большой и главный хозяин. Представь себе, он беседовал со мной целых полтора часа. Сама представляешь, какое мне выпало счастье. Ты не поверишь, такой большой человек и интересуется нашими маленькими семейными делами. Спросил меня: где моя жена и вообще о здоровье. Это только может сделать ОН, который ведет нас всех от победы к победе. С ним мы разобьем фашистскую гадину. Дорогая и милая Аля, я видел у Чижмы два твоих чемодана. Приму меры к отправке их тебе с первой возможностью. У Маруси был недолго.

Очень у ней холодно. Был вместе с Кузиным и Воробьевым. Дорогая и милая Аля! Как тебя часто все вспоминают. Т. Сандалов говорит (он немного заболел), что я теперь медициной уже плохо занимаюсь. Сейчас на твоём месте молоденький врач-женщина, но где они помещаются — я даже не знаю. Твое письмо, где ты пишешь, как я прихожу и говорю: «Ну, чем занимаетесь орлы», я читал т. Сандалову.

Он очень тебя уважает и говорит: «Я люблю ее за культурный развитый оборот речи». Вообще очень хорошее воспоминание ты оставила у всех нас, и я часто это слушаю, и мне это исключительно приятно. Прошу тебя, моя крошка, не скучай, не волнуйся, тебе это вредно. Я всегда мысленно с тобой, хотя я сам и на фронте, а не наоборот как говорил т. Кузин. Алинька! Скажи Юрику, что если он не будет слушаться своей мамы и бабушки, то я ему саблю не привезу, а если будет, то будет ему много подарков. Пусть напишет сам мне письмо — чтобы он хотел, чтобы я ему прислал. Аля! О папе я послал узнать, где он, да и ты напиши адрес подробнее, а то ничего я не понял. Тогда можно быстро все сделать. Ну а пока до скорого свиданья. Еще раз не скучай. Целую крепко и много раз. Помнишь, как в Чисменах. Копли шлет тебе привет. Привез ворох фотокарточек. Смотрю на тебя. Пока только смотрю.

Твой Андрюша.

P.S. Не забывай. Не скучай. Не изучай немецкого языка и передавай всем привет. Особый привет маме.

14.02.42.

Андрюша.

// * * * //

10. Анне Михайловне Власовой
Дорогая и милая Аня!

Только сейчас получил от тебя письмо, которое ты писала 02.02.42. Спасибо за заботу о мне. Дорогая Аня! Я также получил недавно письмо от Нади. Очень хорошо, что налаживается связь и с ней.

Дорогая Аня! Я послал тебе три посылочки, как получишь фронтовые посылки, пиши немедленно ответ. Только очень поздно пришло это письмо, и я в посылке не положил папирос.

Пришлю в следующей посылке. Дорогая Аня, что ты пишешь, все постараюсь сделать и к теплу прислать тебе с посыльным в Сорочинскую. Я на днях был у Тани проездом. Меня вызывали туда по делу.

Ты не поверишь, дорогая Аня! Какая радость у меня в жизни. Я беседовал там с самым большим нашим Хозяином. Такая честь выпала мне еще первый раз в моей жизни. Ты представить себе не можешь, как я волновался и как я вышел от него воодушевленным. Ты, видимо, даже не поверишь, что у такого великого человека хватает времени даже для наших личных дел. Так верь, он меня спросил, где у меня жена и как живет. Он думал, что ты в Москве. Я сказал, что далеко, поэтому в Москве и часу останавливаться не буду, а поеду обратно на фронт. Дело не ждет. Дорогая Аня, бьем фашистов по-прежнему и гоним их на запад. Таня мне сообщила, что брат Иван служит недалеко от меня. Думаю, что скоро увидимся. Вместе будем бить фашистов.

Дорогая Аня! Ты пишешь, что ухаживаешь в госпитале за ранеными бойцами. Это очень хорошо. Дорогая Аня, боец — это святой человек, его надо любить и беречь — он свою жизнь отдает за нашу дорогую родину; поэтому почетно каждой женщине нашей страны сохранять и восстанавливать силы бойцов. Дорогая и милая Аня! Я не позабыл и день твоего рождения, но так получилось, что и письмо и посылка к этому времени не пришли к тебе — это очень печально, но ты не сердись и прими хотя и позднее, но мое искреннее поздравление с днем твоего рождения. Желаю жить как можно дольше и быть счастливой, а главное, здоровой, цветущей и всегда в бодром настроении. И вообще желаю всего того, что ты желаешь мне.

Дорогая и милая Аня. Ты пишешь относительно денег. Мне денег хватает, да, по совести, они мне здесь и не нужны. Я тебе выслал аттестат, но он уже будет действителен с 1 марта, и ты будешь получать больше на 500 рублей. Кроме как от тебя и Нади, больше писем ни от кого не получал. Только еще было письмо от Шуры Бочкаревой. Не знаю, послала ты ей ответ или нет. Мне писать некогда, да я и адрес как раз потерял. Из Ломакина не получаю ничего, да ведь там и писать-то некому.

Дорогая и милая Аня! Прошу тебя еще раз, береги себя хотя для меня. Не волнуйся, не нервничай. Я исключительно в хороших условиях. Вчера даже ходил в баню, которую мы сами сделали, — и представь себе, хорошая баня. Вообще живем по-культурному. Не скучай. Разобьем фашистов, заживем вновь еще и еще лучше, как говорил

Нилыч. А пока до скорого свиданья. Целую крепко и много раз свою милую Аню!

Твой всегда и всюду Андрюша.

P.S. Почему ты не хочешь, чтобы я писал к тебе на квартиру? А? Пиши скорее ответ. Я ведь тоже скучаю и с нетерпением жду твоего письма. Итак, скорее пиши.

14.02.42.

//_***_//

11. Агнессе Павловне Подмазенко

Добрый день, дорогая и милая Аля!

Получил письмо от тебя и видел твоего сопровождающего и также получил от него письмо. Дорогая Аля, искренне благодарю за теплое письмо. Спасибо за записку и маме. Ваши письма меня согревают и воодушевляют на новые дела. Я здоров и бодр. Бьем фашистов по-прежнему и гоним их на запад. На днях был несколько часов у Маруси Чижмы. Видел, что ты не взяла с собой два чемодана. Постараюсь их тебе переслать. Писем пока от тебя нет и нет. Одновременно с этой открыткой пишу тебе письмо. А пока до скорого свидания. Целую крепко и много раз милую и дорогую Алю.

Твой Андрюша.

Всем привет: маме, папе, поцелуй Юрика — пусть не балуется и слушается свою маму, а то не привезу пушку.

14.02.42.

//_***_//

12. Агнессе Павловне Подмазенко

Добрый день, дорогая и милая Аличка!

Прежде всего благодарю тебя за письма твои. Они меня воодушевляют на борьбу с фашистскими гадами. Получил от тебя сразу два письма, чему был несказанно рад. Ты представить себе не можешь, как приятно получать и читать твои письма. Дорогой Алусик, из твоего подстаканника никто еще не пил и пить не будет. Мне очень радостно и приятно, что ты так стремишься ко мне (может быть, это только в письмах). Я тебе неоднократно говорил на этот счет мое мнение. Мое отношение к тебе — ты знаешь. Я тебя встретил — полюбил — пережил с тобой очень немного хорошего, потом тяжелое время и опять немного хорошего, мне кажется, отличного времени. Вспомни хотя бы наше житье в деревушке, где нас фотографировал Копли. Не правда ли? Я сейчас только и живу воспоминанием о тебе, моя дорогая Аличка.

Мы живем в маленькой деревушке старым колхозом: я, Маруся, Кузин, Хохлов, Воробьев. Маруся нас не обижает и кормит хорошо. Вот и сейчас стоит тут рядом и просит, чтобы я тебе от нее написал привет, что я и исполняю. Твои приказания все исполняются в точности. За этим следит Кузин. Но дорогой Алик! все это не то. Я уже неоднократно тебе писал, что ты увезла с собой от нас много веселья. И если ты сама того хочешь, чтобы, как только тебе будет можно, приехать ко мне, то тебе, наверное, давно известно, что это твое желание — мое желание. Души наши не расходятся в этом вопросе — ибо они стали крепко родственны.

Дорогой Алик! Многое бы я тебе написал, но, помнишь, я тебе однажды говорил, что вот ты сейчас со мной и мы говорим так обыденно, а настанет время, и поговорил бы с тобой, а тебя и не будет. И вот сейчас это время у меня настало. Многое хочется сказать, а вернее, почувствовать тебя вблизи себя, а тебя нет. Но я прошу тебя — не скучай, не волнуйся и, главное, береги свое здоровье. Ведь ты сама знаешь, что за последнее время ты стала немного нервная. Смотри укрепляй свои нервы — еще раз будь покойна. А мы здесь будем бить фашистскую сволочь и мечтать о нашем хорошем будущем. Мне кажется, оно уже и не так далеко. Разобьем фашистов — заживем еще лучше, чем в деревушке.

Немного о деле.

Дорогой Алюсик! Я ничего не понял относительно папы. Прошу, пропиши подробно — где он и что делает, и что нужно сделать — конечно, адрес. Большой привет маме. Как я все же рад, что она с тобой. Ведь все же ты еще ребенок. Мама во многом тебе поможет, и я заранее ей благодарен. Да она тебя, как и раньше, девочку, не пустит зря куда следует: например, на уроки по изучению немецкого языка. Дорогая Аля! Кроме тебя, никому писем не пишу, поэтому написал бы в Алма-Ату, но, думаю, будет ли это удобно. Если хочешь — напишу — ответь. И наконец, поздравляю тебя с наступающим нашим праздником Красной армии. Спасибо за твое поздравление. Оно не опоздало. Желаю тебе, Юрику, маме и будущим всяких успехов в труде. Целую крепко, крепко и много, много раз свою милую Алюсю.

Твой Андрюша.

P.S. Привет всем знакомым, кто меня знает. Алик! Будет потеплее, приедет к тебе или Кузин, или кто другой. Пиши скорее ответ. Еще раз целую крепко.

Твой Андрюша.

21.02.42.

Эх, скорее бы лето. Ведь летом ты будешь со мной, не так ли?

13. Анне Михайловне Власовой

Добрый день, дорогая и милая моя Аня!

Сегодня получил от тебя письмо, которое ты писала 16.02. Рекордный срок. Письмо шло всего 12 суток. Ты не поверишь, как я несказанно рад тому, что у нас установилась хорошая связь. Сегодня вообще день для меня — день получения писем. Вместе с твоим письмом я получил второе письмо от Нади из Вологды. Дорогая и милая Аня, я ведь знаю, что ты всегда и всю жизнь меньше всего, вернее, совсем не беспокоишься о себе, а беспокоишься о всех нас и ввиду этого сильно волнуешься и переживаешь. А тебе и раньше и сейчас говорю, что лично мне очень хорошо. Дела идут у меня хорошо. Гоним и бьем фашистов, как и раньше. Все у нас есть, и ничего нам не нужно. Всем мы обеспечены. Думаю, что дед в деревне живет также неплохо. О нем беспокоиться также нечего. О ребятах также не беспокойся. Они ведь все не маленькие и все найдут себе место в нашей Великой Отечественной войне против немецких захватчиков.

Хуже дело обстоит с Надей. Ее связывает больной ребенок. Что ты мне писала, я все сделал. Я послал ей посылку. Выслал то, что ты просила. Она и сама мне об этом писала. О Михаиле я никаких известий не имею. Узнаем позднее, после войны. Вот и все. Поэтому еще раз прошу тебя, не расстраивайся и хоть немного побереги свое и так расшатанное здоровье хотя для меня, если ты действительно, как ты пишешь в письме, глубоко любишь меня. Вот такая у меня к тебе просьба. Прошу ее выполнить и меня успокоить.

Дорогой и милый Аник! Я тебе выслал в разное время три посылочки, но до сих пор ты о них ничего не пишешь. Видимо, до сих пор ты ни одной из них не получила. Надеюсь, что скоро получишь, ведь сейчас почта стала работать гораздо лучше. Как получишь хотя бы одну посылку, немедленно отвечай. Я послал тебе то, что ты просила. Дорогая Аня, пиши, что тебе к весне нужно из вещей. Я тебе их пришлю с попутным человеком, поэтому пропиши подробно, что тебе надо будет захватить.

Дорогая и милая Аня! Я тебе писал относительно денег. Мне их вполне хватает. Если тебе нужно еще, я тебе могу выслать. Они у меня есть. В одном письме я писал тебе, что прибавляю сумму, указанную в аттестате. Оказывается, в аттестате больше прибавить не полагается. Поэтому не будем нарушать закон, а если тебе деньги нужны, то я их всегда тебе могу выслать. И ты не стесняйся, т. к. мне их здесь и тратить-то некуда. Все у нас есть: сыты, обуты, одеты, да еще по сто грамм водки, так что нам уютно, тепло и весело. Ты не представляй нашу жизнь печальной. Наоборот, мы бодры и сильны духом и техникой и с радостью выполняем свой долг за Родину, уничтожаем фашистскую шваль, помешавшую устроить нам радостную и счастливую жизнь. Недолго осталось им топтать нашу священную землю. Много их полегло на этой земле, такая же участь будет и остальным.

Дорогой и милый Аник! Твои письма еще больше вдохновляют нас на эту святую борьбу. Будем бороться до конца и победим. Письма шли почаще. Как хорошо получать и читать твои письма, моя дорогая и любимая Аня. Не волнуйся и не скучай. Я люблю тебя больше, чем раньше, и крепче прежнего. Обнимаю и, крепко прижав к своей груди, целую крепко, крепко и много, много раз свою любимую и дорогую Аню. Твой всегда и всюду Андрюша.
28.02.42.

//_***_//

14. Агнессе Павловне Подмазенко

Добрый день, дорогая и милая Аличка!

Очень рад и счастлив получить от тебя письмо, которое ты писала 15.02. Главным образом рад еще и потому, что это письмо шло всего 13 суток, срок сравнительно небольшой. За теплое, душевное письмо искренно благодарю и крепко целую, что не забываешь нас. Мы же здесь вспоминаем о тебе ежеминутно. Когда была получена газета, в которой было объявлено, что в/врач 3-го ранга Подмазенко Агнесса Павловна награждена правительственной наградой — медалью «За отвагу», то представь себе, я здесь за тебя столько получил поздравлений, что в одном письме и изложить невозможно, а отвечать на все только надо через газету.

Дорогой Альченоч! Представь себе, я получил открытку от Е.Ф. Гальчун (Жека). Она пишет мне: «дорогой Андрей» ит. д., поздравляет меня с орденом, пишет, что видела меня только в газете и знает по твоим письмам. Одним словом, письмо (открытка) хорошее. Кроме того, она просит меня сообщить, где ты, и твой адрес. Неужели до сих пор вы не имеете переписки? А она мой адрес сочинила сама, и открытка дошла. Я сегодня ей решил черкнуть также открытку с твоим адресом. Так ли я поступил?

Дорогой Алик! Я несказанно рад за то, что твои письма так хороши. Я искренно польщен тем, что ты стремишься ко мне. О себе я не пишу; мое состояние и мои чувства к тебе ты знаешь лучше меня. Люблю тебя крепко, и кажется нет силы оторвать (вырвать) тебя из моего сердца. Мне очень приятно, когда Сандалов, Куликов и другие так часто при мне говорят о тебе много хорошего. Все в один голос заявляют, что ты работала гораздо лучше, чем теперь у нас замещающий тебя. Т. Сандалов исключительно часто говорит о твоём «язычке», всегда щебечущем; даже Копли, который был на днях у меня, вспомнил, как ты ему сказала о госте — дыхании, не выходящем от хозяина. Все искренно смеялись. Конечно, Сандалову я всегда передаю твой привет.

Мы здесь бодры и продолжаем бить фашистов по-старому. И ждем — не дождемся, когда будет лето и вместе с тобой будем добивать эту мразь, мешавшую нам строить счастливую и радостную жизнь.

Алинька! Ты пишешь, что помогаешь маме пилить дрова. Это хорошо. Всякий труд почетен. Труд дело доблести, геройства. Я уже неоднократно говорил, что ты сильно изменилась, конечно, в лучшую сторону. И даже у меня есть некоторая надежда на то, что то, о чем ты пишешь в письме относительно твоих чувств ко мне, — возможно, это действительно так. Мне особенно приятно, что мама солидарна со мной в том, что воронежская твоя фотокарточка куда лучше и солиднее, чем та, на которой ты снималась в военном. А ведь мое мнение с мамой не разошлось, и я очень этим доволен. Шлю свой искренний привет и наилучшие пожелания маме — она у тебя святой человек, крепко тебя любит, и мы должны ей отплатить за это во много раз большим чувством и отношением. Люби ее и уважай. Я буду очень огорчен, если она на тебя обидится. Думаю, что теперь этого ты не допустишь. Юрика поцелуй, покажи ему мою фото, пусть знает меня. Скажи, что за Родину не пожалею себя. Воспитывай в любви к нашей Родине. Пусть не шалит. Приеду — привезу настоящую шашку в подарок. А пока до письма. Скорее бы лето. Хочется увидеть тебя, крепко обнять, прижать к груди, долго, долго целовать.

Твой Андрюша.

28.02.42.

//_***_//

15. Анне Михайловне Власовой

Добрый день, дорогая и милая Аня!

Спешу сообщить тебе, что сегодня я получил от тебя письмо, которое ты писала 17.02. Теперь по двум письмам совершенно можно определенно сказать, что письмо от тебя до меня и обратно в среднем идет около двух недель (13-14 дней) — это уже неплохо. А главное, я очень рад, что наша переписка наладилась, уже можно считать, регулярно. Теперь только буду ждать от тебя извещения о получении тобой моих посылок, которые я тебе выслал (три) в период времени 8-12 февраля. Посмотрим, когда они к тебе придут. Как получишь, немедленно пиши ответ.

Дорогая и милая Аничка, я твою просьбу в отношении Нади тоже исполнил в точности. Наде я выслал две посылки, примерно такие же, как тебе. Жду ответа также от нее. Всего я от нее получил два письма, на которые тоже аккуратно ответил.

Дорогой Аник! Ты не поймешь, как приятно, что у нас наладилась связь, и как хорошо получать твои письма, моя дорогая Аня, и читать их. Письма твои вдохновляют нас на новые дела, будем бить фашистов

до окончательной победы и тогда заживем опять радостной и счастливой жизнью, и сказка, как пишешь ты, опять будет действительностью. Я уже тебе, милая и дорогая Аня, писал, что ты всю жизнь заботишься о людях и о нас, а о себе совсем никакой заботы не проявляешь. Я еще раз прошу тебя, не волнуйся за нас. Мы живем хорошо. Больше беспокойся о себе. Ты у меня, дорогая Аничка, очень скромная, и за это я тебя люблю всей душой. Душа у тебя, да и вся ты моя — чистая и святая, любящая моя дорогая подруга. Переживала ты и тогда, когда я был в длительной командировке, — переживаешь разлуку и сейчас, но поверь, что скоро разобьем этих мерзавцев, помешавших нам жить мирно, и заживем еще лучшей жизнью.

Дорогой и милый Аник! Я прошу тебя, напиши, что тебе нужно к весне, и я тебе все вышлю с попутчиком. Я, наверное, на днях получу для тебя туфли, и еще кое-что я тебе заказал, что поближе от меня. Как получу, пришлю. Сейчас для меня хочется только получить от тебя извещение, получила ли ты мои посылки.

Дорогой и милый Аник! Никаких писем ни от кого я не получаю, как об этом я тебе уже писал, поэтому прошу тебя, что получишь от кого новости какие, пиши мне немедленно.

Дорогой и милый Аник! Ты очень мало пишешь о себе. Как ты живешь? В твоих письмах все время я читаю о других, а о себе очень мало. Мне разве не интересно знать, как ты живешь. В одном письме я уже тебя спрашивал, почему ты мне не разрешаешь писать тебе письма прямо на квартиру, а до востребования на почту. Может быть, тебе так удобнее. Напиши мне подробно, как ты живешь и проводишь время. Мне было очень радостно, когда я читаю о том, что вы готовите посылки для нас на фронт. Это дело очень почетное. Поверь, что боец, получив посылку, хотя бы и маленькую, чувствует проявленную заботу о себе со стороны тыла.

Дорогой и милый Аник! Пиши мне письма чаще, и я на каждое тебе письмо отвечаю немедленно, хотя иногда, правда, и нет времени. В одной посылке я тебе послал для писем бумагу, конверты и марки. Все испишешь, пришлю еще, а пока до скорого свиданья. Целую крепко-крепко и много, много раз свою дорогую и любимую Аничку.

Твой всегда и всюду Андрюша.

P.S. Привет всем, кто меня знает. Панюховым, в частности. Благодарю их за поздравление с присвоением мне звания генерал-лейтенанта. Еще раз целую и с нетерпением жду ответа. Особенно хочется скорее получить о том, что ты получила мои посылки.

Твой любящий Андрюша.

02.03.42.

16. Агнессе Павловне Подмазенко

Добрый день, моя дорогая и милая Аля!

Сегодня особенно радостный день — получил от тебя сразу два письма (от 12 и 20.02). Среди них одно «ругательное» за то, что редко пишу тебе.

Дорогой и милый Алюсик! Дело немного не так. И это не в свое оправдание, а, как говорится, для восстановления справедливости. Я тебе регулярно отвечаю на каждое твое письмо, а с сегодняшнего дня, после «нагоняя», буду писать, и не получивши от тебя письма. Значит, дело в почте.

А теперь постараюсь ответить тебе, дорогой Алик, на все, интересующие тебя, вопросы:

1) от Жеки получил открытку — написал ответ и сообщил твой адрес, потому что она писала, что не знает, где ты. Сегодня из твоего письма узнал, что у вас с ней переписка уже, видимо, наладилась, чему я очень рад. Я, конечно, напишу, но и тебя прошу ей ответить, что ты мне нужнее все-таки, чем ей. Я думаю, этого она оспаривать не будет. Тяжело ей справиться с тобой, а я уже как-нибудь справлюсь. Так ей и напиши. И пусть не надеется по-пустому... Даже учитывая еще и то, что она стала изящнее. Куда ей до тебя.

2) Дорогой Алик, теперь немного о себе. Мы живем колхозом: я, Кузин, Маруся-повар, Бородаченко, Хохлов и Воробьев. Должен тебе сказать, что Кузин в точности исполняет все твои приказания, а сегодня я ему прямо-таки зачитывал твои выдержки. Маруся-повар оказалась на высоте своего дела. Шуру терпеть не может. Куликов теперь кушает отдельно совместно с Шурой, а мы кушаем: я, Сандалов и Паша; и готовит нам Маруся. Сандалов кушает у нас в доме и никак не нахвалится Марусей. Мы каждый день, когда кушаем, вспоминаем тебя, ибо это ты рекомендовала нам Марусю — мы так и поступили и не обижаемся. Кузин, конечно, тоже кушает у нас. Дорогая Аля, как ты добра и вспоминаешь часто обо мне. Когда я перечитываю твои письма, мне иногда приходит невольно в голову, правда, не совсем хорошая мысль, что ты мне пишешь много о том, что тебе скучно без меня, и не думаешь ли там чем развлечься без меня. Хотя я тебе заранее пишу, что это нехорошая мысль. А мое отношение к тебе, мой дорогой и родной Алик, ты, наверное, уже изучила лучше, чем я. Мне иногда кажется, что у меня так много с тобой счастья, что начинаю даже бояться, как бы мне его сохранить.

Ты пишешь о решении моей души — хотя (нрзб.). Нет, этого нет и не будет до тех пор, пока я не почувствую плохого чего-нибудь с твоей стороны. До сих пор я тебе пока верю, но у тебя больше времени, чем у меня. Я лично, будучи бы на твоем месте с мамой и Юрой, и имея в проекте еще маленького Андрюшу от любимого человека (так ли? или нет?), и получая письма от него, не стал бы скучать, а все свое внимание обратил бы на это и не стал искать бы себе «иных»

развлечений. Все это у меня навеяно твоим вопросом: «Ждешь ли ты меня в мае?» Я тебя жду всегда, и если я для тебя воздух, то ты для меня кислород.

Дорогой и милый Алик! Не сердись на это письмо. Просто я тебя сильно и крепко полюбил и плохое — «что-либо» с твоей стороны по отношению меня для меня — будет большим переживанием.

Привет самый наилучший маме (святая женщина) и Юрику. Поцелуй его. Воспитывай, как я говорил. Целую тебя, моя родная, и жду ежесекундно, часто-часто вспоминаю нашу короткую жизнь — как сон. Скоро опять будем вместе, и сказка опять станет былью. Еще раз обнимаю и крепко, крепко целую.

Алик, крепко береги себя для себя, для «будущего» и для меня.

Твой Андрюша.

03.03.42.

// _ * * * _ //

17. Агнессе Павловне Подмазенко

Дорогая и любимая Аличка!

Ей же ей, ты ругаешь меня напрасно. Вот сама видишь. Только вчера написал тебе письмо, а сегодня в 11 час. 30 м. ночи сижу вот и пишу тебе еще письмо. Вечером часов в 7 принес почтальон от тебя письмо, которое ты писала 23.02. Это прямо рекорд. Письмо шло всего 8 дней. Если так пойдет дело, то я совсем «погиб». Ведь я обещал тебе отвечать на каждое твое письмо, поэтому придется бросить все дела и все время употребить на ответные тебе письма. Конечно, дорогая Аличка, это только шутка. А вообще я рад до бесконечности, что имею так часто беседовать с тобой, моя роднинькая, хотя в письмах. Все от души смеялись над тем, как ты организовала поимку крысы. В данном случае ты крепко усвоила мою стратегию и тактику — вот и получила блестящий результат. Смелость города берет, а не только крыс. Желаю тебе успеха в дальнейшем.

Дорогой и милый Алюсик! Я крайне взволнован. Пишу тебе письма аккуратно, а ты в каждом письме мне даешь упреки, что я тебе ничего не пишу. Милый Алик! Вчера я получил открытку от Жени Свердловиченко. Он шлет тебе привет. Он думает, что ты еще со мной. Он заходил на нашу старую квартиру, откуда мы с тобой улетели, и смутам все время говорили, что мы вернемся. Это так сказали потому, что мы при своем отъезде, помнишь, говорили, что, вероятнее всего, что вернемся обратно. Я Жене написал в ответ открытку; но твоего адреса не указал. Если хочешь, то я ему твой адрес сообщу. Сообщить? Напиши.

Дорогой Алик! После твоих писем (а я их, вернее, выдержки из них, читаю окружающим) — все тебя ждут к нам. И ты эту уверенность уже

вселила в меня, что и я стал считать дни, когда примерно можно будет тебе приехать ко мне. Я составил календарь и буду зачеркивать дни. Но старый уговор дороже денег. Если будет до 22 апреля, то смотри, будет тебе на орехи, а после 22 апреля можешь несколько дней и набавить — это первое. Второе — если Аля, — то пусть будет похожа на тебя, а если Андрюша, то примерь сначала очки. А вообще и так, и так хорошо. Только я боюсь одного, чтобы будущий не остался голодным совсем сразу же после появления в жизнь. Это учти. Я уже назначил ориентировочно срок, когда можно будет Кузина выслать за тобой, но дело, конечно, главное будет в тебе. Еще и еще раз я прошу тебя, моя любимая и дорогая Аличка, береги себя, крепко береги себя как для себя, для будущего, так и для меня. Обо мне не беспокойся и не волнуйся. Тебе прекрасно ясно и понятно, что у меня вся жизнь в вас — это все, что есть сейчас у меня. Основываясь на этом, сейчас громим подлых фашистов за новую радостную, счастливую будущую жизнь. Так обстоит дело.

Дорогой и милый Алик. Передаю искренний привет и наилучшие пожелания маме и папе (письмом) и шаловливому — резвому Юрику. Очень я опечален, что он болеет. Алик! Ты же ведь все же доктор, так вылечи хоть пока что единственного своего сына. Поцелуй его за меня. А пушку все же, видимо, придется у фашиста, хоть маленькую, отбить и прислать Юрику с Кузиным. Алик! Крепко обнимаю, прижимаю к своей груди и долго, долго целую. Твой Андрюша.

P.S. Алик! Крошка, ну не ругайся. Ей-же-ей, я отвечаю на каждое твое письмо. Может быть, твоя ругань для того, чтобы оправдать себя? А? Ну, я шучу. Еще раз крепко целую тебя и всех: маму и Юрика.

Ваш Андрюша.

04.03.42.

//_ * * * _//

18. Агнессе Павловне Подмазенко

Родной и милый Алусик!

Ей-ей, я хотя и крепко занят, но вечером все же нахожу всегда немного время, чтобы поговорить с тобой хотя бы в письме. Сегодня я получил твое письмо от 25.02. Это письмо тоже рекордно шло — всего 8 суток. Вообще твои письма ко мне стали ходить регулярно — в этом, конечно, заслуга прежде всего твоя.

Но, дорогой Алик! Ведь я регулярно на каждое твое письмо отвечаю, и ты зря меня в этом сравниваешь с мамой (хотя я в душе этому и польщен). Я сегодня рад и тому, что ты хотя мою открытку получила от 14.02. Но поверь, дорогая и роднинькая Аля, что я не жду у моря погоды и отвечаю тебе тотчас же; по крайней мере, в этот же

день. Лозунг «писать скорее и чаще» я начал и провожу в жизнь, как ты приказала.

Алик, ты пишешь, что скучаешь. Ты думаешь, я не хочу тебя видеть у себя и всюду быть с тобой — ведь это моя мечта. И ты прекрасно знаешь это, поэтому будем терпеливо ждать. Ведь дело, в конечном счете, в тебе, а не во мне. Ты вспомни, как ты стремилась уехать от меня и как я тебя всячески задерживал и отдалял день твоего отъезда. А сейчас я так жду, с каким нетерпеньем жду твоего приезда. Поэтому, как совершенно правильно ты и пишешь, что основное — это время. Мне кажется, что май месяц кажется наиболее подходящим месяцем для твоей поездки ко мне. Я, конечно, хотел бы и раньше, но ты понимаешь, что если будет у тебя раньше 22 апреля, то я ведь на тебя крепко рассержусь. В силу этого, конечно, лучше поездку планировать на май. А главное, надо беречь и ребенка. Вообще ты мне об этом еще напишешь. И главное, все подробно.

Дорогая Аля! Ты в каждом письме заботишься обо мне. Я должен тебе написать, что мне сейчас живется хорошо. Кузин и Маруся исключительно заботливо относятся ко мне. Моемся тоже часто, больше дома. Один раз ездил в баню, но оттуда возвращался и немного простудился. Теперь моюсь дома. Вот сейчас пишу тебе письмо, и Маруся стоит рядом и просит, чтобы я от нее передал тебе привет. То же просит и Кузин. Все твои приказы выполняются в точности. Все ждут тебя. Только

Шура, которая ушла к Куликову, говорила, что ты ее прогнала от меня. Теперь они от нас далеко. Куликов орден получил, а я еще нет.

Дорогая Аля, я уже тебе писал, что я имел очень большую честь беседовать с самым большим человеком у нас. Это самое счастливое в моей жизни время. Он так мудр и вместе с тем прост и так заботлив о нас, даже спросил, где у меня семья и буду ли я отдыхать там на месте. Я сказал, что семья моя далеко и я немедленно возвращаюсь домой. Поэтому я был у него не больше трех часов и быстро возвратился. Поэтому время на получение орденов у меня и не хватило. Не горюй, милый Алик! Все, что заработано, не пропадет. Сразу получим все, когда покончим с фашистской сволочью.

Милый Алик! Поцелуй за меня Юрика и передай самый большой и самый искренний привет маме. От Жеки получил открытку. Ответил ей открыткой и написал твой адрес.

Алик! Мне так хочется видеть твою маму и Юрика. Постараюсь сделать это в первый же день после победного окончания войны, а пока им от меня поцелуй и привет. Тебя также крепко обнимаю и много, много раз целую.

Твой Андрюша.

05.03.42.

P.S. Алик, я крайне удивлен, почему мои письма еще до тебя не дошли. Думаю и уверен, что скоро это дело наладится. Целую. Не ругайся. Не нервничай. Люблю тебя крепко и так, как никогда.

//_***_//

19. Анне Михайловне Власовой

Добрый день, дорогая и милая Аня!

Сегодня рано утром принесли твое письмо, которое ты послала 23.02. Немедленно прочитал и очень обрадовался, что ты получила мою маленькую первую посылку. Я читал твое письмо и вместе с тем от души смеялся на то, что в посылке не хватило 2 кг весу, и что там не оказалось мыла. Дорогой и милый Аник! Кого ты отругала, они не виноваты. Это мы виноваты, поэтому всю ругань твою мы принимаем на себя. Получилось так, что у нас весов не было, и мы вес написали на глазок, вот и ошиблись на 2 кг, а мыло мы запаковали во вторую посылку. Боялись, что мыло испортит то, что мы тебе запаковали. Поэтому, дорогой и милый Аник, не сердись — это виноваты мы. Ты, наверное, уже, возможно, остальные две посылки получила, тогда все поймешь. Если же ты их еще не получила, то скоро получишь. Теперь об аттестате.

Дорогая и милая Аня! Сейчас вышел приказ, что ваши аттестаты, которые мы вам выдали (семьям), они действительны только по апрель месяц включительно, а с мая месяца всем надо аттестаты менять на новые. Я аттестат скоро тебе вышлю новый, по которому ты будешь получать деньги, начиная с мая месяца. Милый Аник, ты у меня очень скромна. Я тебя серьезно прошу, напиши мне, хватает тебе денег или нет. Мне кажется, ты очень много рассылает денег родным, в частности и дедушке. Ну, посуди сама — куда ему деньги. А себе, видно, ты ничего не оставляешь. Поэтому не оголаживай себя, а лучше напиши, я тебе по новому аттестату прибавлю денег. Теперь полагается по приказу выдавать аттестат на три четверти моего жалованья, поэтому к той сумме, которую ты получаешь, можно прибавить примерно около 400 рублей. О мне не беспокойся. Куда мне здесь девать деньги? Все у нас есть. Мы здоровы и бодры. Бьем фашистов. Скоро услышишь и про города, которые взяли. А главное, надо уничтожать фашистов. Дорогой и милый Аник! Я послал Наде две посылки, примерно такие же, какие послал тебе. Ответа еще не получил, но думаю, что они уже дошли. Аня! Ты меня немного все же поддела за старое. Поверь, что об Ульяне я не знаю с того момента, когда мы еще получили от нее бумагу на месте. Мне кажется, что она, видимо, на лето приезжала к себе на родину и там, наверное, осталась, а может быть, и там, где мы с тобой жили с Надей. Вообще это меня несколько не интересует. Если тебе хочется уколоть меня — дело твое.

Я много пережил, и дороже тебя у меня и не было, а сейчас и нет на свете. Ты у меня одна. Я тебе уже писал, почему ты мне не разрешаешь писать на твою квартиру — я не знаю, — ты до сих пор мне не ответила. Пойми, что ты у меня осталась одна. Больше у меня нет никого. Твои письма согревают меня и воодушевляют на новые дела. Родина выше всего — за нее все и отдадим до последней капли крови. Люблю тебя крепко. Пиши скорее и чаще. Почта теперь наладилась. А пока до следующего письма. Целую крепко и много раз. Обнимаю и прижимаю к своей груди.

Твой всегда и всюду Андрюша.

P.S. Привет всем знакомым. Часть вещей вышлю тебе к теплу, скорее всего, с попутчиком. Кое-что уже собрал. Пиши, что нужно тебе. Целую еще раз.

Твой Андрей.

06.03.42.

//_***_//

20. Агнессе Павловне Подмазенко

Добрый день, дорогая Аля!

Я переменял местожительство. Назначили заместителем, только не к своему хозяину. Как приеду — немедленно сообщу адрес. Пока пиши по-старому — мне твои письма дошлют. Заезжал к Мар. Чижма. Читал твоё письмо. Был очень рад. Поднялся немного севернее. Сам здоров и бодр, чего и тебе желаю особенно. Крайне хочется поскорее узнать твоё здоровье. Всем привет: маме и Юрику. Целую крепко и много раз.

Твой Андрюша.

17.03.42.

Получил адрес. Целую. Андрюша.

//_***_//

21. Агнессе Павловне Подмазенко

Добрый день, дорогой и милый Алик!

Прости, что так долго ничего тебе не писал. Поверь, дорогая, что дело не во мне. Прежде всего разреши сообщить тебе, что я получил новое назначение. Меня назначили заместителем старшего надо мной хозяина, но только не моего, а немного севернее. И сейчас я перебрался ближе к тому месту, где живет твоя бабушка. Живу недалеко от этого большого города. Дорогой и милый Алик! Ты все же не поверишь, какое большое у меня счастье. Меня еще раз принимал самый большой человек в мире. Беседа велась в присутствии его ближайших учеников. Поверь, что большой человек хвалил меня при

всех. И теперь я не знаю, как только можно оправдать то доверие, которое мне оказывает ОН. Заезжал к Марусе Чижма. Но был очень недолго — всего около полутора суток и сейчас прибыл на новое место. Работа на новом месте началась неплохо. Со мной приехали Кузин, Бородаченко, переезжали мы с Кузиным так, как, помнишь, мы с тобой, а остальные машиной. Бьем фашистов и на новом месте, но по-прежнему и не даем им покоя ни днем, ни ночью. Дорогой и милый Алик! Помнишь ли ты все и не забыла ли все то, что говорила мне при своем отъезде. Дорогой и милый Алик. Я крепко, крепко по тебе уже соскучился и никак не дождусь того дня, когда ты снова будешь со мной. Поверь, что это не слова, а естественно. Очень беспокоюсь о твоём здоровье. Милый и дорогой Алик! Прошу тебя, не нервничай, тебе это вредно. Береги себя и будущего. Береги себя, как можно осторожнее, особенно последние дни. Я хотя сам и на фронте, а душа моя вместе с тобой, так, видимо, и у тебя, только разница та, что ты сама в тылу, а душа у тебя на фронте. Помнишь, как об этом мы шутили, когда были вместе. Дорогой Алик! Пиши мне теперь письма по адресу: Действующая армия, полевая почтовая станция № 337, п/я № 3. Генерал-лейтенанту — мне. Скорее пиши. Ответ ожидаю немедленно. Крепко жду твоего письма. Хотя бы в письме поговорить с тобой и поцеловать тебя крепко и много раз. Милый и дорогой Алик! Прости, что такой плохой у меня подчёрк. Дело в том, что тороплюсь отправить тебе письмо с почтой, которая ходит у нас редко. Ну, пока до следующего письма. Все же к теплу пришло к тебе или Кузина, или Бородаченко. Целую крепко и много раз свою милую и дорогую Алё. Привет искренний маме и Юрику. Всех поцелуй за меня. Ещё раз обнимаю, просто крепко жму, целую много-много раз.

Твой Андрюша.

18 марта 1942 г. День Парижской коммуны. Скорее ответ — жду с нетерпением. Смотри, не крути ни с кем, а то плохо будет.

//_***_//

22. Анне Михайловне Власовой

Добрый день, дорогая и милая Аня!

Прости, что так долго ничего тебе не писал. Дело в том, что я перешел на новую работу и сейчас нахожусь недалеко от того места, где мы с тобой прожили около 7 лет и откуда эвакуировалась Надя. Дорогой и милый Алик! Когда я переезжал на новое место, то я заезжал к Николаю Павловичу и Тане. Они живут по-старому. Очень жалуются на тебя, что ты им ничего не пишешь.

Дорогой и милый Алик! Черкани им что-нибудь. Дорогой и милый Алик! Очень тебя прошу, как получишь письмо, то немедленно черкани

ответ по новому моему адресу: Действующая армия, полевая почт. станция № 337, почт. ящик № 3. Генерал-лейтенанту Власову А.А.

Дорогой и милый Аник! Скорее отвечай, получила ты мои посылки или нет. Я в твоём одном письме узнал, что одну посылку ты получила. Теперь меня интересует об остальных двух. У Коли и Тани я был 8 Марта, в день женского праздника. Много говорили о тебе. Всего был я у них около суток.

Дорогой и милый Аник! Ты не поверишь, как я счастлив. Самый большой человек в мире ещё раз говорил со мной в присутствии его ближайших учеников. Какая радость. И представь, из его уст услышал похвалу о самом себе. Теперь я не знаю, как оправдать то доверие, какое он мне оказывает. Буду работать ещё лучше, ещё напряженнее.

Дорогой и милый Аник! Я здоров и бодр. Дела идут и на новом месте успешно, стараюсь организовать так дело, чтобы бить фашистскую сволочь ещё лучше и сильнее. Дорогой и милый Аник! Надеюсь, что скоро разобьём эту гадину, не беспокойся, и заживём ещё лучше, ещё радостнее.

Милый Аник! Смотри, не забудь адрес, я ещё раз его тебе повторяю: Действ. армия, Полев. почт. ст. № 337, почт. ящик № 3 — мне. Какие есть новости из деревни, пиши. Пошли привет всем знакомым и родным. Наде я послал две посылки, но от неё ответа не получил. Пошли ей письмо и сообщи мой адрес. Пусть она также напишет мне письмо. Милый Аник, очень хорошо здесь читать твои письма. Пиши больше и чаще, какое-нибудь придёт раньше. Я пока тебе дал адрес на одного своего друга. Когда получу более прочное место, то почтовый ящик дам свой. Ну, ничего, твои письма быстро передадут мне. Ну всего. До скорого свидания. Целую крепко и много раз свою милую Аню. Твой Андрюша.

Милый Аник! Ты все же мне не ответила, почему лучше писать тебе до востребования, а не на квартиру? Ну, ничего. Я это просто так. Ещё раз крепко обнимаю и прижимаю к своей груди и крепко и много раз целую свою дорогую и милую Аню.

Любящий тебя Андрюша.

P.S. Всем привет.

18 марта 1942 г. День Парижской коммуны.

Действующая армия. Полев. почт. ст. № 337, п/я 3.

//_***_//

23. Агнессе Павловне Подмазенко

Добрый день, дорогая и милая Аля!

Наконец устроился на новом месте. Адрес свой сообщаю на обороте сего. Сегодня мне принесли буквально кучу твоих писем. Письма я читал и перечитывал очень долго. Был искренно доволен, хотя, как ты

говоришь, были некоторые письма и «ругательные». Дорогая и милая Аля! Сегодня вечером подробно все опишу тебе в письме. Прости за то, что так долго ничего не писал, — не имел никакой возможности. Был все время в поле. Сейчас это дело исправляю. Надеюсь, переписка у нас наладится вновь регулярно. Сам здоров и бодр, чего особенно от души желаю тебе и Юрику. Очень обеспокоен его болезнью. Искренний привет маме и, если увидишь, папе. Целую крепко и много раз. Привет знакомым.

Твой Андрюша.

02.04.42. На новом месте.

//_***_//

24. Анне Михайловне Власовой

Добрый день, дорогая и милая Аня!

Спешу сообщить тебе, что я здоров и бодр, чего и тебе от души желаю. Поздравляю тебя с наступающим праздником 1-го Мая и желаю встретить его и провести радостно и счастливо. Ненавистных насильников-фашистов бьем по-прежнему и постараемся к 1-му Мая задать им большого жару. Дорогая Аня! Одновременно с этим я послал тебе письмо. Аттестат на получение денег штаб,

видимо, также уже выслал. Как получишь, немедленно отвечай. Пиши, какие есть новости. Писем я ни от кого не получал. Всем привет. Целую крепко и много раз.

Твой Андрюша.

20.04.42.

//_***_//

25. Агнессе Павловне Подмазенко

Добрый день, дорогая и милая Аля!

Тысячу раз прости, что так долго ничего не писал. Дело в том, что писать-то было можно, но волки и лисы в лесу не организовали еще почтового отделения, поэтому пришлось ждать, когда доберусь до места, где есть почта, и вот сегодня я устроился на новом месте, куда прибыли и Кузин, Бородаченко и все обслуживающие нас товарищи. Сразу же мне принесли буквально кучу твоих милых писем.

Поверь, что я и читал, и перечитывал их по несколько раз и как будто поговорил с тобой.

Дорогая и милая Аличка!

Ты неверишь, как хорошо читать твои письма. Какие они хорошие, проникнуты искренностью, любовью, заботой и вообще всеми лучшими, какие есть еще, качества и чувства. Разреши их все считать

искренними и от чистого твоего сердца, не так ли? Ты видишь, что я даже пустился в лирику. Настолько я обрадовался и переживаю сейчас лучшее настроение. Конечно, еще бы лучше, сама понимаешь, скорее увидеть тебя и бесконечно целовать и смотреть в твои чудные (не чудные) глазки. Поверь, что я уже начинаю скучать сильнее прежнего, особенно сегодня после твоих писем.

Аличка! Как только будет ребенок, прошу тебя немедленно дать мне телеграмму.

Милый Алик! Ты очень скромна, а я недогадлив. Вот сегодня я получил жалованье. Прошу тебя, напиши, сколько тебе нужно денег, — вышлю немедленно. А если я тебе их не высылал до сего времени, то считал, что и у вас там купить особенно нечего. У меня ведь все же на них можно купить хорошие вещи. Одним словом, делай, как тебе лучше, и немедленно пиши ответ.

Милый Алик! Я очень обеспокоен болезнью Юрика, какой маленький крошка, и уже такая серьезная болезнь. Неужели ты сама как врач ничего поделать не можешь? Напиши мне подробно, что же, наконец, можно для него сделать, а заодно и крепко поцелуй его за меня. Скажи, что если поправится, то уже танк, так и быть, ему «привезу» и все остальное. Да и ждать уже обещанного остается не так долго.

Дорогой Алик! Ты все же, видимо, не чувствуешь, как я волнуюсь и переживаю приближение срока появления на свет моего первого ребенка. Шли телеграмму. Порадуй меня. Пиши окончательно, когда высылать за тобой Кузина. Хотя я и рад твоему прибытию и встрече, но твое здоровье и ребенка прежде всего, поэтому делай как лучше и умнее. Надеюсь на тебя. Ты, моя родненькая, стала ведь матерью уже двух ребят. Прежде всего твое здоровье. Я немного за него начинаю беспокоиться. В одном письме вообще ничего не напишешь, что бы хотелось сказать, а сказать хочется очень много. Завтра напишу в другом, а сегодня до скорого свиданья. Искренний привет маме, а если есть, и папе, и родным, и близким. А тебя крепко обнимаю и крепко и много раз целую и надеюсь на счастливое ближайшее рождение сына.

Твой Андрюша.

Без даты.

//_***_//

26. Анне Михайловне Власовой

Добрый день, дорогая и милая Аня!

Ты, возможно, на меня сердишься за то, что так долго от меня ничего не получаешь. Я также имел бы такое право сердиться на тебя, если бы не знал, что это дело не от нас. Раньше у нас с тобой связь почти что наладилась, было уже хорошо, но как я переменил место работы, то связь стала хуже. Сейчас я работаю недалеко уже от того

места, где жила Надя! Работа идет хорошо. Бьем ненавистных фашистов, расстроивших нашу счастливую жизнь, не плохо, а скоро готовим им удар еще сильнее.

Дорогая и милая Аня! Как хотелось бы почаще иметь от тебя хотя бы небольшую весточку; как твоё здоровье — узнать; как ты живешь, как настроение?

Дорогой Аник! Одиннадцатый месяц мы с тобой разлучены, но мысленно я всегда с тобой. Разобьем проклятых фашистов и заживем по-новому, лучше, чем раньше. Только единственная моя просьба к тебе — береги себя, не волнуйся, не нервничай — хотя бы для меня. Обо мне не беспокойся — я здоров и бодр, чего и тебе от души желаю. Последний раз я так был счастлив, получив от тебя целую грудку писем.

Дорогой Аник, ручка моя очень плохо пишет, поэтому перешел на карандаш. Ручка как будто исправилась, продолжаю писать ручкой. На все твои письма написал ответ, но ввиду задержки в связи от тебя писем уже долгое время не получал. Да и вообще ни от кого писем пока еще не получал.

Дорогой и милый Аник! Выслали тебе аттестат из штаба на получение денег с мая 1942 г. Получила ли ты его, как получишь, немедленно пиши ответ. Отвечай, что нового получила ты от Нади, Веры и вообще от родных и знакомых. Ваню я так и не нашел. Он, видимо, служит там, где я служил раньше и откуда я убыл 8 марта сего года. На новом месте работа по объему стала больше, ответственнее и почетнее. Но ты знаешь, моя любимая и дорогая Аня, что куда твоего Андрюшу ни пошлют правительство и партия — он свою задачу выполнит с честью. Все идет хорошо. Одно только беспокоит — это нет долго писем от тебя, хотя и знаю, что письма до меня идут гораздо дольше, чем раньше. Но все же хотелось бы иметь скорее. Ты не поверишь, как приятно и хорошо читать твои письма.

Поздравляю тебя с наступающим праздником 1-е Мая и желаю тебе провести его счастливо, а мы постараемся в это время задать фашистам жару.

Аник! Помнишь, как мы с тобой праздновали 1-е Мая в прошлом году? Не унывай, скоро, очень скоро будем опять праздновать праздники вместе счастливо и радостно. Скоро, очень скоро будет конец проклятым фашистам. Хватит им издеваться над нашей дорогой Родиной.

Дорогой и милый Аник! Прошу тебя поскорее прислать ответ. Очень хочу знать твоё здоровье и прошу, очень прошу сняться и прислать мне твою фотокарточку. А я, как буду иметь возможность, тоже тебе вышлю свою. Ты, Аник, не поверишь, как я поправился, это, видимо, от старости. Крепко поседел (много седины в башке стало) и полысел, а здоровье крепкое. Ничего не болит. Зубы в порядке. Одним словом, крепко поправился, пополнил и закалился. Сейчас у нас кругом вода — разлив в полном разгаре. Желаю и тебе, главное, здоровья. Крепко

обнимаю, прижимаю к груди и крепко и много раз целую свою милую и ненаглядную Аню. Твой всегда и всюду.

Любящий тебя крепко Андрюша.

26.04.42.

//_***_//

27. Агнессе Павловне Подмазенко

Добрый день, дорогая и милая Алюся!

В связи с некоторыми обстоятельствами у нас с тобой связь письменная почти что прервалась, что меня очень сильно беспокоит. И особенно беспокоит потому, что эта связь прервалась как раз в такое время, когда мне особенно хотелось бы не только знать все о тебе, а и узнать о нашем дорогом — сыне (или дочери), — чего я сейчас сказать не могу. Как хотелось бы все это узнать быстрее. Так хочется узнать — как все ли благополучно обошлось и особенно как твое, дорогое для меня и нашего ребенка здоровье, а заодно, и как здоровье, и какой у нас с тобой получился ребенок? Все это, естественно, меня сильно волнует. И только одно, что сейчас все наши мысли должны быть направлены для борьбы с проклятыми фашистами в борьбе за нашу дорогую Родину всех людей нашего Союза, успокаивает меня.

Дорогая и милая Аля, как давно я от тебя ничего не получал. Пойми, что это зависит не от нас. Я сейчас выполняю ответственную задачу. Письмо от тебя ко мне и наоборот идет гораздо дольше, чем раньше, когда я был на старом месте. Что можно сказать о себе? Бьем фашистов крепко и готовим им крепкие весенние подарки еще сильнее. Работаю примерно на той же должности, когда был с тобой вместе, только объемом она гораздо больше, почетнее, ответственнее. Но ты прекрасно знаешь, что, куда твоего Андрюшу ни пошлют правительство и партия, — он всегда любую задачу выполнит с честью. Сейчас много работал, когда выпадает немного свободного времени, думаю только о вас, мои дорогие (ты — и ребенок), — больше у меня нет никого, близких моей душе и сердцу. Как хотелось бы сейчас вас видеть, целовать-ласкать, но пока это можно только в письме.

Дорогой Алик! Поправляйся быстрее, устраивай ребенка, а предварительно пиши, что тебе для этого нужно из материальных средств, и скорее, скорее ко мне. Жду тебя с нетерпением, и работа тебя также ждет. Как и раньше, будем с тобой рука об руку громить ненавистных фашистов, разбивших нашу счастливую жизнь.

Дорогой и ненаглядный Алик! Прошу тебя, пиши скорее ответ, и я вышлю за тобой Кузина. Пиши скорее, что нужно сделать и что захватить с собой. Поздравляю тебя с пролетарским праздником 1-е Мая. Желаю и хочу, чтобы вы этот праздник провели в счастливой и хорошей обстановке домашнего очага. Я всегда, а Первого мая в

особенности, мысленно буду с вами, а мы в это время будем задавать фашистам жару. Поцелуй за меня крепко, крепко нашего дорогого Андрюшу или Алю (или Жеку) — только, смотри, не «придуши». Не менее крепко поцелуй Юрика. Выздоровел он или все еще продолжает болеть — напиши. Хотелось бы, чтобы вы все были здоровы и бодры.

Дорогой и милый Алик! Очень-очень жду твоего письма, и тогда т. Кузин немедленно поедет за тобой. Мы находимся уже не так далеко от того места, где живет твоя бабушка. Проехать к нам к тому времени будет не так трудно. Пиши, какая у вас погода. У нас все залило — водополье в полном разгаре.

Милый, любимый, дорогой Алик! Обнимаю, прижимаю к своей груди и крепко, крепко тебя целую невообразимое количество раз. Жду с нетерпением твоего ответа и, самое главное, тебя. Сам здоров и бодр, крепко пополнил. Думаю, что я теперь тебя гораздо полнее. Скорее ответ.

Твой всегда и всюду Андрюша.
26.04.42.

//_***_//

28. Агнессе Павловне Подмазенко

Здравствуй, дорогой и милый Алик!

Спешу сообщить тебе, что я бодр и здоров. Бьем фашистов по-прежнему. Поздравляю с наступающим праздником 1-е Мая. Желаю провести его счастливо и радостно. Одновременно с этим шлю тебе письмо. Ответ жду немедленно, и тогда приедет к тебе Кузин. Привет маме, папе, Юрику и маленькому Андрюше — так, что ли?

Дорогой и милый Алик! Скорее сообщай твое здоровье и всех остальных, жду с нетерпением. Привет всем знакомым. Целую крепко и много раз.

Твой Андрюша.
26.04.42.

В письме жду от тебя, что тебе нужно выслать с тов. Кузиным. Целую.

Твой Андрюша.

//_***_//

29. Анне Михайловне Власовой

Добрый день, дорогая и милая Аня!

Спешу сообщить тебе, что я здоров и бодр, чего и тебе от души желаю. Получил от тебя два письма, за которые благодарю. Ответ послал письмом. Как получишь, немедленно отвечай. Я тебе в письме

подробно описал, как поступать, если задумаешь поехать к Вере. Я вышлю тебе одного товарища — он тебя довезет до места. Пиши, что тебе с ним выслать необходимого из вещей. И какие нужны документы. Дела у нас идут хорошо. Фашистов бьем по-прежнему. А пока до твоего письма. Целую крепко и много раз. Твой Андрюша.

P.S. Всем привет. Напиши привет Вере, Наде и в деревню. Писем я ни от кого не получал. Целую крепко.

Твой Андрюша.

27.04.42 г.

//_***_//

30. Агнессе Павловне Подмазенко

Добрый день, дорогая и милая Алик!

Сегодня получил от тебя сразу два письма, чему был несказанно рад. Дорогой и милый Алюсик. Мне очень обидно, что ты пишешь мне такие нехорошие письма. Из твоих писем можно понять, что я как бы изменился в нехорошую сторону. Эти намеки на «обслуживание» и т. д. Милый и родной Алюсик!

Это совершенно обижает меня. Ведь ты, наверное, сама прекрасно знаешь, что, кроме тебя, у меня никого в жизни нет. Я по-прежнему такой, какой был с тобой в последние дни перед твоим отъездом. Разница только в том, что теперь я очень сильно по тебе скучаю и жду тебя с нетерпением, когда ты будешь со мной. Как только получу от тебя письмо, немедленно высылаю Кузина к тебе, но от тебя ответа нет. Я волнуюсь. Что у тебя? Сын? Дочь! Не мучь, скорее пиши. Люблю тебя по-прежнему сильно и больше всех на свете. Думается мне, никто так тебя еще никогда не любил. И очень горько читать упреки именно от тебя, моя дорогая. Получил письмо от Жеки. Как с ее стороны благородно — прислала мне цветы. Она отдает свою кровь раненым бойцам. Истинно святая женщина. Да простятся ей все грехи ее. Дорогой и милый Алик! Жду твоего письма немедленно. А пока до твоего письма и до тебя. Обнимаю, прижимаю и целую крепко. Твой всегда и всюду Андрюша.

Дорогой и милый Алик! Прости, что так плохо написал (плохим почерком) — это я тороплюсь, так как стоит человек и ждет моего письма к отправке на небольшое расстояние по воздуху. Очень хочется, чтобы письмо скорее попало к тебе. Сам я бодр и здоров, чего особенно тебе сейчас от души желаю. Фашистов бьем по-прежнему. В этом году надеемся ликвидировать их полностью. Такую задачу нам поставил наш Великий вождь, и мы ее должны во что бы то ни стало выполнить. Дорогой и милый, роднинький Алюсик! Скорее отвечай, с нетерпением ожидаю твоего письма. О наших делах тебе полностью расскажет Кузин, когда приедет к тебе. Напиши, что тебе надо будет захватить

Кузину с собой. Ты писала в отношении наших вещей, которые находятся у Чижма, так, я думаю, они не пропадут. Я Кузину это скажу, когда он к тебе выедет. Будешь писать письмо Жеке, напиши ей от меня привет и наилучшие мои ей пожелания. Будет время, и я ей черкну. Привет маме и Юрику. Поцелуй всех их за меня крепко-крепко. Одним словом, передай им мой фронтовой поцелуй. Себя, конечно, поцеловать ты не можешь, поэтому попроси Юрика передать тебе мой поцелуй. Я бы просил и своего маленького, но он, видимо, пока еще несознательная масса. Ну, всего. Желаю здоровья и счастья. Целую крепко и много раз.

Твой Андрюша.

10.05.42.

// * * * //

31. Анне Михайловне Власовой

Добрый день, дорогая и милая Аня!

Еще вчера получил от тебя сразу два письма. Долго думал и решил послать к тебе своего адъютанта капитана т. Кузина. Для поправки твоего здоровья физического и морального успокоения тебе надо немедленно переехать на родину, в Ломакино. Все же там находится Вера, твоя сестра, и главное — это то, что ты будешь жить недалеко все же от меня, чем сейчас, и я всегда могу быстро к тебе кого-либо послать или что-либо устроить и помочь тебе. Кроме того, тебя там так все волнует, а тебе надо спокойствие. Здоровье твое и так достаточно надломленное, и его надо крепко беречь. Я всегда тебе об этом и говорил, и писал, но ты никогда меня не слушала и последние события тебя особенно расстроили. Я знаю, ты всегда за всех болеешь душой, а о себе абсолютно никак не беспокоишься. Я даже думал тебя действительно взять даже к себе. Но это было бы большой моей ошибкой. Всех наших военных «прелестей» ты, конечно, с твоим здоровьем не переживешь, и я бы тебя только этим быстрее угробил. Дорогая моя, любимая и родная Аня! Как тебе там ни тяжело, но пойми, что переживают люди на войне, это не поддается описанию. Эта война особенно жестока. Сволочи фашисты ведь решили совсем варварски стереть с лица земли наш могучий народ. Конечно, это их бредни. Конечно, мы уничтожим эту гадину. Но пойми, что сейчас война идет жестоко. По крайней мере, твое сердце не выдержит. Поэтому я буду очень рад, если ты будешь в Ломакине и всех этих ужасов не увидишь. Я мужчина и, как тебе известно, всю свою жизнь солдат и то немного посидел и полысел, но думаю, что ты меня за это не разлюбишь. Так, что ли? Вот как обстоит дело. Потерпи, моя дорогая. Скоро война все же кончится, и тогда заживем еще лучше.

Дорогой Аник! Все, что тебе нужно будет из одежды и вообще, скажи Кузину, и, когда он возвратится, я снова его пришлю уже тогда прямо в Ломакино во второй раз. А сейчас он проводит тебя до самого Ломакина. Поедете через Москву — будете у Тани. Там есть часть моих вещей. Кое-что найдешь из них нужным, возьми с собой в Ломакино. Вещи тебе нужны для того, чтобы ты их меняла на продукты. Ничего не жалея, все у нас будет, когда кончится война. Теперь о вещах наших. Часть наших вещей в надежных руках, но их сейчас, естественно, взять не представляется возможным. Я прошу тебя еще раз, ни о вещах, ни о чем другом не беспокойся. Кончится эта ужасная война, все у тебя будет в излишке. По крайней мере, будет больше и лучше, чем мы имели до сих пор. Кроме того, я серьезно тебе говорю, что часть наших вещей в сохранности, и придет время, мы их выречим. Вот и все. У меня лично есть все — о мне не беспокойся — больше беспокойся о себе. Ты будешь в Москве, сама увидишь мои вещи зимние и будешь знать, что я всем обеспечен. Еще раз прошу тебя, беспокойся о себе, продавай, что у тебя есть и что, хотя и немного, я тебе послал с Кузиным и что ты возьмешь из моих вещей в Москве (хотя бы и все), и береги свое здоровье, вот одна моя к тебе просьба. Целую крепко и много раз.

Твой всегда и всюду. Любящий Андрюша.

17.05.42.

//_***_//

32. Анне Михайловне Власовой

(Почт. отд. Сорочинская Чкаловской области, до востребования)

Дорогая и милая, родная Аня!

Хотелось бы в этом письме написать все, но ведь разве это в письме можно сделать. Конечно, нет. Лучше было бы видеть тебя, бесконечно целовать и много говорить о прошедших переживаниях, которые раньше с начала войны были очень и очень тяжелы, потом под Москвой веселые минуты, часы и месяцы разгрома сволочей и свидания с тов. Сталиным, нашим любимым Вождем. Эти незабываемые минуты. Он даже меня спросил: где Ваша семья? Я, конечно, сказал. И он радовался, что моя жена все же эвакуировалась из этого ада. Вот какой он Великий Человек. Дорогая Аня! ведь очень многие среди нас сейчас потеряли свои семьи. Муж — жену, детей, а жена — мужа ит. д. Я все же рад хотя тому, что ты жива и далеко от этой ужасной бойни, которую нам навязал фашизм. Но мы его, черта, все равно уничтожим, и в этом нет никакого сомнения. И уничтожим в этом же году. Дорогая Аня, милая, любимая, родная! Я тоже многое пережил. Ты, вероятно, все это знаешь. Тебе об этом, наверное, уже все рассказали. Поэтому не буду об этом вспоминать. Одно скажу: ведь не даром я получил звание генерал-лейтенанта и орден Красного Знамени, и я два раза лично

беседовал с нашим великим Вождем. Это, конечно, так не дается. Тебе уже, наверное, известно, что я командовал армией, которая обороняла Киев. Тебе также известно, что я также командовал армией, которая разбила фашистов под Москвой и освободила Солнечногорск, Волоколамск и др. города и села, а теперь также командую еще большими войсками и честно выполняю задания правительства и партии и нашего любимого вождя тов. Сталина. Дорогой и милый Аник! Родной мой! Я очень тебя прошу, береги себя. Ничего не жалея, не волнуйся, кушай, для чего добывай себе продовольствие на то, что у тебя есть деньги и небольшие вещи. О наших вещах не беспокойся. Они в надежных руках, и будет время, мы их получим полностью. Сейчас главное дело в сохранении твоего здоровья. Т. Кузин все тебе расскажет и поможет, как сделать. Он тебя привезет в Москву, где ты заберешь кое-какие мои вещи, и живи на них. Кроме того, в Ломакине нам будет легче прислать тебе продовольствие. Устроим тебя, тогда возьмемся за переселение Нади и вообще улучшим вашу жизнь в тылу. А о нас не беспокойся. Таня в Москве тебе все расскажет, что я кормлюсь неплохо. Мои товарищи, которые со мной уже работают больше чем полгода, заботятся обо мне. И главный среди них т. Кузин — мой адъютант, которого я и посылаю к тебе. Он обо всем тебе расскажет. Хороший скромный человек. Любит и бережет меня.

Дорогая Аня! Все, что тебе необходимо, скажи ему. Он или сам сделает или передаст мне — я приму меры. Я дал тов. Кузину 5000 руб. денег. Это вам на расходы по дороге; не хватит — вышлю еще. Аттестат переведете на Агинский райвоенкомат, а пока до скорого свидания. Не волнуйся. Береги себя. Делай все как лучше. Передавай всем привет в Ломакине и в Москве. Пожелайте нам успеха в разгроме ненавистного врага. А пока обнимаю и крепко, крепко и много, много раз целую свою милую Аню.

Твой всегда и всюду Андрюша.

17.05.42 г.

//_***_//

33. Агнессе Павловне Подмазенко

(гор. Энгельс, ул. Чапаевская, 27)

Добрый день, дорогой и милый Алик!

Долго не получал писем от тебя и решил черкнуть тебе. Последнее письмо твое получил, которое ты писала еще в апреле месяце.

Естественно, меня волнует, как ты пережила время с 22 апреля и по настоящий день.

Дорогой и милый Алик! Мой родной! В последних твоих письмах ты обвиняешь меня во всех смертных грехах и делаешь всякие намеки и на «обслуживание» и др. Пойми, дорогой Алик, что это в тебе все

говорит ложное чувство. Если тебе по совести сказать, до 22 апреля и я так на тебя думал, правда, теперь думаю, что тебе до определенного времени заниматься флиртом не совсем удобно. Так что все это ерунда. Все это зависит от того, что мы так долго не виделись. Ведь прошло уже много времени, как я не ощущаю тебя вблизи себя. Ты, конечно, выехала рано, о чем я тебе в свое время говорил. Но теперь уже этого не вернешь. Сейчас у меня одна надежда — поскорее узнать о вас, мои родные, дорогие и любимые. Как вы себя чувствуете. Я прекрасно знаю, что ты там «мечешь» гром и молнию, почему я пишу редко письма и, главное, не высылаю Кузина за тобой. На все это я не стану тебе долго отвечать, потому что ты в свое время рядом со мной пережила известную обстановку. Правда, сейчас обстановка немного лучше, чем тогда, когда мы начали бой, тогда, когда ты вместе со мной ехала в машине, но все же обстановка серьезная. Но, невзирая ни на что, мы проклятых извергов фашистов все равно сотрем с лица земли. И это будет очень скоро. Поверь, что теперь немцы уже не те, что были раньше, да и мы крепко за прошедшее время научились кой-чему, как, главное, бить фашистов их же методами, создавая им мешки и окружения.

Дорогой, родной, милый Алусик! Меня наш великий вождь послал на ответственное задание, и я его скоро, очень скоро выполню с честью. Тогда ты не будешь упрекать меня ни в чем, когда узнаешь, в какой обстановке мы находились. Скоро все же фашистам на этом участке конец. Теперь пойми, могу ли рисковать в этот ответственный период тобой и моим дорогим детищем. Нет и тысячу раз нет. Как ты ни ругайся, все же наконец ты меня поймешь. Я это знаю, потому что знаю тебя. Жду от тебя письма с нетерпением, потому что обстановка уже сейчас складывается так, что ты уже почти можешь приехать ко мне, а когда я получу от тебя письмо, будет уже очень хорошо. Когда мы с тобой увидимся и я тебя расцелую, и ты узнаешь наши дела — будешь мной довольна. Я это знаю. Одно только прошу, не вини меня. Я по-прежнему тебя, даже крепче, чем раньше, люблю и жду тебя с нетерпением и жду, что ты мне подаришь. Родной Алусик! Как я жду твоего письма. Алик! Конкретно, чтобы лучше тебе ко мне приехать, это будет лучше в первых числах июня. *Я и* сам уже заждался, но так будет лучше. Потерпим, потом вознаградим себя сторицею. Надеюсь, что ты меня поняла и любишь по-прежнему.

Не так ли? Может быть, уже ошибаюсь? Пиши. Жду ответа, и Кузин будет у тебя. Привет и поцелуй маме, папе и Юрику, а также маленькому, не знаю, как его зовут, но знаю, что он очень хороший и любим мной и тобой. Прости за почерк — тороплюсь — самолет отходит. Целую крепко, крепко и много, много раз всех вас, мои дорогие, и прежде всего прижимаю и целую тебя, Аля, — моя любимая и дорогая, близкая. До скорого свидания.

Всегда и всюду твой Андрюша.

17.05.42.

Документы

Справка о положении 2-й Ударной армии Волховского фронта за период январь — июль 1942 года

Командующий армией — генерал-майор ВЛАСОВ Член Военного Совета — дивизионный комиссар ЗУЕВ Начальник штаба армии — полковник ВИНОГРАДОВ Нач. Особого отдела армии — майор гос. безопасности ШАШКОВ

В январе 1942 года перед 2-й Ударной армией была поставлена задача — прорвать линию обороны противника на участке Спасская Полнь — Мясной Бор, с задачей оттеснить противника на северозапад, совместными усилиями с 54-й армией овладеть станцией Любань, перерезать Октябрьскую железную дорогу, завершив свою операцию участием в общем разгроме Волховским фронтом Чудовской группировки противника.

Выполняя поставленную задачу, 2-я Ударная армия 20–22 января с. г. прорвала фронт обороны противника на указанном ей участке протяжением 8–10 км, ввела в прорыв все части армии и в течение 2 месяцев в упорных кровопролитных боях с противником продвигалась на Любань, обходя Любань с юго-запада.

Нерешительные действия 54-й армии Ленинградского фронта, шедшей на соединение со 2-й Ударной армией с северо-востока, чрезвычайно замедлили продвижение ее. К концу февраля наступательный порыв 2-й Ударной армии выдохся и продвижение остановилось в районе пункта Красная Горка, юго-западнее Любани.

2-я Ударная армия, оттесняя противника, вбилась в его оборону клином протяжением 60–70 км по лесисто-болотистой местности.

Несмотря на неоднократные попытки расширить первоначальную линию прорыва, являющуюся своеобразным коридором, успеха достигнуто не было.

20–21 марта с. г. противнику удалось перерезать коммуникацию 2-й Ударной армии, закрыв коридор, с намерением сжимать кольцо окружения и полного уничтожения.

Усилиями 2-й Ударной армии, частей 52-й и 59-й армий 28 марта коридор был открыт.

25 мая с. г. Ставка Верховного Главного командования отдала приказ с 1 июня начать отвод частей 2й Ударной армии на юго-восток, то есть в обратном направлении через коридор.

2 июня противник вторично закрыл коридор, осуществив полное окружение армии. С этого времени питание армии боеприпасами и продовольствием начало осуществляться воздухом.

21 июня на узком участке шириной 1–2 км в том же коридоре линия фронта противника вторично была прорвана, и начался организованный вывод частей 2-й Ударной армии.

25 июня с. г. противнику в третий раз удалось закрыть коридор и прекратить выход наших частей. С этого времени противник вынудил прекратить питание армии воздухом в силу большой потери наших самолетов.

Ставка Верховного Главного командования 21 мая с. г. приказала частям 2-й Ударной армии, отходя с северо-запада на юго-восток, прочно прикрывшись на рубеже Ольховка — озеро Тигода с запада, ударом главных сил армии с запада и одновременно ударом 59-й армии с востока уничтожить противника в выступе Приютино — Спасская Полньеть...

Командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант ХОЗИН медлил с выполнением приказа Ставки, ссылаясь на невозможность выводить технику по бездорожью и необходимость строить новые дороги. К началу июня с. г. части не начали отводить, однако в Генеральный штаб Красной армии за подписью ХОЗИНА и нач. штафронта СТЕЛЬМАХА прислано донесение о начале отвода частей армии. Как позже установлено, ХОЗИН и СТЕЛЬМАХ обманули Генеральный штаб, к этому времени 2-я Ударная армия начинала только оттягивать тылы своих соединений.

59-я армия действовала очень нерешительно, предпринимала несколько безуспешных атак, и задачи, поставленные Ставкой, не выполняла.

Таким образом, к 21 июня с. г. соединения 2-й Ударной армии в количестве 8 стрелковых дивизий и 6 стрелковых бригад (35–37 тысяч человек), с тремя полками РГК 100 орудий, атакже около 1000 автомашин, сосредоточились в районе несколько километров южнее Н. Кересть на площади 6 x 6 км.

По данным, имеющимся в Генеральном штабе на 1 июля с. г., из частей 2-й Ударной армии вышло 9600 человек с личным оружием, в том числе 32 человека работников штабов дивизий и штаба армии. По непроверенным данным, вышел начальник Особарма.

По данным, присланным в Генштаб офицером Генерального штаба, командарм ВЛАСОВ и член Военного Совета ЗУЕВ 27.06. с. г. вышли к западному берегу реки Полньеть под охраной 4 автоматчиков, наскочили на противника и под его огнем рассеялись, больше их якобы никто не видел.

Начштафронта СТЕЛЬМАХ 25.06. с. г. по ВЧ сообщил, что ВЛАСОВ и ЗУЕВ вышли на западный берег реки Полнетъ. Из подбитого танка управляли выводом войск. Дальнейшая судьба их неизвестна.

По данным Особого отдела НКВД Волховского фронта на 26 июня с. г., к исходу дня из частей 2-й Ударной армии вышло 14 тысяч человек. Сведений о действительном положении частей и соединений армии в штабе фронта нет.

По заявлению комиссара отдельного батальона связи ПЕСКОВА, командарм ВЛАСОВ с командирами штаба двигался к выходу во 2-м эшелоне, возглавляемая ВЛАСОВЫМ группа попала под артиллерийско-минометный огонь. ВЛАСОВ приказал уничтожить путем сожжения все радиостанции, что привело к потере управления войсками.

По данным начальника Особого отдела фронта, еще на 17 июня положение частей армии было крайне тяжелым, имели место в большом количестве случаи истощения бойцов, заболевания от голода, острая нужда в боеприпасах. К этому времени, по данным Генерального штаба, пассажирскими самолетами ежедневно подавалось воздухом для частей армии 7-8 тонн продовольствия при потребности в 17 тонн, 1900-2000 снарядов при минимальной потребности 40 000, 300 000 патронов, в общей сложности по 5 патронов на человека.

Необходимо отметить, что, по последним данным, полученным в Генеральном штабе 29.06. с. г., группа военнослужащих частей 2-й Ударной армии вышла на участок 59-й армии через тылы противника в район Михалева, не имея совершенно потерь. Вышедшие утверждают, что в этом районе силы противника малочисленны, в то время как коридор прохода, затянутый ныне сильной группировкой противника и пристрелянный десятками батарей минометов и артиллерии его, с каждодневными усиленными ударами авиации является на сегодня почти недоступным для прорыва 2й Ударной армии с запада, также 59-й армии с востока.

Характерно, что районы, через которые проходили 40 человек военнослужащих, вышедших из 2-й Ударной армии, как раз были указаны Ставкой Верховного Главного командования для выхода частям 2-й Ударной армии, но ни Военный Совет 2-й Ударной армии, ни Военный Совет Волховского фронта не обеспечили выполнения директивы Ставки.

Пом. Начальника управления ОО НКВД СССР ст. майор Госбезопасности МОСКАЛЕНКО 1 июля 1942 года

**Записка начальнику особого отдела НКВД
Волховского фронта**

Старшему майору Госбезопасности Товарищу МЕЛЬНИКОВУ

В соответствии с задачами, поставленными Вами на период пребывания в командировке в 59-й армии с 21 по 28.06.42 г., доношу:

К исходу дня 21.06.42 г. частями 59-й армии был произведен прорыв обороны противника в районе Мясной Бор и образован коридор вдоль узкоколейной ж. д. шириною примерно 700-800 метров.

С целью удержать коридор части 59-й армии развернулись фронтом на юг и на север и заняли боевые участки параллельно узкоколейной ж. д.

Группа войск, прикрывающих коридор с севера своим левым флангом, а группа, прикрывающая коридор с юга своим правым флангом, граничили по р. Полнеть.

К моменту выхода частей 59-й армии на р. Полнеть оказалось, что сообщение Штарма-2 о якобы занятых рубежах 2-й Ударной армии по р. Полнеть были неверными. (Основание: донесение командира 24 стрелковой бр.)

Таким образом, локтевой связи между частями 59-й армии и 2-й Ударной армии не произошло. Этой связи не было и последующее время.

Образовавшимся коридором в ночь с 21 на 22.06. с. г. во 2-ю Ударную армию были доставлены продукты питания людьми и на лошадях.

С 21.06. и до последнего времени коридор был под обстрелом минометного и артиллерийского огня противника, временами в него просачивались отдельные автоматчики и пулеметчики.

В ночь с 21 на 22.06.42 г. навстречу частям 59-й армии вели наступление части 2-й Ударной армии, примерно в полосе коридора силами: первый эшелон 46 стр. див., второй эшелон — 57 и 25 стр. бр. Выйдя на стык с частями 59-й армии, эти соединения пошли на выход через коридор в тыл 59-й армии.

Всего за день 22.06.42 г. из 2-й Ударной армии вышло раненых 6018 человек и около 1000 чел. здоровых бойцов и командиров. Как среди раненых, так и среди здоровых были люди из большинства соединений 2-й Ударной армии.

С 22.06.42 г. по 25.06.42 г. из 2-й УА никто не выходил. В этот период коридор оставался на западном берегу р. Полнеть. Противник вел сильный минометный и арт. огонь. В самом коридоре также имело место просачивание автоматчиков. Таким образом, выход частей 2-й Ударной армии был возможен с боем.

В ночь с 24 на 25.06.42 г. для усиления частей 59-й армии и обеспечения коридора был направлен отряд под общим командованием полковника КОРКИНА, сформированный из красноармейцев и командиров 2-й Ударной армии, вышедших из окружения 22.06.42 г. В результате принятых мер сопротивление противника в коридоре и на

западном берегу р. Полнеть было сломлено. Части 2-й УА двинулись общим потоком примерно с 2.00 25.06.42 г.

В силу почти непрерывных налетов авиации противника в течение 25.06.42 г. поток выходящих из 2й УА в 8.00 был прекращен. В этот день вышло примерно около 6000 чел. (по подсчетам счетчика, стоявшего у выхода), из них направлено в госпитали 1600 чел.

Из опросов командиров, красноармейцев и оперативного состава Особых Отделов соединений очевидно, что руководящие командиры частей и соединений 2-й УА, организуя выход частей из окружения, не рассчитывали на выход с боем, об этом свидетельствуют следующие факты.

Оперуполномоченный 1-го отд. ОО НКВД фронта лейтенант гос. безопасности тов. ИСАЕВ был во 2й Ударной армии. В рапорте на мое имя он пишет:

«22 июня было объявлено в госпиталях и в частях, что желающие могут пройти на Мясной Бор. Группы по 100-200 человек бойцов и командиров, легко раненных, двигались на М. Бор без ориентировки, без указателей и без руководителей групп, попадая на передний край обороны противника и в плен к немцам. На моих глазах группа 50 человек забрела к немцам и была взята в плен. Другая группа в количестве 150 человек шла по направлению к немецкому переднему краю обороны, и только вмешательством группы Особого отдела 92 стр. див. переход на сторону противника был предотвращен.

В 20 часов 24 июня по приказу начальника тыла дивизии — майора БЕГУНА весь личный состав дивизии, около 300 человек, тронулись по просеке центральной линии связи на М. Бор. В пути следования я наблюдал движение таких же колонн из других бригад и дивизий, численностью до 3000 чел.

Колонна, пройдя от поляны Дровяное Поле до 3 км, была встречена сильным шквалом пулеметного, минометного и арт. огня противника, после чего была подана команда отойти назад на расстояние 50 метров. При отходе назад получилась массовая паника и бегство групп по лесу. Разбились на мелкие группы и разбрелись по лесу, не зная, что делать дальше. Каждый человек или маленькая группа решали свою дальнейшую задачу самостоятельно. Единого руководства всей колонной не было.

Группа 92 стр. див. в количестве 100 человек решила идти другим путем, по узкоколейке. В результате с некоторыми потерями прошли через шквал огня на Мясной Бор».

Оперуполномоченный 25-й стрелковой бригады — политрук ЩЕРБАКОВ в своем рапорте пишет:

«24 июня с. г. с раннего утра был организован заградотряд, который задерживал всех проходивших военнослужащих, способных носить оружие. Вместе с остатками частей и подразделений бригады

были разбиты на три роты. В каждой роте для обслуживания был прикреплен опер. работник ОО НКВД.

При выходе на исходный рубеж командование не учло то обстоятельство, что первая и вторая роты еще не выдвинулись на исходный рубеж.

Выдвинув третью роту вперед, поставили ее под шквальный минометный огонь противника.

Командование роты растерялось и не могло обеспечить руководство ротой. Рота, дойдя до настила под минометным огнем противника, разбежалась в разные стороны.

Группа, отошедшая в правую сторону от настила, где были оперуполномоченный КОРОЛЬКОВ, командир взвода — мл. лейтенант КУЗОВЛЕВ, несколько бойцов взвода ОО и других подразделений бригады, натолкнулись на ДЗОТы противника и под минометным огнем противника залегли. Группа насчитывала всего 18-20 чел.

В таком количестве группа не могла пойти на противника, тогда командир взвода КУЗОВЛЕВ предложил возвратиться к исходному рубежу, присоединиться к другим частям и выходить левой стороной узкоколейки, где огонь противника значительно слабее.

Сосредоточившись на опушке леса, начальник ОО тов. ПЛАХАТНИК отыскал майора КОНОНОВА из 59 стрелковой бригады, примкнул свою группу к его людям, с которыми двинулись к узкоколейке и выходили вместе с 59 стр. бр.».

Оперуполномоченный 6-го Гвард. минометного дивизиона лейтенант госбезопасности т. ЛУКАШЕВИЧ о 2-м дивизионе пишет:

— Весь личный состав бригады, как рядовой, так и комначсостав, были информированы о том, что выход начнется штурмом ровно в 23.00. 24.06.42 г. с исходного рубежа р. Полнеть. Первым эшелоном двигался 3-й батальон, вторым эшелоном — второй батальон. Из командования бригады, начальников служб, а также командования батальонов никто не вышел из окружения из-за задержки на КП. Оторвавшись от основной массы бригады и, очевидно, начав движение небольшой группой, надо полагать, что они погибли в пути следования.

Оперработник резерва ОО фронта — капитан ГОРНОСТАЕВ, работая на пункте сосредоточения 2-й Ударной армии, имел беседу с вышедшими из окружения, о чем он пишет:

— Через вышедших наших работников, командиров и бойцов устанавливается, что всем частям и соединениям была поставлена конкретная задача о порядке и взаимодействии выхода на соединение боем. Однако в процессе этой операции произошла стихия, мелкие подразделения растерялись, и вместо кулака оказались мелкие группы и даже одиночки. Командиры, в силу этих же причин, не могли управлять боем. Произошло это в результате сильного огня противника.

Установить действительное положение всех частей нет никакой возможности, ибо никто не знает. Заявляют, что питания нет, много групп бросается с места на место, и никто не удосужится все эти группы организовать и с боем выйти на соединение.

Так вкратце характеризуется обстановка во 2-й Ударной армии, сложившаяся к моменту выхода и при выходе ее из окружения.

Было известно, что Военный Совет 2-й Ударной армии должен был идти на выход утром 25.06. с. г., но их выход не состоялся.

Из бесед с Зам. начальника ОО НКВД 2-й Ударной армии ст. лейтенантом госбезопасности тов. ГОРБОВЫМ, с бойцами, сопровождавшими Военный Совет Армии, с шофером Члена Военного Совета тов. ЗУЕВА, с Нач. химслужбы Армии, Прокурором Армии и другими лицами, в той или иной степени осведомленными о попытке выхода из окружения Военного Совета, очевидно следующее:

Военный Совет выходил с мерами охранения впереди и с тыла. Наткнувшись на огневое сопротивление противника на р. Полнеть, головное охранение под командой Зам. Начальника ОО 2-й Ударной армии т. ГОРБОВА вырвалось вперед и пошло на выход, а Военный Совет и тыловое охранение осталось на западном берегу р. Полнеть.

Этот факт показателен в том отношении, что и при выходе Военного Совета отсутствовала организация боя и управление войсками было потеряно.

Лица, выходившие одиночками и мелкими группами после 25.06. с. г., о судьбе Военного Совета ничего не знают.

Резюмируя, следует сделать вывод, что организация вывода 2-й Ударной армии страдала серьезными недостатками. С одной стороны, в силу отсутствия взаимодействия 59-й и 2-й Ударной армий по обеспечению коридора, что в большой степени зависело от руководства Штаба фронта, с другой стороны, в силу растерянности и потери управления войсками штаба 2-й Ударной армии и штабами соединений при выходе из окружения.

На 30.06.42 г. здоровых бойцов и командиров на пункте сосредоточения учтено 4113 чел., среди них есть лица, пришедшие из окружения при весьма странных обстоятельствах, так, например: 27.06.42 г. вышел один красноармеец, который заявил, что он сутки пролежал в воронке и теперь возвращается. Когда ему было предложено покушать, он отказался, заявляя, что он сыт. О пути следования на выход рассказывал необычайный для всех маршрут.

Не исключена возможность, что немецкая разведка использовала момент выхода из окружения 2-й УА для засылки перевербованных красноармейцев и командиров, ранее взятых ими в плен.

Из беседы с Зам. начальника ОО Армии — т. ГОРБОВЫМ мне известно, что во 2-й УА имели место факты групповых измен, особенно среди черниговцев. Тов. ГОРБОВ в присутствии Нач. ОО 59-й армии т. НИКИТИНА сказал, что 240 человек черниговцев изменили Родине.

В первых числах июня во 2-й УА имела место из ряда вон выходящая измена Родине со стороны пом. начальника шифротдела штаба Армии — МАЛЮКА и попытка изменить Родине еще двух работников шифротдела.

Все эти обстоятельства наталкивают на необходимость тщательной проверки всего личного состава 2-й УА путем усиления чекистских мероприятий.

Нач. 1-го отделения 00 НКВД Капитан Госбезопасности — КОЛЕСНИКОВ 01.07.1942 г.

Записка майора Мельникова заместителю Наркома внутренних дел Абакумову

Совершенно секретно

ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР комиссару Госбезопасности 1-го ранга товарищу АБАКУМОВУ

// - ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА — //

// - О срыве боевой операции по выводу войск 2-й Ударной армии из вражеского окружения — //

По данным агентуры, опросам командиров и бойцов 2-й Ударной армии, вышедших из окружения, и личным выездом на место во время боевых действий частей и соединений 2-й, 52-й и 59-й армий установлено:

Окружение 2-й Ударной армии в составе 22, 23, 25, 53, 57, 59-й стрелковых бригад и 19, 46, 93, 259, 267, 282 327 и 305-й стрелковых дивизий противнику удалось произвести только из-за преступно халатного отношения командующего фронтом генерал-лейтенанта Хозина, необеспечившего выполнение директивы Ставки о своевременном отводе войск армии из-под Любани и организации боевых операций в районе Спасской Полисти.

Вступив в командование фронтом, Хозин из района дер. Ольховки и болота Гажьи Сопки вывел в резерв фронта 4, 24 и 378-ю стрелковые дивизии.

Противник, воспользовавшись этим, построил узкоколейную железную дорогу по лесу западнее Спасской Полисти и беспрепятственно стал накапливать войска для удара по коммуникациям 2-й Ударной армии Мясной Бор — Новая Кересть.

Командованием фронта оборона коммуникаций 2-й Ударной армии усилена не была. Северную и южную дороги 2-й Ударной армии прикрывали слабые 65-я и 372-я стрелковые дивизии, вытянутые в линию без достаточных огневых средств на недостаточно подготовленных оборонительных рубежах.

372-я стрелковая дивизия к этому времени занимала участок обороны с боевым составом в 2796 человек протяжением 12 км от д. Мостки до отметки 39,0, что в 2 км севернее узкоколейной железной дороги.

65-я Краснознаменная стрелковая дивизия занимала участок обороны протяжением 14 км с боевым составом 3708 человек протяжением от угла леса южной просеки мукомольного завода до сарая в 1 км от д. Крутик.

Командующий 59-й армией генерал-майор Коровников наспех утвердил необработанную схему оборонительных сооружений дивизии, представленную командиром 372-й стрелковой дивизии полковником Сорокиным, штаб обороны ее не проверил.

В результате этого из выстроенных 11 дзотов 8-й ротой 3-го полка этой же дивизии 7 оказались непригодными.

Командующий фронтом Хозин, начальник штаба фронта генерал-майор Стельмах знали, что противник против этой дивизии сосредоточивает войска и что они не обеспечат оборону коммуникаций 2-й Ударной армии, мер же к усилению обороны этих участков не предприняли, имея в своем распоряжении резервы.

30 мая противник после артиллерийской, авиационной подготовки с помощью танков повел наступление на правый фланг 311-го полка 65-й стрелковой дивизии.

2, 7 и 8-я роты этого полка, потеряв 100 бойцов и четыре танка, отступили.

Для восстановления положения была выброшена рота автоматчиков, которая, понеся потери, отошла.

Военный совет 52-й армии бросил в бой последние резервы — 54-й гвардейский стрелковый полк с пополнением в 370 человек. Пополнение было введено в бой с ходу, несколоченным и при первом соприкосновении с противником разбежалось и было остановлено заградительными отрядами особых отделов.

Немцы, потеснив части 65-й дивизии, подошли вплотную к селу Теремец-Курляндский и левым флангом отрезали 305-ю стрелковую дивизию.

В это же время противник, наступая на участке 1236-го стрелкового полка 372-й стрелковой дивизии, прорвав слабую оборону, расчленил второй эшелон резервной 191-й стрелковой дивизии, вышел на узкоколейную железную дорогу в районе отметки 40,5 и соединился с наступающими частями с юга.

Командир 191-й стрелковой дивизии неоднократно ставил вопрос перед командующим 59-й армией генерал-майором Коровниковым о необходимости и целесообразности вывода 191-й стрелковой дивизии к Мясному Бору с тем, чтобы создать прочную оборону по северной дороге.

Коровников мер не принял, и 191-я стрелковая дивизия, бездействуя и не возводя оборонительных сооружений, осталась стоять в болоте.

Командующий фронтом Хозин и командующий 59-й армией Коровников, будучи осведомлены о сосредоточении противника, все же считали, что оборона 372-й дивизии прорвана небольшой группой автоматчиков, и, следовательно, в бой резервы не вводили, чем дали возможность противнику отрезать 2-ю Ударную армию.

Только 1 июня 1942 года была введена в бой без артиллерийской поддержки 165-я стрелковая дивизия, которая, потеряв 50 процентов бойцов и командиров, положения не выправила.

Вместо организации боя Хозин дивизию из боя вывел и перебросил на другой участок, заменив ее 374-й стрелковой дивизией, которая в момент смены частей 165-й с. д. отошла несколько назад.

Имеющиеся силы своевременно в бой введены не были, наоборот, Хозин приостановил наступление и приступил к перемещению командиров дивизий:

Снял командира 165-й стрелковой дивизии полковника Соленова, назначил командиром дивизии полковника Морозова, освободив его от должности командира 58-й стрелковой бригады.

Вместо командира 58-й стрелковой бригады был назначен командир 1-го стрелкового батальона майор Гусак.

Также был снят начальник Штаба дивизии майор Назаров и на его место был назначен майор Дзюба, в это же время был снят и комиссар 165-й стрелковой дивизии старший батальонный комиссар Илиш.

В 372-й стрелковой дивизии был снят командир дивизии полковник Сорокин и на его место назначен полковник Синегубко.

Перегруппировка войск и замена командиров затянулась до 10 июня. За это время противник сумел создать дзоты, укрепить оборону.

2-я Ударная армия к моменту окружения противником очутилась в крайне тяжелом положении, в дивизиях насчитывалось от двух до трех тысяч бойцов, истощенных ввиду недоедания и переутомленных непрерывными боями.

С 12.VI. по 18.VI. 1942 года бойцам и командирам выдавалось по 400 г конины и 100 г сухарей, в последующие дни выдавалось от 10 г до 50 г сухарей, в отдельные дни бойцы продуктов не получали вовсе; что увеличило число истощенных бойцов, и появились случаи смертности от голода.

Зам. нач. политотдела 46-й дивизии Зубов задержал бойца 57-й стрелковой бригады Афиногенова, который вырезал из трупа убитого красноармейца кусок мяса для питания. Будучи задержан, Афиногенов по дороге умер от истощения.

Питание и боеприпасы в армии вышли, подвоз их воздухом из-за белых ночей и потери посадочной площадки у дер. Финев Луг, по существу, был невозможен. Забрасываемые самолетами боеприпасы и

продовольствие в армию из-за халатности начальника тыла армии полковника Кресика полностью собраны не были.

Всего	Отправлено для армии	Собрано армией
7,62-мм патронов	1 027 820	682 708
76-мм снарядов	2 222	1 416
14,5-мм патронов	1 792	Не получено
37-мм зенитных снарядов	1 590	570
122-мм снарядов	288	136

Положение 2-й Ударной армии крайне осложнилось после прорыва противником линии обороны 327й дивизии в районе Финев Луг.

Командование 2-й армии — генерал-лейтенант Власов и командир дивизии генерал-майор Антюфеев — не организовало обороны болота западнее Финева Луга, чем воспользовался противник, выйдя во фланг дивизии.

Отступление 327-й дивизии привело к панике, командующий армией генерал-лейтенант Власов растерялся, не принял решительных мер к задержанию противника, который продвинулся к Новой Керести и подверг артиллерийскому обстрелу тыла армии, отрезал от основных сил армии 19-ю гвардейскую и 305-ю стрелковые дивизии.

В аналогичном положении оказались и части 92-й дивизии, где ударом со стороны Ольховки двумя пехотными полками с 20 танками немцы при поддержке авиации овладели рубежами, занимаемыми этой дивизией.

Командир 92-й стрелковой дивизии полковник Жильцов проявил растерянность и в самом начале боя за Ольховку потерял управление.

Отход наших войск по линии реки Кересть значительно ухудшил все положение армии. Артиллерия противника к этому времени стала уже простреливать огнем всю глубину 2-й армии.

Кольцо вокруг армии сомкнулось. Противник, форсировав реку Кересть, зашел во фланг, вклинился в наши боевые порядки и повел наступление на КП армии в районе Дровяного Поля.

Командный пункт армии оказался незащищенным, в бой была введена рота особого отдела в составе 150 человек, которая оттеснила противника и вела с ним бой в течение суток — 23 июня. Военный совет и Штаб армии вынуждены были сменить место дислоцирования, уничтожив средства связи и, по существу, потеряв управление войсками. Командующий 2-й армией Власов, начальник Штаба Виноградов проявили растерянность, боем не руководили, а впоследствии потеряли всякое управление войсками.

Это было использовано противником, который беспрепятственно проникал в тылы наших войск и наводил панику.

24 июня Власов принимает решение вывести Штаб армии и тыловые учреждения походным порядком. Вся колонна представляла из себя

мирную толпу с беспорядочным движением, демаскированную и шумную.

Противник идущую колонну подверг артиллерийскому и минометному обстрелу. Военный совет 2-й армии с группой командиров залег и из окружения не вышел. Командиры же, направлявшиеся к выходу, благополучно прибыли в расположение 59-й армии. Только за два дня 22 и 23 июня вышло из окружения 13 018 человек, из них 7000 раненых.

Последующий выход из окружения противника военнослужащих 2-й армии проходил отдельными мелкими группами.

Установлено, что Власов, Виноградов и другие руководящие работники Штаба армии в панике разбежались, от руководства боевыми операциями самоустранились и место своего расположения не объявили, законспирировали.

Военный совет армии, в частности в лице Зуева и Лебедева, проявил благодушие и не пресек панических действий Власова и Виноградова, оторвался от них, это усилило разброд в войсках.

Со стороны начальника Особого отдела армии майора Государственной безопасности Шашкова своевременно не было принято решительных мер по наведению порядка и предотвращению предательства в самом Штабе армии:

2 июня 1942 года в наиболее напряженный боевой период изменил Родине — перешел на сторону противника с шифрованными документами — пом. нач. 8-го отдела Штаба армии техник-интендант 2-го ранга Малюк Семен Иванович, выдавший противнику расположение частей 2-й Ударной армии и место дислокации КП армии. Со стороны отдельных неустойчивых военнослужащих отмечены случаи добровольной сдачи в плен врагу.

10 июля 1942 года арестованные нами агенты немецкой разведки Набоков и Кадыров показали, что при допросах пленных военнослужащих 2-й Ударной армии в немецких разведывательных органах присутствовали: командир 25-й стрелковой бригады полковник Шелудько, помощник начальника Оперативного отдела армии майор Версткин, интендант 1-го ранга Жуковский, заместитель командующего 2-й Ударной армией полковник Горюнов и ряд других, которые предавали команднополитический состав армии немецким властям.

Вступив в командование Волховским фронтом, генерал армии тов. Мерецков повел группу войск 59й армии на соединение с частями 2-й Ударной армии. С 21 на 22 июня с. г. части 59-й армии прорвали оборону противника в районе Мясного Бора и образовали коридор шириной 800 м.

Для удержания коридора части армии развернулись фронтом на юг и на север, заняли боевые участки вдоль узкоколейной железной дороги.

К моменту выхода частей 59-й армии на реку Полнеть выяснилось, что командование 2-й Ударной армии в лице начальника штаба Виноградова дезинформировало фронт и оборонительных рубежей на западном берегу реки Полнеть не заняло. Таким образом, локтевой связи между армиями не произошло.

В образовавшийся коридор для частей 2-й Ударной армии 22 июня было доставлено значительное количество продуктов питания людьми и на лошадях. Командование 2-й Ударной армии, организуя выход частей из окружения, не рассчитывало на выход с боем, не приняло мер к укреплению и расширению основной коммуникации у Спасской Полисти и не удержало ворот.

В силу почти непрерывных налетов авиации противника и обстрела наземных войск на узком участке фронта выход для частей 2-й Ударной армии стал затруднен.

Растерянность и потеря управления боем со стороны командования 2-й Ударной армии окончательно усугубили обстановку.

Противник этим воспользовался и коридор закрыл.

Впоследствии командующий 2-й Ударной армией генерал-лейтенант Власов окончательно растерялся, инициативу в свои руки взял начальник Штаба армии генерал-майор Виноградов.

Последний свой план держал в секрете и никому об этом не говорил. Власов к этому был безразличен.

Как Виноградов, так и Власов из окружения не вышли. По заявлению начальника связи 2-й Ударной армии генерал-майора Афанасьева, доставленного 11 июля на самолете У-2 из тыла противника, они шли лесом в Оредежском районе по направлению к Старой Руссе.

Местопребывание членов Военного совета Зуева и Лебедева неизвестно.

Начальник Особого отдела НКВД 2-й Ударной армии майор Государственной безопасности Шашков, будучи ранен, застрелился.

Продолжаем розыск Военного совета 2-й Ударной армии путем заброски агентуры в тыл противника и партизанских отрядов.

Начальник Особого отдела НКВД Волховского фронта Старший майор Госбезопасности МЕЛЬНИКОВ 6 августа 1942 г.

Протокол допроса обвиняемого Конькова Николая Васильевича

от 26-27 августа 1942 года

КОНЬКОВ Николай Васильевич, 1919 года рождения, уроженец города Уфы, Башкирской АССР, русский, гражданин СССР, образование

5 классов, до призыва в армию работал шофером, местожительство Смоленская область, Вяземский район, Сазоновка.

Шофер машины генерал-лейтенанта ВЛАСОВА.

Допрос начат в 11.15. 26 августа 42 г.

Допрос прерван в 16.30. 26 августа 42 г. до 21.00. 27 августа 42 г.

Допрос окончен в 24.00. 27 августа 42 г.

27 января 1942 г. в М. Вишере я получил назначение водить персональную машину генерал-лейтенанта КЛЫКОВА, в связи с чем я выехал в дер. Папертное, где располагался КП армии. Из деревни Папертное в феврале месяце 1942 г. Штаб армии переехал в деревню Городок, где находился примерно до середины февраля месяца, после чего штаб переехал в деревню Нов. Кереть, затем штаб переехал в деревню Огорели, из деревни Огорели штаб переехал в деревню Озерье, а затем обратно в деревню Огорели.

В конце марта или в начале апреля месяца в виду болезни генерал-лейтенанта КЛЫКОВА вместо него был назначен командующий армией генерал-лейтенант ВЛАСОВ. Я по-прежнему был оставлен шофером персональной машины генерал-лейтенанта ВЛАСОВА.

В качестве шофера персональной машины генерал-лейтенанта Власова я служил до момента окружения нашей армии и моего пленения немцами.

Вопрос: Когда и сколько времени вы находились в окружении?

Ответ: С 29 мая 1942 г. до моего пленения, то есть до 25-го июня 1942 г. я находился в окружении вместе со штабом и личным составом 2-й Ударной армии в районе деревни Н. Кереть — Мясной Бор.

Вопрос: Расскажите подробно все, что вам известно о боевых операциях 2-й Ударной армии в момент, когда она находилась в окружении.

Ответ: Точно рассказать, какие боевые операции проводила 2-я Ударная армия, находясь в окружении, не могу, но со слов красноармейцев и командиров мне было известно, что в июне месяце 1942 г. в районе ст. Мясной Бор удалось прорвать кольцо окружения и сделать «ворота» шириной 300 метров. В это время успели для армии подвезти продукты, эвакуировать часть раненых. Примерно через сутки эти «ворота» немцами были «закрыты», после чего командование армии сосредоточило все усилия на том, чтобы прорвать снова кольцо окружения в районе Мясного Бора, но все попытки успеха не имели.

В последующие дни наша армия снабжалась боеприпасами и продуктами посредством самолетов.

До 20-22 июня 1942 года, находясь в окружении, 2-я Ударная армия сохраняла полный боевой порядок, отдельные полки и бригады сдерживали натиск немецких войск с запада, востока и севера, а основные наши силы вели бои в районе ст. Мясной Бор с задачей прорвать кольцо окружения.

В это время ежедневно из Штаба армии в район Мясной Бор выезжали, а позже ходили пешком командующий армией генерал-лейтенант Власов или член Военного совета армии дивизионный комиссар ЗУЕВ. До 20 июня у командования была полная уверенность в том, что окружение будет прорвано.

20 июня с. г. я слышал от бойцов и командиров, что командующий армией генерал-лейтенант Власов запросил по радио Штаб фронта о том, что предпринять с техникой и мат. частью вырваться, так как из окружения не удастся. Каков был ответ на радиogramму, я не знаю, но на следующий день технику начали уничтожать.

Необходимо указать, что в последнее время полевая артиллерия и зенитная артиллерия свои действия прекратила, ввиду отсутствия боеприпасов. Оборону держали только ружейно-пулеметным огнем.

Попытка снабдить нашу армию боеприпасами посредством самолетов эффекта не имела, так как если в первые дни нашего окружения самолеты имели возможность приземляться в расположении нашей армии и подвозить боеприпасы, то в последние дни этой возможности не стало.

Продуктами армия снабжалась самолетами У-2 и «Дуглас», которые обычно прилетали в ночное время и сбрасывали эти продукты на парашютах.

В районе расположения нашей армии, как днем, так и ночью, господство в воздухе было за немцами. Наша истребительная авиация появлялась изредка. Часто было так, что наши истребители появлялись с опозданием, то есть после того, как немецкие бомбардировщики, закончив бомбардировку наших частей, скрывались.

В ночное время я дважды наблюдал, как наши самолеты У-2 попадались под огонь «Мессершмитов» и расстреливались в воздухе, как один раз было сбито два самолета У-2. Второй раз я лично видел, как было сбито 3 самолета У-2. Часть сбитых самолетов сделала вынужденную посадку в расположении нашей армии, и я лично видел перевязанных раненых летчиков.

В последнее время бойцы частей 2-й Ударной армии питались тем, что ежедневно получали от 80 до 150 граммов сухарей, ели вареную конину и суп, приготовленный из травы.

21 июня 1942 года все работники Штаба армии оставили КП Штаба армии, так как место уже обстреливалось оружейным огнем со стороны немцев, и перешли в КП 279-й бригады, который находился в районе Мясного Бора.

В этот день, после того как была уничтожена мат. часть, командование приказало сосредоточить все силы для удара в районе Мясного Бора. Генерал-лейтенант Власов отправил на передовую так же две роты по охране Штаба армии. Я и еще человек восемь шоферов остались при штабе в качестве охраны и в боях в этот день участия не принимали.

На следующий день, 22 июня с. г., командование издало приказ: всеми имеющимися силами идти на штурм обороны немцев в районе Мясного Бора. Этот штурм намечался на вечер 22 июня, в штурме принимали участие все: рядовой состав, шофера, командующий армией, начальник Особого отдела армии и работники Штаба армии.

В момент подготовки к штурму особенно активно и смело вел себя начальник Особого отдела армии майор Госбезопасности Шашков. Он беседовал с бойцами и ободрял их, призывая проявить мужество и смелость в момент штурма. Во время штурма Шашков шел вместе с бойцами. Командующий армией и работники штаба также держались спокойно и стойко и в момент штурма шли вместе с бойцами.

Штурм начался часов в 9-10 вечера 22 июня 1942 года, но успеха не имел, так как наши части были встречены сильным минометным огнем, в результате чего штурм был отбит и части 2-й Ударной армии — рассеяны. Впоследствии, в виду того, что части рассеялись, организованных боевых действий уже не проводилось и оставшиеся группы бойцов и командиров выходили из окружения самостоятельно.

Вопрос: Назовите всех работников Штаба армии, командиров частей и бойцов 2-й Ударной армии, вместе с которыми вы ходили на штурм и в дальнейшем выходили из окружения?

Ответ: В штурме участвовали:

Генерал-лейтенант Власов — командующий 2-й Ударной армией.

С ним находились его официантка — Мария Игнатьевна, парикмахерша — Зина.

Адъютант командующего — красноармеец (неразборчиво) (штатный адъютант Власова капитан КУЛИК (Кузин. — Н. К.) еще до окружения вылетел на самолете в Москву, в командировку).

Член Военного совета армии — дивизионный комиссар Зуев.

Зам. его адъютанта — ст. политрук СЕЛЕЗНЕВ (штатный адъютант — ст. политрук Бабков в момент окружения вылетел на самолете вместе с секретарем Военного совета КОРОВИЧЕВЫМ Николаем — в Москву).

Начальник Особого отдела армии майор Госбезопасности ШАШКОВ.

Генерал-майор БЕЛЕМЕВ.

Генерал-майор АЛФЕРЬЕВ.

Адъютант — ст. лейтенант (фамилию не помню).

Генерал-майор артиллерии (фамилию не помню).

Комиссар Штаба армии — полковой комиссар СВИРИДОВ.

Его адъютант ПЕТРОВ Михаил.

Военврач 3-го ранга — фамилию не помню.

Ст. военфельдшер — фамилию не знаю, женщина, и ряд санинструкторов, шоферов и бойцов.

Шофера, которых я знаю:

АБРАМОВ Николай — работал на грузовой машине, оборудованной под полевой кабинет генерал-лейтенанта ВЛАСОВА.

ДИЛКНИН Яков Алексеевич — работал на грузовой машине, возил личную охрану генерал-лейтенанта Власова.

МОЛОТОВ Кето Михайлович — шофер легковой машины Военного совета армии.

СУХОМЛИНОВ Яков Павлович — шофер легковой машины ВС.

КОТ Алексей Васильевич — работал шофером на машине вездеходка, возил члена Военного совета.

ВЕРТЮКОВ Иван — шофер начальника Особого отдела.

ГРИНЬКО — шофер начальника Особого отдела.

В момент штурма из числа работников штаба принимало участие 150–200 человек. После того как штурм не удался, утром 23 июня из работников штаба осталось человек 100. Начальник Особого отдела, как я слышал от официантки командующего Марии Игнатьевны, был тяжело ранен, после чего застрелился.

Член Военного совета армии, дивизионный комиссар ЗУЕВ был убит.

Утром 23 июня 1942 г. к нашей группе присоединился ряд бойцов и командиров из частей 2-й Ударной армии, в частности генерал-майор Антюфеев — командир одной из бригад, полковник ЧЕРНЕНЬКИЙ (Черный. — Н. К.).

Генерал-лейтенант ВЛАСОВ дал распоряжение всем оставшимся идти одной группой на север в глубь немецкого тыла по направлению на Финев Луг с тем, чтобы лесами затем выйти из окружения.

Вечером 23 июня 1942 года, продвигаясь на Финев Луг, лесом мы прошли, как я слышал со слов командиров, немецкую оборону и сумели, таким образом, выйти в немецкий тыл.

Вечером 24 июня 1942 года в лесу генерал-лейтенант ВЛАСОВ собрал всех командиров и бойцов и объявил, что предстоит долгий и трудный путь, придется пройти не менее 100 км по лесам и болотам, продуктов никаких не имеется и придется питаться травой и тем, что удастся отбить у немцев. Тут же ВЛАСОВ объявил, что кто чувствует себя слабым, может оставаться на месте и принимать меры по своему желанию.

В этот же вечер разведка сообщила, что впереди лежит большая дорога, вдоль которой идет река.

После прихода разведки генерал-лейтенант ВЛАСОВ провел совещание с работниками штаба, в результате чего было принято решение дальше продвигаться не всей группой, а разбиться на небольшие группы в 20–30 человек.

Было организовано 10 групп, в каждой группе был назначен старший.

В момент организации групп генерал-лейтенант ВЛАСОВ взял с собой только работников Штаба армии и Военного совета, военврача 2-го ранга и официантку Марию Игнатьевну и, оставив всех адъютантов, посыльных офицеров, ушел вперед, после чего я его больше не видел.

Вопрос: Кто ушел вместе с генерал-лейтенантом ВЛАСОВЫМ?

Ответ: Точно знаю, что с генерал-лейтенантом Власовым ушли: начальник штаба — полковник ВИНОВАТОВ; комиссар Штаба армии — полковой комиссар СВИРИДОВ; генерал-майор артиллерии — фамилии его не знаю (Афанасьев. — Н. К.); военврач 2-го ранга — фамилии не знаю; генерал-майор АНТЮФЕЕВ, полковник ЧЕРНЕНЬКИЙ (Черный. — Н. К.) и официантка генерал-лейтенанта ВЛАСОВА — Мария Игнатьевна.

Кроме этих лиц вместе с Власовым ушли еще и работники штаба, но кто именно, я не знаю.

Вопрос: Как были вооружены командиры и бойцы, выходившие из окружения?

Ответ: Командный состав был вооружен пистолетами, наганами и автоматами. Многие бойцы имели винтовки и гранаты. Я лично имел карабин и около 10-20 патронов к нему.

Вопрос: Как вы попали к немцам?

Ответ: Мы решили днем 25 июня 1942 г. перейти дорогу, форсировать реку и в дальнейшем решить, куда двигаться. При подходе к дороге мы оказались в расположении немецкого лагеря, где и были все 8 человек захвачены немцами в плен.

Вопрос: Каким образом вы продвигались к дороге?

Ответ: Выбрав момент, когда со стороны дороги не слышно было шума автомашин, мы начали продвигаться по лесу в полный рост, причем впереди шли какие-то мне незнакомые красноармейцы из нашей группы, за ними шел АБРАМОВ, за АБРАМОВЫМ шел я, а за мной так же шли остальные бойцы. От передних бойцов я находился примерно на расстоянии метров 15, шел, как помню, пятым человеком.

Когда мы продвигались по лесу, неожиданно впереди нас раздался крик «Халът» и послышалась стрельба из автоматов. Впереди идущие красноармейцы начали стоя стрелять из винтовок и наганов. Остальные бойцы также открыли стрельбу. Я лично стрелял в сторону, откуда слышалась стрельба из автоматов, но цели не видел.

Вопрос: Вы и другие бойцы, которые шли вместе с вами, при столкновении с немцами пытались залечь и организовать оборону?

Ответ: Нет. Никто из нашей группы не залег и оборону организовать не пытался. Мы открыли беспорядочную стрельбу, не видя цели. Некоторые бойцы пытались бежать назад, но ничего не вышло, так как немцы в это время нас окружили.

Во время перестрелки трое бойцов из нашей группы были ранены. Я подошел к ним и в это время увидел, что передние бойцы бросили оружие и подняли руки вверх. Я также бросил оружие и поднял руки. К нам подошли 5 немецких солдат и повели нас к своим палаткам. Когда мы вошли в расположение лагеря, то увидели вблизи дороги 5 немецких палаток. Когда нас подвели к палаткам, немецкие солдаты обыскали нас, дали нам закурить и спросили нас, кто еще остался из наших бойцов в лесу.

На вопрос немцев, кто остался в лесу, наши бойцы определенного ответа не дали, сказав, что они не знают.

Вопрос: Из ваших показаний следует, что вы, услышав крик немецкого часового, не пытались залечь и организовать оборону с тем, чтобы оказать немцам вооруженное сопротивление. Скажите правдиво, вы еще до встречи с немцами договорились добровольно сдаться в плен или же, столкнувшись с немцами, в силу трусости и растерянности бросили оружие и сдались в плен?

Ответ: Договоренности о том, чтобы добровольно сдаться в плен, у нас не было. Столкнувшись с немцами, наша группа не залегла и не заняла обороны потому что, услышав крик немецкого часового и стрельбу из автоматов, растерялась, проявила трусость, в результате чего бросила оружие и сдалась в плен.

Кроме этого, я должен правдиво сказать, что настроение как у меня, так и у других бойцов в момент столкновения с немцами, в результате того, что нас командование бросило, и долгого хождения по лесам, плохого питания — было подавленное. Мы все считали, что наше положение безвыходное.

Вопрос: Находясь недалеко от дороги, вы слышали шум проходящих немецких автомашин, немецкие песни и тем не менее сознательно направились в место, где располагались немецкие войска. Из этого следует, что вы заранее сговорились о добровольной сдаче немцам в плен. Это вы подтверждаете?

Ответ: Да, нам было известно, что перед нами на дороге имеются немецкие войска, и мы решили, что дальше ходить по лесам и болотам бесцельно, надо идти к дороге, если удастся, пересечь эту дорогу — выйти в глубокий тыл немцев. Если не удастся, то рисковать тем, что нас немцы могли перестрелять или мы попадем к немцам в плен.

Вопрос: Вы напрасно изворачиваетесь, вы показали, что вас и еще семь бойцов, вооруженных винтовками, взяли в плен 5 немецких солдат, что после этого вам немецкие солдаты сразу же дали закурить.

Из этого следует, что сдались вы немцам в плен добровольно, без какого-либо сопротивления. Это вы подтверждаете?

Ответ: Я на этот вопрос уже ответил и к своему объяснению ничего дополнить не могу.

Вопрос: Находясь у немцев в плену, где вы содержались и чем занимались?

Ответ: Как я уже показал, сдался я в плен 25 июня 1942 года и находился в плену до 15 августа 1942 года.

Вечером 25 июня 1942 года я, вместе с другими военнопленными, был отправлен к деревне Ольховка, где имелся пересыльный пункт военнопленных. Здесь я пробыл 5 дней. Ни на каких работах мы не использовались и содержались в расположении лагеря под открытым небом.

В лагере содержалось около 500 военнопленных, причем ежедневно в лагерь привозили новые партии, а также из лагеря увозили группы военнопленных.

В этом лагере я видел издали батальонного комиссара, фамилию его не знаю, который вначале был назначен старшим нашей группы, а затем, уйдя в разведку, к нам не вернулся. Из работников штаба 2-й Ударной армии я никого не встречал.

Примерно 30 июня 1942 года, с партией военнопленных, был переведен в деревню Сенная Кересть, где также имелся пересыльный пункт. Здесь я содержался около 5–6 дней. В этом пересыльном пункте я ничего не делал и ожидал другого направления.

Среди военнопленных я встретил одного красноармейца из личной охраны генерал-лейтенанта ВЛАСОВА — СОБОЛЕВА, который был легко ранен. От СОБОЛЕВА я узнал, что в лагере также находится повар генерал-лейтенанта ВЛАСОВА — ЗВЕРЕВ Алексей. В дальнейшем я со ЗВЕРЕВЫМ имел личные встречи и беседы. Таким образом, в деревне Сенная Кересть я держал связь с шофером АБРАМОВЫМ, вместе с которым сдались в плен, СОБОЛЕВЫМ и ЗВЕРЕВЫМ.

СОБОЛЕВ и ЗВЕРЕВ рассказали о том, как они сдались в плен, но я сейчас об этом не помню.

В пересыльном пункте в деревне Сенная Кересть в это время было около 3000 человек рядового состава 2-й Ударной армии.

6 июня 1942 г. немецкий офицер отобрал из числа военнопленных 160 человек, в число которых попал я, ЗВЕРЕВ и АБРАМОВ, после чего эта группа была направлена в лагерь военнопленных в деревне Поповка, где я и содержался до 15 августа 1942 г.

Находясь в лагере военнопленных в деревне Поповка, я ежедневно все это время работал на сенокосе. Жил я в это время вместе с АБРАМОВЫМ вначале на конюшне, затем в одном разбитом доме.

ЗВЕРЕВ в лагере работал поваром и жил в отдельном помещении, где жили комендант, старшина, военфельдшер и работники кухни. Все из числа военнопленных.

За все мое пребывание в лагере я, кроме перечисленных выше лиц, других военнослужащих мне знакомых из штаба 2-й Ударной армии не встречал.

Из разговоров между военнопленными и немецкими солдатами я слышал, что немецкие газеты писали о том, что генерал-лейтенант ВЛАСОВ, вместе со своей официанткой Марией Игнатьевной, якобы у немцев находятся в плену.

Других сведений о работниках штаба 2-й армии я ни от кого не имел.

15 августа 1942 г. я решил из лагеря бежать с тем, чтобы перейти линию фронта и вернуться в расположение частей Красной армии. Что и осуществил.

Вопрос: Кому из военнопленных вы говорили о своем намерении бежать из лагеря?

Ответ: Об этом я никому не говорил, даже АБРАМОВУ. АБРАМОВУ я не сказал о своем намерении бежать из лагеря потому, что он поддерживал связь со ЗВЕРЕВЫМ, и я, как одного, так и второго, не считал надежными людьми, которым можно было бы доверять.

Вопрос: Сколько раз вас немцы допрашивали?

Ответ: Немцы меня ни разу не допрашивали.

Вопрос: Когда и где вы проходили регистрацию, будучи у немцев в плену?

Ответ: Регистрацию я проходил в лагере в деревне Поповка примерно в середине июля месяца 1942 г.

При регистрации меня спросили: фамилию, имя, отчество, год рождения, где родился, какую имею специальность. Других вопросов мне не задавалось.

Регистрацию проводил бывший красноармеец из числа военнопленных, фамилию его не знаю, записывал все мои ответы в какую-то тетрадь.

После регистрации мне дали № 13, который был изготовлен из фанеры. Этот номер я носил в кармане.

Вопрос: Какой был режим в лагере?

Ответ: В лагере военнопленных в деревне Поповка был следующий режим:

Подъем в 5 часов утра, пили горячий чай. В 6 часов шли на работу косить и убирать сено. Работали в поле примерно в 5-6 км от деревни Поповка. На каждых 10 военнопленных имелся один конвоир, вооруженный винтовкой. Нароботу выходило от 50 до 100 человек военнопленных.

В 12 часов возвращались в лагерь обедать. На обед давали только суп, изготовленный из муки, круп или гороха.

С 12 часов до 13 часов был отдых и в 13 часов снова выходили на работу и работали часов до 18-19 вечера.

По возвращении в лагерь, вечером ужинали. В ужин нам обычно давали хлеб 150-250 граммов, сыр, иногда сахар и горячий чай. После ужина сразу же был отбой.

Военнопленные из помещений лагеря выходить в деревню не имели права.

Вопрос: Что из себя представляет лагерь военнопленных в деревне Поповка?

Ответ: Лагерь размещался в помещении бывшей колхозной конюшни, а затем в 2-этажном кирпичном доме, который был поврежден при бомбардировке. Лагерь был обнесен колючей проволокой и охранялся 2-3 немецкими солдатами, которые были вооружены винтовками и имели один ручной пулемет.

В лагере размещалось вначале 160 человек, а позже около 90 человек военнопленных. Все были из числа красноармейцев и младших командиров.

Вопрос: Что вам рассказывали военнопленные об обстоятельствах, при которых они сдались немцам в плен?

Ответ: ВАЩЕНКО Яков рассказывал мне, что он попал в плен к немцам в момент, когда сопровождал в санчасть двух раненых адъютантов штаба одной из дивизий 2-й Ударной армии и по дороге вместе с ними попали немцам в плен.

РОЖКОВ Василий говорил, что перешел в плен к немцам добровольно, но в каком месте, не помню, знаю, что это было еще до окружения 2-й армии.

ПОЖИЛОВ также рассказывал, что он к немцам в плен сдался добровольно и перешел линию фронта еще до окружения нашей армии.

Все перечисленные мною выше лица до пленения служили в различных частях 2-й Ударной армии.

Вопрос: Были случаи, когда из лагеря военнопленных делали попытки бежать?

Ответ: Да, такие случаи были. Один случай имел место в июле 1942 г. Два красноармейца сговорились вместе бежать, но потом между собой поспорили, выдали друг друга и оба были немцами расстреляны.

Второй случай имел место в момент работы на сенокосе, бежали два красноармейца, но немцы позже объявили военнопленным, что эти двое военнопленных были пойманы и расстреляны.

Перед моим побегом из расположения самого лагеря сбежал один красноармеец, фамилии не знаю, который перед побегом проник в склад с продуктами, взял продукты, а затем скрылся.

После этого с сенокоса бежал еще один заключенный, который носил штатскую одежду. По его словам, он добровольно перешел линию фронта, раньше был в советских исправительных лагерях, из лагеря был направлен на фронт, но по дороге бежал и перешел линию фронта, имея намерение пойти к себе на родину в Донбасс. Его якобы немцы задержали где-то на дороге и поместили в лагере военнопленных. В лагере военнопленных он пробыл всего 5 дней, после чего бежал в момент сенокосных работ.

Через 2-3 дня, после побега из лагеря человека, который носил штатскую одежду, я также решил бежать, что и осуществил 15 августа 1942 г.

Вопрос: Расскажите подробно, при каких обстоятельствах вы убежали из лагеря военнопленных? Ответ: 15 августа 1942 г. мы вышли на работу в местность, которая располагалась от лагеря на расстоянии примерно 3-4 км.

В этот раз на работу вышло 40 человек, которые были разбиты на 4 группы. Каждая группа имела по одному конвоиру, вооруженному винтовкой. Косили траву на поляне в лесу, причем каждая группа

имела свой участок. Впереди меня косил ЕРШОВ, за мной шел ПОЖИЛОВ, конвойный солдат в это время сидел сзади нас в метрах в 20, чистил винтовку.

Военнопленным, вместе с которыми я работал, я показал, что иду в лес собирать ягоды. Скрывшись за кустами, я бросил косу и побежал. Бежал я лесом минут 10, вышел на грунтовую дорогу, пересек грунтовую дорогу, а затем снова пошел лесом.

Когда отбежал км 2-3, я в лесу нашел малинник, где и остановился собирать ягоды, покушал и ждал, когда наступит вечер. Когда я лежал в малиннике, то я слышал стрельбу со стороны, откуда я бежал.

Вечером 15 августа 1942 г. с наступлением сумерек я начал продвигаться по лесу дальше. Пройдя примерно четыре километра от малинника, я вышел к железной дороге, пересек эту дорогу и снова углубился в лес.

После того как я перешел железную дорогу и прошел лесом около часа, я остановился в лесу на отдых.

17 августа, еще до сумерек, я начал продвигаться дальше лесом по лесной просеке и шел всю ночь до утра.

18, 19 и 20 августа я ночами продвигался по лесу дальше, а днем отдыхал.

20 августа я подошел к передовым немецким позициям и залег в небольшом леске недалеко от расположения немецкой артиллерийской батареи, примерно в 500 метрах с левой стороны, если стоять лицом к фронту. От меня справа, как я предполагал, располагалась какая-то деревня, так как я слышал женские голоса, разговаривающие по-русски, и мычание коров.

Днем 20 августа я из леска переполз в овраг с целью нарвать колосьев ржи. Когда я нарвал колосьев и расположился в овраге, начала стрелять немецкая артиллерия. Когда я перебрался в овраг, то прямо перед собой в километрах 1,5 наблюдал деревню, в которой имелось около 10 домов, по этой деревне немецкая артиллерия и вела огонь.

Вначале стрельбы загорелся один дом, а к вечеру загорелась вся деревня.

Наблюдая обстрел деревни, я, таким образом, имел возможность ориентироваться, где располагаются части Красной армии, и решил с наступлением темноты пробираться в сторону горящей деревни.

Когда я сидел в овраге, на опушке леса мимо меня пробежал немецкий солдат, который мое присутствие не обнаружил.

С наступлением сумерек я стал ползти, дополз до проселочной дороги, вдоль которой шел ров глубиной до пояса, я пошел по этому рву. Пройдя по рву около 500 метров, я услышал крик «Хальт» справа от меня. После окрика, немец что-то еще крикнул мне по-немецки, чего я не понял, я вышел из рва и пополз по траве вперед. Стрельбу по мне немец не открыл. Всю ночь 20 августа с. г. я полз и делал перебежки в

сторону горящей деревни. Заэто время я пересек два небольших рва, разбитое проволочное заграждение и в конце — большой противотанковый ров.

Подойдя к деревне, которая горела, я зашел в два пустых блиндажа с целью найти что-либо из пищи.

Ползком и перебежками я пересек деревню и пошел дальше на выстрелы. В 3–4 часа утра 21 августа 1942 г. я, отойдя от деревни 300–400 метров, направился в один из блиндажей, и неожиданно передо мной, неизвестно откуда, появился красноармеец-связист, который шел и подвязывал провода. Когда мы друг друга заметили, то оба остановились на расстоянии 10 метров друг от друга. Ничего не сказав, постояв 1–2 минуты молча, мы разошлись. Он пошел дальше, а я зашел в блиндаж и сразу же уснул. Проснулся я от сильной канонады, увидел, как мимо моего блиндажа пробежали красноармейцы. После этого я вышел из блиндажа и направился в сторону, куда побежали красноармейцы. Затем я зашел в траншею, где было около 10 красноармейцев, которые начали меня ругать за то, что я шел в полный рост, а затем спросили, кто я такой. Я ответил, что бежал из немецкого плена. Меня из траншеи один красноармеец повел в землянку, где помещался командир 1-го батальона связи, какого полка, не знаю.

Командир батальона подробно меня допросил: кто я такой и откуда я пришел, после чего меня направили к командиру полка, который меня также подробно допросил.

Вопрос: У вас имелся компас или карта?

Ответ: Нет, ни компаса, ни карты я не имел.

Вопрос: Каким образом вы ориентировались?

Ответ: Ориентировался я артиллерийской стрельбой и ракетами.

Вопрос: Мимо каких селений вы проходили от деревни Поповка к линии фронта?

Ответ: По пути никаких селений не встречал, так как я шел все время лесом.

Вопрос: Пересекали ли вы шоссейные дороги и реки?

Ответ: Шоссейных дорог и рек я не пересекал. Пересек я одну проселочную дорогу и небольшие речки.

Вопрос: Чем вы питались в течение пяти суток?

Ответ: Питался я исключительно ягодами, сырыми грибами и колосьями.

Вопрос: Ваши показания неправдоподобны. Скажите правдиво, какое задание вам дали немцы, перебрасывая вас в расположение частей Красной армии?

Ответ: Я рассказал все правдиво, немцы мне никакого задания не дали и не перебрасывали меня в расположение частей Красной армии. Я пришел по собственному желанию.

Вопрос: Будучи в немецком лагере военнопленных, вы брились или стригли волосы?

Ответ: Будучи в немецком плену, я стригся только в пересыльном пункте в деревне Ольховка, после этого я не стригся. В лагере в деревне Поповка я брился только в конце июля месяца 1942 г.

Вопрос: Какие документы у вас были в момент сдачи немцам в плен?

Ответ: В момент пленения при мне были только два документа: красноармейская книжка на мое имя и шоферское удостоверение.

Вопрос: Немцы вас допрашивали о вашей службе в Красной армии?

Ответ: Нет, об этом меня не допрашивали.

Вопрос: А когда вы проходили регистрацию, в лагере вас спрашивали, на какой автомашине вы работали и кого возили?

Ответ: При регистрации меня также не спрашивали об этом, на какой машине я работал и кого возил. Удостоверение шофера я не предъявил.

// _ * * * _ //

Из показаний адъютанта Власова майора Кузина

Власова А.А. я узнал в 1939 г., когда он с группой командиров вернулся из Китая, где они были в командировке, Представление о Власове было общее, как и о командирах, прибывших с ним вместе, так как приходилось их обслуживать.

После окончания работы при разведуправлении вся эта группа командиров, в том числе и Власов, разъехалась на работу в войска, и я о нем не имел представления, где он находился.

В декабре месяце 1941 года я был направлен в распоряжение отдела кадров 20-й армии. По прибытии в армию я был назначен адъютантом к командующему.

Когда я прибыл в распоряжение командующего, то я узнал, что армией командует Власов. С первых дней моей работы я заметил, что Власов очень вспыльчив и груб со своими подчиненными. Бывали случаи, когда он не только ругал начальника отдела, а форменным образом выгонял из кабинета.

Власов очень самолюбив, считал, что только он способный и может работать, а остальных командиров боевого соединения называл лодырями и дармоедами, такое отношение было у него к командирам в 20-й армии и 2-й Ударной армии.

Власов был очень щедрый на государственные средства для расходования на свои личные нужды и экономный на свои личные.

Власов, работая в 20-й армии, считался, уважал и хорошо отзывался, как о военном работнике, только о начальнике Штаба армии генерал-майоре Сандалове.

Успехи 20-й армии под Москвой по разгрому немцев вскружили ему голову и особенно после того, как он был вызван в Москву.

После приезда из Москвы, при встрече с командирами дивизий, а так же, кто к нему приезжал, он рассказывал, что он был у тов. Сталина, что его приняли хорошо и что он внес ряд предложений, которые тов. Сталин одобрил.

Этим разговором он давал понимать, что с ним считаются, что слово его закон, и при крупных разговорах с подчиненными он употреблял выражения, что он может с землей смешать. К подчиненным Власов очень требователен, а иногда даже жесток, это создавало видимость, что он дисциплинированный, но всему этому противоречие — его поведение к начальникам, вышестоящим над ним.

Власов не любил комиссаров, приезжая в дивизию, он с комиссаром не говорил, а комиссары отделов Штаба армии боялись с ним встречаться, ибо он мог без всякого повода да еще при людях выругать.

В фронтовой газете появилась карикатура о немецких генералах, это в то время, когда был снят ряд немецких генералов под предлогом болезней и т. д. Власов, рассматривая эту карикатуру, сказал: «Над кем смеетесь, над чем смеетесь?», что немецкий генерал уйдет в отставку, он дворником не пойдет, ибо он имеет свой капитал, а если он, Власов, будет снят с работы и уволен, то ему придется работать дворником, ибо специальности, кроме военной, нет, капитала тоже не имеет.

Власов имеет духовное образование, и он часто, сидя один, напевал церковные богослужения.

7 марта 1942 г. Власов был вызван в Москву, откуда был направлен зам. командующим Волховского фронта.

Находясь при 2-й Ударной армии, Власов давал понимать, что он имеет большой вес, ибо он неоднократно говорил, что он имеет особое поручение Москвы и что он имеет прямую связь с Москвой.

Во 2-й Ударной армии Власов хорошо дружил с членом Военного совета Зуевым и начальником штаба Виноградовым.

С Зуевым они вместе работали до войны в 4-м корпусе. В беседе с Зуевым и Виноградовым Власов неоднократно говорил, что великие стратеги, это по адресу тов. Мерецкова, завели армию на гибель. Власов по адресу Мерецкова говорил так: звание большое, а способностей... и дальше не договаривал, но он давал понимать. Судя по разговору Власова, он не хотел никого понимать и хотел быть хозяином.

Власов во 2-й Ударной армии не любил начальника особого отдела Шашкова, это Власов не раз высказывал Зуеву, а один раз Власов скомандовал Шашкову выйти из землянки.

С первых дней моей работы Власов меня предупредил, что с ним живет жена, она же и доктор, начальник медпункта при штабе, Подмазенко Агнесса Павловна. Впоследствии я узнал, что она с ним выходила с Киевского окружения и он ее привез в 20-ю армию. Подмазенко чувствовала себя хозяйкой. Она в медпункте почти не находилась, работал фельдшер, а Подмазенко занималась военторгом

и АХО, чтобы были духи и прочее, кроме этого она набралась нахальства отдавать приказания коменданту штаба, а также имела способность наклеветывать на работников штаба, а Власов считал это нормальным явлением.

В феврале месяце 1942 г. она уехала в г. Саратов, ул. Чапаева, 27. После отъезда Подмазенко в этот день в качестве личного повара из военторга перевели Марию Игнатьевну (фамилию ее последнюю забыл), сама она из Белоруссии, проживала около Витебска. Перед началом войны Мария Игнатьевна своего сына 4-5 лет отправила к своей матери в Белоруссию.

Мария Игнатьевна считалась поваром-инструктором при военторге, а фактически не работала.

Она почувствовала хорошее отношение Власова к ней, частенько устраивала истерику, а Власов за ней ухаживал, как за ребенком.

18.06.43 г.

// * * * //

Показания А. Подмазенко от 28 июня 1943 г.

В июне 1941 года, перед началом Отечественной войны, я окончила военный факультет 1-го Харьковского медицинского института, после чего была направлена в действующую Красную армию.

В начале июля того же года меня зачислили на должность младшего врача отдельного полка связи 37-й армии, где и находилась до окружения этой армии войсками противника, то есть до 26-27 сентября 1941 года. Из окружения противника на сторону частей Красной армии вышла 1 ноября 1941 года.

В связи с назначением мужа — Власова А.А. командующим 20-й армией я вместе с ним прибыла в эту армию и при его содействии получила назначение на должность старшего врача медпункта штаба указанной армии.

В 20-й армии я пробыла до января 1942 года. 27 января 1942 года из Красной армии была демобилизована по беременности и уехала к родным.

Где находится сейчас мой муж Власов, я не знаю, но мне известно, что он, будучи заместителем командующего фронтом, в июне 1942 года попал в окружение противника. Однако вышел ли он к частям Красной армии — никаких данных об этом я не имею.

О том, что Власов попал в окружение противника, я узнала из письма работника полевой почты № 1550 Затравкиной, полученного мною в декабре 1942 года. В этом письме Затравкина сообщила, что Власов уже 6 месяцев находится в окружении противника и что адресованные ему письма направляются на базу III 1С № 64.

Последнее письмо от Власова было получено мною 27 мая 1942 года. В данном письме Власов сообщил, что по получении от меня ответа на это письмо он командирует за мной своего адъютанта — капитана Кузина Николая. Однако никто от Власова за мной не приезжал. Осенью 1942 года я посылаю Кузину письмо, в котором просила его сообщить, что ему известно о судьбе Власова. Ответ от Кузина я не получила, и где находится сейчас Кузин, мне неизвестно.

О Власове я больше ни у кого не интересовалась, а также не спрашивала о нем и в Управлении кадров НКО, так как считала, что он известит меня письмом, как только выйдет в распоряжение частей Красной армии.

Из разговоров с Власовым мне известно, что с Кузиным он был знаком по Китаю, где они находились в командировке в 1939 году. В начале декабря 1941 года Кузин был назначен к Власову адъютантом, и с этого времени и познакомилась с ним. Власов был очень доволен Кузиным, и между ними были дружественные взаимоотношения.

По 37-й армии Власов был в хороших взаимоотношениях с генерал-майором Мартьяновым — бывшим начальником Штаба армии, с генерал-майором Степановым — бывшим начальником артиллерии армии, который сейчас работает в Пензе начальником артиллерийского училища, с полковником (ныне генерал-майором) Голдовичем Александром Ивановичем — бывшим начальником инженерного отдела армии. С ним Власов находился в очень хороших, дружеских отношениях.

По 20-й армии Власов дружил с генерал-майором Лизюковым Александром Ивановичем — своим заместителем, с генерал-лейтенантом Сандаловым — начальником Штаба армии, а также с корреспондентом Карменом.

В связи с приказом Главного командования об оставлении города Киева части и штаб 37-й армии, в котором я служила старшим врачом медпункта, 20 сентября 1941 года оставили Киев и стали отходить на восток. Штаб армии передвигался на машинах позади частей, так как части участвовали в прорыве кольца окружения противника, созданного немцами, когда еще войска 37-й армии обороняли Киев.

Фактически об окружении немцами 37-й армии я узнала по прибытии в район села Семеновки близ города Яготина 26-27-го сентября 1941 года от бывшего командующего этой армии генерал-лейтенанта ВЛАСОВА Андрея Андреевича, с коим вместе выехала из Киева.

Ввиду сильного обстрела дороги, по которой следовала наша колонна, ехать на машинах стало невозможно, и по приказанию ВЛАСОВА все машины были уничтожены в лесу между селами Березанью и Семеновкою. Тут же все разбились на небольшие группы, и каждая самостоятельно стала выходить из окружения.

Я лично входила в группу, возглавляемую ВЛАСОВЫМ, состоявшую примерно из 30 человек.

Из-за сильного артиллерийского и минометного обстрела наша группа перешла лесом на небольшой островок среди болот, находившийся недалеко от деревни Семеновки. На этом островке скопилось около 1-1,5 тысяч человек, и он вскоре также стал обстреливаться немцами.

На следующий день с небольшой группой во главе с ВЛАСОВЫМ с этого острова направились в лесок, расположенный с другой стороны деревни Семеновки, откуда ночью перебежали через обстреливавшееся немцами поле в большой соседний лес.

Указанным лесом мы шли около трех дней группой в 10-15 человек работников штаба 37-й армии.

Вместе с нами, как я помню, следовали: начальник разведотдела штаба 37-й армии майор, работник политотдела армии политрук СВЕРДЛИЧЕНКО Евгений, остальных лиц я не знала.

В первых числах октября 1941 года мы подошли к деревне Помокли, что в 3 км от села Соснова.

В связи с тем, что у нас не стало продуктов, а так же чтобы ориентироваться в обстановке, я с согласия ВЛАСОВА пошла в деревню, оставив остальных в лесу, переодев гимнастерку на свитер.

От местных жителей узнала, что на противоположном конце деревни находились немцы и что появляться посторонним здесь было опасно, так как накануне в Помоклях были убиты два немецких солдата, за что немцы расстреляли нескольких граждан.

В деревне я пробыла около часа и, достав продукты, возвратилась обратно.

Придя к выводу, что передвигаться большой группой дальше рискованно, начальник разведотдела и ряд других лиц от нас отделились и стали выходить из окружения самостоятельно, а я осталась с ВЛАСОВЫМ и политруком СВЕРДЛИЧЕНКО.

Следуя по лесу к селу Соснова, мы догнали одного из жителей этого села, возвращавшегося из деревни Помокли, фамилию я его не знаю. Последнего мы попросили помочь достать для нас гражданскую одежду. О себе ничего ему не говорили, но по нашему виду он знал, что являемся командирами Красной армии.

Оставив ВЛАСОВА и СВЕРДЛИЧЕНКО недалеко в лесу, с этим гражданином я зашла в село. Как затем узнала, в селе находились немцы, которые занимали школу в противоположном конце села, где проходила через Соснову дорога.

Из этого села мы ушли на следующий день, не будучи никем задержаны. Я и ВЛАСОВ ночевали здесь у одной старухи, имевшей сына и дочь, а СВЕРДЛИЧЕНКО — у гражданина, с которым я пришла в Соснову.

Припоминаю также такой случай. Когда СВЕРДЛИЧЕНКО находился у местного жителя поселка Сосновы, в его дом заходил немецкий солдат и вымогал у хозяйки сало, молоко и яйца, но последняя ему отказала их дать, заявив, что ничего не имеет. Солдат ударил пистолетом женщину и ушел, не обратив никакого внимания на присутствовавшего политрука.

По уходе из Сосновы, мы направились в деревню Черняховку, но в нее не заходили и, переночевав в поле, пошли дальше. По дороге проходили через деревни Ганзеровку, Граборовку, Яблоневку, Лубовый Гай. В трех последних деревнях находились немцы, но на нас никто не обратил внимания.

Когда проходили через село Ганзеровку, к нам присоединился работник склада 37-й армии, фамилию его не знаю, хорошо известный ВЛАСОВУ и СВЕРДЛИЧЕНКО, в дальнейшем мы следовали вчетвером.

Примерно 10 октября 1941 года мы подошли к селу Верхняя Журавка, близ города Прилуки. Так как уже темнело, то решили остановиться здесь ночевать. В селе мы были остановлены одним местным жителем, который потребовал предъявить ему документы, так как в противном случае он ночевать нам в селе не разрешит и отведет в немецкий штаб. Кто это был за человек, я не знаю, и он о себе нам не говорил. Ему мы заявили, что ночевать в селе не останемся и, не предъявляя документов, от него ушли, не будучи никем задержаны, и заночевали в поле.

При приближении к городу Прилуки, почти на окраине города встретили местного жителя, по национальности еврея, от которого узнали, что в Прилуках находится штаб какой-то немецкой армии и что заходить в город небезопасно.

Поэтому Прилуки мы обошли стороной и остановились лишь за городом в соседнем селе, где переночевали. Немцев в этом селе не было.

В дальнейшем мы проходили через село Сребное, Хмелев, Смелое, Терни. Как помню, две ночи ночевали в селе Добное и одну ночь с селе Смелое. Когда останавливались в этих селах, то немцев в них не было, хотя через названные населенные пункты они ранее проходили.

Между 15 и 20 октября вечером мы подошли к городу Белополье.

Не доходя до города, в стороне видели созданный немцами лагерь военнопленных, где содержалось до 30-40 человек, которых охраняли немецкие солдаты.

Не будучи никем задержаны, мы прошли между этим лагерем и городом. В Белополье не заходили. В дальнейшем мы следовали через ряд сел, из которых помню: Речки, Ястреблиная, Шептуховка, Кромские быки, — по направлению к гор. Курску. Не доходя 80-100 км до Курска, в одном из сел, название его уже не помню, у женщины мы узнали, что в этом селе находились какие-то военнослужащие Красной армии.

Оказалось, что это был партизанский отряд, его возглавлял лейтенант Красной армии, фамилии коего не знаю.

От начальника партизанского отряда получили сведения, что части Красной армии находятся в Курске и что следовало торопиться, чтобы там их застать, так как Курск готовился к эвакуации.

После встречи с партизанским отрядом следовавший с нами работник склада 37-й армии ушел вперед, так как считал, что один скорее выйдет к частям Красной армии. Близ Курска СВЕРДЛИЧЕНКО от нас также ушел вперед с тем, чтобы узнать, где можно перейти линию фронта, предупредив, что при получении сведений о немцах — он возвратится обратно. Однако больше к нам он не приходил.

1 ноября 1941 года я и ВЛАСОВ вошли в Курск, где встретили части Красной армии. Узнав, что город эвакуируется, мы в тот же день выехали в гор. Воронеж.

Линию фронта как таковую мы не переходили, так как примерно на протяжении 150–180 км до гор. Курска ни немецких частей, ни войск Красной армии не встречали и, как уже показала выше, с частями Красной армии встретились лишь по прибытии в гор. Курск 1 ноября 1941 года.

Находясь на оккупированной территории, задержаниям со стороны немцев и оккупационных властей ни разу не подвергались.

Проходя через населенные пункты оккупированной территории, ни старост, ни других представителей немецких властей мы не встречали, поскольку, как я считаю, в то время их там еще не было, так как мы продвигались вслед за передовыми немецкими частями и нам в передвижении и ночлеге в селах никто не препятствовал.

Власов делал высокую оценку действиям частей Красной армии в районе Киева и заявлял, что если бы немецкие войска не окружили бы Киев, они не смогли бы его взять. Успехи немцев он рассматривал как временные и противопоставлял им исторические факты, когда при первоначальных неудачах в войне русские выходили победителями, высказывал свою уверенность, что и в настоящей войне Германия будет побеждена.

Когда выходили из окружения, никаких отрицательных настроений он не высказывал и только желал быстрее соединиться с частями Красной армии.

В отношении СВЕРДЛИЧЕНКО Евгения мне известно, что ему 25–26 лет, житель города Ленинграда, в августе и сентябре 1941 года работал в Политотделе 37-й армии, имел звание политрука. После выхода из окружения противника в середине ноября 1941 года был направлен для проверки в город Урюпинск.

Позднее из письма его к ВЛАСОВУ я знала, что СВЕРДЛИЧЕНКО был направлен на фронт и ему было присвоено звание — старший политрук.

Из показаний М.И. Вороновой

21 сентября 1945 года

Воронова Мария Игнатьевна, 1909 года рождения, прибыла из Берлина и остановилась на жительстве в городе Барановичи.

Вопрос: Скажите, вы знаете бывшего генерал-лейтенанта Красной армии Власова?

Ответ: Да, Власова Андрея Андреевича, бывшего генерал-лейтенанта Красной армии, я знаю с 1942 года по 20-й, а затем по 2-й Ударной армии.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы с Власовым познакомились и что вам известно о его пленении немецкими войсками?

Ответ: В 1942 году, примерно в феврале, я поступила на службу в 20-ю армию как вольнонаемная. Служила в системе военторга шеф-поваром 20-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Власов Андрей Андреевич.

В полевых условиях, примерно после Ново-Петровска, я была переведена работать в столовую Военного совета 20-й армии и тогда лично познакомилась с Власовым.

В начале марта 1942 года Власов был вызван в Москву, куда взял кроме своего непосредственного подчиненного состава и меня, как повара. Из Москвы ввиду назначения Власова на Волховский фронт он выехал туда, с ним выехала и я, а впоследствии он был назначен заместителем командующего 2-й Ударной армией.

Находясь во 2-й Ударной армии при штабе шеф-поваром, я вместе со Штабом армии оказалась в окружении, где также оказался и Власов.

Находясь в окружении, Власов в числе 30-40 человек штабных работников пробовал соединиться с частями Красной армии, но ничего не получалось. Блуждая по лесу, мы соединились с руководством одной дивизии, командиром которой был Черный, и нас стало уже около 200 человек.

Примерно в июне 1942 года, под Новгородом, нас немцы обнаружили в лесу и навязали бой, после которого Власов, я, солдат Котов и шофер Погибко вырвались в болото, перешли его и вышли к деревням. Погибко с раненым бойцом Котовым пошли в одну деревню, а мы с Власовым пошли в другую.

Когда мы зашли в деревню, названия ее не знаю, зашли мы в один дом, где нас приняли за партизан, местная «самооборона» дом окружила, и нас арестовали. Нас посадили в колхозный амбар, а на другой день приехали немцы, предъявили Власову вырезанный из газеты его портрет в генеральской форме, и Власов был вынужден признаться, что он действительно генерал-лейтенант Власов. До этого он рекомендовался учителем-беженцем.

Немцы, убедившись, что они поймали генерал-лейтенанта Власова, посадили нас в машину и привезли на станцию «Сиверская», в немецкий штаб. Здесь меня посадили в лагерь для военнопленных, находившийся в местечке Малая Выра, а Власова через два дня увезли в Германию.

Протокол с моих слов записан верно и мною прочитан.

Воронова.

Допросил: начальник 10-го отделения 20-го отдела УНКГБ Барановической области майор Винокуров.

Допрос Генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова у немцев 14 июля 1942 года

1. Подробности о Волховском фронте и 2-й Ударной армии
«Состав Волховского фронта в середине марта: 52, 59, 2-я Ударная и 4-я армии.

Командующий Волховским фронтом генерал Мерецков.

Командующий 52-й армией — генерал-лейтенант Яковлев.

Командующий 59-й армией — генерал-майор Коровников.

Командующий 4-й армией — неизвестно».

2. Оценка генерала Мерецкова

«Эгоист. Очень нервная рассеянная личность. Спокойная деловая беседа между командующим фронтом и командующим армиями была почти невозможна.

Личные противоречия между Мерецковым и Власовым: Мерецков пытался отстранить Власова. Страдающие очень многими недостатками, неудовлетворительные приказы со стороны штаба для 2-й Ударной армии».

3. Краткая оценка Яковлева

«Хороший военный работник, однако недоволен своим применением. Личность частых переходов. Известен как пьяница».

4. Состав 2-й Ударной армии

«Известные бригады и дивизии. Следует отметить, что находящиеся в Волховском котле части 52-й и 59-й армий и 2-й Ударной армии создали впечатление как очень потрепанные. Большие потери в упорных зимних боях. Оружие налицо в достаточном количестве, однако, недостаточно боеприпасов. В середине марта плохое положение со снабжением, которое изо дня в день ухудшается. О положении врага в середине марта — мало данных. 2-я Ударная армия считала, что в середине марта ей противостоят около 6–8 немецких дивизий. Было известно, что в эти дивизии в середине марта прибыло достаточное пополнение.

Вследствие подчинения 2-й Ударной армии Волховскому фронту, 54-й армии — Ленинградскому фронту, не было единого руководства в наступлении на Любань. Сведения о действительном положении в 54-й армии поступали в штаб 2-й Ударной армии очень скудно и по большей части были составлены заведомо неверно и завышено. Мерецков использовал это с тем, чтобы 2-ю Ударную армию особенно быстро погнать в направлении Любани.

Отходное движение 2-й Ударной армии должно было прикрываться с флангов 52-й и 59-й армиями. Находящиеся в Волховском котле части 52-й и 59-й армий должны были выйти на восток из Волховского котла последними».

5. Причины неудачи отхода

«Крайне плохое состояние дорог (разлив), очень плохое снабжение продовольствием и боеприпасами. Отсутствие единого руководства 2-й Ударной, 52-й и 59-й армиями со стороны Волховского фронта. О том, что прорванное кольцо окружения вновь замкнуто немецкими войсками, 2-й Ударной армии стало известно лишь через два дня — 30.05.

После получения этого известия генерал-лейтенант Власов потребовал от Волховского фронта:

Открытия немецких заслонов 52-й и 59-й армиями. Кроме того, Власов передвинул все находившиеся в его распоряжении силы 2-й Ударной армии в район восточнее Кречна, чтобы открыть с запада немецкий заслон. Генерал-лейтенанту Власову совершенно непонятно, почему со стороны Штаба фронта не последовало всем трем армиям общего приказа о прорыве немецкого заслона. Каждая армия боролась более или менее самостоятельно.

Со стороны 2-й Ударной армии 23.06. было сделано последнее напряжение сил, чтобы пробиться на восток. Одновременно для прикрытия флангов пришли в движение с севера и юга части 52-й и 59-й армий. 24.06 уже было невозможно руководство частями и подразделениями 2-й Ударной армии, и 2-я Ударная армия распалась на отдельные группы.

Генерал-лейтенант Власов особенно подчеркивает уничтожающее действие немецкой авиации и очень высокие потери, вызванные артиллерийским заградительным огнем.

Как полагает генерал-лейтенант Власов, при прорыве из всей 2-й Ударной армии вышло около 3500 раненых и пробились разрозненные остатки отдельных частей.

Генерал-лейтенант считает, что около 60 000 человек 2-й Ударной армии были либо взяты в плен, либо уничтожены. О численности частей 52-й и 59-й армий, находившихся в Волховском котле, он сообщить данные не мог.

Боеспособность 52-й, 59-й и 4-й армий он определяет вообще как малую.

Генерал-лейтенант Власов отрицает необходимость комиссаров в Красной армии. По его мнению, период после финско-русской войны, когда не было комиссаров, был, с точки зрения военного руководства, лучшим».

О «пополнении»

«Старший из призванных возрастов, известный ему, — 1898 г., младший — 1924 г.».

«Новые соединения»

«В феврале, марте и апреле в большом объеме формировались полки, дивизии, бригады. Основные районы, где располагаются новые формирования, находятся на юге, на Волге. О новых формированиях, созданных внутри страны, он плохо ориентирован».

«Оборонная промышленность»

«В Кузнецкой индустриальной области, на юго-восточном Урале возникла значительная оборонная промышленность, которая теперь усилена эвакуированной индустрией из оккупированных областей. Все главные виды сырья здесь налицо: уголь, руда, металл, однако, нефти нет. В СИБИРИ ИМЕЮТСЯ МАЛЫЕ, ДО СИХ ПОР МАЛОИСПОЛЬЗУЕМЫЕ МЕСТОРОЖДЕНИЯ НЕФТИ.

Продукция увеличивается за счет сокращения продолжительности производственного процесса. Мнение Власова таково, что этой индустрии в Кузнецкой области будет достаточно для обеспечения до некоторой степени нужд Красной армии в тяжелом вооружении, даже при потере Донецкой области».

«Продовольственное положение»

«Продовольственное положение сравнительно устойчивое. Полностью нельзя будет обойтись без

украинского зерна, однако в Сибири имеются значительные вновь освоенные площади».

«Иностранные поставки»

«В газетах сильно раздуты поставки из Англии и Америки. Согласно сообщениям газет, якобы поступает оружие, боеприпасы, танки, самолеты, а также и продукты питания в большом количестве. У него в армии были только телефонные аппараты американского изготовления. Иностранного оружия в своей армии он вообще не видел.

О создании второго фронта в Европе он слышал следующее: в Советской России существует всеобщее мнение, нашедшее также отражение в газетах, что еще в этом году англичане и американцы создадут второй фронт во Франции. Это было якобы твердо обещано Молотову».

«Оперативные планы»

«Согласно приказу Сталина № 130 от 1 мая, немцы должны были быть этим летом окончательно изгнаны из России. Началом большого русского наступления было наступление под Харьковом. С этой целью многочисленные дивизии были весной передвинуты на юг. Северный

фронт был запущен. Можно допустить поэтому, что и Волховскому фронту больше не подводилось новых резервов.

Наступление Тимошенко не удалось. Власов, несмотря на это, верит, что, возможно, Жуков перейдет в большое наступление на Центральном участке фронта — от Москвы. У него имеется еще достаточно резервов.

Если бы новая тактика Тимошенко, «эластичная оборона», была применена на Волхове, он бы, вероятно, вышел со своей армией невредимым. Насколько широко эта тактика может быть применена в противовес проводимым ранее практическим установкам, Власов судить не может.

Тимошенко является, во всяком случае, способнейшим руководителем Красной армии.

На вопрос о значении нашего наступления на Дону заявил, что отрез путей подвоза закавказского бензина создает для Красной армии критическое положение, так как замена закавказской нефти едва ли может быть найдена в Сибири».

Стенограмма совещания в горной резиденции Гитлера 3 июня 1943 года

Присутствовали: генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-лейтенант Шмундт, генерал Цейтлер и полковник Шерф.

Совещание началось в 21 час 45 минут.

Кейтель: Вопрос об отношении к пленным, добровольцам из пленных и батальонам из местных жителей на Востоке представляется мне в данный момент в следующем виде. Генерал Цейтлер может меня поправить, если высказываемые мной положения неверны.

Вся пропаганда Власова, которую он развернул, так сказать, самодеятельным порядком, послужила основой для нынешней капитальной пропаганды, проводимой под условным наименованием «серебряный лампас» и рассчитанной на привлечение перебежчиков.

С этой целью были выпущены листовки, содержание которых мы тогда согласовали с рейхсминистром Розенбергом, министром по делам Востока. Они были обсуждены с ним по каждому отдельному слову, он их одобрил и санкционировал. И тогда, с начала мая, можно сказать, развернулась широкая тотальная кампания.

Цейтлер: Часть листовок содержит вопрос о приличном обращении. Это основная масса.

Кейтель: Мы в них, с целью пропаганды, обещаем, что если они перейдут к нам, они встретят у нас особое обращение. Это говорится в изложении приказа № 13, который использован для одной из листовок.

Фюрер: Листовку я видел.

Кейтель: Отдано распоряжение, чтобы перебежчики направлялись в специальные лагеря.

Фюрер: Это все правильно.

Кейтель: И чтобы в дальнейшем они могли вызваться добровольно на роли — прежде всего, обыкновенных рабочих, во-вторых, добровольных помощников на оборонных работах и, в-третьих, при соответствующих обстоятельствах для зачисления в туземные соединения.

Фюрер: Этого мы в листовках не имеем в виду.

Цейтлер: Нет, в листовке, в приказе № 13 этого нет.

Кейтель: Это сказано позднее. После некоторого определенного времени они должны быть переведены на соответствующие роли. Об этом сделал распоряжение командующий Восточными вооруженными силами, на этот счет я осведомлялся. Если они в течение определенного испытательного периода зарекомендуют себя, они могут просить об использовании их в соответствующей роли, как в качестве добровольных помощников, так и для зачисления в туземные соединения.

Эта широкая пропаганда опирается на листовки, которые подписываются «национальными» или «национально-русским комитетом». В этих листовках мы им говорим: с вами будут хорошо обращаться, вы получите хорошее питание, вы получите работу, а также, помимо этого, в листовках содержится призыв: переходите к нам, у нас вы можете вступить в Русскую национальную освободительную армию.

Фюрер: Это следовало раньше доложить мне.

Кейтель: Этот пункт играл важную роль.

Фюрер: Из всего этого я усматриваю сегодня только одно, и это является для меня решающим — необходимо избегать такого положения, когда у нас могли бы создаться ложные представления. Необходимо различать право пропаганды, которую я направляю на ту сторону и то, что в конечном счете мы делаем на самом деле.

Кейтель: Что мы делаем позади нашего фронта?

Фюрер: Не следует допускать даже малейшей мысли насчет того, что мы хотели бы найти, скажем, компромиссное решение. В этом смысле мы имели трагический урок уже в Первую мировую войну в отношении Польши, — я недавно уже указывал на это, — где имело место аналогичное обстоятельство, благодаря обходному маневру появившихся тогда на сцене польских легионов, в начале имевших совершенно безобидный характер. Но внезапно события сгустились. В одном надо себе ясно отдавать отчет.

Я всегда считал, что очень мало есть людей, которые в критические моменты способны сохранять полное хладнокровие и не создавать себе никаких иллюзий. Поговорка, что утопающий хватается за соломинку, к сожалению, остается верной. Она сохраняет силу не только для

утопающего, но и для всякого другого человека, находящегося в опасности. Большинство людей, сталкивающихся с опасностью, видят вещи не так, как они есть в действительности.

Я мог бы сослаться на документы, которые я в свое время получил от Борндта в тот момент, когда последовало отступление, когда неожиданно реальная почва была утеряна и вместо этого возникла иллюзия, именно тотчас после высадки англо-американцев в Северной Африке. Теперь же наши дела обстоят там вполне благополучно, теперь мы должны там наступать. Явное безумие, против которого мне пришлось тогда выдержать такую борьбу, но которое внезапно охватило людей и затуманило их рассудок, до того совершенно ясный и трезвый. В этом одном я усматриваю опасность, если у нас что-нибудь будет таким образом постепенно углубляться.

Теперь у нас достаточно людей. В хозяйстве Розенберга они сидят без числа. Но, к сожалению, они имеются у нас и при армиях. Это — бывшие балтийские дворяне и другие балтийские немцы. Но имеются также и украинские эмигранты, которые со временем обжились в Германии, частично, к сожалению, даже приобрели гражданство, и которые, естественно, смотрят на немецкую освободительную кампанию с большой радостью. Но на фоне событий они видят не наши национальные цели, в перспективе они видят свои собственные цели. Каждый народ думает о себе и ни о чем другом. Все эти эмигранты и советчики хотят только подготавливать себе позиции на будущее время.

Кейтель: В дополнение к этому осмелюсь доложить, что когда Польша действовала против нас, немецкие офицеры, как, например, один командир кавалерийского полка, состоявший в немецкой армии и четыре года участвовавший в боевых действиях, перешел на сторону Польши, чтобы принять на себя командование соответствующими подразделениями. Польское столбовое дворянство!

Фюрер: На сегодня перед нами встает именно такая опасность. Приказ № 13 вообще не подлежит обсуждению. Равным образом и другие вещи можно делать с таким расчетом, чтобы практически из них не вытекало никаких, даже самых незначительных, последствий и чтобы, прежде всего, не допустить распространения такого образа мыслей, какой я, к сожалению, уже обнаруживал у некоторых субъектов. Это несколько раз проявлялось и у Клюге: создадим себе огромное облегчение, если организуем русскую армию.

Здесь я могу лишь сказать: мы никогда не создадим русской армии, — это фантазия первого разряда. Прежде чем мы это сделаем, будет гораздо проще, если я из этих русских сделаю рабочих для Германии; ибо это в гораздо большей степени является решающим фактором.

Мне не нужна русская армия, которую мне придется целиком пронизывать чисто немецким скелетом. Если я взамен этого получу русских рабочих, это меня вполне устраивает. Я могу тогда высвободить немцев, я могу соответствующим образом

переквалифицировать русских. Наибольшим достижением для нашего производства будет являться рабочий, который будет занят на работе в Германии и которого мы должны, естественно, снабжать совершенно иначе, чем немцев, раз мы поручаем работу.

Одного нам нужно решительно избегать — чтобы у нас неожиданно не возникла мысль: может быть, наступит день, когда дела у нас пойдут плохо, — и нам нужно только создать украинское государство, тогда все будет в порядке, тогда мы получим один миллион солдат.

Мы ничего не получим, ни одного человека! Это такая же фантазия, как и тогда. Мы совершили бы величайшую глупость. Мы, прежде всего, упустили бы из виду цель настоящей войны. Я недавно уже сообщал Цейтлеру. Я имел беседу с Розенбергом и Кохом и мог лишь одно установить, что между ними, естественно, имеется огромная разница. Розенберг имеет в своем распоряжении деклассированные политические элементы еще со времен его собственной эмиграции.

Вполне естественно, что в 1919-1922 гг. мы к этим эмигрантам относились с полной симпатией, так как мы говорили, что, может быть, в России наступил перелом. Оказалось, что все это тоже одна лишь фантазия. Эмигранты ничего не делали. Они жили себе в Германии и кормились за наш счет. В 1921 г. я имел по этому поводу спор с Розенбергом, и я ему тогда сказал: «Розенберг, заметьте себе твердо, что революция делается только теми людьми, которые находятся внутри государства, а не вне его». И вот появился украинский гетман, который предложил нам свои услуги. Я сказал тогда: «Розенберг, чего вы ждете от этого человека?» — «О, он организует революцию». Я сказал тогда: «В таком случае он должен находиться в России».

Люди, совершающие революцию, должны находиться внутри государства. В противном случае это было бы равносильно тому, что я находился бы в Швейцарии и сказал бы: «Я организую из Швейцарии революцию в Германии». Это звучит слишком по-детски.

Большая опасность кроется в том, что мы, подстрекаемые эмигрантами, которые, само собой разумеется, видят в этом свою жизненную задачу, слишком легко теряем почву под ногами, что это продолжает развиваться и дальше и что власть неожиданно получают люди, которые еще не обладают этими политическими знаниями и которые даже не знают, как на практике к этому делу подходить.

Мне пришлось однажды пережить такой случай. В числе других тому же Коху был сделан упрек, что в его районе появились партизаны. Кох сказал тогда: «Как вы можете делать мне такой упрек? Покажите мне какой-нибудь прифронтовой район, в котором не было бы партизан? Какие я имею политические соединения? Дайте мне достаточно полиции, и я покончу с партизанами. Уберите из любого прифронтового района войска, и вы увидите, есть там партизаны или нет. В хлеботорговых округах моего района нет партизан, они имеются лишь в северных округах, где так или иначе всегда водились банды.

Войска должны вести постоянные операции против партизан в полосе до 50 километров за линией фронта. Я нахожусь на сотни километров позади фронта и не имею в своем распоряжении никаких людей. С кем я стану все это делать?» Все это является теоретизированием в облаках, без всякого учета того обстоятельства, что мы совсем не собираемся здесь ставить перед собой задачи на далекое будущее. Никаких отдаленных целей я намечать не могу в смысле создания независимых или автономных государств. Ибо начинается дело, и всегда оно кончается независимым государством. Это совершенно ясно, таков бывает заключительный аккорд песни.

Здесь нужно ставить вопрос со всей остротой, чтобы у нас не возникало никаких ложных представлений. Генерал Цейтлер высказался уже, что было бы, может быть, важно, чтобы я эту мою точку зрения изложил при случае наиболее видным офицерам — ив первую очередь генералам и фельдмаршалам.

Кейтель: Ламмерс здесь, чтобы изложить их взгляды в краткой докладной записке. Он уже беседовал со мной по этому вопросу, и я просил его сделать это в срочном порядке, так как нашим генералам очень трудно разъяснить это дело. Я беру на себя смелость заявить об этом открыто. Я это знаю непосредственно от Мюллера и Клюге.

В создании так называемых туземных соединений и в их вооружении они усматривают средства для ликвидации тревожного состояния, существующего в тыловых районах.

Фюрер: Цейтлер расскажет нам о них. Это, несомненно, — такие соединения, которые сегодня нельзя удалить безоговорочно, так как их надо чем-то заменить.

Цейтлер: Мы имеем всего 78 батальонов, 1 полк и 122 роты. Это все. Из этих 78 батальонов 47 находятся в распоряжении фельдмаршала, на Украине и в распоряжении командующего запасной армией. Так что, собственно, впереди остается немного, и все они очень распылены, поскольку они находятся впереди.

Далее имеется особая категория численностью в 60 000 человек. Это — некоторая разновидность охраны. Они сведены в совершенно мелкие группы.

Фюрер: Это нужно. Без этого нельзя обойтись.

Цейтлер: О добровольных помощниках — приблизительно до 220 000 человек. Они распределены в войсках примерно по 4–5 человек на одного артиллериста. Их нельзя убирать.

Кейтель: В этих добровольных помощниках я не усматриваю ни политической, ни пропагандистской, ни иной какой-либо проблемы. Что касается туземных соединений, то там дело опаснее, так как они сведены в достаточно крупные единицы.

Цейтлер: Имеется только одно-единственное подразделение полкового типа. Все остальные сведены в батальоны. Это также не представляет опасности.

Фюрер: С моей точки зрения, решающий момент заключается не в самом факте существования этих соединений, а в том, что мы ни в коей мере не должны дать себя обмануть насчет того, чего вообще мы можем от них ждать, и какое действие это произведет на другую сторону.

Кейтель: Я позволю себе заявить, что мы будем рассматривать этого инициатора пропагандистских листовок, подписанных Власовым, то есть Национальный комитет, как чисто пропагандистское средство.

Цейтлер: Необходимо провести резкую черту. Там, где дело касается противника, там можно все делать, а что происходит внутри, здесь дело обстоит иначе. Здесь должна быть ясная граница.

Кейтель: Я этот вопрос еще раз поставил перед Розенбергом совершенно четко. Я задал ему вопрос: каковы их собственные намерения в отношении Национального комитета? Что касается нас, то мы предполагаем использовать их в целях пропаганды для возможно более широкого привлечения перебежчиков.

Его ответ: сведение этих добровольных помощников (так он их называет) и русских, украинских, кавказских, татарских боевых соединений в Единую русско-украинскую освободительную армию, а также, добавлю я, использование этого предприятия с пропагандистскими целями. Здесь мы имеем дело не только с использованием в целях пропаганды, но и особого рода сосредоточением. А это есть именно то, чего фюрер не желает.

Цейтлер: Этого мы совсем не делаем. Можно было выдавать вознаграждение людям, которые у нас служат, чтобы привязать их к нам, какую-нибудь реальную ценность, будь то деньги или обещание, что они потом что-нибудь получат.

Сосредоточение я считаю совершенно неправильной мерой, и уж ни в коем случае в форме дивизий. Батальоны еще допустимы, их легко держать в руках. Но соединения выше этого не должны допускаться, за исключением казачьей дивизии. Эта последняя будет вести себя вполне порядочно.

Фюрер: Я сказал бы, что если бы мы успешно удержались на Кавказе, мы могли бы наверняка получить соединения не у грузин, а у мелких тюркских народов.

Кейтель: Они будут составлять исключение из вышеуказанного правила, так как они являются сильнейшими врагами большевизма. Они стоят вне дискуссии. Это — тюркские легионы. Это чисто туземные соединения. Я еще раз могу указать на то, что мы говорили в прошлом году, в начале сентября, они — особо отличившиеся в борьбе с бандами туземные соединения.

Фюрер: Они тогда же существовали.

Кейтель: Эти роты, поскольку они состоят из безусловно надежных элементов на добровольческой основе, могут быть оставлены и дальше, а также могут создаваться заново. Так мы и тогда договорились.

Фюрер: Создание еще новых формирований является уже опасным.

Цейтлер: Это, пожалуй, было бы слишком неосмотрительно.

Фюрер: Дальнейшую их организацию надо, естественно, как-то задержать. Ибо этот процесс не имеет никаких границ. Один может это понять так, другой — иначе.

Кейтель: Командующий восточным фронтом также относится благожелательно к созданию этих соединений.

Цейтлер: Нет, ни в коем случае, батальон — самое крепкое подразделение.

Кейтель: Теперь дальше. Подтягивание их к фронту для ввода в бой, а также использование эмигрантов и лидеров прежней интеллигенции впредь, как и раньше, категорически воспрещается. Это оговорено совершенно четко. Такие люди не должны допускаться на фронт. Мы их оттуда удалили. Я сам проделал такую операцию в войсковой группе «Центр». Там в качестве переводчиков на руководящие посты проникли эмигранты, и мы их выбросили.

Шмундт: Нельзя сказать, чтобы генерал-полковник Линдемманн очень хотел создавать эти соединения, но он говорит, что мы должны выделять вопрос о пропаганде в сторону противника. Здесь все средства хороши. Но в тыловом районе дело обстоит так, что мы добились того, что освободили наших солдат для фронта. «Этого мы достигли, — говорит он, — благодаря тому, что я только в районе действия моей армии имею 47 тысяч добровольных помощников, которые, например, обслуживают всю мою железнодорожную сеть, — и это всего-то потому, что они получают питание и жилье, а также сохранили себе жизнь».

Кейтель: Добровольные помощники или туземные соединения?

Шмундт: Добровольные помощники. Но это — люди, которые без всякого надзора со стороны надсмотрщиков или полиции добровольно делают все это. А теперь явился Власов, который разъезжает всюду в качестве проповедника и проповедует национальное освобождение, как в населенных пунктах, так и перед добровольными помощниками и войсками.

Кейтель: Это я уже запретил.

Шмундт: Генерал-полковник Линдемманн говорит не совсем так, как думает господин фельдмаршал: «Мы будем создавать эти соединения в широком масштабе, но я обращаю ваше внимание на существующую в этом деле опасность. Власов их взбудоражил насчет свободы. Он, несомненно, этим больше всего затруднил борьбу с партизанами. Линдемманн говорит, что теперь наступил момент, когда одно из двух: или надо сделать уступку этому Власову, даже если мы не намерены остановить его, и сказать: «Вы за это получите то-то и то-то», или все это дело надо отклонить начисто. Иначе это ударит нам в спину, люди станут выражать недовольство и вместо того, чтобы обслуживать

железнодорожную сеть, в один прекрасный день начнут саботировать ее.

Фюрер: Вообще этот генерал Власов в наших тыловых районах мне совершенно не нужен.

Шмундт: Но он там работает.

Фюрер: Это необходимо прекратить. Он мне нужен только на передовой.

Шмундт: Командующие армиями хотели бы получить такое решение.

Кейтель: Это дело решенное.

Фюрер: Цейтлер, для нас вопрос ясен, для тыла этот Власов нам не нужен. Он может действовать только в сторону противника.

Цейтлер: Только в сторону противника своим именем и своими снимками.

Кейтель: Могу ли я теперь не поставить вопрос, который внесен войсковой группой «Север» через Генеральный штаб, — группа просит разрешения включить добровольцев из числа эстов, латышей и литовцев в немецкие части в качестве немецких солдат и таким путем восполнить все вакансии.

Фюрер: Этого в такой общей форме нельзя делать.

Цейтлер: Существует у нас даже латышская бригада СС.

Фюрер: Это отдельные соединения, но в общей массе это делать не следует.

Кейтель: Если они будут включены в состав армии, они будут фигурировать не в качестве добровольцев в особых частях на основе закона о трудовой повинности, а будут зачислены на имеющиеся вакансии при немецких войсковых подразделениях.

Фюрер: Ни при каких обстоятельствах. Это привело бы к тому, что эти соединения в конечном счете стали бы совершенно ненадежными. Совершенно другое дело, если я иду на уступки и составляю из этих людей отдельный легион. Но он тоже должен быть тщательно подобран и выдрессирован.

Кейтель: Это все делается.

Фюрер: Но если вы будете этих людей включать нормальным порядком в то или иное подразделение, то может случиться, что они внесут с собой яд совершенно беспримерного действия. Этого делать нельзя.

Цейтлер: Из крупных единиц существует только одна дивизия, о которой я докладывал и которая составлена по принципу 1 я 1. Это удивительно. Теперь фактически русские солдаты учат наших людей, как нужно окапываться и использовать местность. У них свой способ окапываться и располагаться в окопе, и это — удивительный способ.

Кейтель: Это дивизия «Нидермайер», в ней имеются турки. Она носит номер 162.

Фюрер: Где она фактически находится?

Цейтлер: Она находится в губернаторстве.

Фюрер: Одно совершенно ясно, что эти соединения мы серьезно использовали только в нескольких пунктах, и там они не показали себя созревшими для серьезной нагрузки.

Цейтлер: Нет, для серьезной — нет! Хотя они в таком положении находятся уже полтора года, они до самого последнего времени остаются такими же ненадежными.

Фюрер: Полагаться на них нельзя. И я вынужден снова повторить: мы можем вести пропаганду в сторону противника как угодно. Это все можно делать. Но мы должны отдавать себе отчет в том, что это не должно вовлечь нас в такое положение, какое мы имели в 1916 году. Этого не должно случиться. Прежде всего, это не должно иметь места. Мы не должны эти соединения готовить для кого-то третьего, кто возьмет их в руки и скажет: сегодня мы с вами заодно, а завтра нет. В один прекрасный день мы услышим нечто вроде забастовочного лозунга. Он обойдет весь фронт, и тогда они окажутся организованными и начнут заниматься вымогательством.

Кейтель: Я могу лишь добавить к этому, что Власов отозван. Его больше нет на фронте. Всякая пропаганда на фронте и его собственная пропагандистская деятельность ему запрещена. Осталось только принять решение, можем ли мы пустить такое оповещение на эту сторону относительно так называемой Освободительной армии.

Фюрер: Да, в этом случае можно все делать.

Кейтель: Я не видел в этом ничего угрожающего. Ибо мы, именно мы, являемся Освободительной армией против большевизма.

Фюрер: Хотя я придерживаюсь того убеждения, что отозвание Освободительной армии будет иметь эффект, ибо люди не хотят воевать, они хотят покоя.

Кейтель: Ну, а как использовать людей из лагерей для перебежчиков?

Фюрер: Я стою на той точке зрения, что их надо вывезти и использовать в Германии. Это — военнопленные. Если бы я мог 30, 40 или 50 процентов из них отдать комиссару по углю!

Цейтлер: Я поставил себе целью сделать из них подходящих рабочих для Германии. На передовой с перебежчиками не очень много успеешь. Одного или другого добровольного помощника я могу поставить на свободную вакансию. Но основная масса должна идти в Германию в качестве рабочих, чтобы освободить немцев.

Фюрер: Я могу лишь сказать: если мы не упорядочим наше положение с углем, то наступит момент, когда я уже не смогу изготавливать боеприпасы и взрывчатые материалы, когда мы не сможем больше строить подводные лодки. Так может произойти в сотне различных областей — это бессмыслица. Но при таких условиях этот момент наступит. Уже теперь получается трагическое положение, когда приходят итальянцы и спрашивают, почему мы им не поставляем

этих материалов. Я должен им их дать. А мы не в состоянии это сделать, потому что у нас слишком мало угля. Это, конечно, расхлябанность.

Кейтель: Итак, я сообщу рейхсминистру Розенбергу, что согласно нашему решению этот вопрос не стоит в повестке дня, что позади нашего фронта мы вообще не намерены добиваться какого-либо практического результата этими средствами, что пропаганду в отношении противника мы этими средствами будем продолжать, что в русском районе мы господину Власову больше не разрешим проявлять активность. Если ему угодно.

Фюрер: Мы и никому другому также этого не разрешим. Мы ведь делаем это не для Коралловых островов, а позволяем вести пропаганду в отношении наших противников. Я убежден, что русские, со своей стороны, будут вести пропаганду против нас. Не следует допускать, чтобы у нас возникали ложные надежды.

Кейтель: Однако генералы, и в особенности Клюге, я это знаю от него лично, я с ним достаточно говорил по этому поводу, склонны видеть в этом некоторую разгрузку.

Цейтлер: Как раз не хватает ясности сверху. Раз и навсегда должна быть дана установка сверху, прямо и без обиняков.

Кейтель: Теперь я позволю себе высказать еще одну просьбу по вопросу, который теперь обсуждается. После того как для относительно добровольных помощников наметились твердые положения, возникает вопрос о выработке четких определений также и для туземных соединений в смысле их состава, подготовки и т. п. Было бы хорошо, если бы мы могли их предварительно получить и показать фюреру. В данное время они прорабатываются у вас в организационном отделе.

Фюрер: Может быть, с помощью сегодняшней стенограммы, сегодня я излагал свои мысли письменно. Ламмерс еще раз просмотрит материал и на основе его составит проект решения.

Впрочем, вы могли бы еще кое-что сделать. Мы можем видеть, как развертывается история. При известных обстоятельствах было бы также возможно еще раз собрать часть наших высших командиров, чтобы я мог им сказать лично.

Шмундт: Это было бы чудесно.

Кейтель: Это было бы очень хорошо. Ибо получается маленький самообман. Люди надеются получить разгрузку, а не знают, какое беспокойство они сами себе создают, какую вонь они заводят у себя в тулупе.

Стенограмма совещания была направлена всем командующим немецкими группами армий и соединений.

Переговоры А. А. Власова с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции

Свидетельство Ю.С. Жеребкова

В январе 1945 года я, с согласия Андрея Андреевича, начал переговоры с Министерством иностранных дел и оберфюрером СС Крэгером с целью добиться их разрешения на непосредственные переговоры КОНРа с Международным Красным Крестом о защите интересов русских добровольцев, попавших в плен к западным союзникам. О судьбе их волновался ген. Власов и все мы, опасаясь — к сожалению, обоснованно — выдачи их Советам. Хотя эти добровольцы и не были подчинены ген. Власову, КОНР имел известное моральное право и обязательство заботиться о них, и даже СС — Хауптamt не мог найти довода, дабы не согласиться с начатой мною акцией. Кроме письменных сношений по этому вопросу с Женевой и моих переговоров с представителем Международного Красного Креста в Берлине, ген. Власов хотел меня послать в Швейцарию с целью не только защиты интересов русских военнопленных, но и для того, чтобы я от имени КОНРа вошел в непосредственные, или через третье лицо, сношения с американским и английским посольством в Берне. Двадцать шестого февраля я вручил лично д-ру Лениху, заместителю представителя Международного Красного Креста (М.К.К.) меморандум от имени КОНРа с просьбой немедленно переслать его в Женеву. Главный представитель М.К.К. находился в то время в замке Уффинг (Ufng) в Баварии. Он, как и все шефы дипломатических миссий, из-за постоянных воздушных налетов на Берлин покинул столицу и переехал на юг Германии.

Одновременно с вручением письменного обращения я начал хлопоты в Швейцарском консульстве о визе для поездки в Швейцарию, сославшись на необходимость личных переговоров с проф.

Бургхардом, представителем М.К.К. Вскоре после этого ген. Власов, при посредстве Министерства иностранных дел, послал телеграмму барону Пилару фон Пилхау — секретарю М.К.К. с просьбой поддержать мою поездку. Мы предполагали, что Пилар — бывший русский офицер — поддержит мою миссию.

Известие о моей предполагавшейся поездке вызвало различную реакцию в германских инстанциях. В то время как Министерство иностранных дел готово было дать свое согласие, круги СС разделились на два лагеря — одни считали, что отказать в разрешении на выезд нельзя, ибо официальная причина поездки — защита интересов добровольцев-военнопленных — должна быть приветствуема. Кроме того, хотя немцы и могли подозревать, что

второй причиной моей поездки было желание связаться с англо-американцами, они не могли это подозрение высказать как причину для отказа, ибо это было бы равносильно признанию невозможности дальнейшего сотрудничества между КОНРОм и германским правительством.

Другие круги СС, более радикальные, были решительно против моей поездки и требовали за предполагающееся «предательство» просто моего физического уничтожения.

В моей беседе с Крэгером я поставил вопрос ребром: или он заявит Министерству иностранных дел, которое должно было выдать все нужные документы, что СС — Хауптамт ничего не имеет против моей поездки, или, в противном случае, ген. Власов и я сочтем действия Хауптамта за выражение открытого недоверия, вследствие чего КОНР будет вынужден сделать соответствующие выводы. В результате этого разговора Крэгер сообщил Хильгеру о согласии Хауптамта.

Четвертого апреля, в отеле «Ричмонд», в Карлсбаде, за несколько часов до моей последней поездки в Берлин, Крэгер сказал мне следующее: «Многие из нас противились вашей поездке в Женеву, догадываясь об одной из ее целей. Теперь я могу вам сказать, что мы не только не против, но, наоборот, будем приветствовать, если вам удастся связаться с англо-американцами!».

Двенадцатого апреля статс-секретарь Министерства иностранных дел, барон Стейнграхт лично отдал распоряжение, чтобы на мой паспорт было поставлено разрешение на выезд.

Тринадцатого апреля д-р Лених просил меня приехать в представительство М.К.К. в Берлине для исключительно важного разговора. Лених, в присутствии юрисконсульта этой организации, сообщил мне, что наконец от проф. Бургхарда пришел ответ следующего содержания, которое он мне передал устно: М.К.К., по получении письменного обращения КОНРа, предпринял все нужные шаги перед англо-американскими правительствами. Однако ввиду деликатности и сложности положения КОНРа, благодаря его сотрудничеству с Германией, защита интересов добровольцев, попавших в плен к западным союзникам, очень нелегка. Для того чтобы облегчить шаги Бургхарда перед англо-американцами, необходима какая-то крупная услуга, какой-то факт, могущий оправдать в глазах западных союзников самое существование Освободительного движения. На мой вопрос, какую услугу или какой факт (мы говорим по-немецки, и при этом д-р Лених повторял слово «*gegenleistung*») может помочь КОНРу, д-р Лених продолжал: ввиду неминуемого крушения Германии М.К.К. и западные союзники опасаются того, что в последний момент СС могут уничтожить всех находящихся в концентрационных лагерях. М.К.К. знает, что политический вес ген. Власова достаточен для того, чтобы с его мнением и его словом посчитались ответственные германские круги. Поэтому Бургхард обращается к Власову с просьбой

как можно скорее снести с Гиммлером и высказать ему пожелание КОНРа и свое личное, дабы этот нечеловеческий акт не был допущен. Я ответил, что ген. Власов в данный момент не в Берлине, но я прошу д-ра Лениха немедленно сообщить проф. Бургхарду, что ген. Власов и возглавляемый им КОНР сделают все для спасения жизни заключенных в концлагерях.

Если для неосведомленных людей заступничество Власова может показаться необоснованным и недостаточным, то для тех, кто знал тогдашнее положение и был посвящен в последние надежды Третьего рейха, — значение мнений и пожеланий Андрея Андреевича было очевидным. С многих сторон раздавались голоса, высказывавшие в действительности иллюзорную надежду на то, что Власов еще может изменить катастрофическое положение Германии. Многие политические и военные руководители считали, что при помощи Власова и Русского освободительного движения, как экспонентов в борьбе против большевизма и Сталина, Германия сможет сговориться с союзниками и совместно продолжить войну против Советского Союза. Я не преувеличу, если скажу, что эта идея возможного сговора с англо-американцами, при использовании имени Власова, была руководящей нитью всех последних германских решений и действий, связанных с Освободительным движением. Именно благодаря этой, фактически нереальной надежде, мою поездку в Швейцарию были готовы поддержать все немецкие инстанции, включая в последние недели и СС — Хауптamt.

В тот же день, то есть 13 апреля, я был принят швейцарским поверенным в делах в Берлине, советником посольства д-ром Цендером (Zehnder), который заявил мне, что несмотря на его поддержку, виза для меня не пришла. Цендер сказал, что присутствие в Швейцарии представителя Освободительного движения, то есть миллионов антикоммунистов, нежелательно в виду того, что это может вызвать раздражение Москвы и повредить интересам страны.

Между Швейцарией и Советским Союзом в то время не было дипломатических сношений, и опасность для швейцарцев, находящихся в Германии, и для связанных с ними экономических интересов при занятии Берлина Красной армией была очевидна. Поэтому Берн затягивает ответ о моей визе, и, наверное, разрешения на въезд мне не дадут. Однако Цендер, живший долгие годы в Москве и выехавший оттуда в 1918 году, хотел всячески помочь и поэтому посоветовал мне проехать к швейцарской границе. На следующий день атташе посольства передал мне от него письмо, которое должно было помочь моему переезду границы. На мой прямой вопрос Цендеру, мог бы ген. Власов рассчитывать на политическое убежище в его стране, он ответил, что, конечно, в данных условиях швейцарское правительство вынуждено было бы ответить отказом.

Пятнадцатого апреля, с помощью члена КОНРа подполковника Тензорова, мне удалось выехать с ним и остатками штаба в Прагу, куда мы приехали утром 17-го. Андрей Андреевич был в Праге, и я смог немедленно повидать его в отеле «Алькрон» и передать ему ответ и пожелания М.К.К. В присутствии ген. Ашенбреннера — шефа военной миссии при ген. Власове и РОА, — Тензорова и моем, Андрей Андреевич поручил Крэгеру немедленно снестись с Гиммлером и передать ему настойчивую просьбу, согласно с пожеланием и просьбой проф. Бургхарда. Было бы несерьезно утверждать, что вмешательство ген. Власова спасло от смерти сотни тысяч узников в концлагерях, но что некоторое влияние на решение Гиммлера оно могло произвести — это исключить нельзя. Самое главное и важное заключается в том, что мировая гуманитарная организация, которой являлся и является М.К.К., обратилась к ген. Власову и КОНРу с просьбой помочь спасти заключенных в лагерях.

Андрей Андреевич после свидания со мной уехал из Праги, сказав мне, что через несколько дней вернется и тогда даст мне все нужные полномочия и инструкции для моих переговоров в Швейцарии. Я остался в отеле «Алькрон», где встретился с проф. Рашхофером и проф. Ейбелем; последний хорошо знал Андрея Андреевича.

Эти известные профессора по поручению Андрея Андреевича составили конспект предполагаемого обращения ген. Власова по радио к открывавшемуся первому собранию Объединенных наций в Сан-Франциско. Возможность сообщить западным союзникам и мировому общественному мнению об истинных целях Движения, а также подчеркнуть, что КОНР является выразителем убеждений и чаяний миллионов русских как вне, так и внутри Советского Союза, была исключительно важна.

Я отмечу еще несколько попыток связаться с западными союзниками:

1. В конце января 1945 года я встретился в Берлине со швейцарским журналистом Георгием Брюшвейлером, родившимся в Москве, который просил меня представить его Власову. До его посещения Андрея Андреевича я имел с ним конфиденциальный разговор, приведший к его обещанию помочь Освободительному движению. По возвращении в Швейцарию он должен был, при посредстве своих крупных связей, переправить англоамериканскому Главному командованию меморандум о Движении и, кроме того, подготовить почву для непосредственного контакта КОНРа с западными союзниками. Во время приема у Власова Брюшвейлер обещал поместить ряд статей в «Нойе Цюри*~~censored~~* Цайтунг», правильно освещавших Освободительное движение. Четвертого или пятого февраля он, с данным ему материалом, выехал в Швейцарию. Насколько мне известно, в «U,ropH*~~censored~~* Цайтунг» статей помещено не было.

2. В марте мне удалось отправить два письма с приблизительно одинаковым содержанием. Одно было адресовано Густаву Нобелю — главе известной семьи (премия Нобеля), которого я лично знал. Он часть своей молодости провел в России и прекрасно говорил по-русски. Это письмо я лично вручил шведскому военному аташе в Берлине — полковнику Данфельду, обещавшему мне переправить письмо с дипломатическим курьером в Стокгольм, где в это время находился Нобель.

Другое письмо было адресовано генералу графу Ф.М. Нироду, с которым я был в очень хороших отношениях. Нирод, живший под Парижем, был родным дядей г-жи Армор — жены американского посла в Мадриде — Нормана Армора. Г-жа Армор — урожденная княжна Кудашева — была воспитана в доме Нирода. Это письмо было отправлено при помощи испанского дипломата, летевшего в Мадрид и обещавшего переслать его дипломатической почтой в Париж.

3. В конце марта я приехал в Прагу, где вел переговоры с министерством о предполагавшемся съезде русских ученых. Там я встретился с проф. Вышеславцевым, которого я уже знал раньше. Вышеславцев, благодаря своим связям в швейцарских научных и политических кругах, получил визу для переезда с женой в Швейцарию и собирался немедленно покинуть Прагу. Он согласился использовать вышеупомянутые связи и помочь Освободительному движению. Проф. Вышеславцев по дороге к границе заехал в Карлсбад, где был принят Власовым, от которого получил инструкции для всех переговоров в интересах КОНРа. Я был в это время в Берлине, поэтому не знаю подробностей разговора Андрея Андреевича с Вышеславцевым. Позже я узнал, что он проехал швейцарскую границу лишь в первых числах мая.

4. По мере продвижения союзных войск на западе, по распоряжению ген. Власова, за линиями англо-американцев оставались лица, снабженные письменными полномочиями КОНРа. Эти лица должны были добиваться приема в военных штабах и вести переговоры о капитуляции частей РОА с единственными условиями — невыдачи их Советам. Часть этих полномочий были подписаны мною от имени ген. Власова и КОНРа.

Послание митрополита Анастасия генералу Эйзенхауэру, главе союзных сил в Западной Европе

Мюнхен, 25 августа 1945 г.

После семи лет ужасной войны — солнце мира возшло над страждущей землей. Этот мир завоеван героизмом Союзных Войск и мудростью, отвагой и самоотверженной доблестью их вождей. Среди их имен — Ваше имя стоит на первом месте. Эти имена будут благословляться теми народами, которым победа Союзных Войск вернула свободу.

С чувством глубокого удовлетворения эта победа была встречена беженцами из разных стран, которые сейчас проживают в Германии. Некоторые из этих беженцев были вывезены из стран, оккупированных немцами, насильственным путем. Чем труднее была их жизнь на чужбине, чем тяжелее ежедневный труд и лишения, — тем больше они стремились вернуться домой, к своим родным.

Только одни русские, которых в Германии было больше, чем представителей любой другой нации, были лишены этой радости. Они были принуждены оставаться на чужбине потому, что между ними и их Домом — стена, переступить которую не позволяют им их совесть и здравый смысл. Психологически многим людям их трудно понять. Трудно понять людей, которые предпочитают тяжелую жизнь на чужбине возвращению к себе домой. Да, это вопрос, который уже давно требует самого тщательного рассмотрения друзьями русского народа и всеми интересующимися судьбами русского народа и России.

Русские, конечно, любят свою родину не менее, чем французы, бельгийцы или итальянцы любят свою. Русские тоскуют по родине. Если, несмотря на это, они все же предпочитают оставаться на чужбине, не имея жилища, часто будучи голодными и не имея юридической защиты, то это только по одной причине: они хотят сохранить самую большую драгоценность на этой земле — свободу: свободу совести, свободу слова, право на собственность и личную безопасность. Многие из них уже состарились и хотели бы умереть на родине, но это невозможно, покуда там господствует власть, которая основана на терроре и подавлении человеческой личности.

Я должен со скорбью свидетельствовать, что это продолжается и сейчас, после окончания войны.

Этот факт засвидетельствован теми из наших соотечественников, которые поехали туда по своей собственной воле или же в результате пропаганды, — и в ужасе вновь бежали оттуда. Замечателен тот факт, что не только интеллигенция, но и крестьяне, и простые рабочие, которые покинули Россию после 1941 года, когда она вступила в войну, и которые были воспитаны в условиях советской жизни — не желают возвращаться в Советскую Россию. Когда пробовали их депортировать силой, они взывали в отчаянии и молили о милосердии. Они даже иногда кончают самоубийством, предпочитая смерть на чужой земле, чем возвращение на родину, где их ожидают одни страдания.

Такое трагическое происшествие имело место 12 августа в Кемптене. В этом месте, в лагере DP ^[95], - большое скопление русских

эмигрантов, т. е. людей, которые покинули Россию вскоре после революции, а также бывших советских граждан, которые несколько позднее выразили свое желание остаться за границей. Когда американские солдаты явились в лагерь с целью разделить этих эмигрантов на две категории и выдать бывших советских граждан в советские руки, то они нашли всех эмигрантов в церкви, горячо молящихся Богу, дабы Он их спас от депортации. Будучи крайне беззащитными и покинутыми, они считали церковь своим последним и единственным убежищем.

Никакого активного сопротивления не было оказано. Люди, стоя на коленях, только молили о помиловании, стараясь, в полном отчаянии, целовать руки и даже ноги офицеров. Невзирая на это, они были силой изгнаны из церкви. Женщин и детей солдаты волокли за волосы и били. Даже священников не оставили в покое. Священники всячески старались защитить свою паству, но безуспешно. Одного из них, старого и уважаемого священника, выволокли за бороду. У другого священника изо рта сочилась кровь, после того как один из солдат, стараясь, вырвать из его рук крест, ударил его в лицо. Солдаты, преследуя людей, ворвались в алтарь. Иконостас, который отделяет алтарь от храма, был сломан в двух местах, престол был перевернут, несколько икон были брошены на землю. Несколько человек было ранено, двое пытались отравиться; одна женщина, пытаясь спасти своего ребенка, бросила его в окно, но мужчина, который, на улице, подхватил на руки этого ребенка, был ранен пулей в живот.

Можно легко представить, какое огромное впечатление произвел этот случай на всех свидетелей. Особенно он потряс русских, которые никак не ожидали такого обращения со стороны американских солдат. До сих пор они видели от них лишь помощь и поддержку. Американские власти всегда выказывали уважение и доброжелательство русским церквям и церковным организациям. Надежда на защиту доблестной американской армии и побудила так многих русских стремиться попасть в американскую зону оккупации.

Считая трагедию в Кемптене единичным случаем, имевшим место по недоразумению, русские люди твердо верят, что ничего подобного никогда больше не повторится. Они надеются, что им, как и раньше, будет оказана благожелательная помощь. Они уверены, что победоносная Американская армия, Армия страны, которая славится своей любовью к свободе и человечеству, поймет их желание отстаивать свои наилучшие национальные и религиозные идеалы, ради которых они страдают уже более 25 лет.

Мы с радостью отмечаем, что мы, русские эмигранты в Европе, не одиноки в этом отношении. Недавно мы получили сообщение от епископов нашей Церкви в Соединенных Штатах о том, что они не согласились признать новоизбранного патриарха в России. Они считают, что было бы несовместимо с их чувством достоинства и

священнической совестью быть в подчинении у учреждения, которое находится под полным контролем Советского правительства, старающегося воспользоваться этим в своих целях. Голос наших собратьев говорит об убеждении их многочисленной паствы в США.

Мы укрепляемся в вере, что стоим на правильном пути, отстаивая свою независимость от Московских церковных и политических властей до времени установления нового порядка в нашей стране, основанного на принципе истинной демократии, то есть свободы, братства и справедливости. Одержав славную победу вместе со своими союзниками и раздвинув свои границы, Россия могла бы стать самой счастливой страной, если бы она вернулась к здоровой политической и социальной жизни.

Будучи уверенными, что победа вечной правды наконец восторжествует, мы всегда молимся, чтобы настали для нее — России — как можно скорее лучшие дни и чтобы мир и благополучие во всем мире установились бы по прошествии дней войны.

Благословение Господне да будет на Вас.

Ваш покорный слуга МИТРОПОЛИТ АНАСТАСИЙ.

Разрешите приложить к этому письму МЕМОРАНДУМ, в котором выражены пожелания русских эмигрантов, имеющие отношение к тем фактам, которые я упомянул в моем письме.

Меморандум

1. Мы просим, чтобы русские, которые не считают себя советскими гражданами и живут на территории Германии, оккупированной Американскими войсками, были бы защищены от насильственной репатриации, невзирая на срок, когда они покинули Россию.

2. Мы просим признать их бесподданными — политическими эмигрантами, и отдать приказ местным властям выдать им документы, свидетельствующие об этом.

3. Мы просим разрешить русским эмигрантам сформировать национальные комитеты, наподобие тех, которые формируются югославянами, литовцами, поляками и другими. Национальные комитеты смогли бы защищать их интересы и быть посредниками между ними и Военным правительством, предоставляя ему нужную информацию.

4. Мы просим предоставить русским эмигрантам работу, которая дала бы им возможность заработать себе на жизнь, а старым, больным и слабым предоставить убежище до того срока, когда русские смогут вернуться на свою родину.

Из протокола судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по обвинению:

А. А. Власова, В.Ф. Малышкина, Г.Н. Жиленкова, Ф.И. Трухина, И. Б. Благовещенского, Д.Е. Закутного, В.И. Мальцева, С. К. Буняченко, Г.А. Зверева, М.А. Меандрова, В.Д. Корбукова и Н.С. Шатова

30 июля 1946 года. Закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР.

Председательствовали — генерал-полковник юстиции В.В. Ульрих, Ф. Каравайков и полковник юстиции Г. Данилов.

Секретари: подполковник юстиции М. Почиталин и майор юстиции А. Мазур.

Секретарь докладывает о том, что все подсудимые, указанные в обвинительном заключении, доставлены в суд под конвоем и находятся в зале судебного заседания. Председательствующий удостоверяется в личностях подсудимых, которые на поставленные вопросы представили свои биографические данные.

Оглашается состав суда и разъясняется подсудимым их право отвода кого-либо из состава суда или состава суда в целом при наличии к тому оснований.

Отвода составу суда подсудимыми заявлено не было.

По предложению председательствующего секретарь огласил обвинительное заключение и определение подготовительного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР от 27 июля 1946 года по делу.

В 13 часов 40 минут председательствующий объявляет перерыв.

В 14 часов 08 минут судебное заседание возобновляется с допроса подсудимого Власова, которому председательствующий по ходу следствия ставит следующие вопросы:

Председательствующий: Подтверждаете ли вы ваши показания от 25 мая с. г., то есть основные ваши показания, — сдаваясь немцам, были ли вы убеждены в правильности действий фашистов и, переходя на их сторону, вы делали это добровольно, согласно вашим убеждениям или как?

Подсудимый Власов: Смалодушничал.

Первые шаги в работе начались с Винницкого лагеря, где шла разлагательская работа с участием капитана Штрикфельдта. Я это подтверждаю. Я также подтверждаю, что разговор между мной и Фильгером, который отражен на странице пятой второго тома, имел место, и я тогда дал свое согласие работать на немцев. Капитан

Штрикфельдт предложил подготовить листовку, что мной и было выполнено, и после этого мы выехали с ним в Берлин.

Я лично знал Кестринга; знал, что это бывший русский помещик, и свои показания о связях с Кестрингом и генералом Хельмигом подтверждаю. В ноябре месяце 1942 года был составлен проект воззвания, а также ряд листовок. Проект этот был не окончательный; он переделывался и лишь впоследствии был опубликован, получив немецкую визу. Листовка была целиком размножена и распространена силами немцев. Немцы в этом были заинтересованы. Штрикфельдт рекомендовал действовать с русской территории и, в частности, из г. Смоленска, вот почему воззвание было помечено как изданное в г. Смоленске.

Председательствующий: Имели ли вы попытку попасть на прием к Гитлеру?

Подсудимый Власов: Да, я пытался, чтобы Гитлер принял меня, но через Штрикфельдта я узнал, что Гитлер не желает видеть меня потому, что он ненавидит русских, и что он поручил принять меня Гиммлеру. Гиммлер действительно меня принял, и в разговоре я узнал, что Розенберг не обеспечил им русского вопроса, и что теперь Гиммлер все русские дела взял на себя и будет лично руководить мной и моими организациями. По предложению Гиммлера предстояло создать КОНР и разработать текст Манифеста. В составлении Манифеста участвовали Жиленков и работники его отдела. Редактировал Манифест лично я сам при участии Жиленкова, Закутного, Малышкина. Написанный нами проект Манифеста был передан на утверждение Гиммлеру. Последний внес в него свои поправки. После этого Манифест был переведен на немецкий язык, и Гиммлер снова проверял его. Постоянным уполномоченным от Гиммлера лично при мне был некто Трегер. Положение о комитете было разработано, но утверждения не получило, и вообще оно в жизнь не проводилось.

Председательствующий: Расскажите о системе финансирования немцами всей вашей организации.

Подсудимый Власов: Финансировались мы полностью немецким государственным банком. С самого начала до 1944 года нам отпускались средства за счет вермахта, а потом, с 1944 года, нас финансировало СС, а с сентября месяца, примерно с 18 числа, пошли переговоры о заключении соглашения. Таким образом, до января 1945 года, надо считать, мы целиком жили на немецкий счет, без предоставления нам кредита. В начале 1945 года были сформированы дивизии.

Председательствующий: Бывали ли вы у Геббельса и какую получили конкретно от него помощь?

Подсудимый Власов: Да, у Геббельса я был, и он обещал оказать мне самую широкую помощь, а именно, передать в мое распоряжение

типографию, обещал отпускать деньги и все необходимое для ведения пропагандистской работы.

Председательствующий: Занимались ли ваши органы и организации разведывательной работой, имелись ли у вас школы для подготовки разведчиков?

Подсудимый Власов: Разведывательной работой мои организации стали заниматься с 1945 года. Имелись у нас школы, в которых готовились специальные разведчики, назначение которых состояло в том, чтобы в тылу Красной армии и вообще на советской территории организовывать повстанческие организации и бороться с Советской властью.

Председательствующий: Какую роль в вашей организации играл Жиленков?

Подсудимый Власов: Он являлся начальником управления пропаганды. Он также был в курсе всей разведывательной и иной работы против Советской власти. Данные мной на этот счет показания от 7 февраля с. г. я подтверждаю.

Председательствующий: Подтверждаете ли вы, что с 1 апреля ваши организации широко развернули контрразведывательную деятельность?

Подсудимый Власов: Да, это правильно. В 1945 году мы приняли от немцев школы разведчиков и стали сами заниматься подготовкой, но выпустить сумели только одну школу.

Председательствующий: Листовки за вашей подписью фактически были продиктованы и исходили от немцев, не так ли? Где же здесь представители русского народа, от имени которого издавались эти листовки?

Подсудимый Власов: До 1944 года немцы делали все только сами, а нас использовали лишь как выгодную для них вывеску. Даже в 1943 году немцы не разрешали нам писать русских слов в этих листовках. Наше участие, вернее, наша инициатива во всех этих делах даже в 1945 году едва ли превышала 5 процентов.

Председательствующий: Кто же дал право писать и говорить от имени русского народа?

На этот вопрос Власов ответа не дал.

Председательствующий: Подсудимый Малышкин, подтверждаете ли вы свои показания, а также показания, которые вы сейчас слышали со слов Власова? Кто, кроме вас, подписывал листовки?

Подсудимый Малышкин: Да, мои показания и показания Власова подтверждаю. От Жиленкова лично узнал, что листовки подписывались Жиленковым, Благовещенским и другими.

Председательствующий: Подсудимый Жиленков, подтверждаете ли вы эти показания Малышкина?

Подсудимый Жиленков: Да, подтверждаю. Я листовки подписывал в Смоленске. Для этого я был вызван начальником немецкой разведки

центрального фронта Шубатом, который познакомил меня с политической платформой и пригласил подписать листовку.

Председательствующий: Подсудимый Благовещенский, подписывали ли вы листовку?

Подсудимый Благовещенский: Я не помню.

Председательствующий: Подсудимый Жиленков, составляли ли вы проект положения об ударных дивизиях и докладывали ли его Власову?

Подсудимый Жиленков: Да, Власову я в общих словах рассказал мой проект, но письменно о формировании белогвардейских бригад не доносил. Формирование закончить не удалось.

Председательствующий: Организовывали ли вы подрывную работу в тылу Красной армии?

Подсудимый Жиленков: Да, все время. Это предполагала сама наша деятельность.

Председательствующий: Подтверждаете ли вы ваши показания от 28 мая 1946 года?

Подсудимый Жиленков: Да, но я говорю о другом плане, первом плане 1942 года. Этот план я читал и знаю.

Председательствующий: Подсудимый Власов, участвовали ли в выпуске школы разведчиков? Почему отрицали это?

Подсудимый Власов: Я не отрицаю, меня просто не поняли. На выпуске школы разведчиков я участвовал, держал антисоветскую речь, но спецзаданий перед разведчиками не ставил.

Председательствующий: Подсудимый Мальцев, напомните Власову ваши показания на очной ставке.

Подсудимый Мальцев: Это было в середине мая. Ко мне заехали Власов и Жиленков и пригласили меня поехать с ними в школу на выпуск разведчиков. Школу возглавлял Калугин, и поэтому я был уверен, что это наша русская разведывательная школа, школа РОА. Показания мои на этот счет являются правильными, и я их подтверждаю и заявляю, что Власов выступал перед выпускниками и в своей речи преподавал конкретное задание.

Подсудимый Власов: Показания Мальцева я подтверждаю.

Председательствующий: Подсудимый Мальцев, когда встал вопрос о переезде на юг Германии, предложили ли вы кому-то из своих подчиненных доложить о 18 арестованных Власову и какие вы дали установки?

Подсудимый Мальцев: Да, я предложил Тухольникову доложить о 18 арестованных Власову и просить его указания, как поступить с ними. Причем на шесть человек из числа арестованных дела были закончены, и я рекомендовал настаивать на их расстреле. Власов расстрел шести человек утвердил.

Подсудимый Власов: Да, так было, но это было единственный раз, когда я утверждал смертные приговоры, и то потому, что доложил мне об этом Мальцев.

Председательствующий: Подсудимый Трухин, знал ли Власов о существовании школ разведчиков?

Подсудимый Трухин: Безусловно, лично я неоднократно докладывал об этих школах Власову, и он был в курсе дела.

Председательствующий: Попутно ответьте, куда девался Шаповалов?

Подсудимый Трухин: Мне неизвестно.

Председательствующий: Подсудимый Власов, в разговоре с Крэгером и Радецким поднимался ли вопрос об активной диверсионной деятельности в советском тылу?

Подсудимый Власов: Радецкий бывал у меня и всякий раз требовал от меня людей для комплектования школы разведчиков; я же настаивал на том, чтобы школы отдали нам, и только в этом случае я обещал давать в эти школы людей. Я лично был настроен готовить руководителей восстаний в советском тылу, а не диверсантов. В Штабе армии был создан контрразведывательный отдел во главе с неким Грачевым.

Председательствующий: Финансовое соглашение января 1945 года было ли подписано Министерством иностранных дел Германии?

Подсудимый Власов: Да. И вообще этот вопрос немцы поставили сами через Крэгера, а соглашение со мной было заключено Министерством финансов. Я использовал самые разнообразные кредиты, которые отпускались Министерством внутренних дел, Министерством иностранных дел и т. д. Ни от каких субсидий я не отказывался, даже был использован белоэмигрантский фонд, состоявший из 24 ящиков золота и серебра. Этот фонд еще во времена врангелевщины русскими белогвардейцами был вывезен из Петрограда. Он находился долгое время в Сербии, немцы его там арестовали, и генералу Крейтеру было приказано вывезти фонд в Баварию, в местечко Тагензее, южнее Мюнхена. Золото это было из России, но больше там было серебра, и, главным образом, все в ценных вещах.

Председательствующий: А что вас побуждало общаться с Недичем и обмениваться с ним любезностями?

Подсудимый Власов: Я это делал, главным образом, по рекомендации немецкого представителя при мне. Фактически Недича я никогда не видел. Я посылал поздравительные телеграммы и адреса Риббентропу, Гиммлеру, Гудериану от имени русского народа.

Председательствующий: Вы, кажется, были близки с душепителем чехословацкого народа Франком, протектором Чехии и Моравии, и посылали в его адрес различного рода поздравления?

Подсудимый Власов: Да, это имело место. Франк в свое время предоставил нам территорию и все необходимое, а позднее он помог нам автотранспортом перебраться на юг Германии.

Председательствующий: Вы имели сношение с небезызвестным Кальтенбрунером и также обменивались с ним «любезностями»?

Подсудимый Власов: Да. Кальтенбрунер прислал мне телеграмму от имени Гитлера о моем назначении главнокомандующим. Телеграмму я получил через обер-фюрера Крэгера. Одним словом, с ноября 1944 года мы кругом были обставлены СС.

Председательствующий: Когда ваше положение оказалось неважным, что вы решили, было ли решено бежать на территорию оккупационной зоны американцев? Как вы думали вывернуться из того неловкого положения, в котором вы оказались перед американцами? Ведь вы в ваших листовках всячески клеймили американцев? Рассчитывали ли вы на помилование?

Подсудимый Власов: Я не располагал никакими данными в той части, как отнесутся к нам американцы или англичане.

Председательствующий: А обращались ли вы к гросс-адмиралу Деницу?

Подсудимый Власов: С Деницем я связи не имел, но в 1943 году я виделся с его начальником штаба.

Председательствующий: Каким же образом от вашего имени действовал у американцев Меандров?

Подсудимый Власов: Я вообще никаких указаний не давал. Я лишь ставил вопрос, чтобы меня не выдавали. Но, разумеется, я знал, что если я и буду выдан, то антисоветская работа на этом, естественно, не прекратится.

Председательствующий переходит к допросу подсудимого Малышкина и ставит перед последним следующий вопрос: «Ответьте, как вы попали к немцам?».

Подсудимый Малышкин: Я сдался немцам из-за трусости.

Председательствующий: А антисоветская деятельность проводилась вами из-за трусости или по убеждению?

Подсудимый Малышкин: Только по убеждению.

Председательствующий: По указке или по убеждению вы подписывали документы?

Подсудимый Малышкин: Это я сделал после основного разговора с Власовым.

Председательствующий: А с кем из русских людей, от имени которых вы выпускали документы, когда-нибудь вы разговаривали?

Подсудимый Малышкин: Ни с кем.

Председательствующий зачитывает показания Малышкина и ставит вопрос, подтверждает ли Малышкин эти свои показания.

Подсудимый Малышкин: Показания мои правильные. Я принимал участие в редактировании документов, но до этого я их не видел, хотя подробности о них мне были известны. Бывший смоленский бургомистр Меньшагин в Карлсбаде мне рассказывал, что он также подписал воззвание комитета.

Председательствующий: В чем заключалась ваша работа после подписания листовки?

Подсудимый Малышкин: Яис этой стороны имел прямое отношение к формированиям воинских единиц РОА. Когда части РОА по требованию немцев стали перебрасываться на запад, я должен был убеждать рядовых, чтобы отвлечь их от перехода на советскую сторону. Я все объяснял как временную меру, а по сути дела, я занимался обманом. Делал это я, имея от Власова специальное письмо. Я пропагандировал за то, чтобы драться с союзниками, особенно после того, как была осуществлена высадка англоамериканских войск. Я призывал к активному сопротивлению. Я это делал потому, что являлся ближайшим помощником Власова. На моей обязанности лежало подбирать кандидатуры в комитет. Я редактировал Манифест. Я выступал в Праге с положением-уставом о комитете, и моя роль на пражском совещании была, безусловно, руководящей. Если Трухин был у Власова первым лицом по военной организации, то я лично занимал руководящее положение в организационных вопросах, а Жиленков — в агитационно-пропагандистских.

Председательствующий: А как оплачивались «активные» должности, которые вы занимали?

Подсудимый Малышкин: Мы состояли в списках школы отдела пропаганды вермахта, которая находилась в Дабендорфе — это на окраине Берлина, где долгое время жили я, Власов, Трухин.

Председательствующий: А каково было материальное положение первого заместителя Власова, то есть ваше?

Подсудимый Малышкин: До декабря месяца я получал 240 с лишним марок в месяц, а с декабря стал получать 900 марок и продпаяк. КОНР все-таки являлся такой организацией, которая в основном субсидировалась по линии СС. Должен заявить, что я в число правителей России не готовился. Разговоры Власова с немкой на тему, как они будут управлять Россией, признаюсь честно, я не слышал.

Председательствующий: А как вы думали вывернуться перед американцами?

Подсудимый Малышкин: Мы намеревались доказать американцам, что с немцами мы сотрудничали вынужденно, что немцы наши враги. Я был принят американским генералом Пэтчем и от имени Власова просил последнего не выдавать нас Советам, а предоставить нам право убежища. Петч категорически заявил, что политических вопросов он не решает, и предложил сдаться американцам. Я находился на положении военнопленного у американцев. Я не скрываю, что я писал определенные записки для американцев. Я заявил американцам, что репатриироваться я не собираюсь и что живьем в руки Советам я не дам. Меня содержали на привилегированном положении, я находился в лагере американской разведки, и здесь я выдал некоторые секреты СССР. Но после этого положение вдруг резко изменилось. Если ранее

один из американских офицеров, разведчик, заверял меня о благожелательном отношении ко мне со стороны американцев, мне официально предлагали освобождение, паспорт и прочее, потом вдруг меня перевели в тюрьму, а 26 марта 1946 года передали в советскую зону оккупации.

Председательствующий переходит к допросу подсудимого Трухина, перед которым ставит следующий вопрос:

— Расскажите, Трухин, как вы сдались немцам, по убеждению или из-за трусости?

Подсудимый Трухин: По трусости. На первых же допросах я дал о себе лично самые пространные показания. На вопросах, связанных с военной тайной, немцы не настаивали, и поэтому я из этой области никаких показаний не давал.

Председательствующий: Чем же, в таком случае, объяснить, что вы получили от немцев назначение на должность начальника лагеря?

Подсудимый Трухин: Начальником лагеря я не был. В этой части запись не совсем точная. Я был всего лишь старшим в лагере.

Председательствующий зачитывает содержание документа немецкой разведки с характеристикой на Трухина.

Подсудимый Трухин: Этот документ о моей благонадежности и пригодности к использованию мне известен. Меня перевели в лагерь Восточного министерства под Берлином, и после этого я включился в организационную работу. Я занимался преподавательской работой и готовил кадры для оккупированной немцами территории, а в марте 1943 года я присоединился к Власову. В конце 1943 года я обращался с письмом к Деницу и просил его принять Власова. Я подписывал это письмо, как советский генерал. Я входил в созданную Мальцевым РТНП, был в составе ее ЦК, я написал раздел программы этой организации по военному отделу. Я организовал этот военный отдел. Я представил немцам на утверждение наши мероприятия. Позднее я связался с Белоэмигрантским национальным трудовым союзом «Новое поколение», в 1942 году вошел в состав этой организации и с весны 1944 года состоял членом исполбюро этой организации. При Власове я был официальным представителем от названной мной организации, но Власов об этом не знал, так как о принадлежности к этой организации оглашать не рекомендовалось. Она была полулегальной, и немцы к ней не благоволили. В качестве представителя я проводил точку зрения, изложенную в программе, и под этим же углом издавались различного рода брошюры. В этом мне помогали Зайцев и Степанов. Наша точка зрения в основном не расходилась с 13-ю пунктами Власова. В начале 1943 года я редактировал новое издание программы союза под названием «Схема народного-трудового строя». Я вербовал членов из курсантов школы в Дабендорфе и руководил военными вопросами союза.

Председательствующий: Но вы же являлись и организатором разведшкол?

Подсудимый Трухин: Да, этот вопрос интересовал нас с первых же дней нашей деятельности. Власов давал установки засылать как можно больше своих агентов в советский тыл и меньше пользоваться немецкой агентурой. Отдел безопасности комитета возглавлялся Калугиным, он же руководил школой. Школа также была организована в районе Мариенбада. Я давал указания набирать людей из дивизии Буняченко. Я стремился иметь свою собственную школу. В 1945 году в Братиславе я организовал такую школу, во главе которой поставил белоэмигранта Иванова, а персонал подобрал из имевшегося у меня резерва. Эта школа работу начать не могла ввиду наступления частей Красной армии и выпуска ни одного не сделала.

Председательствующий: В чьем же ведении находился Отдел безопасности комитета?

Подсудимый Трухин: В ведении Малышкина. Организован он в ноябре 1944 года Калугиным и начальником отдела безопасности КОНРа Тензеровым — доцентом, математиком, настоящая его фамилия как будто Пузанов. В задачу отдела входило выявлять людей, враждебно настроенных к Власову, удалять их и обеспечивать работу учреждений и формирований, а также обеспечивать личную охрану Власова, связь с СД. Я к этому отделу имел прямое касательство и постоянно имел все рабочие сводки. Затем я у себя в отделе организовал контрразведку во главе с Чекаловым. Руководил разведкой лично я сам. В дивизиях были специальные офицеры для этой работы. Моя контрразведка была связана с штабом Кестринга, с представителями СС в лице Фосса. После издания Манифеста мы приступили к формированию дивизий.

Председательствующий: А какие имелись задания от немцев по обороне Берлина и что вами было создано?

Подсудимый Трухин: Из СС получали на этот счет неоднократные приказания о формированиях.

Было сформировано нечто вроде танково-истребительного отряда из 50 человек под командованием адъютанта Власова белоэмигранта Сахарова. Власов сам лично указывал, что и как формировать, а я это все выполнял. Позднее была попытка сформировать танково-истребительную бригаду под руководством Шаповалова.

Председательствующий: В апреле 1945 года была ли вами составлена программа о подготовке разведчиков?

Подсудимый Трухин: Да. Когда мой работник некто Гай доложил, что прежняя программа непригодна, то я рекомендовал ему переработать программу, что он и сделал, представив ее на мое утверждение.

Председательствующий: Что вы стали делать в связи с наступлением Красной армии?

Подсудимый Трухин: Я пытался бежать на оккупированную англо-американскими войсками территорию, но не добежал, был схвачен. В мае 1945 года полковник Азберг и Поздняков были посланы к американцам для ведения переговоров, но 5 мая 1945 года они вернулись с документом, в котором говорилось, что командование американской армии готово принять власовцев, но с условием, что они сдадут оружие и будут на положении военнопленных.

Председательствующий: Подсудимый Жиленков, кратко изложите суду, в чем вы признаете себя виновным.

Подсудимый Жиленков: Я признаю себя виновным перед Советской властью в том, что в 1941 году, попав в районе Вязьмы в окружение, я сдался немцам в плен под видом шофера Максимова и с ноября 1941 до мая 1942 года вместе с другими шоферами служил в германской 252-й пехотной дивизии.

Тогда у меня не было умысла изменить своей Родине. Я лично сколотил группу из шоферов, которая под моим руководством проводила антигерманскую деятельность. В частности, нам удалось совершить несколько диверсий в тылу германских войск. При подготовке взрыва гжатского армейского склада я был предан лесником Гжатского лесничества Черниковым и был вместе с группой арестован немцами. На допросе у немцев мне было объявлено о том, что я буду расстрелян за антигерманскую деятельность. Проявив трусость и желая во что бы то ни стало спасти свою шкуру, я назвал свою действительную фамилию и выполняемую мною должность в Красной армии — члена Военного совета 32-й армии, при этом изъявил готовность бороться против Советской власти.

Узнав мою действительную фамилию и должность в Красной армии, немцы немедленно направили меня в Штаб центрального фронта германских войск, где я дал согласие работать в пользу немцев и там же в мае 1942 года написал план создания на оккупированной немцами территории Русского правительства, в котором предусматривалась организация борьбы против Советской власти. В этом меня поддержал полковник германского Генштаба Ронне. После этого я был переведен на службу в отдел военной пропаганды Вооруженных сил германской армии, где редактировал антисоветские брошюры и листовки, которые распространялись на фронте и в тылу действующих советских войск.

Затем, узнав о формировании немцами добровольческой бригады, так называемой русской народной армии, я попросил об откомандировании меня в эту бригаду. В августе 1942 года я был переведен в эту бригаду, дислоцировавшуюся в местечке Осиндорф, в 80 километрах от Смоленска, на должность начальника Организационно-пропагандистского отдела. Командиром данной бригады, комплектовавшейся исключительно из антисоветских элементов, был изменник Родины полковник Красной армии Боярский. В

этой бригаде я познакомился с белоэмигрантами Сахаровым и Ивановым.

Еще и здесь я не был окончательно антисоветским человеком. Всею своей деятельностью я препятствовал использованию бригады для борьбы с партизанами, и, в частности, когда поступил приказ командующего Центрального фронта немцев фельдмаршала фон Клюге выступить всем составом бригады в район Великих Лук для участия в боях против войск Красной армии, я сорвал этот приказ, и бригада не была использована в боях. За это я и Боярский были арестованы немцами и приговорены к расстрелу, но, будучи вызван полковником Генерального штаба Ронне, я дал последнему клятву искупить свою вину перед немцами, и он взял меня на поруки.

После этого я был откомандирован в Берлин, где встретился с Власовым, занимавшимся организацией Русского комитета. Я вошел в состав комитета, подписал обращение этого комитета и приступил к изданию антисоветской газеты «Доброволец», распространявшейся среди военнопленных, а также выступал с лекциями на курсах фашистских пропагандистов в Дабендорфе.

Председательствующий: В чем заключалась ваша работа как начальника организационнопропагандистского отдела так называемой добровольческой бригады?

Подсудимый Жиленков: Там я издавал антисоветскую газету «Родина» и выступал на ее страницах со статьями враждебного для СССР содержания. Также неоднократно выступал перед личным составом бригады с призывами к свержению Советской власти.

В 1943 году по рекомендации белоэмигрантов Сахарова и Иванова я был послан как представитель русского комитета в г. Псков для формирования так называемой гвардейской ударной бригады РОА с целью последующего использования ее в качестве базы для подготовки террористов и диверсантов. Там же составил план формирования гвардейской ударной бригады, в котором предусматривалась заброска в тыл Красной армии террористов, шпионов и диверсантов для проведения антисоветской подрывной деятельности. Этот план имеется в качестве вещественного доказательства в моем деле.

Наряду с проводимой мною антисоветской деятельностью я все же старался, чтобы гвардейская ударная бригада не была направлена для борьбы с партизанами и на фронт против войск Красной армии. Это мне удалось, и вскоре бригада была расформирована. Это я говорю не для того, чтобы умалить свою вину, ибо вина моя перед Родиной слишком уж велика, и я готов нести за нее ответственность.

По расформировании бригады я был откомандирован в Берлин, где написал докладную записку на имя Гиммлера, в которой доказывал необходимость передачи всех антисоветских формирований, находящихся в Германии, в распоряжение Власова и Русского комитета.

В июне 1943 года по приказанию фельдмаршала Рундштедта я был командирован во Францию для поднятия боевого духа добровольческих частей.

Председательствующий: Подсудимый Жиленков, почему полковник Генерального штаба германских войск Ронне, зная вашу принадлежность к Коммунистической партии, взял вас на поруки? Чем вы заслужили такое доверие?

Подсудимый Жиленков: Он, по-видимому, хотел использовать меня, как и других бывших генералов и офицеров Красной армии, изменивших Родине, для своих целей, то есть по усилению борьбы с частями Красной армии.

Председательствующий: Подсудимый Жиленков, когда вами была составлена докладная записка германскому командованию об организации Комитета освобождения Родины и создании русской народной армии?

Подсудимый Жиленков: Этот документ был написан мною в 1942 году, в период моего пребывания в русской национальной армии, дислоцировавшейся в районе Смоленска.

Председательствующий: Кем был составлен текст этой гнуснейшей докладной записки?

Подсудимый Жиленков: Лично мною и полковником Боярским.

Председательствующий оглашает выдержки из докладной записки Жиленкова германскому командованию и спрашивает подсудимого Жиленкова: это ваша редакция?

Подсудимый Жиленков: Да, это моя редакция.

Председательствующий: Для чего вы написали этот гнуснейшего содержания документ?

Подсудимый Жиленков: Для того чтобы этот документ попал лично Гитлеру и я мог заручиться доверием у немцев.

Председательствующий: Для того чтобы лучше бить Красную армию?

Подсудимый Жиленков: Нет, я тогда еще не был окончательно антисоветским человеком. Я хотел, чтобы русские национальные соединения в Германии не были использованы немцами против войск Красной армии (курсив мой. — Н. К.). Этим документом я преследовал цель, чтобы меня и Боярского не отстранили от руководства этими соединениями.

Председательствующий: Ценой гнуснейшей клеветы и провокаций в отношении Советской власти и Советского правительства?

Подсудимый Жиленков: Правильно, я не отрицаю гнусности этой докладной записки, но я писал ее с целью, о которой уже говорил суду.

Председательствующий: Почему вы подписывались как генерал-лейтенант? Разве немцы присвоили вам это звание?

Подсудимый Жиленков: Мне было сказано, что бригадный комиссар приравнивается к званию генерал-лейтенанта, а поэтому я так и подписывался.

Председательствующий: Кем был подписан план подготовки гвардейской ударной бригады?

Подсудимый Жиленков: Был подписан лично мною и командиром этой бригады — белоэмигрантом полковником Ивановым.

Председательствующий: Этот план был написан вами ровно через восемь месяцев после написания докладной записки с гнуснейшим ее содержанием?

Подсудимый Жиленков: Да.

Председательствующий: Цель этого так называемого плана подготовки гвардейской ударной бригады — подготовка террористов и диверсантов для заброски в тыл войск Красной армии?

Подсудимый Жиленков: Да, но этот план не был осуществлен.

Председательствующий: Лично разработанный вами план подготовки террористов был представлен гестапо?

Подсудимый Жиленков: Мой план подготовки террористов и диверсантов был направлен в имперский отдел безопасности. Я полностью признаю всю гнусность своего преступления.

Председательствующий: Какой период времени вы находились во Франции и какую там проводили работу?

Подсудимый Жиленков: Во Франции и Бельгии я находился около одного месяца, где совершил поездки по добровольческим батальонам, созданным немцами из военнопленных и входившим в состав германской армии. Там я призывал солдат и офицеров этих батальонов к вооруженной борьбе против Советского Союза.

Председательствующий: В чем вы признаете себя виновным?

Подсудимый Жиленков: По возвращении из командировки я был вызван Власовым, где он в присутствии представителей германского отдела военной пропаганды капитанов Штрикфельдта и Делигсхаузена сказал мне, что я должен буду выехать на Восточный фронт, чтобы своей антисоветской деятельностью помочь русскому комитету в развертывании им своей работы. После этой беседы Штрикфельдт представил меня доверенному Гиммлера — полковнику СС д'Алькену. 13 июня 1944 года я вместе с группой пропагандистов выехал в район Львова в распоряжение д'Алькена, который исполнял там должность начальника специальной пропагандной бригады Гиммлера. В районе Львова я организовал издание антисоветской газеты «За мир и свободу», опубликовал ряд клеветнических брошюр и листовок за своей подписью, которые затем разбрасывались немцами с самолетов над расположением частей Красной армии. Через две недели началось наступление войск Красной армии, и я с группой пропагандистов возвратился в Берлин. В период совместного моего пребывания в районе Львова с представителем Гиммлера д'Алькеном я уговорил

последнего помочь Власову встретиться лично с Гиммлером. Он обещал мне, и вскоре такая встреча состоялась.

Председательствующий: Подсудимый Жиленков, вы являлись автором Манифеста так называемого Комитета освобождения народов России?

Подсудимый Жиленков: Для разработки Манифеста была создана редакционная комиссия, председателем которой был избран я. Участие в подготовке проекта манифеста КОНРа принимали Малышкин, Трухин, Закутный, Ковальчук и Зайцев. Я лично принимал активное участие в обработке проекта Манифеста. После того как проект Манифеста был составлен, он был дан для просмотра Гиммлеру, который сделал несколько поправок, в частности, в проект Манифеста лично внес фамилию Сталина и упомянул правительства Англии и Америки. После чего Манифест был утвержден Гиммлером.

Формально Манифест КОНРа был принят на первом заседании Комитета освобождения народов России в Праге 14 ноября 1944 года, где участвовало около 200 человек гостей: представителей разных немецких организаций, белоэмигрантов и 50 человек членов комитета. На этом заседании присутствовал представитель Гиммлера — Франк.

Председательствующий: С какой целью было открыто заседание комитета в Праге, причем так торжественно?

Подсудимый Жиленков: Все это затея немцев, на средства которых проводилось это заседание. В Праге же было организовано заседание с целью показать, что комитет якобы независим от немцев. К тому же некоторые члены комитета не верили в победу Германии над СССР и мечтали в будущем перейти на сторону англо-американских войск для проведения своей антисоветской деятельности.

Председательствующий: Имели ли вы лично встречи с Геббельсом?

Подсудимый Жиленков: Накануне падения Берлина Власов и я были вызваны Геббельсом. Это было

примерно в конце февраля — начале марта 1945 года. При этой встрече Геббельс обещал нам оказать материальную помощь для усиления пропагандистской антисоветской деятельности. Кроме того, он подбадривал нас тем, что скоро германское командование применит новый вид оружия, который сыграет решающую роль в победе над Красной армией. Никаких других установок мы от Геббельса не получили и мало верили в его обещания.

Председательствующий: Что вам известно о разведывательной и контрразведывательной работе КОНРа?

Подсудимый Жиленков: Я лично никакого отношения к этой работе не имел, но мне было известно, что по указаниям Власова обвиняемым Малышкиным был создан отдел безопасности, занимавшийся разведывательной и контрразведывательной работой, начальником которого являлся вначале изменник Родины Кулагин, а затем член КОНРа Тензеров.

Я лично в апреле 1945 года вместе с Власовым и Мальцевым присутствовал на первом выпуске агентов из разведшколы КОНРа, размещавшейся в лесу, в районе г. Мариенбада.

Я лично отговаривал Власова ехать на выпуск разведчиков, так как считал неудобным председателю Комитета заниматься такими делами. Он не послушал меня, и мы поехали. Там Власов произнес речь, в которой призывал агентов твердо верить в победу РОА.

Также мне известно, что такая же школа была в Братиславе, возглавляемая белоэмигрантом Ивановым, а затем, в связи с наступлением войск Красной армии, она была эвакуирована в Вену.

О том, что Власов утверждал смертные приговоры, я узнал лишь из материалов дела.

Что же касается предъявленного мне обвинения в том, что я являлся агентом гестапо, то это обвинение совершенно не отвечает действительности, ибо я был руководящим участником антисоветской деятельности, а не осведомителем гестапо. К тому же вся практическая деятельность КОНРа направлялась и руководилась Гиммлером, берлинским гестапо.

Подсудимый Власов: Подсудимый Жиленков не совсем точно рассказал суду о своей роли в его связях с СС. В частности, он показал суду, что лишь по моему указанию он связался с представителем СС. Это не совсем так. Жиленков первый имел связь с представителями СС, и именно благодаря его роли я был принят Гиммлером. До этого Гиммлер никогда меня не принимал.

Подсудимый Жиленков: Я не отрицаю показаний Власова, но хочу сказать, что только после моей поездки в район Львова и установления связи с представителем Гиммлера д'Алькеном при посредстве последнего нам удалось организовать встречу Власова с Гиммлером. Мне было известно, что Гиммлер называл Власова перебежавшей свиньей и дураком. На мою долю выпала роль доказать д'Алькену, что Власов не свинья и не дурак. Так, при моем активном участии была организована встреча Власова с Гиммлером.

Председательствующий: Подсудимый Жиленков, как вы установили преступную связь с американской разведкой?

Подсудимый Жиленков: Я был командирован Власовым в Италию для установления связи с белоказаками. В связи с создавшейся военной обстановкой я вынужден был остановиться в Тироле, куда через некоторое время прибыли американские войска. При встрече с американцами я обратился к ним с просьбой о принятии под их опеку членов КОНРа. Американцы меня и Малышкина пленили. Так я оказался на территории, оккупированной американцами. Там я начал искать себе нового хозяина и стал писать для американской разведки секретные сведения о Советском Союзе, а также написал ряд клеветнических документов о послевоенной политике ВКП(б) и Советского правительства. Кроме того, написал биографии и клеветнического

содержания справки на некоторых лиц, интересовавших американскую разведку.

Председательствующий: Значит, и в зоне американских войск вы не прекращали своей антисоветской деятельности?

Подсудимый Жиленков: Да. Не прекращал этой деятельности, потому что хотел уйти от ответственности перед советским правосудием за совершенные мною преступления против партии и Советского правительства.

На вопросы члена суда Данилова подсудимый Жиленков ответил:

После встречи Власова с Гиммлером последний поручил Власову, в целях усиления вражеской работы против СССР, объединить вокруг комитета все антисоветские формирования, существовавшие в Германии и на территории, оккупированной немецкими войсками. С этой целью Власов, Малышкин и я вели переговоры с руководителями различных националистических организаций — ОУН и другими — о вхождении их в состав КОНРа. В частности, представитель ОУН Бандера заявил нам, что он с «москалями» работать не будет.

Я признаю, что Комитет освобождения народов России, по существу, является сбродом бандитов и ярых антисоветчиков.

На вопросы члена суда Каравайкова подсудимый Жиленков ответил:

В ряды Красной армии я был призван в июне 1941 года, и сразу же мне было присвоено звание — бригадный комиссар. В должности члена Военного совета 32-й армии я проработал лишь около 6 месяцев, а затем был пленен немцами и впоследствии оказался отъявленным врагом Советской власти.

Как член Военного совета я часто выполнял свою роль, призывал бойцов честно бороться против немцев и в плен к ним не сдаваться. Сам же оказался двурушником и предателем Родины. В этом я признаю себя полностью виновным.

Струсив и боясь за свою шкуру, я дал согласие немцам работать против СССР. За предательскую деятельность мне ничего немцы не обещали. Служил им я не идейно, а потому, что боялся ответственности перед Родиной за совершенные мною перед ней преступления.

От советского суда я ничего не скрываю и в процессе предварительного следствия честно рассказал о всей своей и других лиц антисоветской деятельности.

Председательствующий: Подсудимый Закутный, свои показания, данные в процессе предварительного следствия, вы подтверждаете?

Подсудимый Закутный: Полностью подтверждаю.

Председательствующий: В чем вы признаете себя виновным?

Подсудимый Закутный: Я полностью признаю себя виновным по всем пунктам предъявленных мне обвинений.

Председательствующий: Расскажите кратко суду, в чем конкретно вы признаете себя виновным?

Подсудимый Закутный: Попав в окружение и впоследствии в плен к немцам, я отвечал на все вопросы, которые мне задавались немцами на допросах. В Лодзинском лагере военнопленных я отвечал немцам на вопросы, главным образом касающиеся политической жизни в СССР. Затем меня перевезли в Берлин, где немцы предъявили мне документы об укрепленных районах СевероКавказского фронта и секретное наставление. Просили дать правдивые показания. Я ответил и, таким образом, выдал немцам известные мне данные об укрепленных районах СССР. Так началось мое падение.

Дальнейшее мое падение заключается в том, что я дал согласие о переводе меня в особый лагерь военнопленных, где проводилась идеологическая обработка военнопленных генералов и офицеров Красной армии под руководством белоэмигранта Байдалакова. Последний неоднократно обрабатывал меня в антисоветском духе и предлагал войти в состав антисоветской белогвардейской организации национал-трудовой союз «Новое поколение». Я отказался от вступления в эту организацию по мотивам, что мне, как бывшему члену ВКП(б) с большим партийным стажем, не будет доверия, ибо у меня осталась идеология, против которой боролась организация, возглавляемая Байдалаковым. Но я занимался антисоветской агитацией и пропагандой, которую проводил среди военнопленных солдат и офицеров Красной армии.

По ходатайству Байдалакова, я был освобожден из лагеря и в феврале 1943 года поступил на службу в отдел восточной пропаганды германского Министерства пропаганды, именовавшийся «Винета». Там я просматривал антисоветские брошюры и листовки, предназначавшиеся для распространения среди советских военнопленных и мирных советских граждан, насильно угнанных в Германию, и давал свое заключение по ним, то есть понятна ли будет та или иная антисоветская листовка читателям, своевременна ли она и тому подобное.

Работая в «Винете», я был тесно связан с активным участником контрреволюционной организации — изменником Родины профессором Минаевым, который в период формирования КОНРа поручил мне войти в состав Комитета и наблюдать за деятельностью членов последнего, о чем докладывать лично ему, Минаеву. По указаниям Минаева я вступил в Комитет, принимал участие в составлении проекта Манифеста Комитета и впоследствии, будучи руководителем Гражданского управления Комитета, привлек в Комитет ряд бывших советских научных работников.

Председательствующий: Почему именно на вас лично возложили руководство Гражданским управлением Комитета?

Подсудимый Закутный: Поскольку я работал в «Винете», где имелось очень много гражданских лиц, Власов поручил мне провести работу среди них по вовлечению их в Комитет для проведения

антисоветской деятельности. Его задание я выполнил. Таким образом, я совершил новое тягчайшее преступление перед Родиной: не только сам лично изменил ей, но и привлек к антисоветской деятельности других лиц, возможно, и не думавших до этого об измене своей Родине.

Председательствующий: В чем заключались ваши функции как руководителя Гражданского управления Комитета?

Подсудимый Закутный: В функции Гражданского управления Комитета входило улучшение правового и материального положения советских граждан, угнанных на работы в Германию. В частности, после первого так называемого пражского заседания Комитета я написал немецким властям докладную записку о положении советских граждан в Германии, просил улучшить их правовое и материальное положение. Этим я хотел заручиться поддержкой этими гражданами деятельности КОНРа. Конечно, немцы ничего в этом направлении не сделали, так как сами стояли накануне полнейшего их разгрома.

Председательствующий: Почему вы, бывший член партии с 1919 года и генерал Красной армии, скатились в это болото контрреволюции?

Подсудимый Закутный: В первые дни войны, когда немцы занимали нашу территорию, я потерял веру в победу советского оружия. Затем, когда я попал в плен и мне угрожали расстрелом, если я не буду работать в пользу немцев, я струсил и так оказался изменником своей Родины. В данное время я не могу отрицать своей предательской и шпионской работы, так как все это полностью подтверждается всеми материалами моего дела и, в частности, моими показаниями, данными немцам в период моего пленения, моей активной антисоветской деятельностью, проводимой как членом комитета, которым руководило берлинское гестапо.

В своих показаниях, данных немцам при моем пленении, я оклеветал честных советских граждан, в чем также признаю себя виновным.

На вопросы члена суда Каравайкова подсудимый Закутный ответил:

Работая в германском Министерстве пропаганды, я, по существу, являлся коррективщиком антисоветских листовок и брошюр, и это я не отрицаю.

Комитет освобождения народов России ставил перед собой основной целью свержение Советской власти путем вооруженного выступления, террора против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, шпионажа и диверсий.

По существу, я оказался идейным врагом своего народа, так как полностью разделял антисоветский манифест КОНРа и проводил вербовку новых лиц в Комитет.

Подсудимый Власов: Я хотел бы внести некоторые поправки в показания Закутного. Он показал, что по указаниям Минаева вступил в Комитет с целью контролирования его работы. Между тем он ничего не

сказал о том, что именно он завербовал в Комитет до 60 процентов членов этого комитета, и, в частности, из состава интеллигенции, которой я лично не располагал.

Подсудимый Закутный: Я не отрицаю показаний Власова.

На последующие вопросы члена суда Каравайкова Закутный ответил:

В апреле 1945 года по заданию Власова я остался в американской зоне оккупации. При этом Власов выдал мне удостоверение о том, что я уполномочен Комитетом освобождения народов России вести переговоры с командованием американских войск о предоставлении КОНРУ убежища в американской зоне оккупации.

В своих собственных показаниях, данных в процессе предварительного следствия, я не забыл назвать ни одного предателя и изменника Родины.

Председательствующий: Подсудимый Благовещенский, в чем лично признаете себя виновным?

Подсудимый Благовещенский: Я признаю себя виновным в том, что 6 июля 1941 года после тщетных попыток выйти из леса я попал в плен к немцам. На первом допросе на вопрос немцев о системе обороны в районе г. Либавы я ответил, что никаких оборонительных сооружений в районе г. Либавы не строилось. Остались прежние оборонительные сооружения еще от империалистической войны. Я не считаю это военной тайной, так как г. Либава был уже занят немцами. То же самое я рассказал о состоянии Кавказского укрепленного района, и это мое признание равносильно тому, что «вода в Черном море соленая». Таким образом, я не считаю себя виновным в выдаче немцам секретных сведений о состоянии Кавказского укрепленного района и системы обороны в районе г. Либавы.

На вопросы члена суда Данилова Благовещенский ответил:

Будучи в лагере военнопленных, я был дважды сильно избит немцами. В связи с этим я наивно думал и «невинность сохранить, и капитал на этом нажить», а поэтому принимал участие в антисоветских разговорах, проводимых Закутным, Трухиным, Зыбиным и другими бывшими генералами и офицерами Красной армии, попавшими в плен к немцам. Обычно инициатором всех антисоветских разговоров являлся Трухин.

Затем в декабре 1941 года я совместно с Егоровым и Зыбиным составил обращение в адрес Германского командования, в котором просил разрешить нам сформировать русские части для борьбы против большевиков. На это обращение немцы ответили нам через капитана германской разведки Зиферта о том, что для этой цели уже создан Мальцевым и другими изменниками Родины комитет так называемой русской трудовой народной партии. Тогда же Зиферт предложил нам вступить в этот комитет. Я дал свое согласие и был принят в члены РТНП, а затем вошел и в состав ее центрального комитета и

одновременно исполнял должность начальника военного отдела. Как начальник военного отдела, я создал комиссию для проверки военной квалификации военнопленных командиров Красной армии. По существу, во время этой проверки производилась вербовка новых членов в РТНП. Боясь репрессий, около 75 процентов военнопленных изъявили свое желание участвовать в вооруженной борьбе против Советской власти.

В антисоветской газете «За родину» я поместил две-три статьи. Одна из них была самого гнусного антисоветского содержания.

В сентябре 1942 года я был назначен начальником школы, созданной немцами для подготовки фашистских пропагандистов. Подобные кадры я лично не готовил, так как принял физически слабых мальчишек, которые через два месяца были отправлены на сельскохозяйственные работы, а школа ликвидирована.

На курсах пропагандистов я лекций не читал, что может подтвердить подсудимый Малышкин.

Подсудимый Малышкин: Благовещенский в данной школе лекций не читал.

Подсудимый Благовещенский: После ликвидации школы молодежи по предложению представителя отдела пропаганды Верховного командования Германских вооруженных сил капитана Штрикфельдта я стал работать редактором антисоветской газеты «Клич», впоследствии переименованной мною по указанию Власова в «Зарю». В этот период времени, примерно в конце 1942 года, я первый раз встретился с Власовым.

В начале 1943 года я и все остальные работники редакции газеты «Заря» приняли присягу на верность Русскому комитету. Присягу принимал начальник отдела пропаганды Верховного командования Германских вооруженных сил полковник немецкой армии Мартин в присутствии Штрикфельдта и Власова. После чего полковник Мартин произнес поздравительную речь.

После принятия присяги я был одет в форму немецкого генерала и получил повышение по службе: был назначен начальником курсов пропагандистов РОА. При непосредственном моем участии было выпущено около полутора тысяч пропагандистов.

После состоявшейся встречи Власова с Гиммлером было объявлено об организации КОНРа, задачи которого мне были хорошо известны, но я лично в Комитет не входил и членом его не был, но по предложению Жиленкова был назначен Власовым начальником идеологической группы управления пропаганды КОНРа.

Бронзовую медаль «За отвагу» II класса я получил от немцев за хорошую работу в должности начальника курсов пропагандистов РОА. Медаль мне вручил лично Малышкин.

Подсудимый Малышкин: Подсудимый Благовещенский был награжден отделом пропаганды Верховного командования Германских

вооруженных сил за хорошо проведенную им работу по выпуску пропагандистов РОА. Медаль я получил для вручения Благовещенскому от капитана Штрикфельдта.

Подсудимый Благовещенский: В связи с наступлением войск Красной армии я вместе со всем составом идеологической группы выехал из Берлина в Карлсбад, а затем, по указанию Жиленкова, под руководством которого я должен был работать над теоретическими основами и программой КОНРа, я переехал в Мариенбад.

В апреле 1945 года я был вызван Жиленковым в Карлсбад на совещание, где он заявил, что КОНР должен уйти в подполье и продолжать свою работу. После совещания я выехал в Мариенбад, куда вскоре приехал Власов, и, так как немцы меня выгоняли из Мариенбада, я получил от Власова удостоверение о том, что я являюсь представителем КОНРа и остаюсь в Мариенбаде для оказания помощи остающимся в Мариенбаде русским гражданам. Данное удостоверение было написано, с одной стороны, на немецком языке — для немцев, и, с другой стороны на английском языке, на случай прихода в Мариенбад англичан или американцев.

Из Мариенбада я никуда не выезжал. В Мариенбад вошли американские войска, а вскоре я был арестован органами Советской власти.

В подтверждение антисоветской деятельности некоторых из подсудимых Военная коллегия определила: просмотреть документальный кинофильм о заседании Комитета 14 ноября 1944 года в г. Праге и выступлении Власова на собрании в Берлине.

После просмотра фильма на вопросы председательствующего ответили:

Подсудимый Жиленков: Я жил у немцев неплохо, а поэтому и имел такой выхоленный вид немецкого генерала, который вы видели при просмотре документального фильма заседания Комитета.

Подсудимый Трухин: Когда я находился в президиуме, заснятом немцами для проведения агитационной работы в фильме, который вы только что просмотрели, я не думал о том, что мне сегодня придется сидеть на скамье подсудимых перед советским правосудием. Но я знал, что когда-либо мне все-таки придется отвечать за свои преступления перед Родиной.

Подсудимый Власов: Когда я скатился окончательно в болото контрреволюции, я уже вынужден был продолжать свою антисоветскую деятельность. Я должен был выступать в Праге.

Выступал и произносил исключительно гнусные и клеветнические слова по отношению к СССР. Все это я сейчас просмотрел и прослушал из кинофильма и первый несу полную ответственность за это.

Подсудимый Буняченко: Первой дивизией, сформированной Власовым, командовал лично я. Дивизия была вооружена 12 танками Т-

34, 100 орудиями, винтовками и автоматами. По существу, дивизия, которой я командовал, была вооружена лучше, чем немецкие дивизии.

Председательствующий: Подсудимый Власов, а теперь в общих чертах расскажите суду, в чем вы конкретно признаете себя виновным?

Подсудимый Власов: Я признаю себя виновным в том, что, находясь в трудных условиях, смалодушничал, сдался в плен немцам, клеветал на советское командование, подписал листовку, содержащую призыв к свержению Советов, за мир с немцами, договорился с немцами о создании Комитета. Моим именем делалось все, и лишь с 1944 года я, до известной степени, чувствовал себя в той роли, которая мне приписана, и с этого времени и успел сформировать все охвостье, всех подонков, свел их в Комитет, редактировал гнуснейший документ, формировал армию для борьбы с Советским государством, я сражался с Красной армией. Безусловно, я вел самую активную борьбу с Советской властью и несу за это полную ответственность. Мне было в последнее время ясно, что Германия погибла, но я не решался идти к Советам. Правда, я не имел связи с Англией и Америкой, но я надеялся на поддержку с их стороны в части создания мне условий для продолжения антисоветской деятельности. Не бесцельно я оставлял Благовещенского и других, на которых я мог положиться в части продолжения борьбы с Советской властью. Именно мне принадлежит основная роль формирования охвостья в борьбе с Советской властью разными способами. Вообще все проводилось от моего имени, и я за это отвечаю. Если бы немцы сразу же, как я перешел к ним, разрешили мне действовать против Советов, то, безусловно, я был бы активным борцом.

Председательствующий: Подсудимый Трухин, расскажите суду коротко, в чем вы признаете себя виновным?

Подсудимый Трухин: Я признаю себя виновным перед Родиной, Советской властью и партией в том, что, сдавшись в плен, встал во главе борьбы с Советской властью, организовывал других, клеветал, вошел в трудовую партию, вошел в союз «Новое поколение» — и все это — в поисках путей борьбы с Советской властью. Я был идейным вдохновителем курсов в Дабендорфе, через мои руки прошло до 5 тысяч курсантов, которые подготавливались в антисоветском духе, я подготавливал вербовщиков, чтобы вести работу среди русских военнопленных и втягивать их в РОА. Лично я, по поручению немцев, объезжал все части РОА, действовавшие на территории Италии, моими выступлениями вводил эти части в заблуждение о роли, которую они играют, сулил им победу и счастливую жизнь в России. Я играл ведущую роль в КОНРе, и моя деятельность в этой организации была такой, что я недостойн называться именем человека. Я был начальником Штаба РОА, и под моим руководством шло формирование школ разведчиков и подготовки офицеров, формирование воинских единиц. Я принял все меры к тому, чтобы наши формирования не

попали на советскую сторону, и всячески стремился перевести их в зону англо-американской оккупации. Я выступал в прессе с гнуснейшими антисоветскими статьями. Сам я, боясь ответственности, хотел перейти на англо-американскую сторону, но это мне не удалось. Я показал все, что я знал и что считаю необходимым показать, дабы помочь вскрыть гнойники, имевшие место.

Председательствующий: Подсудимый Малышкин, вы видели фильм, который ярко отражает вашу «деятельность»? Расскажите суду, как вы после этого формулируете вашу вину?

Подсудимый Малышкин: Я признаю себя виновным в следующих преступлениях: из-за трусости я сдался в плен к немцам, изменил Родине. Я выдал немцам секреты, составлявшие государственную тайну, а именно: указал состав армии, количество дивизий, ее фронт. Хильгеру в декабре 1941 года или в январе 1942 года, исказив, сообщил некоторые сведения о выпуске академиков 5 мая 1941 года. В мае 1942 года я поступил на курсы пропагандистов и окончил их и, встав таким образом на путь открытой борьбы с Советской властью и партией, был помощником зондер-фюрера, проводил занятия в группах. В декабре 1942 года перешел в отдел пропаганды Вооруженных сил Германии, и отсюда начинается мое знакомство с Власовым, с которым я вошел в связь, являлся организатором комитета, подписал его обращение. Ведя активную антисоветскую агитацию, я выезжал в лагеря около Берлина и в Восточную Пруссию. Я участвовал в письменной агитации. Три моих доклада помещены в антисоветской печати — это доклад на антибольшевистской конференции в Дабендорфе, где я говорил по 13 пунктам обращения комитета. В июле 1943 года я был в Париже и выступал на многолюдном митинге белогвардейцев, и мой доклад был помещен в белоэмигрантской газете. Доклад содержал отборную клевету на Советское правительство, на партию, на русский народ. Мой доклад также был помещен в газете «Воля народа» в декабре 1944 года, когда я, после образования КОНРа, выступал перед гитлеровцами на конференции в Веймаре с докладом «Большевизм и Европа». Доклад был насыщен отборной инсинуацией на Советскую власть, партию, русский народ и его достижения. В 1944 году около 5 месяцев я провел в поездке по Бельгии, Голландии, Дании, Франции и вел здесь агитацию среди добровольческих батальонов, перед которыми ставил задачу бороться с Советской властью и ее союзниками. В октябре 1944 года я был активным участником организации КОНРа, я подбирал кандидатов в его состав, участвовал в редактировании Манифеста, был начальником организационного управления комитета, в котором находились разведка и контрразведка и ряд других организаций. На пражском заседании я выступал с тем, о чем здесь уже сказал. Моя деятельность в разведке и контрразведке выразилась в том, что я руководил этим непосредственно, посылал Тензерова для контактирования работы с

германской разведкой и особенно для согласования вопросов по заброске шпионов в СССР. С моего ведома Калугин организовал в Мариенбаде школу шпионов и диверсантов. Но этим моя преступная деятельность не ограничивается. После бегства в Фюссен я был инициатором сосредоточения РОА в Южной Баварии, мой план был принят, а сам я 29 апреля отправился к американцам с просьбой не выдавать нас Советской власти. Я, Власов, Жиленков, Закутный договорились о том, чтобы добиться у американцев их согласия на продолжение нами антисоветской борьбы. Находясь в плену у американцев, я занимался гнусной деятельностью: я имел связь с американской разведкой и выдал интересующие ее сведения, а именно, перечислил все военные академии в СССР, их назначение, пространно показал об Академии Генерального штаба и дал подробные данные о программах, кафедрах, видных деятелях академии. Я дал американской разведке сведения порядка мобилизации и в том числе данные о людских мобресурсах СССР. Я дал мой отзыв на маршала Конева, его биографические данные и подробно обрисовал служебные качества. Я не собирался возвращаться в СССР, и до последнего дня я убеждал американцев, что я злобный враг Советской власти, и просил их отпустить меня на свободу. У меня был полный сговор с Жиленковым.

И даже после капитуляции Германии и полного провала мы продолжали оставаться ярыми и злостными врагами Советской власти, и я пытался продолжать мою гнусную борьбу. Как получилось, что я, состоявший больше 20 лет в партии и больше 22 лет служивший в Красной армии, очутился в таком положении? В чем же дело? Я честно говорю, что до перехода на сторону немцев я не совершил ни одного преступления, но в тяжелой обстановке у меня не нашлось внутри стержня. Переломным годом был 1942 год — год немецких успехов, и это не могло не оказать на меня влияния. Я, свихнувшись, не имея внутренней опоры, оказался тряпкой, кислым интеллигентом, мной двигал животный страх. Моей деятельности трудно подобрать название, ей нет имени. Я жду самого сурового приговора.

Председательствующий: Подсудимый Мальцев, подтверждаете ли вы ваши показания, данные вами на предварительном следствии?

Подсудимый Мальцев: Да, все мои показания я подтверждаю. 8 ноября 1941 года я остался в Севастополе, явился в СС и заявил, что я обижен Советской властью и поэтому готов служить немцам. Мне предложили сотрудничать в немецкой разведке, и я начал с того, что в 1942 году написал клеветническую брошюру. Мне предложили проверить работу Горуправы, после чего я получил пост городского головы г. Ялты, а позже я стал мировым судьей по гражданским делам. В 1943 году я решил поехать к Власову, и в этом немцы оказали мне содействие. В Германии я связался с немцем Иделем, уехал в Морицфельд и ждал своего использования. Я формировал восточную

эскадрилью, подбирал ее личный состав и вообще участвовал активно в формированиях. В мае месяце меня специально возили в Кенигсберг для выступления по радио. Я лично составил воззвание к советским летчикам, призывая их переходить на сторону немцев. Я выступал по радио в годовщину Красной армии с клеветой на Советскую власть. По радио я также выступал еще в Ялте и призывал население поддержать Власова. Я писал статьи в газету «Евпаторийские известия». Я выступал перед рабочими на заводе около Берлина по поводу снятия с русских знака «ОСТ». Я занимался пропагандистской работой в лагерях. Я состоял в квалификационной комиссии, а потом переехал в Карлсбад и занимался формированием летных частей.

Председательствующий: А когда вам было присвоено звание генерал-майора авиации и кем именно?

Подсудимый Мальцев: О присвоении мне этого звания было объявлено Власовым и Ашенбреннером.

Подсудимый Власов: Вношу ясность в этот вопрос — звание генерал-майора авиации Мальцеву было присвоено по устному распоряжению Геринга.

Подсудимый Буняченко: Я желаю уточнить вопрос о присвоении звания генерал-майора мне и Мальцеву. Присвоение состоялось по приказу Власова.

Подсудимый Мальцев: К апрелю месяцу формирования были закончены, и мои показания в этой части я полностью подтверждаю. Я также подтверждаю, что я обращался к американцам и получил от них согласие на сдачу в плен на условиях Женевской конвенции. Находясь в лагере военнопленных, я писал заявление об отправке на японский фронт. Я, конечно, возвращаться в СССР не собирался и об этом написал в моем заявлении американцам. А когда я узнал, что меня передают советским войскам, я перерезал себе бритвой правую руку, но это мне не помогло, и меня увезли в Париж. В КОНР меня кооптировали, о чем мне позвонил в феврале месяце 1945 года Жиленков.

Подсудимый Жиленков: Видимо, Мальцев путает. Он был представлен в Комитет по рекомендации Ашенбреннера как надежный работник, длительно сотрудничавший с немцами. Перед немцами Мальцев подбострастничал, здесь он слишком скромн.

Подсудимый Мальцев: Я ничего не скрываю, я был активным контрреволюционным работником, но вот перед этими берлинскими владыками я спину не гнул.

Председательствующий: Подсудимый Буняченко, ответьте суду, подтверждаете ли вы ваши показания, данные на предварительном следствии, и в чем вы признаете себя виновным?

Подсудимый Буняченко: Показания мои я подтверждаю полностью, а виновным себя признаю в том, что 17 декабря 1942 года я добровольно перешел на сторону немцев, я выдал немцам

интересовавшие их секреты, я выдал немцам военную тайну. Весной 1943 года я ознакомился с воззванием Власова, и для этого я был вызван комендантом немецкого лагеря В*сensored*coHe, который предложил мне изложить свое отношение к переходу на сторону Власова. Я дал свое согласие уехать к Власову. Я поступил в РОА и находился в ее рядах, готовя офицерские кадры, активно проявлял себя как преподаватель тактики в Кировоградской школе. 9 июня 1943 года я дал присягу на верность Гитлеру и Власову. Потом я был офицером связи при 7-й армии во Франции, там же занимался преподавательской работой и инспектировал части, находившиеся на охране «Атлантического вала». Я взял на себя обязанность сформировать первую дивизию РОА и проявил в этом деле большую активность, за что и был награжден немцами. Громадную работу я проделал во Франции по выявлению и концентрации русских добровольческих остатков и за это был награжден Железным крестом II степени, как за большую услугу немцам в борьбе с Советской властью. Я был кооптирован в КОНР, подписал Манифест. Я находился длительное время в прифронтовой полосе и направлял работу двух батальонов, занимавшихся разведкой. Вместо того чтобы сдать дивизию советским войскам, я увел ее в нейтральную зону и добивался, чтобы англо-американцы взяли нас под свое покровительство. За мою работу от немцев я имел две бронзовые медали, одну серебряную медаль, Железный крест II степени, а в 1945 году был произведен в генерал-майоры.

Председательствующий: Подсудимый Зверев, подтверждаете ли вы ваши показания и признаете ли вы себя виновным?

Подсудимый Зверев: Показания полностью подтверждаю и признаю себя виновным в том, что в июне 1943 года добровольно вступил в РОА, изменил советскому народу и Родине, в Дабендорфе посещал антисоветские доклады и лекции, а потом занимался инспектированием, а позднее находился в группе Благовещенского, ездил по лагерям для оказания помощи пропагандистам в их работе. Был со специальным заданием в Ганновере и в Норвегии. При посещении лагерей военнопленных занимался антисоветской агитацией. По заданию Трухина в ноябре 1944 года был в Норвегии, провел там большую вербовочную работу и привез в декабре в Берлин до 294 человек офицеров и солдат. Я формировал вторую дивизию РОА, командовал ею и руководил боевой подготовкой. Численный состав дивизии доходил до 20 тысяч. Наград от немцев за мою работу я не имел, но мне было присвоено звание генерал-майора.

В 14 часов 15 минут судебное заседание возобновлено с допроса подсудимого Зверева, который показал, что он, разъезжая по лагерям, проводил в жизнь установки, полученные от Благовещенского. Благовещенский требовал строгой постановки пропагандистской работы, рекомендовал проверять рабочие планы пропагандистов, а на

все вопросы, какие будут ставить советские военнопленные, отвечать только в духе тринадцати власовских пунктов, а также пользоваться данными, помещаемыми в газете «Заря». В своих выступлениях больше всего упор делал на популяризацию власовских пунктов, то есть заострял внимание на необходимости беспощадной борьбы с Советской властью, за ее свержение, за установление в России профашистского государства.

Подсудимый Власов: Со слов Зверева получается, что его втянули во всю антисоветскую деятельность, а на самом деле Зверев выдвинулся у немцев именно своей работой. Он был ярым и активным организатором и руководителем, именно он привез из Норвегии офицеров, из которых удалось создать школу. Зверев служил немцам верой и правдой.

Председательствующий: Подсудимый Меандров, подтверждаете ли вы показания, данные вами на предварительном следствии, и в чем вы признаете себя виновным?

Подсудимый Меандров: Мои показания на предварительном следствии я подтверждаю, а вина моя заключается в том, что я не оказал вооруженного сопротивления и сдался немцам, сообщил им интересовавшие их сведения, подвергал критике действия Советского правительства с целью возбуждать у слушателей антисоветское настроение и к концу мая 1942 года из меня выработался человек, ставший на путь активной борьбы с Советской властью. Я связался с Бессоновым, я вступил в трудовую партию и был даже в ее руководящей верхушке. Практически я ни на минуту не переставал заниматься антисоветской агитацией и пропагандой. Позднее я вступил в ПЦБ и был его активным членом. В организации Бессонова преследовалась одна цель — активная борьба с Советской властью. Сначала методы борьбы не были установлены, а позднее был составлен план, в разработке которого я участвовал, я составил антисоветскую брошюру. Одним из методов борьбы мы наметили высадку авиадесантов в глубоких тылах советской территории. Решено было начинать борьбу на севере СССР.

В составлении оперативного плана десантных операций я принимал активное участие. По плану, из Петрозаводска предполагалось выбросить десантный отряд в районе Северной Двины, так называемая северная зона, куда я намечался командующим. В районе реки Оби намечалась так называемая восточная зона под командованием Киселева. Мы рассчитывали, что в этих местах нам удастся опереться на заключенных концлагерей, а также на военнопленных и с их помощью поднять восстание.

Для десантной операции было подготовлено до 150 офицеров и около 100 солдат. Основной расчету нас был на резервы Власова. Я виновен в активной деятельности в организации Бессонова, конкретно я готовил шпионов, диверсантов, террористов. Я написал устав военно-

политической борьбы с Советской властью. Весной 1943 года организацию Бессонова слили с РОА, я возглавил остатки ПЦБ, сформировал из молодежи карательный отряд. Нас двинули в г. Остров. Здесь я написал две листовки к советским партизанам и призывал их прекратить борьбу с немцами. Я выступал с антисоветской речью на митинге, а когда обнаружилось, что наши люди стали бежать к партизанам, нас из Острова направили в Радом, где мы занимались карательной деятельностью против поляков. В лагере Бреслау я познакомился с одним из руководителей националтрудового союза «Новое поколение», вступил в эту организацию, вовлек в нее еще двух человек. А в январе 1944 года я вступил в ряды РОА. Сначала я был в инспекторате Благовещенского, а потом стал работать на курсах в Дабендорфе. Террор и диверсии были основными средствами борьбы союза «Новое поколение». В РОА я был редактором официального бюллетеня, а также заместителем Жиленкова по управлению пропаганды. Я был организатором учредительного собрания в Праге и торжественного собрания в Берлине. Я выступал во многих местах и ездил на съезд антикоммунистов пражской лиги, выступал с речью по утвержденному Власовым плану. Я состоял членом КОНРа, был начальником офицерской школы, за мою работу немцы дали мне медаль и присвоили звание генерал-майора. Руководимую мною офицерскую школу я постарался перевести в англо-американскую зону. Я продолжал вести свою деятельность, писал американцам о предоставлении политического приюта, в бумагах писал американцам разную клевету на Советскую власть, я пропагандировал невозвращение в СССР и был передан советским войскам принудительно. Так, от критики и сомнений через политический шантаж я пришел к политическому бандитизму.

Председательствующий: Подсудимый Корбуков, подтверждаете ли вы свои показания и, коротко, в чем заключается ваша вина?

Подсудимый Корбуков: Показания мои полностью подтверждаю, а вина моя заключается в том, что в октябре 1942 года сдался в плен к немцам, в 1943 году вступил в РОА, окончил курсы пропагандистов, принял присягу, командовал резервной ротой, был прикомандирован к инструкторской группе Благовещенского и ездил по лагерям военнопленных. Мне принадлежит инициатива в предложении системы эксплуатации советских военнопленных. В декабре 1944 года стал офицером связи Штаба РОА и в этом положении инспектировал дивизии. В апреле 1945 года перешел на сторону американцев и уже здесь был введен в состав КОНРа и активно работал над тем, чтобы сберечь кадры РОА. За свою работу получил от немцев звание полковника.

Председательствующий: Подсудимый Шатов, ответьте суду, подтверждаете ли вы свои показания и признаете ли вы себя виновным?

Подсудимый Шатов: Да, показания подтверждаю и виновным по предъявленному мне обвинению себя признаю.

Председательствующий: Какую должность в Красной армии вы занимали до сдачи в плен к немцам, почему вы дезертировали?

Подсудимый Шатов: Был начальником артснабжения СКВО ^[96] в звании подполковника. Из Красной армии дезертировал потому, что не верил в победу СССР над Германией, считал, что у немцев без дела не буду, и поэтому в течение месяца отсиживался в Ростове в ожидании прихода сюда немцев. Виновен я в том, что при первом же случае рассказал немцам все, что их интересовало. У немцев служил с 1942 года до капитуляции, а потом бежал в англо-американскую зону. Вот коротко, что я хотел сказать о себе и своем преступлении.

Председательствующий: Подсудимый Меандров, вы поняли тяжесть и низость вашего преступления и, кстати, ответьте, о какой «идейности» вы говорили здесь суду?

Подсудимый Меандров: Да, я все понял, и говорить мне больше не о чем.

Председательствующий объявил об окончании судебного следствия по делу и предоставлении последнего слова каждому из подсудимых.

Сподвижники А.А. Власова

Азберг Владимир Гаврилович

Полковник РККА.

Генерал-майор ВС КОНР.

Настоящая фамилия — Арцезо, известен также под фамилиями Арцезов, Асбьяргс.

Родился 25.06.1898 года в Таганроге.

Закончил Астраханскую гимназию и прошел ускоренный курс Константиновского военного училища. В чине подпоручика проходил службу в 156-м пехотном полку.

В Красной армии — с 04.06.1919 года.

Принимал участие в Гражданской войне на Юго-Восточном фронте.

Командовал отдельным лыжным батальоном XI армии.

С лета 1919 года по ноябрь 1920 года — помощник командира 3-го полка 2-й стрелковой дивизии по строевой части.

В 1920 году назначен старшим адъютантом коменданта Баку.

В 1923 году — адъютантом 2-й Кавказской стрелковой дивизии, принимал участие в боях по подавлению Дагестанского восстания.

В 1924 году — командир батальона 4-го Кавказского полка.

В 1926–1927 годах обучался на Академических курсах старшего и высшего комсостава РККА по разведывательной службе.

С 19.01.1930 года — начальник оргмоботдела штаба БВО.

В 1932 году окончил Бронетанковые курсы усовершенствования командного состава в Ленинграде.

В 1936 году произведен в майоры, а 29.11.1939 года — в полковники.

Участвовал в Советско-финской войне 1939/40 годов в должности начальника автобронетанкового снабжения 15-й армии СЗФ.

С 26.04.1940 года — начальник автобронетанковых войск АрхВО.

С 28.06.1941 года — начальник отдела автобронетанковых сил 28-й армии.

С 10. 08.1941 года — начальник отдела автобронетанковых сил 43-й армии.

С 22.10.1941 года — начальник отдела автобронетанковых сил 57-й армии.

В 1942 году был назначен заместителем командующего по тылу 57-й армии.

25.05.1942 года у станции «Лозовая» попал в плен.

Содержался в различных лагерях для военнопленных.

В 1943 году в Мариамполе организовал офицерскую школу добровольческих войск вермахта.

Летом 1943 года эвакуировался со школой во Францию, инспектировал русские добровольческие батальоны РОА, служил в штабе генерала добровольческих войск Кестринга.

В декабре 1944 года назначен начальником отдела боевой подготовки штаба ВС КОНР. Разработал и издал уставы по боевой подготовке.

В январе 1945 года осуществлял общее руководство работой офицерской школы РОА.

С февраля 1945 года — генерал-майор ВС КОНР.

В апреле 1945 года находился вместе со штабом в составе Южной группы ВС КОНР.

04.05 1945 года в Райнбахе вместе с полковником В.В. Поздняковым вел переговоры с командованием 11-й танковой дивизии 3-й американской армии о сдаче Южной группы.

09.05.1945 года вместе с группой сдался под Каплице и Крумау.

Содержался в американских лагерях: Ландау, Регенсбург, Платлинг, Ландсхуг.

В январе 1946 года составил вместе с генерал-майором М.А. Меандровым и генерал-майором А.Н Севостьяновым обращение к союзному командованию с просьбой о предоставлении политического убежища.

14.02 1946 г. выдан советским представителям.

10.02.1947 г. расстрелян по приговору ВК ВС СССР.

Антонов (Берзин) Ростислав Львович

Гвардии капитан РККА.

Капитан ВС КОНР.

Родился в Петрограде в 1920 году.

Русский.

21 июля 1941 года закончил в 3-е Ленинградское артиллерийское училище.

Последняя должность в Красной армии — командир дивизиона гвардейских реактивных минометов 5го гвардейского минометного полка. В октябре 1942 года добровольно перешел к немцам.

В мае 1943 года стал личным адъютантом генерал-лейтенанта А.А. Власова.

После ареста Власова ночью 13 мая 1945 года был вывезен капитаном армии США Р.Е. Донахью в американскую оккупационную зону. Умер в 1977 году.

Благовещенский Иван Алексеевич

Генерал-майор береговой службы.

Генерал-майор ВС КОНР.

Родился в городе Юрьевец Костромской губернии в 1893 году.

Русский.

В Красной армии — с 1918 года. В ВКП(б) — с 1921 года.

В 1931 году окончил Академию им. Фрунзе. В 1937 году — Академию Генерального штаба. Последняя должность в Красной армии — начальник Военно-морского училища ПВО в Либаве.

Когда началась война, курсанты Либавского военно-морского училища ПВО держали оборону на северной окраине города.

27 июня 1941 года, когда начальник обороны Либавы, генерал-майор Н.А. Дедаев отдал приказ выходить из окружения и двигаться в направлении Риги для соединения с частями Красной армии, курсанты во главе с Благовещенским застряли на шоссе, забитом техникой и машинами с членами семей военнослужащих. К ночи курсанты рассеялась по лесу.

7 июля Благовещенский и сопровождавшие его курсанты были задержаны бандой местных айзсаргов в шестидесяти километрах северней Либавы, вблизи местечка Справа, и переданы немецкому командованию.

После пребывания в тюрьме города Шяуляй и в Тильзитском лагере для военнопленных в начале августа 1941 года Благовещенский был доставлен в Хаммельсбург, в Офлаг XIII-Д.

В Хаммельсбурге Благовещенский дал немцам сведения о месте затопления в Либаве советских подводных лодок, которые не смогли уйти к своим, об эсминце «Ленин», о схеме расположения фугасов.

С первого дня пребывания в Хаммельсбурге Благовещенский был завербован в «Комитет борьбы с большевизмом» и назначен членом президиума этого комитета. Руководителем комитета был представитель VI управления РСХА капитан Зиферт.

Комитет должен был выявлять среди военнопленных политработников, сотрудников НКВД, евреев. К февралю 1942 года члены комитета выявили более двух тысяч подозрительных военнопленных.

Однако, как показала проверка, многие доносы делались с целью завладения ценными вещами, которые после ареста их владельцев присваивались членами комитета, и немцы распустили комитет.

В апреле 1942 года Благовещенского перевели в лагерь Вульгайде, где размещались курсы пропагандистов. Здесь его назначили начальником «молодежной школы», готовившей слушателей для разведывательных и диверсионных школ.

В декабре 1942 года Благовещенский был назначен редактором газеты «Заря», издававшейся отделом пропаганды вооруженных сил Германии для советских военнопленных, и переведен в Берлин.

После создания новой агентурно-политической организации — «Русского комитета», председателем которого был назначен Власов, а секретарем — Малышкин, Благовещенский 4 февраля 1943 года принял присягу на верность фюреру.

В марте 1943 года Благовещенский был назначен начальником курсов пропагандистов РОА. Возглавлял Дабендорфскую школу РОА.

В декабре 1943 года Благовещенский получил звание «генерал-майор РОА» и был назначен главным инспектором пропагандистов РОА.

Награжден бронзовой медалью «За храбрость» II класса.

В ноябре 1944 года, когда был создан «Комитет освобождения народов России» (КОНР), Благовещенский занял пост руководителя «идеологической группы» управления пропаганды.

4 февраля 1945 года в связи с тем, что отделы КОНРа вынуждены были покинуть Берлин, Благовещенский перебрался в Мариенбад.

В апреле 1945 года остался в Мариенбаде, как представитель КОНРа, для оказания помощи остающимся в городе русским гражданам.

Когда 6 мая 1945 года в Мариенбад вошли американцы, Благовещенского посадили под домашний арест.

3 июня 1945 года в гостиницу, где находился Благовещенский, прибыл советский офицер, предложивший ему посетить один из лагерей для репатриированных. Как только они выехали за город,

другой офицер, находившийся в машине, объявил Благовещенского арестованным органами контрразведки «СМЕРШ».

1 августа 1946 года Благовещенский вместе с другими обвиняемыми, проходившими по делу А.А. Власова и его штаба, был приговорен к смертной казни через повешение.

В ту же ночь повешен вместе с генералом Власовым.

Богданов Михаил Васильевич

Комбриг РККА.

Генерал-майор ВС КОНР.

Родился в 1897 году.

Комбриг, начальник артиллерии 8-го стрелкового корпуса.

Русский. Беспартийный.

В Красной армии — с 1919 года.

Награжден медалью «XX лет РККА».

5 августа 1941 года 8-й стрелковый корпус попал в окружение.

Богданов был задержан немцами 10 августа.

Пройдя через несколько лагерей для военнопленных, Богданов 6 апреля 1942 года был отправлен в Хаммельсбург, в Офлаг XIII-Д.

Приняв предложение представителя немецкого командования, Богданов начал работать в «историческом кабинете», собрал и обобщил все написанное о боевых действиях Юго-Западного фронта вплоть до Киевской операции.

5 ноября 1941 года в Офлаг XIII-Д прибыли представители военно-строительной организации ТОДТ, занимавшейся вербовкой специалистов из числа военнопленных.

18 ноября Богданов был направлен в местечко Шляхтензее, близ Берлина. Через месяц переправлен в Борисов и назначен начальником учебной части «Высшей русско-немецкой школы специалистов», готовившей работников тыловых служб германской армии.

Здесь в июне 1943 года Богданова завербовал человек, назвавшийся майором госбезопасности Пастуховым Иваном Григорьевичем. Он предложил Богданову специальное задание — внедриться в РОА и попытаться физически уничтожить или дискредитировать Власова, а затем принять на себя руководство РОА. Богданов дал подписку о сотрудничестве и получил псевдоним Гвоздев.

30 августа 1943 года Богданов, будучи в командировке в Берлине, встретился с Власовым, который хорошо знал его по совместной службе.

Осенью 1943 года Богданов стал заместителем начальника управления организации ТОДТ, действовавшей при группе армий «Центр» и имевшей наименование «Волга».

В октябре 1943 года из-за многочисленных побегов обученных работников управление было расформировано. Богданов, то ли вознамерившись выполнить поручение майора госбезопасности Пастухова, то ли испугавшись, что его вернут в лагерь военнопленных, обратился к Власову с просьбой о зачислении в РОА.

20 ноября 1943 года Богданов был зачислен в «офицерский резерв» школы пропагандистов с окладом по 16-й категории — 10 марок в декаду, как у рядового солдата.

Однако уже в декабре Богданов включен в состав «инспекционной группы», которой командовал Благовещенский.

После нескольких инспекционных поездок по лагерям военнопленных Богданова в конце декабря 1944 года назначают начальником артиллерийского отдела штаба КОНР.

1 декабря 1943 года Богданову присвоено звание генерал-майор РОА с правом ношения немецких знаков различия.

В 1945 году Богданов вновь связывается с партизанами, информируя их о предстоящем движении через Чехословакию частей РОА.

Уже в Чехословакии он переправил партизанам письмо, в котором просил забрать его. Через некоторое время за ним приехали.

10 мая 1945 года Богданов был взят под стражу.

18 мая было оформлено постановление на его арест.

19 апреля 1950 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Богданова к расстрелу.

Боярский Владимир Ильич

Полковник РККА.

Генерал-майор ВС КОНР.

Настоящая фамилия — Баерский Владимир Гелярович.

Родился 10 декабря 1901 года в селе Бродецкое Бердичевского уезда Киевской губернии.

Поляк.

Известно о Владимире Ильиче Боярском мало. Считается, что он был адъютантом Тухачевского в Гражданскую войну.

С 6 августа 1925 года учился на Высших стрелково-тактических курсах усовершенствования командного состава РККА им. Коминтерна в Москве.

По окончании назначен командиром роты 111-го стрелкового полка 37 стрелковой дивизии.

1929 года — командир батальона.

С марта 1941 года по январь 1942 года — начальник штаба 31-го стрелкового корпуса.

С января 1942 года по июнь 1942 года — командир 41-й стрелковой дивизии 2-го формирования ЮЗФ. В плен попал в Харьковском сражении.

Вместе с Власовым составил в Винницком лагере письмо немецким властям.

25 сентября 1944 года Власов произвел Боярского в генерал-майоры.

После создания КОНРа Боярский был помощником Трухина и участвовал в переговорах с Михайловичем о возможности создания объединенной военной силы после падения Германии. Захвачен чешскими партизанами и повешен 7 мая 1945 года.

Буняченко Сергей Кузьмич

Полковник РККА.

Генерал-майор ВС КОНР.

Родился в 1902 году в селе Коровяково Курской губернии.

Украинец.

Окончил сельскую школу.

В Красной армии — с 1918 года.

В 1919 году вступил в ВКП(б).

Командовал ротой, полком, снова учебной ротой.

В 1932 году поступил в Академию им. Фрунзе.

В 1938 году назначен помощником командира дивизии 39-й стрелковой дивизии 1-й ОКДВА.

4 ноября 1938 года присвоено звание полковника.

11 февраля назначен начальником штаба 26-го стрелкового корпуса.

30 марта 1942 года — командиром 389-й стрелковой дивизии.

2 сентября 1942 года приговорен к расстрелу трибуналом Северной группы войск Закавказского фронта за то, что, командуя 389-й стрелковой дивизией, занимавшей оборону у реки Терек, преждевременно, не сообразуясь с обстановкой, разрушил железнодорожное полотно на участке Моздок — Червленая и создал угрозу окружения для 9-й армии и всей группировки.

Расстрел заменили десятью годами заключения, но предоставили возможность отбывать наказание в действующей армии.

Опасаясь быть арестованным вторично, 17 декабря 1942 года полковник Буняченко перешел на сторону немцев.

Весной 1943 года ознакомился с воззванием Власова в немецком лагере **В*censored*coHe**.

Поступил в РОА и находился в ее рядах, готовя офицерские кадры, активно проявлял себя как преподаватель тактики в Кировоградской школе.

Был офицером связи при 7-й армии во Франции, там же занимался преподавательской работой и инспектировал части, находившиеся на охране «Атлантического вала».

Длительное время находился в прифронтовой полосе и направлял работу двух батальонов, занимавшихся разведкой.

Награжден двумя бронзовыми медалями, одной серебряной медалью, Железным крестом II степени.

Был кооптирован в КОНР, подписал Манифест.

Произведен в 1945 году в генерал-майоры и назначен командиром 1-й дивизии РОА.

6 апреля части его дивизии прибыли на фронт в район станции «Либерозы». Неделью спустя Буняченко выделил для участия в боевых действиях по одному батальону из 2-го и 3-го пехотных полков, противотанковый дивизион и артиллерийский полк.

Эти части вели бои с Красной армией на реке Одер.

При наступлении советских войск на Берлин увел свои части на территорию Чехословакии.

Сдался американцам в 80 километрах от Праги.

Депортирован.

По приговору ВКВС СССР в ночь на 1 августа 1946 года повешен вместе с генералом Власовым.

Жиленков Георгий Николаевич

Бригадный комиссар РККА.

Генерал-лейтенант ВС КОНР.

Родился в 1910 году в Воронеже, русский.

Был беспризорником. Учился.

В 1929 году вступил в ВКП(б).

Вырос до секретаря райкома партии Ростокинского района Москвы. В этом районе расположен целый ряд крупных промышленных предприятий и учебных заведений, население его доходило до 400 000. Был членом Московского городского комитета ВКП(б).

Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В Красной армии — с 1941 года.

Носил звание бригадного комиссара и являлся членом Военного совета 32-й армии.

7 октября 1941 года попал в окружение под Вязьмой.

14 октября взят немцами в плен.

С ноября 1941 года под видом шофера Максимова служил в германской 252-й пехотной дивизии. Участвовал в сопротивлении, устраивая диверсии в тылу германских войск группы армий «Центр».

В мае 1942 года при подготовке взрыва армейского склада был предан лесником Гжатского лесничества Черниковым и арестован немцами.

На допросе назвал действительную фамилию и выполняемую должность в Красной армии — члена Военного совета 32-й армии, при этом изъявил готовность бороться против Советской власти.

После допроса был направлен в ставку Главного командования сухопутных войск Германии в Ангенбург-Летцен, где беседовал с полковником Ронне.

В мае 1942 года Жиленков написал план создания на оккупированной немцами территории русского правительства, в котором предусматривалась организация борьбы против Советской власти.

В июне 1942 года Жиленкова перевели на службу в отдел военной пропаганды Вооруженных сил Германской армии, где он редактировал брошюры и листовки, которые распространялись на фронте и в тылу действующих советских войск.

В августе 1942 года был переведен в бригаду русской народной армии (РННА), дислоцировавшуюся в местечке Осиндорф (80 километров от Смоленска), где формировалась «Русская народная национальная армия» (РННА), на должность начальника организационно-пропагандистского отдела. Командиром РННА был назначен Боярский.

Вначале «армия» представляла собою группу разведывательно-диверсионных отрядов, но к концу 1942 года она насчитывала уже до полутора тысяч человек и занималась подавлением партизанского движения в районе Березино.

Когда командующий центральной группой войск фельдмаршал фон Клюге приказал РННА выступить в район Великих Лук для участия в деблокировании окруженной там группировки, Боярский и Жиленков отказались выполнить этот приказ, ссылаясь на то, что их солдаты еще не подготовлены для сражения с регулярными частями Красной армии. Жиленков и Боярский были арестованы и приговорены к расстрелу, но по ходатайству полковника Генерального штаба Ронне взяты на поруки.

Жиленков был направлен в отдел пропаганды Вооруженных сил Германии в распоряжение генерала Власова, где и приступил к изданию газеты «Доброволец», предназначенной для русских, служивших в вермахте, и распространявшейся так же среди военнопленных.

В феврале 1943 года Жиленков был в группе военнопленных генералов (Власов, Малышкин, Благовещенский), обратившихся к

германскому командованию с предложением о создании «Русской национальной армии» (РНА).

В апреле 1943 года был послан в Псков для формирования так называемой гвардейской ударной бригады РОА, которая, как считается, почти в полном составе перешла на сторону партизан.

В феврале 1944 года по поручению фельдмаршала фон Рунштедта, командовавшего Западным фронтом, Жиленков выехал на Атлантическое побережье для пропагандистской работы в восточных батальонах.

13 июня 1944 года вместе с группой пропагандистов Жиленков выехал в район Львова в распоряжение д'Алькена, который исполнял там должность начальника специальной пропагандистской бригады Гиммлера. В рамках проведения пропагандистской операции «Скорпион» он организовал выпуск газеты «За мир и свободу», распространявшейся в тылах Красной армии, опубликовал ряд брошюр и листовок.

Работа Жиленкова в ходе проведения операции «Скорпион» была высоко оценена Гиммлером, и возникла идея поставить Жиленкова на место Власова, но Жиленков отказался.

В сентябре-октябре 1944 года в период составления Пражского манифеста Жиленков был одним из главных посредников между немецкими властями и русскими. Он возглавлял Отдел пропаганды КОНР и был официальным редактором газеты КОНР «Воля народа». Фактический редактор Казанцев уважал его способности и ладил с ним.

19 апреля Жиленков выехал в Северную Италию, чтобы принять под командование КОНРа «казахьи» формирования. Однако поселок Майергофен в долине Цилерталь, через которую Жиленков попадал в Италию, 3 мая 1945 года был занят американскими войсками. 18 мая Жиленков был интернирован американцами и 26 мая вступил в контакт с американской разведкой. Тем не менее 1 мая 1946 года Жиленков был передан советскому командованию.

31 июля Жиленков сделал заявление, что встречался в Германии с разработчиком немецкой атомной бомбы и готов выполнить любое задание Советского правительства в этой области.

Мнения о роли Жиленкова в Русском освободительном движении расходятся. Одни считают, что Жиленков был принципиальным, долг ставил выше личных соображений и не давал разыгрываться собственным эмоциям. Другие утверждают, что Жиленков был «напыщенным и тщеславным», и подозревают его в тесном сотрудничестве с нацистами. Они утверждают, что свою роскошную квартиру он мог получить, только выполняя не очень чистые задания гестапо.

Жиленков гордился званием генерал-лейтенанта, которое, хотя он и не имел военной подготовки, соответствовало его политическому

рангу; часто появлялся в полном генеральском обмундировании в берлинском метро, чем вызывал всеобщее удивление.

1 августа 1946 года Жиленков был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни через повешение.

Повешен вместе с генералом Власовым.

Закутный Дмитрий Ефимович

Генерал-майор РККА.

Генерал-майор ВС КОНР.

Родился 7 ноября 1897 года в поселке Зимовники на территории Области войска Донского (ныне Ростовская область).

Русский.

Член ВКП(б) с 1919 года.

В Красной армии — с 1918 года.

Командир 21-го стрелкового корпуса, в командование корпусом вступил в июле 1941 года после гибели генерал-майора В.Б. Борисова.

26 июля остатки корпуса попали в окружение в районе сел Большая и Малая Зимницы Гомельской области. Закутный попал в плен.

Его допрашивали вначале в Штабе корпуса, потом — в Штабе 2-й армии и наконец — в Штабе группы армий «Центр».

После допросов Закутный был направлен в лагерь военнопленных в Лодзь, а оттуда в конце ноября 1941 года — в Хаммельсбург, в Офлаг XIII-Д — особый лагерь для военнопленных генералов и офицеров Красной армии в Берлине.

Еще на первых допросах Закутный выдвинул идею о формировании альтернативного правительства СССР.

30 октября 1941 года Закутный был командирован в лагерь для французских военнопленных в Ляхтенфельде, близ Берлина, где консультировал немецкое командование относительно советских укрепленных районов и редактировал переводы уставов Красной армии.

В марте 1942 года Закутного направили в лагерь военнопленных, расположенный в Циттенхорсте, где на курсах МСинистерства по делам восточных территорий готовились кадры для работы в лагерях и на оккупированной территории.

В январе 1943 года Закутного перевели в «свободный лагерь Вустрау».

В феврале 1943 года он поступил на службу в отдел восточной пропаганды германского Министерства пропаганды «Винета» при Министерстве по делам восточных территорий, где стал редактором пропагандистской литературы — брошюр, листовок, воззваний и плакатов.

В августе 1944 года Закутный был откомандирован в распоряжение Власова и включился в работу по созданию «Комитета освобождения народов России» и подготовке «Манифеста КОНР».

Участвовал в формировании КОНРа (практически вся интеллигенция, как утверждал Власов, была привлечена в Комитет его стараниями).

В КОНРе Закутный занял пост начальника главного управления по гражданским делам. Перед ним стояла задача обеспечить приток в РОА людей из числа «остарбайтеров».

Написал немецким властям докладную записку о положении советских граждан в Германии, о необходимости улучшить их правовое и материальное положение.

В апреле 1945 года остался в городе Фюссене, который был занят 1 мая 1945 года американцами.

Закутный, задержанный военной полицией, был доставлен в Штаб дивизии, где предъявил свой мандат. Его отпустили. Но 20 мая он был вновь задержан немецкой полицией, созданной американцами, и помещен в тюрьму.

13 июня 1945 года Закутный был передан американской стороной советскому командованию.

1 августа 1946 года Закутный был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни через повешение.

Повешен вместе с генералом Власовым.

Зверев Григорий Александрович

Полковник РККА.

Генерал-майор ВС КОНР.

Родился 15 марта 1900 года в Алчевске Донецкой губернии.

Русский.

В 1919 году ушел в Красную армию.

В 1926 году вступил в ВКП(б).

Был командиром 190-й стрелковой дивизии.

В плену с 11 августа 1941 года.

В июне 1943 года добровольно вступил в РОА.

Был со специальным заданием в Ганновере и в Норвегии, провел там большую вербовочную работу и привез в декабре в Берлин около трехсот офицеров и солдат.

Формировал вторую дивизию РОА, командовал ею и руководил боевой подготовкой.

В 1945 году Звереву было присвоено звание генерал-майора.

Повешен вместе с генералом Власовым.

Зыков Мелетий Александрович

Мелетий Александрович Зыков — одна из центральных и самых загадочных фигур в Русском освободительном движении.

О его происхождении известно очень мало, сам Зыков был скрытным и чрезвычайно осторожно вспоминал о своем прошлом, даже будучи пьяным.

Б.И. Николаевский считал, что настоящее имя Зыкова — Н. Мосивич. Другие утверждают, что под псевдонимом Зыков скрывался литературный критик Вольпе.

У Зыкова были ярко выраженные еврейские черты лица, и в Дабендорфе он никогда не пользовался общей баней, а только отдельной ванной комнатой, для того чтобы скрыть свою иудейскую принадлежность.

Сам Зыков говорил, что ему около 40 лет, и поначалу представлялся как Мелетий Евлампиевич и лишь позднее поменял отчество на Александрович.

Отца своего он вначале называл торговцем из Одессы, потом перевел в малоизвестные литературные критики меньшевистских взглядов и поселил в Екатеринославе.

Во время Гражданской войны был политкомиссаром. Позже стал литературным критиком, преподавал в Москве в Институте им. Герцена и публиковал в различных изданиях статьи о русской литературе XVIII века. Сотрудничал с Н.И. Бухариным. Был женат на дочери наркома просвещения А.С. Бубнова и вращался в высших партийных сферах.

Когда Бухарина исключили из партии, Зыкова арестовали. Несколько лет находился в магаданских лагерях, откуда, когда началась война, отпросился на фронт. В плен к немцам сдался, уже будучи политкомиссаром батальона, под Батайском, в Ростовской области в 1942 году.

В лагере написал меморандум о политическом аспекте военных действий, который произвел большое впечатление на офицера разведки группы армий «Юг» фон Фрайтаг-Лорингхофена; он и способствовал переводу Зыкова в «Вермахт пропаганда».

По назначении туда он написал детальный технический доклад о состоянии советской экономики.

Зыкова использовали в департаменте «Вермахт пропаганда», отчасти под начальством полковника Мартина, а отчасти — главы русского Отдела капитана фон Г роте.

С Власовым Зыков встретился на Викториаштрассе в Берлине и был связан с развитием «власовского» движения с самого его зарождения.

Считается, что Зыков участвовал в составлении некоторых ключевых документов Русского освободительного движения. Власов его очень ценил, говоря, что в СССР почти не осталось людей столь высокого интеллектуального уровня, поскольку Сталин уничтожил большинство из них.

Редактировал газету «Заря», выпускавшуюся для гражданского населения. Он старался сделать эту газету действительно интересной для русских, но делал это чисто советскими методами. Его коллеги вспоминают, что Зыков диктовал целые выпуски «Зари», начинал с редакционной статьи и кончая «письмами читателей».

В Германии Зыков женился на русской эмигрантке из Югославии. Через нее встретился с представителями Драже Михайловича и разработал план, согласно которому в конце войны части КОНР объединялись с отрядами Михайловича и после падения Третьего рейха должны были укрепиться в горных районах Югославии.

Летом 1944 года Зыков должен был участвовать в планируемой СС пропагандной кампании на Восточном фронте «Скорпион Восток», но накануне командировки бесследно исчез из деревни под Берлином, где он жил. Исчезновение это окружено такой же тайной, как и прошлое Зыкова.

Некоторые считают, что Зыков был похищен НКВД или даже сам был советским агентом, другие считают, что Зыков пал жертвой конкуренции германских спецслужб. Один отдел СС хотел использовать Зыкова в целях военной пропаганды, а служба безопасности считала это нежелательным.

Наиболее подробное изложение взглядов Зыкова оставил Михаил Китаев, сотрудник Зыкова по газете «Заря».

Он считает, что Зыков принадлежал к «Левому флангу» Русского освободительного движения, члены которого принимали захват власти большевиками и боролись за политические цели эпохи Гражданской войны. Позиции левого крыла были сходны с позициями бухаринского крыла оппозиции. Они продолжали ориентироваться на революционные настроения ранних лет и считали, что ленинизм, каким он был перед Гражданской войной и во время нее, и есть подлинное лицо коммунизма.

Зыков считал, что Февраль 1917 г. положил начало переменам, а Октябрь 1917 г. стал подлинным началом перемен и прогресса. И Февраль, и Октябрь 1917 года Зыков рассматривал как составные части народной революции, которой еще предстоит выполнить все обещания, данные народу.

Зыков думал, что важнее краткосрочные тактические ходы, чем долгосрочные идеологические цели. Вначале нужно превратить Русское освободительное движение в жизнеспособное предприятие, и, когда существование координирующего центра антисталинской оппозиции получит широкую огласку, немцы будут вынуждены дать

ему зеленую улицу. Зыков был готов идти на компромисс с нацистской пропагандой, если это даст Русскому освободительному движению возможность бороться со Сталиным.

Вместе с тем Зыков считал, что, несмотря на разрушительную сторону сталинизма, советская система в целом имеет и положительные аспекты.

Корбуков Владимир Денисович

Подполковник РККА.

Полковник ВС КОНР.

Родился 25 марта в 1900 года в городе Двинске Витебской губернии.

Русский.

С 1919 года — в Красной армии.

Член ВКП(б) с 1925 года.

Последняя занимаемая должность в Красной армии — помощник начальника связи 2-й Ударной армии Волховского фронта.

В октябре 1942 года попал в плен.

В 1943 году вступил в РОА, окончил курсы пропагандистов, принял присягу, командовал резервной ротой, был прикомандирован к инструкторской группе И.А. Благовещенского и ездил по лагерям военнопленных.

В декабре 1944 года стал офицером связи Штаба РОА и контролировал формирование дивизий РОА. 17 апреля 1945 года в составе колонны Штаба ВС КОНР выступил из Хойберга в Чехию.

В апреле 1945 года сдался американцам и уже в лагере был кооптирован в состав КОНРа.

Повешен вместе с генералом Власовым.

Кромиади (Санин) Константин Григорьевич

Полковник царской армии.

Полковник ВС КОНР.

Родился в 1893 году в Карсе Эриваньской губернии.

Грек.

В чине поручика участвовал в Первой мировой войне.

Участник Гражданской войны.

Закончил ее в чине полковника.

Эмигрант.

Работал таксистом в Берлине.

С сентября 1941 года работает в Министерстве по делам восточных территорий, затем в Абвере. С 16 сентября 1944 года — начальник личной канцелярии А.А. Власова.

Умер 25 апреля 1990 года в Мюнхене.

Малышкин Василий Федорович

Генерал-майор РККА.

Генерал-майор ВС КОНР.

Родился 26 декабря 1896 года в семье инженера на Марковском руднике в Донбассе. Русский.

В Красной армии — с 1918 года.

ВВКП(б) — с 1919 года.

В 1937 году стал начальником Штаба Сибирского военного округа.

Награжден орденами Красного Знамени, «Знак Почета», медалями «XX лет РККА», «За заслуги».

В 1938 году арестован и находился под стражей 14 месяцев. Его пытали, чтобы вырвать «признание» и показания на его товарищей. Говорят, что Малышкина несколько раз приносили обратно в камеру в крови и без сознания, но он выстоял.

Был реабилитирован и стал начальником Штаба 19-й армии.

Генерал-майор.

В начале октября 1941 года части 19-й армии попали в окружение.

12 октября было принято решение выходить из окружения небольшими группами в направлении Можайска. Малышкин, переодевшись в гражданскую одежду, двинулся в направлении Гжатска.

24 октября во время ночевки в лесу он был взят в плен немецкими солдатами.

Малышкина направили в Вяземский лагерь для военнопленных, где он выдал себя за солдата стройбатальона Володина.

В начале ноября его разоблачили и отправили в Смоленский лагерь для военнопленных.

В январе 1942 года он попал в лагерь в Фюрстенберге, где начал сотрудничать с Абвером.

В апреле 1942 года Малышкина направили в Вульгайде, на курсы пропагандистов. Окончив их, он был назначен помощником зондер-фюрера, проводил занятия в группах.

В декабре 1942 года Малышкина перевели на работу в Берлин, в отдел пропаганды Вооруженных сил Германии, где он познакомился с Власовым. Тот сообщил Малышкину, что по заданию немцев занимается организацией «Русского комитета», и предложил войти в инициативную группу.

В мае 1943 года в Дабендорфе Малышкин провел от имени «Русского комитета» конференцию, на которой присутствовали слушатели пропагандистских курсов и представители сформированных немцами «восточных» частей. Малышкин делал доклад «Задачи русского освободительного движения». По итогам конференции, которая якобы проводилась в Смоленске, было принято «Обращение русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза», состоящее из 13 пунктов и заключающее в себе основную идею — свержение всех институтов советской власти в СССР.

В июле Малышкин выезжал в Париж для установления контактов с русской эмиграцией. 24 июля он выступил с докладом в зале «Ваграм» о целях «освободительного движения».

В марте 1944 года Малышкин на пять месяцев выехал в Бельгию, Голландию, Данию, Францию, он возглавил там пропагандистскую работу среди «восточных» батальонов, выведенных туда с Восточного фронта. Как заявил Малышкин на следствии, он, выступая перед «легионерами», призывал их сражаться с англичанами и американцами, поскольку возможность вести борьбу с советскими войсками и партизанами была упущена.

В сентябре-октябре 1944 года Малышкин принял участие в организации КОНРа, подбирал кандидатов в его состав, участвовал в редактировании Манифеста, был начальником организационного управления Комитета, в котором находились разведка и контрразведка и ряд других организаций.

14 ноября 1944 года в Праге Малышкин зачитал на заседании членов КОНР положение об этом «комитете».

В декабре 1944 года Малышкин сделал доклад «Большевизм и Европа» на конференции в Веймаре.

После создания КОНРа Малышкин возглавил в нем главное организационное управление. Именно он подготовил «кредитное соглашение» с немцами, по которому Германия предоставляла КОНРу кредит (неопределенную сумму и на неопределенный срок). По словам Малышкина, немцы оставляли за собой право решать вопрос об условиях предоставления кредита. Расплатиться власовцы обещали за счет золотых запасов Советского Союза, как только те попадут в руки КОНРа.

Кроме того, Малышкин контролировал деятельность «отдела безопасности», готовившего агентуру для работы в СССР.

В марте 1945 года КОНР спешно перебрался в Карлсбад, подальше от предполагаемой советской зоны оккупации. Малышкин разработал план сосредоточения РОА в Южной Баварии, согласно

которому вооруженные формирования должны были занять одно из ущелий в горном Тироле и под прикрытием войск договориться с американцами о продолжении деятельности КОНРа.

20 апреля в Фюссне ему было поручено установить прямую связь с англичанами и американцами.

29 апреля Малышкин встретился с американским генералом Пэтчем, командующим 7-й американской армией, переговоры велись о сдаче ему частей КОНРа, но успеха Малышкин не добился. Генерал Пэтч заявил, что вопрос о предоставлении политического убежища деятелям КОНРа может быть решен только правительством США.

Малышкина поместили в американский лагерь для военнопленных в Аугсбурге, где уже находился Жиленков. Здесь, посоветовавшись, они подали заявление американскому командованию, предлагая свои услуги разведке.

2 октября 1945 года Малышкина перевели в лагерь американской разведки в городе Оберруссель (18 км от Франкфурта-на-Майне). Там Малышкин написал для американской разведки несколько докладов о системе подготовки командных кадров в СССР, об Академии Генерального штаба.

В сентябре 1945 года советской разведке удалось установить местопребывание Малышкина.

После работы, проведенной уполномоченным Совета министров СССР по делам репатриации генералом Ф.И. Голиковым, 26 марта 1946 года американское командование передало Малышкина в городе Эйзенахе советским властям.

27 марта 1946 года начальник Главного управления контрразведки «СМЕРШ» Абакумов направил Сталину и Молотову сообщение об аресте Малышкина.

Малышкин пользовался общей симпатией. Он был женат на балерине, широко начитан и любил поэзию.

1 августа 1946 года Малышкин был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни через повешение.

Повешен вместе с генералом Власовым.

Мальцев Виктор Иванович

Полковник ВВС РККА.

Генерал-майор ВС КОНР.

Родился 25 апреля 1895 года в крестьянской семье в поселке (ныне город) Гусь-Хрустальный Владимирской губернии.

Русский.

Во время Гражданской войны вступил в Красную армию.

В 1919 году окончил Егорьевскую военную летную школу.

Занимал ряд постов в Военно-воздушных силах в Центральной Азии и Закавказье.

В 1938 году представлен к ордену Ленина, но в марте того же года был арестован и полтора года просидел в тюрьме.

В 1940 году освобожден, реабилитирован и по состоянию здоровья уволен в запас Красной армии.

Работал начальником санатория аэрофлота в Ялте.

Не эвакуировался с частями Красной армии 8 ноября 1941 года из Севастополя, явился в СС и заявил, что обижен Советской властью и поэтому готов служить немцам.

Написал книгу о своей жизни «Конвейер ГПУ».

Проверял работу Горуправы.

Получил пост городского головы Ялты, позже стал мировым судьей по гражданским делам.

Когда весной 1943 г. Мальцев услышал о Власове, он попытался пробиться к нему. Немцы дали ему понять, что дело Власова — пока только пропагандистское начинание, а командующий Остгруппен генерал Гельмих обещал, что, когда Русская освободительная армия станет реальностью, Мальцеву разрешат присоединиться к Власову.

Мальцев был направлен в Люфтваффе (немецкие Военно-воздушные силы) и там формировал восточную эскадрилью, подбирая ее личный состав. По приказу Геринга получил звание генерал-майора авиации.

Примкнул к Власову лишь на последнем этапе Русского освободительного движения.

В феврале 1945 года был кооптирован в КОНР.

По окончании военных действий Мальцев со своими подчиненными был интернирован во Франции, но затем помещен в лагерь. Находясь в лагере военнопленных, написал заявление об отправке на японский фронт.

В августе 1945 года репатрирован в Советский Союз. Перед этим, узнав о репатриации, перерезал бритвой правую руку, но это не помогло.

Повешен вместе с генералом Власовым.

Меандров Михаил Алексеевич

Полковник РККА.

Генерал-майор ВС КОНР.

Родился 22 октября 1894 года в Москве.

Русский.

В Красной армии — с 1918 года.

Последняя должность — заместитель начальника Штаба 6-й армии.

В плену Меандров в течение полутора лет сумел стать членом трех политических организаций. Он вступил в Русскую трудовую народную

партию (РТНП), в Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП) и в Политический центр борьбы с большевизмом (ПЦБ).

В ПЦБ разработал план, предусматривавший подготовку из числа пленных десанта.

По плану из Петрозаводска предполагалось выбросить десантный отряд в районе Северной Двины, так называемая северная зона, куда Меандров намечался командующим.

В районе реки Оби намечалась так называемая Восточная зона под командованием Киселева.

Захватив расположенные в этих районах лагеря НКВД и вооружив заключенных, десантники должны были развивать повстанческую деятельность в направлении на юг, овладевая промышленными центрами Урала.

Для десантной операции было подготовлено до 150 офицеров и около 100 солдат.

Меандров составил «Устав военно-политической борьбы» ПЦБ, содержащий инструкции диверсионным отрядам.

Весной 1943 года Меандров сформировал из молодежи карательный отряд, который был направлен в г. Остров Псковской области.

Когда в отряде обнаружилось дезертирство, карателей перебросили из Острова в Радом (Польша).

В январе 1944 года вступил в РОА. Сначала был в инспекторате Благовещенского, а потом стал работать на курсах в Дабендорфе.

Участвовал в организации учредительного собрания в Праге и торжественного собрания в Берлине.

Награжден медалью.

Один из соавторов брошюры «СССР и мировая революция», в которой утверждалось, что Советское правительство в течение долгих лет готовило агрессивную войну против народов Европы, в результате чего и возникла Вторая мировая война.

В генерал-майоры произведен А.А. Власовым в сентябре 1944 года.

Возглавлял офицерское училище КОНРа.

К концу войны командовал не только офицерской школой, но и остатками 2-й дивизии КОНРа.

6 мая 1945 г. Меандров сдался американцам. Он считал, что американцы не могут репатриировать части КОНРа в Советский Союз против их воли, и потому призывал не бежать из лагерей, чтобы не быть приравненным к преступникам.

Передан советским властям в апреле 1946 года.

Повешен вместе с генералом Власовым.

Трухин Федор Иванович

Генерал-майор РККА.

Генерал-майор ВС КОНР.

Родился 29 февраля 1896 года в Костроме.

Русский.

Отец — дворянин. Брат служил в Кавалергардском полку; когда началась Первая мировая война, находился в армии генерала Самсонова и был убит в августе 1914 года.

Отец и другой брат расстреляны в 1919 года за антисоветскую деятельность.

В 1914 году Ф.И. Трухин окончил гимназию.

В Красной армии — с 1918 года.

Беспартийный.

В 1925 году закончил Академию им. Фрунзе, затем — Академию Генерального штаба.

В 1928 года — начальник Штаба Саратовского пехотного корпуса.

Преподавал в Военной академии им. Фрунзе.

Был начальником Штаба Балтийского военного округа.

Последняя должность в Красной армии — начальник Штаба Северо-Западного фронта, генерал-майор.

Награжден орденом Красного Знамени и медалью «XX лет РККА».

27 июня 1941 года Трухин в сопровождении адъютанта и бойцов выехал на машине из города Режицы в Двинск. Машина напоролась на немцев. Адъютант и бойцы были убиты, Трухин был ранен и взят в плен.

30 июня 1941 года после допроса Трухина направили в лагерь военнопленных в Шталупенен, а через несколько дней — в Хаммельсбург, Офлаг XIII.

Затем Трухин был переведен в лагерь Вустрау, где вступил в НТС «Новое поколение» и стал заместителем председателя лагерного Исполнительного бюро НТС.

Трухин разработал положение о военном отделе руководящего органа этой партии, а также положение о формировании «Русской национальной армии» из советских военнопленных. Эти документы были использованы гитлеровцами в последующей работе по разложению войск и тыла Красной армии.

В ноябре 1941 года Трухин был переведен в лагерь Валь, где ему предложили стать «русским комендантом» лагеря, в котором намечалось готовить персонал для немецких учреждений на оккупированной территории.

В мае 1942 года Трухин был назначен «русским комендантом» такого лагеря в Циттенхорсте и получил справку об освобождении из

лагеря для военнопленных. Одновременно он работал преподавателем, а затем заместителем старшего преподавателя курсов в Циттенхорсте.

В марте 1943 года Трухин присоединился к Власову как официальный представитель НТС «Новое поколение» и был зачислен в штат «восточного батальона пропаганды особого назначения» — так официально именовался «Русский комитет».

Через некоторое время Трухин назначается начальником учебной части курсов пропагандистов в Дабендорфе, а в апреле 1943 года заменяет Благовещенского во главе Дабендорфской школы. С этого момента он становится ближайшим советником Власова.

Приказом генерал-инспектора «восточных» войск Трухин был утвержден в звании генерал-майора с правом ношения знаков различия РОА. Скоро ему было разрешено носить и немецкие знаки различия.

В октябре 1944 года Трухин был переведен в Берлин в распоряжение Главного штаба СС для работы по организации «Комитета освобождения народов России».

В КОНРе Трухин был назначен начальником Штаба Вооруженных сил. 28 апреля 1945 года Главный штаб СС назначил Трухина генерал-инспектором «Восточных войск».

Трухин был человеком энергичным и трудолюбивым. Он старался лично встретиться и побеседовать с каждым «новобранцем».

Отличался замечательной военной выправкой и сдержанностью.

После образования КОНРа был назначен на пост начальника Штаба Власова и стал ответственным за формирование военных частей КОНРа.

7 мая 1945 года в районе города Пржибрам Трухин был захвачен чешскими партизанами и передан Красной армии.

Повешен вместе с генералом Власовым.

Шатов Николай Степанович

Полковник РККА.

Подполковник ВС КОНР.

Родился 29 апреля 1901 года в деревне Шатово Котельничского уезда Вятской губернии.

Русский.

Член ВКП(б) с 1929 года.

Последняя должность в Красной армии — начальник артиллерийского снабжения Северо-Кавказского военного округа.

Во второй половине октября 1941 года Шатова вызвали в Штаб Северо-Кавказского военного округа, где он служил заместителем начальника артиллерии округа по артснабжению. Здесь он попал в руки маршала Кулика, приехавшего наводить порядки в связи с прорывом немцев к Таганрогу.

Шатову приказали доложить об обеспечении вооружением двух только что сформированных дивизий и о срочной эвакуации артиллерийских складов. Кулик обвинил Шатова во вредительстве, а когда тот начал оправдываться, выхватил пистолет. Потом избил в присутствии других офицеров и выгнал.

Шатов дезертировал и целый месяц укрывался в Ростове. Из Ростова ушел в Таганрог и 29 ноября 1941 года сдался немцам. Был помещен в Хаммельбургский лагерь советских военнопленных офицеров.

Стал членом РТНП и председателем ее комитета.

С 26 июня 1944 года — в РОА.

С ноября 1944 года — инспектор артиллерийского отдела Штаба ВС КОНР.

Повешен вместе с генералом Власовым.

Хронология жизни А.А. Власова

1 сентября 1901 года. В селе Ломакине Нижегородской губернии родился Андрей Андреевич Власов.

1913 год. Поступил в духовное училище в Нижнем Новгороде.

1915 год. Закончил духовное училище и поступил в семинарию.

1917 год. Перешел в XI Нижегородскую единую трудовую школу 2-й ступени, которую и окончил в 1919 году.

1919 год. Поступил в Нижегородский государственный университет по агрономическому факультету.

5 мая 1920 года. Призван в Красную армию.

Октябрь 1920 года. Закончил Нижегородские пехотные курсы командного состава РККА и направлен на Врангелевский фронт.

Июль 1922 года. Назначен командиром роты.

Февраль 1923 года. На пятую годовщину Красной армии комроты Власов награжден именными серебряными часами.

1930 год. Власов вступил в ВКП(б).

Ноябрь 1930 года. Власов переведен в Ленинградский военный округ.

Февраль 1933 года. Переведен в Штаб Ленинградского военного округа на должность помощника начальника 1-го сектора 2-го отдела.

1935 год. Назначен помощником начальника отдела боевой подготовки.

1936 год. Назначен начальником учебного отдела курсов военных переводчиков разведывательного отдела лво.

Июль 1937 года. Назначен командиром 215-го стрелкового полка.

Ноябрь 1937 года. Командует 133-м стрелковым полком.

Май 1938 года. Переведен в Штаб Киевского особого военного округа — начальником 2-го отдела.

Сентябрь 1938 года. Назначен командиром 72-й стрелковой дивизии Киевского особого военного округа.

Конец 1938 года. Командировка в Китай. Работа в группе советских военных советников.

Декабрь 1939 года. Власов вернулся из Китая.

Январь 1940 года. Назначен командиром 99-й стрелковой дивизии КОВО, дислоцированной в Перемышле.

Май 1940 года. Избран членом Перемышльского горкома ВКП(б).

4 июня 1940 года. СНК СССР присвоил А.А. Власову звание генерал-майора.

25-27 сентября 1940 года. На инспекторском смотровом учении, проведенном народным комиссаром обороны — Маршалом Советского Союза товарищем С.К. Тимошенко, дивизия, которой командовал А.А. Власов, получила «хорошую оценку» и была награждена переходящим знаменем Красной армии.

3 октября 1940 года. В газете «Красное знамя» опубликована статья А.А. Власова «Новые методы учебы», где автор цитирует Александра Суворова и напирает на полезность политзанятий.

9 ноября 1940 года. В газете «Красная звезда» опубликована статья П. Огина и Б. Кроля «Командир передовой дивизии» об А.А. Власове.

17 января 1941 года. Генерал-майор Власов назначен командиром 4-го механизированного корпуса КОВО.

6 февраля 1941 года. А.А. Власов награжден орденом Ленина.

23 февраля 1941 года. Газета «Красная звезда» перепечатала статью Власова «Новые методы учебы».

22 июня 1941 года. 3 часа 00 минут. Генерал-майор Власов получил приказ о приведении войск в полную боевую готовность.

24 июня 1941 года. 4-й механизированный корпус получил приказ: разгромить прорвавшуюся в районе Немировки немецкую группировку. Сделать это не удалось.

3 июля 1941 года. Корпус генерал-майора Власова переброшен в район Бердичева, чтобы не допустить прорыва немцев к Житомиру. Контрудар так и не состоялся, и корпус был отведен в район Киева.

17 июля 1941 года. Власова вызвал в Киев Семен Буденный. Власов назначен командующим 37-й армией, оборонявшей Киев.

10 августа 1941 года. 37-я армия предприняла контрудар на рубеже Шуляны — Мышеловка — Корчеватое и успешно держала оборону до 15 сентября, пока танковые клинья немцев не соединились в районе Лохвицы и четыре армии (5-я, 21-я, 26-я, 37-я) не оказались в котле.

18 сентября 1941 года. М.П. Кирпонос отдал приказ о выходе армий из окружения.

19 сентября 1941 года. Главные силы 37-й армии начали сниматься с позиций и отходить.

1 ноября 1941 года. Власов и Агнесса Павловна Подмазенко вышли из окружения к Курску. Отсюда их отправили в Воронеж.

10 ноября 1941 года. Первая встреча генерала Власова с И.В. Сталиным.

20 ноября 1941 года. Генерал-майор Власов назначен командующим 20-й армией.

19 декабря 1941 года. Андрей Андреевич Власов прибыл в 20-ю армию, вышедшую на подступы к Волоколамску.

20 декабря 1941 года. Освобожден Волоколамск.

31 декабря 1941 года. На первой полосе в газете «Известия» помещена статья «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы». Внизу — фотографии девяти генералов. Среди них — Власов.

6 января 1942 года. Власову присвоено звание генерал-лейтенанта.

10 января 1942 года. Начало наступления 20-й армии Власова на Шаховскую.

В этот же день на Волховском фронте командующим 2-й Ударной армией назначен Н.К. Клыков.

12 января 1942 года. Власов приказал ввести в прорыв кавалерийский корпус, но Жуков отменил его приказ до прорыва обороны на всю тактическую глубину. Только к вечеру армии удалось пробиться на глубину в семь километров.

13 января 1942 года. Фотография Власова напечатана в «Красной звезде».

25 января 1942 года. Армия Власова вышла к Гжатским оборонительным позициям и здесь, у «линии фюрера», остановилась.

27 января 1942 года. По беременности демобилизована из армии А.П. Подмазенко.

22 февраля 1942 года. А.А. Власов награжден орденом Ленина.

10 марта 1942 года. Власов назначен заместителем командующего Волховским фронтом.

19 марта 1942 года. Немцы перерезали коридор у Мясного Бора. 2-я Ударная армия попала в окружение.

29 марта 1942 года. К.А. Мерецков доложил в Ставку, что «части противника, оседлавшие дорогу, отброшены в северном и южном направлениях».

5 апреля 1942 года. Немцы снова закрыли брешь у Мясного Бора. Мерецков командировал А.А. Власова во 2-ю Ударную армию во главе специальной комиссии Волховского фронта.

8 апреля 1942 года. Командующий 2-й Ударной армией Н.К. Клыков смещен со своего поста.

15 апреля 1942 года. Генерал-лейтенант Власов принял командование 2-й Ударной армией.

23 апреля 1942 года. По решению Ставки Волховский фронт преобразовали в Волховскую особую группу Ленинградского фронта. М.С. Хозин назначен командующим Особой группой.

30 апреля 1942 года. М.С. Хозин отдал приказ, согласно которому 59-я армия должна была выбить немцев из района Спасской Полисти.

Немцы приступили к ликвидации окруженной 2-й Ударной армии.

4 июня 1942 года. Неудачная попытка 2-й Ударной армии вырваться из окружения.

6 июня 1942 года. М.С. Хозин докладывает в Ставку, что 2-я Ударная армия окружена. Ставка сместила его с должности. Восстановлен Волховский фронт. Командующим снова назначили К.А. Мерецкова.

23 июня 1942 года. 01 час 02 минуты. Войска 2-й Ударной армии предпринимают последнюю попытку прорыва окружения.

12 июля 1942 года. Власов взят в плен немцами в крестьянской избе в деревне Туховечи.

13 июля 1942 года. Власова отвезли к генералу Линдеманну, командующему 18-й армией, в штаб-квартиру в Сиверской.

15 июля 1942 года. Власов переправлен в Летцен и там допрошен немецким командованием.

20 июля 1942 года. Власова перевезли в Винницу, на Украине, в лагерь для пленных советских генералов и офицеров Генерального штаба.

3 августа 1942 года. Власов подписал совместно с полковником Боярским письмо (меморандум Власова — Боярского), призывающее немецкие власти опереться на русских в борьбе со Сталиным и создать Русскую национальную армию.

10 августа 1942 года. Встреча Густава Хильгера, бывшего советника германского посольства в Москве, с Власовым.

10 сентября 1942 года. Власов подписал в Винницком лагере первую свою листовку, составленную отделом «Вермахт пропаганда».

17 сентября 1942 года. Власов перевезен в Берлин в «русский штаб» отдела «Вермахт пропаганда».

27 декабря 1942 года. В Дабендорфе под Берлином подписана декларация, названная «Смоленским воззванием».

13 января 1943 года. Опубликовано «Смоленское воззвание».

Февраль 1943 года. Власов приглашен Штабом группы армий «Центр» на фронт. Санкционировал эту поездку фельдмаршал фон Клюге.

25 февраля 1943 года. Выступление Власова в Смоленске.

Конец февраля 1943 года. Заявление Власова по национальному вопросу.

3 марта 1943 года. В газете «Заря» опубликовано «Открытое письмо» А.А. Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом».

22 марта 1943 года. Первый выпуск на курсах в Дабендорфе.

17 апреля 1943 года. Фельдмаршал Кейтель отдал приказ о запрещении политической деятельности генерала Власова.

23 апреля 1943 года. А.А. Власов награжден знаком отличия «За отвагу» для граждан восточных народов 2-го класса в бронзе.

29 апреля 1943 года. Генерал Власов приехал в Ригу.

1 мая 1943 года. Власов приехал в Псков. Выступление в театре. 8 июня 1943 года. Совещание в ставке Гитлера, посвященное Власову и РОА.

28 июня 1943 года. Допрос в НКВД Агнессы Павловны Подмазенко — «военно-полевой жены» генерала Власова.

24 июля 1943 года. В зале Ваграм в Париже состоялось собрание белой эмиграции, на которое приехали из Берлина генерал Малышкин и полковник Боярский.

Осень 1943 года. Гитлер приказал разоружить восточные батальоны. В дальнейшем они были направлены на западный фронт.

14 октября 1943 года. Гиммлер в Бад-Шахене, на Боденском озере, выступая перед офицерами воинских частей СС, произнес речь против Власова.

Январь 1944 года. Завершение переброски восточных батальонов на западный фронт.

Лето 1944 года. Из Риги в Берлин перебирается Мария Воронова.

13 июня 1944 года. Начало операции «Скорпион Восток», организованной СС и проводимой силами власовцев под Львовом.

20 июля 1944 года. Покушение на Гитлера. На этот день была назначена встреча Власова с Гиммлером.

22 июля 1944 года. Власов и все его движение переподчинено обер-фюреру СС доктору Эрхарду Крэггеру.

16 сентября 1944 года. Встреча Власова с Гиммлером ^[97].

14 ноября 1944 года. В Праге во дворце Храдчаны объявлено о создании Комитета освобождения народов России и подписан Манифест, сформулировавший программу движения.

18 ноября 1944 года. Общественное собрание в «Доме Европы» в Берлине.

28 января 1945 года. Первый приказ генерала Власова в качестве Главнокомандующего Вооруженными силами КОНРа.

12 февраля 1945 года. В.И. Боярскому, С.К. Буняченко, И.Н. Кононову, В.И. Мальцеву, М.А. Меандрову, М.М. Шаповалову, Г.А. Звереву присвоены генеральские звания.

16 февраля 1945 года. Парад 1-й дивизии РОА генерала С.К. Буняченко. Парад принимали Власов и генерал Кестринг, назначенный в 1943 г. преемником Главнокомандующего Осттрuppen генерала Гельмиха.

1 марта 1945 года. Встреча Власова и Жиленкова с доктором Геббельсом.

2 марта 1945 года. ОКВ издало приказ о замене германских эмблем на униформе солдат русских формирований, которые были подчинены Власову, на нарукавные знаки и кокарды РОА. Это означало отделение Вооруженных сил КОНРа от вермахта. Им придавался статус Армии союзного государства.

26 марта 1945 года. Последнее заседание КОНРа в Карлсбаде (Карловых Варах).

6 апреля 1945 года. 1-й дивизии РОА С.К. Буняченко приказано ликвидировать советское передовое укрепление на Одере, чего не смогли осуществить немецкие войска.

13 апреля 1945 года. В 7 часов 20 минут после артиллерийской и авиационной подготовки два полка 1-й дивизии атаковали позиции 119-го укрепрайона. Власовцам удалось овладеть первой линией советских окопов и взять под контроль переправу. Тяжелый пулеметный огонь с флангов не позволил развить наступление, и, хотя немецкое командование было против, Буняченко приказал отступить.

В этот же день. В отеле «Ричмонд» в Карлсбаде состоялось официальное бракосочетание Власова с фрау Билленберг — вдовой офицера СС. Присутствовали пастор Шаберт, Крэгер.

14 апреля 1945 года. Дивизии Буняченко отказано в снабжении продовольствием.

15 апреля 1945 года. Дивизия Буняченко двинулась на юг. Около Зенфтенберга к ней присоединился бывший на фронте отдельный добровольческий отряд под командованием полковника Сахарова.

Вторая половина апреля 1945 года. А.А. Власов послал В.Ф. Малышкина парламентарием к американцам. Сопровождал Малышкина капитан Штрик-Штрикфельдт. Начало переговоров с генералом Пэтчем.

25 апреля 1945 года. Власов попытался передать по радио из Праги Обращение к создававшейся тогда Организации Объединенных Наций, но наместник Франк не разрешил передавать Обращение — до согласования с фюрером. А с бункером Гитлера в Берлине связи уже не было.

26 апреля 1945 года. Поскольку запасы продовольствия были очень скудными, Буняченко согласился участвовать в боевых действиях против советских войск в районе Брно. Однако, получив необходимые припасы, снова не подчинился немецкому приказу.

27 апреля 1945 года. Дивизия Буняченко двинулась по направлению к Чехословакии.

28 апреля 1945 года. Главный штаб СС назначил Трухина генерал-инспектором «восточных войск».

30 апреля 1945 года. В районе города Цвиссель перешли в расположение американских войск и сдались части ВВС КОНРа.

2 мая 1945 года. Дивизия Буняченко остановилась в 50 километрах к юго-западу от Праги, куда прибыла делегация офицеров Чехословацкой армии. Они представились, как штаб Пражского восстания, и прибыли просить о поддержке.

4 мая 1945 года. Представители штаба чешских повстанцев прибыли в 1-ю дивизию с просьбой оказать им помощь.

5 мая 1945 года. Повстанцы обратились по радио с призывом о помощи. Вечером 5 мая дивизия Буняченко вошла в пригороды Праги.

В этот день Трухин снесся с американцами, и ему было приказано, чтобы 2-я дивизия сдалась в течение 36 часов.

В этот же день. Полковник Азберг и Поздняков вернулись с документом, в котором говорилось, что командование Американской армии готово принять власовцев с условием, что они сдадут оружие и будут на положении военнопленных.

6 мая 1945 года. 1-я дивизия Буняченко приняла участие в нападении на немецкие части, в том числе на дивизию СС, которая была выслана для подавления восстания.

7 мая 1945 года. Дивизия Буняченко оставила Прагу и направилась маршем к югу, чтобы войти в контакт с американцами и попасть в американскую оккупационную зону. По дороге выяснилось, что генерал-майор Трухин, генерал-майор Боярский, генерал-майор Шаповалов и генерал Благовещенский захвачены чешскими красными партизанами. Боярский был расстрелян, Шаповалов повешен, а Трухин и Благовещенский переданы Красной армии.

9 мая 1945 года. Вечером, все еще на чешской территории, 1-я дивизия встретила с танковым соединением 3-й американской армии.

11 мая 1945 года. Дивизия была обезоружена и размещена в районе Шлиссельбурга, куда также прибыл и Власов.

162-я советская дивизия встретила с танковым соединением 3-й американской армии.

В этот же день генерал-майор Меандров сдал американцам Штаб РОА с остатками 2-й дивизии и офицерской школы.

12 мая 1945 года. Буняченко со своим начальником Штаба подполковником Николаевым отправились в американский Генеральный штаб, где им сообщили, что американцы должны покинуть город и он будет передан их советскому союзнику.

В этот же день. Власов был захвачен частями Советской армии.

15 мая 1945 года. Власов доставлен в Москву на Лубянку.

16-25 мая 1945. Первый десятидневный допрос Власова.

28 августа 1945 года. Перерезал себе горло Виктор Иванович Мальцев и был доставлен в Бутырскую тюремную больницу.

4 января 1946 года. Абакумов направил Сталину сообщение, что судебное разбирательство над руководителями КОНРа можно начать 25 января 1946 года. Всех обвиняемых предлагалось осудить к смертной казни через повешение и приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы в соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного совета СССР от 19 апреля 1943 года.

7 февраля 1946 года. Допрос Власова в Лефортове. Власов дает показания о «разведывательной и иной работе против Советской власти».

26 марта 1946 года. Василий Федорович Малышкин передан в советскую зону оккупации и доставлен в Лефортово.

30 марта 1946 года. Допрос Григория Александровича Зверева.

1 мая 1946 года. Георгий Николаевич Жиленков выдан американцами и доставлен в Лефортово.

25 мая 1946 года. Допрос Власова. Власов дает основные показания о пребывании в Винницком лагере, о капитане Штрикфельдте, о подготовке и изготовлении первых листовок, о Смоленском воззвании.

30 июля 1946 года. 12 часов 05 минут. Открылось судебное заседание военной коллегии Верховного суда СССР для рассмотрения дела по обвинению А.А. Власова и других.

31 июля 1946 года. 2 часа 02 минуты. Оглашение приговора о смертной казни.

26 августа 1946 года. В центральных газетах опубликовано сообщение, что приговор Военной коллегии Верховного суда СССР А.А. Власову и другим приведен в исполнение.

Литература

Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

Алдан (Нерянин) А.Г. Армия обреченных // Труды архива РОА. Т. 3. Нью-Йорк, 1969.

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945 гг. СПб., 2001.

Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Лондон, 1990.

Андрюхин В. Тайна генерала Власова // Дело. 1998. 17–23 июля (№ 29-280).

Андрейкович Т.П. Сражались на Волхове. Л., 1986.

Армейские чекисты. Сборник. Л., 1985.

Артемов А.Н. 15-летие Пражского манифеста. Франкфурт: Посев, 1959.

Артемьев В.П. Первая дивизия РОА. Лондон (Канада): изд-во СБОНР, 1974.

Ауски С. Предательство и измена. Сан-Франциско: Глобус, 1982.

Бахвалов А.Л. Генерал Власов. Предатель или герой? СПб., 1994.

Белокопытов В.И. Записки разведчика. Красноярск, 1980.

Битва за Ленинград. 1941–1944 / Под ред. С.П. Платонова. М., 1964.

Битва за Москву / Ред. Е. Соколова. М., 1958.

Богатырчук Ф.П. Мои встречи с Власовым // Архив РОА. Материалы по истории РОД. Вып. 1. М., 1996.

Бои на Волхове / Под ред. И.Е. Родаченко. Ярославль, 1945.

Брунст Д.В. Записки бывшего эмигранта. М., 1961.

Буллок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 1–2. Смоленск, 1994.

Буров А.В. Блокада день за днем. Л., 1979.

- Бычевский Е.В. Командующий фронтом. М., 1974.
- В., подполковник. Последние дни генерала Власова // Снайпер. Бюллетень округа Schleissheim. Союз Андреевского флага (Мюнхен). 22.05.1949.
- Василевский А. Дело всей жизни. М., 1978.
- Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1985.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Энциклопедия. М., 1985.
- Вербицкий Г.Г. Почта остарбайтеров Второй мировой войны. США: изд-во Эрмитаж, 1996. Вербицкий Г.Г. Выдача в Лиенце // Новый часовой. 1996. № 4.
- Ветеран. Сборник. Вып. 1. Л., 1977.
- Ветеран. Сборник. Вып. 2. Л., 1980.
- Ветеран. Сборник. Вып. 3. Л., 1984.
- Вишняк М.В. Современные записки. Нью-Йорк, 1957.
- Вишневский А.А. Дневник хирурга. М., 1967.
- Волжанин (Поздняков В.В.) Кто Зыков // Борьба. СБОНР. Мюнхен; Лондон (Канада). Ноябрь–декабрь, 1950.
- В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. Сб. статей и документов / Под общ. ред. А.В. Попова. М., 1997.
- Врангель П.Н. Воспоминания. 2-е изд. Франкфурт-на-Майне, 1969.
- Вторая ударная в битве за Ленинград. Сборник / Сост. В.А. Кузнецов. Л., 1983.
- Гаев А. Власовцы в советской литературе. Материалы и сообщения. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1960.
- Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. Т. 3. Кн. 2. М., 1971.
- Гebbельс Й. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993.
- Генерал Власов в Риге. Воспоминания морского офицера. Апрель 1943 // Русское возрождение (Нью-Йорк). 1980. № 10.
- Герасимов П. Для советских солдат не было непреодолимых преград // Военно-исторический журнал. 1967. № 7.
- Геродник Г. Моя фронтовая лыжня. Таллин, 1983.
- Григоренко П.Г. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк: Детинец, 1981.
- Гордиенко А.Н. Иосиф Сталин. Минск: Литература, 1998.
- Горьков Ю. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). Цифры и документы. М., 2002.
- Д.Б. По архивным следам (Гитлер о власовцах) // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 30.11.1949, 30.12.1949.
- Двинов Б.Л. Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950.
- Дегтярев Г.Е. Таран и щит. М., 1966.
- Деллингсхаузен Е. фон. Два года с Власовым // С народом за народ (Мюнхен). 1962. № 3.

Дичбалис С. (А. Дубов). Детство, отрочество, юность. Не по Льву Николаевичу Толстому. СПб., 1995. Дмитриева О. Что можно было бы сказать на могиле генерала Власова // Комсомольская правда. 1993. 8 мая.

Дудин Л.В. (Н. Градобоев). Великий мираж. Материалы к истории Освободительного движения народов России. 1941–1945. Лондон (Канада): изд-во СБОНР, 1970.

Егоров П.Я. Маршал Мерецков. М., 1974.

Ермаченков С.В., Почтарев А.Н. Последний поход власовской армии // Вопросы истории. 1998. № 8. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 3 т. М.: Новости, 1995.

Жуковы, Эра и Элла. Маршал Победы. Вспоминая и размышляя. М., 1996.

Загадка майора Зыкова // Часовой. 1952.

Именем героя названы. Сборник // Сост. И.В. Терентьева. Л., 1979.

... и возвращались с Победой. Сборник. Л., 1986.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. М., 1981.

История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. М., 1975.

История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974.

История одного предателя. Нью-Йорк, 1980.

Казанцев А. Третья сила. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1952.

Калашников К.Ф. Право вести за собой. М., 1981.

Как рассказывал об этом Власов // С народом за народ (Мюнхен). 1963.

Катусев А.Ф., Оппок В.Г. Иуды. (Власовцы на службе фашизма) // Военно-исторический журнал. 1990. № 6.

Катусев А.Ф., Оппок В.Г. Движение, которого не было // Военно-исторический журнал. 1991. № 4, 7, 9, 12.

К биографии А.А. Власова // С народом за народ (Мюнхен). 1964. № 4.

Киселев А. Облик генерала Власова. Нью-Йорк, 1977.

Китаев М. Материалы к истории Освободительного движения народов России. (1941–1945). Лондон (Канада): изд-во СБОНР, 1970.

Китаев М. Как это началось // Архив РОА (Нью-Йорк), 1970.

Клятвопреступники. Неотвратимое возмездие / Ред. Н.Ф. Чистяков и М.Е. Карышев. М., 1973.

Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. В 2 тт. Париж, 1971.

Кожин В. Россия: Век XX. Опыт беспристрастного исследования. Кн. 1. 1901–1939; Кн. 2. 1939–1964. М.: Алгоритм, 1999.

Коломацкий М. Портрет капитана Зыкова // Голос народа. СБОНР (Мюнхен). 1953. 1 мая (№ 118).

Колесник А.Н. Генерал Власов — предатель или герой? М., 1991.

Колесник А.Н. РОА — Власовская армия. Харьков, 1990.

Константинов Д. Через туннель XX столетия. М., 1977.

Константинов Д. Записки военного священника // Новый часовой. 1994. № 1.

Коняев Н.М. Судьба генерала // Подъем (Воронеж). 1995. № 1-2.

Коняев Н.М. Люди против нелюди. Исторические и историко-литературные очерки. М., 1999.

Коняев Н.М. Два лица генерала Власова. Жизнь, судьба, легенды. М.: Вече, 2001.

Коровников И.Т. На трех фронтах. М., 1974.

Коффман И. История власовской армии. Париж, 1990.

Краснов Н. Незабываемое. Сан-Франциско, 1957.

Кромиади К.Е. А.А. Власов и церковь. Германия: Милосердный самарянин, 1954.

Крутилин С. Апраксин Бор. М., 1984.

Лампе А.А. фон. Пути верных. Сборник статей. Париж, 1960.

Левин И. Генерал Власов поту и эту сторону линии фронта // Звезда. 1995. № 6.

Левитин-Краснов А.Э. Лихие годы. 1925-1941. Париж, 1977.

Левин И. Записки военного переводчика. М., 1986.

Материалы по истории Русского освободительного движения. Ч. 1, 2 // Под ред. А.В. О कोरोкова. М., 1997-1998.

Материалы к истории Освободительного движения народов России. 1941-1945. СБОНР. Лондон (Канада), 1970.

Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930.

Мерецков К.А. На волховских рубежах // Военно-исторический журнал. 1965. № 1.

Мерецков К.А. На службе народу. М., 1983.

Мелетий Александрович Зыков // Новый журнал (Нью-Йорк). 1971. № 103.

Накануне. 1931-1939. Как мир был ввергнут в войну. Краткая история в документах, воспоминаниях, комментариях. М.: Политиздат, 1991.

Науменко В. Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах. 1945-1947. Нью-Йорк, 1970.

На Волховском фронте. 1941-1944. // Ред. А.И. Бабин. М.: Наука, 1982.

На берегах Волхова. Сборник / Сост. А.Е. Федорчук. Л., 1967.

На Волховском фронте. Сборник / Сост. Д.К. Жеребов. Л., 1978.

Неймирок А.Н. Дороги и встречи. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984.

Николаевский Б.И. О новой и старой эмиграции // Социалистический вестник. 26.01.1948; 28.01.1948. Новосильцев И. Андрей Андреевич Власов // Новый журнал (Нью-Йорк). 1977. № 129.

Новое в подготовке войск. Сборник. Киев, 1940.

Огин П., Король Б. Командир передовой дивизии // Красная звезда. 09.10.1940.

Освобождение Новгорода: 25 лет. Сборник. М., 1969.

- Осмыслить культ Сталина. Сборник статей. М.: Прогресс, 1989.
- Осокин В. Андрей Андреевич Власов. Краткая биография. Изд-во школы пропагандистов Русской освободительной армии. Август 1944; Нью-Йорк, 1966 (переиздание).
- Палий П.Н. От серпа и молота к Андреевскому знамени // Архив РОА. Материалы по истории РОД. Вып. 3. М., 1998.
- Пальчиков П.А. История генерала Власова // Новая и новейшая история. 1993. № 2.
- Плющов Б. Генерал Мальцев. Сан-Франциско: изд. СБОНР, 1982.
- Поздняков В.В. Андрей Андреевич Власов. Сиракузы (США): 1973.
- Поздняков В.В. Рождение РОА. Сиракузы (США): 1972.
- Поздняков В.В. Мелетий Александрович Зыков // Новый журнал (Нью-Йорк). 1971. № 103.
- Показания маршала Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 8, 9.
- Полторацкий Н.П. Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972.
- По путям-дорогам фронтовым. Сборник / Сост. П. Белан, Н. Колоточник. Алма-Ата, 1965.
- Пэрн Лэмоит. В вихре военных лет. Таллин, 1976.
- Рапопорт В., Алексеев Ю. Изменародине. Лондон, 1989.
- Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М.: Политиздат, 1991.
- Решин Л.Е., Степанов В.С. Судьбы генеральские // Военно-исторический журнал. 1992. № 10-12; 1993. № 1-3, 5-8, 10-12.
- Рождение РОА. Сиракузы (США): 1972.
- Самойлов Е.М. Суд над предателями / Ред. Л.Н. Смирнов, В.В. Куликов и Б.С. Никифоров. М., 1974. Самсонов А. Великая битва под Москвой. М., 1958.
- Сандалов Л.М. На Московском направлении. М.: Наука, 1970.
- Свердлов Ф. Советские генералы в плену. М.: Холокост, 1999.
- Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. Краткая хроника. М., 1970. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 1-2. Париж: YMCA-PRESS, 1973.
- Справка о проверке обвинений // Военные архивы России. Вып 1. 1993.
- Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996.
- СССР в Великой Отечественной войне. М., 1976.
- Стеенберг С. Власов / Пер. с нем. И. Сабуровой. Мельбурн: Русский дом, 1974.
- Сувениров О.Ф. Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории. 1991. № 6. Тельнов Я. А.А. Власов на Северо-Западе оккупированной России // Новый журнал (Нью-Йорк). 1984. № 157.
- Типпельскирх К. История Второй мировой войны / Пер. с нем. М., 1956.

Титов Ф. Дело Власова и других. На страже социалистической законности / Ред. Н.Ф. Чистяков. М., 1968.

Тишков А.В. Предатель перед советским судом // Советское государство и право. 1973. № 2.

Токарев К. Приговор. Из записок военного корреспондента 2-й Ударной армии // Комсомольская правда. 03.10.1988.

Толстой-Милославский Н. Жертвы Ялты. Париж, 1988.

Трагедия Мясного бора. Сборник воспоминаний участников и очевидцев Любаньской операции. СПб., 2010.

Ты у меня одна / Публикация Н. Перемышленниковой // Источник. 1998. № 4.

Филатов В. Сколько было лиц у генерала Власова // Молодая гвардия. 1995. № 4–8. Власовщина РОА: белые пятна. М., 2005.

Фоминых Е. Как был пойман предатель Власов // Известия. 07.10.1952.

Финкельштейн Ю. Свидетели обвинения: Тухачевский, Власов и другие. Проклятые генералы. СПб.; Нью-Йорк, 2001.

Фрелих С. Русские и немцы между Сталиным и Гитлером. Кельн, 1990.

Хозин М.С. Об одной малоисследованной операции // Военно-исторический журнал. 1966. № 2. Хоффманн Й. История власовской армии. Париж: YMCA-PRESS, 1990.

Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997.

Черчилль У. Вторая мировая война. Ростов-на-Дону, 1997.

Цуганов Юрий. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001.

Цунц М. В огне четырех войн. М., 1972.

Шелленберг В. Мемуары. Минск, 1998.

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 2. М., 1990.

Штифанов Н. Дабендорф // Новое русское слово. 18.02.1974.

Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера / Пер. с нем. и англ. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1975.

Эренбург И. Перед весной // Красная звезда. 11.03.1942.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь. (Любое собр. соч.).

Якушев М.И. Как я выкрал генерала Власова // Аргументы и факты. 1996. № 19.

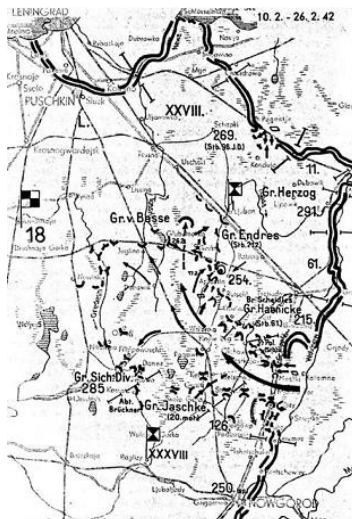
Фото

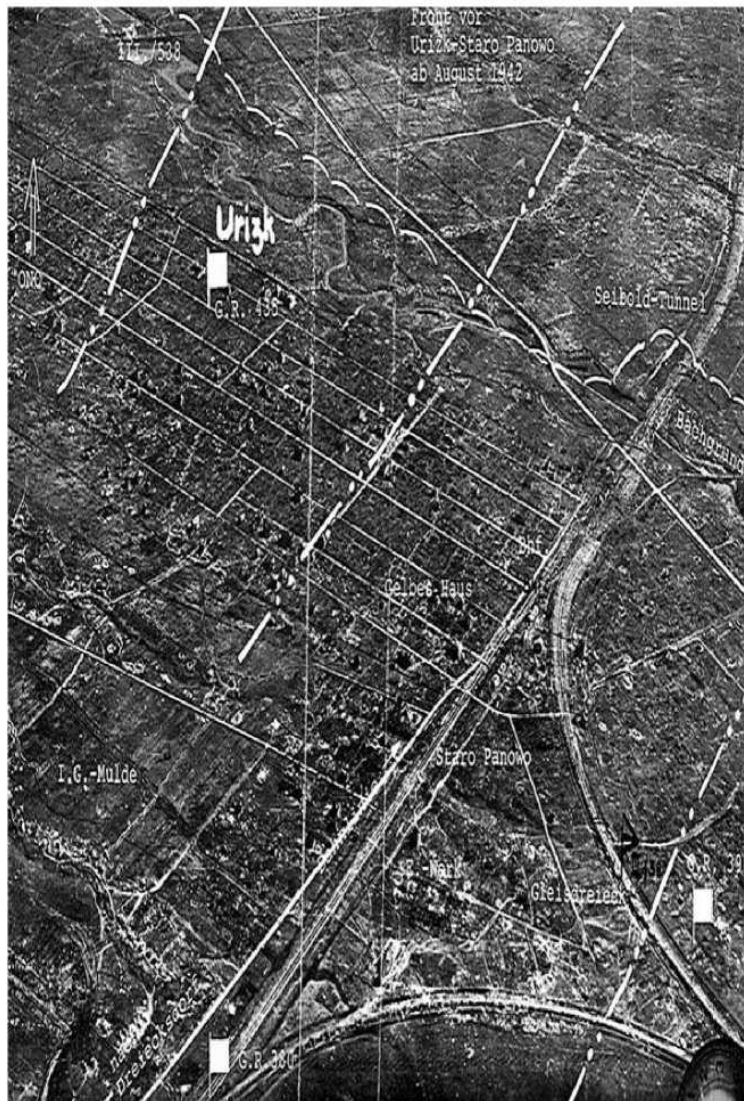

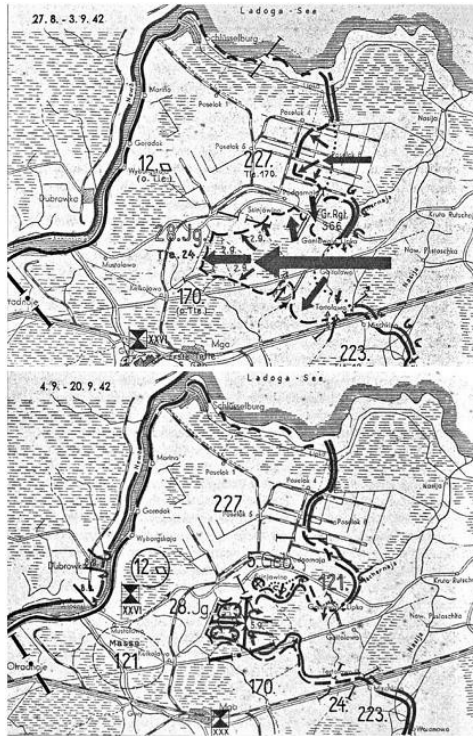

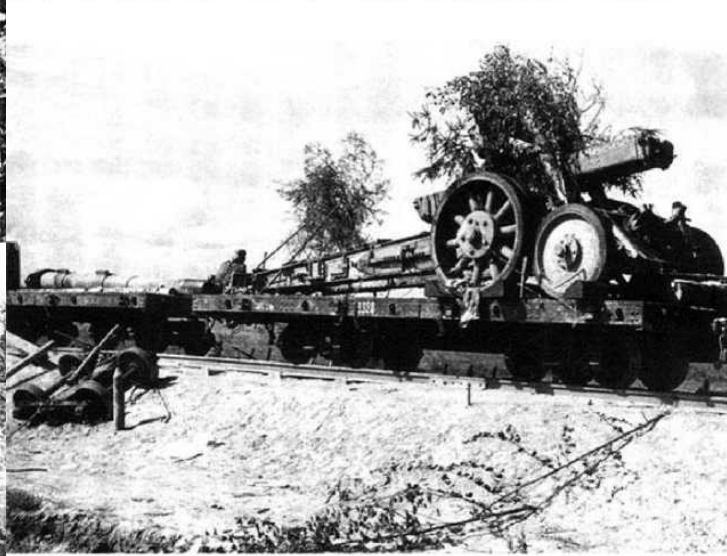

Der Wolchowkessel

Der Wolchowkessel

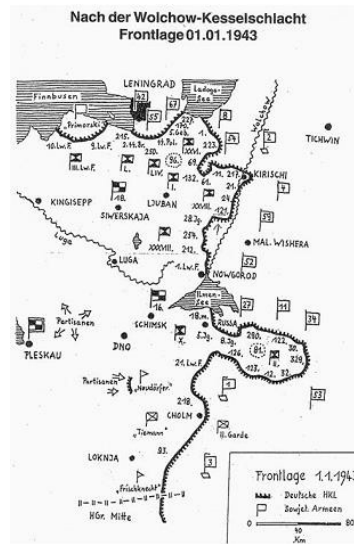
Deutsche HKL Januar 1942
Deutsche Divisionen
sowj. Angriffe
weitestes Vordringen
der 2. Sloss-Armee
Deutsche Gegenangriffe
Deutsche HKL
Juni 1942

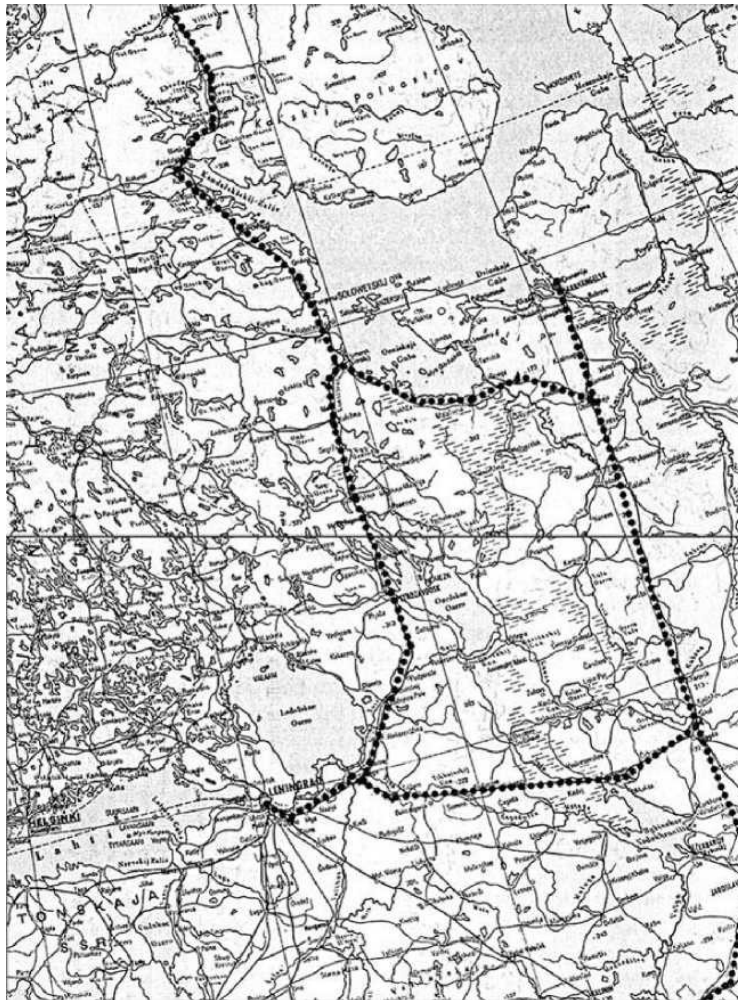
POGOSTJE
WINJAGOLOWO
KONDUZA
POSSADNIKOW
OSTROW
KIRISCHI
DUBOWIK
KORODYNJA
KJABOWO
LUTBAN
KRASSNOJE GORKA
DUBOWIK
KRIWINO
TSCUDOWO
GRUSINO
DIMNO
SPASSKAZJA POLIST
MOSTKI
MZASNY BOR
DUBROWKA
FINEW LUG
GLUCHAJA KERES
WOLCHOW

12 Divisionen
21. Division
25. Division
26. Division
27. Division
28. Division
29. Division
30. Division
31. Division
32. Division
33. Division
34. Division
35. Division
36. Division
37. Division
38. Division
39. Division
40. Division
41. Division
42. Division
43. Division
44. Division
45. Division
46. Division
47. Division
48. Division
49. Division
50. Division
51. Division
52. Division
53. Division
54. Division
55. Division
56. Division
57. Division
58. Division
59. Division
60. Division
61. Division
62. Division
63. Division
64. Division
65. Division
66. Division
67. Division
68. Division
69. Division
70. Division
71. Division
72. Division
73. Division
74. Division
75. Division
76. Division
77. Division
78. Division
79. Division
80. Division
81. Division
82. Division
83. Division
84. Division
85. Division
86. Division
87. Division
88. Division
89. Division
90. Division
91. Division
92. Division
93. Division
94. Division
95. Division
96. Division
97. Division
98. Division
99. Division
100. Division

2. Sloss-Armee
1. Sloss-Armee
3. Sloss-Armee
4. Sloss-Armee
5. Sloss-Armee
6. Sloss-Armee
7. Sloss-Armee
8. Sloss-Armee
9. Sloss-Armee
10. Sloss-Armee
11. Sloss-Armee
12. Sloss-Armee
13. Sloss-Armee
14. Sloss-Armee
15. Sloss-Armee
16. Sloss-Armee
17. Sloss-Armee
18. Sloss-Armee
19. Sloss-Armee
20. Sloss-Armee
21. Sloss-Armee
22. Sloss-Armee
23. Sloss-Armee
24. Sloss-Armee
25. Sloss-Armee
26. Sloss-Armee
27. Sloss-Armee
28. Sloss-Armee
29. Sloss-Armee
30. Sloss-Armee
31. Sloss-Armee
32. Sloss-Armee
33. Sloss-Armee
34. Sloss-Armee
35. Sloss-Armee
36. Sloss-Armee
37. Sloss-Armee
38. Sloss-Armee
39. Sloss-Armee
40. Sloss-Armee
41. Sloss-Armee
42. Sloss-Armee
43. Sloss-Armee
44. Sloss-Armee
45. Sloss-Armee
46. Sloss-Armee
47. Sloss-Armee
48. Sloss-Armee
49. Sloss-Armee
50. Sloss-Armee
51. Sloss-Armee
52. Sloss-Armee
53. Sloss-Armee
54. Sloss-Armee
55. Sloss-Armee
56. Sloss-Armee
57. Sloss-Armee
58. Sloss-Armee
59. Sloss-Armee
60. Sloss-Armee
61. Sloss-Armee
62. Sloss-Armee
63. Sloss-Armee
64. Sloss-Armee
65. Sloss-Armee
66. Sloss-Armee
67. Sloss-Armee
68. Sloss-Armee
69. Sloss-Armee
70. Sloss-Armee
71. Sloss-Armee
72. Sloss-Armee
73. Sloss-Armee
74. Sloss-Armee
75. Sloss-Armee
76. Sloss-Armee
77. Sloss-Armee
78. Sloss-Armee
79. Sloss-Armee
80. Sloss-Armee
81. Sloss-Armee
82. Sloss-Armee
83. Sloss-Armee
84. Sloss-Armee
85. Sloss-Armee
86. Sloss-Armee
87. Sloss-Armee
88. Sloss-Armee
89. Sloss-Armee
90. Sloss-Armee
91. Sloss-Armee
92. Sloss-Armee
93. Sloss-Armee
94. Sloss-Armee
95. Sloss-Armee
96. Sloss-Armee
97. Sloss-Armee
98. Sloss-Armee
99. Sloss-Armee
100. Sloss-Armee

0 10 20 30
km

Примечания

1

Андрей Владимирович Власов был единственным в Ломакино портным.

2

В письмах, которые будут приведены в нашей книге, мы исправили орфографические и пунктуационные ошибки, поскольку они затрудняют чтение. В авторской орфографии письма А.А. Власова воспроизведены в публикации к. ист. н. Натальи Перемышленниковой (Источник, 1998, № 4).

3

Автор очерка — личный секретарь Власова, поручик РОА В. Осокин.

4

Протоиерей Александр Киселев. Облик генерала А.А. Власова. Записки военного священника. Второе дополненное издание. Нью-Йорк, 1977. С. 45.

5

В эвакуацию А.М. Власова попала на станцию «Сорочинская», Чкаловской (Оренбургской) области, и в Горьковскую область ее удалось перевезти только в 1942 г.

6

Ульяна, как ее назовет Власов в своем письме к жене.

7

Не то, что жена. Анна Михайловна Власова, как мы уже говорили, была человеком весьма твердых устоев и, когда она узнала о взыскании алиментов с мужа, произошла ссора, принявшая весьма затяжной характер. Как видно из переписки, и в 1941 году, и в 1942 году Власов вынужден был снова и снова доказывать жене, что прекратил всякие отношения с Юлией Осадчей. И тут он, отметим это, забегаю вперед, несколько не лгал. У него тогда, действительно, не было никаких отношений с Юлией, поскольку он был увлечен романом вначале с А.П. Подмазенко, а потом с М.И. Вороновой.

8

Ряд современных историков полагает, что компрометация Тухачевского была работой самих немцев, и всю операцию разработали в ведомстве Канариса. Однако неопровержимых доказательств этому нет.

9

Виктор Филатов. Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2005. С. 115–116.

10

А.А. Власов никогда не был руководителем группы военных советников.

11

Любопытно отметить тут, что А.А. Власов родился в весьма примечательном краю. Мы вспоминали об имениях Василия Александровича Пашкова и Антона Генриха Жомени, расположенных в ближайшем соседстве с Ломакино. Но тут же и Григорово — родина протопопы Аввакума, не так уж и далеко — Дивеево, Болдино — так много говорящие русскому сердцу названия.

12

Еще одно любопытное совпадение. Власов начинал войну, командуя мех. корпусом. В конце войны, для пленения Власова тоже будет послан мех. корпус.

13

31 августа 1941 года по распоряжению А.А. Власова полевым управлением 37-й армии Анне Михайловне Власовой была послано удостоверение, что она, действительно, является женой командующего 37-й армией, генерал-майора Власова.

14

Полностью показания А.П. Подмазенко смотри в Приложении к этой книге.

15

Поразительно, но Власов сохранил партбилет и в немецком плену. Из протокола обыска, проведенного 13 мая 1945 года в отделе контрразведки «СМЕРШ» 13-й армии явствует, что у Власова в числе прочих документов был изъят партийный билет члена ВКП(б) № 2123998.

16

Если судить по сохранившимся письмам Власова, он дважды был «удостоен счастья видеть самого большого в мире человека» — 11 февраля и 8 марта 1942 года. Поэтому эпизод с ноябрьской встречей представляется вымыслом. Кроме того, судя по «Журналу посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете», 10 ноября у Сталина вообще не было приема. Не значится фамилия Власова и в другие, за исключением 11 февраля и 8 марта 1942 года, дни.

17

Мария Романовна Чижма, знакомая А.П. Подмазенко, жила в Москве в Чудовом переулке.

18

Таня и Коля — родственники Анны Михайловны Власовой, проживавшие в Москве в Теплом переулке.

19

«О том, что Власов попал в окружение противника, я узнала из письма работника полевой почты № 1550 Затравкиной, по лученного мною в декабре 1942 года. В этом письме Затравкина сообщила, что Власов уже 6 месяцев находится в окружении противника, и что адресованные ему письма направляются на базу III IC № 64», — показывала А.П. Подмазенко на допросе.

20

Власов имеет ввиду совещание у Сталина 8 марта 1942 года, на котором он присутствовал с К.Е. Ворошиловым, В.М. Молотовым, Л.П. Берией, Г.М. Маленковым, Б.М. Шапошниковым, А.М. Василевским, П.Ф. Жигаревым, А.М. Новиковым, А.Е. Головановым.

21

Признаемся, что и мы, хотя и располагаем большей, чем Агнесса Павловна Подмазенко, информацией, тоже не можем понять, как же все-таки собирался устроить свою семью после войны Андрей Андреевич Власов.

22

Апологеты генерала Власова, основываясь на сводке Совинформбюро от 13 декабря 1941 года и интервью, которое Власов дал 16 декабря 1941 года, пытаются опровергнуть свидетельство начальника Штаба 20-й армии генерал-майора Л.М. Сандалова. Ссылаются они при этом и на приказы, подписанные Власовым, забывая, правда, уточнить, что приказы эти датированы второй половиной декабря 1941 года и началом 1942 года.

23

Она именовалась «наступательной армейской операцией в зимних условиях по принципам теории глубокой операции».

24

Справа от 20-й армии наступала 16-я армия генерала К. Рокоссовского, слева — 5-я армия генерала Л. Говорова.

25

После войны, будучи начальником штаба Московского военного округа, генерал-полковник Л.М. Сандалов попал в авиакатастрофу и повредил позвоночник. В инвалидной коляске он работал над книгами: «Погорело-Городищенская операция», «Трудные рубежи», «Пережитое», «На Московском направлении», вспоминая дни войны. Отметим попутно, что сам Власов, если судить по его письмам и по показаниям его адъютанта майора Кузина, Сандалова уважал: «Власов, работая в 20-й армии, считался, уважал и хорошо отзывался, как о военном работнике, только о начальнике Штаба армии генерал-майоре Сандалове».

26

«Представь себе, — писал 15 января 1942 года А.А. Власов своей законной супруге, — я получаю со всех концов необъятного нашего дорогого Отечества посылки на свое имя. Люди, зная меня, только по газетам шлют нам продукты, теплые вещи и вообще крепко заботятся о нас. Вот, например, вчера мне из Пензы рабочие прислали лично: часы ручные и на них надпись мне, теплые вещи и даже яблоки и вино».

27

Виктор Филатов. Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2005. С. 33-34.

28

А.И. Микоян писал, что «И.С. Сталин за время войны не участвовал ни в заседаниях Оргбюро, ни Секретариата». Заседания Политбюро ЦК ВКП(б) совмещалось с заседаниями ГКО (Государственный комитет обороны).

29

Тогда, в декабре 1940 года произошла его первая встреча с Власовым. Андрей Андреевич был его содокладчиком на совещании, посвященным учебным задачам перед Вооруженными силами в 1941 году.

30

Обвинялся К.А. Мерецков по статье 58, пункты 1 «б», 7, 8, 11 УК РСФСР.

31

Архивно-следственное дело № 981697 в отношении Мерецкова уничтожено 25 января 1955 года на основании указания ЦК КПСС и распоряжения председателя КГБ при СМ СССР И.А. Серова, вследствие подробности этого дела неизвестны.

32

Генерал-полковник Локтионов Александр Дмитриевич, зам. наркома обороны СССР и командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа, был расстрелян без суда 28 октября 1941 года в городе Куйбышеве.

33

Герасимов П. Для советских солдат не было непреодолимых преград. «Военно-исторический журнал», 1967, № 7.

34

Дягтерев Г.Е. Таран и щит. М., 1966. С. 144; Егоров П.Я. Маршал Мерецков. М., 1974. С. 118.

Майор Константин Антонович Токарев с начала зимы 41-го года был комиссаром лыжного батальона «Дар Валдая». Затем после ранения и контузии — спецкором «Фронтowej правды», а потом и «Красной звезды». Как он попал в биографы генерала Власова, неизвестно, но биограф из него получился весьма специфический. Как сообщила «Комсомольская правда», в 1962 году Токарев побывал в Долине смерти, и здесь «ему удалось разыскать в дупле старого дуба схороненную во время выхода из окружения свою брезентовую сумку — там были дневники и записи из 42-го». Записи эти, очевидно, предназначались для книги «Сталинский полководец», но сгодились они и для перестроечного времени. Есть в записках Токарева и прямой компромат на генерала: «Незадолго до бегства к немцам Власов отпросился на побывку — на родину, в село Ломакино, и отвез туда памятник отцу. Из гранита был изваян бюст бородатого и лобастого мужика с крестом на шее — тот был церковным старостой, кулаком и эсером. «Отцу — от сына» — гласила надпись на надгробье. Эсеровскую закваску Власов глубоко прятал все годы своей карьеры. Ради нее, будучи военным советником у Чан Кайши, он «разработал» тому рапорт на его соперников, за что удостоился похвалы и ордена Золотого Дракона. Товарищи по группе советников исключили его за это из партии, но московские доброжелатели сделали все, чтобы замять дело»... Присутствуют в записках Токарева и психологические изыски, и исторические обобщения: «В бору под деревней Щелковка, где горбились штабные блиндажи и землянки, еще залитые весенней водой, я навел в избе члена Военного Совета И.В. Зуева. Он рекомендовал Власова на должность командарма, и теперь на него свалилась вся тяжесть ответственности за пропавшего генерала. В генеральской избе я нашел свою „зачитанную“ Власовым работу „Грозный и Курбский“ (до войны я занимался историей, был аспирантом Ленинградского университета) с множеством его замечаний, из которых понял, что первого он ненавидел за „опрочину“, а перед вторым преклонялся, как перед историком. Такие же заметки оказались и в старинном издании „Сказаний“ князя Курбского с предисловием издателя — историка Устрялова...». Ну, а завершаются «записки» Токарева фантастическим повествованием о том, что якобы Токареву, как бывшему биографу Власова, разрешили присутствовать при его допросах в Москве, и Токарев не раз разговаривал с ним и на Лубянке. Впрочем, никаких откровений генерала Токарев не сообщает, говорит только, что сокамерники генерала завистливо удивлялись — как это удалось ему выпросить двойную норму питания».

36

Как утверждал зондерфюрер Ф. Тондорф, присутствовавший при допросе Власовау генерал-полковника Линдемана, Власов рассказывал о своем плане прорыва 2-й Ударной армии из окружения и этот момент и запечатлен на известной фотографии. Однако никаких упоминаний об этом плане в протоколе допроса нет.

37

Гитлер пришел к убеждению, что Франц Гальдер «не соответствует тем психологическим требованиям, которые предъявляет занимаемое им положение». После покушения на Гитлера, предпринятого 20 июля 1944 года, Гальдер был заключен в концлагерь Дахау. Освободили его американцы 28 апреля 1945 года.

38

Расшифровка и реконструкция их осуществлена А. Бахваловым.

39

В газете «Новое слово» (Берлин, 19 июля 1942 года) эта версия излагалась так: «Офицер арестовал неизвестного. Последний был одет в длинную блузу, которую обычно носят чины советского командного состава. Германский офицер сразу узнал Власова по роговым очкам, но тот, не дожидаясь вопроса, на ломанном немецком языке сказал:- Не стреляйте! Я — генерал Власов».

40

Журнал «Посев» (№ 7, 2002), традиционно трактующий фигуру Власова исключительно в жанре «антисталинского протеста 1939-1945 гг.», это мое предположение с негодованием отвергает. «25-26 июня

вместе с Власовым искали спасения около 50 человек. Есть сведения, что днем 25 июня командарм, потрясенный бессмысленной гибелью армии, впал в шок и находился в таком состоянии несколько суток. Однако „сенсационные“ утверждения Н.М. Коняева, что Власов вместе с поваром М.И. Вороновой в период с 27 июня по 12 июля якобы прятался на безвестном КП с запасом продуктов, — не более чем фантазия». Насчет фантазии мы поговорим, а вот обвинение в сенсационности надо снять сразу. Какая же это сенсационность, если об этом было сказано по немецкому радио еще 14 июля 1942 года. Об этом Л.П. Берия докладывал И.В. Сталину. Помните: «14 июля германское радиовещание в сводке Верховного командования передало, что во время очистки недавнего волховского котла обнаружен в своем убежище и взят в плен командующий 2-й Ударной армией генерал-лейтенант Власов». Обратим здесь внимание на слова про «свое убежище». Едва ли дом старосты в деревне Туховежи мог быть «своим убежищем» для генерала Власова. Теперь о фантазии... К этому жанру могут быть отнесены основанные на поверхностном знании материала попытки насильственной героизации А.А. Власова, предпринятые на страницах журнала «Посев». Чего стоит, например, высосанная из пальца душеспасительная история о том, как Андрей Андреевич Власов отдал зябнущему от потери крови начальнику штаба Виноградову «собственную шинель с генеральскими знаками различия», в которой 11 июля и был обнаружен труп Виноградова патрулем капитана фон Шверднера из 38-го армейского корпуса, принявшим его по этой причине за Власова! Между тем, если бы начинающий историк потрудился хотя бы бегло ознакомиться с биографией начальника штаба 2-й Ударной армии, он мог бы выяснить, что Виноградов не только много месяцев занимал генеральскую должность, но и был произведен в генерал-майоры, правда, когда армия уже находилась в окружении. Так, что генеральская шинель у него имелась своя собственная.

41

Как начинающий историк (журнал «Посев» № 7, 2002) умудрился вычитать из этих показаний, что «Котов и Погибко, вероятно, повели Виноградова в деревню Ям-Тесово, надеясь оказать ему помощь, но от потери крови начальник штаба скончался. Судьба Котова и Погибко осталась неизвестной, а труп Виноградова в шинели Власова был обнаружен 11 июля.» — неведомо. Ведь Воронова-то определенно говорит, что Погибко пошел в деревню с раненым бойцом Котовым.

Как она могла не заметить вместе с ними раненого генерала Виноградова?

42

«Самоохова» (белорус.) — самооборона.

43

Свои показания Мария Игнатьевна Воронова давала 21 сентября 1945 года в Барановичах, куда вернулась из Германии.

44

Кстати сказать, на фотографии, сделанной в деревне Туховежи 12 июля 1942 года, Андрей Андреевич Власов сидит уже в своих очках. Где он интересно сумел раздобыть их, если все эти недели блуждал по болотам?

45

Власов не позабыл основ духовных знаний, полученных им в училище. Рассказывают, что, задумавшись, он начинал напевать что-нибудь церковное. А протоирей Александр Киселев вспоминал, как Власов вызвался стать крестным отцом ребенка полковника Сахарова. — Я привык к тому, что крестные родители ничего не знают... — рассказывал отец Александр, — и принялся читать «Верую», как это делал обычно, чтобы Власов мог повторять слова следом за мною. Каково же было мое удивление, когда этот советский генерал от начала до конца самостоятельно пропел все «Верую».

46

Запись допроса Власова немцами 15 июля 1942 года — см. в Приложении к настоящей книге.

47

Такое ощущение, что именно эти указания Адольфа Гитлера и реализовывало правительство Бориса Ельцина в 1990-е годы...

48

Oberkommando der Heeres — Верховный штаб сухопутных сил.

49

Oberkommando der Wehrmacht — Верховное командование Вооруженных сил Германии.

50

Fremde Heere Ost — Отдел Генерального штаба Иноземных войск Востока.

51

Точь-в-точь, как наши нынешние борцы с «русским фашизмом».

52

Нет нужды рассказывать, каким ужасающим было положение русских военнопленных в немецких концлагерях. Считается, что зимой 1941/42 года их умерло от 80 до 90 процентов.

53

Sowjetunion — Советский Союз.

54

Цезарь Самойлович Вольпе (1904-1941) — первый муж Лидии Корнеевны Чуковской, специалист по творчеству В. Жуковского, сотрудник журнала «Звезда».

55

Михаил Китаев, один из будущих сотрудников Зыкова по газете «Заря», утверждал, что Власов ненавидел Зыкова. Однако другие власовцы утверждают, что между Власовым и Зыковым была настоящая дружба.

56

Wehrmahts Propaganda — Отдел пропаганды Верховного командования Вооруженных сил.

57

«Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему Русскому народу и другим народам Советского Союза» целиком приведено в Приложении к нашей книге.

58

Капитан Николай фон Гроте, сотрудник Отдела армейской пропаганды («Вермахт пропаганда»), много сделавший для продвижения А.А. Власова в фашистской Германии.

59

Некоторые исследователи считают, что Розенберг был евреем.

60

«Смоленское воззвание» было составлено и подписано в Дабендорфе.

61

Целиком письмо приведено в Приложении к книге.

62

Может быть, если бы Екатерина Андреева лучше знала русский язык, она употребила бы вместо «стоящих перед страной» возможностей, «открывающиеся». Но так получилось даже глубже. Во всяком случае, в рамках общерусского спора.

63

Василий Федорович Малышкин, генерал-майор РККА. Попал в плен под Вязьмой будучи начальником штаба 19-й армии. Назвался рядовым Володиным и был отправлен в лагерь, где его опознали. В январе 1942 года переведен в лагерь Фюрстенберг на Одере, и в апреле зачислен на курсы пропагандистов. В июле назначен помощником начальника курсов барона Г. Фон де Роппа. После встречи в конце 1942 года с В.К. Штрик-Штрикфельдом переведен в Берлин в отдел пропаганды Верховного командования Вооруженных сил Германии (ОКВ), где и

познакомился с А.А. Власовым. Участвовал в редактировании газеты «Заря».

64

Виктор Филатов. Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2005. С. 20–21.

65

Виктор Филатов. Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2005. С. 23–26.

66

Виктор Филатов. Власовщина. РОА: белые пятна. С. 35.

67

Виктор Филатов. Власовщина. РОА: белые пятна. М., 2005. С. 37–38.

68

Там же. С. 52.

69

Надо сказать, что немцы, как и советский агитпроп, на протяжении всей войны преднамеренно путали с РОА казаков Паннвица, корпус СС «Варяг» с Балкан, украинцев из УПА, абсолютно безосновательно объединяя их вокруг А.А. Власова.

70

Полностью стенограмма приведена в Приложении в конце книги.

71

Поскольку еще в начале лета 1943 года власовское движение по приказу Гитлера было переориентировано исключительно на пропаганду, Дабендорфский лагерь переименовали в «школу пропагандистов». Здесь проводилось обучение будущих инспекторов лагерей военнопленных. Лагерь подчинялся отделу «Вермахт пропаганда» и числился там, как батальон. Командиром его был назначен капитан Вильфрид Штрик-Штрикфельдт, заместителем — ротмистр Эдуард Деллингсхаузен. Ну, а саму школу в Дабендорфе вначале возглавлял генерал Благовещенский, затем — генерал Трухин. На каждом курсе училось две-три тысячи слушателей. Курс длился от трех до четырех месяцев. Форму носили такую же, как немцы, но погоны были пошире. Еще отличались курсанты русскими — белый, синий и красный — цветами кокарды царского времени. На рукаве у них красовались крупные буквы — РОА... Каждый курс в Дабендорфе завершался парадом. Принимал парад Власов. Генерал Трухин подходил с рапортом. Генерал Власов громоподобным басом поздравлял выпускников. 5000 курсантов прошло через школу Дабендорфа... Считается, что эти курсанты и стали ядром будущего Комитета освобождения народов России и Русской освободительной армии.

72

Кажется, что эти рассуждения о национальных меньшинствах и великорусском шовинизме исходят не из Восточного министерства гитлеровского рейха, а из отдела пропаганды большевистского ЦК ВКП(б).

73

Комбриг Михаил Васильевич Богданов попал в плен 10 августа 1941-го да под Уманью. Участвовал в работе Военно-исторического

кабинета полковника Захарова, обобщая сведения о боевых операциях Юго-Западного фронта в июле-августе 1941 года. С конца 1942 года назначен начальником учебной части Высшей русско-немецкой школы специалистов под Борисовым, готовившей квалифицированных работников тыловых служб вермахта.

74

В 1946 году М.В. Богданов был выведен из основного процесса и казнен отдельно от руководителей власовского движения.

75

«Вероятно, никогда историки не смогут точно установить, сколько россиян пошли бороться на стороне немцев против коммунизма, против ненавистной власти Сталина, — утверждают «Очерки к истории Освободительного движения народов России». — Уже тогда насчитывалось под ружьем 600 000 человек, то есть почти 50 дивизий. А сколько добровольцев было одиночным порядком или горсточками вкраплено в разные немецкие части, шоферами автомашин, кашеварами, механиками — осталось неизвестным. По общим подсчетам послевоенного времени, можно считать, что численность добровольцев достигала одного миллиона человек. Если к этой массе прибавить еще около миллиона, а может быть и больше «остовцев», годных к военной службе, и остальных, которые могли работать в тылу и служить в вспомогательных частях, то прав А.А. Власов, когда он бросил немцам: «Я вам дал 4 500 000 людей! Где они?».

76

Насколько велика была живучесть и практичность Жиленкова, можно судить по воспоминаниям В. Штрик-Штрикфельдта, видевшего генерала в американском плену...«Этот, некогда высокого ранга политический комиссар и генерал, вспомнил опыт своей жизни беспризорника и развил поразительную деятельность, в которой сочетались ловкость, находчивость, юмор и чисто русская человечность. Наша комната вскоре стала временами походить на сапожную или портняжную мастерскую. Материал и инструменты

Жиленков доставал у американцев легально или же, как он говорил, „с маленьким взломом“ кладовой, в которой американцы хранили постельные принадлежности, брезент и др. вещи».

77

Некоторые мемуаристы утверждают, что новая жена Зыкова была агентом гестапо. Другие считают ее участницей антифашистского подполья. Существует версия, что якобы Зыков поддерживал через жену контакты с представителями Драже Михайловича, и якобы был разработан план, согласно которому в конце войны части КОНРа объединяться с отрядами Михайловича и после падения Третьего рейха уйдут в горные районы Югославии.

78

Насчет миллионов не такое уж и преувеличение. «К моменту опубликования манифеста с этой стороны фронта в пределах, к тому времени уже очень урезанной с востока и запада Европы насчитывалось от 18 до 20 миллионов русских, — пишет генерал И.А. Поляков. — Это составляло свыше 10 % населения нашей страны, но политически удельный вес этой массы был неизмеримо большим. С этой стороны почти не было детей и людей старше 50 лет. И военнопленные, и привезенные на работу были или совсем молодыми людьми, или в начале так называемых средних лет. Беженцы были, как правило, более старших возрастов, но ни многодетные семьи, ни старые люди не могли двинуться в такую неизвестность, да и не могли уйти в такую даль. Если они и уходили от родных очагов, то еще до границы Советского Союза их настигал быстродвигающийся на запад фронт. Главную массу количественно составляли «остовцы». Их насчитывалось до 12 миллионов, в то время нередко цитировалась даже такая подробность, что 8 миллионов их занято в сельском хозяйстве и 4 миллиона в промышленности. До 5 миллионов считалось беженцев, несмотря на большую быстроту передвижения фронта, сумевших каким-то образом добраться до границ Германии и перейти через них. Следующей по численности была группа военнопленных, разделенная на рабочие команды, мало чем отличающиеся от остов. Около 800 тысяч было служащих в германской армии».

79

Сергей Михайлович Руднев. Известный хирург. Эмигрировал из СССР в начале 1920-х гг., после того, как отказался осматривать раненого Ленина. В начале войны руководил больницей в Берлине. После войны переехал в Южную Америку. Скончался в 1960-е годы.

80

Федор Парфенович Богатырчук. Родился 14 ноября 1892 года в Киеве. В возрасте 17 лет стал чемпионом Киева по шахматам. В 1927 году — чемпионом СССР. Закончил медицинский факультет Киевского университета Святого Владимира. Занимался рентгенологией костей и суставов, в 1940 году защитил диссертацию на степень доктора медицинских наук, стал профессором, возглавил Институт экспериментальной медицины. В 1943 году, будучи в командировке в Берлине, познакомился с генералом Власовым. В 1948 году эмигрировал в Канаду, стал преподавателем медицинского факультета Университета города Оттавы сначала в качестве лектора, а затем профессора рентгеновской анатомии.

81

Сравните эти слова с рассуждениями Павла Корчагина в романе Николая Островского «Как закалялась сталь»: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и, чтобы умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества». Переключка очевидная. В принципе, в отце Александре было много корчагинского, только, конечно, без большевистского сатанизма.

82

«Я использовал самые разнообразные кредиты, которые отпускались Министерством внутренних дел, Министерством иностранных дел и т. д. Ни от каких субсидий я не отказывался, даже

был использован белоэмигрантский фонд, состоявший из 24 ящиков золота и серебра. Этот фонд еще во времена врангелевщины русскими белогвардейцами был вывезен из Петрограда. Он находился долгое время в Сербии, немцы его там арестовали, и генералу Крейтеру было приказано вывезти фонд в Баварию в местечко Тагензее южнее Мюнхена. Золото это было из России, но больше там было серебра и, главным образом, все в ценных вещах», — показывал А.А. Власов на московском процессе летом 1946 года.

83

1 января 1944 г. пост этот назывался «генерал добровольческих подразделений».

84

Обо всем этом подробно рассказывается в истории власовского движения... Мы опишем историю буняченковского рейда, придерживаясь версии, изложенной в книге Екатерины Андреевой.

85

Как тут не вспомнить суждения бывшего офицера РОА А.Г. Алдана, который писал: «У нацистской верхушки, конечно, было основание не доверять русским. Они понимали, что Русское освободительное движение (РОД) и Русская освободительная армия (РОА) в одинаковой мере направлены как против большевизма, так и против нацизма. Через свою агентуру немцы знали о настроениях русских, они были осведомлены о спорах: кто враг № 1 — большевики или немцы? Очень многие антикоммунисты считали врагом № 1 немцев. «Бей немцев, а потом разберем что к чему». Все русские, то есть ОСТовцы и военнопленные, не то что не любили немцев, а ненавидели их острой ненавистью. Да и было за что. Эти люди на своей собственной спине убедились, что немцы никогда не могут быть друзьями русских».

86

Госпожа Биленберг добивалась после войны получения генеральской пенсии, но в этом ей было отказано, потому что хотя Власов и был генералом, но не был генералом немецкого Вермахта. Власов оставил ей порядочную сумму денег, но члены его окружения отобрали их у нее под предлогом, что деньги нужны для того, чтобы помочь Власову.

87

Другие русские части: 2-я дивизия КОНР, резервная бригада, летная часть, офицерская школа под командованием генерала Меандрова и казачьи соединения, которые находились в процессе формирования.

88

Сообщения пражского радио цитируются по работе Вацлава Ланды «Освобождение Чехословакии. 1939–1945 гг.». Прага, 2005.

89

Иожеф Сморковский вошел в историю так же, как лидер «Пражской весны» 1968 года.

90

В дальнейшем, эти одеяла трансформируются в ковер. Согласно одной из советских версий, Власова обнаружили завернутым в ковер на полу джипа. Биографы Власова эту версию отвергают, мотивируя тем, что, во-первых, на полу джипа слишком мало места для человека такого сложения, как у Власова; а во-вторых, навряд ли Власов, уже отвергший столько уговоров бежать и уйти в подполье, стал бы вдруг прятаться в последнюю минуту...Все верно. Но ведь это версия советского наблюдателя, человека, который видел, как привез капитан Якушев Власова в Штаб 25-го танкового корпуса. Если это было так, то привезти Власова — он ехал по местности, где бродили разрозненные

группы солдат власовской армии, — Якушев только так и мог, завернув в ковер, втиснув на пол джипа.

91

Возможно, это был комендант крепости Шлюссельбург капитан Ричард Е. Донахью, командир роты «Д» 37-го танкового батальона.

92

Справедливости ради, отметим, что немало было подложных свидетельств и противоположного свойства. К таковым по праву можно отнести свидетельства капитана К.А.Токарева, которому якобы, «как бывшему биографу Власова, разрешили присутствовать при его допросах в Москве». Токарев пишет, что разговаривал с генералом на Лубянке и неоднократно посещал Власова — полная фантастика! — в тюрьме. Понятно, что все это Токарев сам и придумал, но интересно, как он это придумал... Токарев пишет, например, что сокамерники завистливо удивлялись — как это удалось Власову выпросить двойную норму питания (а Власову, действительно, была назначена двойная норма) и приводит такой диалог Власова. — Мне голодно, я большой человек, — жаловался он надзирателям. — Не большой, а прожорливый, — отмахивались они. Их начальник распорядился выдавать двойную пайку — «чтоб не скулил перед судом».

93

Л.Е. Решин и В.С. Степанов говорят, что Ульрих объявил перерыв в 22 часа 50 минут до 12 часов 31 июля 1946 г.

94

В письмах исправлены орфографические и пунктуационные ошибки, поскольку они затрудняют чтение. В авторской орфографии письма А.А. Власова воспроизведены в публикации к. ист. н. Натальи Перемышленниковой «Ты у меня одна» (Источник. 1998. № 4).

95

DP (сокр. displaced persons) — «перемещенные лица».

96

СКВО — Северо-Кавказский военный округ.

97

Л.Е. Решин и В.С. Степанов датируют эту встречу 18 сентября // Военно-исторический журнал. 1993. № 1.